

MODERN HUMANITIES
SUCCESS/УСПЕХИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

№3, 2022 год

Подписано к публикации: 25.02.2022

Главный редактор журнала:

*доктор педагогических наук,
профессор*

Солопанова Ольга Юрьевна

**«Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук»
включен в список ВАК с
8.07.2019г., (Elibrary.ru).**

**Свидетельство о регистрации
СМИ:** Эл № ФС77-75120 от 19 фев-
раля 2019г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых ком-
муникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2618-7175 (online)
E-mail: info@mhs-journal.ru
Сайт: <http://mhs-journal.ru>

© Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук 2022

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абдуллаева Арзугуль Айюбовна (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат филологических наук, доцент
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, г. Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна (Кыргызстан, г. Нарын) – кандидат педагогических наук, доцент
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтяевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Вегвари Валентина Васильевна (Венгрия, г. Печ) – кандидат педагогических наук, доцент
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулебова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулдзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент
Касымова Рашида Таукеловна (Казахстан, г. Алматы) – доктор педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшервна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Новрузолиева Севда Джаид гызы (Азербайджан, г. Баку) – кандидат филологических наук
Нугуманова Людмила Николаевна (РТ, г. Казань) – доктор педагогических наук, доцент
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорочкова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Олджай Тюркан (Турция, г. Стамбул) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Раkitина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Тимофеева Анастасия Анатольевна (Чехия, г. Брно) – кандидат филологических наук
Тихомирова Евгения Ивановна (РФ, г. Самара) – доктор педагогических наук, профессор, академик
Российской академии Естественных наук, академик МАН
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шайденко Надежда Анатольевна (РФ, г. Тула) – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлев Евгений Владимирович (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Карпий С.В. МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС В СМИ ГОСУДАРСТВА С ОТЛОЖЕННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ СТАТУСОМ	7
Ерофеева Н.Е., Мальченко Т.В. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СИДНИ ОУЭНСОН В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ И САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «МОГАВКИ»	12
Гилева Е.В. ОБРАЗ МОНГОЛИИ В СОВЕТСКИХ СБОРНИКАХ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ	17
Олейников С.В., Ибраева Г.Ж., Лабуш Н.С., Никонов С.Б. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ОЧЕРЕДНОЙ РАУНД	22
Ковальчук И.Ю., Троценко Л.А., Никулина П.О. БРЕНД-ЖУРНАЛИСТИКА: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	27
Чжоу Цзыхань АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ ИМЁН ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»	34
Кумаев Д.М., Нурбагандова Л.А. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ РД)	40
Прокофьева И.О., Хафизова Д.Р. СУБЪЕКТ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ А.А. ФЕТА «КАЛЕНИК»	45
Габидуллина Ф.И. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ	48
Гязов И.В. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ	52
Половинкин А.Б. ПРОБЛЕМА «ЗАВИСИМОСТИ» В КОНТЕКСТЕ НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ДОННЫ ТАРТТ В РОМАНЕ «ЩЕГОЛ»	58
Шарипова А.С. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПЬЕСЕ МАНСУРА ГИЛЯЗОВА «ИСЭНМЕСЕЗ?!» («ЖИВЫ ЛИ ВЫ?!»)	62
Голтакова З.А. ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В БИЛИНГВАЛЬНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ЧЕЧЕНСКИХ ПОЛИТИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)	68
Олурин К.Э. ОЦЕНКА РОДНОГО ЯЗЫКА В НИГЕРИЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ	73

Карлина А.Н. ТРАДИЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОЛЬСТЕРСКОГО ВАРИАНТА ШОТЛАНДСКОГО ЯЗЫКА – КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР	81
Козьма М.П., Романова Л.Г. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ «БЛАГИЕ ЗНАМЕНЯ» Т. ПРАТЧЕТТА И Н. ГЕЙМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	86
Романов А.С., Бойко Б.Л. ДУАЛИЗМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОЕННОГО СОЦИУМА США В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА MILITARY-CIVILIAN GAP	90
Олурин К.Э. СИТУАЦИЯ С КРЕОЛЬСКИМ ЯЗЫКОМ В НИГЕРИИ	94
Стельмахова Л.А. СОЧИНЕНИЕ НРАВСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	101
Ян Дуо, Цао Сюань, Ван Жун К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В ПОЭЗИИ ЭПОХИ ТАН НА РУССКИЙ – НА ПРИМЕРАХ, ВЗЯТЫХ ИЗ СБОРНИКА «КИТАЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ (ЭПОХА ТАН)» Н.Т. ФЕДОРЕНКО	106
Гасанова У.У., Магомедгаббובה И.М. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ	111
Коростелева В.И. РОЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ	115
Ли Синьюй СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА СЧАСТЬЕ В СТИХАХ С.А. ЕСЕНИНА И ХАЙ ЦЗЫ	119
Паэгле Н.В. КОНЦЕПТ «ОБЩЕСТВО» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	125
Сулова Л.В. ВОСПРИЯТИЕ ПОЭЗИИ А. ФОН ШАМИССО РУССКИМИ И АНГЛОГОВОРЯЩИМИ ПЕРЕВОДЧИКАМИ	129
Схаляхо Е.Н. ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ДИЗАЙН ИНТЕРЬЕРА» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	133
Беляев А.Н. СПЕЦИФИКА ГИБРИДИЗАЦИИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	137

Кузьмина Е.К. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ	144
Ли Вэйхуа ИССЛЕДОВАНИЕ ПО МУЛЬТИМОДАЛЬНОМУ ПОСТРОЕНИЮ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ОСНОВАНИИ ОРИЕНТАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	150
Русанова М.А., Зиньковская А.В. ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	156
Хабибуллина Л.Ф. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ДРАМЕ Ш. ХУСАИНОВА «БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ МАТЕРИ»	162
Осинцева-Раевская Е.А. КОЛОРАТИВЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ КРАСНОГО ТОНА КАК РЕПРЕЗЕНТАТОРЫ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А.С. ПУШКИНА	167
Чжао Цзин РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТА «ДОБРО»: НА ПОДСТУПАХ К ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	172
Шнякина К.В. ОБРАЗНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОДЪЯЗЫКА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	178
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Васенков Н.В., Миннибаев Э.Ш., Семёнова М.Г., Сунгатуллин Р.И., Минебаев Н.К. ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА	182
Пашковская Н.Д., Разумовская Е.А., Киреева И.А. МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДА ТЕОРИИ РЕШЕНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ	185
Мурзина Е.В. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ УНИВЕРСИТЕТА	189
Лигай Д.А. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА	194
Денисов Д.А., Трусов В.Г., Захаров Ф.Е. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ-БОРЦОВ 18-20 ЛЕТ	198

Лукьянова А.В. РЕЗУЛЬТАТЫ PISA И ПОДГОТОВКА БУДУЩЕГО ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ ФИЗИКИ	201
Перекрестова С.В. И.Я. ГЕРД: КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕДАГОГА	206
Ярошенко Е.В., Гзирьян Р.В. ФОНОВАЯ ХОДЬБА НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ	217
Высок П.С., Рерке В.И. К ПРОБЛЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ СПОРТИВНОГО КРИЗИСА У ДЕВУШЕК ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА С РАЗНЫМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ	223
Сучков М.Г. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ РОССИИ	229
Бесов Е.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВОК ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ ВОЕННО- ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ	235
Гаврюшкин А.Н., Кутимский А.М. ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД	240
Савельева В.В. ПРИМЕНЕНИЕ ТРЕНАЖЕРНОГО КОМПЛЕКСА PULLEY TOWER КАК СРЕДСТВО ФИЗИЧЕСКОЙ РЕКРЕАЦИИ СПОРТСМЕНОВ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ, ЗАВЕРШИВШИХ СПОРТИВНУЮ КАРЬЕРУ	243
Юсупов И.Ю. ТРЕНИРОВОЧНЫЕ НАГРУЗКИ В СОРЕВНОВАТЕЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ПО ПОДГОТОВКЕ ЮНЫХ БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ И ДЛИННЫЕ ДИСТАНЦИИ	249
Попенова А.А., Седов И.А., Красильникова Ю.С., Антонова В.В. ЛЕЧЕБНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ УПРАЖНЕНИЙ С ТЕННИСНЫМ МЯЧОМ, КАК СРЕДСТВО КОРРЕКЦИИ ОСАНКИ И СКОЛИОЗА	255
Медведев Д.В., Бочаров А.В., Скляр В.М. АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ ОЗДОРОВЛЕНИЯ	259

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС В СМИ ГОСУДАРСТВА С ОТЛОЖЕННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ СТАТУСОМ

*Карпий С.В., кандидат филологических наук, доцент,
Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького,
Донецкая Народная Республика*

Аннотация: в контексте сохранения общественного здоровья, реализации иммунизации, а также профилактики и контроля заболеваний в статье на примере Донецкой Народной Республики, государства с отложенным политическим статусом, рассмотрены процессы, связанные с инфодемией и методы противодействия ложной информации в цифровой среде. В данной связи также обращается внимание на реализацию медицинского дискурса в традиционных и новых медиа. Предлагаются способы эффективного применения экспертным сообществом современного коммуникативного инструментария. Необходимость в этом спровоцирована эпидемической ситуацией, в первую очередь, порождающей тревожность и неопределённость в социуме, что преимущественно и становится поводом для манипуляции.

В работе аргументируется необходимость в системной медицинской коммуникации. Приводятся факты злоупотребления информационным вакуумом. Акцентируется внимание на важности соблюдения медико-санитарных правил. Затронуты основные причины подверженности населения к заражению COVID-19, возникновения социальных проблем, применяемые меры по контролю распространения инфекции, особенности предоставления медицинских услуг в условиях пандемии, принципы эффективности кампании по иммунизации и обеспечения доступа к вакцинам.

Ключевые слова: самоидентификация, медиа, инфодемиология, инфодемия, инфекция, иммунизация, COVID-19, SARS-CoV-2, медиакоммуникация, цифровизация, дискурс, манипуляция, фейк, дезинформация

Введение

В глобальном аспекте и, особенно, в условиях пандемии актуализируется вопрос развития медицинских медиакоммуникаций на доступных информационных площадках, в различных сферах и даже на междисциплинарном уровне с целью:

- распространения квалифицированных, специализированных, экспертных мнений, комментариев или рекомендаций;
- сохранения физического и психологического общественного здоровья;
- противодействия распространению паническим настроениям;
- контроля за соблюдением противоэпидемических правил;
- плановой реализации задач по вакцинации и ревакцинации населения;
- создания коллективного иммунитета;
- своевременного применения профилактических мер;
- повышения компетенций в медицинском обществе по проведению медиадискурса на различных информационных площадках в доступной массовому потребителю форме.

Непрерывный характер распространения новой коронавирусной инфекции в течение двухлетнего периода продемонстрировал мировой общественности возможный масштаб летальных случаев и степень угрозы инфодемии, доминирующей преимущественно в цифровой медиасреде. Порождение слухов и их распространение приобрело массовый и неконтролируемый характер при отсут-

ствии опровержения мифов в социальных медиа. Они, в свою очередь, посредством современных коммуникационных электронных площадок оказывают воздействие на сохранение здоровья отдельной личности, социальных групп, всего общества, а также – формирование убеждений, идей, оценок, мировоззрений, мнений аудитории, оказавшейся подверженной инфицированию SARS-CoV-2.

Недооценка значимости информационно-коммуникационных сервисов, важности медиадискурса и продвижения в различных коммуникационных каналах квалифицированной информации и научных обоснований привела к несвоевременности, прежде всего, эффективного, аргументированного, точного, полного, исчерпывающего медицинского противодействия хаотичному распространению шаблонных фейков, психологическим манипуляциям, недостоверным сведениям о коронавирусной инфекции.

Цель статьи: противодействие информационной пандемии вокруг COVID-19 путём описания медиастратегий в медицинской коммуникационной среде.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: путём мониторинга медиатекстов представить актуальную проблематику, а также комплексное исследование стандартных методов распространения ложных сведений и предложить способы коллективного противодействия им медицинским сообществом.

Источниками стали: контент цифровых медиа, доклады, тезисы академического сообщества, касающиеся инфодемологии в контексте межотраслевого взаимодействия в противодействии дезинформации в период пандемии COVID-19.

О масштабе инфодемии и её последствиях свидетельствуют факты, представленные в открытых источниках информации официальными органами власти различных стран, пытающихся скоординировать действия в противостоянии с пандемией на фоне увеличения заболеваемости. По их данным, злоумышленники намеренно создают панические настроения в обществе не только с целью дискредитации официальных источников информации, но и государственных институтов. Таким образом, происходит системная культивация страхов и порождение новых ложных сведений для поддержания недоверия к экспертным оценкам и переключения внимания на контент сомнительных источников информации, где оперативно умышленно создаётся специфическое поле дезинформации с применением доступного медиаинструментария.

Как отмечает декан факультета журналистики МГУ, профессор, член-корреспондент РАО Е.Л. Вартанова, в связи с возникшей ситуацией значительно возрос и уровень медиапотребления общества, нуждающегося в достоверных новостях и качественной аналитике [5]. Именно в процессе поиска контента, отвечающего данным критериям, аудитория невольно вынуждена сталкиваться с дезинформацией и не всегда готова отличить правду от вымысла, из-за чего зачастую становится жертвой инфодемии.

Данные процессы являются следствием информационных войн, монопольной и санкционной политики, геополитических процессов, передела сфер влияния, мошеннических действий, личных злонамеренных интересов, особенностей медиапотребления, сокрытия достоверных медицинских фактов, неоперативное предоставление официальной медицинской информации, отсутствия в медиасфере достаточного количества экспертных комментариев, недооценка эффективности и своевременности медицинского медиадискурса.

Следствием борьбы с пандемией в условиях информационных войн является распространение в отношении других государств недостоверных сведений об эпидемической ситуации, темпах распространения COVID-19, количестве заразившихся, летальных исходах и выписавшихся из медицинских учреждений в ежедневных сводках.

Объектом для манипуляций в медиаборьбе становятся и условия госпитализации, тяжесть течения болезни, работа стационарных и мобильных госпитальных баз, а также – количество аппаратов

искусственной вентиляции лёгких и наличие кислородных концентраторов.

Изучение контента медиа демонстрирует, что медикаментозное обеспечение, эффективность применения медицинских протоколов по лечению пациентов, противодействие новым штаммам патогена, диагностика в случае клинических проявлений заболевания, наличие антиген-тестов, санитарная обработка мест массового скопления людей тоже становятся предметом общественного интереса и массового обсуждения, а, следовательно, и дезинформации.

Кампания по противодействию иммунизации также подвергается срыву из-за недостаточной осведомлённости со стороны населения и отсутствия своевременного медицинского экспертного мнения о её преимуществах в процессе борьбы государственных систем здравоохранения с пандемией. Отдельное разъяснение требуется в индивидуальных случаях осложнения состояния здоровья сопутствующими хроническими заболеваниями или патологиями.

Особенно своевременная и вседоступная врачебная консультация необходима в условиях инфიცирования COVID-19, приобретающего массовый характер. Данное явление одновременно препятствует оказанию квалифицированной помощи абсолютно каждому пациенту, причинами чему является нехватка медицинских кадров и подверженность заражению самих врачей из-за выполнения своих обязанностей в «красных зонах». Решением проблемы как раз и могло бы стать использование коллективного экспертного потенциала в медиасреде, как основного источника информации современного цифрового общества.

В данных обстоятельствах защита здоровья населения должна выражаться в более детальном врачебном разъяснении в медиасреде о необходимости вакцинации от COVID-19 во избежание летального исхода, тяжёлого течения болезни, возникновения осложнений и проведения лечения в реанимационных условиях.

В случае наличия клинических заболеваний население не всегда осведомлено об обеспечении Центров первичной медико-санитарной помощи антиген-тестами и необходимости самой экспресс-диагностики. Данные случаи также становятся причиной массовых волнений и первичного обращения к доступным видам медиа, где члены общества подвержены тому, чтобы стать жертвами недостоверной информации или неквалифицированной трактовки причин возникновения различных симптомов и способов действия в той или иной ситуации.

Как демонстрирует практика, не всем членам общества известно о существовании таких видов

тестов как: SARS-CoV-2 – антитела IgG и SARS-CoV-2, антитела IgM. Первый количественный тест позволил бы им самостоятельно при первой же необходимости обращения в лабораторию с помощью врача выяснить и оценить уровень нейтрализующих антител к коронавирусу в результате перенесенной коронавирусной болезни или после вакцинации против COVID-19 как и узнать о целесообразности определения состояния здоровья с 14 дня от начала заболевания или введения первой дозы вакцины. Второй – свидетельствовал бы о наличии или отсутствии антител класса IgM, присутствующих при острой (активной) коронавирусной инфекции.

Массовые случаи несоблюдения профилактических мер также свидетельствуют о воздействии дезинформации в социальных сетях по поводу важности санитарно-гигиенических рекомендаций о соблюдении безопасной дистанции, проветривании помещений, обработке рук, ограничении посещения мест большого скопления людей и ношении маски в общественных местах.

Отсутствуют скоординированные действия по оповещению общества о необходимости реабилитации после тяжелого течения COVID-19 и сопутствующих патологий, направленной на устранение последствий болезни, её осложнений, восстановление функции лёгких, улучшение микроциркуляции и профилактику фиброза. Сам же курс реабилитации состоит из комплекса необходимых для здоровья человека медицинских процедур. В него входит: массаж, ЛФК, ингаляции, физиотерапия, спелеотерапия, дыхательная гимнастика, гипербарическая оксигенация.

В отсутствие доступных сведений включаются компенсаторные функции СМИ, заполняющие медиасреду по запросу аудитории фейками, дезинформацией, домыслами, подменёнными понятиями, недостоверными сведениями опасными для жизни и здоровья человека и ведущие к бесконтрольному распространению вируса.

Призывы Всемирной организации здравоохранения о необходимости консолидации усилий медицинского сообщества в противодействии пандемии противоречат борьбе за средства валютных фондов, что мешает регистрации вакцины «Спутник V» в Европе, о чём прямо в своё время заявлял руководитель Центра им. Гамалеи Александр Гинцбург. В данном контексте можно говорить о том, что монополярная и санкционная политика коллективного Запада и его двойные стандарты также противодействуют оперативному принятию ответных мер в вопросах выработки коллективного иммунитета и реализации плана действий по борьбе, в том числе, с инфодемией. И это при том, что российский препарат применяется в 70 стра-

нах с общим населением около 4 млрд человек и занимает 2 место в мире по количеству одобрений другими государствами. Ранее же эффективность «Спутник V» была описана в авторитетном британском медицинском еженедельнике «The Lancet», что также является своего рода признанием вакцины мировым научным сообществом.

Мошенничество посредством киберпространства – ещё одно обстоятельство, способствующее инфодемии в период распространения COVID-19. В данном аспекте речь идёт о продаже лекарственных препаратов и средств медицинского назначения по завышенным ценам, реализации поддельных лекарств от коронавируса, а также о взломе баз данных лечебных учреждений с целью вымогательства средств, отмывания денег или вмешательства в информационные системы, чему тоже стоит противостоять общественными усилиями в современном мире.

Инфодемия стала следствием формирования новых моделей медиапотребления в обществе, связанных со всеобщей цифровизацией, изменением стратегий медиадискурса, возникновением уникальных форматов медиакommunikаций, смене предпочтений аудитории. Данная парадигма вынуждает медицинское сообщество трансформировать лечебную деятельность с учётом современных условий и ориентацией на противодействие распространению недостоверной информации, планомерно применяемой злоумышленниками с целью создания в странах, в том числе, демографического кризиса.

В данном аспекте на первый план выходит необходимость реализации врачом коммуникативных тактик и стратегий на площадках социальных сетей, особенно в период COVID-19 для своевременного реагирования на медицинские вопросы аудитории с целью повышения её медико-санитарной грамотности и сокращения случаев инфицирования коронавирусом.

В частности, стоит систематически обсуждать новейшие технологии лечения и профилактики заболевания, что происходит, например, на базе Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького. Как отмечают авторы доклада «Тромбоземболия легочной артерии у больных COVID-19: обзор современных данных», противодействовать опасной инфекции необходимо на уровне международного сотрудничества, параллельно развивая медицинскую науку и лечебную практику [3].

В глобальном аспекте актуализируется также вопрос доступа общества к сведениям о характере распространения COVID-19. Скрытие полной и точной официальной общественно-значимой информации или препятствие в её предоставлении

авторитетными профильными специалистами профессиональным журналистам также являются следствием порождения слухов, мифов, домыслов, фейков, страхов, панических настроений, популизма, псевдонаучных утверждений. Вместо этого, они неограниченно в различных форматах в обход правовых ограничений и верификаций свободно тиражируются гражданскими виртуальными медиаплощадками. Противодействием могло бы стать партнёрство врачебного и журналистского сообщества с целью реализации поливекторной медицинской медиакоммуникации, что исключает в условиях пандемии прямых контактов с аудиторией, но позволяет охватить максимальное количество потребителей информации о SARS-CoV-2. Таким образом, экспертное сообщество сможет оперативно мониторить медиaproстранство и выступать в роли модератора недостоверных информационных сообщений.

Заключение

Спектр описанных и сопутствующих проблем, порождённых инфодемией в период распространения COVID-19, свидетельствует о необходимости проведения медицинского медиадискурса на различных цифровых площадках с использованием понятных массовой аудитории коммуникативных (лексических) технологий, что позволит не только противостоять распространителям лживой информации, но и повысить грамотность населения в вопросах соблюдения противоэпидемических мер во избежание заражения.

В снижении уровня инфицирования и повышении степени доверия к научным исследованиям немаловажным является партнёрское сотрудничество между медицинским и медийным сообществом, что станет эффективным противодействием распространению дезинформации. Оказание содействия в предоставлении качественных новостей и аналитики позволит удовлетворить возросший интерес аудитории к информации о специфике распространения коронавирусной инфекции и оказать положительное влияние на медиапотребление.

Дополнительных медицинских разъяснений требует диагностика, тестирование и реализация кампании по вакцинации и ревакцинации населения. Они должны предоставляться медицинским экспертным сообществом до тех пор, пока на то существует общественный интерес.

Отдельного внимания заслуживают вопросы реабилитации после тяжёлого течения COVID-19. По первому запросу населению также в достаточной мере от медицинского сообщества стоит узнавать об эффективности и доступности восстановительных процедур.

Дополнительные усилия необходимы при разъяснении общественности о важности соблюдения санитарно-гигиенических правил и профилактических мер.

Декларации Всемирной организации здравоохранения, касающихся методов борьбы с коронавирусной инфекцией должны учитываться всеми странами, а не становиться основой для манипуляций вокруг сертификации вакцин и реализации коллективной санкционной политики.

Медицинские коммуникации актуальны и в вопросах противодействия мошенничеству. Эффективным в данном аспекте также является налаживание партнёрских отношений врачебного, журналистского и других сообществ с использованием ресурсного потенциала традиционных и новых медиа.

Также решением комплекса научных проблем в данной области знаний может стать создание на базе ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького» кафедры медицинских медиакоммуникаций.

Литература

1. Игнатенко Г.А. «Тромбоэмболия легочной артерии у больных COVID-19: обзор современных данных» // Материалы II Республиканской конференции «Современные аспекты диагностики, профилактики и лечения COVID-инфекции, особенности медицинского образования в период пандемии». Медицинский вестник. 2021. № 2 (73). С. 1 – 2.
2. Игнатенко Т.С., Денисова Е.М., Сергиенко Н.В., Дубовик А.В., Евтушенко И.С. Проблемы преподавания клинической дисциплины в период пандемии // Материалы IV Международного медицинского форума Донбасса «Наука побеждать... болезнь». Донецк, 2020. С. 205.
3. Игнатенко Г.А., Усов В.Ю., Нуднов Н.В., Гуляев В.М., Первак М.Б., Шелковникова Т.А., Дубовая А.В., Берген Т.А. Первичная и проспективная визуализация грудной клетки при магнитно-резонансной томографии у пациентов с вирусным поражением легких при COVID-19 // Медицинская визуализация. 2020. № 4. С. 11 – 26.
4. Карпий С.В. Специфика разновидностей современного телерепортажа // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2019. № 3. С. 225 – 229.
5. Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова: Журналистика и СМИ в период пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: http://www.journ.msu.ru/about/news/35187/?sphrase_id=12465945 (дата обращения: 27.10.2021)

References

1. Ignatenko G.A. «Тромбоэмболия легочной артерии у больных COVID-19: обзор современных данных». Материалы II Республиканской конференции «Современные аспекты диагностики, профилактики и лечения COVID-инфекции, особенности медицинского образования в период пандемии». Медицинский вестник. 2021. № 2 (73). С. 1 – 2.

2. Ignatenko T.S., Denisova E.M., Sergienko N.V., Dubovik A.V., Evtushenko I.S. Problemy prepodavaniya klinicheskoy discipliny v period pandemii. Materialy IV Mezhdunarodnogo medicinskogo foruma Donbassa «Nauka pobezhdat'... bolezni». Doneck, 2020. С. 205.

3. Ignatenko G.A., Usov V.YU., Nudnov N.V., Gulyaev V.M., Pervak M.B., Shelkovich T.A.,

Dubovaya A.V., Bergen T.A. Pervichnaya i prospektivnaya vizualizatsiya grudnoj kletki pri magnitno-rezonansnoj tomografii u pacientov s virusnym porazheniem legkih pri COVID-19. Medicinskaya vizualizatsiya. 2020. № 4. С. 11 – 26.

4. Karpij S.V. Specifika raznovidnostej sovremenogo telereportazha. Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. Rostov-na-Donu: YUFU, 2019. № 3. С. 225 – 229.

5. Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova: ZHurnalistika i SMI v period pandemii COVID-19 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.journ.msu.ru/about/news/35187/?sphrase_id=12465945 (data obrashcheniya: 27.10.2021).

MEDICAL DISCOURSE IN THE MEDIA OF A STATE WITH A DEFERRED POLITICAL STATUS

*Karpiy S.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
M. Gorky Donetsk National Medical University,
Donetsk People's Republic*

Abstract: in the context of preserving public health, implementing immunization, as well as preventing and controlling diseases, the article examines the processes associated with infodemia and methods of countering false information in the digital environment using the example of the Donetsk People's Republic. In this regard, attention is also paid to the implementation of medical discourse in traditional and new media. Methods of effective use of modern communication tools by the expert community are proposed. The need for this is provoked by an epidemic situation, first of all, generating anxiety and uncertainty in society, which mainly becomes a reason for manipulation.

The work argues the need for systemic medical communication. The facts of abuse of the information vacuum are presented. Emphasis is placed on the importance of adhering to health regulations. The main reasons for the population's susceptibility to COVID-19 infection, the emergence of social problems, the measures applied to control the spread of infection, the particularities of the provision of medical services in a pandemic, the principles of the effectiveness of the immunization campaign and ensuring access to vaccines are discussed.

Keywords: self-identification, media, infodemiology, infodemia, infection, immunization, COVID-19, SARS-CoV-2, media communication, digitalization, discourse, manipulation, fake, disinformation

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СИДНИ ОУЭНСОН В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ И САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «МОГАВКИ»

*Ерофеева Н.Е., доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный гидрометеорологический университет,
Институт «Полярная академия»,
Мальченко Т.В., соискатель,
Школа № 49, г. Орск, Оренбургская область*

Аннотация: авторы статьи представляют «Патриотические очерки об Ирландии» и сатирическую поэму С. Оуэнсон «Могавки», в которых писательница не только говорит о проблемах ирландского общества: нищете крестьян, ущемлении их социальных и политических прав, но и открыто критикует высокомерие, продажность и лицемерие высшего общества и духовенства Ирландии. Анализ произведений доказывает, что романистка остро ставит ирландский вопрос, подвергает острой сатире пороки общества, которые не позволяют сделать Ирландию независимой и самостоятельной. С. Оуэнсон обращает особое внимание на вопросы этики, пишет о свободе слова и указывает нравственные ориентиры для правительства.

В «Патриотических очерках» дается подробный анализ реальных картин быта ирландских провинций, свидетельствующих о настоящей национальной катастрофе, что подчеркивается контрастом в описании увиденного. Она фиксирует внимание читателя на том, что только от политической воли зависит благосостояние народа, проживающего на красивой и богатой земле. А в сатирической поэме «Могавки», которую публикует анонимно, обрушивается с острой критикой на правительство, духовенство, парламент и высший свет Ирландии, ставит вопрос о необходимости подлинного национального героя, который сможет привести страну к независимости.

Материал статьи будет интересен специалистам, которые изучают историю английской и ирландской литературы.

Ключевые слова: путевые очерки, сатирическая поэма, персональная модель писателя, ирландский вопрос, ирландский мир, хронотоп

Актуальность

Сидни Оуэнсон (Sydney Owenson, 1775-1859), известная романистка первой половины XIX века, которая прославилась как писатель и общественный деятель, ратующий за независимость Ирландии и ирландского народа. Свои социально-политические взгляды она открыто высказывала не только в произведениях, но и на страницах «The Quarterly Review» и «The Freeman's Journal». Ее заклятый враг, критик Дж. Крокер, не раз обвинял писательницу в нарушении этикета времени, потому что она одной из первых заявила о праве женщины на литературное творчество в английском обществе.

Идея независимости Ирландии проходит через все творчество писательницы. Об этом свидетельствуют ее «Патриотические очерки, созданные в Конноте мисс Оуэнсон» (Patriotic Sketches, Written in Connaught by Miss Owenson, 1807), романы «Дикая ирландка: национальная сказка» (The Wild Irish Girl: a National Tale, 1806), «О'Доннел: национальная сказка» (O'Donnel: a National Tale, 1814), «Флоренс Макарти: ирландская сказка» (Florence Macarthy: an Irish Tale, 1818), «О'Брайены и О'Флаэрти: национальная сказка» (The O'Briens and the O'Flahertys: A National Tale, 1827), поэма «Могавки: сатирическая поэма с примечаниями» (The Mohawks: a Satirical Poem with Notes, 1822), и др.

Не случайно английские исследователи долгое время не обращали внимание на творчество С.

Оуэнсон, за исключением ее биографа В.Дж. Фицпатрика и издателя В. Диксона, первыми отметившие ее особое место в историко-литературном процессе времени. Только со второй половины XIX века стали появляться работы, направленные на изучение произведений С. Оуэнсон. В работах Дж. Пэстона, Дж. Ньюкамера, Л. Стивенсона и др. много внимания уделено становлению писательницы, фактам ее биографии, что обусловлено интересом к ее семье, в которой мать была англичанкой, а отец ирландцем, который способствовал приобщению дочери к миру ирландской культуры, определив тем самым личностный выбор девушки. Сегодня европейские критики называют С. Оуэнсон одним из ярких представителей англо-ирландской литературы, в первую очередь. Среди современных исследований выделяются те, что направлены на рассмотрение гендерного вопроса в ее творчестве сквозь призму социологического подхода (М. Миллер) или включение текстов произведений С. Оуэнсон в контент дистанционного обучения (С.Дж. Керр), а также собственно литературоведческие работы, открывающие особенности рецепции и типологические связи творчества писательницы в творчестве Дж.Г. Байрона или Р. Шеридана, Дж. Джонстон (А. Дудкина, Н. Ерофеева). Но главное, мы наблюдаем интерес к социально-политическим взглядам романистки, в частности, к проблеме национальной самоидентификации и решению ирландского вопроса. Все это

свидетельствует об актуальности идей С. Оуэнсон, высказанных на страницах ее произведений.

Изучение социально-политических взглядов, нашедших отражение в «Патриотических очерках» и сатирической поэме «Могавки» позволит уточнить место писательницы в историко-литературном и культурном контексте первой половины XIX века и ввести в научный оборот материал, ранее не представленный в отечественном литературоведении, за исключением результатов исследования одного из авторов нашей статьи Т. Мальченко.

Методы исследования

Исследование строится на основе тезаурусного подхода, который позволяет выявить новаторство писательницы и расширить представление о ее эстетической программе, углубить представление о ее авторской модели творчества.

Результаты исследования

Впервые свое отношение к теме независимости ирландского народа С. Оуэнсон высказала в романе «Дикая ирландка: национальная сказка». Роман прославил своего автора, книга была переведена на французский язык, а затем с французского на русский ее перевел Л. Цветаев как «Глорвина, прекрасная молодая ирландка» (1818).

Однако уже через год, в 1807, С. Оуэнсон отправляется в путешествие по Ирландии. По итогам своих наблюдений она напишет «Патриотические очерки», неоднозначно оцененные критиками того времени. Именно в них проявился не только дар публициста, но и открылся писательский талант молодого автора. Не случайно, когда говорят об очерке, его нередко трактуют как жанр публицистический, потому что «Путевой очерк – как раз та форма литературы, которой, как и гражданской поэзии, свойственно выражать личность самого писателя, его видение мира, его отношения к общественным проблемам своей эпохи» [1, с. 163].

Автор строит повествование на грани между собственно художественным рассказом и авторскими зарисовками увиденного на пути следования по определенному маршруту. На первый план она выводит образ ирландца и ирландский мир, который в ее концепции постепенно складывается «как особый художественный «хронотоп», основанный на национальной традиции в легендах и сказках, на исторической реальности и повседневной культуре, во многом альтернативных всему английскому» [2, с. 45]. Описывая ирландский быт, представителей ирландского народа, осматривая разрушенные замки как свидетелей былых побед и лучших времен, автор с горечью отмечает упадок во всем. При посещении Слайго автор пишет: «Дом Л..., древнее семейное гнездо сэра М... К..., Барт, был целью моего маленького путеше-

ствия. И я добралась до почтенной дороги, ведущей к нему, в такое время суток, которое особенно благоприятно для мягкой светотени живописной красоты: с темной печальной аллеей к помещицкому дому, неразрывно связано, на мой взгляд, определенное чувство, которое переносит сердце обратно в «другие времена» и пробуждает в нем чувство нежного почтения и меланхоличного удовольствия. Что касается меня, то я никогда не гуляла под его переплетенными ветвями, не находясь под влиянием определенного чувства, когда задумчивые заклинания памяти смешивались с размышлениями пробудившейся фантазии» [3, р. 122].

Чувство почтения и уважения старого рода передается не только через определение дома как «древнего семейного гнезда», но и через описание дороги к нему («почтенная дорога»). Вечные образы дома и дороги наводят на размышления о мире, о судьбе, которые переносят «сердце обратно в «другие времена» и пробуждают в нем чувство нежного почтения и меланхолического удовольствия» [3, р. 122]. На руинах аббатства автор с горечью замечает, что они прославились тем, что по этой земле «ступали многие святые и герои» [3, р. 22] и цитирует К. Волнея, французского просветителя и философа XVIII века: «Здравствуйте, одинокие руины! Да, пока отталкивающий вид пробуждает в народном сознании страх, мое сердце, созерцая вас, вкушает очарование глубокого чувства и возвышенных мыслей» [3, р. 23].

Лирическое настроение сменяется возмущением и гневом, когда путешественница оказывается возле руин бедняков, именно руин, потому что домом трудно назвать их жилище, в котором нет ни пола, ни мебели, а крышу заменяет дерн или сноп соломы. Дом, самое ценное в жизни человека, тоже разрушен. Не случайно С. Оуэнсон старается оживить это понятие, много беседует с людьми и подробно передает их рассказы, старается называть их имена, но когда говорит о богатых, то вместо имени упоминает лишь «господин» или «мистер», тем самым проводя социальную черту, которую необходимо убрать, чтобы простой ирландец стал счастливым. Образы простых труженников впечатляют своей правдивостью, точностью деталей в описании их внешнего вида и настроений. Она с уважением пишет о старике, чья семья довольствовалась хлебом из овса и картошкой с солью, когда от отсутствия корма корова перестала давать молоко, или описывает группы крестьян, которых называет «молотильщики», готовых идти на разбой, и пытается понять и объяснить их противозаконные способы выживания: «Их поведение невозможно оправдать, но они осмелились сделать

это в надежде самостоятельно возместить ущерб, который им причинили» [3, р. 94].

Однако оптимизм не покидает путешественницу, и она с удовольствием описывает мастера музыкальных инструментов из г. Страбан, или когда говорит об ирландце Джоне Эгане, изготовителе арфы, древнего символа счастья в культуре ирландцев. Этот образ будет сопровождать Глорвину, героиню романа «Дикая ирландка».

Обращаясь к легендарному прошлому ирландского народа, С. Оуэнсон верит в возрождение национального духа, который живет в сердцах отдельных представителей ирландской интеллигенции. В доме мистер О... она удивилась, увидев библиотеку, урны с прахом милезского принца, древние кольца и многое другое, что свидетельствовало о неподдельном интересе хозяина дома к национальной истории. «Национальный дух еще не исчез полностью из ирландской груди» [3, р. 61-68], – записывает она, с наслаждением рассказывая о встрече с тем, для кого «древняя ирландская реликвия представляет особый интерес и который с удовольствием созерцает даже незначительный продукт древнего знания его родной страны» [3, р. 61-68]. Более того, С. Оуэнсон, размышляя о французской революции 1789-1794 гг., которую приняла всем сердцем и даже сумела добиться разрешения на посещение Парижа в то время, открыто высказывала надежду и на подобное пробуждение ирландского народа, верила, что Ирландия «сможет поднять свою светлую голову» благодаря патриотам, которые верят в нее и гордятся ею» [3, р. 40].

Описывая контраст между красивыми ландшафтами и нищетой ирландцев, С. Оуэнсон замечает, что «в исправлении тех естественных, но губительных недостатков кроется заработок для трудолюбивых, достаток для обнищавших, богатства для каждого и процветание для страны в целом» [3, р. 167-169]. После посещения домов знатных ирландцев и хижин бедняков С. Оуэнсон говорит о «созерцании двух противоположных крайностей» и называет главные черты «несчастной страны»: «ирландская убогость и ирландский комфорт», «неизменная безграмотность и образованная утонченность» [3, с. VIII-IX]. По ее мнению, задача состоит в том, чтобы правящие классы поняли, что именно «счастье людей составляет процветание нации» [3, р. 167-169]. Свои обвинения английской власти С. Оуэнсон высказывает словами французского философа XVIII века Гельвеция: «Не стоит жаловаться на человеческую злобу, а на невежество законодателей, которые всегда ставили личные интересы превыше интересов общества» [3, р. 34]. Подобный риторический прием писательница использует постоянно.

В письмах к близким С. Оуэнсон еще откровеннее. Так, в письме от 18 января 1810 года к подруге Алисии Лефаню она жаловалась, что буквально задыхается от бездушности и чванства высшего света, частью которого стала в силу обстоятельств: «Моя память перегружена титулами, родословными и на мое воображение давят звезды и подвязки <...> Что для тебя тот факт, что я живу в одном из огромнейших дворцов в Англии? Имя простого человека все равно что освежающий напиток для моих органов, утомленных от трепетного дрожания “ваше Королевское Высочество”, “ваша Светлость” и “ваше Величество”» [4, р. 393]. Она с иронией рассказывает о великих умах и представителях знати, посещающих дворец, о том, что позировала «известному сэру Томасу Лоренсу для моего портрета, с которого сделано клише для моей работы» и что «нас посетили архиепископы Йоркский и Кентерберийский, и они изгоняли из меня злых духов, так что я вернусь праведницей» [4, р. 393]. Ирония постепенно перерастает в сатиру, о чем свидетельствует «Могавки: сатирическая поэма с примечаниями».

Поэма была опубликована анонимно, однако и биографы, и зарубежные исследователи убеждены в том, что произведение написано именно Сидни Оуэнсон. Да и сам текст доказывает это. В поэме автор обрушивается на английский парламент, называя его предательским и снобистским. Автор не обходит стороной ирландское высшее общество. Особо С. Оуэнсон обрушивается на цензуру и приводит в качестве примера Францию, где каждое слово под контролем правительства. Напомним, что автор была во Франции во время революции 1789-1794 годов, приняла ее идеи и активно выступала на стороне восставших. Она стремится обобщать, подчеркивает типичность поведения цензоров, но когда говорит о нравах общества, то замечает, что «хотя времена меняются, ... человек остается тем же. Его алчность и страсти также неизменны» [5, р. 56]. Она обвиняет продажных журналистов и писателей, называя их законченными негодьями, смешными и подлыми, которые в погоне за «жареными» фактами готовы на откровенное предательство. Говоря об Англии, автор заявляет, что здесь пока не дошли до совершенства в подавлении голоса памфлетистов, но в этом власти обязательно поможет закон о клевете [5, р. 57].

Напомним, что в истории того времени могавки называли джентльменские клубы, получившие развитие с XVII века, члены которых преуспели не только в интеллектуальных беседах, но и в разврате и разного рода преступлениях. С. Оуэнсон в поэме называет членами сомнительного клуба Могавки и правительство, и нечестных

юристов, особенно адвокатов и судей, и продажных журналистов, и политиков с сомнительной репутацией, и представителей церкви, тем более что «для поддержания спокойствия в обществе нужна большая доза лжи» [5, р. 60]. Не случайно автор опубликовала произведение анонимно. Сила представленной сатиры была настолько острой, что памфлет Д. Дефо «Чистокровный англичанин» кажется шуткой. Автор с издевкой говорит о выступлениях Питта в парламенте, о политике Кромвеля, об интересах короля и двора и вспоминает о Лютере «который первым пришел потревожить их покой» [5, р. 26], а также упоминает Локка и Бэкона, которых называли подстрекателями к ереси, и Ньютона, «распространившего множество проклятых догматов» [5, р. 27], и т.д. Все подвергается цензуре и клевете. «Сегодня в моде злословить», – пишет автор [5, р. 30]. С. Оуэнсон с сарказмом говорит о боязни английских дворян вольтеровского слова, что «трубка Галилея сильно испортила теологию» [5, р. 28], а в политических и экономических ошибках обвиняют Коббера [5, р. 29]. Кстати, автор поэмы с одобрением отзывается о появлении Наполеона, связывая его с идеями демократии, и о «сердечном» Джоне Булле, который «пока еще не стал таким толстым» [5, р. 31]. Толпе лицемерных журналистов и авторов противопоставлен Чайльд Гарольд:

*Not so Childe Harold, – he no place should find
Among the race of wits aristocratic;
His daring, deep intensity of mind,
Has something in it much too democratic;
Quite different from those intellects refined,
So polish'd, so demure, so sweet, so attic,
Which rouse no fire, with no strong feeling tease,
«The mob of gentlemen, who write with ease»
[5, р. 35].*

Без коррупции, по мнению автора поэмы, не было бы власти, карта Европы страдала бы расстройством, а реставрация не завершила бы процесс присоединения к дальним царствам по воле конгресса. Здесь явно идет речь о колониях. «Коррупция образует фундаментальную черту английской системы, а все реформы – это игра для псевдопатриотов» [5, р. 49].

С. Оуэнсон не обходит тему бедствий народа и голода, который сопровождает жизнь простолоудина. Голод – это результат государственной политики независимо от того, в какой стране живет простой человек. Говоря об Ирландии, автор достаточно жестко пишет:

*Corruption sold the Irish independency.
While votes were bought like porkers in a stall;
Corruption raised the Protestant ascendancy... [5,
р. 48].*

В сатирической форме автор пишет мировую историю, называя это свободным подражанием Горацию. А в комментариях обращает внимание на реальные факты, следствием которых и стали многочисленные работы лжекритиков, в том числе по вопросам веры: «Они говорят, что христианство является частью общего права страны. Хотелось бы, чтобы они также рассказали нам, делали ли это так наши саксонские предки в лесах Германии. Ибо, если христианство было внедрено в закон, то, должно быть, оно стало той особой формой, называемой папизмом; и если это так, то реформаторы церкви нарушили закон. Решив этот вопрос, они должны перейти к определению христианства, которое утвердили едва ли не два человека. Это учение св. Петра или св. Павла? епископа Лондона, Рима или Константинополя? или, наконец, что не менее важно, мистера Уилберфорса?, поскольку между каждым из них существуют значительные разногласия. В этой знаменитой аксиоме права есть только два термина – и если оба они не поддаются определению, какое ужасное начало они закладывают для произвола!» [5, р. 149].

Выводы

Размышляя о современном обществе и наблюдая за положением провинций в Ирландии, С. Оуэнсон выступала против унижения простого человека, судьба которого полностью зависит от нечестных политиков и чувствующих безнаказанность представителей знати. Не случайно автор откровенно говорит о псевдопатриотизме, о ложной вере и духовном бессилии народа. Бросая прямое обвинение власти в коррупции и бездушии, С. Оуэнсон видит опору в революционных образах Лютера и Байрона, верит в идеи преобразования мира, которые были заложены и в открытиях астрономов прошлого времени. Политика, религия, парламент, светское общество в целом проходит через глубокий социальный анализ, который в стихотворной сатирической форме представила на страницах своих писем и произведений писательница, чьи идеи продолжают оставаться актуальными и стимулировать развитие общественного сознания современного человека. Отдельные идеи она будет разрабатывать в своих романах, прежде всего «О'Брайены и О'Флаэрти: национальная сказка».

Литература

1. Канторович В.Я. Заметки писателя о современном очерке. Москва: Советский писатель, 1975. 544 с.
2. Бакалов А.С., Ерофеева Н.Е., Кипнес Л.В., Мальченко Т.В. Ирландская сказка Сидни Оуэнсон // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23. № 79 (1). С. 44 – 48.
3. Owenson S. Patriotic Sketches, Written in Connaught by Miss Owenson. Baltimore: Geo. Dobbin & Murphy, 1809. 222 p.
4. Ed. W.H. Dixon Lady Morgan's Memoirs: Autobiography, Diaries and Correspondence. 2 vols. London: Wm. H. Allen and Co., 13 Waterloo Place, S.W., 1863.
5. The Mohawks: a satirical poem with notes. London: H. Colburn and Co, 1822. 188 p.

References

1. Kantorovich V.YA. Zametki pisatelya o sovremennom ocherke. Moskva: Sovetskij pisatel', 1975. 544 s.
2. Bakalov A.S., Erofeeva N.E., Kipnes L.V., Mal'chenko T.V. Irlandskaya skazka Sidni Ouenson. Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2021. T. 23. № 79 (1). S. 44 – 48.
3. Owenson S. Patriotic Sketches, Written in Connaught by Miss Owenson. Baltimore: Geo. Dobbin & Murphy, 1809. 222 p.
4. Ed. W.H. Dixon Lady Morgan's Memoirs: Autobiography, Diaries and Correspondence. 2 vols. London: Wm. H. Allen and Co., 13 Waterloo Place, S.W., 1863.
5. The Mohawks: a satirical poem with notes. London: H. Colburn and Co, 1822. 188 p.

SYDNEY OWENSON'S SOCIO-POLITICAL VIEWS IN HER TRAVEL ESSAYS AND SATIRICAL POEM "MOHAWKS"

*Erofeeva N.E., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Russian State Hydrometeorological University,
Polar Academy Institute,
Malchenko T.V., Applicant,
School No. 49, Orsk, Orenburg region*

Abstract: the authors present "Patriotic Sketches" and S. Owenson's satirical poem "Mohawks", in which the writer not only talks about the problems of Irish society: poverty of the peasants, infringement of their social and political rights, but also openly criticizes the arrogance, venality and hypocrisy of high society and the clergy of Ireland. Analysis of the works proves that the novelist keenly raises the Irish question, subjected to a sharp satire of the vices of society that do not allow to make Ireland independent and autonomous. S. Owenson pays special attention to ethical issues, writes about freedom of speech and indicates moral guidelines for the government.

"Patriotic Sketches" provide a detailed analysis of real-life pictures of life in the Irish provinces, indicating a real national disaster, which is emphasized by the contrast in the description of what is seen. It fixes the reader's attention on the fact that only the political will determines the well-being of the people living in a beautiful and rich land. And in the satirical poem "Mohawks", which she publishes anonymously, she lashes out with sharp criticism at the government, clergy, parliament and high society of Ireland, and raises the question of the need for a true national hero who can lead the country to independence.

The material of this article will be of interest to specialists who study the history of English and Irish literature.

Keywords: travel essays, satirical poem, writer's personal model, Irish question, "Irish world", chronotope

ОБРАЗ МОНГОЛИИ В СОВЕТСКИХ СБОРНИКАХ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

*Гилева Е.В., кандидат филологических наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет,
Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
Новосибирский государственный театральный институт*

Аннотация: в статье изложены результаты сравнительного анализа двух сборников монгольской поэзии в русских переводах. Один из них издан в СССР в 1957 г., второй – в 1981 г. Исходя из убеждения в том, что репертуар художественных переводов, создаваемых той или иной культурой не только дает ее носителям представление о специфике других культур, но и является важным свидетельством особенностей этой культуры и актуальных процессов, происходящих в ней, автор стремится выяснить, какие аспекты образа Монголии, существующего в монгольской поэзии, оказались востребованными отечественной культурой и были акцентированы при составлении сборников переводов. Наиболее весомым контекстом, в котором реализуется образ Монголии, в рассмотренных сборниках является описание пейзажа и человека, сливающегося с ним и способного его заместить. От сборника 1957 г. к сборнику 1981 г. заметно снижение идеологического пафоса, отход воспевания достижений научно-технического прогресса на второй план, выдвигание гуманистической тематики. При повторении в сборнике 1981 г. идеологически окрашенных произведений, опубликованных в сборнике 1957 г., меняется их место в структуре авторской подборки. Стихи, обремененные очевидным идеологическим содержанием, на фоне собственно лирической и эпической поэзии, отсылающей к духовно-интеллектуальной уникальности автора и к богатству национальной культуры, теряют свое значение. Их художественные качества настолько контрастируют с художественной ценностью последних, что идеологически окрашенные тексты воспринимаются в составе сборника в качестве свидетельства соблюдения формальностей, присущих советской культуре 1980-х гг.

Ключевые слова: монгольская поэзия, поэзия Монголии, литература Монголии, образ Монголии, русская культура, советская культура, иностранная литература

В последние годы актуальное состояние российско-монгольских отношений и их история активно исследуются, осмысливается постсоветская трансформация культурных связей и перспективы их укрепления. В частности, Т.Н. Литвинова и с А.С. Железняков, исследуя взаимное восприятие образов России и Монголии, по результатам масштабного анкетирования делают вывод о том, что после некоторого охлаждения, пришедшегося на постсоветский период, в последние годы наблюдается «значительное улучшение позитивных оценок нашими народами друг друга, оптимизм по поводу перспектив взаимного сотрудничества, преобладание положительных ассоциаций, осознание факторов взаимного сближения и необходимости взаимодействия <...> об интересе россиян к своему близкому восточному соседу» [2, с. 137].

Рассмотрению образа Монголии в художественной литературе на русском языке посвящено множество исследований, а в отечественных прозе и поэзии сложилась богатая традиция обращения к «монгольской теме» (В. Соловьев, А. Белый, А.И. Куприн, В. Хлебников, С. Есенин, Вс. Иванов, Н.А. Заболоцкий, В. Пелевин и др.), В.В. Мароши пишет о существовании «монгольского мифа» в отечественной литературе последнего столетия [3]. На этом фоне интересно выяснить, какие аспекты образа Монголии, существующего в монгольской поэзии, оказались востребованными отечественной культурой. Репертуар художественных

переводов, создаваемых той или иной культурой не только дает ее носителям представление о специфике других культур, но и является важным свидетельством особенностей этой культуры и актуальных процессов, происходящих в ней.

Материалом для нашего исследования стали два советских сборника переводов монгольской поэзии – «Монгольская поэзия» (1957) и «Из монгольской поэзии XX века» (1982). Первый мы будем сокращенно называть «МП-1957», второй «ИзМП-1981». Выбор столь несовременного материала объясняется тем, что в значительной мере именно советские издания до сих пор представляют монгольскую поэзию для более или менее широкого круга русскоязычных читателей, так как в настоящее время масштаб издания монгольской литературы на русском языке значительно сократился. Кроме названных сборников, в СССР выпускались и другие – сборник произведений пяти монгольских поэтов (1971, издательство «Прогресс»), сборник произведений молодых монгольских поэтов, несколько авторских сборников. Однако к сравнительному анализу сборников 1957 и 1981 гг. нас подтолкнуло предположение о том, что в этом материале с учетом социокультурного контекста его публикации может наиболее явно проявиться динамика представления образа Монголии в отечественной культуре последних десятилетий. Подобное сравнение уже делалось несколько лет назад на материале публикаций в со-

ветских СМИ середины XX в. Исследователь Огторгуймаа Аюуш делает вывод, что «большинство газетных и журнальных материалов предназначались для реализации пропагандистской функции социалистических СМИ» [5, с. 688], а также отмечает, что к 1980-м гг. объем и качество межкультурных связей значительно увеличились, что пробудило в советских СМИ масштабный интерес к разным аспектам монгольской национальной культуры. Рассматривая образ Монголии в современной русскоязычной интернет-коммуникации, У.-Э. Хурэлбаатар и И.А. Салосина, концентрируют внимание в основном на «новостном субдискурсе» и анализе описаний Монголии, адресованных русскоязычным туристам. Исследователи приходят к выводам о том, что в первом случае в дискурсе особенно выделяются глаголы, называющие характер взаимодействия стран («готова», «назвал», «объявила» и проч.), а во втором – ожидаемо проявилось стремление эксплуатировать устойчивые представления об образе Монголии (девственная природа, бескрайние степи, заснеженные горы, кочевая культура и т.п.) [7].

Обратимся к описанию наших наблюдений. Понимая, что так или иначе образ Монголии в глазах читателя создает каждое стихотворение, входящее в сборник монгольской поэзии, мы ограничились рассмотрением лишь тех текстов, в которых прямо говорится о качествах Монголии, о знаковых элементах монгольской культуры, названных автором с целью демонстрации родной традиции.

Сборник МП-1957 открывается стихотворением Б. Актана «Выше тебя», где описывается высочайшая вершина Монгольского Алтая Таванбогдо, о чью грудь «секлись... гроздь облаков». Оно завершается утверждением: «Невиданно высок Таван-богдо, / Но современник мужественный – выше!» В подборке этого же поэта есть стихотворение «Канал» – о том, как люди, преодолевают стихию («словно камень камень родил», «Этот гул великих работ / Эхом ветер нес по степи», «Кобдо-река, на влагу скупаешь, / Крутилась, коварная, как змея») и строят канал и новый город в засушливых землях. Перефразируя строчку В. Маяковского «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвести», монгольский поэт и переводчик (Б. Гайкович) пишут: «Чтобы отар по степи не счесть, / Чтобы городу садом зацвести», в финале стихотворения образ сада конкретизируется: «Стали прозрачные струи Кобдо / Соком листьев, стеблей, цветов...».

Идеализированный образ Монголии в сборнике (Ц. Дамдинсурэн «Монголия», Д. Нацагдорж «Моя родина» и др.) складывается в основном из описания своеобразного скотоводческого рая –

пастбища («трав ковыри», «травы пышные», цветущая степь) и отары («жирный скот», «тучный скот», «молодняк подрастает на стойбище нашем богатом»).

Образ Монголии в сборнике в основном создается за счет описания пейзажа. У Д. Нацагдоржа находим цикл «Четыре времени года», описывающий смену времен года на пастбищах, меняющиеся от сезона к сезону заботы жителей юрт. В финале резюмируется: «Так идут тысячелетья бесконечной чередой».

Медитативный и меланхоличный характер монгольской поэзии, ощущение растворенности человека в ландшафте, связанные с «кочевым мировосприятием», в целом уже описывались исследователями [6, с. 79]. К этому мы можем добавить следующее уточнение: вместе с растворенностью в ландшафте часто встречается описание зафиксированного состояния через образ человека, неподвижно вглядывающегося в даль или вслед. Так в стихотворении С. Доржипалама читаем: «Часто смотрел / я на город родной / со склона горы Булган», «Я с тех пор / полюбил / на крыши смотреть с горы». У него же находим:

*Когда кончаются уроки в школе,
Учитель смотрит вслед ученикам,
Которые легко, как ветер в поле,
Верхом из школы мчатся по домам.*

Описания часто принимают характер наблюдения, подобного безучастному, спокойному наблюдению за пейзажем. В подборке С. Доржипалама есть стихотворение «Девушка-соседка» («Девушка из соседней юрты / Всех веселее на свете. / Девушка из соседней юрты / Мчится легко, как ветер»). Лирический герой наблюдает девушку, спрашивает у всех соседей, с чем связано ее веселье, хотя и сам является ее соседом и будто бы должен быть об этом осведомлен. Соседи отвечают, что девушка влюблена, и констатируют: «Не заметил ты ничего». Положение лирического героя здесь интересно тем, что за обществом своих соседей он наблюдает будто бы так же, как человек долгое время наблюдает за природным пейзажем – будучи естественно выделенным из него и бесстрастным.

Кроме того, в сборнике часто встречаются образы родителей (Ц. Дамдинсурэн «Седая мать», С. Доржипалам «Моя школа», Д. Нацагдорж «Моя мать»), предков (Д. Нацагдорж «Моя родина»), упоминание старинных городов (Д. Нацагдорж «Моя родина»).

На фоне этого спокойствия выделяются отдельные стихотворения, связанные с пристальным рассмотрением старинных традиций (как правило, связанных с религией), описанных в виде конкретных детализированных сцен. В таких стихо-

творениях автор, как правило, отмечает архаичность традиции, грубо иронизируя над ней: «Сутки да сутки под стук барабана / Ламы-бездельники жрали барана, / Но не спаси больную от гроба, / Верх над старухой взяли микробы» (Д. Нацагдорж «Молебные барабаны у старухи Гундек»). Схожая картина: «золото / молебны за спасенье, / приношенья ламам, / суеверья – / никогда больным не помогали!» (Д. Нацагдорж «Заразная болезнь»). В то же время, у того же поэта, есть идиллическое описание большого традиционного народного праздника, во время которого «реет багровое знамя»,

*...и нестреют палатки,
и дети поют на просторе,
и готовятся к скачкам
степные горячие кони.
И аратские семьи,
прибывшие с дальних кочевий,
за мужским состязаньем следят...*

Кроме того, Д. Нацагдорж пишет два стихотворения – «Старая Монголия» («Ламы буддизма, невежества, бедности / Горло сжимали старой Монголии») и «Новая Монголия» («свободная, счастливая»). Интересно, что у него в подборке особенно акцентирована тема медицины и здоровья: поэт резко не приемлет традиционную медицину, приветствует освобождение трудящихся и, связанное с ним, развитие в Монголии научной медицины («Научная медицина»). С учетом стихотворений Б. Актана, которыми открывается сборник, возникает ощущение, будто бы именно развитие медицины и научно-технический прогресс утверждаются в качестве самого ценного результата социальных преобразований, которые сами по себе отходят на второй план и воплощаются в формульных, лишенных проявления поэтической индивидуальности, стихотворениях о «пламени Октября», Пушкине, визите в дом-музей Ленина, встрече Сухэ-батара с Лениным и т.п.

Сборник ИзМП-1981 открывается народными песнями о несчастной доле и борьбе за счастливую долю, о народном заступнике Торой-банди. Важно, что образ общего неблагополучия («в юрте живут-голодают / дети мои с женой») венчает глубоко лирическое утверждение, описывающее экзистенциальное переживание: «Видно, мое пригрешенье / Больше этой горы». В подборке народных песен есть одна песня о любви («Из Хэрээ-Гэндэна девушки, / Чуть качая бедрами, или», «Прошу тебя, скорее приходи, / Со мной под саксаулом посиди»). Завершается раздел песней о китайском войске, о «подлых гаминах» военачальника Сюй Шучжэна.

В отличие от сборника МП-1957, в ИзМП-1981, продолжающемся классической поэзией XIX в.,

богатство традиционных монгольских мифологии и религии, их важность и уважение к ним заявлены с первого авторского произведения. Б. Гэлэгбалсан описывает, «как у неба просили дождя», обращаясь к «Верховному Владыке Хормуста», «Милосердному Владыке Вселенной». Завершается текст мольбой: «Ты прости теперь и помилуй». Затем следуют стихи Н. Данзанванжила (о нем сказано в комментариях: «представитель духовного сословия, врач») – «Золотые поучения гэгэна из монастыря Гунгийн-зуу». Словно для того, чтобы в некотором смысле «уравновесить» традиционное и социалистическое содержание, череду до-революционных авторов завершает подборка Р. Хишигбата (о нем сказано: «сын скотовода, выбившийся в чиновники»), в которых говорится об угнетении народа и выражается надежда на «желанные времена». Раздел, содержащий революционные песни, также лаконичен. Образ постреволюционной Монголии для составителей сборника менее интересен, чем тот образ Монголии, который существует в монгольской культуре во всей его полноте.

В подборках стихотворений поэтов часто встречаются стихи, которые мы уже рассматривали в связи со сборником МП-1957, но те же тексты, располагаясь в другом контексте и в другом порядке, создают совсем иной образ Монголии. В частности, в подборке Д. Нацагдоржа вместо противопоставления «старой» и «новой» Монголии занимает образ масштабного пейзажа и человека, сливающегося с ним, но не растворяющегося в нем. В четверостишии «Моя мать» образ матери абсолютен, он замещает собой образ вселенной («Красавица степей монгольских, меня ты пленяла, мать...»). У С. Буяннэмэха (цикл «Время и жизнь») смена времен года в Монголии описывается как смена статичных зарисовок – изображение людей на фоне пейзажа:

*Шумят возле юрт ребятишки
в весенних легких одеждах,
На темных буграх степей
пучки травы прорастают,
И вот уже блеют на пастбищах
новорожденные ягнята.
Биенье тепла – все чаще,
дыханье – все ровней и глубже,
Летят крикливые гуси,
от грустных дум отвлекая...*

Повествователь при движении от строки к строке будто бы переводит взгляд с одного фрагмента картины на другой.

На фоне масштабного пейзажа образ человека в монгольской поэзии тоже приобретает масштаб. Лирический герой, сливаясь с пейзажем, будто бы приобретает способность его замещать и стано-

виться некоторым подобием духа того или иного пространства. Так Б. Явуухулан пишет: «Я родился владыкою синего неба без края», «Я на свет появился хозяином гор и расселин», «Я родился на свет, чтоб владеть этой далью степною», «Я на свет появился владыкой реки светлорунной», «Я родился владыкой покровов душистой полыни», «Я родился владельцем юрты, что с лебедем сходна» и т.д.

Тема воинского подвига, как правило, в сборнике ИзМП-1981 тоже начинает свое развитие с пейзажа. Образы воинских могил и курганов в этой поэзии обречены на существование в качестве части степного пейзажа. У С. Дашдэндэва есть стихотворение «Сказанья об озере Толбо», где более половины текста длится рассказ о «кольце пожелтевших гор», об охотнике, убившем лебедя, о трагедии лебедушки, потерявший друга, о том, что «монголы мирные скот пасли», и лишь ближе к финалу возникает главная тема – о том, как монгольский и русский отряды совместно били в окрестностях озера «белогвардейцев злых». К слову, даже память о роде, о прошлых поколениях остается в пейзаже, который растворяет имена. Так в стихотворении «Великое кочевье» Л. Гудэва о завершении кочевого образа жизни, о движении к Коммуне, сказано:

*Путь наших предков долог был и круг –
Столетия качались за плечами,
И на земле, как круглые печати,
Остались отпечатки наших юрт.*

В подборке Ц. Дамдинсүрэн особенное внимание обращает на себя поэма «Кузнец Балбар», где утверждается, «люди мир к разоружению зовут», и молодые, и старики уверены, что оружие нужно только для охоты на волков с целью защиты стада, что самое дорогое на свете – «мудрость книг... из давних лет».

Сама тема подвига как такового смещается в описание мирной жизни. У Ч. Чимида находим «Балладу о двух чабанах», в которой изложена история о двух девушках, пасших овец и спасших их от бури:

*Две девушки... Славлю я мужество их сердец.
Две мамыны дочери – таких мастериц сыщи!
Две дочери отцовы – красавиц таких сыщи!*

Интересна вписанная в национальный образный колорит идея о мирном разрешении трагедии. Среди стихов Д. Содномдоржа есть стихотворение «Радость жизни» о том как верблюдица отвергла верблюжонку, и как женщина, приняв у нее роды запела песню, под звуки морин-хура, на котором игра ее муж, и как верблюдица, «грустный услыша напев / Подошла к верблюжонку, дитя пожалев».

Череду описанной выше пейзажной лирики из-

редка разнообразят в сборнике стихи об индустриализации («Шахтеры» Д. Сэнгэ) или о революции («Монгольский интернационал» С. Буяннэмэх). Стихи, обремененные очевидным идеологическим содержанием, на фоне собственно лирической и эпической поэзии, отсылающей к духовно-интеллектуальной уникальности автора и к богатству национальной культуры, теряют свое значение. Их художественные качества настолько контрастируют с художественной ценностью последних, что идеологически окрашенные тексты воспринимаются в составе сборника в качестве свидетельства соблюдения формальностей, присущих советской культуре 1980-х гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект № С 21-12.

Литература

1. Из монгольской поэзии XX века. М.: Художественная литература, 1981. 278 с.
2. Литвинова Т.Н., Железняков А.С. Взаимное восприятие образов России и Монголии в контексте трансквилизационного взаимодействия // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 129 – 138.
3. Мароши В.В. «Монгольский миф» в русской литературе XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2003. № 1 (35). С. 48 – 54.
4. Монгольская поэзия. Сборник. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 192 с.
5. Огторгуймаа Аюуш. Образ Монгольской народной республики на страницах советской печати 60-80-х годов XX века // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 681 – 688.
6. Уикем-Смит С. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явуухулана (пер с англ. А.В. Зорина) // Mongolica. 2010. Т. 9. С. 78 – 83.
7. Хурэлбаатар Ууган-Эрдене, Салосина И.В. Аспекты реализации образа Монголии в русскоязычном интернет-дискурсе // Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски решения: Сборник трудов IV Международной научной конференции, 26-27 октября 2016 г., г. Томск. Томск: Дельтаплан, 2016. – С. 152 – 156.

References

1. Iz mongol'skoj poezii ХХ века. М.: Hudozhestvennaya literatura, 1981. 278 s.
2. Litvinova T.N., Zheleznyakov A.S. Vzaimnoe vospriyatie obrazov Rossii i Mongolii v kontekste transcivilizacionnogo vzaimodejstviya. Sociologicheskie issledovaniya. 2019. № 5. S. 129 – 138.

3. Maroshi V.V. «Mongol'skij mif» v russkoj literature HKH veka. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2003. № 1 (35). S. 48 – 54.

4. Mongol'skaya poeziya. Sbornik. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1957. 192 s.

5. Ogtorgujmaa Ayuush. Obraz Mongol'skoj narodnoj respubliki na stranicah sovetskoj pechati 60-80-h godov HKH veka. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2016. T. 5. № 4. S. 681 – 688.

6. Uikem-Smit S. SHepot vntri: poeziya Bekzina YAvuuhulana (per s angl. A.V. Zorina). Mongolica. 2010. T. 9. S. 78 – 83.

7. Hurelbaatar Uugan-Erdene, Salosina I.V. Aspekty realizacii obraza Mongolii v russkoyazychnom internet-diskurse. Mezhdunarodnoe obrazovanie i mezhkul'turnaya kommunikaciya: problemy, poiski resheniya: Sbornik trudov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 26-27 oktyabrya 2016 g., g. Tomsk. Tomsk: Del'taplan, 2016. – S. 152 – 156.

THE IMAGE OF MONGOLIA IN SOVIET COLLECTIONS OF MONGOLIAN POETRY

*Gileva E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Novosibirsk State Technical University,
Siberian State University of Telecommunications
and Information Sciences,
Novosibirsk State Theatre Institute*

Abstract: the article presents the results of a comparative analysis of two collections of Mongolian poetry in Russian translations. One of them was published in the USSR in 1957, the second in 1981. The author of the study believes that the repertoire of literary translations created by a particular culture not only gives its bearers an idea of the specifics of other cultures, but also is an important evidence of the peculiarities of this culture and the actual processes taking place in it. The author seeks to find out which aspects of the image of Mongolia existing in Mongolian poetry turned out to be in demand by the national culture and were emphasized when compiling collections of translations. The most significant context in which the image of Mongolia is realized in the considered collections is the description of the landscape and the person merging with it and able to replace it. From the collection of 1957 to the collection of 1981, there is a noticeable decrease in ideological pathos, the departure of the glorification of the achievements of scientific and technological progress into the background, the promotion of humanistic themes. When the ideologically colored works published in the collection of 1957 are repeated in the collection of 1981, their place in the structure of the author's collection changes. Poems burdened with obvious ideological content, against the background of lyrical and epic poetry proper, referring to the spiritual and intellectual uniqueness of the author and to the richness of national culture, lose their significance. Their artistic qualities contrast so much with the artistic value of the latter that ideologically colored texts are perceived in the collection as evidence of compliance with the formalities inherent in the Soviet culture of the 1980s.

Keywords: Mongolian poetry, poetry of Mongolia, literature of Mongolia, image of Russia, Russian culture, Soviet culture, foreign literature

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ОЧЕРЕДНОЙ РАУНД

*Олейников С.В., доктор политических наук, профессор,
Приднестровский государственный
университет им. Т.Г. Шевченко, Молдова,
Ибраева Г.Ж., доктор политических наук, профессор,
Лабуш Н.С., доктор политических наук, профессор,
Никонов С.Б., доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Аннотация: статья посвящена краткому обзору обнародованной и реализуемой в российской Федерации концепции ее внешней политики. Учитывая, что вектор внешней политики государства возложен на Президента РФ, авторы определили, что за период избрания Президентом России В.В. Путина, он не изменялся. Авторы статьи рассмотрели программные речи Президента и кратко сформулировали основные их тезисы. Современный период ознаменован инициативами Российской Федерации об определении современного миропорядка. Речь идет именно о политическом формировании нового мира, подкрепленное и аргументированное наличием у трех держав, к которым авторы статьи относят Россию Федерацию, США и Китайскую народную республику оружия, использование которого может привести к мировой катастрофе.

Ключевые слова: Президент России, внешняя политика, мироустройство

Один из самых известных вопросов, который до настоящего момента не нашел своего ответа – это вопрос "Кто такой господин Путин?". Вопрос был задан международным обозревателем и колумнистом газеты Philadelphia Enquirer Труди Рубин (Trudy Rubin) на пленарном заседании Всемирного экономического форума в Давосе в 2000 году. Ответом было молчание. Зал смеялся, а российская делегация, во главе которой был Председатель правительства России Михаил Касьянов, продолжала молчать. В тот период Россия воспринималась страной, не способной вести внешнюю политику. Ее бывший президент – Борис Ельцин представлял себя «либералом» и пытался вместе со своими единомышленниками А. Чубайсом, Б. Немцовым, Б. Березовским и др. построить другую Россию, где власть денег должна была сменить «империю зла». Но он вел себя так, что простым гражданам России было за него стыдно. По словам Президента США, (тоже бывшего) Билла Клинтона, пьяный Ельцин, в период посещения Вашингтона в 1995 году, в одних трусах выбежал на улицу города и ловил такси [12]. То, что Президент России Б.Н. Ельцин злоупотребляет алкоголем, были слухи среди населения, но это только слухи. Ждать чего-то положительного от такого президента было сложно, если конечно «выгодоприобретатели», как считали некоторые граждане, не находились в ближайшем кругу его знакомых.

Отчасти, последствия такой политики, привели к сегодняшнему положению дел в международной политике и действиям сегодняшнего главы государства В.В. Путина, на которого население России возлагает надежды, что ему удастся исправить ошибки, допущенные в период, когда главой государства был Борис Ельцин.

Мы говорим, что в России, на В. Путина, даже спустя более чем 20 лет его нахождения во власти, большинство Россиян возлагают надежды и фактически одобряют его действия. Подтверждением этому являются результаты выборов Президента России, где по данным, представленным ЦИК РФ, победу в первом туре одержал действующий Президент России Владимир Путин с результатом 76,69% голосов от принявших участие в голосовании.

Естественно, это очень огорчило часть населения, которое относит себя к либеральной обществу. Средства массовой информации, например, такие как «Медуза», признанная в Российской Федерации иностранным агентом, так как финансировалась не из России, и в основном, не за счет денег российских читателей, а за счет субъектов, находящимися за пределами России, начали публиковать сообщения о том, что эти выборы были «нечестными», но и они не отрицали победу В. Путина. При этом в публикациях были ссылки на «конечную смешанную модель» (finite mixture model), разработанную Волтером Мебейном в 2016 году [8]. Но данная модель не учитывала, что в России часто голосуют «сердцем», и не верят «словам», которые произносят кандидаты в Президенты. Поэтому, при всем уважении, к научным разработкам американских ученых, верить статистике в России, простые граждане, не привыкли. А это электорат.

С момента, когда В. Путин стал Президентом России, на него легла ответственность за построение вектора внешней политики государства, которая была официально озвучена им в соответствующих документах и выступлениях.

Научное сообщество в Российской Федерации внимательно следит за изменениями внешнеполитического вектора. Практически, как только принимается новая Концепция внешней политики, ученые делают ее разбор, предлагают изменения, дополнения. 30 ноября 2016 г. Президент РФ В.В. Путин подписал указ об утверждении Концепции внешней политики России, (предыдущие редакции выходили в 1993, 2000, 2008 и 2013 гг.). По мнению российского ученого А.К. Боброва, подготовившего исследование об изменениях Концепций внешней политики в России «Столь частое «переиздание» внешнеполитических доктрин РФ, говорит о быстротечности происходящих в международных отношениях изменений, требующих немедленной реакции со стороны Москвы как активного участника различных глобальных и региональных процессов. Таким образом, выработка внешнеполитического курса и формулирование позиции России по ключевым вопросам международной повестки дня происходят практически на ежедневной основе в зависимости от тех ключевых событий, которые влияют на международные отношения в целом и затрагивают нашу страну в частности» [4]. В то же время, как нам представляется, на исследователей Концепции влияют понимания происходящего в России, которые видят Россию со стороны. Речь идет о ведущих иностранных специалистах, таких как А. Стэнт [13], Р. Саква [14], Р. Дональдсон [15], Р. Легвольд [16].

Но, одно дело – Концепция внешней политики России, другое дело ее понимание и разъяснение. Иногда складывается такое впечатление, что политики за пределами России ознакомились с документами, которые публикуются в России и за рубежом, только тогда, когда СМИ того или иного государства переведут эти документы или попросят для своих читателей прокомментировать их каких-либо «экспертов». Современная Европа, считая себя единым целым, по нашему мнению, не хочет прислушиваться к тому, что говорят восточнее Европы. Конец 2021 года, исходя из сообщений средств массовой информации ознаменовался неким энергетическим кризисом. Причем, он пришел для них весьма неожиданно и виновником такого кризиса, по их мнению, является Россия, так как не исполняет требование Европейского законодательства. Приведем пример выступления В. Путина в 2010 году, размещенного на официальном сайте Посольства России в Германии. Говоря о введении в Европейском Союзе документа известного как «третий энергопакет» В. Путин отметил: «При всех благих намерениях, он порождает серьезные риски в энергетическом хозяйстве Европы. Подрывает желание инвесторов вкладывать средства в новые проекты. В результате – че-

рез несколько лет вместо конкурентного рынка мы можем получить обветшавшую инфраструктуру, дефицит энергоресурсов, а значит – и высокие цены для европейских потребителей» [10]. Что мы видим в 2021 году? Цены на энергоресурсы выросли.

Европейский Союз неоднократно вводил, да и вводит экономические санкции в отношении России, за то, что она делает не то, что, по мнению чиновников Евросоюза она должна делать. В 2017 году В. Путин давая интервью немецкой газете «Хандельсблатт» предупредил, что «Прежние экономические модели практически исчерпали себя, протекционизм превращается в норму, а его скрытой формой становятся односторонние, политически мотивированные санкционные ограничения в торговле и инвестициях. В том числе – на распространение технологий. На наш взгляд, такие санкции не только бесперспективны, но и противоречат продвигаемым «двадцаткой» принципам взаимодействия в интересах всех стран мира» [11].

Возвращаясь к Концепции Внешней политики России, она практически не изменилась с момента Мюнхенского выступления В. Путина в 2007 году.

Основной посыл ее заключался в том, что ««Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня» [6].

18 марта 2014 года В. Путин опять озвучил внешнеполитический вектор России. Крымскую речь Путина, которую он произнёс в формате послания к Федеральному собранию при подписании межгосударственного договора между Российской Федерацией и государством Крым.

24 октября 2014 года В. Путин выступил с речью и ответил на вопросы перед участниками итогового заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», проходившему в Сочи.

28 сентября 2015 года Владимир Путин, как и другие мировые лидеры, выступил с речью на 70-ой Генеральной ассамблее ООН, проходившей в Нью-Йорке.

15 января 2020 года Владимир Путин выступил с ежегодным посланием Президента России Федеральному Собранию – в 16-ый раз за время своего правления.

Все выступления В. Путина соответствовали основному тезису, произнесенному им в 2007 году.

В данной статье мы попытаемся разобраться в причине, которая, по нашему мнению, является ключевой. Она заключается, как ни странно, в частой сменяемости власти в странах «западной демократии». Из тех политических лидеров, кото-

рые присутствовали при речи В. Путина в Мюнхене уже нет никого. Ни Президентом, ни советником президентов, ни лидеров государств. Все они сменились путем демократических переизбраний. Новые лидеры, строя свои взаимоотношения с Россией пытаются писать историю заново. В Европе это возможно. В России ценят стабильность. Страна, которая пережила время, когда страной руководил Б. Ельцин, ценит предсказуемость в действиях политиков. В Европе, да и в США политики, придя к руководству пытаются очернить того, кто был у «власти» до него или представляет угрозу отлучения вновь избранного руководителя от «кормушки» власти.

Разница в политической стабильности очевидна. Каждые четыре года Европу «трясет» от новых выборов. К ним готовятся заранее. Пытаются отменить законы, которые приняла предыдущая законно избранная власть. Законная, с точки зрения России. Например, события, произошедшие в Украине в феврале 2014 года, оцениваются как государственный переворот. Правда, и события Октябрьской революции 1917 года тоже не называют законными.

Возвращаясь к внешней политике России, конец 2021 года ознаменовался важными политическими событиями, которые положили начало, формированию нового мироустройства с учетом новых политических реалий. Три лидера ведущих держав, Президент России В. Путин, Президент США Д. Байден и Председатель КНР Си Цзиньпин провели поочередно видеовстречи, результаты разговор которых, до настоящего времени в полном объеме не оглашены.

Но в результате встреч, Российская Федерация предложила проект договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности. Одна из основных тем была прописана в статье 4 этого договора. «Соединенные Штаты Америки принимают обязательства исключить дальнейшее расширение Организации Североатлантического договора в восточном направлении, отказаться от приема в альянс государств, ранее входивших в Союз Советских Социалистических Республик».

Соединенные Штаты Америки не будут создавать военные базы на территории государств, ранее входивших в Союз Советских Социалистических Республик и не являющихся членами Организации Североатлантического договора, использовать их инфраструктуру для ведения любой военной деятельности, а также развивать с ними двустороннее военное сотрудничество».

Данный документ, несет в себе несколько составляющих. Первая составляющая – констатация факта, что Организации Североатлантического

договора, по сути подконтрольна США. Вторая составляющая – предложение «не будить русского медведя» и не подходить к его границам.

Естественно, это предложение немедленно было прокомментировано средствами массовой информации. Так в Статье The Wall Street Journal «Путин назвал свою цену» Svenska Dagbladet (Швеция): Путин и его ближайшее окружение проявляют твердость [1]. The Washington Post (США): Россия расширяет требования к Западу по гарантии безопасности [2].

В публикациях скорее видна растерянность авторов, так как они не знают, и не предполагают, какой ответ может дать политическая элита США. Для Российских граждан позиция достаточно понятная, она ничем не отличается от провозглашенной в 2007 году.

Литература

1. Jan Blomgren Putin och hans innersta krets har satt ned foten 2021/12/12 <https://www.svd.se/putin-och-hans-innersta-krets-har-satt-ned-foten>

2. Robyn Dixon, Paul Sonne Russia broadens security demands from West, seeking to curb U.S. and NATO influence on borders December 17, 2021. <https://inosmi.ru/politic/20211218/251154386.html>

3. Vladimir Putin Names His Price wsj , 18/12/2021 https://www.com/articles/vladimir-putin-names-his-price-kremlin-ukraine-nato-joe-biden-11639779103?mod=opinion_major_pos1

4. Бобров А.К. Эволюция концептуальных основ внешней политики России и их реализация в российской дипломатической практике на современном этапе (1991-2019 гг.): дис. ... на соиск. степени канд. ист. Наук / ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», 2020. <https://mgimo.ru/upload/2020/02/bobrov-diss.pdf>

5. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ. Результаты Выборов Президента Российской Федерации http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100084849066&vrn=100100084849062®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100084849066&type=227

6. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

7. Договор между Российской Федерацией и Соединенными штатами Америки о гарантиях безопасности (проект) https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/

8. Калинин К. Исследователь из Стэнфорда считает, что фальсификаций на выборах президента России было очень мало. Как он это вычислил? // Meduza 7.05. 2018 <https://meduza.io/feature/2018/05/07/issledovatel-iz-stenforda-schitaet-cto-falsifikatsiy-na-vyborah-prezidenta-rossii-bylo-ochen-malo-kak-on-eto-vychislil>

9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248

10. Путин В.В. Статья В.В. Путина в газете «Зюддойче Цайтунг». Россия и Европа: от осмысления уроков кризиса – к новой повестке партнёрства // Официальный сайт Посольства РФ в Германии. 2010. 25 ноября. Режим доступа: <https://russische-botschaft.ru/ru/2010/11/25/statya-v-v-putina-v-gazete-zyuddojiche-ca/>

11. Путин В.В. Статья Владимира Путина в немецкой газете «Хандельсблатт», 6 июля 2017 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54988>

12. Чинкова Е. Клинтон рассказал, как пьяный Ельцин в трусах такси ловил // Комсомольская правда, 22 09. 2009, <https://www.kp.ru/daily/24364/549164/>

13. Stent A. The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century / P. Princeton University Press, 2014.

14. Sakwa R. Russia Against the Rest: the Post-Cold War Crisis of World Order/Richard Sakwa // Cambridge University Press (October 12, 2017)

15. Donaldson R., Noguee Joseph L., Nadkarni V. The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests/Robert H. Donaldson, Joseph L.Nogee, Vidya Nadkarni // The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests/Routledge, 5th edition (December 18, 2014). 450 p.

16. Legvold R. Return to Cold War/Robert Legvold. Polity; 1 edition (April 22, 2016).185 p.

References

1. Jan Blomgren Putin och hans innersta krets har satt ned foten 2021/12/12 <https://www.svd.se/putin-och-hans-innersta-krets-har-satt-ned-foten>

2. Robyn Dixon, Paul Sonne Russia broadens security demands from West, seeking to curb U.S. and NATO influence on borders December 17, 2021. <https://inosmi.ru/politic/20211218/251154386.html>

3. Vladimir Putin Names His Price wsj , 18/12/2021 [https://www.com/articles/vladimir-putin-](https://www.com/articles/vladimir-putin-names-his-price-kremlin-ukraine-nato-joe-biden-11639779103?mod=opinion_major_pos1)

[names-his-price-kremlin-ukraine-nato-joe-biden-11639779103?mod=opinion_major_pos1](https://www.com/articles/vladimir-putin-names-his-price-kremlin-ukraine-nato-joe-biden-11639779103?mod=opinion_major_pos1)

4. Bobrov A.K. Evolyuciya konceptual'nyh osnov vneshnej politiki Rossii i ih realizaciya v rossijskoj diplomateskoj praktike na sovremennom etape (1991-2019 gg.): dis. ... na soisk. stepeni kand. ist. Nauk. FGAOU VO «Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii», 2020. <https://mgimo.ru/upload/2020/02/bobrov-diss.pdf>

5. Oficial'nyj sajt Central'noj izbiratel'noj komissii RF. Rezul'taty Vyborov Prezidenta Rossijskoj Federacii http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100084849066&vrn=100100084849062@ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vivid=100100084849066&type=227

6. Putin V.V. Vystuplenie i diskussiya na Myunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

7. Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Soedinnennymi shtatami Ameriki o garantiyah bezopasnosti (proekt) https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/

8. Kalinin K. Issledovatel' iz Stenforda schitaet, chto fal'sifikacij na vyborah prezidenta Rossii bylo ochen' malo. Kak on eto vychislil? Meduza 7.05. 2018 <https://meduza.io/feature/2018/05/07/issledovatel-iz-stenforda-schitaet-cto-falsifikatsiy-na-vyborah-prezidenta-rossii-bylo-ochen-malo-kak-on-eto-vychislil>

9. Konceptiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinyam 30 noyabrya 2016 g.). https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248

10. Putin V.V. Stat'ya V.V. Putina v gazete «Zyuddojche Cajtung». Rossiya i Evropa: ot osmysleniya urokov krizisa – k novej povestke partnyorstva. Oficial'nyj sajt Posol'stva RF v Germanii. 2010. 25 noyabrya. Rezhim dostupa: <https://russische-botschaft.ru/ru/2010/11/25/statya-v-v-putina-v-gazete-zyuddojiche-ca/>

11. Putin V.V. Stat'ya Vladimira Putina v nemeckoj gazete «Handel'sblatt», 6 iyulya 2017 g. Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54988>

12. CHinkova E. Klinton rasskazal, kak p'yanyj El'cin v trusah taksi lovil. Komsomol'skaya pravda, 22 09. 2009, <https://www.kp.ru/daily/24364/549164/>

13. Stent A. *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*. P. Princeton University Press, 2014.

14. Sakwa R. *Russia Against the Rest: the Post-Cold War Crisis of World Order*/Richard Sakwa. Cambridge University Press (October 12, 2017)

15. Donaldson R., Noguee Joseph L., Nadkarni V. *The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, En-*

during Interests. Robert H. Donaldson, Joseph L. Noguee, Vidya Nadkarni. *The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests*/Routledge, 5th edition (December 18, 2014). 450 p.

16. Legvold R. *Return to Cold War*. Robert Legvold. Polity; 1 edition (April 22, 2016). 185 p.

RUSSIA'S FOREIGN POLICY: THE NEXT ROUND

*Oleynikov S.V., Doctor of Political Sciences (Advanced Doctor), Professor,
T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Moldova,
Ibraeva G.Zh., Doctor of Political Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Labush N.S., Doctor of Political Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Nikonov S.B., Doctor of Political Sciences (Advanced Doctor), Professor,
St. Petersburg State University*

Abstract: the article is devoted to a brief overview of the concept of its foreign policy, promulgated and being implemented in the Russian Federation. Considering that the vector of the state's foreign policy is entrusted to the President of the Russian Federation, the authors determined that during the period when V.V. Putin, he has not changed. The authors of the article reviewed the President's keynote speeches and briefly formulated their main theses. The modern period is marked by the initiatives of the Russian Federation to define the modern world order. It is precisely about the political formation of the new world, supported and reasoned by the presence of the three powers, to which the authors of the article include the Russian Federation, the United States and the People's Republic of China, of weapons, the use of which could lead to a global catastrophe.

Keywords: President of Russia, foreign policy, world order

БРЕНД-ЖУРНАЛИСТИКА: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Ковальчук И.Ю., кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Троценко Л.А., старший преподаватель,
Тихоокеанский государственный университет,
Никулина П.О., специалист по связям с общественностью,
Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры*

Аннотация: в условиях сильной конкуренции и снижающейся эффективности традиционной рекламы компании вынуждены искать новые приемы и способы для продвижения своих товаров и услуг. Одним из таких способов является бренд-журналистика. Статья посвящена бренд-журналистике как феномену, возникшему на стыке традиционной журналистики и маркетинга. Актуальность работы обусловлена возросшим интересом к исследованию прагматических аспектов современной медийной коммуникации. Цель данной работы состоит в выявлении особенностей бренд-журналистики как одного из основных направлений в развитии новых медиа. В исследовании представлена история возникновения и развития бренд-журналистики как особого феномена современной медиасферы, описаны типовые модели бренд-журналистики в прагматическом аспекте, представлены результаты сопоставительного анализа бренд-медиа с корпоративными и традиционными СМИ, рассмотрены преимущества и недостатки бренд-журналистики как явления современной медиасферы. В результате доказано, что бренд-журналистика является уникальным феноменом, вобравшим в себя достижения традиционной журналистики и эффективные маркетинговые стратегии. На современном этапе развития медиасферы бренд-медиа по сравнению с традиционными изданиями обладают рядом преимуществ, проявляющихся в совершенствовании прагматического воздействия на целевую аудиторию.

Полученные данные могут быть применены как при изучении спецкурса о новых медиа студентами-журналистами, так и при создании или модернизации бренд-СМИ.

Ключевые слова: бренд-журналистика, новые медиа, корпоративные СМИ, сторителлинг

В июне 2004 года на конференции американского новостного агентства AdvertisingAge, которое анализирует сферы рекламы и маркетинга, директор по маркетингу «МакДональдс» Ларри Лайт представил новую стратегию продвижения бренда под девизом «Вот, что я люблю». В рамках этой рекламной кампании впервые был использован термин «бренд-журналистика». Маркетологи корпорации поняли, что обращаться ко всем потребителям с одним фиксированным сообщением неэффективно. Было принято решение использовать «поточный подход к контенту», то есть передавать отличные друг от друга рекламные сообщения на разных платформах, ориентируясь на разные группы целевой аудитории [9]. Но большого успеха данная кампания не принесла, так как, обосновав стратегию на теоретическом уровне, «МакДональдс» не смог ее достойно реализовать. Маркетологи предприняли попытку заговорить с разными группами потребителей на их языке, при этом опираясь на закрытый для маневров, традиционный рекламный канал – телевидение [2]. Коммуникационные возможности телевидения не позволили по отдельности обратиться к разным половозрастным группам от имени одной компании. А в интернет этот принцип тогда перенесен не был. В итоге бренд-журналистика на несколько лет потеряла свою актуальность.

Принципы бренд-журналистики стали актуальны на пороге 2010 года. Эксперты считают, что предпосылкой к этому послужил экономический

кризис 2008-2009 годов, приведший к тому, что американцы перестали доверять корпорациям и оказались вне зоны действия традиционных средств рекламы [17]. Кроме того, потребители были перенасыщены различного рода рекламной информацией. Бизнесменам пришлось искать новые пути эффективного взаимодействия. Маркетологи сделали ставку на то, что человеку свойственно выбирать долгосрочные, наполненные смыслом отношения. В этом плане качественная журналистика, основанная на принципах сторителлинга, вызывает у читателя больше доверия, чем разовые рекламные акции. Также развитию бренд-журналистики способствовало изменение информационной среды. Если ранее для создания качественного продающего текста или размещения рекламного ролика компаниям приходилось обращаться к традиционным СМИ, то теперь, благодаря возможностям интернета и социальных сетей, корпорации могут взаимодействовать со своей аудиторией без посредников.

В статье для новостного агентства AdvertisingAge Ларри Лайт в 2010 году назвал три основных, по его мнению, принципа бренд-журналистики, которые актуальны до сих пор: постоянство, многомерность и журналистичность [9]. Постоянство в данном случае понимается как создание непрерывного информационного потока полезной, релевантной для читателя информации, которая призвана увлечь аудиторию, вызвать ее интерес. Многомерность характеризуется уходом

от модели монологического повествования компании к диалогу с потребителем; этот процесс реализуется путем распространения контента на разных, в том числе и интерактивных, платформах. Принцип журналистичности отвечает за профессиональную работу с информацией. Имиджевые и рекламные сообщения должны иметь тему, главную идею и проблему, как и журналистские тексты. А совокупность этих сообщений должна образовывать определенную историю бренда по аналогии с тем, как все материалы СМИ формируют повестку дня.

В современном медиадискурсе нет утвержденного исследователями определения понятию «бренд-журналистика». Само слово «бренд» с английского переводится как торговый знак и обозначает комплекс информации о компании, товаре или услуге [6]. Понятие «журналистика», в свою очередь, имеет несколько смысловых оттенков в зависимости от источника толкования. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова «журналистика» – это литературно-публицистическая деятельность в журналах, газетах. Также этим понятием могут собирательно обозначаться периодические издания [16, с. 172]. В Большом энциклопедическом словаре «журналистика» определяется как деятельность по сбору, обработке и распространению информации с помощью средств массовой информации (печать, радио, телевидение, кино и др.) [5]. Таким образом, можно предположить, что бренд-журналистика включает принципы или приемы традиционного журналистского творчества, которые помогают сформировать облик компании.

Маркетолог LittleBigAgency В. Богданов определяет бренд-журналистику как «коммуникацию, разработанной SMM-стратегии через вовлекающие формы контента, формат которых шире обыкновенного поста» [4]. Данное определение довольно узкое и не включает в себя таких аспектов бренд-журналистики, как собственно создание информационной повестки, рассказывание историй, удовлетворение интересов аудитории. Соответственно, существует необходимость в расширении и уточнении данного понятия. Предлагаем использовать следующее определение: бренд-журналистика – это явление на стыке маркетинга и журналистики, которое заключается в непрерывном создании качественного информационного контента с использованием всех достижений журналистского творчества и его распространении на различных платформах под эгидой определенного бренда с целью создания благоприятного образа компании в глазах целевой аудитории.

Бренд-журналистика призвана одновременно решать задачи журналистики, то есть давать аудитории актуальную, объективную и релевантную

информацию, и маркетинга, а именно: создавать определенный имидж компании, управлять им и распространять ценности бренда среди определенной аудитории. Журналист и эксперт агентства JWT Кайл Монсон считает: «Это объективная хроника бренда, поддерживаемая через медийные каналы ... Инициатором медиа или контента становится владелец бренда, но это не рекламный, а журналистский продукт, конкурирующий на медийном рынке» [14].

Маркетологи компании HubSpot, которая специализируется на разработке и продвижении инструментов для маркетинга в социальных сетях, веб-аналитики и поисковой оптимизации, выделили четыре модели бренд-журналистики [10].

1. Создать узнаваемый бренд.

Бизнес-обозреватель «Forbes» Томас Кельнер, уверен, что хорошие истории о жизни компании будут намного интереснее скучных пресс-релизов [10].

2. Рассказывать новости отрасли.

Удачный опыт внедрения такой модели бренд-журналистики получила компания Intel. В 2010 году внутри корпорации был создан новостной портал «IntelFreePress». Медиа освещает не только достижения Intel, но и всей сферы в целом. Его основатель Билл Колдер считает, что их публикации должны побуждать другие СМИ интересоваться развитием отрасли. «Цель здесь состоит в том, чтобы показать реальный закулисный контекст и охватить вещи, которые мы считаем актуальными, даже если они не могут быть непосредственно связаны с нашим основным бизнесом», – уверен Б. Колдер [10]. Многочисленные ссылки на Intel обеспечивают компании доверие пользователей и расположение СМИ.

3. Создать свой новостной сайт.

Данная модель успешно используется компанией AdobeSystems, которая занимается разработкой программного обеспечения. Adobe известна как корпорация, продающая наборы программ для отделов маркетинга. В 2009 году бренд вкладывается в создание информационного ресурса CMO.com, который продуктивно работает по адресу <https://cmo.adobe.com/>. Отличие данной стратегии от предыдущей заключается в том, что редакция «CMO» практически не создает уникального контента, занимаясь агрегацией лучших материалов более чем из 150 сторонних медиа, связанных с маркетингом. «Редакторы просматривают этот контент каждый день, выбирая только лучшее и наиболее уместное для включения на сайт. Кроме того, CMO.com производит свой собственный «эксклюзивный контент», который либо пишут лучшие деловые журналисты области, либо присылают бренды, агентства, консультанты или ис-

следователи из этой отрасли», – говорит главный редактор портала Тим Моран [10].

4. Привлекать новых клиентов.

Из всех представленных моделей данная развита в России сильнее всего. Основная цель стратегии – лидогенерация – привлечение новых клиентов для компании. Чаще всего для такой работы используют блог на сайте компании, подкрепленный работой в социальных сетях. Если в предыдущих моделях редакции не всегда следят за трафиком своего сайта, то здесь анализ метрик является важным показателем, поскольку напрямую иллюстрирует, сколько человек привлекла редакция за определенный промежуток времени.

По такому принципу работает аналитический сервис HubSpot. Для привлечения клиентов корпорация использует блог. Он работает по образцу газеты, имея четыре раздела: «Маркетинг», «Продажи», «Инсайдеры» и «Мнения». У каждого раздела есть свой редактор. Основной контент блога призван привлечь внимание читателя к услугам и продуктам компании, поэтому вся редакция отчитывается перед отделом маркетинга [10].

Таким образом, первые три редакционные модели в большей степени зарабатывают доверие клиентов и лояльность инвесторов и в меньшей степени – деньги. Само издание или блог существует за счет бренда, который получает отложенную выгоду. Доверие клиентов перерастает в верность определенному бренду, а значит повышает объем продаж и обеспечивает стабильность компании. Однако нельзя точно подсчитать, сколько людей заинтересовалось брендом благодаря работе редакции. Четвертая модель открыто привлекает покупателей. Можно сказать, что принцип лидогенерации больше тяготеет именно к маркетингу, чем к журналистике.

Одновременно с бренд-журналистикой на медиарынке существует и другая группа изданий, которые выпускаются на средства компаний и отражают их интересы. Это корпоративная пресса. Российский исследователь Сергей Серебряков считает, что корпоративные СМИ – это «выходящие с определенной периодичностью (не реже раза в год) печатные издания, издаваемые за счет компании (полностью или частично), предназначенные для конкретной целевой группы и отражающие интересы компании» [18]. Это определение перекликается с понятием бренд-журналистики по таким признакам, как нацеленность на конкретную аудиторию, финансирование за счет корпорации и продвижение ее интересов.

Другой взгляд на это явление у одного из основателей Института по связям с общественностью Сэмюэля Блэка. Он писал, что корпоративные медиа (owned media в англоязычных странах) – это

«некоммерческие издания, выпускаемые организациями для поддержания контакта с сотрудниками и широкой общественностью за пределами организации» [3]. Здесь появляются новые вводные: организация не должна быть создана для получения прибыли, но должна поддерживать контакт со своими сотрудниками. Из этих определений следует, что корпоративная пресса бывает нескольких видов, некоторые из которых работают по принципу бренд-журналистики, а некоторые не имеют с ней ничего общего.

Российский исследователь теории журналистики Д. А. Мурзин делит корпоративные издания на четыре вида, в рамках которых можно выделить несколько подвидов, зависящих от функций СМИ [15].

Первый вид изданий – внутрикорпоративные СМИ – направлен на донесение важной, актуальной и командообразующей информации работникам компании. В зарубежной классификации такие издания называются b2p или business-to-personnel. Они нацелены на такие аудиторные группы, как весь персонал, линейные менеджеры или топ-менеджеры. Зачастую эти издания приводят примеры из жизни успешных сотрудников, дают советы от имени генеральных директоров и прививают единую корпоративную культуру.

Издания для внешней аудитории характеризуются своим разнообразием. Они могут быть нацелены на разные аудиторные группы в зависимости от целей компании. Так отраслевые издания формата b2b (business-to-business) обращаются к персоналу компании, работникам всей отрасли или даже к представителям власти. Они говорят на профессиональном, свойственном их деятельности языке и поднимают актуальные для отрасли проблемы. Примером такого издания является журнал «Золотодобывающая промышленность», учрежденный ООО «Золотой Стандарт» [8]. Клиентские издания формата b2c (business-to-client) своей аудиторией видят реальных и потенциальных клиентов компании. Их цель – привлечь внимание целевой аудитории, показать преимущество своего товара или услуги над другими продуктами отрасли. К таким изданиям можно отнести бортовой журнал компании «Аэрофлот», который через lifestyle формат показывает читателям лучшие стороны авиакомпаний [1]. Просветительские журналы, созданные для корпоративных клиентов, обычно распространяются с корреспонденцией и имеют ограниченный тираж. Их задача заинтересовать заранее известную целевую аудиторию и продать основной продукт компании. Издания смешенного типа могут совмещать в себе разнообразные темы, интересные как клиентам, так и сотрудникам. Тем самым они больше напоминают

традиционные СМИ, чем издания, нацеленные на одну конкретную аудиторию.

Последний тип изданий в классификации Д.А. Мурзина – бывшие многотиражки. По мнению автора, данный тип специфичен для российского медиарынка. Многотиражками назывались советские корпоративные газеты, издававшиеся большими тиражами для работников разных промышленных центров. В случаях, когда промышленность – градообразующая отрасль экономики, такие СМИ одновременно являются городскими газетами [15]. Важно отметить, что советские многотиражные издания оказали огромное влияние на формирование российской корпоративной прессы. Целью многотиражных газет было мобилизовать рабочих на выполнение планов руководства, внушить им определенные установки и показать идеал труженика. Многотиражки являлись агитатором, пропагандистом и организатором общественной жизни в одном лице.

В настоящее время некоторые корпорации все еще не могут пережить «синдром многотиражки» и продолжают выпускать издания, которые без устали восхваляют саму компанию, ее продукцию и руководящий состав. Так, корпоративный журнал «Газпром», учрежденный одноименным публичным акционерным обществом, как нельзя лучше подходит под стандарты советской многотиражной газеты [7]. Издание освещает исключительно собственную деятельность, экспертами во всех материалах выступают сотрудники управляющих должностей. Также издание показывает только положительные аспекты газо- и нефтепереработки. Публикации показывают все явления и события лишь с одной стороны, выгодной для учредителя. Судя по содержанию, целевой аудиторией издания являются крупные инвесторы, другие корпорации и в последнюю очередь сами сотрудники. Ограниченность тем, связанных исключительно с результатами производственной деятельности, не позволяет говорить о каком-либо приросте аудитории: издание всегда будет иметь фиксированное число заинтересованных читателей. Таким образом, несмотря на то, что журнал «Газпром» учрежден корпорацией и ставит своей целью создавать привлекательный образ компании, пользуясь инструментами журналистики, его нельзя отнести к бренд-журналистике.

Из всего многообразия корпоративной прессы, описанной Д.А. Мурзиным, принципам бренд-журналистики отвечают только издания второго и третьего типов. В отличие от других они стремятся продвигать не только идеи компании, но и свой продукт. Судя по целевой аудитории, к которой обращаются эти медиа им приходится придерживаться одной из четырех моделей бренд-

журналистики: в выгодном ключе освещать работу своей компании, рассказывать все новости сферы (отрасли), привлекать новых клиентов или агрегировать интересные материалы определенной тематики либо работать сразу по нескольким из этих направлений.

Таким образом, бренд-журналистика выросла из корпоративной прессы, но в процессе интеграции в интернет-среду приобрела больше характеристик от новых медиа. Именно поэтому, если представить медиасферу как совокупность кругов Эйлера, целая плеяда изданий окажется на стыке журналистики брендов и корпоративной прессы. Этот феномен можно объяснить и тем, что корпоративные СМИ не ограничены в инструментах, поэтому при желании могут легко трансформироваться в медиахолдинг и начать свой путь в бренд-журналистике.

При всех различиях у бренд-журналистики и корпоративных медиа есть ряд существенных преимуществ перед традиционными изданиями. Исследователь медиасферы А. Мирошниченко говорит о том, что корпорации все чаще пользуются профессиональными журналистскими приемами, производят качественный контент и «превращаются в сами-себе-медиа. Они перенимают редакционные приемы: на их сайтах есть ленты новостей, аналитика, мнения, подкасты, интервью со звездами и т.п.» [13]. Бренды могут позволить себе свободно экспериментировать с мультиплатформами и другими трендами. Исследователь считает, что именно корпорации будут задавать тренды в журналистике.

У бренд-медиа и корпоративных СМИ есть ряд отличий от традиционных СМИ и традиционных рекламных кампаний:

Во-первых, популярным приемом бренд-журналистики является сторителлинг – один из ключевых методов традиционной журналистики. Увлекательные истории о появлении бренда или о сотрудниках компании ни к чему не обязывают аудиторию и ничего ей не продают. Они легко читаются и воспринимаются, поэтому потребители доверяют им. По этому принципу действует компания Coca-Cola. С середины 80-х годов XX века компания выпускала корпоративное СМИ для сотрудников Coca-Cola Journey, где печатались разнообразные истории о самом бренде и о тех, кто на него работает. Компания уже тогда имела обширную географию, а значит, истории сотрудников из Америки, Германии и, например, Индии отличались по содержанию и смысловым акцентам. В 2012 году Coca-Cola запустила сайт с таким же названием, но сделала его общедоступным и начала его активное продвижение. Объясняя этот маркетинговый ход, директор Coca-Cola Company

по цифровым коммуникациям и социальным медиа Эшли Браун сказал: «И мы подумали: а почему это наши такие классные CokeStory должны оставаться внутренними?» [12]. Таким образом, лидеры компании сделали свою внутреннюю корпоративную культуру основой для всей медийной политики.

Во-вторых, пока «независимая» журналистика теряет свои доходы, пытаясь удержать немногочисленных рекламодателей, бренд-медиа не испытывают финансовых проблем, а значит могут свободно экспериментировать над формой и содержанием публикуемой информации. Например, в 2012 году в рамках проекта RedBullStratos Феликс Баумгартнер вышел в открытый космос и установил несколько мировых рекордов. Событие активно освещалось всеми СМИ мультиплатформенной медиакомпания RedBullMediaHouse, вызвав небывалый интерес среди потенциальных потребителей. Компания потратила на реализацию проекта 50 миллионов долларов, хотя он не был направлен на собственно продажу напитков. «RedBull создал контент, который распространял себя сам, – пишет А. Мирошниченко. – И вместе с контентом распространялся бренд его производителя, по совместительству – производителя энергетического напитка» [12].

В-третьих, бренд-СМИ явно ангажированы, но аудитория им доверяет. Этот парадокс возник из-за того, что якобы независимые традиционные СМИ часто готовы продать не только рекламные площади, но и часть содержания любому рекламодателю, независимо от его статуса и интересов аудитории. «Скрытая торговля контентом неизбежно вредит моральному облику журналистики, снижает общественное доверие», – пишет А. Мирошниченко. В то время как СМИ, учрежденные компаниями, стараются завоевать доверие большего количества людей, предлагая им максимально релевантную и уникальную информацию [11].

Но у бренд-медиа есть и отрицательная сторона, когда издание освещает исключительно деятельность бренда и исключительно в положительном ключе. Исследователи называют это явление «синдромом многотиражки», по аналогии с корпоративными газетами и журналами, выходящими в советское время на крупных предприятиях. Зацикленность на собственном бренде ведет к потере внимания со стороны потребителей. Деятельность корпорации, не оформленная в увлекательную интерактивную историю, не сможет долго удерживать интерес аудитории.

Таким образом, бренд-журналистика является уникальным феноменом на стыке маркетинга и традиционной журналистики. Несмотря на то, что методы и стандарты журналистики брендов еще

только формируются и не до конца изучены исследователями медиасферы, она эффективно решает журналистские задачи в конкурентной медиасреде. При правильном определении интересов аудитории, тематической направленности и миссии бренд-медиа намного эффективнее справляется с созданием благоприятного имиджа компании. Стратегия бренд-журналистики не направлена на прямые продажи продукции, но она обеспечивает узнаваемость бренда и доверие к нему.

Литература

1. Аэрофлот: бортовой журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/information/onboard/press> (дата обращения: 10.10.2021)
2. Биргер П. Бренд-журналистика может быть эффективной // Republic: [сайт]. 2020. 17 сент. URL: <https://republic.ru/posts/1/462940> (дата обращения: 01.07.2021)
3. Блэк С. Введение в паблик рилейшнз: пер. с англ. Ростов на Дону, 1998. 158 с.
4. Богданов В. Бренд-журналистика – новый SMM // Cossa: [интернет-издание о маркетинге и коммуникациях в цифровой среде]. 2014. 23 сент. URL: <https://www.cossa.ru/152/86090/> (дата обращения: 12.08.2021)
5. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Рос. энцикл. 2004. 1456 с.
6. Бренд: /определение термина // Академик: [сайт]. 2000-2021. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/58279> (дата обращения: 21.07.2021)
7. Газпром: корпоративный журнал: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/press/journal/journal-gazprom/> (дата обращения: 10.10.2021)
8. Золотодобывающая промышленность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goldmining.ru/index.html> (дата обращения: 12.10.2021)
9. Лайт Л. Бренд-журналистика – это современный маркетинговый императив // AdvertisingAge: [сайт]. 2014. URL: <https://adage.com/article/guest-columnists/brand-journalism-a-modern-marketing-imperative/294206> (дата обращения: 19.07.2021)
10. Лайонс Д. Руководство СМО по брендовой журналистике // The Lyons series, Vol. 1. [сайт]. URL: <https://www.hubspot.com/cmos-guide-to-brand-journalism/four-models> (дата обращения: 14.07.2021)
11. Мирошниченко А. Журналистика брендов // OPENSPACE.RU [сайт]. 2011. 8 апр. URL: <http://os.colta.ru/media/projects/19888/details/21686/> (дата обращения: 23.08.2021)

12. Мирошниченко А. Как корпорации становятся медиа // Sostav [сайт]. 2013. 18 сент. URL: <https://www.sostav.ru/publication/kak-korporatsii-stanovyatsya-media-5473.html> (дата обращения: 10.09.2021)

13. Мирошниченко А. Сам себе медиа. Москва: OPENSOURCE.RU [сайт]. 2011. URL: <http://os.colta.ru/media/projects/19888/details/20588?expand=yes#expand> (дата обращения: 19.09.2021)

14. Монсон К. Бренд-журналистика может быть эффективной // Блог о маркетинге, жизни и сервисе вокруг нас [сайт]. 2010. URL: https://www.michelino.ru/2010/11/blog-post_2320.html (дата обращения: 08.12.2021)

15. Мурзин Д.А. Феномен корпоративной прессы. Москва: Хроникер: Компания РАСТР, 2005. 188 с.

16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»», 2005. 896 с.

17. Полиит-Заниздра Т.А. Бренд-журналистика – новое направление в маркетинге или в журналистике? // Молодой ученый. 2014. № 19. С. 350 – 351. URL: <https://moluch.ru/archive/78/13514/> (дата обращения: 21.07.2021)

18. Серебряков С. Самиздат в фирменной упаковке // Советник. 2003. № 8. С. 56 – 58.

References

1. Aeroflot: bortovoj zhurnal [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/information/onboard/press> (дата обращения: 10.10.2021)

2. Birger P. Brend-zhurnalistika mozhet byt' effektivnoj. Republic: [sajt]. 2020. 17 sent. URL: <https://republic.ru/posts/1/462940> (дата обращения: 01.07.2021)

3. Blek S. Vvedenie v pablik rilejshnz: per. s angl. Rostov na Donu, 1998. 158 s.

4. Bogdanov V. Brend-zhurnalistika – novyj SMM. Cossa: [internet-izdanie o marketinge i kommunikacijah v cifrovoj srede]. 2014. 23 sent. URL: <https://www.cossa.ru/152/86090/> (дата обращения: 12.08.2021)

5. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. gl. red. A.M. Prohorov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Bol'shaya Ros. encikl. 2004. 1456 s.

6. Brend: /opredelenie termina. Akademik: [sajt]. 2000-2021. URL:

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/58279> (дата обращения: 21.07.2021)

7. Gazprom: korporativnyj zhurnal: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.gazprom.ru/press/journal/journal-gazprom/> (дата обращения: 10.10.2021)

8. Zolotodobyvayushchaya promyshlennost' [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.goldmining.ru/index.html> (дата обращения: 12.10.2021)

9. Lajt L. Brend-zhurnalistika – eto sovremennyy marketingovyj imperative. AdvertisingAge: [sajt]. 2014. URL: <https://adage.com/article/guest-columnists/brand-journalism-a-modern-marketing-imperative/294206> (дата обращения: 19.07.2021)

10. Lajons D. Rukovodstvo SMO po brendovoj zhurnalistike. The Lyons series, Vol. 1. [sajt]. URL: <https://www.hubspot.com/cmos-guide-to-brand-journalism/four-models> (дата обращения: 14.07.2021)

11. Miroshnichenko A. Zhurnalistika brendov. OPENSOURCE.RU [sajt]. 2011. 8 apr. URL: <http://os.colta.ru/media/projects/19888/details/21686/> (дата обращения: 23.08.2021)

12. Miroshnichenko A. Kak korporatsii stanovyatsya media. Sostav [sajt]. 2013. 18 sent. URL: <https://www.sostav.ru/publication/kak-korporatsii-stanovyatsya-media-5473.html> (дата обращения: 10.09.2021)

13. Miroshnichenko A. Sam sebe media. Moskva: OPENSOURCE.RU [sajt]. 2011. URL: <http://os.colta.ru/media/projects/19888/details/20588?expand=yes#expand> (дата обращения: 19.09.2021)

14. Monson K. Brend-zhurnalistika mozhet byt' effektivnoj. Blog o marketinge, zhizni i servise vokrug nas [sajt]. 2010. URL: https://www.michelino.ru/2010/11/blog-post_2320.html (дата обращения: 08.12.2021)

15. Murzin D.A. Fenomen korporativnoj pressy. Moskva: Hroniker: Kompaniya RASTR, 2005. 188 s.

16. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: Ok. 53 000 slov. Pod obshch. red. prof. L.I. Skvorcova. 24-e izd., ispr. M.: ООО «Izdatel'skij dom «ONIKS 21 vek»», 2005. 896 s.

17. Poliit-Zanizdra T.A. Brend-zhurnalistika – no-voe napravlenie v marketinge ili v zhurnalistike? Molodoy uchenyj. 2014. № 19. С. 350 – 351. URL: <https://moluch.ru/archive/78/13514/> (дата обращения: 21.07.2021)

18. Serebryakov S. Samizdat v firmennoj upakovke. Sovetnik. 2003. № 8. С. 56 – 58.

BRAND JOURNALISM: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

*Kovalchuk I.Yu., Candidate of Philological
Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,*

*Trotsenko L.A., Senior Lecturer,
Pacific National University,*

Nikulina P.O., PR Specialist,

Regional Scientific and Educational Creative Association of Culture

Abstract: in conditions of strong competition and declining efficiency of traditional advertising, companies are forced to look for new techniques and ways to promote their goods and services. One of these ways is brand journalism. The article is devoted to brand journalism as a phenomenon that emerged at the intersection of traditional journalism and marketing. The relevance of the work is due to the increased interest in the study of modern media communication pragmatic aspects. The purpose of this research is to identify the features of brand journalism as one of the main directions in the development of new media. The study presents the history of the emergence and development of brand journalism as a special phenomenon of the modern media sphere, describes typical models of brand journalism in a pragmatic aspect, presents the results of a comparative analysis of brand media with corporate and traditional media, considers the advantages and disadvantages of brand journalism as a phenomenon of the modern media sphere. It has been proven that brand journalism is a unique phenomenon that has incorporated the achievements of traditional journalism and effective marketing strategies. At the current stage of the media sphere development, brand media have a number of advantages in comparison with traditional publications, which are manifested in the improvement of the pragmatic impact on the target audience.

The obtained data can be applied both in the study of a special course on new media by student journalists, and in the creation or modernization of brand media.

Keywords: brand journalism, new media, corporate media, storytelling

АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ ИМЁН ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

*Чжоу Цзыхань,
Российский университет дружбы народов*

Аннотация: «Сон в красном тереме» – один из четырёх китайских классических романов, другое название этого романа: «Записки о камне», автор романа – Цао Сюэцинь. Роман называется энциклопедией китайского феодального общества. В романе «Сон в красном тереме» насчитывается более 400 персонажей, каждый из которых имеет имя. Создавая эти имена, автор Цао Сюэцинь придавал особое внимание значениям этих имен. В данной статье, принимаясь имена персонажей являются объектом исследования, подробно анализируются значения имён персонажей. Полученные результаты и сделанные выводы способствуют лучшему пониманию русскоязычными читателями этого романа в частности и китайской культуры имён в целом. Было выявлено, что имена всех персонажей составляют интересную и сложную систему, каждое из них имеет особое значение, прослеживаются многочисленные связи между именами, смыслами, отношениями. В ходе исследования было обнаружено, что в ряде ситуаций даже читателям, говорящим на китайском языке, трудно полностью и достоверно понять глубокий смысл имён, что естественно, добавляет затруднения для понятия персонажей и всего романа в целом. Посредством данной статьи автор надеется помочь русскоговорящим исследователям в изучении и переводе романа «Сон в красном тереме», изучении китайской культуры и китайского народа, а также стимулировать интерес исследователей, как отечественных, так и зарубежных, к этому выдающемуся роману и к китайской традиционной культуре.

Ключевые слова: роман «Сон в красном тереме», имена персонажей, китайская культура имён, фамилия, значение имени

Имя дается при рождении каждому человеку, в Китае оно представляет собой благословение семьи и своего рода пожелание родителей для детей. Имя – это не только имя собственное, это символ кровных отношений в социальной структуре и важная часть национальной культуры, из имени можно понять национальные ценности, религиозные убеждения и т.д.

Су Дунпо, известный поэт в династии Сун, утверждает, что имя – это единственное в мире, что нельзя оскорблять. В Китае распространена поговорка: «Дать ребенку деньги хорошо, но научить ребенка мастерству лучше; научить ребенка мастерству хорошо, но наречь ребенка хорошим именем лучше». Китайцы рассматривают имена как чрезвычайно важную часть жизни человека. Китайская система фамилий является продуктом клановых кровных отношений и проявлением патриархальной системы [1].

Структура китайских имен: фамилия + имя. Фамилия находится перед именем. Китайцы обращают внимание на фамилию и принимают фамилию за фундамент, демонстрирующий семейную принадлежность каждого человека. Это тесно связано с китайскими национальными традициями, которые придают большое значение семье. На сегодняшний день в Китае насчитывается 100 самых распространенных фамилий. Источники фамилий разнообразны: место жительства, профессия или навыки, служебные должности и т.д.

Для китайцев имя – это доказательство существования. В отличие от фамилии, имя олицетворяет добрые пожелания родителей своим детям. Например, 紫涵 (Цзыхань) расшифровывает-

ся так: «紫» (Цзы, «фиолетовый цвет»), происходит от фразеологизма 紫气东来 (Цзы Ци Дун Лай), который обозначает благоприятное предзнаменование, а «涵» (хань) означает «воспитанный». Поэтому это имя означает: «надеюсь, что наш ребенок будет счастлив и воспитан». В китайской культуре у человека может быть несколько имён: детское, школьное, брачное имя и даже псевдоним [2].

Именная система в романе «Сон в красном тереме»

Имена собственные в романе «Сон в красном тереме» многочисленны и сложны, они объединены в сложную и хорошо организованную систему. Имена имеют глубокие скрытые смыслы и особые функции в романе. С целью анализа значений имён персонажей в романе «Сон в красном тереме» составлена следующая классификация:

1. Имена хозяев

1.1. Мужские имена. Создавая имена мужчин семьи Цзя, Цао Сюэцинь остроумно использовал характеристики китайских иероглифов – это ключ для разграничения поколений и положений. Например, ключ имён первого поколения в семье Цзя – вода (氵): 贾演 (Цзя Янь), 贾源 (Цзя Юань). Этот ключ обозначает, что данное поколение является началом семейного благополучия. Ключ имён второго поколения – (亻), он буквально означает «одиноким человеком»: 贾代善 (Цзя Дайшань), 贾代化 (Цзя Дайхуа). Ключ олицетворяет доброжелательный характер персонажей, о котором можно узнать из рассказа матушки Цзя в романе. Ключ имён третьего поколения – (父): 贾敬

(Цзя Цзин), 贾赦 (Цзя Шэ), 贾政 (Цзя Чжэн). Отражает благовоспитанный характер этого поколения. Ключ имён четвёртого поколения – нефрит (玉): 贾珍 (Цзя Чжэнь), 贾琏 (Цзя Лянь), 贾宝玉 (Цзя Баоюй). Это поколение родилось в период расцвета семьи Цзя и жили они наиболее роскошно. Ключ имён пятого поколения – трава (+): 贾蓉 (Цзя Жун), 贾兰 (Цзя Лань), 贾芸 (Цзя Юнь). Это поколение живет в то время, когда семья Цзя пришла в упадок. Ключ (+) подразумевает, что даже если семья Цзя сталкивается с распадом, в конечном итоге она возродится, это можно понять из комментария матери Цзя Лань – Ли Вань (李纨) [3].

1.2. Женские имя. В соответствии с китайским значением, 王熙凤 (Ван Сифэн) предполагает ее благородную личность; 林黛玉 (Линь Дайюй) показывает, что она слаба и чувствительна; 薛宝钗 (Сюэ Баочай) показывает, что она благородного происхождения и имеет особый статус. По сути, значения женских имён так богаты, потому что большинство из них происходят из поэзии, потом это будет подробно объяснено. Структура имён замужних женщин в Китае иная [4]. Замужние женщины обычно называются: 姓氏+夫人 (Фамилия + госпожа), 丈夫姓名+家的 (жена мужчины). Например, 林之孝家的 (жена Линь Чжисяо), 王夫人 (госпожа Ван).

Легко заметить, что мужские имена различаются по формам китайских иероглифов, в то время как женские имена даются в соответствии с их особенностями и личностями.

2. Имена служащих

Эта группа в основном объединяет слуг в семье Цзя. Семья Цзя — большая, поэтому в ней большое количество слуг. Слуги семьи Цзя играют важную роль в этом романе, некоторые слуги более важны, чем некоторые хозяева, поэтому Цао Сюэцинь усердно трудился над именами слуг. Имена слугам даются разными способами.

Имена некоторых служащих используются для того, чтобы показать особый статус их хозяев, например, 琥珀 (Хупо), 珍珠 (Чжэньчжу). Они являются служанками матушки Цзя. Матушка Цзя обладает самым высоким положением в этой семье, и имена её слуг должны отражать её статус. Её слуги в основном названы именами драгоценных камней и роскошных предметов. Таким образом, исходя из ценности предметов, которые являются именами для слуг, читатели могут узнать о положении их хозяев.

Некоторые имена используются для демонстрации интересов и увлечений своих хозяев, например, имена слуг Цзя Баоюя – 焙茗 (Бэймин),

锄药 (Чуяо). Цзя Баоюй родился с куском яшмы во рту и является надеждой всей семьи Цзя. На него возложены большие надежды, он мятежный по характеру, у него нет намерений учиться, он любит природу. С другой стороны, он был блестящим служителем дворца Алой зари, который отвечает за полив травы. Все имена его служащих имеют отношения к природе, растениям или природным пейзажам, и показывают недисциплинированность его личности.

Некоторые имена используются, чтобы показать волю и надежду своих хозяев. Например, 平儿 (Пинэр), 丰儿 (Фэнэр), 兴儿 (Синэр) и 隆儿 (Лунэр), которые являются слугами Ван Сифэн. Ван Сифэн является реальным авторитетом в семье Цзя, она самодержавна, бессердечна и жестока. И рассматривает деньги как жизненную необходимость. Её сердце беспокойно, поэтому она ищет защиту и любит богатство. Так она молится о деньгах и защите посредством имён своих слуг.

Некоторые имена используются для отображения характера своих хозяев, среди которых наиболее типичными являются слуги Ли Вань, их имена 素云 (Сунь) и 碧月 (Биюэ) в китайской культуре означают чистоту. Ли Вань – вдова, которая потеряла мужа Цзя Чжу, когда была молода. Она чистая и не имеет желания обладать властью или богатством, она просто заботится о своих родителях и своём сыне. Она является типичной женщиной феодального общества, поэтому имена её слуг используются для того, чтобы показать ее личность.

Некоторые имена используются для того, чтобы описать судьбу своих хозяев. Служащие Линь Дайюй – 紫鹃 (Цзыцзюань) и 雪雁 (Сюэян), эти имена в китайском языке означают несчастную судьбу Линь Дайюй, жизнь которой несчастлива.

3. Имена артистов

В основном это имена 12 девушек, работающих в семье Цзя: 龄官 (Лингуань), 文官 (Вэньгуань), 宝官 (Баогуань), 玉官 (Юйгуань), 芳官 (Фангуань), 蕊官 (Жуйгуань), 藕官 (Оугуань), 葵官 (Куйгуань), 豆官 (Доугуань), 艾官 (Айгуань), 茄官 (Цегуань), 药官 (Яогуань). По значению их имён на китайском языке можно разделить имена на три типа: названные в честь ювелирных изделий, например: 宝官 (Баогуань), 玉官 (Юйгуань), так как «宝» – сокровище, «玉» – яшма; названные в честь цветов и растений, например: 芳官 (Фангуань), 蕊官 (Жуйгуань), 藕官 (Оугуань), 葵官 (Куйгуань), 豆官 (Доугуань), 艾官 (Айгуань), 茄官 (Цегуань), 药官 (Яогуань), ключ почти всех этих имён – «+», который означает «трава»; названные в честь характеристики человека, например: 龄官 (Лингуань),

文官 (Вэньгуань), так как «文» – изысканность, а «齡» очень похож на иероглиф «林», это значит, что её характер похож на Линь Дайюй.

4. Имена даосов и монахов

В романе «Сон в красном тереме» религиозные деятели продвигают процесс всего романа, из них наиболее важными являются монахи и даосы. В первой главе автор Цао Сюэцинь прямо объяснил, что все истории являются нереальными: «Мне, автору этой книги, признаться, самому пришлось пережить пору сновидений и грез...», затем сказал, что богиня Ньюйва заделала трещину в небытие, и так появились два монаха – буддийский и даосский, и история началась. В романе монахи и даосы всегда появляются в самый критический момент, чтобы помочь или подсказать что-то героям. Например, они пели «О том, что влечет, но не всех наперечет», чтобы просветить Чжэнь Шииня; посоветовали родителям Линь Дайюй отдать её в монастырь или «запретить плакать и видеться с родственниками кроме отца и матери»; просветили Цзя Баоюя и вернули его в божественный мир. Для читателя эти персонажи являются внутренним выражением автора. Увлекаясь любовью и ненавистью четырех семей в романе, читатели всегда понимают главное намерение автора в этом произведении. Конечно, кроме этих людей, в романе есть и другие связанные с религией персонажи, такие как 茫茫大士 (Наставник безбрежный), 渺渺真人 (Праведник необъятный), 警幻仙子 (фея Цзиньхуань), 神瑛侍者 (Хрустальноблещущий служитель дворца Алой зари), монахини 妙玉 (Яоюй) и 淨虛 (Цзиньсюй) и т.д.

Способы создания имён персонажей в романе «Сон в красном тереме»

Максим Горький сказал, что культура – это результат стремления человека создать силами своей воли, своего разума «вторую природу». Литературное творчество фокусируется на описании человека, изображении персонажей, чтобы отразить социальную реальность, поэтому литературные исследования всегда были сосредоточены на человеке, а при изучении литературных персонажей изучение их имён очень важно. В общем, основная направленность создания романа – формирование персонажей и отражение социальной реальности [5]. Имена персонажей часто создаются в соответствии с этой предпосылкой. Имена в литературном произведении часто тщательно разработаны автором в соответствии со судьбами характерами и общественным положением персонажей, даже со главной мыслью произведения. В романе «Сон в красном тереме» автор в основном использует следующие способы именования персонажей: с помощью иероглифов фонетической катего-

рии/каламбура, с помощью поэзии или древних историй, систематическое именование.

Именование с помощью иероглифов фонетической категории/каламбура

Много имён в романе используют каламбур, что является обычным для китайской древней культуры. Таким образом посредством иероглифов фонетической категории, автор пишет об одном, но намекает на другое [6]. Этот глубокий смысл заложен для того, чтобы оставлять будущих читателей в бесконечных заблуждениях.

В именной системе романа «Сон в красном тереме» присутствует большое количество иероглифов фонетической категории [7]. Наиболее типичными из них являются «甄» (Чжэнь, фамилия) и «真» (чжэнь, истина), «贾» (Цзя, фамилия) и «假» (цзя, ложь). В главе первой вертикальные парные надписи, которые Чжэнь Шиинь читали в «Беспредельной стране грез»: «Когда за правду выдается ложь – тогда за ложь и правда выдается. Когда ничто трактуется как нечто – тогда и нечто – то же, что ничто!», являются ключом к интерпретации романа. В именной системе романа автор Цао Сюэцинь скрывает этот ключ в фамилиях «甄» (Чжэнь), «贾» (Цзя): семья Цзя и семья Чжэнь. 贾宝玉 (Цзя Баоюй) и 甄宝玉 (Чжэнь Баоюй) являются наиболее очевидными примерами. А также уже упомянутые выше 甄士隐 (Чжэнь Шиинь) и 贾雨村 (Цзя Юйцунь). «甄士» произносится так же, как «真实», обозначает «реальность»; «隐» означает «скрытый»; «贾雨» произносится, как «假语», обозначает «ложь»; «村» – это омофон слова «存», что означает «сохранение». Автор использует фонетическую связь этих китайских иероглифов для создания полуправдивого и полужантасического романного мира для читателя, чтобы читатели не могли отличить реальность от иллюзии.

Имя Инлянь (英莲) является омофоном Ин Лянь (应怜), значение которого – «должен пожалеть». Цзяосин (娇杏) – Цзяо Син (侥幸), означает случайное счастье. Эти имена подразумевают судьбу персонажей. Инлянь была похищена в детстве и куплена Сюэ Пань, она действительно достойна жалости. Цзяосин была служанкой в семье Чжэнь, она посмотрела несколько раз на Цзя Юйцуня, который ошибочно решил, что она его любила. Заняв должность чиновника, Цзя Юйцунь женился на ней как на наложнице, а затем она стала его женой. Четыре женщины из семьи Цзя: 元春 (Юаньчунь), 迎春 (Инчунь), 探春 (Таньчунь), 惜春 (Сичунь). Первые иероглифы этих четырех имён: «元迎春惜» – омофоны иероглифов «原应叹息», которые означают «необходимо выразить сочув-

ствие». Здесь можно увидеть трагический жизненный опыт этих четырех сестер. Юанчунь вышла замуж во дворе, и хотя была осторожна, но в конце концов была жестоко умерщвлена. Инчунь отдала замуж за Сунь Шаоцзу – Чжуншаньского волка, чтобы она помогла отцу заплатить долги, и была избита до смерти. Таньчунь была выдана замуж на юге, покинула свою родину. Сичунь постриглась в монахини, очутилась возле Будды при свете меркнущих лампад.

В романе ещё имена с иероглифами фонетической категории, намекают на характерные черты персонажа. В таких именах в основном содержится осуждение и критика. Например: 单聘仁 (Шэнь Пиньжэнь) – омофон «善骗人», означает «часто обманывать других», 卜固修 (Бу Гусю) – омофон «不顾羞», означает «совсем не знать стыда», 詹光 (Чжань Гуан) – «沾光», означает «использовать других» [8]. Эти люди являются приживальщиками вокруг Цзя Чжэна, хорошо умеют льстить, у них нет никаких качеств образованных людей.

В дополнение к этому некоторые имена героев романа намекают на развитие сюжетной линии. Например, слуга в семье Чжэня – 霍启 (Хоци). 霍启 (Хоци) – это омофон «祸起/火起», который обозначает начало несчастья/огонь. Он был слугой семьи Чжэнь, но приносил семье Чжэнь бедствия одно за другим. Он потерял дочь семьи Чжэнь – Инлянь (ее увез торговец людьми). Вскоре после этого на семью Чжэнь обрушился пожар, имущество почти сгорело, и семья пришла в упадок.

Именование с помощью поэзии или древних историй

Поэзия в глазах китайцев – очень изящное искусство, они гордятся, когда могут читать поэзию наизусть или создавать её. Поэтому с древних времен китайцы выбирали красивые слова из поэзии, чтобы называть своих детей. Имена большинства главных женских персонажей в романе происходят из поэзии [9]. С помощью имеющихся литературных ресурсов автор создает ассоциации между персонажами и стихами, и таким образом у читателя выстраивается ряд «собственных ассоциативных взглядов». В связи с преобладанием древнекитайской поэтической культуры, у каждого китайца разные впечатления об одном и том же стихотворении, а также разные взгляды на имена. Это предает особое удовольствие при чтении этого романа. Кроме имен, представленных выше, наиболее типичным примером является служанка Баоюя – 袭人 (Сижэнь). В романе автор устами Баоюя говорит об источнике ее имени: «В нос ударяют запахи цветов, а это значит будет днем тепло». На самом деле в тексте есть два имени, которые автор ясно указал их источники: 宝玉 (

Баоюй), 宝钗 (Баочай). В романе, обучаясь поэзии, Сянлин сказала:

«Недавно мне довелось читать пятисловные уставные стихи Чэнь Цаня, где есть такая строка: «Много в том крае яшмы найдешь драгоценной...». Разве не помните? А у Ли Ишаня я нашла такую строку: «Драгоценная шпилька не будет валяться в грязи...». Я засмеялась и подумала: их имена встречаются даже в танских стихах!»

Именование с помощью характера иероглифов

Как уже упоминалось выше, имена каждого поколения в семье Цзя имеют один и тот же ключ – это способ именования с помощью формы и характеристик китайских иероглифов.

Кроме этих имён, при именовании других имён автор тоже использовал этот способ. Например: Цзя Баоюй (贾宝玉), Линь Дайюй (林黛玉) и Сюэ Баочай (薛宝钗). И 宝钗 (Баочай), и 宝玉 (Баоюй) имеют в своих именах одно и то же слово «宝». 黛玉 (Дайюй) и 宝玉 (Баоюй) также имеют общее слово «玉», которое, по-видимому, объясняет отношения между ними тремя. Но что еще более важно, в главе пятой Цзя Баоюй в «Стране Великой пустоты» услышал песню «Жизнь-заблуждение»: *Молва упрямо говорит: «Где золото – там и нефрит!». А я печалюсь, что прочней Союз деревьев и камней!*

В сочетании с этим предложением, проанализировав имена трех героев, можно более четко понять отношения между ними. «钗» по составу «钅» и «叉», «钅» означает золото, а 宝玉 (Баоюй), очевидно, относится к яшме. Эти два имени читаются во фразе «Где золото – там и нефрит!». Фамилия Линь Дайюя – «林» (Линь), состоит из двух слов «木» (Му), «木» – это дерево; а фамилия Цзя Баоюя – «贾» (Цзя), представляет собой омофон «假», поэтому 贾宝玉 можно понимать как «ложная яшма и истинный камень», т.е. перекликается со словами песни «прочней Союз деревьев и камней!».

В дополнение к вышеприведенным трем основным методам именования, некоторые имена расположены в парах или в системе, чтобы показать определенную связь между этими именами. Наиболее типичным примером выступают имена служанок четырех сестер в семье Цзя: 抱琴 (Баоцин, служанка Юанчунь), 司棋 (Сици, служанка Инчунь), 侍书 (Шишу, служанка Таньчунь), 入画 (Жухуа, служанка Сичунь). Вторые иероглифы их имени – 琴棋书画 (цин, шахматы, каллиграфия и живопись) [10]. Это четыре навыка, которыми барышни должны овладеть в древнекитайском феодальном обществе.

Все эти имена составляют интересную и значимую систему, каждое из них имеет особое зна-

чение, со сложной связью между ними. Даже китайским читателям этого романа трудно понять глубокий смысл этих имён, что естественно, добавляет затруднения для понятия персонажей и даже сама этого романа. Посредством этой статьи надеемся помочь русским учёным исследовать роман «Сон в красном тереме», китайскую культуру и китайской народ, и тоже возбудить интерес русских к этому выдающемуся роману и к китайской традиционной культуре.

Литература

1. Вашкявичус В.Ю., Павлова О.В. Проблема переводческих решений при передаче имен собственных (на материале китайских художественных текстов) // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковые образования. 2020. № 3. С. 79 – 88.
2. Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. 315 с.
3. Цао Сюэцинь, Перевод на русский язык В. Панасюка: перевод стихов И. Голубева. Сон в красном тереме. Пекин: Изд-во «Народная литература», 2016. 178 с.
4. Пан Ин «Текстология китайского классического романа («Речные заводы», «Сон в красном тереме»), СПб история. 2008. 125 с.
5. Се Пэнсюн. Новые исследования героинь «Сна в красном тереме». Цзинань: Кн. об-во Чишэ, 2006. 132 с.
6. Волкова Ю.С., Привороцкая Т.В. Особенности перевода наименований предметов и явлений традиционного быта в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» // Вестник Науки и Творчества. 2016. № 10 (10). С. 37 – 38.
7. Филипповский Владимир Сергеевич, Бирюков Николай Георгиевич Эстетическая и социокультурная значимость романа «Сон в красном тереме» для современной литературы Китая // StudNet. 2020. № 2. С. 34 – 38.
8. Колитенко Е.Е. Роман «Сон в красном тереме» некоторые аспекты культуры Китая // Известия восточного института Дальневосточного государственного университета. 2008. № 15. С. 128 – 132.

9. Цзинь Циру. Исследование названий снов о красных особняках // Академический журнал снов о красных особняках. 1980. № 01. С. 129 – 157.

10. Ли Хуньюань. Сравнительное исследование характеров сновидений о Красной палате. Ханчжоу, Zhejiang University Press, 2011. С. 127 – 128.

References

1. Vashkyavichus V.YU., Pavlova O.V. Problema perevodcheskih reshenij pri peredache imen sobstvennyh (na materiale kitajskih hudozhestvennyh tekstov). Vestnik moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovye obrazovaniya. 2020. № 3. S. 79 – 88.
2. Cao Syuecin'. Son v krasnom tereme. Nauchno-izdatel'skij centr «Ladomir», 1995. 315 s.
3. Cao Syuecin', Perevod na russkij yazyk V. Panasyuka: perevod stihov I. Golubeva. Son v krasnom tereme. Pekin: Izd-vo «Narodnaya literatura», 2016. 178 s.
4. Pan In «Tekstologiya kitajskogo klassicheskogo romana («Rechnye zavodi», «Son v krasnom tereme»), SPb istoriya. 2008. 125 s.
5. Se Pensyun. Novye issledovaniya geroin' «Sna v krasnom tereme». Czinan': Kn. ob-vo CHishe, 2006. 132 s.
6. Volkova YU.S., Privorockaya T.V. Osobennosti perevoda naimenovanij predmetov i yavlenij traditsionnogo byta v romane Cao Syuecinya «Son v krasnom tereme». Vestnik Nauki i Tvorchestva. 2016. № 10 (10). S. 37 – 38.
7. Filippovskij Vladimir Sergeevich, Biryukov Nikolaj Georgievich Esteticheskaya i sociokul'turnaya znachimost' romana «Son v krasnom tereme» dlya sovremennoj literatury Kitaya. StudNet. 2020. № 2. S. 34 – 38.
8. Kolitenko E.E. Roman «Son v krasnom tereme» nekotorye aspekty kul'tury Kitaya. Izvestiya vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 15. S. 128 – 132.
9. Czin' Ciru. Issledovanie nazvanij snov o krasnyh osobnyakah. Akademicheskij zhurnal snov o krasnyh osobnyakah. 1980. № 01. S. 129 – 157.
10. Li Hun"yuan'. Sravnitel'noe issledovanie harakterov snovidenij o Krasnoj palate. Hanchzhou, Zhejiang University Press, 2011. S. 127 – 128.

**ANALYSIS OF THE VALUES OF THE NAMES OF THE CHARACTERS
IN THE NOVEL "A DREAM IN THE RED CHAMBER"**

*Zhou Zihan,
Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: "A Dream in the Red Chamber" is one of the four Chinese classical novels, another name for this novel: "Notes on a Stone", the author of the novel is Cao Xueqin. The novel is called an encyclopedia of Chinese feudal society. In the novel "A Dream in a Red Chamber" there are more than 400 characters, each of which has a name. When creating these names, author Cao Xueqin emphasized the meanings of these names. In this article, accepting the names of the characters are the object of research, the meanings of the names of the characters are analyzed in detail. The results obtained and the conclusions drawn contribute to a better understanding by Russian-speaking readers of this novel in particular and of the Chinese culture of names in general. It was revealed that the names of all the characters make up an interesting and complex system, each of them has a special meaning, numerous connections between names, meanings, and relationships can be traced. In the course of the study, it was found that in a number of situations, even for Chinese-speaking readers, it is difficult to fully and reliably understand the deep meaning of the names, which naturally adds to the difficulty of understanding the characters and the entire novel as a whole. Through this article, the author hopes to help Russian-speaking researchers in the study and translation of The Dream in the Red Chamber, the study of Chinese culture and the Chinese people, as well as stimulate the interest of researchers, both domestic and foreign, in this outstanding novel and in Chinese traditional culture.

Keywords: the novel "A Dream in the Red Chamber", the names of the characters, the Chinese culture of names, the surname, the meaning of the name

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ РД)

*Кумаев Д.М.,
Нурбагандова Л.А., кандидат филологических наук,
Дагестанский государственный университет*

Аннотация: сегодня теоретическим основам радиовещания уделяется не так много внимания. В особенности это касается регионального радиовещания. В статье дается краткая историческая справка о периоде возникновения, становления и основных этапах развития системы государственного радиовещания в Республике Дагестан. Рассматривая историю радио, авторы отмечают его огромную роль, как средства информирования, пропаганды и воспитания. В своей статье авторы анализируют структуру и особенности функционирования государственного радио на территории многонациональной Республики Дагестан на примере службы радиовещания государственной телевизионной и радиовещательной компании "Дагестан". Многонациональность и многоязычие оказали непосредственное влияние на работу редакций радиостанции. Авторы освещают, анализируют и прогнозируют концепцию дальнейшего развития радиостанции, которая включает преобразование её структуры и организацию работы коллективов 14 национальных редакций на языках народов Дагестана.

В исследовании приводится анализ способов программной организации информации данного радиоканала, исследуется жанрово-тематическое наполнение сетки вещания. В статье обозначены основные функции и задачи современного государственного радиовещания, его востребованность и значимость в условиях развития информационно-развлекательного коммерческого радиовещания. В связи с этим отдельно отмечается проблемный характер форматирования и программирования, который возникает в условиях конкуренции. Отдельное внимание уделяется, также, значимости новостного контента.

Ключевые слова: радиовещание, программа, программирование, сетка вещания, информационный выпуск, национальное вещание

Радиожурналистика – это составная часть системы СМИ, которая серьезно влияет на жизнь общества. Знакомство горцев Дагестана с радио состоялось в начале 20-х гг. прошлого века. Первый радиоприемник в Дагестане сконструировал и своими руками собрал зимой 1924 года Нури Хайрулин, член РКП(б) с 1918 года, делегат Всероссийского съезда Советов. Уже к 1926 году вокруг него сформировалось – так называемое Общество друзей радио (ОДР). 7 марта 1926 года Президиум Дагестанского ЦИК заслушал доклад члена радиокomisсии Н. Хайрулина и утвердил постановление о необходимости радиофикации Дагестана, а двумя неделями позже, 22 марта, Постановлением Агитпропколлегии Дагобкома ВКП (б) был официально утвержден состав первого радиокomiteта. Протокол заседания за подписью Председателя правления Дагобкома ВКП(б) Н. Самурского, датированный 22 марта 1926 года, хранится в партархиве Дагобкома КПСС [1, с. 11]. Так начиналось знакомство горцев с радиовещанием.

В конце 1927 году, на момент запуска дагестанского радио в республике насчитывалось до 100 громкоговорителей. Строительство широкоэмитальной станции было завершено в августе, а уже 1 сентября станция дала первую пробную передачу. Для дагестанцев это было событие, не похожее ни на что прежде. Официально радио начало свое вещание 7 ноября, в день 10-й годовщины Октябрьской социалистической революции как раз к 10-летию Октября. В этот день на своей территории

радиоохвата в республике впервые прозвучали радиопередачи на русском и национальных языках народов Дагестана.

Это было огромным событием в жизни дагестанцев «радио несло в ущелья Дагестана свет и свободу» [2, с. 23]

Радиопередачи на русском, аварском, кумыкском, даргинском, лезгинском, лакском, татском, ногайском, зербайджанском, табасаранском, чеченском – всего на 15 языках титульных народов Дагестана, суммарным объемом вещания в десятки тысяч часов, за эти 90 лет прямо или косвенно повлияли не только на развитие главных исторических событий, но и на жизнь почти каждой дагестанской семьи.

С новой силой прозвучал голос дагестанского радио в годы Великой Отечественной войны. Это был единственный оперативный источник информации о событиях на фронте, а также основное и самое сильное по охвату средство пропаганды советского правительства для поддержания в людях уверенности в победе, высокого боевого духа армии и флота. С первых же дней войны многие работники дагестанского радио ушли на фронт. Шестеро из них отдали жизнь в боях за Родину. Их имена высечены на мемориальной плите в Доме радио: И. Абдуразаков, М. Абакаров, Р. Динамагомаев, М. Попов, Н. Сигаев, Ю. Ханукаев.

Среди послевоенных документов, отражающих масштабы и характер развития дагестанского радиовещания, приведу выдержку из пояснительной

записки к «Отчету №39 за 1 квартал 1966 года по Дагестанскому Управлению связи», за подписью начальника Дагестанского Управления Министерства связи СССР С.Золотника и начальника Дагестанской дирекции ретрансляционной сети Р.Евдеева. В ней приводятся цифры, говорящие о темпах радиофикации Дагестана в послевоенный период. Так за один только 1966 год в республике было пущено в эксплуатацию 3 и реконструировано 3 радиоузла мощностью по 600 ватт с охватом 36 населенных пунктов общей численностью населения свыше 500 жителей. В целом же, согласно «Отчету по радиофикации» за 4 квартал 1966 года, в Дагестане на тот момент уже действовало свыше 138 тысяч трансляционных точек, в том числе 78 тысяч из них в труднодоступной сельской местности. Общая протяженность проводного радио составляла 11 тысяч 208 километров. Огромные возможности радио сполна были востребованы партийными советскими органами. Постсоветский период истории дагестанского радио можно охарактеризовать в целом потерей централизованного управления каналами информации, технологическим прорывом, стремительным развитием коммерческого рынка, появлением десятков, а потом и сотен мелких частных радиоточек, филиалов российских и зарубежных радиостанций, музыкальных, политических, научных, развлекательных и информационных. Однако лучшие традиции государственного подхода в работе радиовещания и подготовке кадров не спешили сдаваться дешевизне и разнообразию нового времени.

Дагестанцы по достоинству смогли оценить высокий профессионализм, гражданскую ответственность и патриотизм, проявленные работниками службы радиовещания Гостелерадиокомпании «Дагестан» в период боевых действий в августе-сентябре 1999 года. Прямые репортажи с мест боевых действий, сообщения о многочисленных терактах и взрывах жилых домов, о героизме дагестанских ополченцев и русских солдат работники дагестанского радио доводили до своих слушателей ярко, емко, во всех красках, быстро и профессионально, вплоть до окончательного изгнания международных бандформирований с территории Дагестана в сентябре 1999 г.

Радиовещание государственное и негосударственное, продолжает оставаться одним из основных средств массовой коммуникации, ориентированным на диалог со слушателем, несущим социальную ответственность за предоставляемую информацию – экономическую, политическую, развлекательную, музыкальную, рекламную.

Объективность, правдивость, полнота подходов к проблемам, оперативность, конструктивность

обобщений и выводов, взвешенность позиций и оценок – вот критерии программ, которыми отличается информационное и общественно-политическое вещание государственного радиовещания. Вынужденно отказавшись от ярких публицистических радиопередач, уменьшая количество аналитических программ, государственное радио уходит от глубокого анализа происходящего, а так же от прямого диалога со слушателем, с теми, для кого радио и выходит в эфир. Государственное радио не «видит» себя только как источник экономической, общественно-политической, культурной информации, оно способно удовлетворять духовные, художественные, интеллектуальные, эстетические запросы дагестанцев. Принцип работы государственного радиовещания осталась прежним: «радио для всех», а главной радиостанцией для всех на региональном уровне в республике по-прежнему остается ГТРК «Дагестан».

Говоря о каждой редакции отдельно, хочется начать с главной – русской. Ежедневно в эфир выходят новости на русском языке. В новостном блоке освещается и анализируется политическая жизнь республики, включая интервью с видными политическими и культурными деятелями нашей республики.

Бесценна была на протяжении многих лет информационная программа – «Республиканские известия», а сейчас, «Вести-Дагестан», а также недельная информационно-аналитическая программа «Вести-Дагестан. Итоги». Особой популярностью пользуется религиозная программа «Голос ислама», где обсуждаются актуальные темы, межконфессиональные проблемы, исламские традиции и обряды. Транслируется она практически на всех языках.

Приоритетными темами для освещения в информационных выпусках «Вести-Дагестан» остаются: политика, развитие межконфессионального диалога, укрепление экономических и культурных связей между регионами страны. Естественно, одним из главных пунктов повестки дня в работе службы информационных программ остается противодействие экстремизму и терроризму, пропаганда многовековых традиций дагестанских народов. Большое внимание уделяется совершенствованию системы среднего профессионального образования. Регулярно освещается реализация государственной программы «Доступная среда», срок действия которой был продлен до 2020 года. В частности – это создание технологичной отрасли по производству товаров для инвалидов, в том числе средств реабилитации; решение проблем, связанных с трудоустройством и образованием лиц с ограниченными возможностями здоровья, формированием среды

доступа для инвалидов к общественным зданиям и сооружениям. В эфир выдаются, также, репортажи о делах дагестанской диаспоры в различных российских регионах, об их участии в общественной жизни и их вкладе в экономику субъекта, его спортивные достижения. Ежедневно в эфир выходит межрегиональный тележурнал «Северный Кавказ», в котором регулярно присутствуют сюжеты, подготовленные корреспондентами программы «Вести-Дагестан».

Говоря о структуре программ современного радиовещания необходимо отметить, что существует несколько принципов организации радиовещания, один из главнейших это тематическое планирование, которое по-прежнему остается в практике государственного радиовещания, но уже не в столь строгом виде. Тематическое планирование согласовывает содержание передач радиостанции с календарем исторических событий и государственных мероприятий дня, месяца и года. Происходит планирование так. Сначала определяется сетка вещания, а именно расписание передач на определенный период времени в которой отведены конкретные часы и дни для определенных жанрово-тематических рубрик [3].

Горизонтального программирования по-прежнему придерживается радиостанция ГТРК «Дагестан».

Основное время вещания радиостанции занимают новости. Информационная программа выходит на всех представленных 14 языках. Также преобладают культурно-просветительские и общественно-политические программы, и небольшой процент времени предоставляется музыкально-развлекательному вещанию. Важное место в структуре программ занимает информационный блок, что и доказывает информационно-политическую направленность радиоканала. Ежедневные передачи на 14 национальных языках республики транслируются в традиционном для этого информационном формате вещания представленном программой «Вести Дагестан», а так же в тематическом формате, который разделен на детско-молодежное, спортивное, общественно-политическое, культурно-просветительское и музыкально-развлекательное вещание. Это один из крупнейших радиоконкомплексов в России.

Все актуальное находит свое отражение и в программах национального вещания на 13-ти языках народов Дагестана, которые ежемесячно выходят в эфир:

1. «Маданият» – на аварском языке.
2. «Даргала анкъы» – на даргинском языке.
3. «Очар» – на кумыкском.
4. «Шалбуздаг» – на лезгийском.
5. «Турчидаг» – на лакском языке.

6. «Рубас» – на табасаранском.
7. «Гюлистан» – на азербайджанском.
8. «Шолтаыси» – на ногайском.
9. «Даймохх» – на чеченском.
10. «Алшан» – на цахурском.
11. «Лалан» – на рутульском.
12. «Магъудере» на агульском»
13. «Шолом» на татском.

Каждая передача состоит из нескольких сюжетов, один из которых обязательно посвящен языку. Следует отметить, что многие передачи носят не только творческий характер, но и научный. К примеру, на основании прошедших в эфир передач, без труда можно составить тематический словарь татского языка. К слову, национальные каналы, подготовленные радиожурналистами, это большое достояние республики, так как ни в одном регионе РФ такого нет. Национальные редакции создали целый фонд передач посвященных культуре и языку дагестанских народов. Через межрегиональную программу «Зори Кавказа» дагестанцы имели возможность узнавать о событиях, происходивших во всех сферах жизни Южного Федерального округа. В ней красной нитью проходила тема духовного единства народов Северного Кавказа. С 2013 г. возобновлен совместный проект ГТРК «Дагестан» и 7 республик СКФО – еженедельный 45-минутный радиожурнал «Зори Кавказа», который освещает главные события жизни региона. Подобных программ не мало на государственной радиостанции, только на аварском языке существует 2 подобные программы.

Радио по-прежнему является главным источником новостей для жителей горных районов Дагестана. Работа регионального радиовещания помогает сохранению и развитию общенациональной культуры. Это тем более важно для таких немногочисленных народов как рутульцы, агулы и цахуры. Неоценима роль радио и для сохранения национальных языков.

Достоянием республики, которого нет ни в одном регионе России, являются национальные каналы на 13 языках.

Тематическое вещание, в свою очередь, делится на детско-молодежное, общественно-политическое, спортивное и музыкально-развлекательное, культурно-просветительское.

Каждая национальная редакция имеет свою редакцию и техническую аппаратную. Для национального ТВ вещания (в малой студии) введена в эксплуатацию телевизионная студия для записи телевизионных программ на 14-ти национальных языках и будут размещаться три станции нелинейного монтажа. Ведутся работы по организации пресс-центра ГТРК «Дагестан» в

одном из помещений Дома Радио. Три вещательные студии обеспечивают прямое радиовещание. Ежедневные информационные радиовыпуски «Вести Дагестан» транслируются в ON-Line режиме и затем размещаются на сайте ГТРК «Дагестан».

В проекте – восстановление единственной в республике Большой профессиональной студии радиовещания (135 кв.м), где ранее проходили записи больших профессиональных музыкальных коллективов (симфонический оркестр, оркестр народных инструментов, хора).

Центральная аппаратная осуществляет прием Федеральных радиопрограмм, коммутацию программ ГТРК «Дагестан» и выдачу созданных радиопрограмм на 14 языках согласно сетки вещания (утвержденной ВГТРК) через серверные станции и ВОЛС оператору связи РТПЦ РД для распространения в цифровом виде в радиоэфир.

Распространяет радиопрограммы ГТРК «Дагестан» филиал ФГУП «РТРС» РТПЦ Республики Дагестан (оператор связи).

В настоящее время решается вопрос Online вещания на национальных языках народов Дагестана.

С 13 января 2015 года начато вещание радиопрограмм ГТРК «Дагестан» вставками, согласно сетке вещания Региональных филиалов утвержденной Москвой в FM диапазоне на частоте – 100,3 мГц. Передатчик находится в городе Махачкала. Зона охвата – г. Махачкала, г. Каспийск, г. Кизилюрт. Охват населения 713 тыс. человек.

Режимы включения ГТРК «Дагестан» в рамках радиоканала «Вести ФМ»: ежедневно – 15 минут: 11.45-12.00, 12.45-13.00, 13.45-14.00, 15.45-16.00.

Региональные блоки новостей хронометражем 2 минуты 30 сек. в 09.45, 10.45, 15.45, 16.45, 17.45.

С целью сохранения и пропаганды истории ГТРК «Дагестан» среди подрастающего поколения и лучших традиций народов республики в Доме радио организован Центр традиционной культуры народов Дагестана и музей ГТРК «Дагестан».

В 2012 г. произведена полная реконструкция технологического комплекса с переходом на цифровое вещание. Заменено старое аналоговое оборудование на современное цифровое.

Литература

1. Партархив Дагобкома КПСС. Ф. 1. Оп. 7. Д. 256.
2. Гамидов М. Без бумаги и расстояний. Махачкала, 1977. 166 с.
3. Радиожурналистика: учебник / Под ред. А.А. Шереля. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 480 с.
4. Азизханов А. Говорит Махачкала. Махачкала, 1997. 120 с.
5. Партархив Дагобкома КПСС Ф. 1. Оп. 8. Д. 322.
6. Об организации первой детской радиопередачи // Дагестанская правда. № 270. 1936, 23 ноября. С. 4.

References

1. Partarhiv Dagobkoma KPSS. F. 1. Op. 7. D. 256.
2. Gamidov M. Bez bumagi i rasstoyanij. Mahachkala, 1977. 166 s.
3. Radiozhurnalistika: uchebnik. Pod red. A.A. SHERELYA. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2000. 480 s.
4. Azizkhanov A. Govorit Mahachkala. Mahachkala, 1997. 120 s.
5. Partarhiv Dagobkoma KPSS F. 1. Op. 8. D. 322.
6. Ob organizacii pervoj detskoj radiopredachi. Dagestanskaya pravda. № 270. 1936, 23 noyabrya. S. 4.

**STATE REGIONAL BROADCASTING AT THE
PRESENT STAGE (ON THE EXAMPLE OF RD)**

*Kumaev D.M.,
Nurbagandova L.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Dagestan State of University*

Abstract: today, not much attention is paid to the theoretical foundations of radio broadcasting. This is especially true for regional radio broadcasting. The article provides a brief historical background on the period of origin, formation and main stages of development of the state radio broadcasting system in the Republic of Dagestan. Considering the history of radio, the authors note its huge role as a means of informing, propaganda and education. In their article, the authors analyze the structure and features of the functioning of the state radio on the territory of the multinational Republic of Dagestan on the example of the radio broadcasting service of the state television and radio broadcasting company "Dagestan". Multiculturalism and multilingualism had a direct impact on the work of the radio station's editorial offices. The authors highlight, analyze and predict the concept of further development of the radio station, which includes the transformation of its structure and the organization of the work of teams of 14 national editorial offices in the languages of the peoples of Dagestan.

The study provides an analysis of the ways of program organization of the information of this radio channel, examines the genre-thematic content of the broadcast grid. The article outlines the main functions and tasks of modern state radio broadcasting, its relevance and significance in the context of the development of information and entertainment commercial radio broadcasting. In this regard, the problematic nature of formatting and programming, which arises in a competitive environment, is separately noted. Special attention is also paid to the importance of news content.

Keywords: broadcasting, program, programming, broadcasting grid, news release, national broadcasting

СУБЪЕКТ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ А.А. ФЕТА «КАЛЕНИК»

*Прокофьева И.О., кандидат филологических наук, доцент,
Хафизова Д.Р.,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы*

Аннотация: в статье раскрывается своеобразие субъекта повествования в рассказе А.А. Фета «Каленик», который является не только поэтически одарённой личностью, но и по своим творческим установкам близким к художественным задачам импрессионизма. Всё это в свою очередь вносит в сюжет и композицию фетовского рассказа «лирический беспорядок», ведёт к мозаичности, неоднородности повествования.

Литературные критики XIX века отмечают одновременно поэтичность и слабость, запутанность композиции рассказа «Каленик», современные литературоведы, обращая внимание на нарративные особенности данного текста, приходят к выводу, что основе его сюжета положен мировоззренческий и идеологический конфликт рассказчика с главным героем произведения. Исследователи выделяют доминирующую, ищущую, активную позицию рассказчика, сомневающегося в цельности и правильности привычной картины мира, верности умения оценивать и искать ответы на вопросы окружающей жизни с помощью мышления, а не интуиции. Это позволяет критикам выдвинуть на первый план в сюжете рассказа следующие бинарные оппозиции: «герой цивилизации» – «естественный человек», «разум» – «интуиция».

Но несмотря на это, безусловно, сюжет рассказа «Каленик» распадается на не взаимосвязанные между собой фрагменты-воспоминания, фрагменты-реальные события, которые возникают в памяти рассказчика во многом благодаря творческому началу в его натуре и ассоциативности его мышления. Таким образом, композиционно рассказ А.А. Фета «Каленик» строится как «воспоминание в воспоминании», что усложняет и активизирует читательское восприятие, усиливая роль рассказчика в организации целостности художественного мира произведения.

Ключевые слова: проза А.А. Фета, импрессионизм, «лирический беспорядок», ассоциативность, мозаичность повествования, неоднородность повествования, оппозиции «герой цивилизации» – «естественный человек», «разум» – «интуиция»

Первый прозаический опыт А.А. Фета уже привлек внимание исследователей своей необычностью и своеобразной экспериментальностью.

Современники оценили рассказ «Каленик» снисходительно как первый прозаический опыт поэта. А.В. Дружинин подчеркивал оригинальность рассказа, но, по его мнению, автору «придется много поработать над собою, если он захочет серьезно испробовать свои силы на новой, часто скользкой для поэта дороге». Критик отмечает слабость, запутанность композиции, положительно оценивает характерологичность «эскиза» [3, с. 364].

Б. Эдельсон в журнале «Москвитянин» ограничился положительными эмоциями и надеждой «что прозаические сочинения его будут полны поэзии и живого чувства» [3, с. 364].

Особую чуткость в понимании рассказа проявил критик – символист Б. Садовской, определив его как «микроскоп мирозерцания Фета в его основных началах» [3, с. 364].

Современные исследователи прозы А.А. Фета обратили внимание на нарративные особенности рассказов. Т.А. Капырина отмечает, что рассказы А.А. Фета строятся «как система мировоззренческих и идеологических столкновений героев», в них доминирует активный, ищущий рассказчик, находящийся в изображенном мире вместе с героями, рассказывая о своей жизни, он ставит под во-

прос «привычную картину мира» [2, с. 12-13]. В рассказе «Каленик», по ее мнению, «сюжет последовательно движется от экспозиции к развязке, постепенно приближая познающего рассказчика к осознанию двух типов знания о мире (мышления и интуиции)» [2, с. 13].

Развернутую и более точную характеристику рассказа дает Л.И. Черемисинова. Она отмечает такие особенности повествования, как фрагментарность, внешнюю несвязность, мотивируемую капризами памяти, «ассоциативность сцепления мыслей», «неоднородность, сложность повествования, по форме напоминающего мозаику» [4, с. 340]. Композиционно рассказ организуется как «воспоминание в воспоминании», эта усложненность активизирует читательское восприятие и усиливает роль рассказчика в организации целостности художественного мира произведения [4, с. 340]. Совершенно справедливо исследователь указывает, что «первый рассказ А.А. Фета явился попыткой автора отстоять собственную творческую оригинальность, объяснить правомерность, объективную обусловленность непосредственного восприятия окружающего мира» [4, с. 342].

Анализируя проблематику рассказа, исследователи исходя из оппозиции «герой цивилизации» – «естественный человек», «разум» – «интуиция». Причем странным, чудаковатым считается только герой, Каленик. Но уже с первых строк рассказчик

отмечает свою собственную странность, склонность разговаривать с самим собой, он называет эту странность «манией» [3, с. 7]. Собственно, сам рассказ становится реализацией этой мании: «В настоящую минуту делаю то же самое» [3, с. 7]. То есть творческая способность оценивается рассказчиком как своеобразная чужаковатость и неординарность.

Далее идет размышление о таинственности природы, таинственности мысли, об инобытийной, непонятной логике, независимой от человеческой воли. Такого рода размышления недоступны «благоразумным людям». Но именно эта таинственность привлекает внимание рассказчика: «Да и как же мне не говорить об этом?» [3, с. 7]. Рассказчик сразу выдает себя как творческую личность, которую занимают тайны бытия и сознания человека.

Примером странности человеческого сознания становится следующая сцена. Листая «иллюстрированную натуральную историю», рассказчик натывается на изображение странного зверька «с совершенно круглой головой, на которой только обозначались места для глаз, а самых глаз не было заметно. Выражение всей фигуры, и особенно головы, самое бессмысленное и между тем в высшей степени злое» [3, с. 7]. Это изображение и название зверька внезапно унесли сознание рассказчика далеко-далеко в пространстве и во времени: «в то же мгновение душа моя осветилась палевыми лучами заходящего южного солнца, наполнилась благоуханием вечерней степи, и мне показалось, что я опять молод, что там, далеко, будут меня поджидать каждую минуту» [3, с. 7]. Далее идет новая сцена в прошлом, когда рассказчик впервые увидел этого зверька. Кучер Каленик предупреждает его не трогать «зимское щеня», «если оно укусит, то надо умереть» [3, с. 8]. Каленик предупреждает, что будет дождь, хотя никаких признаков непогоды нет, но рассказчик по опыту доверяет своему кучеру, Каленик интуитивно знает всё и становится героем новых воспоминаний. Рассказчик перемещается в прошлое, когда служил в кирасирском полку.

Вот эти временные перемещения, движение сюжета по, казалось бы, случайным ассоциациям и вызвали замечания у литературных критиков. «Запутанное начало поразило меня как нельзя неприятнее», – отмечает А.В. Дружинин [3, с. 364].

Эту композиционную особенность можно назвать «лирическим беспорядком» по сходству с композиционной особенностью ломоносовской оды, представляющую собой стремительную, быструю смену картин без логической связи. Странный рассказчик обладает поэтическим воображением, его логика схожа с особенностью импрессионистической лирики самого А.А. Фета: от

необычного факта объективной картины – к впечатлению, «наблюдаемый мир становится пережитым миром – из внешнего превращается во внутренний, «интериоризируется»» [1, с. 140]. Впечатления от неожиданной картины наблюдаемой действительности (иллюстрированная натуральная история) уносят рассказчика в прошлое, там внимание с «зимского щеня» перемещается на все знающего Каленика, странного человека, а затем память переносит рассказчика ко времени первого знакомства с Калеником.

Первое впечатление рассказчика от знакомства с Калеником было отрицательным: денщик опоздал почти на месяц, вместо деревни Ершовка, где стоит эскадрон, он отправился в деревню с таким же названием в своей губернии, да и внешний вид сначала не произвел положительного впечатления: «с самым добродушным выражением лица, с серыми (сознаюсь в моем тогдашнем невежестве); мне показалось, самыми тупоумными глазами» [3, с. 9].

В дальнейшем Каленик опроверг первое впечатление. Поведение денщика казалось странным, но все поручения он исполнял, хотя исполнял по-своему. Странности его касались внешнего вида («щегольство»), отношений с лошадьми (обязательно упадет с лошади), «чувство страха было для него недоступно» (покусили собаки, а он смеется). Но самое главное: «Каленик возьмется за какое-нибудь дело, вы посмотрите и подумаете, что он это делает на смех; подождите – увидите, что он прав» [3, с. 11]. Он делает, казалось бы, невозможное: видит утку с большого расстояния, находит сигарочницу на огромном плацу, проходит по тонкому льду, где провалится любой человек. Все эти сцены в рассказе идут друг за другом без переходов и связей, впечатление за впечатлением, подтверждая мысль, что Каленик «сказочный герой». Рассказчик приходит к выводу: «он не имел твердых убеждений. Убеждение предполагает анализ, а мудрость давалась ему синтетически. Он только непостижимым чутьем угадывал кратчайший путь к истине, не зная и нисколько не заботясь о том, дойдет ли он до нее» [3, с. 14].

Далее, казалось бы, совершенно случайно, по ассоциации, от прозвища Каленика «астроном», а, по мнению рассказчика, более точный вариант прозвища «метеоролог», повествование возвращается во временной последовательности назад, к сцене с «зимское щеня» и началом дождя.

В заключительную сцену путешествия под дождем вкраплены сравнение и метафора, основанные на впечатлении: «Тучи, заволакивая горизонт, темным полушаром быстро надвигались на еще мерцающий вечер, как черный наличник опускается на свежее лицо молодого воина» [3, с. 15],

«Черный рыцарь окончательно надвинул свое забрало, и темнота с трудом позволяла различать дорогу» [3, с. 16]. Это наблюдение вновь напоминает нам о поэтическом взгляде рассказчика, близком к лирике А.А. Фета. Повествование прерывается описанием дома лесничего: «Если б я не боялся слишком часто прерывать нить повествования, то рассказал бы, как хороша эта маленькая вилла», далее вновь идет отступление о впечатлениях от этого дома.

В финале рассказчик делает рациональный вывод о Каленике: «у него нет убеждения. Одно чутье, один гений – и больше ничего» [3, с. 17]. Обретя знания, герой потерял интуицию, рассказ обрывается, не получив фабульного завершения. Ведь для рассказчика важно не событие, а образ Каленика. А Каленик к финалу рассказа «вошел в чреду обыкновенных людей, о которых говорить более нечего» [3, с. 17].

Таким образом, субъект повествования в рассказе А.А. Фета является поэтически одаренной личностью и противопоставляет себя обыкновенным людям. По своим творческим установкам он близок к импрессионизму лирики А.А. Фета, этим объясняется «лирический беспорядок» в повествовании, ассоциативная логика композиции рассказа.

Литература

1. Гаспаров М.Л. Фет безглагольный // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., Новое литературное обозрение, 1995. С. 139 – 149.
2. Капырина Т.А. Поэтика прозы А.А. Фета. (Сюжет и повествование). Коломна, 2006. 18 с.
3. Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 3. Повести и рассказы. Критические статьи. Спб.: Фолио-Пресс, 2006. 518 с.
4. Черемисинова Л.И. Художественная проза А.А. Фета // Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 3. Повести и рассказы. Критические статьи. Спб.: Фолио-Пресс, 2006. С. 333 – 360.

References

1. Gasparov M.L. Fet bezglagol'nyj. Gasparov M.L. Izbrannye stat'i. M., Noyoe literaturnoe obozrenie, 1995. S. 139 – 149.
2. Kapyrina T.A. Poetika prozy A.A. Feta. (Syuzhet i povestvovanie). Kolomna, 2006. 18 s.
3. Fet A.A. Sochineniya i pis'ma: v 20 t. T. 3. Povesti i rasskazy. Kriticheskie stat'i. Spb.: Folio-Press, 2006. 518 s.
4. Chermisinova L.I. Hudozhestvennaya proza A.A. Feta. Fet A.A. Sochineniya i pis'ma: v 20 t. T. 3. Povesti i rasskazy. Kriticheskie stat'i. Spb.: Folio-Press, 2006. S. 333 – 360.

THE SUBJECT OF THE NARRATIVE IN A.A. FET'S STORY "KALENIK"

*Prokofieva I.O., Candidate of Philological
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Khafizova D.R.,
Akmulla Bashkir State Pedagogical University*

Abstract: the article reveals the originality of the subject of the narration in the story of A.A. Fet "Kalenik", who is not only a poetically gifted person but also close in his creative settings to the artistic tasks of impressionism. All this, in turn, introduces "lyrical disorder" into the plot and composition of Fet's story leading to a mosaic, heterogeneity of the narrative.

Literary critics of the 19th century note at the same time poetry and weakness, the intricacy of the composition of the story "Kalenik", modern literary critics, paying attention to the narrative features of this text, come to the conclusion that its plot is based on the worldview and ideological conflict of the narrator with the main character of the work. Researchers single out the dominant, searching, active position of the narrator, who doubts the integrity and correctness of the usual picture of the world, the fidelity of the ability to evaluate and seek answers to the questions of the surrounding life with the help of thinking, and not intuition. This allows critics to highlight the following binary oppositions in the plot of the story: "hero of civilization" – "natural man", "reason" – "intuition".

But, in spite of this, undoubtedly, the plot of the story "Kalenik" breaks up into fragments-memories and fragments-real events which are not interconnected, that arise in the memory of the narrator largely due to the creativity in his nature and the associativity of his thinking. Thus, compositionally the story of A.A. Fet "Kalenik" is built as "remembrance in remembrance" which complicates and activates the reader's perception strengthening the role of the narrator in organizing the integrity of the artistic world of the work.

Keywords: prose by A.A. Fet, impressionism, "lyrical disorder", associativity, mosaic of the narrative, heterogeneity of the narrative, oppositions "hero of civilization" – "natural man", "mind" – "intuition"

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

*Габидуллина Ф.И., кандидат филологических наук, доцент,
Елабужский институт,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация: в статье раскрываются жанровые особенности социально-психологического романа. В ходе исследования сделана попытка сравнительно-сопоставительного анализа социально-психологических романов двух разных народов, разных литератур – произведение американского писателя Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» и татарского писателя Г. Абсалямова «Газинур».

Сравнительно-сопоставительное изучение произведений Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» и А. Абсалямова «Газинур» позволяет выявить как тождественные, так и отличительные стороны исследуемых произведений. Примечательно, что оба романа имеют реалистическую основу. Романы «По ком звонит колокол» и «Газинур» раскрывают образы-личности мирных жителей, которые только в годы войны против фашизма осваивают военное искусство и ценой своей жизни защищают товарищей. История мировой литературы знает примеры, когда смерть героев не играет значительной роли или в произведении вообще не присутствуют танатологические мотивы. Однако тот факт, что социально-психологический роман подразумевает раскрытие героя в кризисные, переломные моменты, которые зачастую совпадают с революциями, войнами и другими событиями, во время которых приходится определяться и решать многие вопросы: кто ты в этой войне, готов ли ты пожертвовать своей жизнью ради идеи этой войны или за товарищей и др. Поэтому, как показывает наше наблюдение, мотив смерти очень часто становится центральным в таких произведениях. В романах Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» и А. Абсалямова «Газинур» мы наблюдаем именно такие случаи. Первый роман более реалистичен, в нем значительную роль играет подтекст, в котором можно «прочитать» в том числе и о жестокости стороны, борющейся против фашизма.

Ключевые слова: социально-психологический роман, психологизм, социальная среда, тема войны, танатологический мотив, Э. Хемингуэй, А. Абсалямов

Введение

Социально-психологическая проза остается одной из малоисследованных областей литературы. Недостаточность теоретико-литературных исследований сказывается хотя бы в том, что одно и то же произведение исследуется то как разновидность социальной, то – психологической, то – социально-психологической или другой разновидности прозы. Наглядно данную проблему можно проследить на примере произведения М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», которое В.А. Мануйловым названо как реалистический психологический роман европейского типа [6, с. 22], Б.Г. Меркиным признается как социально-психологический роман [7, с. 235], а И.Э. Васильева называет произведение первым психологическим романом в русской литературе [2, с. 467]. Очевидно, что литературные теоретики должны отталкиваться от того, что социально-психологический роман вбирает в себя специфику двух направлений: специфику социальных исследований, которые делают акцент на изучение общества как целостности и психологических исследований, в центре которых стоит личность, вписанная в определенный историко-общественный контекст. Уже в начале XX века татарская литература представляет богатый опыт освоения реалистической прозы. Тот факт, что XX век становится веком революций, войн, резкой смены властей и идеологии является, на наш взгляд, катализатором освоения и социально-психологической прозы.

Становление личности в переломные моменты общества имеет свою специфику, именно на это часто акцентируют внимание авторы наиболее выдающихся социально-психологических романов. Процесс становления простого труженика-крестьянина или человека иной мирной профессии героем, способным ценой своей жизни защищать идеи, становится ядром социально-психологических произведений разных народов, при этом в каждом случае в произведении выступают и общечеловеческие, и национально-обусловленные качества героя, окружающей среды. Величайшее произведение Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» [10] описывает события на фоне Гражданской войны в Испании. Борьба с фашистской Германией в 1941-1945 годы также является болью русского и татарского народа, которая нашла отражение во многих произведениях, в том числе в романе А. Абсалямова «Газинур» [1]. Попытка сравнительно-сопоставительного изучения личности-героя военного времени в американском и татарском социально-психологическом романах ранее не предпринималась, что обуславливает актуальность исследуемой проблемы.

Работа основана на сравнительно-сопоставительном, психологическом, описательном методах.

Результаты исследования

Сравнительно-сопоставительное изучение произведений Э.Хемингуэя «По ком звонит колокол» и А.Абсалямова «Газинур» позволяет

выявить как тождественные, так и отличительные стороны исследуемых произведений. Примечательно, что оба романа имеют реалистическую основу. Э. Хемингуэю в качестве военного корреспондента приходилось посещать Испанию в годы Гражданской войны. Как замечает В. Ломов, «на глазах Хемингуэя из-за несогласованности действий и приказов командиров и комиссаров – представителей разных политических партий – погиб отряд, с которым писатель кочевал на протяжении многих месяцев. Этот случай послужил отправной точкой его романа» [5]. Роман А. Абсалямова основывается на биографии Героя Советского Союза Газинура Гафиатуллина. Исследователями творчества А. Абсалямова отмечено, что идея написания романа у писателя возникла именно в тот момент, когда он узнал об Указе о посмертном присвоении данного звания Г. Гафиатуллину: «имя Газинур обозначает лучпобедитель. Он бросается грудью на амбразуру, погибает, но в то же время в этом и состоит его победа. Название романа тут же было определено. И название, и намерение написать роман хранились в моей памяти» [8, с. 46].

Еще одно сходство произведений состоит в том, что главные герои становятся военными под влиянием кризисного состояния внешней среды. В мирное время Роберт Джордан, филолог по образованию, работает учителем, а Газинур является рядовым тружеником колхоза «Красногвардеец». И только война и истинный патриотизм становятся главными условиями их будущего героизма.

В произведениях о войне мотив смерти почти всегда является одним из главных, сюжетообразующих. Финал романов довольно похож: раненая лошадь Джордана, падая, сильно повреждает его ногу и он, понимая, что жить ему осталось несколько минут, просит товарищей оставить его одного. В последние минуты жизни его единственное желание – не потерять сознание от боли и успеть убить фашистских офицеров, чтобы его товарищи смогли остаться в живых. Также и Газинур, «зная, что неоткуда ждать помощи, упорно ополчаясь против враждебного пулемета, торопится спасти тех, кого еще можно спасти» [8, с. 15]. Происходит это, как мы знаем, ценой его собственной жизни.

Говоря об отличиях в произведениях, можно отметить следующие черты. Роман Э.Хемингуэя вмещает всего 3 дня жизни Джордана. А.Абсалямов же знакомит читателя с детством, юностью своего героя, с людьми, которые оказали влияние на формирование его личности. Несмотря на военную тематику и героическую идею, в произведении преобладает положительный эмоциональный фон, обусловленный верой в

конечную победу советского человека над фашизмом. Роман Э.Хемингуэя «По ком звонит колокол» имеет трагический пафос, каждая страница романа насыщена чувством неизбежности трагического и в то же время и герой, и читатель уверены в необходимости выполнения воинского долга.

Обсуждение

Ученый Х. Хайри отмечает следующие принципы, на которых строится социально-психологическая проза: принцип социально-психологического описания; психологический анализ; раскрытие общих черт через индивидуальные детали; построение сюжета на основе судьбы главного героя, его отношения к действительности, становления его характера [8, с. 140]. Романы Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» и А. Абсалямова «Газинур» повествуют о судьбах героических личностях, духовно выросших в условиях войны против фашизма. Оба героя обретают бессмертие через смерть, в обоих произведениях присутствует танатологический хронотоп в виде поле боя, фронта. Несмотря на то, что смерть составляет финал обоих произведений, очевидны отличия в пафосе произведений. Нам представляется, что культ героизма наиболее очевиден в романе А. Абсалямова «Газинур». Героизм здесь – итог всей жизни Газинура Гафиатуллина. Писатель не ставит целью отображение реальной действительности в революционном развитии, как того требует метод социалистического реализма, а изображается воображаемый идеальный мир» [4, с. 7]. Конечно, следует понимать, что романтизм данного произведения основан на реальной жизни. Роман «По ком звонит колокол» в описании войны намного более правдив, реалистичен. Автор против любого проявления жестокости, но в тот миг, когда страна находится в условиях войны считает необходимым сделать выбор в пользу наименьшего зла. Именно излишняя, по мнению И.В. Сталина, правдивость становится причиной того, что переведенный на русский язык роман долгое время хранится под грифом «секретно».

Заключение

Романы «По ком звонит колокол» и «Газинур» раскрывают образы-личности мирных жителей, которые только в годы войны против фашизма осваивают военное искусство и ценой своей жизни защищают товарищей. История мировой литературы знает примеры, когда смерть героев не играет значительной роли или в произведении вообще не присутствуют танатологические мотивы. Однако тот факт, что социально-психологический роман подразумевает раскрытие героя в кризисные, переломные моменты, которые зачастую совпадают

с революциями, войнами и другими событиями, во время которых приходится определяться и решать многие вопросы: кто ты в этой войне, готов ли ты пожертвовать своей жизнью ради идеи этой войны или за товарищей и др. Поэтому, как показывает наше наблюдение, мотив смерти очень часто становится центральным в таких произведениях. В романах Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» и А. Абсалямова «Газинур» мы наблюдаем именно такие случаи. Первый роман более реалистичен, в нем значительную роль играет подтекст, в котором можно «прочитать» в том числе и о жестокости стороны, борющейся против фашизма. А. Абсалямов, живший и писавший в эпоху Советского Союза, не мог себе позволить писать всю правду жизни по политическим и идеологическим соображениям, поэтому обращается к опыту романтического метода, но при этом романтизм произведения тесно переплетается с реальной жизнью.

Литература

1. Әпсәләмов Г. Газинур: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 399 б.
2. Васильева Э.В. Проза Лермонтова: Эволюция повествовательной конструкции // Мир Лермонтова: Коллективная монография / Под ред. М.Н. Виrolайнен и А.А. Карпова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 467 – 486.
3. Закирзянов А.М. Эхо войны в современной татарской драматургии / Проблемы марийской и сравнительной филологии. ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет». Йошкар-Ола, 2016. С. 166 – 170.
4. Кашапова А.М. Послевоенные татарские романы: проблемы творческого метода (1945-1960 гг.): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 23 с.
5. Ломов В. 100 великих романов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:file:///C:/Users/23DB~1/AppData/Local/Temp/Rar\$D1a6432.42290/100_velikih_romanov.fb2 (дата обращения: 09.03.2019)
6. Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: комментарий. М.: Просвещение, 1966. 276 с.
7. Меркин Г.Б. «Герой нашего времени»: в художественном мире романа // Литература: учебное пособие. М.: Русское слово, 2011. С. 229 – 240.
8. Мухамедова Г.С. Абдурахман Абсалямов. Казань: Татар. кн. изд.-во, 1971. 133 с.
9. Хәйри Х. Язучы һәм тормыш. Әдәбият теориясе, әдәби хәрәкәт мәсьәләләре. Казан: Татар. кит нәшр., 1979. 287 б.
10. Хемингуэй Э. По ком звонит колокол: роман. М.: AST Publishers. 2016. 640 с.

References

1. Әпсәләмов Г. Газинур: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 399 б.
2. Vasil'eva E.V. Proza Lermontova: Evolyuciya povestvovatel'noj konstrukcii. Mir Lermontova: Kollektivnaya monografiya. Pod red. M.N. Virolajnen i A.A. Karпова. SPb.: Skriptorium, 2015. S. 467 – 486.
3. Zakirzyanov A.M. Ekho vojny v sovremennoj tatarskoj drmaturgii.Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii. FGBOU VO «Marijskij gosudarstvennyj universitet». Jshkar-Ola, 2016. S. 166 – 170.
4. Kshapova A.M. Poslevoennye tatarskie romany: problemy tvorcheskogo metoda (1945-1960 gg.): avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2005. 23 s.
5. Lomov V. 100 velikih romanov [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL:file:///C:/Users/23DB~1/AppData/Local/Temp/Rar\$D1a6432.42290/100_velikih_romanov.fb2 (data obrashcheniya: 09.03.2019)
6. Manujlov V.A. Roman M.YU. Lermontova «Geroj nashego vremeni»: kommentarij. M.: Prosheshche-nie, 1966. 276 s.
7. Merkin G.B. «Geroj nashego vremeni»: v hudozhestvennom mire romana. Literatura: uchebnoe posobie. M.: Russkoe slovo, 2011. S. 229 – 240.
8. Muhamedova G.S. Abdurahman Absalyamov. Kazan': Tatar. kn. izd.-vo, 1971. 133 s.
9. Hәjri H. YAzuchy һәм tormysh. Әдәбият теориясе, әдәби хәрәкәт мәс'әләләре. Kazan: Tatar. kit nәshr., 1979. 287 b.
10. Heminguej E. Po kom zvonit kolokol: roman. M.: AST Publishers. 2016. 640 s.

FORMATION OF PERSONALITY IN WARTIME CONDITIONS

*Gabidullina F.I., Candidate of Philological
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yelabuga Institute of Kazan (Privolzhsky) Federal University*

Abstract: the article reveals the genre features of the socio-psychological novel. In the course of the study, an attempt was made to comparatively analyze the socio-psychological novels of two different peoples, different literatures – the work of the American writer E. Hemingway "For whom the bell tolls" and the Tatar writer G. Absalyamov "Gazinur".

A comparative study of the works of E. Hemingway "For whom the Bell Tolls" and A. Absalyamov "Gazinur" allows us to identify both identical and distinctive sides of the works under study. It is noteworthy that both novels have a realistic basis. The novels "For Whom the Bell Tolls" and "Gazinur" reveal the images-personalities of civilians who only master the art of war during the war against fascism and protect their comrades at the cost of their lives. The history of world literature knows examples when the death of heroes does not play a significant role or there are no thanatological motives in the work at all. However, the fact that the socio-psychological novel implies the disclosure of the hero in crisis, turning points, which often coincide with revolutions, wars and other events, during which many issues have to be determined and resolved: who are you in this war, are you ready to sacrifice your life for the idea of this war or for your comrades, etc. Therefore, as our observation shows, the motive of death very often becomes central in such works. In the novels of E. Hemingway "For whom the bell tolls" and A. Absalyamov "Gazinur" we observe exactly such cases. The first novel is more realistic, the subtext plays a significant role in it, in which you can "read", including about the cruelty of the side fighting against fascism.

Keywords: social-psychological novel, psychologism, social environment, war theme, thanatological motive, E. Hemingway, A. Absalyamov

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Гязов И.В., аспирант,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова

Аннотация: в статье «Идеологический нарратив и его особенности» анализируются особенности начальной стадии становления новописьменных литератур, в частности, кабардинской, в контексте социалистических эстетических доктрин Советского государства в первые десятилетия его существования. *Актуальность* исследования определяется современными кризисными явлениями национальных – так называемых, «новописьменных» – литератур РФ, ярко проявленных в условиях интеграции этнических культур в общемировое цивилизационное пространство. Наблюдаемое сегодня вытеснение традиционной архетипики и концептуалистики, как из конкретных текстов, так и из коллективного художественного мышления народов России, автор считает вполне сопоставимым с процессами проникновения в поэтику 20-х годов прошлого века идеологической символики нового общества. *Новизна.* Автор предлагает достаточно оригинальную трактовку эволюции эстетического сознания в координатах идеологического подхода к оценке эстетических текстов. В его понимании феномен унификации и политической актуализации художественного мышления был одинаково свойственен, как новописьменным системам словесности, так и русской советской, что иллюстрируется им на примерах из творческого наследия А. Блока и советских кабардинских поэтов первого поколения. Основной *вывод* автора статьи – очевидная общность структурных, образных, аксиологических универсалий во всех образцах ранней советской литературы, включая тексты русских авторов, не исключала отсутствия в новописьменных системах сформированных нарративных технологий, что и привело к долгой адаптации национальной прозы к быстро трансформировавшемуся информационному пространству социума – при фактическом разрушении этнических пространственно-временных представлений в текстах начальной генерации.

Ключевые слова: идеологическая оппозиция, фольклорная традиция, политическая самоидентификация, немоти- вированный конфликт, поэтика, новописьменная литература, нарратив, идеологический заказ, советская эстетика

Первая стадия становления эстетического сознания адыгских народов в научных исследованиях соотносится с жестким принуждением идеологического порядка, со становлением классового конфликта и классового подхода в художественном мышлении. Однако «классовый» и «идеологический» в данном случае трудно воспринимать в качестве взаимозаменяемых понятий. Скорее, оказавшись в тисках определенного мировоззрения, этническое художественное сознание восприняло матрицу безальтернативного конфликта из первых образцов русской советской литературы – тем более, что она оказалась идентичной конфликту эпическому, знакомому из текстов «Нартиады».

Но это не идеологическая оппозиция. Фольклорные песни кабардинского, черкесского, других адыгских народов, посвящённые героям, погибшим в результате межсословных столкновений, в советский период в большинстве своем представлялись произведениями с ярко выраженной социальной мотивацией событий. Тенденциозность их интерпретаций несомненна, чаще всего переводные варианты настолько далеки от прототипа, что узнаются с трудом, причем идеологический посыл зачастую полностью подменял истинную семантику текстов – например, русский вариант известного цикла об Андемиркане акцентирует внимание на моментах сословного и классового неравенства героя и его врагов. Оригинал же этой семантики практически не имеет – в нем речь ведётся о попытке преодоления норм обычного права

«аристократических» адыгских народов, связанного с безусловностью права крови, права происхождения, которая и выступает иницирующим основанием конфликта, конфликта, заметим, чисто, или, по крайней мере, в основном, этического свойства.

Иначе говоря, фольклорная традиция адыгов идеологической оппозиции в современном понимании не знала – речь, в основном, шла об имущественном неравенстве и перипетиях морально-этического плана. Тем очевиднее тот факт, что первые образцы авторской советской литературы не могут считаться лежащими в этом русле. Короткий период, в рамках которого национальные авторы были обращены к коллизиям открытой схватки, к изображению непосредственной борьбы, конечно, имеет приметы и антураж нового государства, но лишь постольку, поскольку писатели осознавали необходимость обозначения своей принадлежности к нему. Отсюда в текстах многочисленные «знамёна», «флаги», «партии», «ленины» и так далее [9, с. 265-281]. Но лирическое переживание этих текстов подобными объектами лишь сопровождается, получает, так сказать, соответствующую политическую окраску и определенность. Суть же изображаемого – сам процесс борьбы в закономерных составляющих и элементах: схватка, преимущество-слабость, поражение-победа, смерть-торжество. Схематически все тексты революции и Гражданской войны могут быть представлены в четырех последовательно следу-

ющих лирических периодах – представление, схватка, победа – в вариантах она сопряжена со значительными потерями – позитивное резюме. Наиболее совершенные стихи адыгских поэтов, написанные по поводу революционных событий, обогащены элементами индивидуального соотношения, интегрирующие авторское «я» в последовательность изображаемого, а также традиционными фольклорными формулами, но сама схема и последовательность лирической рефлексии остаётся типовой: «...Везде // Радость людей и надежда // В честном живут труде. // Верный своей Отчизне, // Трудится весь народ. // Памятник нашей жизни – // Труд никогда не умрёт... [2, с. 86] – ожидаемый ряд обыгрываемых при этом объектов и явлений имеет абсолютно экзистенциальный характер и к идеологии никакого отношения не имеет. Переживание поэта, как мы видим, апеллирует к образам «радость», «надежда», «честный», «жизнь».

В национальной прозе и поэзии о революции и Гражданской войне идеология присутствовала в формате типологического антуража, способствовавшему распределению эмоций читателя на положительные и отрицательные – естественно, в зависимости от их направленности по отношению к тому или иному политическому лагерю. Сами же эти эмоции, составляющие канву любого произведения, нейтральны в идеологическом смысле: «...Пусть государством, большим и сильным, // Всегда мы будем врагам на страх!...//...Желаю нашим родным заводам // Машины всяким добром грузить, // Чтобы не смели враги грозить//Ни нашим землям, ни нашим водам!...//...И пусть для свадеб и для пиров // Своих быков мы зарежем тучных...» [1, с. 135] – лишь несколько маркеров с устоявшейся аксиологической нагрузкой выполняют роль идеологических идентификаторов всего стихотворения. Выполненные в границах патетического рисунка ожидания борьбы, схватки, они полностью выражают политическую суть эпизода, остальные строки могли бы быть вполне органичны в какой-либо здравнице.

И явно идеологические формулы, выстроенные в виде готовых лозунгов, и автологические констатации противостояния в данном тексте выглядят заимствованиями – первые по определению, вторые же в силу того, что адыгская словесная традиция попросту не знала такого жанра как публичное пожелание-предсказание, за исключением застольных здравниц. Предсказание, касающееся неких сугубо частных предвидений, индивидуально по своей сути, коллективный, открытый характер может приобрести в совершенно определенных культурных границах. Как правило, экстравертность индивидуального переживания наблю-

дается лишь в той среде, которая предполагает унифицированность человеческих эмоций в целом – это могут быть религиозные переживания, проходящие по заранее оговоренному канону, как мы видим, это могут быть и пафосные агитки политического содержания.

Однако заимствованное происхождение поэтических представлений национальных авторов совершенно не означало их идеологического качества. Идеология, как составная часть политической самоидентификации тех или иных групп, существует в координатах сравнительного анализа, когда утверждается теза о превосходстве одного мировоззрения над другим, носителей первого над носителями второго – П. Бурдые по этому поводу пишет о противоборстве личностей, как персонификаций идей [5, с. 227].

«Революционная» литература и литература первых лет советской власти, посвященная описанию событий Гражданской войны, заведомо лишены сравнения и идеологической противопоставленности. Это произведения, констатирующие факт прямого столкновения и боя на уничтожение противника – чаще всего физического. Под стремление героя истребить врага, как правило, не подводится какая-либо идеологическая база, это стремление просто декларируется, в лучших образцах переносится на массы и рассматривается как априорный и безусловный посыл к действию [14, с. 224].

Для нас является особо показательным фактом то, что в «большой» русской литературе этого времени немотивированный конфликт также вполне обычен и характеризует произведения даже тех авторов, кого ни в коем случае невозможно обвинить в особой приверженности поэтике фольклора и, тем более – в скатывании на позиции эстетического опрощения. Обращаясь, например, к «Двенадцати» А. Блока, мы видим в поэме великого русского автора – эрудита и потомственного интеллигента – тот же набор признаков, которым отмечены незатейливые лозунговые вирши представителей национальных литератур [8, с. 216-217].

В силу особенностей своего мышления и всей концептуалистики позднего русского символизма, априори предполагавшего полифункциональность и полисодержательность любого явления и объекта, Блок должен был попытаться выяснить природу описываемую, представить читателю хотя бы трансцендентную формулу его истолкования [3, с. 431]. Однако в идеологических аргументах сделать это не представляется возможным – первые несколько лет существования большевистского режима не было выработано даже приблизительной идеологической базы военного противостоя-

ния, речь шла лишь о выживании и победе с любыми издержками.

Поэтому попытка обосновать и мотивировать повороты сюжета «Двенадцати», головоломные по своей непредсказуемости реакции и поступки персонажей, для Блока возможна лишь в двух неожиданных планах – абсурд и бессмысленность окружающего осмысляются поэтом в категориях и картинах традиционного русского кукольного балагана – райка, как это весьма убедительно продемонстрировал Б.М. Гаспаров [6, с. 6-13].

Коротко говоря, русская советская литература в своих революционных образцах пыталась уйти от алогичности и конфликтной предопределенности – двух качеств, которые однозначно приписываются литературе новописьменным. Имея в своих нарративных навыках и сложившихся писательских практиках многочисленные модели и схемы эстетического качества, русские авторы, по идее, должны были бы адекватно и аналитически подходить к Революции и Гражданской войне. Однако этого не случилось – принявшие её риторику, творили в стиле агиток и даже буквально переходили к ним как к новому, актуальному виду литературы, другие оставались на границах двух миров, отрицая своё старое бытие; они, тем не менее, оказались не в силах понять и воспринять новое, третьи, не колеблясь, отвергли революцию и советскую власть. Все последние, в обосновании своих философских, эстетических позиций апеллировали к дихотомии «враг-друг», даже не пытаясь углубиться в семантику этих понятий, и их отношение к новым порядкам выше бунинского «младенцы, полуживотная тьма!» [4, с. 44] не поднималось.

Понятно, что пафос борьбы, поэтика революционного процесса, захватывавшие даже сложившихся больших писателей настолько, что они игнорировали базовые нарративные принципы традиционной русской литературы, на представителей молодой национальной словесности действовали ошеломляюще. Идеологический заказ требовал передачи духа победы и самопожертвования, нигде и никак не упоминались причины и мотивация борьбы, тем более – не было и не могло быть хотя бы намёка на сравнительный анализ того, за что приходится бороться с тем, против чего боролась.

Положение усугублялось тем, что до середины 20-х годов перед Советским государством не стояло вопроса формирования общенародной этики, морали и воспитания чувства прекрасного. Лишь в 1925 году партийные органы обратили пристальное внимание на литературное сообщество страны [13, с. 312], до этого в буквальном смысле раздираемое различными направлениями и группировками, проповедовавшими как отказ от культурного

наследия прошлого, так и отказ от информационной содержательности текста как такового.

Совершенно логичным видится то, что в национальных «новописьменных» литературах период «условно» идеологического искусства занял совершенно особое место. Если для русских авторов это был короткий промежуточный этап, предвзявший возврат к изображению индивидуума и его чувств, его понимания и рационально выражаемой идеологической позиции, то в условиях форсированного развития национальные авторы достаточно долгое время находились в плену эстетических догм безусловного, безальтернативного конфликта, лишавшего их произведения как логики изложения, так и нормальной мотивации поведения героев.

Сама ускоренная эволюция национальных литератур, обусловленная внешними влияниями, предполагает размытость хронологических и типологических границ между стадиями этой эволюции. Поэтому на Северном Кавказе образцы безальтернативного (условно-идеологического) подхода мы встречаем как в десятых годах прошлого века, так и в 20-х, и 30-х. Они не существуют в едином хронологическом поле, а просто вкрапливаются в объем текстов последующего этапа.

Подобные произведения, полностью вписываются в модель так называемого революционно-просветительской ступени развития национальных литератур, выделяемой в качестве самостоятельного типологического промежутка некоторыми исследователями [16, с. 91]. В рамках просветительской нарративной модели, кстати, многие недостатки произведений такого рода, освещаемые в качестве системных – непоследовательность и произвольность сюжета, абсолютно «демиургическое», ничем, кроме авторской воли не мотивированное перерождение главного героя – зачастую не воспринимаются в качестве изъянов.

Они, на самом деле, являются выражением онтологической направленности и всех текстов, принадлежащих к дидактическим, или, в границах более распространенной терминологии – революционно-просветительским. Эстетика большевизма была строго утилитарной, искусство соизмерялось лишь с его общественной пользой, что, собственно, и определило статусы различных его видов на шкале ценностей СССР – как мы помним, важнейшим из них Ленин считал кино.

Поэтому Тембот из романа М. Дышекова «Зарево» уродлив априори, Бекир-лентяй, и Бекир-исправившийся в одноимённом произведении О. Этезова, алогичный и вызывающий заведомую неприязнь Мусса, герой «На берегах Зеленчука» Х. Абукова – все они вполне достаточны с точки

зрения требований революционной или социалистической дидактики. Всё повествовательное пространство, находящееся между двумя пунктами безальтернативной оценки – излишне. Стремление советской эстетики к упрощенности и утилитарной экономичности выразительных планов, бывшее особенно заметным в первые годы Советской власти, тенденциально сохранялось весьма долго – в середине 60-х годов оно еще служило неким критерием эстетичности текста [7, с. 14].

Тем не менее, два состояния героев идеологической прозы являют собой не первую, а вторую стадию развития новописьменных литератур. Оппозиционные пары этого этапа развития художественного сознания воспринимаются, как сравнительные, и их наличие позволяет сделать читателю вполне определенные выводы. Насколько художественно убедителен образы такого формата – вопрос иного плана, но сам факт сопоставления в героев в двух точках аксеологической шкалы – акт, несомненно, аналитический, причём, анализ этот имеет выраженное идеологическое качество. Что же касается причин перехода героя из одного состояния в другое, необоснованности его характеристик, отсутствия аргументации при определении статуса персонажа – советская литература этого периода вообще акцентирована на следствиях, систематически пренебрегая каузальностью. Это в полной мере относится как к плоскостному видению прозаиков Северного Кавказа, так и к сложнейшим синтаксическим периодам А. Платонова [12, с. 180-185].

При этом многие герои идеологической прозы были полностью унифицированы, существовали в виде вполне стабильных типажей, оснащённых тем или иным набором черт, тесно связанным с социальным статусом образа, что само по себе, было обусловлено позицией теоретиков социалистического искусства, напрямую диктовавших характер черт и общие аксиологические идентификаторы персонажей. Герои текстов с заданной и обязательной идеологией чётко соотносятся с определёнными, фактически, канонизированными эстетическими матрицами, бывшими в ходу у первых теоретиков «нового» искусства и восходившими к воззрениям А. Луначарского [11, с. 100-102].

Но самой заметной, бросающейся в глаза даже неискушенному читателю, характеристикой нарратива данного этапа развития новописьменной литературы является отсутствие в нем повествовательного времени. «Сейчас» героев идеологической прозы – это и предполагаемые годы батрачества, и поворотный эпизод, и годы общения со старшими, политически грамотными товарищами – показательно, что в смысле развития сюжета эти

годы могут быть полноценно заменены одной-двумя встречами с источником революционных настроений, как правило – выходцем из России.

Мы наблюдаем достаточно яркое проявление феномена «архаизации» представлений, ухода от восприятия современного человека к панхроничным нормам рефлексии, доминировавшим на стадии мифа и магического мышления. Как отмечает М.Н. Липовецкий, модернизация общества вызывает к жизни явление, когда «...возникающий в ходе этого процесса вариант модерности точнее всего было бы назвать архаизирующим... Путь архаизирующей модерности, как правило, связан с запаздывающим или догоняющим характером модернизации... Этот путь вызван к жизни, в первую очередь, страхом перед модерностью и её последствиями – разрывом с традициями, возрастанием роли бюрократии, фрагментацией и атомизацией коллективных тел» [10, с. 6-7]. В «большой» советской культуре это явление имело компенсирующий характер, как пишет М. Рыклин, это была «тотальная компенсация травмы» перехода к новому бытийному окружению [15, с. 88-89].

Однако на национальной периферии архаизация эстетических представлений приняла, как мы видим крайние формы, вторгшись даже на уровень хронопического моделирования окружающего мира. И дело, конечно же, не в том, что свою роль сыграл такой, отмеченный М. Липовецким фактор, как «запаздывание», трансформационных процессов на Северном Кавказе. Главное – все маркерные черты новой социалистической культуры – будь они традиционными, либо «архаизирующими» – доходили до литератур региона во вторичном виде, будучи заимствованными, причём, в большинстве случаев – не из лучших источников.

И подводя краткий итог вышесказанному, мы считаем возможным констатировать, что критериями, выделяющими ряд произведений первых национальных литераторов в некую целостную группу, можно считать разрыв пространственных и временных соотношений в ткани повествования, обусловленный гипертрофированными процессами культурного заимствования. Закономерным и неизбежным результатом неограниченной культурной агрессии в пространство национального эстетического сознания стали алогичность и спонтанность сюжетов, нарочитость образных представлений, частое отсутствие причинно-следственных связей между фабульными периодами. Особо существенным видится то, что все эти конституирующие черты ранней новописьменной прозы, во-первых, не могут исходить из национального фольклора, это – плоды некорректного инокультурного воздействия, во-вторых – невозможность атрибуции этого периода как

«идеологического», «революционно-просветительского» или «дидактического». Панхрония и дисперсия пространственных объемов в текстах этого типа не оставляют места для любых форм идеологических коннотаций.

Литература

1. Антология кабардинской поэзии. М.: Художественная литература, 1957. С. 135.
2. Антология литературы народов Северного Кавказа. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. Т. I. Ч. 1. С. 86.
3. Блок. А. Собр.соч.: в 8-ми т. М.-Л.: Гослитиздат, 1962. Т. V. С. 431.
4. Бунин И.А. Окаянные дни. Собр. соч. М.: Московский рабочий, 2000. Т. VIII. С. 44.
5. Бурдые П. Социология политики. М.: Sociologos.1993. С. 227.
6. Гаспаров Б.М. Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» / Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука. 1993. С. 6 – 13.
7. Григорьев М. Социалистический реализм в борьбе с модернизмом. М.: ВГИК. 1965. С. 14.
8. Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. Л.: Academia, 1928. С. 216 – 217.
9. Кажарова И.А., Борова А.Р. Аксиология субъекта декларативно-публицистической поэзии (на материале первого сборника советских кабардинских поэтов «Первый шаг») // Научный диалог. 2021. № 10. С. 265 – 281.
10. Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х г. М.: Научная библиотека. 2008. С. 6 – 7.
11. Луначарский А. Религия и социализм. СПб.: Шиповник, 1908. Т. I. С. 100 – 102.
12. Михеев М.Ю. В мир Платонова через его язык. 2003. М.: Изд-во МГУ, С. 180 – 185.
13. Пospelov Г.Н. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978. С. 312.
14. Русская литература XX века: школы, направления, методы творческой работы. М.-СПб.: Logos-Высшая школа, 2002. С. 224.
15. Рыклин М. Топос утопии. Коммунизм как религия. Пространства ликования. М.: Логос. 2002. С. 88 – 89.

16. Толгуров З.Х. В контексте духовной общности. Нальчик. Эльбрус. С. 91.

References

1. Antologiya kabardinskoy poezii. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1957. S. 135.
2. Antologiya literatury narodov Severnogo Kavkaza. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2003. T. I. Ch. 1. S. 86.
3. Blok. A. Sobr.soch.: v 8-mi t. M.-L.: Goslitizdat, 1962. T. V. S. 431.
4. Bunin I.A. Okayannye dni. Sobr. soch. M.: Moskovskij rabochij, 2000. T. VIII. S. 44.
5. Burd'e P. Sociologiya politiki. M.: Sociologos.1993. S. 227.
6. Gasparov B.M. Tema svyatochnogo karnavala v poeme A. Bloka «Dvenadcat'». Literaturnye lejtmotivy. Ocherki russkoj literatury XX veka. M.: Nauka. 1993. S. 6 – 13.
7. Grigor'ev M. Socialisticheskiy realizm v bor'be s modernizmom. M.: VGIK. 1965. S. 14.
8. Zhirmunskij V.M. Voprosy teorii literatury. L.: Academia, 1928. S. 216 – 217.
9. Kazharova I.A., Borova A.R. Aksiologiya sub"ekta deklarativno-publicisticheskoy poezii (na materiale pervogo sbornika sovetskih kabardinskih poetov «Pervyj shag»). Nauchnyj dialog. 2021. № 10. S. 265 – 281.
10. Lipoveckij M.N. Paralogii: Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920-2000-h g. M.: Nauchnaya biblioteka. 2008. S. 6 – 7.
11. Lunacharskiy A. Religiya i socializm. SPb.: SHipovnik, 1908. T. I. S. 100 – 102.
12. Miheev M.YU. V mir Platonova cherez ego yazyk. 2003. M.: Izd-vo MGU, S. 180 – 185.
13. Pospelov G.N. Teoriya literatury. M.: Vysshaya shkola, 1978. S. 312.
14. Russkaya literatura XX veka: shkoly, napravleniya, metody tvorcheskoj raboty. M.-SPb.: Logos-Vyshshaya shkola, 2002. S. 224.
15. Ryklin M. Topos utopii. Kommunistizm kak religiya. Prostranstva likovaniya. M.: Logos. 2002. S. 88 – 89.
16. Tolgurov Z.H. V kontekste duhovnoj obshchnosti. Nal'chik. El'brus. S. 91.

IDEOLOGICAL NARRATIVE AND ITS FEATURES

*Gyazov I.V., Postgraduate,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov*

Abstract: the article "Ideological Narrative and Its Features" analyzes the features of the initial stage of the formation of newly written literatures, in particular, Kabardian, in the context of the socialist aesthetic doctrines of the Soviet state in the first decades of its existence. The relevance of the study is determined by the modern crisis phenomena of the national - the so-called "newly written" – literatures of the Russian Federation, clearly manifested in the conditions of integration of ethnic cultures into the global civilizational space. The displacement of traditional archetypes and conceptualism observed today, both from specific texts and from the collective artistic thinking of the peoples of Russia, the author considers to be quite comparable with the processes of penetration into the poetics of the 1920s of the ideological symbolism of the new society. Novelty. The author offers a rather original interpretation of the evolution of aesthetic consciousness in terms of the ideological approach to evaluating aesthetic texts. In his understanding, the phenomenon of unification and political actualization of artistic thinking was equally characteristic of both the new written systems of literature and Russian Soviet, which he illustrates with examples from the creative heritage of A. Blok and Soviet Kabardian poets of the first generation. The main conclusion of the author of the article is the obvious commonality of structural, figurative, axiological universals in all samples of early Soviet literature, including the texts of Russian authors, did not exclude the absence of formed narrative technologies in the newly written systems, which led to a long adaptation of national prose to the rapidly transformed information space of society - with the actual destruction of ethnic space-time representations in the texts of the initial generation.

Keywords: ideological opposition, folklore tradition, political self-identification, unmotivated conflict, poetics, newly written literature, narrative, ideological order, Soviet aesthetics

ПРОБЛЕМА «ЗАВИСИМОСТИ» В КОНТЕКСТЕ НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ДОННЫ ТАРТТ В РОМАНЕ «ЩЕГОЛ»

*Половинкин А.Б., аспирант,
Кубанский государственный университет*

Аннотация: в статье исследуется мотив зависимости и её преодоления в романе Донны Тартт «Щегол» в рамках исследования нравственной авторской стратегии. Тартт показывает в сюжетном становлении образа Теодора, как детская психологическая травма приводит к зарождению различных видов зависимости. Зависимость в свою очередь искажает нравственное восприятие мира главного героя, и мотив избавления от зависимости в данном случае сочетается с мотивом переосмысления духовных ценностей. Целью нашего исследования становится изучение зависимости как важного фактора в построении современной авторской нравственной картины мира на материале отдельно взятого романа Донны Тартт. Объектом нашего исследования стал мотив зависимости и её преодоления. Предметом – мотив преодоления зависимости как часть нравственной стратегии автора, придающая повествованию этический и дидактический потенциал.

Ключевые слова: литература США, современная литература, зависимость, роман, травма, нравственная философия

Роман Донны Тартт «Щегол» нередко по ряду ключевых признаков причисляют к роману воспитания. Центральную роль в повествовании играет «трагическая история взросления Теодора Декера, полная тяжелых испытаний, которые кардинально меняют его судьбу» [9, с. 2]. Временные характеристики романа являются схематичными и не наделены смысловой нагрузкой. Категория психологического времени является исключительной, так как она отображает моменты наибольшего эмоционального напряжения главного героя. Активно применяется ретроспекция, которая отображает глубины сознания протагониста, помимо этого присутствуют обязательные для романа воспитания элементы развития главного героя – «обретение призвания, моральное и духовное взросление, а также осознание собственной индивидуальности» [9, с. 2].

Согласно М.М. Бахтину, данный вид романа синхронно показывает читателю становление человека и «известную двойственность, нецельность живого человека, смешение в нем добра и зла, силы и слабости» [2, с. 149]. Жизнь и наполняющие её события становятся больше чем средством испытания готового героя либо стимулирующим фактором развития уже предопределенной сущности героя. Идея становления раскрывает жизнь в романе как опыт героя, окружающую среду, своеобразную школу, образующую и формирующую характер героя и его мировоззрение. Таким образом, в сравнении с другими типами романов, идея становления и воспитания «позволяет по-новому организовывать материал вокруг героя и раскрывать в этом материале совершенно новые стороны» [2, с. 150].

В «Щегле» Донны Тартт немаловажным материалом являются проблема морали и нравственного выбора героя. На его восприятие мира серьёзным образом влияют детская психологическая

травма и последующая зависимость от наркотиков и алкоголя. Оба вида зависимости подпитывают друг друга и толкают главного героя на опасные и сомнительные с точки зрения морали решения. Причиной возникновения зависимости и ключевым моментом в жизни Тео становится смерть его матери во время террористической атаки на музей. Нанесённая ребёнку психологическая травма остаётся с ним и во взрослом возрасте, становясь причиной частых панических атак, страха толпы, громких звуков и замкнутых пространств.

Важным фактором для возникновения зависимости также становится ключевая для романа картина, которую главный герой по стечению обстоятельств крадёт из музея после взрыва. «Цепь преступлений и наркотического саморазрушения запущена без преступного умысла, в бреду» [1, с. 2]. Мысли о картине неизбежно вызывают у Тео чувство вины: именно из-за него они зашли в музей перед взрывом, в определённом смысле из-за действий Тео погибла его мать. Чувство вины многократно усугубляется кражей шедевра изобразительного искусства и необходимостью скрывать его.

Постоянное ощущение вины, одиночество, регулярные панические атаки и неспособность справиться с горем по погибшим родителям, постепенно приводят его к рискованному и криминальному образу жизни. Он раньше времени попадает «во взрослый мир, полный подозрений, сомнений, предательств и преступлений» [9, с. 2]. Ещё до смерти отца Тео вынужденно переезжает жить вместе с ним в Лас-Вегас, где в повседневной жизни он сталкивается с различными зависимостями отца и его окружения – алкоголем, наркотиками, ставками на спорт, различными азартными играми в казино. И отец, и новый друг Тео Борис во многом способствуют появлению у него зависимости как таковой. Окружение всегда играет

крайне важную роль для Тео, во многом формируя для него нравственные нормы: «под воздействием обстоятельств он становится то примерным сыном, то отпетым мошенником, то безнадежным наркоманом, то влюбленным романтиком, то честным и трудолюбивым помощником, то загнанным преступником» [9, с. 2].

Испытываемое Тео отчаяние часто становится причиной и поводом для появления очередной зависимости. Любое проявление зависимости – алкоголь, наркотики, азарт – становятся способом справиться с этими ощущениями – либо при помощи ложного воодушевления и надежд, либо заглушая все эмоции. Когда Тео начинает употреблять алкоголь и наркотики в Лас-Вегасе вместе с Борисом, он совершает кражи из запасов отца или ворует в магазинах – таким образом, зависимость на самом зачаточном этапе уже становится причиной и оправданием для аморальных поступков. При этом зависимость становится своеобразным защитным механизмом – когда Тео начинает пить алкоголь в больших количествах и употреблять наркотики, он испытывает приступы эйфории, радости и необоснованной надежды. Эти ощущения противопоставляются утрате, страху, отчаянию и пережитой в детстве близости со смертью. В определённом смысле ощущение изоляции от реальности и отстранённости фактически становится его целью. Тем не менее, этот защитный механизм становится причиной того, что рассудок Тео постоянно затуманен, и его способность выносить суждения о моральной стороне принимаемых им решений значительно страдает.

Со временем наркотики искажают его сознание и способность воспринимать реальность, а попытки отказаться от них приводят к депрессии и состоянию экзистенциального ужаса. По мере развития наркотической зависимости Тео растёт и его паранойя, и помимо этого обостряется вполне осознаваемая им одержимость картиной: «Моё, моё. Страх, сотворение кумира, стяжательство. Восторг и ужас фетишиста» [7, с. 1050]. Осознавая риск, он скачивает фотографии картины и регулярно любуется ими, так как не осмеливается посмотреть на спрятанный им на складе оригинал. Фактически, невольно похищенная им картина является первым настоящим прегрешением Тео, и это формирует границы его морали в дальнейшей жизни. Воровство и обман становятся постоянным рефреном в жизни Тео: постоянные магазинные кражи с Борисом, обкрадывание Ксандры после смерти отца Тео, мошенничество с выдачей поделок Хоби за дорогую антикварную мебель. Также Тео тщательно скрывает свою наркотическую и алкогольную зависимости, фактически ведя двойную жизнь. При этом вся рефлексия Тео о среднестати-

стической, обыденной жизни сводится к тому, что для него она невозможна – его психологическая травма становится непреодолимым препятствием. Но помимо этого, его новый образ жизни порождает в нём презрение к обывательскому существованию – «и у меня могла быть такая жизнь, да только я её не хотел» [7, с. 1470]. Необходимо отметить, что всю свою жизнь Тео разрывается между двумя влияниями: хаотичным, которое на него оказывали Борис и отец, и другим, вдохновляющим влиянием его матери, Хоби и Пиппы – никто из них не принадлежит к миру обывателей, но Тео не может вознестись над реальностью при помощи искусства по их примеру. При этом в «речи отца и Ксандры ни разу не встречаются аллюзии на какие-либо произведения искусства» [5, с. 47], но они тоже далеки от обывательской жизни, полностью погружаясь в мир зависимости. Их влияние в полной мере сказывается в его жизни в Лас-Вегасе и остаётся с ним во взрослой жизни в Нью-Йорке вместе с рядом болезненных зависимостей. Большая часть значимых для Тео событий произошла в детстве, и влияние тех событий во взрослой жизни часто противоречиво: «детская любовь, растянутая на долгие года, детская дружба, выпрыгнувшая из забвения, как чертик из табакерки» [6, с. 3] Тео видит лишь два полюса в жизни – скучную, пустую жизнь обывателя и полную опасностей жизнь наркомана и афериста. То, что он вынужден перемещаться от одного из них к другому, постепенно наполняет его разочарованием: «Жизнь – это катастрофа. Сама по себе суть нашего существования, когда мы мечемся туда-сюда, пытаюсь себя прокормить, обрести друзей и сделать ещё что-то там по списку – есть катастрофа» [7, с. 1573]. В этом пространстве Тео сложно найти какой-либо выход, сама по себе жизнь начинает его тяготить, при этом мысли о загробной жизни его тоже не посещают: «Тео приобщается к одной из центральных идей современной западной литературы: жизнь – тяжёлый крест, никак не связанный с воскресением, субъект человеческого бытия – безличное нечто, не причастное добру» [8, с. 5].

К финалу романа Тео приходит к выводу, что для возвращения к нормальной жизни ему необходимо избавиться от зависимости и от чувства вины, которое угнетает его на протяжении всего романа. Для избавления от зависимости ему необходим главный моральный ориентир, и таковым для него становится искусство. Оно служит для него, способом найти своё искупление и место в жизни. Обладание картиной позволяло Тео преодолеть убийственную будничность и банальность его двойной жизни: «...если тайны и есть наша суть, в противовес лицу, которое мы являем миру, - тогда

картина и была такой тайной, которая приподняла меня над самой поверхностью жизни и позволила понять, кто я такой» [7, с. 1565]. Тео находит способ вернуть картину и благодаря счастливой случайности и вознаграждению от правительства получает возможность вернуть деньги всем жертвам своих махинаций, пройдя путь искупления, насколько это было для него возможно. Хаотичность его жизни в определённой степени стабилизируется при помощи «искусства, которое становится основой порядка» [11, с. 3].

Избавление от чувства вины помогает ему очистить разум впервые за долгое время и сформулировать своё понимание искусства и любви, ключевых для нравственного аспекта человечества понятий. В определённом плане это помогает ему преодолеть часть детских травм, первопричины зависимости: «Преодоление подростковых комплексов сублимируется со временем в поиск неких высших смыслов, «прорыв к трансцендентному», выраженный у Д. Тартт с изумительным по тонкости ощущением противоречивости, но в то же время и цельности внутреннего мира взрослеющего человека» [4, с. 70]. Открытый финал подразумевает возможное избавление Тео от зависимости, но в то же время ряд других персонажей к этому времени уже давно теряет шанс на спасение, делая путь искупления Тео в своём роде уникальным.

Таким образом, зависимость становится ключевым фактором для создания нравственного образа не только Тео, но и большинства основных персонажей книги. Избавление от зависимости показано в романе как сложный процесс, на который способен далеко не каждый. По словам Донны Тартт, роман как жанр является «..моральной дилеммой: своего рода игровым полем или ритуальным пространством, в котором персонаж раскрывается и развивается с течением времени, как и в жизни, посредством выбора, который он делает или не делает» [10, с. 2]. Последовательность нравственно осознанных выборов приводит к тому, что герой может преодолеть зависимость и вернуть чёткость своему восприятию мира, приводящее к осознанной, контролируемой жизни. В случае Тео осознание аморальности собственных поступков и появившееся желание вести соответствующую моральным и социальным нормам общества жизнь приводит к тому, что он отказывается от всех полученных материальных благ. Таким образом, нравоучительная стратегия Донны Тартт и её взгляды на роль искусства в современном обществе отображаются через мотивы зависимости и её преодоления, показывая героя как в кризисном состоянии, так и в состоянии перехода в обыденную, соответствующую общественным нормам жизнь. Несмотря на отсутствие веры, однозначных

моральных ориентиров и противоречивое влияние среды, Тео вынужден искать спасение от пустоты повседневности и саморазрушения зависимости в воплощённой и запечатлённой в искусстве любви. Зависимость сменяется хрупкой надеждой, но «поиск новых нравственных ритуалов» [8, с. 1] и обретение «причин для продолжения жизни» [8, с. 1] неизбежно продолжаются, так как избавление от чувства вины в авторской картине мира Тартт не гарантирует спасение.

Литература

1. Бабицкая В. «Щегол» Донны Тартт: время ничего не значит [Электронный ресурс] // Афиша Воздух. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/shchegol-donny-tartt-vremya-nichego-ne-znachit>
2. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. 395 с.
3. Завозова А. «Не влюбиться в то, как пишет Донна Тартт, невозможно» [Электронный ресурс]. URL: <http://bookbridge.spb.ru/fiction/donna-tartt/> (дата обращения: 29.01.2018)
4. Попова М.К., Ищенко Е.Н. Экфрасис как структурообразующий элемент художественного мира и маркер современного отношения общества к искусству в романе Д. Тартт «Щегол» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. № 2. С. 66 – 73.
5. Прохорова В.О. Рецепция средневековой культуры в романе Донны Тартт «Щегол» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VIII Международной научной конференции молодых ученых (8 февраля 2019 г.). Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2019. С. 109 – 115.
6. Степанова М. Родина Щегла [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2608938>
7. Тартт Д. Щегол: пер. с англ. А. Завозовой. М.: АСТ: CORPUS, 2017. 827 с.
8. Татаринов А.В. Мировоззренческие стратегии в современном американском романе // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. №5. С. 395
9. Фомина Е.М. «Щегол» Д. Тартт как роман воспитания // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 261 – 271.

10. Grassi L. Author Donna Tartt on art, culture and criminality // *Chatelaine* 2013, Nov. 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chatelaine.com/living/books/interview-with-donna-tartt-author-of-the-goldfinch/> (дата обращения: 30.11.2021)

11. Nicholson G. Donna Tartt takes flight with 'The Goldfinch' // *Los Angeles Times* 2013, Oct. 17 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/books/jacketcopy/la-ca-jc-donna-tartt-20131020-story.html> (дата обращения: 29.11.2021)

References

1. Babickaya V. «SHCHegol» Donny Tartt: vremya nichego ne znachit [Elektronnyj resurs]. Afisha Vozduh. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/shchegol-donny-tartt-vremya-nichego-ne-znachit>

2. Bahtin M.M. Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana). Bahtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i. M., 1986. 395 s.

3. Zavozova A. «Ne vlyubit'sya v to, kak pishet Donna Tartt, nevozmozhno» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://bookbridge.spb.ru/fiction/donna-tart/> (dataobrashcheniya: 29.01.2018)

4. Popova M.K., Ishchenko E.N. Ekfrasis kak strukturoobrazuyushchij element hudozhestvennogo mira i marker sovremennogo otnosheniya obshchestva k iskusstvu v romane D. Tartt «SHCHegol». Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta.

Ser.: Filologiya, pedagogika, psihologiya. 2016. № 2. S. 66 – 73.

5. Prohorova V.O. Recepciya srednevekovoj kul'tury v romane Donny Tartt «SHCHegol». Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka: sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh (8 fevralya 2019 g.). CH. 2: Sovremennye problemy izucheniya istorii i teorii literatury. Ekaterinburg: UMC-UPI, 2019. S. 109 – 115.

6. Stepanova M. Rodina SHCHegla [Elektronnyj resurs]. Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2608938>

7. Tartt D. SHCHegol: per. s. angl. A. Zavozovoj. M.: AST: CORPUS, 2017. 827 s.

8. Tatarinov A.V. Mirovozzrencheskie strategii v sovremennom amerikanskom romane. Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2015. T. 4. №5. S. 395

9. Fomina E.M. «SHCHegol» D. Tartt kak roman vospitaniya. Novyj filologicheskij vestnik. 2017. №4 (43). S. 261 – 271.

10. Grassi L. Author Donna Tartt on art, culture and criminality. *Chatelaine* 2013, Nov. 9 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.chatelaine.com/living/books/interview-with-donna-tartt-author-of-the-goldfinch/> (data obrashcheniya: 30.11.2021)

11. Nicholson G. Donna Tartt takes flight with 'The Goldfinch'. *Los Angeles Times* 2013, Oct. 17 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.latimes.com/books/jacketcopy/la-ca-jc-donna-tartt-20131020-story.html> (data obrashcheniya: 29.11.2021)

THE PROBLEM OF "DEPENDENCE" IN THE CONTEXT OF THE MORAL PHILOSOPHY OF DONNA TARTT IN THE NOVEL "THE GOLDFINCH"

*Polovinkin A.B., Postgraduate,
Kuban State University*

Abstract: the article examines the motive of addiction and its overcoming in the novel "The Goldfinch" by Donna Tartt as part of the study of the author's moral strategy. Tartt showcases in the plot formation of Theodore's image the way in which childhood psychological trauma leads to the emergence of various types of addiction. Addiction distorts the moral perception of the protagonist's world, and the motive of overcoming of addiction in this case is combined with the motive of reevaluating of spiritual values. The goal of our research is to study addiction as an important factor in the construction of the modern author's moral picture of the world based on the material of a separate novel by Donna Tartt. The object of this research is the motive of addiction and its overcoming. The subject is the motive for overcoming addiction as part of the author's moral strategy, which gives the narrative an ethical and didactic potential.

Keywords: US literature, contemporary literature, addiction, novel, trauma, moral philosophy

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПЬЕСЕ МАНСУРА ГИЛЯЗОВА «ИСЭНМЕСЕЗ?!» («ЖИВЫ ЛИ ВЫ?!»)

*Шарипова А.С., кандидат филологических наук,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Аннотация: *цель* настоящей статьи заключается в изучении особенностей художественного отражения национальной действительности в пьесе Мансура Гилязова «Исэнмесез?!» («Живы ли вы?!», 2019). Для достижения цели поставлены следующие *задачи*: 1) раскрыть роль художественных приемов и средств, способствующих проявлению темы судьбы нации в современном мире в пьесе Мансура Гилязова «Исэнмесез?!» («Живы ли вы?!»); 2) определить формы проявления основ национальной идентичности в произведении; 3) на основе проведенного анализа пьесы выявить художественные и социальные задачи, поставленные автором. *Полученные выводы* свидетельствуют о том, что пьеса М. Гилязова «Исэнмесез?!» («Живы ли вы?!»), имеющий притчевый характер, направлена на оценку современного общества с позиций нравственности и в национальном измерении. Настоящее и будущее народа автором рассматривается в контексте этнических традиций, а формами проявления идентичности выбраны отношение героев к таким национальным и общечеловеческим ценностям, как нравственность, милосердие, семья, дом, ответственность и др. Приемы мифологизации и символизации, становясь ведущими художественными приемами, способствуют усилению смысловой нагрузки и раскрытию философской идеи произведения.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов в фундаментальных трудах по истории татарской литературы, на курсах по татарской драматургии в вузах, а также при составлении учебников и методических пособий по данной теме.

Ключевые слова: татарская драматургия, Мансур Гилязов, проблема, мотив, конфликт, символ

Рубеж XX-XXI веков для татарской литературы, как отмечает Д.Ф. Загидуллина, становится «временем системной трансформации, связанной со сменой художественных парадигм»; по мнению ученого, в этот период «качественно изменяется психологизм, трансформируется критическое начало в литературе: предметом критического отношения становится тоталитарное прошлое (писатели обращаются к проблеме человека в тоталитарной системе), постсоветская действительность; наблюдается повышенный интерес к национальной тематике (истории, мифологии, религии), стремление авторов выявить константы национальной культуры, найти основы национальной идентичности» [4, с. 11]. «Изменение ценностных ориентиров и общественных идеалов в постсоветском обществе становится предпосылкой для выдвижения на передний план татарской драматургии тем о судьбе нации, о ее нынешнем состоянии и будущем, о предназначении отдельного человека в обществе» [10, с. 3710]. Эти особенности современной татарской сценической литературы нашли наиболее яркое проявление в творчестве драматурга Мансура Гилязова (1961 г.р.). Он является «одним из авторов, занимающих особое место в татарской драматургии рубежа XX-XXI веков своей оригинальностью и новаторством в донесении до читателя национально-общественных, духовно-нравственных вопросов эпохи, современностью звучания традиционных тем» [9, с. 477].

В пьесе «Исэнмесез?!» («Живы ли вы?!», 2019)

М. Гилязова, жанр которой определен самим автором как «из мелодрамы к фантасмагории», изображена сегодняшняя действительность с ее резко изменившимися ценностными ориентирами. Название произведения, имеющего притчевый характер, носит символическое значение: оно основано на фразе приветствия и пожелания доброго здоровья у татар «исэнмесез» («здоровствуйте»), дословный перевод и истинное значение которого означает «живы ли вы?». В основу пьесы заложена легенда, гласящая о том, что после событий завоевания Казанского ханства Иваном Грозным, татары, скрывавшиеся в лесах от завоевателей, именно так приветствовали друг друга. Автор в произведении, обратившись к читателю / зрителю с риторическим вопросом «живы ли вы?», ассоциируя слово «быть живым» со словом «не быть равнодушным, жить в гармонии в национальном сообществе и с самим собой», поднимает серьезную проблему единства нации.

Сюжет пьесы складывается из событий, происходящих в родном доме семьи Исламовых в канун национального праздника Сабантуя. С первой сцены становится ясно, что показавшийся на первый взгляд дружной семьей, четыре брата и две сестры годами уже начали терять чувство общности, и постепенно начали ослабевать узы родства. Наиболее ярко проявляется это в неожиданно сложившейся ситуации, связанной с серьезной болезнью мужа одной из сестер Ханифы – Муслима, которая становится проверкой на

искренность родственных чувств и человечность.

В этой ситуации среди родни отличается старший брат – шестидесяти восьмилетний Тамерлан, человек с достаточно своеобразным и резким характером. Он всю жизнь работал травматологом, из-за конфликта с главным врачом был направлен в психбольницу, и прямо оттуда приезжает в родной дом на Сабантуй. Несмотря на то, что он всегда недолюбливал зятя Муслима, узнав о его болезни, начинает организовывать сбор денег для его лечения зарубежом. После отказа братьев и сестер от участия в судьбе обреченного родственника, Тамерлан срочно продает свой новопостроенный дом – мечту всей жизни – и оплачивает дорогостоящую операцию, но, несмотря на это, не удается сохранить жизнь Муслима. В ходе этих событий Тамерлан неоднократно обращается к своим родственникам словами «исәнме сез?!», то есть «живы ли вы?!», пытаюсь пробудить у них чувства родства и милосердия, и рассказывает древнюю татарскую легенду, услышанную от отца в качестве завещания:

«Т а м е р л а н. Могжизалар булмый дисеңме?! Кеше үзе могжиза түгелмени? Татарның исәнлеге үзе бер могжиза! Иван Грозный Казанны алгач, безнең халыкны кырып бетергәннәр. Исән калганнары үлемнән качып урманнарда, сазлыктарда, утрауларда киткәннәр. Кем кая өлгергән! Аннан, бер-берсе белән очрашканда, алар бер генә сорау, иң мөһим сорауны биргәннәр: «сез исәнме?». Исәнме сез?.. Соңрак бу сорау татарларның иң төп сәламләү сүзенә әйләнгән... Бу вакыйгаларны, сезгә сөйләргә дип, миңа эткәй әйтеп калдырды» [4, с. 27-28] / «Т а м е р л а н. Говоришь, что чудес не бывает?! Разве сам человек не является чудом? Существование татар само по себе чудо! После завоевания Казани Иваном Грозным наш народ был истреблен. Оставшиеся в живых бежали от смерти в леса, болота, на острова. Кто куда успел! Затем, встречаясь друг с другом, они задавали только один вопрос, самый важный вопрос: «живы ли вы?». Живы ли вы?.. Позже этот вопрос стал главным приветственным словом татар... Эту историю рассказал мне отец для того, чтобы вам передать» (здесь и далее перевод – автора статьи – А.Ш.).

Таким образом, «для Исламовых Тамерлан выступает в роли трикстера, нарушающего размеренную жизнь семьи – врывается на празднование Сабантуя в больничной рубашке (подрался с главврачом, который его выгнал, и был отправлен в психбольницу), сначала издевается над больным Муслимом, а потом пытается собрать деньги на его лечение. Архетип

трикстера играет сюжетообразующую роль – он привносит хаос, конфликт, превращает идеальный мир в реальный, постоянно меняется и трансформируется» [3].

Размышления главного героя, наиболее полно отражающиеся в диалоге Тамерлана с его коллегой Раузой, направлены на оценку современного общества, в том числе и себя, с позиций человечности и в национальном измерении:

«Т а м е р л а н. Куркып арыдым! Житте, хәзер бернарсадан дә курыкмыйм, Рауза, кадерлем! Син бит күпләрнең үлеменә шаһит булган кеше. Әйт әле, гадәттә үлем алдыннан кешеләр нинди үкенеч кичерә? Дөрөс яшәмәдек, дипме? Аз яратканнарына үкенәләрме? (...) Намусы кушкан буенча яшәмәгәннәренәме? Дөрөсме? Алар бит, әжәлләре житкәнче үк үле булалар! Һәр иртә без бер-беребезне очратканда «исәнме сез» дип эндәшәбез. Юк, без исән түгел. Исән түгел без, Рауза. Мин больницадан куылганнан соң, син дә тере мәеткә әверелгәнсең, Рауза! Ә минем исән чагымда исән каласым килә» [7, с. 36] / «Т а м е р л а н. Я устал бояться! Хватит, теперь я ничего не боюсь, Рауза, дорогая! Ведь ты – тот человек, который был свидетелем многих. Скажи, обычно о чем жалеют люди перед смертью? О том, что неправильно жили? Жалеют, что мало любили? (...) О том, что не жили по велению совести? Так же? Они же оказываются мертвецами уже до наступления смерти! Каждое утро, когда мы встречаем друг друга, мы говорим: «исәнме сез» («здравствуйте; живы ли вы»). Нет, мы не живы. Мы не живы, Рауза. После того, как я был изгнан из больницы, ты тоже стала живым трупом, Рауза! А я хочу остаться живым пока я живу».

Как справедливо отмечает А.М. Закирзянов, «...в пьесе под понятием быть живым подразумевается духовная свобода, избавление от чувства страха, умение оставаться собой, оказание помощи другим, творить добро и укрепление единства рода» [5, с. 161]. Называя окружающих себя людей «живыми мертвецами», Тамерлан видит причину деградации общества в стремлении к материальным благам, гонке современного человека за богатством. Пьеса заканчивается тем, что собравшиеся на седьмой день после смерти Муслима родственники сообщают, что перекупили дом Тамерлана и передают ему ключ. Таким образом, автор в конце пьесы оставляет надежду на сохранение человеческих отношений, возрождение теряемых национальных ценностей и традиций. Это подтверждается условно-символическим приемом, используемым в финале произведения, – возвышением всех представителей рода Исламовых за Тамерланом в новопостав-

ленный собственными силами столб Сабантуя и попадание их в светлое лучезарное пространство, встреча с воспоминаниями молодости.

Основным мотивом произведения является мотив выбора: сюжет основан на выборе между гневом, жадной мести Тамерлана к Муслиму, за аварию, в котором погибли их родители, и осознанием необходимости прощения и оказания милосердия; между равнодушием и состраданием остальных героев; между современными порядками и вечными общечеловеческими ценностями. В конечном итоге, как в фольклорных произведениях, в пьесе побеждает добро, и герои попадают в счастливый мир, а на земле, полном зла, несправедливости, продолжают царить метель (хаос), выть волки и звучит голос главного героя Тамерлана о традициях татарского народа уже не на родном, а на русском языке, намекая на возможность утери не только многовековых национальных ценностей, но и родного языка в случае продолжения подобное беспечное существование.

Таким образом, автором в пьесе противопоставляются два разных мира – современное общество, в котором царит хаос и его представителям чуждо сострадание, добродушие, и жизнь согласно многовековому устоям татарского народа и этическим нормам. «Драматург для раскрытия своей идеи об упадке татарской нации, забывшей о корнях, традициях и милосердии, использует традиционные сюжетные архетипы спасения, противостояния, преображения, жертвенности и открытия» [3].

«Одна из существенных особенностей татарской драматургии этого периода заключается в том, что драматурги начали использовать лирико-поэтические средства, обращаться к условно-метафорическим героям, использовать условности, элементы фантастики» [8, с. 12]. Пьеса «Исэнмесез?!» также характеризуется насыщенной метафоричностью, символичностью и интертекстуальным контекстом. Столб Сабантуя, присутствующий с первой до последней сцены пьесы, является сюжетообразующим символом национальной ментальности, ассоциирующим единство и стойкость нации. Произведение начинается с установления столба на подготовленной для Сабантуя площади при помощи современного крана без приложения человеческих усилий, вывешивания на нем вместо традиционного подарка победителю состязания – национальных ичигов – модных кроссовок, указывая на влияние современных порядков на национальные устои народа, приводящее к потере традиций как в отдельных семьях, так и в обществе в целом, и оторванность от исторического прошлого. Попытка кражи столба неизвестными людьми, стремления Тамерлана сохра-

нить его ценой своего здоровья и жизни являются условной параллелью с событиями, происходящими в семье Исламовых, символизируя угрозу разрыва отношений между родными братьями и сестрами, родившихся когда-то в сильном, сплоченном и здоровом роду, для которого раньше не были страшны никакие беды и болезни:

«Т а м е р л а н. Алар безнең багананы кисэргә дип килгәннәр, Сабантуй баганасын! Ул бит безнең авылыбыз бизәге! (...)

Минем аңдыйсым килә. Әгәр без бер төркем булган булсак... Әгәр минем янымда бертуган энеләрем, Фәнис, Мөслих, Вәсил, янымда балаларым, куриеләрем, авылдашларым булса, алар мине кыйнатырлар иде микән?!

И л д а р. Әлбәттә. Сине бер кем дә якламас иде» [7, с. 19-20] /

«Т а м е р л а н. Они пришли, чтобы срубить наш столб, столб Сабантуя! Это же украшение нашего села! (...)

Я хочу понять. Если бы мы были все вместе... Если бы рядом со мной были мои братья, Фанис, Муслих, Васил, мои дети, соседи, односельчане, они дали бы меня избить?!

И л д а р. Конечно. Никто тебя не защищал бы».

Этот диалог ярко демонстрирует бессердечность и черствость души современных людей, отказывающихся даже помогать родному отцу. Данная ситуация автором представляется как следствие эпохи, характеризующейся отсутствием каких-либо идеалов, четко определенных нравственных ориентиров. Удар молнии о столб Сабантуя и отказ родственников от оказания помощи Муслиму во время свадьбы Тимура и Эвелины становятся кульминацией пьесы.

Поднимая серьезную общественно-политическую проблему единства татарского народа, «на пути к единству через укрепление семьи драматург выделяет два фактора: развитие национального чувства и сохранение ментальных качеств, свойственных татарскому народу, и этические нормы» [5, с. 161]. Таким образом, настоящее и будущее народа автором рассматривается в контексте этнических традиций, которые воспринимаются как действенное средство на пути обретения гармонии в национальном сообществе, а мифопоэтическое начало становится определяющей в восстановлении исторической (национальной) памяти.

Автор пьесой «Исэнмесез?!» («Живы ли вы?!») призывает к размышлению о прошлом, настоящим и будущим татарского народа. Если историческое прошлое народа воссоздается в притче, оглашенной Тамерланом, то мысли об основе будущего нации заложены в уста восемнадцатилетней де-

вухи Раймонды, они заключается в сплоченности, единстве и силе не только народа в целом, но и каждого рода по отдельности:

Р а й м о н д а. ... Тамерлан абый, исеменең мағънасен беләсеңме син?

Т а м е р л а н. Әйтеп кара.

Р а й м о н д а. (кычкырып). Тамырлан!

Т а м е р л а н. (напуган). Нәрсә? Нәрсә дидең?

Р а й м о н д а. Тамырлан! Тамырыңны ныгыт! Балаларың еракка киткән синең, әйләнеп кайтсыннар.

Т а м е р л а н. Аңламадым.

Р а й м о н д а. Тамырларыңны ныгыт, дим, нәрсәсен аңламыйсың!» [7, с. 32]

/ «Р а й м о н д а. ... Дядя Тамерлан, а ты знаешь смысл своего имени?

Т а м е р л а н. Попробуй сказать.

Р а й м о н д а. (громко). Укоренись!

Т а м е р л а н. (испугавшись). Что? Что говоришь?

Р а й м о н д а. Укоренись! Укрепи свои корни! Твои дети все разъехались, пусть возвращаются.

Т а м е р л а н. Не понял.

Р а й м о н д а. Укрепляй свои корни, говорю, чего не понимаешь!».

Как пишет Д.Ф. Загидуллина, в драме имеется ответ на вопрос о том, что будет способствовать сохранению татарского народа и татарской нации, это – национальное самосознание и составляющие его благородные качества, а укрепление национального самосознания приведет к наведению порядка, гармонии в жизни человека, судьбах народа и страны [6, с. 14]. Использование мифологического материала в качестве структурообразующей единицы, воссоединение рационального и иррационального начал, интертекстуальность, условность служат усилению этой идеи.

Наряду с авторскими символами, в пьесе использован и традиционный, закрепленный уже в начале XX века и обновленный в 1960-е годы символ дома. Еще на рубеже XIX-XX вв. татарская литература выдвинула на первый план значение дома как «своего», отличного от «чужого» пространства, места сохранения «татарского» образа жизни и этнических ценностей [1, с. 34]. На волне демократических перемен 1960-1980-х годов усилилось значение символа как родины, родной земли, земли отцов и дедов. В драме М. Гилязова символом определяются главные национальные и общечеловеческие ценности, а также семейно-родовые приоритеты, которые помогают человеку преодолеть трудности, почувствовать красоту и смысл жизни. Конкретно в данной драме, использовав символ в развитии сюжета (продажа Тамерланом своего дома ради лечения зятя, выкуп

коттеджа родственниками), автор вкладывает в него, прежде всего, значение этнических ценностей, позволяющих и идентифицировать себя, и сохраниться как единое сообщество; главной ценностью представляется чувство родства – умение поддерживать друг-друга, прийти на помощь, жить горестями и радостями близких.

Как справедливо отмечает Ю.Б. Борев, «XX в. – эпоха полного проявления «длинных линий» преемственности, т.е. традиции тянутся не только к непосредственным предшественникам, не только привычно идут «через поколение» (через головы «отцов» к «дедам»), но часто ведут к глубоким историческим пластам культуры (это стало одним из стимулов открытия явления интертекстуальности)» [2, с. 461]. М. Гилязов в своей пьесе «Исэнмесез?!» («Живы ли вы?!»), сохранив связи с традициями классической татарской сценической литературы начала XX века, выходит на совершенно новый уровень осмысления идеи национального возрождения. Содержание произведения углубляется за счет символизации и использования условно-фантастических приемов.

Таким образом, изучив особенности художественного отражения национальной действительности в пьесе Мансура Гилязова «Исэнмесез?!» («Живы ли вы?!»), можно прийти к следующим выводам.

Конфликт пьесы М. Гилязова «Исэнмесез?!» («Живы ли вы?!») основан на противоречии порядков современного общества и многовековых устоев татарского народа и этических норм. Приемы мифологизации и символизации, становясь ведущими художественными приемами, создают возможность для углубленного рассмотрения проблем о настоящем и будущем народа в контексте национальной поэтической картины мира. Концепция героя, которая построена на исследовании духовного мира обыкновенного человека через призму национальных культурных кодов, нацелена на углубление психологического анализа и способствуют усилению смысловой нагрузки и раскрытию философской идеи произведения. Мотив выбора и мотив надежды, являющиеся центральными мотивами произведения, обеспечивают оценку будущего и перспектив этнического сообщества в положительном ключе.

Литература

1. Батталова А.Д. Татар драматургиясендә йорт образының үсеш-үзгәреше (1960-2000 еллар): монография. Казан, 2009. 132 б.

2. Борев Ю.Б. Особенности творческого процесса и произведения / Теория литературы. Т. IV. Литературный процесс. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 624 с.

3. Завьялова В., Нигматуллин А. «Разве то, что татарский народ еще живет, – это не чудо?» // Бизнес-онлайн. 2019. 22 апреля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/421768> (дата обращения: 25.01.2022)

4. Загидуллина Д.Ф. Татарская литература и национальный театр: одна дорога на двоих // Театр XXI века и вызовы нового времени. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию татарского театра. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 4 – 13.

5. Закирзянов А.М. Современная татарская драматургия (2016-2020 гг.): проблематика и поэтика // Национальные литературы в контексте культурной интеграции: материалы Международного круглого стола (9 июня 2021 г., г. Казань). Вып. 3 / сост.: Л.Р. Надыршина, Ф.Х. Миннуллина. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. С. 152 – 163.

6. Загидуллина Д.Ф. Әдәби хәрәкәт / Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. Казан: Фолиант, 2021. 8 т.: 2001-2020 еллар / [фәнни мөх.: Д.Ф. Загидуллина, Ә.М. Закиржанов]. 2021. Б. 11 – 41.

7. Гыйләжев М. Исәнмесез?! / Кулъязма. 40 б.

8. Миннуллина Ф.Х. Жанр драмы в татарской драматургии рубежа XX-XXI веков. Казань: ИЯЛИ, 2019. 144 с.

9. Миннуллина Ф.Х. Мансур Гыйләжев / Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. Казан: Фолиант, 2021. 8 т.: 2001-2020 еллар / [фәнни мөх.: Д.Ф. Загидуллина, Ә.М. Закиржанов]. 2021. Б. 477 – 493.

10. Шарипова А.С. Художественное осмысление темы судьбы народа в театральном романе Зулфата Хакима «Гасыр моңы» («Мелодия века») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 12. С. 3707 – 3711.

References

1. Battalova A.D. Tatar dramaturgiyasendә jort obrazunıñ үsesh-үzgәreshe (1960-2000 ellar): monografiya. Kazan, 2009. 132 b.

2. Borev YU.B. Osobnosti tvorcheskogo processa i proizvedeniya. Teoriya literatury. T. IV. Literaturnyj process. M., IMLI RAN, «Nasledie», 2001. 624 s.

3. Zav'yalova V., Nigmatullin A. «Razve to, chto tatarskij narod eshche zhivet, – eto ne chudo?». Biznes-onlajn. 2019. 22 aprelya. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/421768> (data obrashcheniya: 25.01.2022)

4. Zagidullina D.F. Tatarskaya literatura i nacional'nyj teatr: odna doroga na dvoih. Teatr XXI veka i vyzovy novogo vremeni. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchenoj 110-letiyu tatarskogo teatra. Kazan': IYALI, 2016. S. 4 – 13.

5. Zakirzyanov A.M. Sovremennaya tatarskaya dramaturgiya (2016-2020 gg.): problematika i poetika. Nacional'nye literatury v kontekste kul'turnoj integracii: materialy Mezhdunarodnogo kruglo-go stola (9 iyunya 2021 g., g. Kazan'). Vyp. 3. sost.: L.R. Nadyrshina, F.H. Minnullina. Kazan': IYALI im. G. Ibragimova, 2021. S. 152 – 163.

6. Zahidullina D.F. Әдәби хәрәкәт. Tatar әдәбияты тарихы: сигез томда. [төз. Р. Ф. Рахмани]. Казан: Фолиант, 2021. 8 т.: 2001-2020 еллар. [фәнни мөх.: Д.Ф. Загидуллина, Ә.М. Закиржанов]. 2021. Б. 11 – 41.

7. Gylәjev M. Isәнмесез?! Kul'yazma. 40 b.

8. Minnullina F.H. Zhanr dramy v tatarskoj dramaturgii rubezha XX-XXI vekov. Kazan': IYALI, 2019. 144 s.

9. Minnullina F.H. Mansur Gylәjev. Tatar әдәбияты тарихы: сигез томда. [төз. Р. Ф. Рахмани]. Казан: Фолиант, 2021. 8 т.: 2001-2020 еллар. [фәнни мөх.: Д.Ф. Загидуллина, Ә.М. Закиржанов]. 2021. Б. 477 – 493.

10. Sharipova A.S. Hudozhestvennoe osmyslenie temy sud'by naroda v teatral'nom romane Zul'fata Hakima «Gasyr moңy» («Melodiya veka»). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. № 12. S. 3707 – 3711.

**ARTISTIC REFLECTION OF THE NATIONAL REALITY IN THE
PLAY BY MANSUR GILYAZOV «ARE YOU ALIVE?!»**

*Sharipova A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences*

Abstract: the purpose of this article is to study the features of the artistic reflection of national reality in Mansur Gilyazov's play «Are you alive?!» (2019). To achieve the goal, the following tasks are set: 1) to reveal the role of artistic techniques and means that contribute to the manifestation of the theme of the fate of the nation in the modern world in Mansur Gilyazov's play «Are you alive?!»; 2) to determine the forms of manifestation of the foundations of national identity in the work; 3) on the basis of the analysis of the play to identify the artistic and social tasks set by the author. The findings indicate that M. Gilyazov's play «Are you alive?!», which has a parable character, is aimed at assessing modern society from the standpoint of morality and in the national dimension. The present and the future of the people are considered by the author in the context of ethnic traditions, and the attitude of the heroes to such national and universal values as morality, charity, family, home, responsibility, etc. are chosen as forms of manifestation of identity. The techniques of mythologization and symbolization, becoming the leading artistic techniques, contribute to strengthening the semantic load and revealing the philosophical idea of the work.

The practical significance of the work is determined by the possibility of using materials in fundamental works on the history of Tatar literature, in courses on Tatar drama at universities, as well as in the compilation of textbooks and methodological manuals on this topic.

Keywords: Tatar drama, Mansur Gilyazov, problem, motive, conflict, symbol

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В БИЛИНГВАЛЬНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ЧЕЧЕНСКИХ ПОЛИТИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

*Голтакова З.А., преподаватель-исследователь,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова*

Аннотация: в статье рассматривается вопрос переключения кодов в устной речи чеченских политиков в условиях билингвизма. Материалом для речевого анализа послужило видео с места совещания государственных деятелей Чеченской Республики. Участниками эксперимента являются четыре чеченца, носители чеченского и русского языков, и один коммуникант, не владеющий чеченским языком. Стиль изучаемой устной речи – официально-деловой. Лингвистическому анализу подвергаются монологи чеченцев-билингвов со словами и выражениями на двух языках: чеченском и русском. Лингвистический анализ текстов коммуникантов разного возраста автор начинает с описания основных причин, обуславливающих замену одного языка на другой (референтная, адресная, экспрессивная, фатическая, металингвистическая, стилистическая). Актуальность данного исследования в том, что при устной спонтанной или частично подготовленной речи переключение языковых кодов является следствием недостаточного развития коммуникативной компетенции на обоих языках. Цель исследования сформулирована следующим образом: рассмотреть случаи кодового переключения политического дискурса чеченцев-билингвов. Для достижения поставленной цели автор ставит себе задачи определить причины попеременного использования двух языков, а также распределить изучаемый материал по классификации (внутриречевая, межречевая). Автором выделена наиболее часто употребляемая в билингвальной речи чеченцев группа русских слов: существительные, числительные, наречия, прилагательные, глаголы, служебные слова, устойчивые сочетания. Исследование представляет собой практическую значимость при преподавании родного и государственного языков в образовательных организациях республики, выявляет потребность в обучении подрастающего поколения устной публичной речи.

Ключевые слова: переключение кодов, чеченцы-билингвы, коммуникант, коммуникативная компетенция, устная речь, официально-деловой стиль

В современном мире интерес к изучению речи билингвов возрастает и приобретает все большую актуальность. Интенсивность миграции населения как внутри страны, так и за ее пределами, является предпосылкой изменения родного языка в целом. Несмотря на то, что билингвизму посвящены работы отечественных и зарубежных ученых, некоторые вопросы остаются открытыми. В билингвологии разветвление таких лингвистических явлений, как «смещение кодов» и «переключение кодов» не является единогласным среди исследователей [5, с. 52].

Т.В. Жеребило описывает переключение кодов (кодовое переключение) как переход с одного языка на другой вследствие изменений ролевых отношений между коммуникантами в процессе общения. В словаре лингвистических терминов она приводит два вида переключения кодов: ситуативное переключение кодов (выбор языка или формы существования языка обусловлен ситуацией); метафорическое (наблюдается нецелостное изменение социальной ситуации, а например, изменение темы, преодоление барьера между участниками) [4, с. 257].

Свидетельством переключения кодов участниками языкового акта является выбираемая ими социальная позиция. В своем исследовании Е.В. Головкин приводит немаркированное (биллингв следует правилам речевого поведения данного языкового сообщества, т.е., соответствует

ожиданиям собеседника) и маркированное (сознательное нарушение говорящим договора, принятого отдельным речевым коллективом, которое воспринимается слушающим как отклонение) переключения кодов [2, с. 299].

Сложным и недоступным наблюдению и анализу является подсознательное переключение кодов. Это может быть связано с тем, что коммуникант либо использует привычную для него лексическую единицу, либо стремится к экономии речевых усилий, либо не находит аналога на родном языке [6, с. 141].

При изучении теоретических основ переключения кодов Ю.В. Балакина и А.В. Соснин выделяют основные причины, обуславливающие замену одного языка на другой:

- нехватка языковых единиц (референтная);
- исключение или привлечение третьих лиц (адресная);
- выражение смешанной идентичности (экспрессивная);
- привлечение внимания (фатическая);
- прямые или косвенные комментарии как результат уровня сформированности лингвистической компетенции (металингвистическая);
- использование стилистических приемов (стилистическая) [1, с. 6-7].

Данное исследование посвящено изучению устной речи чеченских политиков на заседании Оперативного штаба по решению важных задач.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: если в процессе эксперимента проанализировать официально-деловой стиль речи чеченцев-билингвов, то можно определить функции переключения с одного языка на другой (чеченский – русский, русский – чеченский), в то время как участниками коммуникации являются чеченцы. Выявление причин попеременного использования двух языков поможет предупредить исчезновение некоторых лексем в родном языке при использовании разных стилей речи и улучшить систему преподавания как родного, так и государственного языков.

Актуальность данного исследования – удобство использования слов и выражений двух языков в речи как следствие недостаточного развития коммуникативной компетенции.

Целью исследования является выявление общих закономерностей переключения кодов в устной билингвальной речи чеченских политиков.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

1. Определить причины кодового переключения по имеющимся факторам (национальность, интонация, словесное или фразовое ударение).

2. Рассмотреть классификацию кодового переключения (внутрипредложения и межпредложения).

Объект исследования – устная официально-деловая речь чеченцев-билингвов.

Предметом изучения является переключение кодов в билингвальной устной речи чеченских политиков.

Новизна рассматриваемого вопроса заключается в изучении билингвальной устной речи официально-делового стиля современных чеченцев-политиков.

В теоретическую основу данной работы легли научные труды Т.В. Жеребило, Е.В. Головки, А.Ю. Мутылиной и др.

В качестве анализируемого материала было использовано видео с места совещания высокопоставленных лиц Чеченской Республики. Участниками эксперимента являются четыре чеченца-билингва (носители чеченского и русского языков) и один коммуникант, не владеющий чеченским языком (министр здравоохранения). Изучаемая устная речь ведется в официально-деловом стиле: монологические высказывания людей старше 40 лет. Следует отметить, что не было замечено ни одного монолога чеченца-билингва без слов или выражений на русском языке.

Переключение с одного языка на другой в данной статье будет рассматриваться со структурно-лингвистической позиции, где изменение кода происходит либо внутри предложений (intrasentential), либо между (intersentential) предложениями [5, с. 53].

В табл. 1 приводятся символы отображения особенностей устной речи участников эксперимента

Таблица 1

Значение символов, использованных для передачи особенностей звучащей речи билингва

Характеристика	Символ
Короткая пауза	/
Длительная пауза	//
Прерывание речи	...
Проглатывание окончаний	..
Хезитация	a-a
Вопросительное высказывание	?
Неразборчивое слово	брр
Паралингвистический компонент (смех)	<>
Словесное ударение	заглавная буква в слове
Повышение тональности	слова с заглавными буквами
Интонационное выделение слов и выражений	_____
Слова на русском языке	слова, написанные жирным шрифтом

Кодовое переключение внутри предложений (intrasentential):

- *Марша дог1ийла/де дика хийла массера а / Дала т1аьхье беркате йойла / брр / муха ю вай обстановка / по / коронавирусу? //*

- *По цэ-эр подтверждённыиш бу буй? //*

- *Да-да-х1аь //*

- *Вакцинаци муха ю д1айоьдуш хьалхо-о вакцинировать беи болу нах к1езиг бара / х1инца соьга язъеишбери дуккху хуьлу / соьсЕтяиш чохь шайн очередь ю / шайн т1е ца кхочу / вакцина хир юй? / бохуш хуьлу / на самом деле нах / вакцина яйта льяиш буй...*

- **Даже / Европера** ца а баьхкина вай **российски** вакцина шайн цахь ийир ярий аьлла хаьт-нариш бара // нах / кхетта моьттуш ву-кх со / кыйсалуш бу-кх уьш / очарт тоа а ца тоьуш / вакцина хилчхана мелла а < > **вакцинировать** бийрболуш **положени** ю-кх вай...

- **Это хорошо** / деуна / **на самом деле ситуация** / деуна / **с коронавирусом с каждым днем ухудшается** / особенно ларлушбоцушберш а / вакцина ца йинариш бу / **общественный мероприяти** ян герташ / шаберш бу / цундела / **как раз хьо соцблок курировать** еш ву / **концертатийш** / цхьа / еш йолу **мероприяти** юй / деуна / **толпиться** деш йолу / уьш цхьажиммалла юху а озьна / вай хIара **ситуаци нормализоваться** даллалц / вай **хотя бы** / **шестьдесят-семьдесят процентов вакцинироваться** даллалц / деуна / нах / деуна / кхето беа / нах шаьш а кхета мегар дара / ресторанаиш чохь берш / базаришахь берший / шаьш ларцабалар бахьана долуш / цара шайн чу зулам хьуш ду / ХИИИЦИ А ТЕШАШ БОЦУШ БОЛУ НАХ / и вакцина ма е / и вакцина яхь хунягIдинарг хилла / и вакцина важа хилла / хIокху **дуйне** массара а е бохуш ду / хIара дуйне и еш ду / дукххайолу пачхьалкхаш йина бойлла / шай охьа а хиьна изучить мукъане а яхьара цара и болезнь / гIуллакх доцу стага язьян а ца герташ / **полезный** дерг деша мукъане дешахьара / **если** цун беа мах балхьара / я / **через связи** / и вакцина хуьлуш ялхьара / шаверг и тоха гертара вара / Дела Гортанара гертара вара и тоха уггаре гIийланиг хьалхавала гертара вара / ХИИИЦИ И ЦА ЙОЙ-ТУШверг уггаре гIийланиг хуьлу-кх уьш / хIинца-м / бакьдерг дийцича / ца йойтуш вац / **за сутки** / вай / **за двенадцать тысяч** вариш? / деуна / **уже** / деуна / **это рекорд** / **за сутки** яйтанариш / **ситуаци** / **всё серьёзной / опасной становится** / **максимально надо работать над тем** / **чтобы завозили вакцину** / **я разговаривал** / деуна / **и с администрацией президента** / **и с правительством** / **и выслушали** вчера с президентом / **обещали предоставить** столько / сколько нам необходимо вакцину / **максимально надо улучшить систему вакцинарования** / **мобильный группаи** **создать** йина а / **надо побольше вакцинировать население** / **максимально нахе контактировать** деш йолу цхьа **общественный** меттигаиш дуккху наха / тезеташкахь / зукьарикахь / гIовшахбеттаиш болу нах / деуна / цхьа мелла а/иштта цхьа ларлуш/хьовсуш/вай цхьа / **конкретно запретиш** ян а ца лаба / деуна / нахана / деуна / новкьарлонаиш ян а ца лаба / деуна / делахь а / ШАБШ нах кхета а кхетта / **роspotребнадзора** бохуш йолу **норманаиш** / ларьеш / хIума дан деза вай / ца дахь / деуна / вай гуш **полный регио-**

наш дIакьовлуш / цхьа а **серьёзный** хIумма а хилла таг вац /

- **Дети мои тоже** / **привились** / чохь мел вверг шаверги / деуна / и вакцина йина ву-кх / цундела хIинца-м / деуна / цуьнца **проблема** яцара / наха **уже** / **сами понимают** / ну / вайна пока / **мы не достигнем шестьдесят процентов** / **мы максимально должны стараться** / **приказаиш** / **указаиш** вайна оьшуш дац / деуна / **я уверен** / **что нас услышат** / оцу тIехь нахе шаьш долчу **района-шихахь** / хьовса а хьовсуш / яккхий **мероприяти** еш болчу нахе / зукьар далахь а / тIаккха а / сагIанаиш дохуш хуьлу / иштта хуьлу / вуьшита хуьлу / тIейоглуш **выбори** ю вайна / мелла а и нах / деуна / **могуш боцуш** ца хилийта / и **вопрос** иштта ду-у / Муслим Магомедович / деуна / **вчера** / **президент** / **вопросы** / **которые он озвучил правительство** **должна** **должна** **заниматься** **этими** **вопросами** / деуна / **президент обещал пересмотреть** **все** **наши** **проблемные** **вопросы** / **поднять** **дина** **вопросаиш** / деуна / хьайна **контроль** а **лаций** //

- **Уже проводим анализ** / **а-а по-о** / **социально-экономическим** **показателям** / **а-а** / **соответственно** **эта** **работа** **будет** **увязана** / **с** **федеральными** **министерствами** **ведомства** / **Дала** **мукълахь** //

- **Дела реза** хийла **нохчийн** **къоманна** а / **народ Чеченской республики** / деуна / **я ещё раз говорю** / **понимает** / деуна / **что** **нужно** **вакцинироваться** / деуна / **Даламукълахь** / **будут** **вакцинироваться** / деуна / Рита / **ахьа** **хIумма** а **олий** / деуна? //

- **И шаберриге** **болх** / **ахьа** **вайн** **призыв** **ма** **елнехь** / **вайн** **къоманна** а **болх** **мелла** а **аттачу** **баьлла** / **в** **этом** **направлении** / **халкьаций** **беи** **болх** **бу** **хьуна** //

- **Маьриша** **ара** а – **чу** а **волуш** / **шен** / деуна / **лела** а **лаьаиш** **волуш** **волу** **таг/вагIа** а **вагIана** / **цIикI-** **аьлла** **цига** **маха** **Ютттийта** **беа** **шена** / деуна / **и** **ца** **Ютттийтича** **волуш** **ца** **хилча** **шена** / **если** **есть** **другой** **вариант** / **пусть** **предлагают** / **я** **тысячи** **раз** **вакцинировался** **бы** / деуна / **чтобы** **не** **переболеть** / **и** **ещё** **раз/каждый** **час** / **полтора-два** **часа** / **с** **Москвы** **должен** **быть** **на** **связи** / **ЖигIад** / деуна / **оперативный** **штаб** **должен** / деуна / **распределять** / деуна / **правильно** / **и** **контролировать** **вакцинацию** / **муха** **дIайоьдуш** **ю** **хьожуш** / **максимально** **баккхийчарна** **царна** **хьалха** а **йойтуш** **и** **ещё** **раз** **призываем** **тех** / **кто** **переболел** / **он** **должен** **проверить** / **есть** **ли** **у** **него** **антитела** **или** **нет** / Дала **массо** а **вочу** **хIумнах** **ларвойла** / **цхьа** а **шу** **проблемы** **ма** **яц** / **юй?** / деуна / **есть** **проблема** **с** **лекарствами** / Даламбек? / **Цхьа** а **проблема** **юй** **шу?** / **яци?** / деуна / **всё** **есть?** / **да?** / деуна / **нахана** **доходчиво** **объяснить** **деш** / **разъяснительный** **болх** **бой** / **вай** **условеш** / **езаиш** **йолу**

необходимый вакцина а хулий / адамо вакцина йийр йоуш ю шуна / Дала мукълахь / Дела реза халда нохчийн къоманна а / шуна а / массарна а //

Внутриреченциальное кодовое переключение может быть вызвано в данных отрывках монологической речи:

- нехваткой языковых единиц, которая является результатом замены многих чеченских лексем на русские в билингвальной речи чеченцев и как следствие перемещение их в пассивный словарный запас;

- привлечением внимания государственным языком тем самым показывая серьезность обсуждаемых вопросов и необходимость принятия решений.

Кодовое переключение между предложениями (intersentential):

- *Будет вакцина / деуна?* (чеч. *деуна* – *дуй хуна* – вводное слово, показывает внутреннее отношение человека к чему-то [3, с.47]).

- *Сегодня прилетит порядка двадцати тысяч вакцин / и завтра утром / ещё тридцать тысяч / то есть пятьдесят тысяч / вакцин / вот в эти два дня / и дальше / постараемся / чтобы / дефицита не создавалось //*

- *За все это время / ЕСТЬ вообще кто-нибудь / серьезно вверх / после прививки / деуна / последствиями? //*

- *Нет таких примеров у нас / более того / по вашему поручению мы мониторим пациентов / которые поступают к нам / непосредственно после вакцинации / мы серьезных осложнений не наблюдали //*

- *Моя мама тоже второй раз да? /*

- *Да // кстати / да //*

Межреченциальное кодовое переключение в анализируемых текстах обусловлено привлечением третьих лиц (один из коммуникантов не владеет чеченским языком).

К наиболее часто употребляемой в билингвальной речи чеченцев можно отнести следующую группу русских слов:

- существительные (*обстановка* – чеч. *хьал*; *мероприятие* – чеч. *гуллакх*);

- числительные (*шестьдесят* – чеч. *кхузткъа*; *за двенадцать тысяч* – чеч. *шийтта эзар сов*);

- наречия (*уже* – чеч. *хлинцале*; *конкретно* – чеч. *билггал*);

- прилагательные (*необходимый* – чеч. *хьаит долу*; *разъяснительный* – чеч. *кхетаман*);

- глаголы (*поднять* – чеч. *ирахлотто*; *контролировать* – чеч. *тлехъажа*);

- служебные слова (*если* – чеч. *нагахь*; *хотя бы* – чеч. *мукъане а*);

- устойчивые сочетания (*тысячи раз* – чеч. *эзарза*).

Таким образом, анализ устной билингвальной речи чеченских политиков позволило выявить общие причины и классификацию кодового переключения, а также выделить группу слов второго языка, вошедшую в текст на родном языке. Однако полный охват указанной проблемы требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Балакина Ю.В., Соснин А.В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 6 – 11.

2. Головкин Е.В. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Серия: Труды факультета этнологии. 2001. № 1. С. 298 – 316.

3. Джамалханов З.Д., Чинхоева Т.Н. Нохчийн мотт 10-11 классашна учебник // Дешаран пособи. М.: Русское слово, 2014. 206 с.

4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., исправл. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

5. Мутьлыгина А.Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смещение кодов» (на примере устной речи русско-китайских билингвов в Пекине) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. № 1. С. 52 – 60.

6. Эбзеева Ю.Н., Тутова Е.В. Проблема переключения кодов и языковые контакты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. № 3. С. 138 – 143.

References

1. Balakina Yu.V., Sosnin A.V. Teoreticheskie osnovy pereklyucheniya kodov i funkcionirovaniya zaimstvovaniy s pozicij kontaktnoj lingvistiki. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2015. № 2. S. 6 – 11.

2. Golovko E.V. Pereklyuchenie kodov ili novyj kod? Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. Seriya: Trudy fakul'teta etnologii. 2001. № 1. S. 298 – 316.

3. Dzhamalhanov Z.D., Chinhoeva T.N. Nohchijn mott 10-11 klassashna uchebnik. Desharan posobi. M.: Russkoe slovo, 2014. 206 s.

4. ZHerebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 5-e izd., ispravl. i dop. Nazran': Piligrim, 2010. 486 s.

5. Mutylyina A.Yu. O razgranichenii ponyatij «pereklyuchenie» i «smeshenie kodov» (na primere ustnoj rechi russko-kitajskih bilingvov v Pekine). Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Seriya: YAzykoznanie. № 1. S. 52 – 60.

6. Ebzeeva Yu.N., Tutova E.V. Problema pereklyucheniya kodov i yazykovye kontakty. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika. 2012. № 3. S. 138 – 143.

**SWITCHING CODES IN THE BILINGUAL ORAL SPEECH OF
CHECHEN POLITICIANS (USING THE EXAMPLE OF
A VIDEOMATERIAL OF POLITICAL DISCOURSE)**

*Goltakova Z.A., Lecturer-Researcher,
A.A. Kadyrov Chechen State University*

Abstract: the article deals with the issue of code switching in the oral speech of Chechen politicians in the context of bilingualism. The material for the speech analysis was a video from the meeting of state figures of the Chechen Republic. The participants of the experiment are four Chechens, native speakers of Chechen and Russian, and one communicant who does not speak Chechen. The style of the studied oral speech is official and business. The monologues of bilingual Chechens with words and expressions in Chechen and Russian languages are subjected to linguistic analysis. The author begins the linguistic analysis of the texts of communicants of different ages by describing the main reasons for the replacement of one language with another (referential, addressable, expressive, phatic, metalinguistic, stylistic). The relevance of this study is that in the case of spontaneous or partially prepared oral speech, the switching of language codes is a consequence of insufficient development of communicative competence in both languages. The purpose of the study is formulated as follows: to consider cases of code switching of the political discourse of bilingual Chechens. To achieve this goal, the author sets himself the tasks of determining the reasons for the alternate use of two languages, as well as distributing the studied material according to classification (intra-essential, inter-essential). The author has identified the most frequently used group of Russian words in the bilingual speech of Chechens: nouns, numerals, adverbs, adjectives, verbs, service words, stable combinations. The study is of practical importance in teaching native and state languages in educational institutions of the republic, reveals the need to teach the younger generation oral public speech.

Keywords: code switching, bilingual Chechens, communicant, communicative competence, oral speech, official business style

ОЦЕНКА РОДНОГО ЯЗЫКА В НИГЕРИЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

*Олурин К.Э., аспирант,
Тюменский государственный университет*

Аннотация: исследование было проведено с целью выяснить мнения профессионалов в сфере преподавания о позиции использования родного языка в качестве языка обучения в учебных заведениях Нигерии [1]. Был подготовлен вопросник для выяснения мнений участников об использовании родного языка в школах. Основываясь на собранных данных, большинство учителей поддерживают использование родного языка в качестве средства обучения для получения образования.

Поскольку Нигерия является многоязычной страной с различными племенами, язык обучения всегда вызывал озабоченность у педагогов и специалистов по планированию образования. В этом исследовании изучалась текущая ситуация в области образовательной политики в Нигерии, освещались проблемы образования на родном языке и будущее английского языка как средства обучения.

В качестве участников было отобрано в общей сложности пятьдесят (50) учителей на всех уровнях нигерийских школ.

Было отмечено, что внедрение родного языка в качестве средства обучения в школе может столкнуться с некоторыми трудностями.

Результаты показали, что положения о многоязычном образовании, содержащиеся в Национальной политике в области образования, не выполняются должным образом большинством учителей, и правительство не отнеслось серьезно к внедрению родного языка.

В исследовании предлагаются некоторые шаги по решению проблем преподавания родного языка в школах.

В этом исследовании был сделан вывод о том, что секторам образования следует разрабатывать больше образовательных ресурсов и орфографий языков коренных народов для удовлетворения потребностей многоязычного образования.

Ключевые слова: родной язык, языковая политика в области образования, образование на родном языке, планирование политики, проблемы с родным языком, реализация

Введение

Родной язык может быть описан как язык, на котором вы впервые учитесь говорить, когда вы ребенок [21]. Это местная форма языка, на которой говорят в одной области, с грамматикой, словами и произношением, которые могут отличаться от других форм. Термин "родной язык" может быть связан с диалектом и языком ближайшего сообщества. Это язык, который ребенок впервые изучает в своей непосредственной местности или общине.

Обучение на родном языке – это система школьного образования, которая поощряет процесс преподавания и обучения в школе с родным языком (L1) [2].

Учащиеся получают традиционное образование от своих родителей и других соответствующих лиц на родном языке. Многие из них получают весь опыт и знания, которые являются основополагающими и устойчивыми для их формального образования с помощью этой среды. Этот термин может быть дополнительно поддержан в соответствии с мнением Омебе, в котором говорится, что до того, как ребенок пойдет в школу, он/она должен многому научиться у своих родителей, таких как речь, имена людей, животных и других объектов вокруг него/нее [5].

Ученый далее объяснил, что ребенок также может делать простые заявления, отвечать на простые вопросы и, должно быть, наблюдать, как его

родители выполняют ту или иную домашнюю обязанность. Он считает, что дом обеспечивает первое неформальное образовательное обучение, которому подвергается ребенок и который активно готовится к формальному образованию. Даже языковые положения Национальной политики Нигерии в области образования (1981), пересмотренные до 2004 года [2], признают важность родного языка, когда в них говорится, что "правительство будет следить за тем [8], чтобы средством обучения в начальной школе изначально был родной язык или язык непосредственного сообщества, а на более позднем этапе – английский [3].

Английский язык всегда был основным средством выражения в созданных миссионерских школах. Они использовали английский язык в качестве цивилизаторской миссии, в то время как их коллеги в администрации продолжали использовать английский язык в качестве мощной политической административной силы, потому что он был официальным языком в колониальную эпоху. В конце концов английский язык стал официальным языком британских западноафриканских стран.

Большое значение придавалось использованию английского языка в учебных заведениях Нигерии, поскольку различные политики в области образования всегда классифицировали этот предмет как основную дисциплину, которая придает языку значительный статус [6].

Значение этого предмета гораздо сильнее ощущается в секторе образования, поскольку для студента, не имеющего хотя бы зачета по английскому языку, было бы не только трудной задачей поступить в любое из высших учебных заведений Нигерии, но и служить средством обучения во всех школах Нигерии.

Тем не менее, важно определить предмет и учесть позицию каждого студента при определении языка обучения, который будет использоваться. В соответствии с этим, каждый студент должен иметь привилегию идентифицировать свой родной язык, и его идентификация должна быть принята и уважаема другими [4]. Кроме того, учащиеся должны иметь право полностью изучать свой родной язык и использовать его естественным образом. Кроме того, учащимся должно быть разрешено выбирать, когда использовать родной язык во всех официальных ситуациях.

Тем не менее, несмотря на все доводы в поддержку родного языка, обычному нигерийскому школьнику отказывают в доступе к образованию на родном языке в свете политики "только на английском языке", которая не ценит родной язык как познавательный и педагогический ресурс.

Методология

Это исследование было посвящено изучению влияния преподавания родного языка в школах Нигерии.

Цель состоит в том, чтобы получить мнения профессиональных учителей в разных школах относительно проблем, связанных с введением род-

ного языка в качестве среднего обучения в школах Нигерии.

Для достижения этой цели в ходе исследования были заданы следующие вопросы.

1. Почему в школах Нигерии внедрена система обучения на родном языке?

2. С какими возможными проблемами столкнется программа изучения родного языка, если она будет внедрена в школах Нигерии?

3. Как можно решить выделенные проблемы?

Пятьдесят (50) профессиональных учителей были случайным образом отобраны из разных школ всех уровней Нигерии. Для исследования была разработана анкета.

Анкета была разделена на три различные части. Часть I состоит из личной информации; Часть II состоит из 3 вопросов, касающихся схемы преподавания родного языка в школах Нигерии, а часть III состоит из 9 заявлений, оценивающих влияние преподавания родного языка в школах. Участникам было предоставлено три варианта ответа "Да", "Нет" и "Нерешительный", чтобы выразить свое мнение.

Сбор данных

Ссылка на анкету была отправлена через различные платформы социальных сетей преподавательскому составу по всей Нигерии, и ответы были получены таким же образом.

Респондентам сообщили о цели опроса и посоветовали участвовать в нем в соответствии с их истинным мнением. Они согласились использовать свои ответы для исследования.

Таблица 1

Ответы для исследования

Опрос мнений Учителей о Родном Языке			
Обучение в школах Нигерии	Да %	Нет %	Нерешительный %
Обучение на родном языке позволит учащимся в школах легче и незаметнее усваивать факты и информацию	75	23	02
Обучение на родном языке позволит учащимся легко и правильно интерпретировать полученную информацию	73	26	01
Обучение на родном языке позволит учащимся эффективно и результативно использовать информацию	77	20	03
Схема родного языка позволит студентам легко и быстро развивать практические и манипулятивные навыки	62	33	05
Обучение на родном языке позволит студентам легко и точно получать информацию, когда это необходимо.	60	39	01

Продолжение таблицы 1

Схема обучения родному языку позволит учащимся приобрести и развить желательное отношение к людям, своей стране и проблемам.	75	23	02
Многоязычный характер Нигерии не позволит преподаванию на родном языке работать должным образом.	75	24	01
Если в Нигерии будет работать система обучения на родном языке, возникнет проблема подготовки и переподготовки учителей.	55	43	02
В случае внедрения системы обучения на родном языке возникнет проблема нехватки учебно-методических ресурсов.	25	73	02
Если в Нигерии будет внедрена система обучения на родном языке, то возникнет проблема разработки учебных программ по некоторым предметам, таким как естественные науки.	40	55	05
Возникнет проблема, какой местный язык Нигерия должна принять в качестве национального, если будет внедрена схема обучения на родном языке.	90	09	01
Схема обучения на родном языке ограничит передвижение учащихся из одного региона в другой.	65	31	04

Результаты

Как показано выше, данные отражают мнение участников о преподавании родного языка в школах.

Данные показали, что большинство учителей подтвердили, что обучение на родном языке позволит учащимся в школе легче и незаметнее усваивать факты и информацию. Только 23% участников не согласились, а 2% не определились со своим мнением. Кроме того, 73% респондентов считают, что обучение на родном языке позволит учащимся правильно получать и интерпретировать информацию. Только 1% остались в нерешительности по этому поводу. Учителя показали, что 20% считают, что учащийся не будет эффективно и эффективно использовать информацию, когда используются инструкции на родном языке. Но большинство участников думают иначе. Они считают, что информация эффективно обрабатывается, когда она передается на родном языке.

Кроме того, с одной стороны, 62% респондентов подтвердили, что схема обучения родному языку позволит студентам быстро развить практические и манипулятивные навыки, в то время как с другой стороны, 33% не согласились. Остальные 5% остались в нерешительности по этому иску.

Схема обучения родному языку для формирования у студентов желательного отношения к людям была поддержана 75 % участников.

Остальные участники оставались нерешительными или безразличными.

Многоязычный характер Нигерии разделил мнение респондентов относительно обучения на родном языке. 75% подтвердили, что многоязычный аспект не позволит преподаванию на родном языке работать должным образом, в то время как 24% считают иначе. Большинство (73%) участников указали, что при внедрении схемы обучения на родном языке не возникнет проблемы с недостаточными преподавательскими и учебными ресурсами. Но 25% полагали, что использование обучения на родном языке в обществе с более чем 500 языками может быть неэффективным для обучения, поскольку люди из других племен могут быть вынуждены проходить языковую подготовку против своего выбора. 2% респондентов не смогли определиться с последствиями внедрения.

Кроме того, 40% учителей подтвердили, что возникнет проблема разработки учебных программ по некоторым научным предметам, если в Нигерии будет внедрена схема обучения на родном языке, в то время как 55% поддержали идею разработки учебной программы на родном языке.

Более того, почти все участники (90%) согласились с тем, что возникнет проблема, какой местный язык Нигерия должна принять в качестве национального, если будет внедрена схема обучения на родном языке. 1% респондентов были нерешительны, в то время как 9% не видели ничего плохого в том, чтобы использовать местный язык в качестве национального. Кроме того, из собранной информации стало ясно, что 65% учителей согласились с тем, что перемещение учащихся из

одного региона в другой будет ограничено, если будет внедрена схема обучения на родном языке.

В целом, основываясь на данных, собранных от учителей, можно сделать вывод, что большинство респондентов поддержали мнение о том, что схема обучения на родном языке будет эффективной и действенной в школах Нигерии и поможет учебной программе.

Обсуждение

Языковая политика в области образования в Нигерии

Национальная языковая политика в Нигерии была определена в различных документах в соответствии с Э.Н. Эменанджо в стране действует национальная политика в отношении языков в образовании, которая, в свою очередь, распространяется на государство [16].

Эта политика изложена в различных разделах и уровнях образования, описанных в пунктах Национальной политики Федеративной Республики Нигерии в области образования [9].

Ученый (Эменанджо) далее объяснил, что Национальная политика в области языков в образовании признает многомерное, многоязычное трехуровневое политическое устройство, которое представляет собой многоэтническое и многоязычное государство.

Политика предусматривает следующее

1. Родной язык или Язык ближайшего сообщества в качестве Языка начальной грамотности на дошкольном и младшем, начальном уровнях, а также на уровне взрослого и неформального образования [10].

2. Три основных национальных языка – хауса, игбо и йоруба на уровне L2 как языки национальной культуры и интеграции [12].

3. Английский – официальный язык – как язык формальной грамотности, бюрократии, среднего и высшего образования, судов и т.д.

4. Избранные иностранные языки, особенно французский и арабский, как языки международного общения и дискурса.

Кроме того, политика в области языкового образования предполагает (i) поощрение многоязычия в качестве национальной цели.

(ii) Признать английский официальным языком в бюрократии и на всех уровнях формального образования.

(iii) Рассматривать 3 признанных местных языка (хауса, игбо и йоруба) в качестве потенциальных национальных языков, которые должны разрабатываться и использоваться в качестве LO и L2 на протяжении всей формальной системы образования [11].

(iv) все нигерийские языки как значимые средства обучения начальной грамотности, а также в

рамках непрерывного и неформального образования.

Проблемы родного языка в Нигерии

Несмотря на то, что родной язык имеет много преимуществ в развитии ребенка, тем не менее, он сталкивается с множеством проблем как при его внедрении, так и при приобретении [7].

Во-первых, это трудно, когда родители переезжают со своими детьми в другие места с совершенно другим языковым фоном. В такой ситуации возможности их детей изучать родной язык сокращаются или полностью теряются из-за доминирования принимающего диалекта или языка. Например, дети, рожденные родителями-йоруба на земле хауса или игбо, в большей степени подвержены языку хауса или игбо. Следовательно, это, следовательно, снижает их шансы говорить на йоруба.

Кроме того, многие родители навязывают своим детям другие языки вместо своего собственного языка. Они убеждают своих детей говорить на заимствованном языке вместо своего собственного. Например, некоторые родители считают, что английский язык лучше и, следовательно, будет отражать интеллект их детей или способствовать их высокой успеваемости в школе. В результате они обязывают их всегда говорить по-английски и общаться с ними только на английском языке [13].

Кроме того, межличностные браки являются еще одной проблемой, с которой сталкивается родной язык в Нигерии. В ситуации, когда любой из них предпочитает, чтобы ребенок/дети говорили на своем собственном диалекте, чтобы сохранить язык. Часто в таком случае ребенок/дети обычно подвергаются/подвергаются воздействию диалектов, которые в конечном итоге приводят его/их к тому, что он/они говорит на смеси этих двух языков. Иногда родители могут прибегнуть к возможности общения со своими детьми на английском языке, чтобы избежать конкуренции или отдать предпочтение одному из диалектов.

Кроме того, большим фактором является отсутствие орфографии на этих родных языках. В большинстве диалектов, в отличие от полноценных языков, таких как английский, игбо, хауса и йоруба, отсутствует орфография. В результате этого недостатка они не пишутся и не читаются. Я думаю, что это способствовало тому, что дети не проявляют интереса к изучению языка, несмотря на то, что слышали его от своих родителей.

Наконец, еще одной ключевой проблемой родного языка в Нигерии является низкое число компетентных учителей на различных языках коренных народов для изучения школьных предметов. С другой стороны, нет преподавателей-выпускников по языкам коренных народов в нужном количестве

и качестве. Отсутствуют учебные материалы, в частности соответствующие учебники на языках коренных народов. В нигерийской среде очень часто можно увидеть, что многие школьные учителя не умеют читать или писать на своих родных языках. Одного только владения языком с семантическими ошибками недостаточно, чтобы квалифицировать учителя для преподавания этого языка. Другими словами, для надлежащего выполнения учебной программы по родному языку необходимы качественные преподаватели. Поэтому этот фактор затрудняет рассмотрение вопроса о применении родного языка для реализации.

Рекомендации

В соответствии со всем анализом, следующие рекомендации могут предложить решение проблем, с которыми сталкивается обучение на родном языке в школах Нигерии.

Во-первых, родители должны поощрять детей говорить на своем родном языке дома и прекратить требовать использования только английского языка в качестве средства общения. По возможности, родной язык следует чаще использовать дома, поскольку английский язык является обязательным в школах, как указано в Политике Нигерии в отношении учебной программы [14].

Более того, родители, которые переезжают в другой регион, где используется другой язык или диалект, должны предотвращать исчезновение или исчезновение своего родного языка. Например, если семья с юго-запада мигрирует в восточную часть страны, они не должны прекращать общение на языке, приобретенном во время проживания на Юго-западе.

Кроме того, нельзя допускать, чтобы межбрачные отношения мешали детям изучать свой родной язык. Пары должны договориться о том, какой родной язык семья хочет использовать для внутреннего общения. Таким образом, дети будут говорить на согласованном языке/диалекте с некоторой степенью искажения, вызванной влиянием матери как первого учителя ребенка.

Кроме того, следует предусмотреть орфографию для этих диалектов и родного языка, чтобы облегчить чтение и письмо. Кроме того, родители, близкие родственники и действительно все те, у кого есть шансы обучать детей традиционно, должны всегда четко говорить с ними на родном языке и даже с фигурами речи во время общения с ними, чтобы помочь им хорошо говорить на этом языке [15].

Наконец, следует поощрять учителей к совместной помощи учащимся в развитии навыков использования языков коренных народов в школьных условиях. Учащихся не следует осуждать всякий раз, когда они общаются на своем родном

языке в школьной среде. Кроме того, должна быть обеспечена надлежащая подготовка учителей, владеющих языками коренных народов, которая поможет им приобрести базовые лингвистические навыки, которые подготовят их к тому, чтобы лучше изучать, говорить и понимать английский язык [17].

Заключение

Фанон и Дюроджайе говорят о когнитивной силе языка следующее: человек, владеющий языком, следовательно, обладает миром, выраженным и подразумеваемым этим языком [19, 22, с. 52]. Основываясь на данных, собранных для этого исследования, многие участники выявили важность родного языка, и большинство респондентов поддержали мнение о том, что схема обучения на родном языке будет эффективной и действенной в школах Нигерии и поможет учебной программе.

Однако важно отметить, что в Нигерии никогда не проводилась структурированная комплексная языковая политика в поддержку внедрения родного языка в школах Нигерии. Выдающееся положение английского языка и его признание в качестве языка единства в Нигерии ставит под угрозу нигерийские языки.

Поэтому, чтобы придать значение родному языку в Нигерии и сохранить языки меньшинств, необходимо пересмотреть нынешнюю языковую политику в области образования [20].

Этот обзор даст английскому языку, который рассматривался как экспансионистский язык и угроза развитию других языков коренных народов в Нигерии, новое положение.

Кроме того, учителя должны быть обучены адекватному использованию учебных материалов для эффективного понимания концепций. Они должны быть обучены, чтобы обеспечить развитие достаточных людских ресурсов для эффективного осуществления этой схемы [18].

Более того, схема обучения на родном языке должна быть проверена, поощрена и поддержана в школах Нигерии [22].

Литература

1. Муса Р.Д. Роль образования на родном языке в национальном развитии / Социальные исследования и комплексное национальное развитие в Нигерии; Под ред. Э. Осаке. 2010. С. 75 – 82. (DOI: 10.21694/2378-9026.16016)
2. Федеративная Республика Нигерия, национальная политика в области образования (Лагос, Нигерия, Прессцентр федерального правительства) // Американский журнал образовательных исследований. 2015. Т. 3. № 7. С. 844 – 848. (DOI: 10.12691/education-3-7-7)

3. Агента Д.А. На пути к системному подходу в планировании среднего образования в Нигерии // Журнал гуманитарных и социальных наук. 1984. Т. 3. № 1. С. 26 – 36.
4. Бленч Р. Исследование языков меньшинств в Нигерии. Информационный бюллетень ФЕЛ за 2001 г., 2002. Огниос. 5 с.
5. Омебе С.Э. Консультирование родителей по вопросам эффективного создания условий для обучения нигерийского ребенка // Учебная среда нигерийского ребенка: журнал Нигерийского общества образовательных психологов. 2002. С. 1 – 6.
6. Мохаммед А.М. Интегрированное пособие ТЕССА по переподготовке учителей (английский язык). Вводный ознакомительный семинар по федеральной программе для учителей, Абуджа, 2011 // Информационный журнал по грамотности и компьютерному образованию. 2012. Т. 3. Вып. 3. С. 1 – 20.
7. Гбенедио Б.У. Проблемы реализации Нигерийской национальной языковой политики. Пример обучения на родном языке в младших классах начальной школы // Образовательный журнал Экиадолор. Т. 1990 (июнь). С. 47 – 58.
8. Бенсон С. Важность обучения на родном языке для качественного образования. Специальное исследование для доклада о глобальном мониторинге ОДВ за 2005 год, Центр исследований двуязычия, Стокгольмский университет, 2004. 25 с.
9. Бамгбосе А. Планирование языкового образования в Нигерии: некоторые демографические, лингвистические и территориальные факторы / Языковое образование в Нигерии, т. 1. Под ред. А. Бамгбосе. Лагос, Нигерия: Национальный языковой центр, Федеральное министерство образования, 2008. С. 47 – 61.
10. Муса Р.Д. Языковое образование в начальных школах Нигерии: современные проблемы и Новая Нигерия // Информационный журнал по грамотности и компьютерному образованию. 2016. Т. 2. Вып. 3. С. 1 – 10. (DOI: 10.20533/licej.2040.2589.2012.0099)
11. Огунтабе О.Х. Использование пословиц родителями как средство профилактики подростковой преступности / Нигерийский подросток в перспективе; Под ред. Р.У.Н. Оконкво, Р.О. Окое. Эквулобия: Изд-во Т. Онвука и сыновья, 2001. С. 94 – 101.
12. Адейемо П.О. Принципы и практика образования. Адо-Экити: изд-во Омолайо стандарт пресс Нигерия, 1985. 386 с.
13. Даскал М. Колонизирующие и деколонизирующие умы. 2006. 26 с.
14. Авонийи А. Статус родного языка в начальном образовании с акцентом на язык йоруба // Преподаватели нигерийских языков. 1980. Т. 3. № 2. С. 1 – 6.
15. Агун, И. Материалы для обучения на родном языке в начальных школах // Международный исследовательский журнал искусств и социальных наук. 2013. Т. 2. № 5. С. 131 – 133.
16. Эменанджо Э.Н. Нигерийская языковая политика: перспективы и ожидания. ЖОЛАН. 1985. Т. 3. С. 123 – 134.
17. Оловукере Э.Т. Свободное владение устной речью: родной язык способствует развитию способности молодых учащихся к общению. Научный отчет за 1991 г., факультет языков и литературы Африки, унив-т Обафемии Аволово, Иле-Ифе.
18. Фафунва А.Б. Комплексная схема учебной программы начальной школы в Нигерии: шестилетний проект / Язык и литература Йоруба. Под ред. А. Афолаян Ибадан: изд-во унив-та Обафемии Аволово, 1982. С. 1 – 9.
19. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски. Нью-Йорк: Изд-во Гроува, 1967. 225 с.
20. Чумбою Б.С. Место родного языка в национальной политике в области образования Многоязычие, языки меньшинств и языковая политика в Нигерии. Под ред. Э.Н. Эменанджо. Агбор: изд-во Централ Букс, 1990. С. 61 – 72.
21. Хорнби А.С. Оксфордский словарь для продвинутых учащихся (издание для иностранных студентов). Нью-Йорк: изд-во Оксфордского унив-та, 2010.
22. Дюроджайе С.М. Дошкольное образование в нигерийской среде (на примере города Ибадан). Серия: монографии. Ибадан: изд-во унив-та Лагоса, 1980. 76 с.

References

1. Musa R.D. Rol' obrazovaniya na rodnom yazyke v nacional'nom razvitii. Social'nye issledovaniya i kompleksnoe nacional'noe razvitie v Nigerii; Pod red. E. Osakve. 2010. S. 75 – 82. (DOI: 10.21694/2378-9026.16016)
2. Federativnaya Respublika Nigeriya, nacional'naya politika v oblasti obrazovaniya (Lagos, Nige-riya, Presscentr federal'nogo pravitel'stva). Amerikanskij zhurnal obrazovatel'nyh issledovaniy. 2015. T. 3. № 7. S. 844 – 848. (DOI: 10.12691/education-3-7-7)
3. Agenta D.A. Na puti k sistemnomu podhodu v planirovanii srednego obrazovaniya v Nigerii. ZHurnal gumanitarnyh i social'nyh nauk. 1984. T. 3. № 1. S. 26 – 36.
4. Blench R. Issledovanie yazykov men'shinstv v Nigerii. Informacionnyj byulleten' FEL za 2001 g., 2002. Ognios. 5 s.

5. Omebe S.E. Konsul'tirovanie roditel'ej po voprosam effektivnogo sozdaniya uslovij dlya obucheniya nigerijskogo rebenka. Uchebnaya sreda nigerijskogo rebenka: zhurnal Nigerijskogo obshchestva obrazovatel'nyh psihologov. 2002. S. 1 – 6.
6. Mohammed A.M. Integrirovannoe posobie TESSA po perepodgotovke uchitelej (anglijskij yazyk). Vvodnyj oznakomitel'nyj seminar po federal'noj programme dlya uchitelej, Abudzha, 2011. Informacionnyj zhurnal po gramotnosti i komp'yuternomu obrazovaniju. 2012. T. 3. Vyp. 3. S. 1 – 20.
7. Gbenedio B.U. Problemy realizacii Nigerijskoj nacional'noj yazykovoj politiki. Primer obucheniya na rodnom yazyke v mladshih klassah nachal'noj shkoly. Obrazovatel'nyj zhurnal Ekiado-lor. T. 1990 (iyun'). S. 47 – 58.
8. Benson S. Vazhnost' obucheniya na rodnom yazyke dlya kachestvennogo obrazovaniya. Special'noe is-sledovanie dlya doklada o global'nom monitoringe ODV za 2005 god, Centr issledovanij dvuyazychiya, Stokgol'mskij universitet, 2004. 25 s.
9. Bamgbose A. Planirovanie yazykovogo obrazovaniya v Nigerii: nekotorye demograficheskie, lingvisticheskie i territorial'nye factory. YAzykovo obrazovanie v Nigerii, t. 1. Pod red. A. Bamgbose. Lagos, Nigeriya: Nacional'nyj yazykovoj centr, Federal'noe ministerstvo obrazovaniya, 2008. S. 47 – 61.
10. Musa R.D. YAzykovo obrazovanie v nachal'nyh shkolah Nigerii: sovremennye problemy i No-vaya Nigeriya. Informacionnyj zhurnal po gramotnosti i komp'yuternomu obrazovaniju. 2016. T. 2. Vyp. 3. S. 1 – 10. (DOI: 10.20533/licej.2040.2589.2012.0099)
11. Oguntabe O.H. Ispol'zovanie poslovic roditel'yami kak sredstvo profilaktiki podrostkovoj prestupnosti. Nigerijskij podrostok v perspektive; Pod red. R.U.N. Okonkvo, R.O. Okoe. Ekvulobiya: Izd-vo T. Onvuka i synov'ya, 2001. S. 94 – 101.
12. Adejemo P.O. Principy i praktika obrazovaniya. Ado-Ekiti: izd-vo Omolajo standart press Nigeriya, 1985. 386 s.
13. Daskal M. Koloniziruyushchie i dekoloniziruyushchie umy. 2006. 26 s.
14. Avoniji A. Status rodnogo yazyka v nachal'nom obrazovanii s akcentom na yazyk joruba. Prepodavateli nigerijskij yazykov. 1980. T. 3. № 2. S. 1 – 6.
15. Agun, I. Materialy dlya obucheniya na rodnom yazyke v nachal'nyh shkolah. Mezhdunarodnyj is-sledovatel'skij zhurnal iskusstv i social'nyh nauk. 2013. T. 2. № 5. S. 131 – 133.
16. Emenandzho E.N. Nigerijskaya yazykovaya politika: perspektivy i ozhdaniya. ZHOLAN. 1985. T. 3. S. 123 – 134.
17. Olovukere E.T. Svobodnoe vladenie ustnoj rech'yu: rodnoj yazyk sposobstvuet razvitiyu sposobnosti molodyh uchashchihsya k obshcheniyu. Nauchnyj otchet za 1991 g., fakul'tet yazykov i literatury Afriki, univ-t Obafemi Avolovo, Ile-Ife.
18. Fafunva A.B. Kompleksnaya skhema uchebnoj programmy nachal'noj shkoly v Nigerii: shestiletnij proekt. YAzyk i literatura Joruba. Pod red. A. Afolayan Ibadan: izd-vo univ-ta Obafemi Avo-lovo, 1982. S. 1 – 9.
19. Fanon F. CHernaya kozha, belye maski. N'yu-Jork: Izd-vo Grouva, 1967. 225 s.
20. CHumbou B.S. Mesto rodnogo yazyka v nacional'noj politike v oblasti obrazovaniya Mnogoyazy-chie, yazyki men'shinstv i yazykovaya politika v Nigerii. Pod red. E.N. Emenandzho. Agbor: izd-vo Central Buks, 1990. S. 61 – 72.
21. Hornbi A.S. Oksfordskij slovar' dlya prodvinytyh uchashchihsya (izdanie dlya inostrannyh studentov). N'yu-Jork: izd-vo Oksfordskogo univ-ta, 2010.
22. Dyurodzhaje S.M. Doshkol'noe obrazovanie v nigerijskoj srede (na primere goroda Ibadan). Seriya: monografii. Ibadan: izd-vo univ-ta Lagosa, 1980. 76 s.

EVALUATION OF MOTHER TONGUE IN NIGERIA INSTITUTIONS

*Olurin K.E., Postgraduate,
University of Tyumen*

Abstract: the research was conducted to find out the opinions of professionals in the teaching industry about the position of using mother tongue as language of instruction in Nigeria institutions. A questionnaire was prepared to seek participants' views on the use of mother tongue in schools. Based on to the data collected, most teachers support the use of mother tongue as a medium of instruction for education.

Since Nigeria is a multilingual country with different tribes, the language of instruction has always been a matter of concern to educators and educational planners. This study investigated the current situation of educational policy in Nigeria, highlighting the challenges of mother tongue education and future of English language as instruction medium.

A total number of Fifty (50) teachers at all levels of Nigeria schools were selected as participants.

It was noted that the implementation of mother tongue as means of instruction in school may face some setbacks.

The findings revealed that provisions of multilingual education contained in the National Policy on Education are not properly implemented by the majority of the teachers and the government has not taken the implementation of the mother tongue any serious.

The study suggests some steps towards solving the problems of mother tongue instruction in schools.

This study concluded that educational sectors should develop more educational resources and orthographies of indigenous languages to meet the demands of multilingual education.

Keywords: mother tongue, language policy on education, mother tongue education, policy planning, mother tongue challenges, implementation

ТРАДИЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОЛЬСТЕРСКОГО ВАРИАНТА ШОТЛАНДСКОГО ЯЗЫКА – КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

*Карлина А.Н., аспирант,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)*

Аннотация: в результате политических изменений, происходящих в Северной Ирландии, наблюдается повышение интереса к ольстерскому варианту шотландского языка не только со стороны различных общественных объединений, но и со стороны государства. Ольстерско-шотландский используется в Северной Ирландии с XVII века и имеет разные варианты, в том числе разговорный, а также грамматический строй и литературную традицию. Однако исследование данного идиома оставалось за рамками изучения равнинных шотландских диалектов до второй половины XX века. Особое внимание уделяется истории изучения данного регионального языка. До XX века лингвисты, изучавшие шотландский язык и его диалектные группы, не упоминали в своих работах об ольстерском варианте шотландского языка. 90-е годы 20 века стали переломным моментом в истории развития данного идиома. Статус ольстерского варианта шотландского языка закреплен в нормативных документах Великобритании и Северной Ирландии. Языковая политика Северной Ирландии направлена на предотвращение угрозы исчезновения островного диалекта. В настоящий момент наблюдается рост интереса к диалектологическим и социолингвистическим исследованиям на материале о.ш. Появляются исследования, посвященные факторам устойчивого развития данного идиома.

Ключевые слова: ольстерский вариант шотландского языка, региональный язык, диалект, социальный престиж, идиома

Введение

В науке известны случаи резкого повышения интереса со стороны государства или общественных групп к какому-либо языку или диалекту, в результате политических изменений, протекающих в социуме. Примерами таких идиомов являются ирландский язык в Ирландской республике, новонорвежский в Норвегии, иврит в Израиле, украинский на Украине и др.

Этот ряд можно дополнить и таким идиомом, как ольстерский вариант шотландского языка (далее о.ш.), который в XXI веке продолжает «отвоевывать» свои позиции в политической жизни и социальной сфере.

Традиция изучения ольстерского варианта шотландского языка

Существуют разные подходы к определению о.ш. Традиционное понимание данного идиома отражено в трактовке, представленной в шотландском национальном словаре (Scottish National Dictionary). В данном источнике ольстерско-шотландский язык (*Ulster Scots, Braid Scots, Ullans*) рассматривается как диалект шотландского языка, на котором говорят в Ольстере.

Шотландский язык (далее, ш.я.) появился в Ольстере четыре столетия назад в результате переселения так называемых «плантаторов» с территории равнинной Шотландии (*Lowland Scotland*), хотя первые переселенцы, говорившие на шотландском, появились в Северной Ирландии еще в XIV в. [16]. С начала XVII века в провинции Ольстер существует стабильное сообщество говорящих на о.ш.

Впервые, лексика шотландского языка, используемая жителями восточного Ольстера (*графства Антрим и Даун*), была зафиксирована Вильямом

Паттерсоном в словаре “A Glossary of Words and Phrases used in Antrim and Down” в 1880 году [12]. Но до появления работ Роберта Грегга, посвященных фонологии и географическим границам распространения о.ш., лингвисты уделяли относительно мало внимания данному идиому.

В известных описаниях шотландских диалектов, изданных в конце XIX в., о.ш., как правило, не упоминается вовсе. Как известно, диалектологам того периода был присущ взгляд на шотландский язык в целом как на разновидность английского языка (ср. сходное отношение к восточнославянским языкам в русской науке того же периода). Это подтверждают сведения из «Краткого словаря шотландского языка», во вступительной статье к которому описаны исторические отношения между шотландским и английским языками.

Как известно, в XV-XVI вв. на о. Великобритания, сосуществовали многочисленные языки и диалекты: германские – английский и шотландский (*Inglis, позднее известный как Scots*), и кельтские – валлийский, корнский, и шотландский гэльский. В это время завершается среднеанглийский период в истории английского языка и начинается ранненоанглийский. В периодизации шотландского языка этот временной отрезок именуется среднешотландским (*Middle Scots*). Последние два языка являются близкородственными и восходят к разным древнеанглийским диалектам. Они развивались параллельно в условиях относительной географической и политической обособленности, что привело к возникновению у каждого из них существенных отличительных особенностей, представляющих собой как инновации, так и сохранение индивидуальных архаичных черт. Так, например, в области звукового строя

ряд отличий между английским и шотландским языками обусловлен тем, что на территории Шотландии и северной Англии процесс, известный как «Великий сдвиг гласных» не получил полного развития. Однако после объединения шотландского и английского королевств в 1603 году шотландский язык потерял свой социальный престиж, и развитие его литературного варианта приостановилось. На протяжении почти четырехсот лет он находился в подчиненном положении по отношению к нормам английского языка, что в итоге привело к рассмотрению шотландского языка как к территориальной разновидности последнего.

В начале XX века интерес к изучению о.ш. не был ярко выражен. Так, в работе А. Эллиса “On Early English Pronunciation, Vol. 5: With Special Reference to Shakespeare and Chaucer, Containing an Investigation of the Correspondence of Writing with Speech in England” из германских диалектов, присутствующих на территории Ирландии, упоминается лишь диалект баронств Форт и Барги в графстве Уэксфорд, а остальные регионы, включая Ольстер, не рассматриваются [6, p. 67]. Очевидно, уэксфордский диалект (известный как “Yola”) попал в поле зрения исследователя благодаря существенным системным отличиям данного идиома от всех остальных форм германской речи на Британских островах, а также отдельной по отношению к другим диалектам английского языка истории развития [9, p. 72].

В монографии А. Дж. Марри “The Dialects of the Southern Counties of Scotland” [11] о.ш., как таковой, не упоминается также. По поводу английского языка в Ирландии отмечается лишь следующее: «...но имея, также, и другие характеристики кельтского происхождения, такие как замена звука *sh* на *ch*..., а также элизия начального *th* в указательных словах..., что можно встретить и в других полукельтских регионах Шотландии и Ирландии». В дальнейшем Ольстер упоминается, но не в связи с о.ш., а относительно ирландского и шотландского гэльского языков, их контактирования и соотношения в Северной Ирландии и Шотландии.

В известной работе У. Гранта и Дж. Диксона “Manual of Modern Scots”, изданной в 1921 г., о.ш. не упоминается, что можно объяснить периферийностью и своего рода «вторичностью» данной диалектной группы шотландского языка, тогда как в данном руководстве за основу описания взят обобщенный центрально-шотландский территориальный вариант, и в целом данная работа является одной из ранних попыток приблизиться к выработке литературного стандарта, что было вполне в духе того времени, когда подобные эксперименты предпринимались и литераторами, и лингвистами [8].

Примечателен, однако, тот факт, что ни Ольстер, ни о.ш. не упоминаются и в другой работе У. Гранта, «Введении» к словарю “Scots Chamber’s Dictionary”. В рамках данного жанра (вводная глава словаря), У. Грант – известный языковой активист и классик шотландской филологии – относительно подробно описывает социальную историю ш.я. и все основные его диалектные группы, однако ни слова не говорит о распространении ш.я. в Северной Ирландии и о существовании его в этом регионе на протяжении более трех (на тот момент) веков.

Интерес, как веха в истории диалектологической мысли, представляет работа “English Dialect Grammar” Дж. Райта [18]. Вполне в духе своего времени Райт рассматривает все шотландские диалекты в качестве одной из диалектных групп английского языка и придерживается их классификации, разработанной А. Эллисом в упомянутой работе “On Early English Pronunciation”.

Переломным моментом в изучении о.ш. стали работы Роберта Грегга. Выросший в окружении носителей данного идиома, он глубоко знал предмет своих исследований. В результате многолетних исследований ученый описал фонологические особенности о.ш., выделил его разновидности, определил границы ольстерско-шотландского языкового ареала и руководил составлением словаря диалектной лексики (The Ulster Dialect Dictionary).

С середины XX века существование о.ш. признается многими учеными. Одним из наиболее важных вопросов остается определение места данного языка в классификации. В научной литературе его классифицируют по-разному: как разновидность «англо-ирландского» (Henry, 1958), «ольстерский английский» (Kirk, 1999), «английский плантаторов» (Todd, 1989). Адамс называл о.ш. «северо-восточным диалектом», подчеркивая его происхождение именно от шотландского языка, Брейдвуд (1964) использовал термин «шотландско-ирландский». Грегг определил его как ольстерский шотландский и предложил использовать понятие «разновидность» (SND “variant”), считая, что такой подход позволяет не смешивать с понятием «диалект», под которым часто понимается периферийная и малопрестижная разновидность языка, не имеющая литературной традиции.

Для отечественной германистики о.ш. и ситуация вокруг него остаются пока сравнительно малоизученным предметом и в большинстве ранних работ, в которых упоминание о.ш. было бы вполне ожидаемым, этот идиом, тем не менее, игнорируется авторами. Так, в книге «Английский язык за пределами Англии» Т.М. Беляевой и И.А. Потаповой, изданной в 1961 г. упоминается лишь ирланд-

ский английский, а о присутствии шотландского языка на территории Ольстера речь не идет вовсе [1].

В известной работе М.М. Маковского «Английская диалектология» упоминаются «английские диалекты» Ирландии, подразделяющиеся в интерпретации этого автора на ольстерский, дублинский и уэксфордский, отсутствует упоминание ольстерско-шотландского языка как такового [3].

Впервые в отечественной германистике относительно подробно языковая ситуация в Северной Ирландии рассматривается в работе О.И. Бродович «Диалектная вариативность английского языка» опубликованной в 1988 г. Автор проводит четкое разграничение между английским языком колонизованных кельтских областей и собственно шотландским языком [2, с. 90]. Описывая языковую ситуацию в Ирландии, О.И. Бродович подробно останавливается на ее ольстерской составляющей, упоминает переселение из Шотландии в Ольстер так называемых «плантаторов» в начале XVII в. и формирование ольстерско-шотландского языка [2, с. 111]. Рассматриваемая монография основана на данных, почерпнутых из современных аутентичных источников, достоверно отображает языковую ситуацию в Северной Ирландии и место о.ш. в ней. Работа содержит первое собственно научное описание особенностей германской речи в колонизованных кельтских регионах, сохраняет свое методологическое и фактологическое значение и может служить надежным источником.

А.Е. Павленко, в статье «Островной ареал как фактор устойчивого развития диалекта регионального языка (на материале шотландского)» характеризует о.ш. как переселенческий и островной диалект шотландского языка. Отмечается, что ольстерско-шотландский языковой остров существует в окружении нескольких вариантов близкородственного доминирующего английского языка. В работе отмечается повышенный интерес к данному идиому со стороны протестантских националистических кругов, языковых активистов и местных образовательных организаций, работающих в сфере языкового планирования. Также, автор приводит критерии, согласно которым о.ш. можно классифицировать, как островной диалект [4].

В последние десятилетия интерес к изучению о.ш. растет. Во многом это связано с утверждением правового, социального и культурного статуса идиома. В Белфастском Соглашении 1998 года, утверждается «важность уважения, понимания и терпимости в отношении языкового разнообразия, в том числе в Северной Ирландии, в отношении ирландского языка, ольстерско-шотландского языка и языков различных этнических групп» [5]. В 1990-гг. для развития письменного варианта

о.ш. были разработаны правила орфографии, что усиливает позиции данного идиома. Несомненно, важным моментом является создание обществ для защиты и распространения о.ш. (Ulster Scots Language Society, Ulster Scots Agency). Также, в 2001 году был создан Институт шотландских исследований Ольстера на базе Ольстерского университета (Ulster University).

С 50-х г.г. XX в. лет перечень аспектов изучения о.ш. значительно расширился. Многим из них посвящены работы Р. Грегга и его коллег. Робинсон в работе “The mapping of Ulster Scots” продолжил исследование Грегга в области картографирования, учитывая особенности распределения носителей разных языков и диалектов в регионе [13]. Значимой фигурой в изучении и популяризации о.ш. является и Дж. Фентон. В работе “Ulster Scots of 21st century” ученый дает не только описание фонетических и грамматических особенностей о.ш. в традиционном ключе, но и подробный анализ лексического состава, разделяя лексику о.ш. на группы:

- 1) pure-Ulster Scots-words (слова, у которых нет аналога в литературном английском языке);
- 2) dual-Ulster Scots-words (слова, которые совпадая в значении, отличаются по форме от литературного английского языка);
- 3) dual status-English words (английские слова, которые приобретают новое значение в о.ш.);
- 4) standard English Words (лексика английского языка, вошедшая в о.ш. без изменений) [7].

Также появляются и новые направления в исследовании о.ш. Например, Рона Кингсмор в работе “Status, Stigma and Sex in Colerane Ulster Scots Speech” рассматривает вопрос гендерных и возрастных особенностей в освоении фонетической и фонологической системы о.ш. [10].

Заключение

Несмотря на то, что о.ш. активно используется в Северной Ирландии с XVII века и имеет свою литературную традицию, исследование данного идиома оставалось за рамками изучения шотландских диалектов. До XX века лингвисты, изучавшие шотландский язык и его диалектные группы, по-видимому, исходя из узконациональных соображений не упоминали в своих работах о.ш. В настоящий момент наблюдается рост интереса к диалектологическим и социолингвистическим исследованиям на материале о.ш. Языковая политика Северной Ирландии направлена на предотвращение угрозы исчезновения данного идиома.

Литература

1. Беляева Т.М., Потапова И.А. Английский язык за пределами Англии: учеб. пособие. Ленинград: Изд-во Учпедгиз, 1961. С. 36 – 45.
2. Бродович И.О. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. Ленинград: Издательство ЛГУ. 1988. С. 89 – 112.
3. Маковский М.М. Английская диалектология: учеб. пособие. Москва: Изд-во Высшая школа. С. 29 – 45.
4. Павленко А.Е., Павленко Г.В., Строганова О.А. Островной ареал как фактор устойчивого развития диалекта регионального языка (на материале шотландского языка)» 2020. Т. 24 №1. С. 111 – 123.
5. The Belfast Agreement // <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement>
6. Ellis A.J. On Early English Pronunciation, Vol. 5: With Special Reference to Shakespeare and Chaucer, Containing an Investigation of the Correspondence of Writing with Speech in England. Forgotten Books. London, 1968. P. 334 – 345, 377 – 399.
7. Fenton J. Ulster Scots of 21st century. <http://www.ulsterscotslanguage.com/en/texts/biography/james-fenton>
8. Grant W., Dixon M.J. Manual of modern Scots. Cambridge, 1921. P. 421 – 429.
9. Hickey R. A lost Middle English dialect. Historical Dialectology: Regional and Social in Fisiak (ed.) London, 1988. P. 101 – 120.
10. Kingsmore R. Status, Stigma and Sex in Colerane Ulster Scots Speech // <https://www.libraryireland.com/gregg/ulster-scots-speech.php>
11. Murray J. The dialect of the Southern counties of Scotland: its pronunciation, grammar, and historical relations // Transactions of the Philological Society. London – Berlin, 1873. P. 101 – 118.
12. Patterson W.H. A Glossary of Words and Phrases used in Antrim and Down. London, Trübner & Co., for the English Dialect Society. <http://www.ulsterscotssociety.com/texts/historical-abstracts/1800-899/patternsons-glossary/index.php>
13. Robinson Ph. The Mapping of Ulster Scots. <http://www.ulsterscotssociety.com/research/gregg/mapping-ulster-scots.php>
14. Scottish Gaelic dictionary. www.lexilogos.com/english/gaelic_scottish_dictionary.htm
15. Scottish National Dictionary. <https://dsl.ac.uk/our-publications/scottish-national-dictionary>
16. Smyth A., Montgomery M., Robinson Ph. The Academic Study of Ulster Scots: Essays for and by

Robert J. Gregg. Belfast: W&G Baird Ltd. Belfast, 2006. P. 37 – 52.

17. Warrack A., Grant W. Chambers Scots Dictionary. W&R Chambers. 1986. P. 563 – 578.

18. Wright J. The English Dialect Grammar. Oxford, 1905. P. 237 – 289.

References

1. Belyaeva T.M., Potapova I.A. Anglijskij yazyk za predelami Anglii: ucheb. posobie. Leningrad: Izd-vo Uchpedgiz, 1961. S. 36 – 45.
2. Brodovich I.O. Dialektnaya variativnost' anglijskogo yazyka: aspekty teorii. Leningrad: Izdatel'stvo LGU. 1988. S. 89 – 112.
3. Makovskij M.M. Anglijskaya dialektologiya: ucheb. posobie. Moskva: Izd-vo Vysshaya shkola. S. 29 – 45.
4. Pavlenko A.E., Pavlenko G.V., Stroganova O.A. Ostrovnoj areal kak faktor ustojchivogo razvitiya dialekta regional'nogo yazyka (na materiale shotland-skogo yazyka)» 2020. Т. 24 №1. S. 111 – 123.
5. The Belfast Agreement. <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement>
6. Ellis A.J. On Early English Pronunciation, Vol. 5: With Special Reference to Shakespeare and Chaucer, Containing an Investigation of the Correspondence of Writing with Speech in England. Forgotten Books. London, 1968. P. 334 – 345, 377 – 399.
7. Fenton J. Ulster Scots of 21st century. <http://www.ulsterscotslanguage.com/en/texts/biography/james-fenton>
8. Grant W., Dixon M.J. Manual of modern Scots. Cambridge, 1921. P. 421 – 429.
9. Hickey R. A lost Middle English dialect. Historical Dialectology: Regional and Social in Fisiak (ed.) London, 1988. P. 101 – 120.
10. Kingsmore R. Status, Stigma and Sex in Colerane Ulster Scots Speech. <https://www.libraryireland.com/gregg/ulster-scots-speech.php>
11. Murray J. The dialect of the Southern counties of Scotland: its pronunciation, grammar, and historical relations. Transactions of the Philological Society. London – Berlin, 1873. P. 101 – 118.
12. Patterson W.H. A Glossary of Words and Phrases used in Antrim and Down. London, Trübner & Co., for the English Dialect Society. <http://www.ulsterscotssociety.com/texts/historical-abstracts/1800-899/patternsons-glossary/index.php>
13. Robinson Ph. The Mapping of Ulster Scots. <http://www.ulsterscotssociety.com/research/gregg/mapping-ulster-scots.php>
14. Scottish Gaelic dictionary. www.lexilogos.com/english/gaelic_scottish_dictionary.htm

15. Scottish National Dictionary. <https://dsl.ac.uk/our-publications/scottish-national-dictionary>

16. Smyth A., Montgomery M., Robinson Ph. The Academic Study of Ulster Scots: Essays for and by

Robert J. Gregg. Belfast: W&G Baird Ltd. Belfast, 2006. P. 37 – 52.

17. Warrack A., Grant W. Chambers Scots Dictionary. W&R Chambers. 1986. P. 563 – 578.

18. Wright J. The English Dialect Grammar. Oxford, 1905. P. 237 – 289.

THE ULSTER SCOTS LANGUAGE TRADITION – A BRIEF HISTORICAL OVERVIEW

*Karlina A.N., Postgraduate,
Rostov State University of Economics (RINH)*

Abstract: there has been an increased interest in the Ulster-Scots language not only from the part of various public associations but also from the part of the state because of the political changes taking place in Northern Ireland. Ulster-Scots has been in use in Northern Ireland since the 17th century and has various variants, including colloquial, as well as grammatical structure and literary tradition. However, the study of this idiom remained outside the study of the Plains Scottish dialects until the second half of the 20th century. Particular attention is paid to the history of the study of this regional language. Until the 20th century, linguists who studied the Scottish language and its dialectal groups did not mention the Ulster variant of the Scottish language in their works. The 90s of the 20th century were a turning point in the history of the development of this idiom. The status of the Ulster variant of the Scottish language is fixed in the normative documents of Great Britain and Northern Ireland. Linguistic policy in Northern Ireland is aimed at preventing the threat of extinction of the island dialect. Now there is a growing interest in dialectological and sociolinguistic research on the material of this variant. Research is emerging on the sustainability factors of this idiom.

Keywords: Ulster-Scots language, regional language, dialect, social prestige of the idiom

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ «БЛАГИЕ ЗНАМЕНАНИЯ» Т. ПРАТЧЕТТА И Н. ГЕЙМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

*Козьма М.П., кандидат филологических наук, доцент,
Романова Л.Г., кандидат филологических наук, доцент,
Оренбургский государственный педагогический университет*

Аннотация: целью работы является структурно-аналитическое исследование разнообразных лексико-стилистических приемов, на которых основывается языковая игра в романе «Благие знаменания» Т. Пратчетта и Н. Геймана. В работе показано, что для создания яркого и ассоциативного образа часто используются авторские нововведения, которые, несомненно, оказывают большое влияние на языковую картину прошлого, настоящего и будущего в анализируемом произведении. Информативность лексической единицы рассматривается как один из основных компонентов образования окказионального слова. Особого внимания заслуживает аллюзия, как средство реализации транстекстуальных смыслов в романе, вызывающее ассоциации с предшествующей созданию текста культурой. В романе прослеживается иерархия проступающих друг через друга текстов, что активизирует восприятие и побуждает читателя к активным мыслительным операциям.

Новизна исследования видится в том, что в нем предпринята попытка лексико-стилистического анализа средств создания языковой игры в одном из самых ярких англоязычных произведений XX в. в жанре фэнтези.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью тщательного изучения фэнтезийного произведения с целью раскрытия богатого стилистического потенциала, при котором выявляются целые смысловые пласты, которые неочевидны при поверхностном, неглубоком прочтении.

Ключевые слова: фэнтези, фигуры речи, художественный текст, оценочность, автор

Научная фантастика и фэнтези являются наиболее популярными жанрами фантастической литературы. Отличительной особенностью первого жанра является то, что автор пытается предугадать научно-технический прогресс и даже подать интересную мысль ученым, в то время как во втором жанре писатель создает собственный мир со своими законами, правилами, героями, языками и пр., делая тем самым акцент на чем-то оригинальном, непривычном, непостижимом и противоречащим научным данным. Об актуальности данного исследования свидетельствует популярность жанра «фэнтези» как в России, так и за рубежом.

Существовая более полувека, «фэнтези», как феномен мировой литературы, подвергается достаточно пристальному изучению. Более того, в отношении фэнтези не решён ряд основных теоретических вопросов [3, с. 1]. Принято, что основателем или «отцом» современной фэнтези-литературы, в том проявлении, к которому привыкли читатели, является Джон Рональд Роуэл Толкиен, знаменитый на весь мир писатель, лингвист, переводчик, поэт, профессор ряда британских университетов. Элементы его произведений прослеживаются и в современных произведениях этого жанра. Так, эссе «О волшебной сказке» часто используется как пособие по созданию мира фэнтези.

Современное фэнтези нередко делят на детское / подростковое (Нил Гейман, Скотт Вестерфельд, Джоан Роулинг) и взрослое. Одним из представителей «взрослого» фэнтези является сэр Теренс Дэвид Джон Пратчетт (Терри Пратчетт). В 2003

году пятнадцать произведений этого автора вошли в список лучших книг по версии ВВС. Все книги отличаются не только тонким умением использовать аллюгии и аллюзии в целях создания чудесного мира пародии, иронии, юмора и сатиры, но и лексико-стилистическими особенностями, необычной лингвистической организацией, языковой игрой, словотворчеством, детальной продуманностью вымышленного мира, что вызывает интерес у читателей разных возрастов. Мир, созданный писателем, аутентичен в силу целой системы тщательно разработанных терминов, топонимов, диалектов и особенностей речи героев, инвективов и авторских высказываний.

Рассмотрение индивидуально-авторских нововведений в жанре фэнтези, как одного из способов модернизации классического, составляет новизну исследования. Материалом для исследования послужили единицы, отобранные методом сплошной выборки из известного произведения Терри Пратчетта “Good Omens” («Благие знаменания»). Книга была написана в соавторстве с Нилом Гейманом, близким другом Терри Пратчетта.

Произведение «Благие знаменания» богато многочисленными авторскими окказионализмами или лексическими новообразованиями авторов. Они связаны как с именами персонажей, так и с названиями реалий, что, собственно говоря, и является отличительной чертой фэнтези.

По мнению Д. Кристалла [5, с. 132], решающим фактором создания окказионализма является решение коммуникативной задачи, которая стоит перед говорящим в момент речи. Окказионализ-

мам, не входящим в языковую систему, оказывается под силу передать то, на что неспособна узуральная лексика, делая при этом минимальной поверхностную сложность высказывания и экономя языковые усилия [2, с. 303].

Одним из наиболее продуктивных способов создания авторских новообразований является аффиксация [4, с. 136]. С помощью аффиксации авторами создаются как симплексы, т.е. простые по структуре языковые единицы, так и многокомпонентные производные.

“... his don'tmindedness was entirely due to the way his wife's question had been phrased” [6, с. 66].

“Don'tmindedness” является авторским новообразованием, созданном с помощью выражения “I don't mind” и суффикса состояния -ness. Подобные сложные образования безусловно придают экспрессивность и оригинальность.

Сложное слово “Don'tmindedness”, определенно экономичнее описательной фразы, которая не позволит передать всю эмоционально-экспрессивную нагрузку в одном элементе.

Терри Пратчетт и Нил Гейман также являются мастерами игры слов, которая основывается на многозначности. Так, слово «underworld» имеет два значения – 1) «подонки общества, дно; преступный мир» и 2) «преисподняя».

“He suspected that Crowley was from the Mafia, or the underworld” [6, с. 235].

Персонаж произведения считает, что человек является членом мафии или выходцем из преступного мира. На самом же деле он – демон из преисподней.

Юмор в произведении “Good Omens” нередко основывается на искажении или переосмыслении фразеологической единицы. Приведем пример, связанный с перьями. Перья вошли во многие распространенные выражения английского языка. Идиома «a feather in one's cap», означает «то, чем вы можете гордиться, и то, что вы можете использовать в будущем, чтобы добиться успеха». Во многих культурах отмечается, что действие, заключающееся в том, чтобы поместить перо на шляпу или на голову, означало быть успешным. Например, повышение зарплаты или получение приза могут являться предметом гордости (feathers in your cap). Однако, в макроконтексте Пратчетта и Геймана речь идет об ангеле, у которого тоже есть перья. Таким образом, устойчивое выражение несколько разрушается, переосмысливается и адаптируется для ангела.

“Right. It'd be a real feather in your wing” [6, с. 58].

Каждый человек знает о существовании добра и зла и постоянно рассуждает об этом. Рассуждение об этих концептах носит комический характер

в анализируемом произведении. Зло не дремлет, хотя Кроули любил поспать – подразумевает контраст серьезного и юмористического отношения к окружающему миру, а также то, что падший ангел по своей сути не был воплощением зла. Слово “evil” подразумевает – pleasures of the world – heavy meal.

Evil in general does not sleep (...). But Crowley liked sleep, it was one of the pleasures of the world. Especially after a heavy meal [6, с. 42].

Литературный жанр «фэнтези» настолько уникален, что способен объединить в себе черты многих других жанров или поджанров. Он может включать эпос, элементы ужасов и готики, мифологию, романтику и волшебство. Мир, созданный Пратчеттом и Гейманом уникален своими личностями, историей, географией, которые были великолепно созданы авторами с помощью разнообразных стилистических средств английского языка.

Одной из наиболее важных стилистических фигур речи является метафора. Метафора является одним из наиболее часто используемых образных средств, которое, скрывая какой-либо образ, выполняет когнитивную и эстетико-художественную функции. Сложная организация структуры художественной метафоры затрудняет декодирование образа может приводить даже к полиинтерпретируемости или неоднозначности ее прочтения читателем. Метафора помогает не только раскрыть авторские мысли, но и, чаще всего, отрицательное отношение автора к описываемым концептам, явлениям или персонажам. Метафора – это ментальный процесс и даже способ познания окружающего мира, это основной механизм, через который писатель осмысливает абстрактные понятия и представляет реципиенту абстрактные рассуждения, поражая читателя, направляя его мысли в нужную для него сторону. Очень умело апеллируя метафорами в анализируемом романе, авторам удается создать волшебную атмосферу, основанную в то же время на реализме.

Концепт «общественный прогресс» в произведении не имеет как непосредственных прямых номинаций, так и номинаций отдельных когнитивных признаков. Характеризуя ум демонов Халстура и Лигура, сохранившийся на уровне XIV века, авторы косвенным образом делают акцент на том, что необходимо мыслить иначе в настоящее время, более широко. Концептуальная метафора «with five billion people in the world you couldn't pick the buggers off one by one anymore; you had to spread your effort” [6, с. 8] подчеркивает дегуманизацию некоторых членов общества и указывает на их негативное влияние на прогресс. Недалекость одного из героев выражена с помощью метафоры

“deep in the leather armchair of his soul...” [6, с. 11], в которой глубина души не более кожаного кресла, на котором он просиживает каждый день.

Как известно, языковые средства выразительности способствуют более образной глубокой и точной передаче содержания произведения. Антитеза является одним из таких средств, позволяя автору выразить свое отношение к героям и описываемым в произведении событиям, а читателю, в свою очередь, сфокусировать свое внимание на характерах и отношениях между персонажами. Так, в данных примерах, выразительность усиливается за счет резкого противопоставления *sharing* (*experience*) – *by herself*; *ominously* – *normal*.

“...he had made it abundantly clear that this was one joyous sharing experience Deirdre could have by herself” [6, с. 12].

“The Devil's child looked ominously normal” [6, с. 13].

Антитеза «враг – почти друг» носит ироничный характер: “Aziraphale... an enemy for six thousand years now, which made him a sort of friend” [6, с. 46].

«Благие знамения» относятся к жанру пародийного или юмористического фэнтези, что является художественным принципом авторов и элементом их мировоззрения. Одна из интенций писателей – показать человеческое сознание изнутри. Важным способом демонстрации субъективной оценочности автора является ирония, буквально пронизывающая все произведение «Благие знамения». Ирония построена на оппозиции первичного и контекстуального значений [1, с. 146] и раскрывает недовольство писателей окружающим миром. Иронический смысл реализуется в процессе приобретения лексическими единицами дополнительных коннотативных и ассоциативных значений.

Human beings mostly aren't (*evil* – *примечание автора*). They just get carried away by new ideas, like dressing up in jackboots and shooting people, or dressing up in white sheets and lynching people [6, с.45].

Здесь ирония строится на контрасте *aren't evil* – *get carried away by new ideas*; *shooting*; *lynching*, где расстрел и линчевание есть не что иное как увлечение новыми идеями, а не зло. В связи с этим большинство трагедий на земле произошло потому, что их виновники по натуре были людьми, и уже неважно хорошими или плохими.

Еще один пример “... he (*Crowley* – *примечание автора*) rather liked people. It was a major failing in a demon” [6, с. 12] показывает, с одной стороны, ироничное отношение автора к демону Кроули, ведь «liked people» и «failing in a demon» противоречат всему тому, что имеет отношение и ассоци-

ируется со злом. С другой стороны, в произведении представлено философское рассуждение авторов по поводу еще большего зла, причиняемого людьми друг другу и приводится в пример испанская инквизиция, за которую наградили демона, хотя он ничего и не знал о ее существовании. Человеческое «мракобесие» и порочность усугубляются благодаря аллюзии, т.е. намек на знаменитый литературный или же исторический прецедент. В данном случае это отсылка на трагикомедию Уильяма Шекспира 1610 года под названием “The Tempest” («Буря»).

"Hell is empty, and all the devils are here".

Подобные рассуждения, в определенной степени, развенчивают стереотип восприятия произведения Пратчетта и Геймана в ряду легкого, развлекательного чтения, ориентированного на подростковую аудиторию,

Одним из свойств иронии является выражение отрицательной оценочности. Так, в данном примере оценочность не лежит на поверхности текста, а выводится из микроконтекста: “He (Newton Pulsifer – примечание автора) had a burning and totally unrequited passion for things electrical” [6, с. 23]. Благодаря контрасту *burning passion* – *unrequited passion* (*for things electrical*) хобби литературного героя становится несерьезным и даже нелепым.

В прозе Пратчетта и Геймана нередко используется разновидность метафоры, персонификация, т.е. приписывание человеческих характеристик материальным предметам или чему-то абстрактному.

Персонификация выполняет одну из главных функций художественного текста – художественно-эстетическую. Особенно часто в романе персонифицируется техника, например, приборы или машины, или что-то абстрактное, например, будущее.

“It (machine – *примечание автора*) had chewed it up and choked fatally on it” [6, с. 17].

В данном примере идет речь о машине, которая подавилась насмерть карточкой.

В примере “The future had its own ideas on this” [6, с. 17] персонифицируется будущее.

Наряду с метафорой, одной из наиболее часто используемых в анализируемом романе единиц языка является метонимия, состоящая в окказиональном переносе имени с одного класса объектов на другой. Метонимия несет определенную стилистическую и эстетическую информацию. В данном примере абстрактное слово «худоба» заменяется на материальное «скелет», демонстрируя что для нашего человеческого восприятия определенные физические объекты существеннее абстрактных или тех, которые не воспринимаются нами непосредственно.

“She was interrupted by a skeleton. A skeleton in a Dior dress, with tanned skin” [6, с. 27].

Более того, антитеза a skeleton – a Dior dress/tanned skin передает иронию авторов.

Таким образом, все перечисленные стилистические приемы позволяют сделать следующие выводы. Лексические новообразования, как результат авторского словотворчества, вводятся авторами как лингвокультурологический компонент, являются одной из главных частей создаваемого воображаемого мира для обозначения реалий описываемых миров и отличаются простотой образования. Авторские лексические окказионализмы передают оценочность и экспрессивность. «Языковая система» Пратчетта и Геймана является подвижной и эволюционирующей и всегда включает нечто новое, выражающее смыслы, необходимые для данной ситуации, нарушая строгую симметрию формы и содержания. По жанровой принадлежности роман «Благие знамения» является ироничным в стилистическом отношении. Авторский стиль писателей можно назвать ироничной пародией на окружающую реальность. Ирония, содержащаяся в пародии, комический эффект, который достигается сочетанием стилистических приёмов, позволяет пародии оказывать влияние на совокупность принципов, взглядов и убеждений читателей, а также менять их точку зрения на общепринятые утверждения.

Литература

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: учебник (на английском языке). М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 336 с.

2. Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество: сб. науч. трудов к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. С. 303 – 308.

3. Хоруженко Т.И. Русское фэнтези: на пути к метажанру: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 217 с.

4. Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1990. 415 с.

5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 585 p.

6. Gaiman N., Pratchett T. Good Omens. HarperCollins, 2011. 432 p.

References

1. Gal'perin I.R. Stilistika anglijskogo yazyka: uchebnik (na anglijskom yazyke). M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2012. 336 s.

2. Revzina O.G. Poetika okkazional'nogo slova. YAzyk kak tvorcestvo: sb. nauch. trudov k 70-letiyu V.P. Grigor'eva. M., 1996. S. 303 – 308.

3. Horuzhenko T.I. Russkoe fentezi: na puti k met-azhanru: dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2015. 217 s.

4. SHanskij N.M. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. L.: Prosveshchenie, 1990. 415 s.

5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 585 p.

6. Gaiman N., Pratchett T. Good Omens. HarperCollins, 2011. 432 p.

STYLISTIC POTENTIAL OF LANGUAGE UNITS IN THE NOVEL "GOOD OMENS" BY T. PRATCHETT AND N. GAIMAN (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

*Kozma M.P., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Romanova L.G., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Orenburg State Pedagogical University*

Abstract: the aim of the work is a structural and analytical study of various lexical and stylistic techniques on which the language game in the novel "Good Omens" by T. Pratchett and N. Gaiman is based. It is shown that to create a vivid and associative image, author's innovations are often used, which undoubtedly have a great influence on the linguistic picture of the past, present and future in the analyzed work. The informativeness of a lexical unit is considered as one of the main components of the formation of an occasional word. Allusion deserves special attention as a means of realizing transtextual meanings in the novel, which evokes associations with the culture preceding the creation of the text. The novel traces the hierarchy of texts appearing through each other, which activates perception and encourages the reader to active mental operations.

The novelty of the study is seen in the fact that it attempts a lexical and stylistic analysis of the means of creating a language game in one of the most striking English-language works of the twentieth century in the fantasy genre.

The relevance of the research is due to the need for a thorough study of a fantasy work in order to reveal a rich stylistic potential, in which whole semantic layers are revealed that are not obvious with a superficial, shallow reading.

Keywords: fantasy, figures of speech, text, evaluation, author

ДУАЛИЗМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОЕННОГО СОЦИУМА США В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА MILITARY-CIVILIAN GAP

*Романов А.С., доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД РФ,
Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации,
Бойко Б.Л., доктор филологических наук, профессор,
Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации*

Аннотация: статья посвящена анализу субкультурных ценностей американских военнослужащих в контексте социально-психологического феномена military-civilian gap. Объектом научного исследования избрана риторика офицера военного социума США, противопоставленная ценностям ориентациям господствующей культуры.

Таксономически армейский кластер выступает одной из подсистем гражданского общества. С одной стороны, социальный институт вооруженных сил – продукт порождающей культуры. С другой стороны, военный социум в определенной степени противопоставлен «цивильно-му миру». Двойственность профессионального сознания военнослужащего находит выражение в военном подязыке и символической. Социальный антагонизм объясняется различными ракурсами мировосприятия и ценностями. В основе общества потребления лежат индивидуализм, свобода личности, рыночная логика отношений. В отличие от гражданского общества, военный социум консервативен и авторитарен. Идеи стоицизма, жертвенности служения и коллективизма выступают столпами профессионального образа мира.

Институт вооруженных сил, военный социум – ответ общества на потребность в обеспечении безопасности. Однако самобытность военного социума отнюдь не ограничивается одним лишь функциональным назначением. Военному социуму присущи особые ценности, культурное наследие (история, обычаи, традиции, ритуалы), профессиональный подязык военного дела. Армейский кластер характеризуется совокупностью субкультурных констант. Под последними понимаются социально значимые стереотипные паттерны мышления и поведения (речевого и неречевого). Основу профессионального образа мира военнослужащего составляют аксиологические доминанты.

Аксиологические доминанты обнаруживают себя в официальной символической соединений и частей. Фундаментальные ценности профессии реализованы в декларативно-риторических феноменах офицера и обиходно-разговорных единицах неформальной коммуникации военнослужащих.

Ключевые слова: вооруженные силы США, военный социум, дуализм профессионального сознания американских военнослужащих, армейская субкультура, субкультурные ценности

Американское общество представляет собой пеструю палитру характерных укладов жизни, которые могут быть уподоблены современным племенам. По оценкам экспертов, таких «племен» насчитывается порядка 62. Американский военный историк, автор монографии *The American Culture of War. The History of U.S. Military Force from World War II to Operation Enduring Freedom* А.Р. Льюис указывает на то, что социальная раздробленность в США проявляется все отчетливее [7, с. 5-8]. Военный социум с его богатым культурно-историческим наследием в полной мере может быть отнесен к названной категории. Как и всякой устойчивой социальной общности, полагают А.Б. Адлер и У.Дж. Сноуден, военным присущи особые ценностные ориентации, нормы, обычаи, традиции и ритуалы, профессиональный подязык [4, с. 44]. С одной стороны, армейский кластер общества есть продукт порождающей культуры гражданского общества. Первичная социализация будущего защитника происходит в колыбели гражданского общества. С другой стороны, военный

социум в определенной степени противопоставлен гражданскому [1, 2].

В американской лингвокультуре феномен антагонизма между порождающей гражданской культурой и ее военным кластером известен как "military-civilian gap" (см., например, работы Ricks, 1997; Rahbek-Clemmensen et al., 2012; Knopf, 2015; Meyer, Wynn, 2018; Lewis, 2018 и др.). М.Т. Оуэнс приходит к выводу о том, что возрастающая политизация армии, сопротивление военных гражданскому надзору, усиление политико-социального влияния офицерского корпуса влекут за собой еще большее отчуждение военных от гражданского руководства [8].

В социальном отношении военная субкультурная среда относительно герметична. Военный социум, таксономически отнесенный к одной из подсистем господствующей культуры, обнаруживает совокупность фундаментальных характеристик, или субкультурных констант. Последние, в свою очередь, тесно переплетены с базовыми ценностными ориентациями, или аксиологическими доминантами воинской профессии. Субкультур-

ные константы военного социума – необходимые, устойчивые паттерны мышления и поведения (речевого и неречевого). Одна из основных причин «социальной пропасти» между военными и цивилистами, полагает С. Хантингтон, усматривается в конфликте либерального миропонимания и ментальности военного человека. Либерализм гражданского общества зиждется на индивидуализме, свободе личности, рыночной логике отношений. Армия с ее консервативной идеологией, духом коллективизма, жесткой вертикалью единоначалия и относительной стабильностью ценностных ориентаций статична [6]. Специфика военной службы находит выражение в субкультурных константах и профессиональном этосе. Наиболее ярко аксиологические доминанты обнаруживают себя в номинативных единицах бюрократического регистра военного подъязыка. Показательны в этом отношении официально декларируемые ценностные ориентиры воинских формирований, девизы видов вооруженных сил, родов войск и служб. Обратимся к иллюстративному материалу. “This We’ll Defend” – «На страже свободы США» (Сухопутные войска), “Semper Fortis” (“Always Strong”) – «Всегда сильны» (Военно-морские силы), “Semper Fidelis” / “Semper Fi” (“Always Faithful”) – «Всегда верны» (Морская пехота), “Aim High... Fly-Fight-Win” – «Ставить перед собой высокие цели... Летать, сражаться, побеждать» (Военно-воздушные силы), “Semper Paratus” (“Always Ready”) – «Всегда готовы» (Береговая охрана), “Semper Supra” (“Always Above”) – «Всегда на высоте» (Космические силы).

Дуализм профессионального сознания выражен в том, что военнослужащий принадлежит одновременно двум «мирам», живущим по различным «правилам игры». Не случайно в профессиональном военном жаргоне жизнь гражданского человека имеет особые наименования: Fort Living Room, the Real World, 1st Civilian Division и др. Гражданское общество и армия, полагает Г. Харпер, – антагонисты естественные. Гражданской культуре американского социума присущи атомизация / индивидуализм, стремление к материальному благополучию и комфорту, свобода выбора и равенство возможностей, прагматичность. Названные характеристики вступают в противоречие с ключевыми ценностными ориентациями института вооруженных сил – духом товарищества, стоицизмом, дисциплинированностью, готовностью к самопожертвованию [5, с. 231-248]. В армейской среде проявления эгоизма в лучшем случае осуждаются, в худшем – наказываются. Ср., например, устойчивые изречения профжаргона американских военно-служащих *an only apple in the orchard / an only oyster in the stew / an only pebble on the beach* –

‘эгоистичный человек’, *fuck you Jack, I’m ok* – ‘проявлять безразличие к проблемам товарища, поступать эгоистично’, *Semper I* (эллиптическая аллюзия к официальному девизу Корпуса морской пехоты США) – ‘предавать интересы коллектива’ (в более узком смысле – поступиться ценностями Корпуса морской пехоты) и др. Приводимым номинативным единицам противопоставлены аксиологически маркированные идиомы *two is one and one is none* – ‘один в поле не воин’, *shoulder to shoulder* – ‘плечом к плечу’, *as one man / all to the last man* – ‘один за всех, и все за одного’ [3, с. 36-37]. Если армия олицетворяет дух товарищества (*feeling of common touch / esprit de corps*), то гражданское общество, «живущее по законам джунглей», олицетворяет эгоцентризм и праздность безудержного потребительства.

Этническое сознание и культура поведения в значительной мере обусловлены социальными стереотипами. Под последними мы понимаем некие стандарты одобряемого в обществе поведения, устоявшиеся практики взаимодействия, общепринятые суждения и оценки о себе (автостереотипы) или о других (гетеростереотипы). «Застывшие оттиски» массового сознания детерминированы культурой, эмоционально окрашены, живучи. Именно по этой причине человеческое сознание подчинено императиву стереотипа. Мышление, речевое/неречевое поведение, эмоциональные состояния реализуются в типичных паттернах. Представитель определенной социальной группы (гендерной, возрастной, профессиональной) думает и действует сообразно стандартному набору стереотипов. В условиях армейской среды стереотипность стимульных реакций не только желательна, но и необходима.

Подведем итоги. Социальный институт вооруженного организованного насилия – культурный ответ общества на потребность в обеспечении безопасности. Военный социум и его субкультура в единстве материальных и духовных ценностей самобытны. Одной из основных причин социальной пропасти (*military-civilian gap*) между армейской частью общества и господствующей культурой выступает особый менталитет военного человека. Дуализм профессионального сознания военнослужащего отражен в номинативных единицах военного подъязыка. Социальные ценности военного мира находят выражение в официальной символике соединений и частей, реализованы в декларативно-риторических феноменах официоза и обиходно-разговорных единицах неформального общения военнослужащих. Разработка означенной проблематики способствует развитию опыта межкультурных и межъязыковых контактов, расширению профессионального кругозора военнослужа-

щих и военных переводчиков, в полной мере отвечает интересам подготовки специалистов в области информационно-психологического противоборства и регионоведения.

Литература

1. Бойко Б.Л. Социально-групповая диалектология: монография. М.: Воен. ун-т, 2018. 232 с.
2. Бойко Б.Л. Основы теории социально-групповых диалектов: монография. М.: Военный университет, 2008. 184 с.
3. Романов А.С., Лупанова Е.В. Дихотомические диалекты фразеологических единиц как средство выражения ключевых ценностей армейской субкультуры // Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 1 (21) 2020 / Гл. ред. В.А. Иовенко. М.: МГИМО-Университет, 2020. С. 34 – 40.
4. Adler A.B., Sowden W.J. Resilience in the Military: The Double-Edged Sword of Military Culture // Military and Veteran Mental Health. A Comprehensive Guide / ed. by L.W. Roberts and C.H. Warner. New York: Springer Science+Business Media, 2018. 471 p.
5. Harper H. The Military and Society: Reaching and Reflecting Audiences in Fiction and Film // Armed Forces and Society. 2001. Vol. 27. № 2. P. 231 – 248.
6. Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1957. 560 p.
7. Lewis A.R. The American Culture of War. The History of U.S. Military Force from World War II to Operation Enduring Freedom. 3rd edition. New York: Routledge, 2018. 564 p.
8. Owens M.T. U.S. Civil-Military Relations After 9/11: Renegotiating the Civil-Military Bargain // Foreign Policy Research Institute E-Notes, 2011. URL: <http://www.fpri.org/enotes/201101.owens.civilmilitaryrelations.html> (дата обращения: 08.08.2021)

<http://www.fpri.org/enotes/201101.owens.civilmilitaryrelations.html> (дата обращения: 08.08.2021)

References

1. Bojko B.L. Social'no-grupповaya dialektologiya: monografiya. M.: Voen. un-t, 2018. 232 s.
2. Bojko B.L. Osnovy teorii social'no-grupповykh dialektov: monografiya. M.: Voennyj universitet, 2008. 184 s.
3. Romanov A.S., Lupanova E.V. Dihotomicheskie diady frazeo-logicheskikh edinic kak sredstvo vyrazheniya klyuchevykh cennostej armejskoj subkul'tury. Filologicheskie nauki v MGIMO: ZHurnal. № 1 (21) 2020. Gl. red. V.A. Iovenko. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 34 – 40.
4. Adler A.B., Sowden W.J. Resilience in the Military: The Double-Edged Sword of Military Culture. Military and Veteran Mental Health. A Comprehensive Guide. ed. by L.W. Roberts and C.H. Warner. New York: Springer Science+Business Media, 2018. 471 p.
5. Harper H. The Military and Society: Reaching and Reflecting Audiences in Fiction and Film. Armed Forces and Society. 2001. Vol. 27. № 2. P. 231 – 248.
6. Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1957. 560 p.
7. Lewis A.R. The American Culture of War. The History of U.S. Military Force from World War II to Operation Enduring Freedom. 3rd edition. New York: Routledge, 2018. 564 p.
8. Owens M.T. U.S. Civil-Military Relations After 9/11: Renegotiating the Civil-Military Bargain. Foreign Policy Research Institute E-Notes, 2011. URL: <http://www.fpri.org/enotes/201101.owens.civilmilitaryrelations.html> (data obrashcheniya: 08.08.2021)

**DUALITY OF THE U.S. MILITARY PROFESSIONAL
CONSCIOUSNESS WITHIN THE MILITARY-CIVILIAN GAP**

**Romanov A.S., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation,
Boyko B.L., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation**

Abstract: this article focuses on the U.S. military subcultural values within the context of the military-civilian gap social and psychological phenomenon. The object of scientific research is the rhetoric of the U.S. military sublanguage official register as opposed to axiological orientations of the dominant civilian culture.

Taxonomically, the military cluster is one of civil society's subsystems. On the one hand, the armed forces institution is a product of the parent culture. On the other hand, military society is, to a certain extent, opposed to the "civilian world". The duality of the soldier's professional consciousness is manifested in the military lingo and symbols. The social antagonism is explained by different worldviews and values. The consumer society is based on individualism, personal freedom, and the market logic of relations. Unlike civil society, military one is conservative and authoritarian. Ideas of stoicism, sacrificial service and collectivism are the pillars of the professional worldview.

The armed forces institution is society's response to the need for security. However, the military cluster identity is by no means limited to its functional purpose. Military society has specific values, cultural heritage (history, customs, traditions, rituals), and the professional sublanguage. The army cluster is characterized by a set of subcultural constants. The latter are understood as socially significant stereotypical patterns of thinking and behavior (verbal and non-verbal). Axiological dominants form the basis of a service member's professional image of the world.

Axiological dominants manifest themselves in the official symbology of formations and units. Professional fundamental values are implemented in the declarative-rhetorical phenomena of the official register and colloquial units of informal communication.

Keywords: U.S. Armed Forces, military society, U.S. service member's duality of professional consciousness, military subculture, subcultural values

СИТУАЦИЯ С КРЕОЛЬСКИМ ЯЗЫКОМ В НИГЕРИИ

*Олурин К.Э., аспирант,
Тюменский государственный университет*

Аннотация: цель статьи – сосредоточиться на изучении ситуации с креольским языком в Нигерии. В Нигерии английский язык сосуществует со своей упрощенной версией, нигерийским пиджином. Оба являются языками межнационального общения [1], но, несмотря на успех нигерийского английского в некоторых странах, он официально не признан среди более чем сотен других нигерийских языков, на которых говорят в Нигерии. Эти два языка долгое время существовали вместе в Нигерии и традиционно служили разным целям. В процессе достижения этой цели в нем анализируется отношение 52 нигерийцев из разных частей страны к использованию креольского языка в различных целях, а также в качестве средства общения на различных собраниях. Результаты показали, что люди редко использовали креольский язык как в частных, так и в общественных местах. Но многие нигерийцы предпочитают использовать креольский язык в общественных собраниях. Объектив автора – проанализировать эволюцию, важность, проблемы и планы развития креольского языка в Нигерии. В ходе исследования был сделан вывод, что нигерийский креольский язык, в отличие от английского, не усваивается в рамках формального образования и не имеет стандартизированной орфографии. Но сейчас он все чаще используется среди образованных людей, например, в высших учебных заведениях. Кроме того, в некоторых группах меньшинств Нигерии он был креолизирован до первого языка. Исследование показало, что, несмотря на свою важность, креольский язык не может быть официально подтвержден или стабилизирован правительством из-за того, как он развивался в Нигерии, и правительство следит за тем, чтобы между его гражданами и внешним миром не было разрыва.

Ключевые слова: креольский язык, креолизация в Нигерии, нигерийский пиджин, креольские проблемы, планы развития, креольские фразы

Введение

Цель данной статьи – проанализировать ситуацию с креольским языком в Нигерии. Креольский язык – это язык, который развивается в результате смешения двух или более языков для образования нового. В Нигерии его формирование порождает язык пиджин. Большинство носителей креольского языка управляют несколькими уровнями и могут перемещаться вверх и вниз. На самом высоком уровне креольские языки могут сливаться со стандартным разнообразием языка, на котором они были основаны.

Многие нигерийцы считают, что это плохая форма английского языка, и им пользуются только неграмотные люди и социально экономически обездоленная группа. Анализ объяснит, почему считается, что этот язык происходит из Нигерии, а другой язык, такой как пиджин, используется детьми в качестве родного и основного языка, несмотря на то, что взрослые считают его вторым языком.

По словам лингвиста Бикертонна [2], он заявил, что креольский язык имеет некоторое грамматическое сходство друг с другом, чем его производные языки. Однако он заявил, что не существует общепринятой теории, подтверждающей сходство, и в языке нет грамматических особенностей.

Нигерийский креольский язык, известный как найя, является одновременно пиджином и креольским языком, на которых говорят как на французском языке по всей Нигерии.

Методология

Цель исследования состояла в том, чтобы

проверить процесс изучения креольского и пиджинского языков в Нигерии с помощью вопросника. Цель состоит в том, чтобы получить мнение нигерийцев в разных возрастных группах относительно использования креольского языка (пиджин) [3].

Для достижения этой цели были поставлены определенные вопросы для исследования.

(1) Как нигерийцы реагируют на использование креольского языка в различных местах?

(2) С какими проблемами сталкивается креольский язык в Нигерии?

(3) Как можно развить креольский язык в Нигерии?

Анкета была разделена на три части. Часть I состоит из личной информации; Часть II состоит из 3 вопросов, требующих мнения пользователей об использовании креольского языка в различных местах; и часть III состоит из 8 заявлений, оценивающих отношение пользователей к креольскому языку.

Сбор данных

Ссылка на анкету была отправлена через различные платформы социальных сетей различным нигерийским студентам и преподавателям по всему миру, и ответы были получены таким же образом.

Цель опроса была доведена до сведения участников и им было рекомендовано ответить в соответствии с их истинным мнением. Участники согласились использовать свои ответы для исследования.

Таблица 1

Анализ данных
Отношение к креольскому языку в вопросах
образования Анализ по полу

Пол	Всего	% общего
Женщины	33	63%
Мужчины	19	37%

Анализ по возрасту

Возраст	Всего	% общего
До 30	36	69%
30 – 50	16	31%

Анализ по роду занятий

Род занятий	Всего	% общего
Студент	47	90%
Учитель	5	10%

Анализ по родному языку

Родной язык	Всего	% общего
Эдо	1	2%
Проценты	1	2%
Английский	3	6%
Хауса	2	4%
Игбо	10	19%
Язык Иджо	1	2%
Ика	1	2%
Тив	1	2%
Йоруба	32	61%

Всего было собрано 52 анкеты от 52 нигерийцев по всему миру. Респонденты говорили на 9 различных родных языках, а именно на эдо, эгба, английском, хауса, игбо, иджо, ика, тив и

йоруба. Их специализация охватывала различные области [14]. Соотношение полов составляло 63% женщин и 37% мужчин.

Таблица 2

Частота использования нигерийского креольского языка

Как часто вы используете креольский	Очень часто	Часто	Редко	Никогда
Частное собрание	5 (10%)	17 (33%)	23 (45%)	6 (12%)
Публичное собрание	6 (13%)	15 (31%)	18 (37%)	9 (19%)
Общественное собрание	18 (37%)	12 (24%)	15 (31%)	4 (8%)

Результаты

Как показано выше, эти данные отражают частоту использования нигерийского креольского языка в разных местах и мнение участников о нигерийском креольском языке.

Это отражает то, что нигерийский креольский язык в форме пиджина в основном используется в общественных местах или социальных местах, таких как школы и религиозные центры. Это указывает на то, что люди редко использовали креольский язык в частных собраниях, таких как на работе или дома, и только 10% указали, что очень часто, а 33% использовали его часто. В общем контексте процент респондентов, которые использовали этот язык часто и очень часто,

составляет 43%, что меньше, чем процент людей, которые указывали редко (45%).

Кроме того, с одной стороны, некоторые люди считали, что креольский язык может быть хорошо использован в общественных местах, таких как рынок, церковь или мечеть, в то время как с другой стороны, некоторые не соглашались. Респонденты указали, что 31% используют язык часто и 13% используют язык очень часто, что составило 44% респондентов, использующих язык как часто, так и очень часто. Однако 38% респондентов указали, что они редко используют этот язык, а 19% – никогда.

Из приведенной выше табл. 2 ясно видно, что большинство респондентов больше использовали креольский язык в общественных собраниях,

таких как школы и рестораны, а также в беседах с друзьями.

37% респондентов указали, что очень часто, а 24% часто использовали этот язык. Это указывает

на то, что креольский язык предпочтительно используется на собраниях, где преобладает неформальное общение.

Таблица 3

**Отношение к креольскому языку (пиджин) [SA] Категорически
Согласен, [A] Согласен, [D] Не Согласен, [SD] Категорически Не согласен**

Как часто вы используете креольский	[SA]	[A]	[D]	[SD]
Чем чаще вы говорите на креольском языке, тем хуже становится ваш английский	15 (28%)	13 (25%)	18 (35%)	6 (12%)
Родители должны поощрять своих детей говорить на креольском языке	6 (12%)	10 (19%)	26 (50%)	10 (19%)
Креольский язык трудно выучить	5 (10%)	12 (23%)	26 (50%)	9 (17%)
Креольский язык – это нигерийский язык	17 (33%)	22 (43%)	6 (12%)	6 (12%)
Правительство должно официально признать креольский язык	11 (22%)	11 (22%)	21 (42%)	7 (14%)
Креольский язык должен преподаваться как предмет в школах	8 (16%)	3 (6%)	31 (60%)	9 (18%)
На креольском языке нельзя говорить в кампусе	7 (14%)	12 (24%)	19 (37%)	13 (25%)
Креольский язык следует оставить для нелитературных и полуграмотных нигерийцев	11 (21%)	10 (19%)	17 (33%)	14 (27%)

На Нигерийском креольском языке говорят люди из местности, не имеющей никакого влияния на другой нигерийский язык согласно [4]. Поэтому большинство людей не согласилось с тем, что разговор на креольском языке ухудшит их английский. Например, 28% респондентов полностью согласились, а 25% согласились. Это означает, что 43% респондентов согласились с тем, что язык ухудшит их английский, в то время как 47% не согласились.

Многие из участников не согласны с тем, что дети должны говорить на креольском языке по той или иной причине. 50% не согласились и 19% категорически не согласились. Это говорит о том, что 69% опрошенных никогда не поддерживали эту идею [19].

Хотя большинство респондентов не согласилось с тем, что язык не должен побуждаться детьми к разговору, тем не менее они согласились с тем, что его нетрудно выучить.

50% опрошенных не согласились, а 10% твердо согласились с тем, что учиться трудно.

Этот результат показывает, что нигерийский креольский язык – это разговорный язык, на котором людям требуется меньше усилий, чтобы выучить и говорить, поскольку он не имеет стандартной системы письма.

Основываясь на согласии респондентов с тем, что креольский язык не является трудным для изучения, многие из них также согласились с тем, что креольский язык является нигерийским языком. 43% согласились и 33% решительно

согласились. Только 24% не согласились с тем, что это не нигерийский язык.

Кроме того, респонденты не согласны с тем, что правительство должно официально признать креольский язык. С этим согласились только 44% опрошенных.

Результат показывает, что большинство опрошенных считают, что если язык получит официальное признание, то это может иметь негативные последствия.

Кроме того, существует общий вывод респондентов о том, что, несмотря на то, что креольский язык используется в общественных собраниях, а также в школьной среде, 79% не согласны с тем, что язык должен преподаваться в школе как предмет.

Многие считали, что если креольский язык будет развиваться в школах, то это может повлиять на местные языки Нигерии и английский язык.

Однако, несмотря на то, что большинство респондентов не согласилось с тем, что язык не должен преподаваться в качестве предмета в школах, они все же не согласились с тем, что люди не должны говорить на этом языке в кампусе. Из таблицы только 38% согласились с тем, что на этом языке не следует говорить в кампусе.

Даже на том основании, что 40% респондентов согласились с этим, вполне вероятно, что креольский язык не будет считаться стандартным языком в Нигерии в течение длительного времени, однако участники не согласились с тем, что на

этом языке должны говорить только не буквальными нигерийцами.

Обсуждение

Креолизация в Нигерии

Большинство африканских стран имеют разные официальные языки; Нигерия, Южная Африка, Гана и другие официально общаются на английском языке. С другой стороны, Камерун, Кот-д'Ивуар, Того, Сенегал официально общаются на французском языке. Таким образом, благодаря колониальному опыту эти страны сделали вышеупомянутые языки официальным языком [8].

Любопытный вопрос заключается в том, не было ли средств коммуникации до прихода так называемого самозванца иностранного языка? Очевидно, у них были средства общения; официальный язык был просто для облегчения общения между иностранными администраторами и народом в целом, который до сих пор становится официальным языком. Разговорный язык всегда существовал до письменного, и это еще одно свидетельство, особенно в Африке, где образование было введено владельцами официальных языков, на которых говорили через границу континента.

Нигерия известна как самая большая страна в Западной Африке и самая густонаселенная в Африке в целом. В стране насчитывается более 250 племен с различными языками, насчитывающимися до 530. Тем не менее, хорошо известны среди всех этих языков языки хауса, игбо и йоруба, которые относятся к трем основным племенам [4]. Английский язык используется в качестве средства коммуникации на всех уровнях образования в Нигерии, несмотря на все национальные языки, на которых говорят в стране. Свободное владение английским языком рассматривается как необходимость. Поэтому для того, чтобы любой человек мог общаться на английском языке, он должен пройти через четыре стены классной комнаты, чтобы иметь возможность адекватно читать и писать [5].

Установлено, что большее место может быть отведено креольскому языку [9]. Например, на островах Зеленого Мыса они приняли криолу в качестве своего национального языка. Кроме того, было заявлено, что этот язык (крио) был принят в качестве официального языка [11]. Этот язык теперь используется в раннем образовании и газетных статьях. Основываясь на этой информации, Министерство образования Ямайки признало креольский язык, известный как патуа, в начальных школах [12]. Следовательно, это развитие может дать будущую надежду на то, что язык будет рассматриваться в классе.

Вкратце, с лингвистической точки зрения креольские языки являются самостоятельными языками с грамматической структурой, сходной с африканскими языками, и лексика которых в подавляющем большинстве имеет европейское происхождение. Это не только потому, что, согласно приведенным креольским словам, сохранилось несколько африканских слов. Однако статус креольских языков уступает другим языкам из-за их смешанного происхождения. Тем не менее, французский, английский, португальский и т.д. Также являются результатом древних смесей. Французский – романский язык, производный от латыни, смесь галльского и, прежде всего, французского влияния; Английский язык является результатом смешения древнегерманского, латинского, нормандского и французского языков.

Нигерия как страна не исключена, несмотря на различное количество языков и племен, как указано выше, поскольку креольский язык распространен по всей стране.

Описанные выше особенности креольского языка оправданы, если люди перестанут считать, что все креолы одинаковы. Большинство креольских языков имеют различную историю и продолжительность контактов между языками-источниками [6].

Поэтому важно рассмотреть исходный контакт креольского языка, прежде чем делать вывод о наилучшем подходе к развитию языка в конкретной стране.

Проблемы креольского языка в Нигерии

Несмотря на то, что нигерийский креольский язык в основном используется в частных собраниях, как показали участники, все же у креольского языка есть некоторые проблемы [7].

Во-первых, большинство нигерийцев считают, что язык может оказать негативное влияние на использование владения английским языком [16]. Некоторые люди думают, что использование креольского языка может повлиять на их разговорный английский и повлиять на процесс обучения. В начальной школе большинство учеников заметили неправильное использование английской структуры во время разговора. Например, говоря, что я не понимаю этого, а не я не понимаю этого, и я не знаю, а не Я не знаю.

Итак, один ученый предложил рассмотреть процесс преподавания и обучения, чтобы подчеркнуть разницу между креольским и английским языками [17].

Другой фактор, с которым креольский язык сталкивается в Нигерии, – это общий способ написания и написания языка. Звук и структура слова отличаются от того, как устроены и написаны обычные английские структуры. Этот

процесс очень затрудняет признание языка, поскольку он может повлиять на тех, кто изучает английский язык и все еще использует креольский язык в качестве средства коммуникации. Креольский язык не имеет общей системы письма, которая связана с другими местными языками Нигерии.

Кроме того, учитывая его существование в качестве контактного языка, креольский язык не имеет никакой экономической ценности. Трудно использовать этот язык для деловых операций между Нигерией и другими странами по всему миру, поскольку этот язык не признается официальным языком в стране. Правительство воспринимало этот язык как язык с меньшей ценностью, который используется в основном людьми, мало или совсем не понимающими английский язык.

Планы развития креольского языка в Нигерии

Для того чтобы креольский язык был признан и признан в Нигерии, необходимо принять некоторые меры. Во-первых, язык может быть признан в стране [10].

Кроме того, язык можно поощрять в нашем учебном заведении. Креольский язык может использоваться как средство общения в дошкольных учреждениях и наряду с английским языком. Его структура, система письма и орфография могут быть приоритетными в школах [13].

Более того, медиа-дома могут создать большую осведомленность, делая некоторые из своих постановок на родственном креольском языке. Это позволит большему количеству нигерийцев быть знакомыми с этим языком, так как они будут регулярно слушать и смотреть некоторые программы на креольском языке [15].

Кроме того, некоторые публикации могут быть сделаны на креольском языке в форме пиджина, чтобы побудить граждан отменить свое негативное отношение к этому языку [21].

Креольский (пиджин) Фразы в Нигерии

(1) Ветин дей? (Что происходит?)

Это способ спросить кого-то о конкретной ситуации. Он используется, когда человек хочет знать о результате чего-то. Его можно использовать при разговоре о бизнесе или во время общей дискуссии. Ожидается, что человек, которому задают такой вопрос, подробно расскажет об этом вопросе.

(2) Я хочу отбивную (я голоден)

Это простая фраза, чтобы выразить, что кто-то голоден и ему нужно поесть. Это распространенное слово в Нигерии, так как все его часто используют.

(3) Лас-Лас (Наконец-то)

Эта фраза используется, когда кто-то завершает действие. Это означает “в конце концов”. Это неофициальное слово, распространенное среди молодежи. Фразу можно использовать таким образом: “Лас-лас, с тобой все будет в порядке”. Это утверждение означает, что, в конце концов, человек будет в порядке в той ситуации, в которой он/она оказался.

(4) Как далеко (Как все обстоит?)

Эта фраза является общей для многих нигерийцев. Это не вопрос о расстоянии, пройденном во время путешествия, вместо этого, это вопрос о своем благополучии. Это популярное слово среди большинства нигерийцев, потому что оно рассматривается как средство инициирования разговора.

(5) Двигайтесь медленно (пробка на дороге)

Это распространенная фраза, используемая многими нигерийцами во время вождения. Он используется для описания уровня дорожного движения на дорогах Нигерии. Это то, что волнует всех, потому что это дает представление о том, как планировать свое путешествие для различных функций, таких как встреча, вечеринка, работа и так далее.

Заключение

Креольский язык – это нигерийский язык, и его нетрудно выучить на основе исследовательского опроса. Но многие из опрошенных не согласились с тем, что язык должен преподаваться как предмет в школах.

Согласно [20] она заявила, что нигерийский креольский язык не изображает язык, который обеспечивал стандартный английский. По мнению участников, люди считают, что если креольскому языку будет отдаваться больше предпочтений в стране, то это может повлиять на изучение английского языка в учебных заведениях.

С другой стороны, люди не соглашались с тем, что на креольском языке нельзя говорить в кампусе. Они считают, что язык позволяет свободно вести светскую беседу среди студентов в кампусе.

Поэтому для того, чтобы придать актуальность креольскому языку в Нигерии, люди должны иметь позитивное отношение к использованию этого языка в разных местах. Такое отношение может дать языковому признанию в будущем использование предложенных планов развития [18].

Литература

1. Адегбия Э. Многоязычие: пример Нигерии. Лоренсвилл: Африка Ворлд Пресс, 2004. 275 с.

2. Бикертон Д. Динамика креольской системы. Нью-Йорк: изд-во Кембриджского унив-та, 1975. 224 с.

3. Адегбия Э. Языковые отношения в странах Африки к югу от Сахары. Клеведон: Вопросы многоязычия, 1994. 130 с.

4. Элугбе Б.О., Омамор А.П. Нигерийский пиджин: предпосылки и перспективы. Ибадан: изд-во учебной литературы Хейнемана, 1991. 175 с.

5. Гани-Икилама Т.О. Использование нигерийского пиджина в образовании? Почему нет? / Многоязычие, языки меньшинств и языковая политика в Нигерии; Под ред. Э.Н. Эменанджо. Агбор: изд-во Централ Букс, 1990. С. 219 – 227.

6. Игбоануси Г., Лотар П. Конкуренция языков: борьба за лидерство между главными нигерийскими языками – английским и пиджином. Франкфурт: изд-во П. Ланга, 2005. 182 с.

7. Элугбе Б. Нигерийский пиджин: проблемы и перспективы / Новые английские языки: перспективы в Западной Африке; Под ред. А. Бамгосе, А. Банджо, Э. Томаса. Ибадан: изд-во Мосуро, 1995. С. 284 – 299.

8. Эгбохаре Ф.О. История языка: нигерийский пиджин в пространственно-временном, социальном и лингвистическом контексте / Исследования африканских вариаций английского языка / Под ред. П. Лучко, П. Лотара, Х.-Г. Вольфа. Франкфурт: изд-во П. Ланга, 2003. С. 21 – 40.

9. Симо Бобда А. Задачи языкового планирования в Камеруне / Роль языкового планирования в развитии Африки; Под ред. Кембо-Суре, С. Мванги, Н.О. Огечи. Элдорет: Изд-во Мои унив-та, 2006. С. 71 – 86.

10. Дауст Д. Языковое планирование и языковая реформа // Справочник по социолингвистике / Под ред. Ф. Кульмаса. Оксфорд: изд-во Блэкуэлл, 1997. С. 436 – 452.

11. Сандред К.И. Западноафриканский креольский язык в атлантическом аспекте: происхождение и современное состояние Кριο / Языковой контакт по ту сторону от Северной Атлантики; Под ред. П.С. Урелэнда, И. Кларксона. Тюбинген: изд-во Нимейера, 1996. С. 527 – 542.

12. Томас С. Обзор языковых отношений. Вест-Индийский унив-т, отделение ямайского языка, 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mona.uwi.edu/dllp/jlu/projects-ReportforLanguageAttitudeSurveyofJamaica.pdf> (дата обращения: 5.11.2006)

13. Адегбия Э. Идентичность, существование и продвижение языковых меньшинств в Нигерии // Международный журнал лингвистической социологии. 1997. Т. 125. С. 5 – 27.

14. Манн Ч.К. Место англо-нигерийского пиджина в образовании в Нигерии: обзор стратегии, практики и отношений / Язык, образование, общество в меняющемся мире; Под ред. Т. Хики, Д. Уильямса. Дублин: Вопросы многоязычия, 1996. С. 93 – 106.

15. Джубрил М. Усложнение роли нигерийского пиджина / Новые английские языки: перспективы в Западной Африке; Под ред. А. Бамгосе, А. Банджо, Э. Томаса. Ибадан: изд-во Мосуро, 1995. С. 232 – 247.

16. Мбуфонг П.К. Английский Пиджин в англоязычном образовании // Английский язык сегодня. 2001. Т. 17. № 3. С. 52 – 54.

17. Одлин Т. Передача языка: лингвистическое взаимодействие при обучении языку. Кембридж: изд-во Кембриджского унив-та, 1989.

18. Шнайдер Б. Лингвистические права человека и языки мигрантов.

19. Мартин-Уилкинс А. Эксперимент с патуа: Мек Ве Трай Ди Патва-Девониш тестирует двуязычность ямайцев в начальной школе // Ямайский обозреватель. 2005. С. 1 – 25.

20. Айна Д.О. Исследование воздействия английского пиджина при обучении // Журнал по чтению. 1991. № 35. С. 242 – 243.

21. Игбоануси Х. Расширение прав и возможностей нигерийского пиджина. Вызов проектному статусу? // Всемирный английский. 2008. № 27. С. 68 – 82.

References

1. Adegbiya E. *Mnogoyazychie: primer Nigerii. Lorensvil': Afrika World Press, 2004. 275 s.*

2. Bikerton D. *Dinamika kreol'skoj sistemy. N'yu-York: izd-vo Kembridzhskogo univ-ta, 1975. 224 s.*

3. Adegbiya E. *Yazykovye otnosheniya v stranah Afriki k yugu ot Sahary. Klevedon: Voprosy mnogoyazychiya, 1994. 130 s.*

4. Elugbe B.O., Omamor A.P. *Nigerijskij pidzhin: predposylki i perspektivy. Ibadan: izd-vo uchebnoj literatury Hejnemana, 1991. 175 s.*

5. Gani-Ikilama T.O. *Ispolzovanie nigerijskogo pidzhina v obrazovanii? Pochemu net? Mnogoyazychie, yazyki men'shinstv i yazykovaya politika v Nigerii; Pod red. E.N. Emenandzho. Agbor: izd-vo Central Buks, 1990. S. 219 – 227.*

6. Igboanusi G., Lotar P. *Konkurenciya yazykov: bor'ba za liderstvo mezhdru glavnymi nigerijskimi yazykami – anglijskim i pidzhinom. Frankfurt: izd-vo P. Langa, 2005. 182 c.*

7. Elugbe B. Nigerijskij pidzhin: problemy i perspektivy. *Novye anglijskie yazyki: perspektivy v Zapadnoj Afrike*; Pod red. A. Bamgose, A. Bandzho, E. Tomasa. Ibadan: izd-vo Mosuro, 1995. S. 284 – 299.

8. Egbohare F.O. Istoriya yazyka: nigerijskij pidzhin v prostranstvenno-vremennom, social'nom i lingvisticheskom kontekste. *Issledovaniya afrikanskih variacij anglijskogo yazyka*. Pod red. P. Luchko, P. Lotara, H.-G. Vol'fa. Frankfurt: izd-vo P. Langa, 2003. C. 21 – 40.

9. Simo Bobda A. Zadachi yazykovogo planirovaniya v Kamerune. Rol' yazykovogo planirovaniya v razvitii Afriki; Pod red. Kembo-Sure, S. Mvangi, N.O. Ogechi. Eldoret: Izd-vo Moi univ-ta, 2006. S. 71 – 86.

10. Daust D. YAzykovoe planirovanie i yazykovaya reforma. *Spravochnik po sociolingvistike*. Pod red. F. Kul'masa. Oksford: izd-vo Blekuell, 1997. S. 436 – 452.

11. Sandred K.I. Zapadnoafrikanskij kreol'skij yazyk v atlanticheskom aspekte: proiskhozhdenie i sovremennoe sostoyanie Krio. YAzykovoju kontakt po tu storonu ot Severnoj Atlantiki; Pod red. P.S. Urelenda, I. Klarksona. Tyubingen: izd-vo Nimejera, 1996. S. 527 – 542.

12. Tomas S. Obzor yazykovyh otnoshenij. Vest-Indijskij univ-t, otdelenie yamajskogo yazyka, 2005 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.mona.uwi.edu//dllp/jlu/projects-ReportforLanguageAttitudeSurveyofJamaica.pdf> (data obrashcheniya: 5.11.2006)

13. Adegbiya E. Identichnost', sushchestvovanie i prodvizhenie yazykovyh men'shinstv v Nigerii. *Mezhdunarodnyj zhurnal lingvisticheskoj sociologii*. 1997. T. 125. S. 5 – 27.

14. Mann CH.K. Mesto anglo-nigerijskogo pidzhina v obrazovanii v Nigerii: obzor strategii, praktiki i otnoshenij. YAzyk, obrazovanie, obshchestvo v menyayushchemsya mire; Pod red. T. Hiki, D. Uil'yamsa. Dublin: Voprosy mnogoyazychiya, 1996. S. 93 – 106.

15. Dzhubril M. Uslozhnenie roli nigerijskogo pidzhina. *Novye anglijskie yazyki: perspektivy v Zapadnoj Afrike*; Pod red. A. Bamgose, A. Bandzho, E. Tomasa. Ibadan: izd-vo Mosuro, 1995. S. 232 – 247.

16. Mbufong P.K. Anglijskij Pidzhin v angloyazychnom obrazovanii. Anglijskij yazyk segodnya. 2001. T. 17. № 3. S. 52 – 54.

17. Odlin T. Peredacha yazyka: lingvisticheskoe vzaimodejstvie pri obuchenii yazyku. Kembridzh: izd-vo Kembridzhskogo univ-ta, 1989.

18. SHnajder B. Lingvisticheskie prava cheloveka i yazyki migrantov.

19. Martin-Uilkins A. Eksperiment s patua: Mek Ve Traj Di Patva-Devonish testiruet dvuyazychnost' yamajcev v nachal'noj shkole. YAmajskij obozrevatel'. 2005. S. 1 – 25.

20. Ajna D.O. Issledovanie vozdejstviya anglijskogo pidzhina pri obuchenii. ZHurnal po chteniyu. 1991. № 35. S. 242 – 243.

21. Igboanus H. Rasshirenie prav i vozmozhnostej nigerijskogo pidzhina. Vyzov proektnomu statusu? Vsemirnyj anglijskij. 2008. № 27. S. 68 – 82.

CREOLE LANGUAGE SITUATION IN NIGERIA

*Olurin K.E., Postgraduate,
University of Tyumen*

Abstract: the article goal is focus on the study of creole language situation in Nigeria.

In Nigeria, English co-exists with an English-based pidgin, Nigerian Pidgin. Both languages serve as lingua franca, but despite its success in some countries, it is not officially recognized amidst over hundreds of other Nigerian languages spoken in Nigeria. These two languages have existed together for a long time in Nigeria and traditionally have been serving different purposes.

In the process to achieve this goal, it analyses the attitude of 52 Nigerians from different parts of the country towards the use of Creole language for different purposes and also as a means of communication in different gatherings. The findings revealed that people rarely used creole language in private places as well as public places. But many Nigerians prefer to use creole language in Social gathering.

The author objective is to analyze the evolution, importance, challenges and development plans for creole language in Nigeria.

The study deduced that Nigerian creole, unlike English is not acquired through formal education and has no standardized orthography. But it is now increasingly used among educated people, for example in tertiary institutions. Also, it has been creolized to a first language in some minority groups in Nigeria.

The study revealed that despite its' importance, creole cannot be confirmed official or made stable by the government due to the way it evolved in Nigeria, and the government making sure there is no gap between its citizens and the outside world.

Keywords: Creole language, Creolization in Nigeria, Nigerian Pidgin, Creole challenges, development plans, Creole phrases

СОЧИНЕНИЕ НРАВСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

*Стельмахова Л.А., аспирант,
Институт педагогики и психологии образования,
Московский городской педагогический университет*

Аннотация: в статье рассмотрены особенности обучения школьников написанию сочинений нравственной проблематики на уроках русского языка в начальной школе. Выявлено, что данная форма работы очень важна как средство нравственного воспитания обучающихся, формирования у них этически верного взгляда на окружающую реальность. Выделены разновидности сочинений нравственной проблематики, которые могут быть использованы в начальной школе с опорой на материал фольклора: сочинения-рассуждения на основе сказки, лингвистические сказки, сочинения-повествования на основе пословицы, а также сочинения в нетрадиционных формах – приквелы, сиквелы, мидквелы, ремейки, ремиксы и др. Опора при этом на произведения народного творчества позволит сконцентрироваться на важнейших этических проблемах, решаемых русским народом в сказках, пословицах и других жанрах. Сочинение нравственной проблематики в начальной школе является видом работы, позволяющей формировать одновременно различные компетенции школьников: развивать их речь, повышать уровень умений работать с текстом, укреплять нравственные представления и т.д. Аппеляция к материалу фольклора не только формирует интерес к предмету, но и вводит школьника в широкий культурный контекст, делает его частью общего культурного пространства.

Ключевые слова: начальная школа, школьник, учитель, урок русского языка, нравственное воспитание, сочинение

Обучение в начальной школе – важнейший период, в течение которого дети осваивают культурные, нравственные, эмоциональные нормы, существующие в обществе, и формируются как личности, готовые или не готовые соблюдать эти нормы. Проблема нравственного воспитания подрастающего поколения всегда была актуальной, но многими исследователями подчёркивается, что её значимость в последнее время ещё более увеличилась [4, с. 101; 10, с. 155]. Этическая составляющая личности, закреплённая в этот период, остаётся с ребёнком на всю жизнь. Многие в этой связи зависят от учителя русского языка, от его умения использовать в воспитательных целях значительный нравственный потенциал, заложенный в русской литературе, в том числе в народном творчестве. То, что фольклорный материал представляет собой базу для обсуждения с обучающимися многих этических проблем, отмечается исследователями. О.А. Мишкина и др. считают, что работа с пословицами и поговорками в начальной школе может стать средством развития нравственно-эстетических идеалов [7], А.П. Овчаренко рассматривает фольклор как источник формирования духовно-нравственного мировоззрения младших школьников [9]. В современных условиях нравственных трансформаций содержащийся в народном творчестве «апробированный и тщательно отобранный опыт многих поколений в понятной и доступной форме позволяет сделать процесс социализации менее травмирующим» [8, с. 1899].

Нравственное воспитание посредством восприятия фольклорных текстов может происходить на различных уроках, однако именно на уроках рус-

ского языка (и развития речи) у школьников появляется возможность не только увидеть и обсудить этическую проблему, заложенную в тексте, но и интерпретировать её в собственной творческой работе.

Цель статьи – рассмотреть особенности работы над сочинениями нравственной проблематики в начальной школе, выявить специфику и разновидности использования данного вида работы на уроках русского языка.

Исследователи считают, что современных детей интересуют «проблемы нравственного и коммуникативного характера» [6, с. 14], встречающиеся в детской литературе. Использовать этот естественный интерес – задача учителя. Этическое воспитание может происходить в форме беседы, в рамках отдельных занятий и воспитательных мероприятий и т.п. Следует обратить внимание на те большие возможности, которые имеет такой вид работы на занятии, как написание сочинения. В сочинении дети могут высказать собственное мнение, в ходе написания сочинений у них появляется возможность осмыслить проблему, сделать её лично значимой, найти для неё решение, отражающее собственный взгляд на мир, а также повлиять на этот личный мир.

На основе фольклорных текстов можно отрабатывать с обучающимися навык написания сочинений-рассуждений. Как отмечает Е.Ю. Батракова, сочинение-рассуждение «является особым средством общего развития учащихся и усвоения ими содержания образования и внешкольного опыта» [3, с. 409]. По нашему мнению, учителю необходимо в ходе сочинения по сказке обратить внима-

ние на эмоциональную составляющую деятельности школьников, создать условия для переживания ими рассматриваемых проблем как своих собственных, актуальных в настоящее время.

Сочинение-рассуждение по сказке представляет собой текст, в котором ученик осмысливает события, произошедшие с героями произведения, высказывает собственное мнение о героях и их поступках, анализирует слова и действия персонажей, а также последствия этих действий. Обучающимся необходимо помочь, осваивая форму сочинения-рассуждения, выйти на правильное решение заложенных в сказку нравственных проблем. Этому могут способствовать вопросы:

- Правильно ли поступил герой?
- Как бы ты поступил на его месте?
- Возможны ли в наше время такие ситуации?

Необходимо создать условия для того, чтобы школьник почувствовал: проблемы, описанные в сказке, были актуальны не только в исторически отдалённые времена, они важны и сейчас, касаются его лично, его друзей и семьи.

Форма сказки, хорошо знакомая обучающимся ещё с дошкольных времён, привлекает их и развивает их творческий потенциал. Активно используемой в практике преподавания русского языка в начальной школе является лингвистическая сказка, с помощью которой обучающимся подаются сведения о частях речи, орфографических правилах и других реалиях русского языка. Лингвистическая сказка – разновидность дидактической (обучающей) сказки, представляющей собой «вид творчества, который направлен на образное представление и передачу ученику учебного материала» [5, с. 129]. После знакомства с лингвистическими сказками учитель может побудить учеников к созданию собственных творческих продуктов такого типа. Помимо развития речи, упрочения интереса к русскому языку и закрепления учебного материала, написание лингвистической сказки имеет и этическую направленность, поскольку «через конфликтные ситуации между героями учащиеся осмысливают нравственные ценности и идеалы» [5, с. 129]. Учителю необходимо акцентировать нравственную составляющую лингвистической сказки, использовать фольклорный текст как средство этического воспитания. Это можно сделать с помощью специальных вопросов, сопровождающих анализ лингвистических сказок, написанных учащимися:

- Почему этот герой так поступил?
- Что чувствовал персонаж, совершая такой поступок?
- Оцените героя, его личность (применяется и для положительных, и для отрицательных персонажей).

– Возможен ли другой способ решения конфликта между персонажами?

– Чему учит твоя сказка? Чему ты сам научился, когда её писал?

В лингвистической сказке школьники будут имитировать содержание и стиль народной сказки, с которой они хорошо знакомы ещё с дошкольного периода. Поэтому стоит им помочь, напомнив, какие элементы встречаются в сказке (зачин, традиционные эпитеты, концовка и др.), как композиционно выстраивается сказка, как реализуется в ней принцип трёхчастности, какие герои могут фигурировать.

Как отмечает К.Х. Бакутова, «работа с текстом и над текстом помогает выработать каждому ребёнку внутреннюю шкалу нравственных ценностей, формировать личность, активную гражданскую позицию, расширяет кругозор, делает картину мира более целостной» [2, с. 11]. Когда обучающийся проводит эту работу с чужим текстом, он пытается понять, что хотел сказать автор (в данном случае народ), какую мысль, какое чувство он стремился выразить. В случае самостоятельной работы над текстом школьник более близко принимает те мысли и чувства, которые передаёт сказка, поскольку он сам выбирает, чему она будет учить читателя или слушателя.

Привлечёт учащихся и такая разновидность сочинения нравственной проблематики, как сочинение по пословице. В данном случае могут отрабатываться навыки составления текста-повествования. Обучающему предлагается выбрать одну из пословиц («Друг познаётся в беде», «На чужой каравай рот не разевай», «Двое пашут, а семеро руками машут» и др.) и ответить в сочинении на вопрос:

– Какое событие могло предшествовать произнесению данной пословицы? (Сочини небольшой текст, в конце которого один из героев скажет другому или другим такие слова).

Как отмечают исследователи, пословицы и поговорки «учат светлому и жизнерадостному восприятию мира» [7, с. 64], а также они учат думать, анализировать действительность. При работе над данным типом сочинения необходимо обратить внимание школьников на иносказательность пословиц, заложенный в них переносный смысл. В пословице нередко описывается конкретная ситуация (например, «Любишь кататься – люби и саночки возить», «Дорога ложка к обеду» и др.), которая может быть потенциально отнесена к множеству других ситуаций, связанных далеко не только с катанием на санках или обедом. Таким образом дополнительно происходит освоение понятия метафоры.

Важным следствием работы над сказками в сочинениях для обучающихся должно стать осознание того, что сказка является живым жанром. В будущем им предстоит работать со многими литературными сказками, авторы которых, несомненно, отталкиваются от формы и идеи фольклорного жанра. Ученики должны понять, что сказка не раз и навсегда застывший, переставший развиваться жанр, а вполне живой, современный и даже новаторский. Сегодняшний школьник хорошо владеет такими терминами (соотносимыми им в первую очередь не с художественной литературой, а с кинофильмами), как ремейк, ремикс, приквел, сиквел, мидквел и др. В.Б. Алферьева-Термсикос предлагает включить сочинения в нетрадиционных формах в систему занятий по развитию речи младших школьников: «Дидактическое средство, способствующее формированию умения продуцировать авторский текст, – сочинения нетрадиционных форм по мотивам художественных произведений» [1, с. 13]. Если художественным текстом, на который производится при этом опора, станет всем известная и всеми любимая сказка, такое сочинение станет ещё более привлекательным для обучающихся. Ремейк представляет собой новую версию, собственную интерпретации известного художественного текста, ремикс – более современную трактовку знакомого сюжета (при работе с фольклорным текстом это любимая детьми жанровая форма – сказка на новый лад), приквел описывает события, предшествовавшие сюжету, а сиквел – продолжающие его, мидквел затрагивает события, происходящие параллельно с описанными в исходном тексте (например, с каким-то героем, только упомянутым в сказке, но в мидквеле ставшим главным). Естественно, вносить данные жанровые понятия в творческую копилку школьников надо постепенно, начиная с самого простого.

Каждая из данных форм сочинения требует тщательной подготовки, в итоге которой учитель будет уверен, что все обучающиеся поняли задание. Мы считаем, что необходимо использовать именно приведённые выше термины, что будет интересно школьникам. При описании сути жанровой формы учителю следует апеллировать к примерам, хорошо известным обучающимся. Так, можно упомянуть кинотрилогию «Хоббит» (2012-2014), являющуюся приквелом к знаменитой кинотрилогии «Властелин колец» (2001-2003).

Наиболее известной из названных формой сочинения является сиквел – сочинение-продолжение. Обучающимся задаётся вопрос:

– Как вы думаете, чем закончилась эта сказка? Напишите продолжение.

Для такого задания можно использовать любую сказку, поскольку каждая из них, как правило, заканчивается стандартной фразой: «Жили они долго и счастливо», «Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец» и др. Продолжение может развивать сюжет уже завершившейся сказки, а может начать новый. Главное, чтобы оно продолжало нравственную проблематику, затронутую в тексте.

После освоения каждой из новых форм сочинения можно предложить новую. К примеру, существует также триквел – продолжение продолжения (сиквел к сиквелу), квадриквел – четвёртый элемент, он же – третье продолжение. При этом обращение к сказке в качестве исходного текста позволяет создать условия для лучшего усвоения сути жанровой формы. Необходимо анализировать получившиеся оригинальные тексты не только с точки зрения содержания и соответствия выбранной нетрадиционной жанровой форме, но и с нравственных позиций. Желательно проследить развитие в авторских текстах этических идей исходного текста.

Оригинальным итогом работы обучающихся над новыми жанровыми формами сочинений может стать составленный из лучших работ сборник, в котором всем известная сказка занимает центральное место, а её приквел, сиквел, мидквел и другие элементы являются отдельными частями. В итоге формируется целостный гипертекст, который может быть опубликован учителем и учениками совместно на одной из общедоступных платформ и/или отправлен на литературный конкурс.

В ходе целенаправленного, регулярного, системного этического воспитания «у воспитуемого формируется определенный опыт, на основании оценки которого возникают те или иные нравственные качества личности, выражающиеся в определенных нравственных привычках» [4, с. 101]. Сочинения на этические темы, на наш взгляд, способствуют формированию этого опыта, помогают обучающимся пережить вместе с героями сложные жизненные ситуации и научиться смелости, решительности, честности, уверенности в себе и важности отстаивания справедливости.

Хочется отметить, что практически любое сочинение, которое обучающиеся пишут в начальной школе, имеет нравственную проблематику и «служит эффективным средством воспитания», поскольку «возбуждает эмоции, приучает детей осмысливать и оценивать увиденное и пережитое, развивает наблюдательность, учит находить причинно-следственные связи, сопоставлять и сравнивать, делать выводы» [11, с. 102]. В ряду творческих работ, которые ученик создаёт в начальной школе, от коротких зарисовок и эмоциональных

оценок в первом классе до серьёзных, продуманных текстов – в четвёртом, сочинения, апеллирующие к народной мудрости, сконцентрированной в русской сказке, занимают особое место. С их помощью ребёнок приобщается к тому кладезу мудрости, который представляет собой фольклор, впитывает культурный код своего народа, входит в единое культурное поле с представителями предыдущих поколений.

Итак, учитель русского языка должен использовать на уроках тот огромный нравственный потенциал, который заключён в детской книге. Особенно значительны возможности фольклорных произведений, этическая составляющая которых оттачивалась в течение столетий их бытования и отражает особенности менталитета народа. Среди различных способов нравственного воспитания на уроках русского языка выделяется написание обучающимися сочинений на этические темы. В ходе создания сочинения происходит личностный рост ребёнка; нравственные проблемы, которые он должен решить, становятся личностными. Работая при этом с фольклорным текстом, обучающийся приобщается к этическим ценностям русского народа, впитывает русскую культуру. Одновременно развивается речь и мышление младшего школьника, оттачивается его владение русским языком, повышается познавательная активность. Ребёнок получает первый опыт решения сложных нравственных проблем.

Сочинение является формой работы, выполняя которую школьник проявляет целый комплекс умений и компетенций. Лингвистические умения проявляются посредством отбора слов и оборотов для текста, их комбинации, правильного написания; логические умения обнаруживаются в ходе установления причинно-следственных и других связей между элементами текста. Не менее значимы умения этические, состоящие в продумывании нравственной концепции текста, системы взаимоотношений персонажей, передаваемых сказкой мыслей, чувств и идей. Творческая составляющая личности тренируется в ходе воплощения каждого из элементов данного сложного комплекса.

Литература

1. Алферьева-Термсинос В.Б. Обучение написанию сочинений нетрадиционных форм по мотивам художественных произведений в начальной школе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 9-2 (60). С. 13 – 16.
2. Бакутова К.Х. Сочинение в начальной школе // Вестник научных конференций. 2018. № 7-1 (35). С. 11 – 12.
3. Батракова Е.Ю. Особенности работы по написанию сочинения-рассуждения на уроках рус-

ского языка в начальной школе // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 5-6 (51). С. 409 – 411.

4. Венгранович М.А., Мухамет Е.В. Нравственное воспитание личности на уроках русского языка в начальной школе: теоретический и методический аспекты // Педагогический форум. 2018. № 1 (1). С. 101 – 105.

5. Гончарова Ю.В. Лингвистическая сказка как прием активизации мыслительной деятельности школьников на уроках русского языка // Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования: Сб. научн. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь: Ариал, 2017. С. 129 – 132.

6. Крылова М.Н. Есть ли сегодня хорошая детская книга? Произведения для детей А. Жвалевского, Е. Пастернак // Метеор-Сити. 2017. № 3. С. 10 – 17.

7. Мишкина О.А., Долгалева О.С., Турова Н.И. Работа над пословицами и поговорками с учащимися начальной школы, как средством развития нравственно-эстетических идеалов // Альманах мировой науки. 2019. № 6 (32). С. 63 – 64.

8. Николаева Е.А. Дидактический потенциал современного детского чтения // Русское слово в многоязычном мире: Мат. XIV Конгресса МАПРЯЛ. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 1899 – 1903.

9. Овчаренко А.П. Формирование духовно-нравственного мировоззрения при изучении фольклора в начальной школе // Ratio et Natura. 2020. № 2 (2).

10. Орлова В.А. Формирование духовно-нравственной культуры учащихся в начальной школе // Вопросы педагогики. 2020. № 1-1. С. 155 – 158.

11. Толстопятых Л.Е., Юдкина Л.И., Дровникова Н.А. Роль сочинения как вида речевого упражнения в начальной школе // Академическая публикация. 2018. № 10. С. 102 – 104.

References

1. Alfer'eva-Termsikos V.B. Obuchenie napisaniyu sochinenij netradicionnyh form po motivam hudozhestvennyh proizvedenij v nachal'noj shkole. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2021. № 9-2 (60). S. 13 – 16.
2. Bakutova K.H. Sochinenie v nachal'noj shkole. Vestnik nauchnyh konferencij. 2018. № 7-1 (35). S. 11 – 12.
3. Batrakova E.Yu. Osobennosti raboty po napisaniyu sochineniya-rassuzhdeniya na urokah russkogo yazyka v nachal'noj shkole. Evrazijskoe Nauchnoe Ob'edinenie. 2019. № 5-6 (51). S. 409 – 411.

4. Vengranovich M.A., Muhamet E.V. Nравstvennoe vospitanie lichnosti na urokah russkogo yazyka v nachal'noj shkole: teoreticheskij i metodicheskij aspekty. Pedagogicheskij forum. 2018. № 1 (1). S. 101 – 105.

5. Goncharova Yu.V. Lingvisticheskaya skazka kak priem aktivizacii myslitel'noj deyatel'nosti shkol'nikov na urokah russkogo yazyka. Dialog kul'tur: lingvokul'turologicheskaya baza gumanitarnogo obrazovaniya: Sb. nauchn. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Simferopol': Arial, 2017. S. 129 – 132.

6. Krylova M.N. Est' li segodnya horoshaya detskaya kniga? Proizvedeniya dlya detej A. ZHvalevskogo, E. Pasternak. Meteor-Siti. 2017. № 3. S. 10 – 17.

7. Mishkina O.A., Dolgaleva O.S., Turova N.I. Rabota nad poslovcami i pogovorkami s uchashchimisya nachal'noj shkoly, kak sredstvom razvitiya

nравstvenno-esteticheskikh idealov. Al'manah mirovoj nauki. 2019. № 6 (32). S. 63 – 64.

8. Nikolaeva E.A. Didakticheskij potencial sovremennogo detskogo chteniya. Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: Mat. XIV Kongressa MAPRYAL. SPb.: MAPRYAL, 2019. S. 1899 – 1903.

9. Ovcharenko A.P. Formirovanie duhovno-nравstvennogo mirovozzreniya pri izuchenii fol'klora v nachal'noj shkole. Ratio et Natura. 2020. № 2 (2).

10. Orlova V.A. Formirovanie duhovno-nравstvennoj kul'tury uchashchihhsya v nachal'noj shkole. Voprosy pedagogiki. 2020. № 1-1. S. 155 – 158.

11. Tolstopyatyh L.E., Yudkina L.I., Drovnikova N.A. Rol' sochineniya kak vida rechevogo uprazhneniya v nachal'noj shkole. Akademicheskaya publicistika. 2018. № 10. S. 102 – 104.

ESSAY ON MORAL TOPIC IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS AT ELEMENTARY SCHOOL

*Stelmakhova L.A., Postgraduate,
Institute of Pedagogy and Psychology of Education,
Moscow City Pedagogical University*

Abstract: the article examines the features of teaching schoolchildren to write essays on moral issues at the lessons of the Russian language in elementary school. It was revealed that this form of work is very important as a means of moral education of pupils, the formation of their ethically correct view of the surrounding reality. The author highlights the types of essays of moral issues that can be used in elementary school based on folklore material: essays-reasoning based on a fairy tale, linguistic tales, essays-narrative based on a proverb, as well as essays in non-traditional forms – prequels, sequels, midquels, remakes, remixes, etc. At the same time, reliance on works of folk art will allow you to concentrate on the most important ethical problems solved by the Russian people in fairy tales, proverbs and other genres. Essays moral issues in elementary school is a type of work that allows to form simultaneously different competencies of schoolchildren: to develop their speech, to increase the level of their ability to work with text, to strengthen moral ideas, etc. The appeal to the material of folklore not only forms an interest in the subject, but also introduces the pupil into a wide cultural context, makes him a part of the general cultural space.

Keywords: primary school, pupil, teacher, Russian language lesson, moral education, essay

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ
В ПОЭЗИИ ЭПОХИ ТАН НА РУССКИЙ – НА ПРИМЕРАХ,
ВЗЯТЫХ ИЗ СБОРНИКА «КИТАЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ (ЭПОХА ТАН)» Н.Т. ФЕДОРЕНКО**

*Ян Дуо,
Цао Сюань,
Ван Жун, доцент,
Институт иностранных языков,
Пекинский университет авиации и космонавтики, Китай*

Аннотация: метонимия служит важным видом тропов в классической поэзии, поэтому изучение метонимических выражений обеспечивает высокое качество перевода китайских классических стихотворений на русский язык. Россия и Китай имеют разные культуры, это обуславливает разные метонимические модели в китайском и русском языках, что затрудняет перевод древней китайской поэзии на русский язык, зачастую неточности перевода компенсируются за счёт лексических средств русского языка и добавления примечаний. На данный момент достигнут ряд достижений в области перевода древней китайской поэзии, однако сохраняется существенный ряд недостатков, проявляющихся как в качестве, так и в количестве переведённых стихотворений. Данная статья посвящена анализу метонимии на примере перевода поэзии эпохи Тан, представляющей венец достижений древней поэзии Китая, взятых из сборника «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)», составленного известным китаистом Н.Т. Федоренко. Было выявлено, что разные метонимические модели в русском и китайском языках являются главным фактором, влияющим на качество перевода метонимических выражений. Также оказывают влияние разные стили переводчиков. Также было выявлено, что за разными метонимическими моделями стоят разные когнитивные стили и модели двух стран, которые обуславливают разные стилистические окраски лексики, грамматические и синтаксические особенности.

Ключевые слова: поэзия эпохи Тан, «Китайская классическая поэзия», метонимия, переводческая стратегия, Н.Т. Федоренко

Перевод китайской классической поэзии на русский язык начался в 19 веке. Поэзия эпохи Тан представляет собой пик «золотого века» китайской литературы. Поэзия эпохи Тан характеризуется лаконичностью и богатством выражений. Выход в свет сборника «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)», составленного известным китаистом Н.Т. Федоренко, является важным событием в истории исследований перевода поэзии эпохи Тан в России.

Как характерный вид тропов в древней китайской поэзии, метонимия заслуживает особого внимания в процессе перевода поэзии эпохи Тан [1]. В настоящее время наблюдается ограниченность исследований поэзии эпохи Тан в России и малоизученность стилистических средств в этих переводах. Это обуславливает актуальность исследования. Данная статья посвящена анализу разработки метонимических выражений в русских переводных вариантах древней китайской поэзии на примерах, взятых из вышесказанного сборника.

Метонимия – один из основных видов тропов в русском и китайском языках, основанный на замене слов «по смежности». Однако в двух языках существуют и различия по отношению к метонимии, правильное понимание которых помогает сделать перевод более точным и корректным.

1. Общие метонимические модели в двух языках

1) **Дихотомия «часть – целое».** Под данным

концептом подразумеваются замена части целым или наоборот, замена представителей класса целым классом и наоборот. Например, человек (тело) часто обозначается частью тела. В китайском языке: словосочетание «耳目» (уши и глаза) означает «агент», «информатор»; «人手» (руки) – рабочая сила; «硬骨头» (твёрдая кость) – человек с характером и чувством чести. В русском языке: в словосочетании «не хватало рук», под «руками» понимается «рабочая сила». Метонимия облегчает нагрузку языка, придаёт речи лаконичность.

2) **Соотношение «конкретное – абстрактное».** В обоих языках существует замена отвлеченных явлений конкретными предметами. В китайском языке “饭碗” (чашка для риса) означает работу, “墨水” (чернила) – знание, “胃口” (желудок) – аппетит. Замена конкретики абстрактом в русском языке является распространённым явлением, здесь часто употребляются слова с отвлеченной семантики для обозначения конкретных предметов или живых людей, например, «зрелость» и «юность» вместо «взрослых» и «юношей».

3) **Корреляция «атрибут – его носитель».** В основе лежит замена предмета или человека отличительными признаками, к которым можно отнести одежду, украшение, убор и внешность. Например, в китайском языке выражение “布衣” (одежда из холста) означает простолюдина, так как “布衣” изначально означало грубую одежду,

которую носят простые люди. В русском языке выражение «А в дверь – бушлаты, шинели, тулупы». «Бушлаты» – это мундир для моряков, «шинель» обычно одевают сухопутные войска, «тулупы» носят крестьяне, верхняя одежда употребляется для обозначения моряков, военных, крестьян.

4) **Соотношение «инструмент – деятельность».** Данные метонимические выражения основаны на замене деятельности или ее результата. В китайском языке к таким метонимическим выражениям можно отнести «枪杆子里出政权» (Винтовка рождает власть). Это цитата первого лидера Нового Китая Мао Цзэдуна, здесь «枪杆子» (винтовка) метонимически означает вооруженную силу и военные действия. Пример в русском языке: «Только слышно, на улице где-то бродит гармонь», слово «гармонь» заменяет того, кто играет.

5) **«Имя собственное – его работа».** Здесь произведения автора заменяются его собственным именем. Например, «鲁迅» (Лу Синь) – известный китайский писатель 30-тых годов прошлого века, в предложении «你读过鲁迅吗?» (Читали ли вы когда-нибудь Лу Синя?) под «鲁迅» понимаются его произведения. В русской фразе «Читали ли вы когда-нибудь Толстого?» то же самое.

б) **Категория «материал – изделие, сделанное из этого материала».** Происходит замена изделия его материалом. В китайском языке к данной категории относятся такие идиомы, как «穿金戴银» (Ходить в золоте и серебре), «珠光宝气» (кто сверкает драгоценностями), «手无寸铁» (ни вершка металла в руках, быть безоружным). В русском языке примером являются «Фарфор и бронза на столе», где «фарфор» и «бронза» означают посуду, сделанную из них.

7) **Категория «бренд – товар».** В китайской фразе «我喜欢喝龙井» (мне нравится чай Лунцзин) известный всему миру китайский чайный бренд «龙井» (чай Лунцзин) метонимически означает чайный напиток этого бренда. В русском предложении «В комнате стоял большой стол, установленный блюдами, бутылками всех форм, с модерой, бордо» «Модера» и «Бордо» означает напитки.

2. Метонимические модели, характерные только для китайского языка или русского языка

Характерные для китайского языка метонимические модели можно разделить на три вида: «следствие – причина»; «комбинация чисел – предмет или человек» и на метонимические выражения древней китайской поэзии. Примером является идиома «令人捧腹» (сильно смешить человека, заставляя его держаться за живот), она отно-

сится к категории «следствие – причина», словосочетание «捧腹» означает «держаться за живот», здесь оно как действие и следствие заменяет причину. К категории «комбинация чисел – предмет и человек» можно отнести выражение «千金» (тысяча золот), которое означает «дочь». Метонимическим выражением древней китайской поэзии можно назвать «青梅竹马» (зелёные сливы и бамбуковые лошадки), оно взято из стиха Ли Бая, «青梅» символизирует маленьких девочек, «竹马» – мальчиков, их сочетание употребляется для обозначения чистой дружбы с детства [3].

В русском языке распространена замена названий заболеваний названиями органов, например, «Голова у меня прошла», здесь голова означает головную боль. В России принято присваивать зданиям, памятникам или улицам имена известных исторических личностей, поэтому, появилась замена названия объекта именем человека, в честь кого оно так названо. Например, «Мы договорились встретиться у Пушкина», что чуждо китайскому языку.

3. Метонимические выражения в оригиналах поэзии Эпохи Тан и их русские аналоги

При переводе метонимических выражений на русский необходимо учитывать ряд факторов: стилистические окраски лексики, грамматические и синтаксические особенности двух языков. Это определяет стратегию и методы перевода: дословный и свободный перевод, с помощью транскрипции, с примечаниями и т.д. Когда национальная лексика незначительна или наблюдается наличие эквивалентов переводимых выражений в русском языке используется дословный перевод.

1) **дихотомия «часть – целое».** Ван Вань в стихотворении «Доезжаю до подножия горы Бейгушань» (《次北固山下》) описывает картину плавания одинокой лодки во время разлива реки. В стихе «潮平两岸阔，风正一帆悬» (при разливе увеличивается ширина реки, ветер дует прямо и парус плывет в одиночку) поэт вместо «船» (лодка) выбрал «帆» (парус), создал метонимию. Такая метонимия значительно помогла описанию: парус образно показывает полотно, на фоне которого лодка противопоставляется реке и горе. Эффектный контраст оттеняет величие изображаемой картины и открытость «панорамы» в поэзии. Такая метонимия является существенным штрафом всего стихотворения, и, естественно, ее нельзя опустить во время перевода. Л. Эйдлин, заметив значимость данной метонимии, сохранил ее в своём переводе: «Ровен разлив – и два берега далеки. Ветер прямой – и на глади парус один...». Таким образом, он сохранил композицию в оригинале

[4]. Ду Фу в стихотворении “春望” («Весной окинул взором дали») подробно описал картину разбитой столицы после поражения и взятия ее врагами. В строке “白头搔更短，浑欲不胜簪” (Чешась, заметил, что седина так сильно поредела, что скоро не заколоть шпилькой) автор использует словосочетанию “白头” (белая голова), заменяющее словосочетание “白发” (седина). А. Гитович подошёл перевел стихотворение так: «Хочу надеть головной убор, но так ослабела плоть, и **волосы** так поредели мои, что шпилькой не заколоть». Здесь переводчик отказался от метонимического выражения в оригинале, выкинул эпитет “白” «белый», что оказало отрицательное влияние на экспрессивность перевода, препятствует пониманию чувств поэта [6].

2) **Категория «Абстрактное – конкретное».** Стихотворение 《赴京途中遇雪》 («Петель по пути в столицу»), написанное Мэн Хаожанем, посвящено описанию метели по пути в столицу. В строке “客愁空伫立，不见有人烟” (в одиночку торчит чужак, кругом ни души нет) имеет место метонимия. Словосочетание “人烟” буквально переводится как дым во время готовки еды, здесь оно означает человека и признак жилья. Поэт, оказавшись на чужбине, испытывал одиночество, тоску по дому и растерянность. Погода не радует поэта, он хочет увидеть дым от трубы, который стал бы единственным утешением для него. В переводе Л. Эйдлин разделил тонкие чувства поэта в стихотворении: «И гость опечален – напрасно он ждал приюта: нигде не увидел он **дыма людских селений!**». Дословный перевод метонимического выражения позволяет воспроизвести картину в оригинале [6]. Ван Вэй в стихотворении 《汉江临眺》 («Смотрю с высоты на реку Хань»), описывая великолепный вид у реки Хань, выразил расположение к пейзажу и одобрение работы местных чиновников. В строке “襄阳好风光，留醉于山翁” (хорош город Сяньян, хочется остаться, чтобы напиться с Шанем) было употреблено имя “山翁” (Шань), которое одновременно служит и составляющей метонимии. Шань – генерал во время династии Цзинь, который служил чиновником в городе Сяньяне и хорошо управлял городом. Здесь под именем Шань подразумевается не сам генерал, а действующий начальник город, с которым дружит поэт. А. Гитович в своём переводе мудро упростил такую сложную ситуацию, указав и заменяемое, и заменяющее слово: «Прекрасен Сяньян Красотой молодою и древней – И, следуя **Шаню**, Я тут запирую с друзьями».

3) **Категория «атрибут – носитель».** Стихотворение “南湖早春” («Ранняя осень на южном

озере») Бай Цзюйи посвящено описанию пейзажной живописи в раннюю весну. В строке “乱点碎红山杏发，平铺新绿水苹生” (Все горы в мелких красных цветочках абрикосов, вся вода покрыты новыми зелёными тинами) указаны два цвета: “碎红” – красный цвет; “新绿” – зелёный, здесь они не обозначают собственно красный и зелёный цвета, а цветочки красного цвета и зелёные тины, такое замена значительно помогает визуальному эффекту в стихотворении. Выражение сохранилось в переводе Эйдлина: «Воздух в далях как будто **усеян алым** – абрикосы цветут в горах. Полосами простерлась **новая зелень** – окаймил берега камыш» [7].

4) **Категория «инструмент – деятельность».** В стихотворении “过积香寺” (Прохожу мимо храма собравшихся благовоний) Ван Вей была затронута философская тема. Описывая уединённый храм, поэт намекал на то, что душевное спокойствие тесно связано с тишиной. В строке “古木无人径，深山何处钟” (меж старых деревьев не видно тропы, откуда в глухих горах слышен колокол?) слово “钟” переводится как колокол, но здесь означает колокольный звон. Гитович учитывал лексическую сочетаемость в русском языке: «Нет тропы меж старых деревьев, нет тропы среди горных скал, Но откуда же **гулкий, древний, дальний колокол прозвучал?**» В переводе гармонично согласованы существительное, прилагательные и глагол, произведено впечатление, как будто до наших ушей раздался звон [8].

5) **Категория «Материал – изделие».** Данная категория присутствует в одном из вышеприведённом стихотворении – 《送丘为落第归江东》 («Провожая Цю Вей, провалившегося на экзаменах и возвращающегося в Цзяндун»). В строке “为客黄金尽，还家白发新” (Все средства были потрачены в столице, домой седина ещё будет добавляться) слово “黄金” дословно переводится как золото, и здесь под ним понимаются деньги и сретства, так как золото было валютой в древнем Китае. Гитович в переводе использовал свободный перевод: «**Вы сделали всё то, что вы сумели**, - И дома встретят вас уже седого».

6) **Категория «действие – субъект».** Во стихотворении “夜渡湘” («Ночью переправляюсь через реку Сян») автором рассказывается о трагикомичном эпизоде во время поездки. Поэт отправился к приятелям на лодке, но лодочник, спеша, пропустил ночлег, поэтому им пришлось ночью переправиться через реку Сян. В строке “露气闻芳杜，歌声识采莲” (Пахнет росой и благоухают травы, пение выдало собирающих лотосы) словосочета-

ние “采莲” дословно переводится как собрать лотосы, здесь оно метонимически означает женщин, которые собирают лотосы. Эйдлин в переводе удачно передал эту сцену: «В испареньях росы слышу запах душистых трав, и звучащий напев, угадал я – “лотосы рвут”...» [9].

7) **Фразеологические метонимические выражения.** Такие выражения распространены в древней поэзии, например, в стихотворении “赠内子” («К жене») Бай Цзюйи, в строке “白发长兴叹，青娥亦伴愁” (Старик постоянно вздыхает, грусть разделяла его жена рядом) словосочетание “青娥” переводится как красивая женщина, как устойчивое выражение оно сохранилось в древней китайской поэзии. Эйдлин в своей работе, отказавшись от перевода данного выражения вследствие отсутствия его эквивалента в русском языке, использовал иное метонимическое выражение “黛眉”, которое переводится как женщина, носящая темные брови, которые считаются символом красоты женщин в Китае: «Белую голову только склоню со вздохом, **темные брови** тотчас же, и ты печалишь». Такой перевод свидетельствует о том, что отсутствие эквивалентов соответствующих метонимических выражений в русском языке затрудняет их перевод [10].

4. Размышления и перспективы перевода метонимических выражений в поэзии эпохи Тан на русский язык

Перевод поэзии эпохи Тан является ключевым моментом выхода китайской культуры на мировое литературное поприще. Поэзия данного периода распространена в России и уже достигнуты положительные результаты в практике ее перевода. Качество перевода поэзии во многом влияет на темп и широту ее распространения. На данный момент есть большое количество переводов поэзии эпохи Тан на русский язык, но масштабы её распространения и популярность не соответствует её ценности и культурному наследию.

Когда речи идёт о переводе поэзии эпохи Тан на русский язык, необходимо обращать большое внимание на смысл, рифмовку и ритм, нельзя игнорировать стилистические средства, отражающие национально-культурное познание. Как один из важнейших стилистических средств в поэзии эпохи Тан, метонимия заслуживает изучения. Перевод метонимических выражений оказывает значительное влияние на передачу смысла и изящества поэзии эпохи Тан, на качество перевода.

Заключение

На основании выполненного анализа можно прийти к выводу, что разные метонимические модели в русском и китайском языках являются

главным фактором, сказывающимся на переводе метонимических выражений в поэзии эпохи Тан. Разные стили переводчиков приводят к различиям в переводах. За разными метонимическими моделями стоят разные когнитивные стили и модели двух стран, которые обуславливают стилистические окраски лексики, грамматические и синтаксические особенности, что затрудняет перевод поэзии эпохи Тан на русский язык, что ограничивает ее распространение в России. Работая над переводом поэзии эпохи Тан, мы должны серьезно относиться к проблеме ее “непереводимости”, прилагая максимальные усилия для устранения различных помех для точного корректного перевода.

Литература

1. Аншэн Д. и др. Избранные переводы стихов Ван Вэя. Чэнду: Изд-во Башу, 1990. С. 250.
2. Фуцин Л. Исследование китайской классической поэзии в России // Литературное наследие. 1997. № 6. С. 53 – 56.
3. Туйши Х. и др. Триста стихотворений династии Тан и триста стихов династии Сун. Пекин: издательство Huawen, 2009. С. 112.
4. Хуйсэн Чж. Общая теория риторики. Шанхай: Изд-во по изучению иностранных языков в Шанхае, 2002. С. 69.
5. Шуцзюань Чж. «К истории русской трансляции китайской классической поэзии». Тяньцзинь: Нанкайский университет, 2013. С. 79 – 80.
6. Иннань С. Сравнительное исследование российской и китайской ссудной риторики. Хэйлунцзян: Университет Хэйлунцзян, 2003. С. 13 – 16.
7. Годун Я. История китаеведения в России (по состоянию на 1917 г.). Пекин: Народное издательство, 2006. С. 149.
8. Хайди Ю. и др. Сборник признательности поэзии Тан. Пекин: Китайская зарубежная китайская пресса, 2010. С. 96 – 99.
9. Лихун С. Особенности перевода китайской классической поэзии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Санкт-Петербург, 2019. № 3. С. 45 – 49.
10. Эйдлин Л.З. Китайская классическая поэзия (эпоха Тан). Москва: Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат), 1956. С. 15.

References

1. Anshen D. i dr. Izbrannyye perevody stihov Van Veya. SHeudu: Izd-vo Bashu, 1990. S. 250.
2. Fucin L. Issledovanie kitajskoj klassicheskoj poezii v Rossii. Literaturnoe nasledie. 1997. № 6. S. 53 – 56.

3. Tujshi H. i dr. Trista stihotvorenij dinastii Tan i trista stihov dinastii Sun. Pekin: izdatel'stvo Huawen, 2009. S. 112.

4. Hujsen' CHzh. Obshchaya teoriya ritoriki. SHanhaj: Izd-vo po izucheniyu inostrannyh yazykov v SHanhae, 2002. S. 69.

5. SHuczyuan' CHzh. «K istorii russskoj translyacii kitajskoj klassicheskoj poezii». Tyan'czin': Nankajskij universitet, 2013. S. 79 – 80.

6. Innan' S. Sravnitel'noe issledovanie rossijskoj i kitajskoj ssudnoj ritoriki. Hejlunczyan: Universitet Hejlunczyan, 2003. S. 13 – 16.

7. Godun Ya. Istoriya kitaevedeniya v Rossii (po sostoyaniyu na 1917 g.). Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 2006. S. 149.

8. Hajdi Yu. i dr. Sbornik priznatel'nosti poezii Tan. Pekin: Kitajskaya zarubezhnaya kitajskaya pressa, 2010. S. 96 – 99.

9. Lihun S. Osobennosti perevoda kitajskoj klassicheskoj poezii. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. YAzyk i literatura. Sankt-Peterburg, 2019. № 3. S. 45 – 49.

10. Ejdlin L.Z. Kitajskaya klassicheskaya poeziya (epoha Tan). Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury (Goslitizdt), 1956. S. 15.

**TO THE QUESTION OF TRANSLATION OF METONIMICAL
EXPRESSIONS IN THE POETRY OF THE EPOCH OF TAN INTO
RUSSIAN – BY EXAMPLES TAKEN FROM THE COLLECTION "CHINESE
CLASSICAL POETRY (EPOCH OF TAN)" BY N.T. FEDORENKO**

*Yang Duo,
Cao Syuan,
Wang Zhun, Associate Professor,
Institute of Foreign Languages,
Beijing Aviation and Space University, China*

Abstract: metonymy is an important type of trope in classical poetry, therefore, the study of metonymic expressions provides a high quality translation of Chinese classical poems into Russian. Russia and China have different cultures, this causes different metonymic models in the Chinese and Russian languages, which makes it difficult to translate ancient Chinese poetry into Russian, often translation inaccuracies are compensated for by the lexical means of the Russian language and the addition of notes. At the moment, a number of achievements have been made in the field of translation of ancient Chinese poetry, however, a significant number of shortcomings remain, manifested both in the quality and in the number of translated poems. This article is devoted to the analysis of metonymy on the example of the translation of the poetry of the Tan era, which is the crown of the achievements of ancient Chinese poetry, taken from the collection "Chinese Classical Poetry (Tan Epoch)", compiled by the famous Sinologist N.T. Fedorenko. It was revealed that different metonymic models in Russian and Chinese languages are the main factor influencing the quality of translation of metonymic expressions. Different styles of translators are also influenced. It was also revealed that different cognitive styles and models of the two countries are behind different metonymic models, which determine different stylistic colors of vocabulary, grammatical and syntactic features.

Keywords: poetry of the Tan era, "Chinese classical poetry", metonia, translation strategy, N.T. Fedorenko

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*Гасанова У.У., доктор филологических наук, профессор,
Дагестанский государственный университет,
Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
Магомедгабиева И.М.,
Дагестанский государственный университет*

Аннотация: в статье проводится анализ фразеологических единиц с числительными даргинского языка. Отмечается, что наиболее интересным для исследования является знаковый, символический характер системных качеств предметов, доступный только носителю соответствующей национальной культуры. Для анализа привлечены несколько наиболее активных концептов числительных-компонентов ца «один», к1ел «два», х1ябал «три», верх1ел «семь» в ФЕ даргинского языка.

Цель исследования – проанализировать семантические и функциональные особенности фразеологических единиц с компонентом-числительным в даргинском языке.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач:

- провести анализ фразеологических единиц с числительными даргинского языка;
- определить особенности и значение функционирования ФЕ с числительными даргинского языка.

Ключевые слова: даргинский язык, фразеологизмы, устойчивые сочетания, числительные, семантический анализ, национально-культурная специфика, фразеологическая система, числовая символика

Вопросы исследования особенностей функционирования и употребления имен числительных в устойчивых словосочетаниях даргинского языка не исследованы. В силу этого возникает необходимость анализа данных языковых единиц. Слабая изученность этих вопросов служит оправданием постановки задачи их систематического исследования и обуславливает актуальность данного исследования.

Для анализа мы привлекли несколько наиболее активных концептов числительных-компонентов («один», «два», «три», «семь»), в фразеологических единицах даргинского языка. Анализ фразеологизмов даргинского языка с компонентом числительным с концептами «один», «два», «три», «семь», предопределяет проведение семантического анализа устойчивых единиц с компонентом числительным в исследуемом языке, а также обобщение накопленного опыта изучения устойчивых единиц с компонентом числительным в даргинском языке.

В нашей работе впервые в даргинском языке на основе анализа материалов различных словарей даргинского языка, а также на материалах художественной и публицистической литературы делается попытка анализа устойчивых единиц даргинского языка с компонентом-числительным. Разработанный в работе комплекс вопросов позволит по-новому взглянуть на ряд малоизученных проблем даргинского языка.

В фразеологических системах национальных языков, в том числе и даргинского, наиболее ярко и выпукло отразились языковая картина мира носителя языка.

Как отмечает Корнилов О.А., фразеологизмы «отражают универсальность общечеловеческого жизненного опыта безотносительно к этническим особенностям, они также имеют индивидуальное национальное осмысление бытия» [4, с. 11].

При исследовании фразеологических единиц любого национального языка, в том числе и даргинского, следует опираться на характерные особенности строя самого языка, так как от этого зависит восприятие устойчивых единиц. Немаловажна и этимологическая сторона данных единиц. Особенности восприятия национальной культуры даргинцев зависят именно от этих механизмов. Одним из ключевых моментов является наличие знаковости и символического характера, который доступен лишь носителю той или иной национальной культуры.

Кроме того, в последние годы наиболее актуально изучение различных кодов культуры, способствующих определению особенностей и специфики устойчивых единиц. Картина мира носителей даргинского языка воспринимается именно через эту призму оттенков и смыслов.

Анализ ФЕ даргинского языка с компонентом-числительным ца «один» (как наиболее употребляемые числительные в фразеологизмах) показал, что группа данных фразеологизмов наиболее широко представлена в даргинском языке. Семантика таких фразеологических единиц отличается разнообразием в данном языке:

Ца ант1алра х1еили «молча» (букв. «не проронив ни слова»);

Ца балаг1лисан «к несчастью» (букв. «на беду»);

Ца игъбарливан «к счастью» (букв. «к везению»);

Ца берцуди «слава богу» (букв. «одно спасение»);

Ца бяркъла адапти «похожие друг на друга» (букв. «одним миром мазаны»);

Ца гавлаг арцла «очень много денег» (букв. «мешок денег»);

Ца ганз гъела кахледиб «не испугался, не отступил назад» (букв. «ни на один шаг не отступил»);

Ца ганз кахледиб «стоял на одном месте» (букв. «ни шагу не ступил»).

Подводя итог анализу фразеологизмов даргинского языка с числительным ца «один», мы пришли к тому, что даргинские устойчивые единицы характеризует образ первоначальности, некоей базовой основы. На наш взгляд, этому способствует то, что ца «один» в даргинском языке, как и в других языках, является началом всего существующего в мире. Данное число является знаком цельности, первичности, основой всех основ.

Фразеологические единицы даргинского языка с числительным клел «два» также широко используются в речи даргинцев, они являются символами двойственности. Они часты и в других языках, в том числе, как мы обратили внимание, и в русском языке. Приведем для сравнения примеры:

дарг. Келра някъли бекI буциб «крепко задумался» (букв. «двумя руками за голову схватился»);

русс. Двумя руками за голову схватился.

дарг. Келра някъли касен «никогда не получишь» (букв. «хватай обеими руками»); русс. Хватай обеими руками;

дарг. КидехI жан агара «живем один раз» (букв. «двух жизней не бывает»);

русс. Двух жизней не бывает;

дарг. Кел гъай дурес «мало сказать» (букв. «сказать два слова»);

русс. Два слова сказать.

Как видим, ряд устойчивых сочетаний с числительными в даргинском языке совпадает с устойчивыми сочетаниями в русском языке. Например, дарг. клел гъара дучес «поймать двух зайцев» – рус. «убить двух зайцев одним выстрелом». Они обнаруживают в себе полное совпадение символов, которые являются основой образного наполнения устойчивых единиц.

В даргинском языке существует такая фразеологическая единица, как Кел къаш ца дабрилизи дихъили «пойдешь как миленький, никуда не денешься» (букв. «засунув обе ноги в одну туфлю»), которая передает особенности образного мышления даргинцев. Данная ФЕ выражает категоричность, настойчивость суждения.

Порою национально-культурная специфика скрывается за простыми образами. Но более пристальный взгляд на фразеологические системы других языков способствует нахождению ответа на те или иные вопросы.

Бородянский И.А., Степанова И.С. считают, что «категория количества, выражающая внешнее взаимоотношение предметов или их частей, а также свойств, связей, получает наиболее конкретное выражение в числительных [1, с. 17].

О значении числовых символов в речи говорил Пифагор, веривший в то, что числа есть одно из составляющих мира.

В науке существуют разнообразные учения о числах как о символах.

К примеру, Топорков А.Л. отмечает, что «у славян счет на два символизирует связь со смертью» [5, с. 156].

Такое понятие как «есть за двоих» понимается славянами, как есть за себя и за другого. У разных народов существует масса примет, которые связаны с числами.

Фразеологизмы даргинского языка с числительным хIябал «три», являются также широко распространенными. Приведем примеры:

ХIябал бархIи хIедикиб «очень короткий период времени, быстро» (букв. «не прошло и три дня»);

ХIябал гъай дурайчи «пока выскажет свои мысли» (букв. «пока три слова скажут»);

ХIябал гъайли бурес «очень коротко рассказать» (букв. «рассказать в трех словах») и др.

Рассмотрев ФЕ даргинского языка с компонентом-числительным хIябал «три», мы пришли к выводу, что образные выражения с компонентом «три» делятся на две группы.

В одну из групп вошли выражения религиозного плана, а также связанные с шариатом и исламом понятия:

ХIябал бархIила дунъя «короткая человеческая жизнь» (букв. «трехдневный мир»).

ХIябал бархIила магъар «о временном браке, встречающемся у мусульман в определенных ситуациях» (букв. «заключение брака на три дня»).

ХIябал гъайла душман «муж / жена после развода» (букв. «враг после трех слов» (у мусульман брак считается распавшимся после того, как муж произнесет три слова: талак, талак, талак; Врагами после трех слов называются родственники со стороны жены / мужа).

ХIябал бархIи хIедикиб «очень короткий период времени, быстро» (букв. «не прошло и три дня»).

ХIябал гъай дурайчи «до того момента, пока они муж и жена, пока не расторгли брак» (букв. «пока три слова скажут»).

Вторую группу составляют фразеологизмы даргинского языка с числительными, которые отражают окружающий мир, природу, различные чувства и состояния:

ХІябал рангла жанай вава «любимая девушка» (букв. «трехцветный цветок»).

ХІябал рузила узи «очень любимый, единственный, дорогой» (букв. «брат трех сестер»).

ХІябал тІяхІли батур «быстро одолел, догнал» (букв. «тремя прыжками оставил»).

ХІябал узила рузи «очень любимая, единственная, дорогая» (букв. «сестра трех братьев»).

ХІябал шайчи уркіи бутІили «находиться в сомнениях, раздумьях» (букв. «на три части сердце разделив»).

ХІябдусан бугъаван «буйный, бешеный» (букв. «как трехлетний бык»). ХІябдусан урчиван «резвый, быстрый» (букв. «как трехлетний конь»).

Анализа даргинских фразеологизмов с компонентом-числительным верхІел «семь» выявил, что числовой код показывает все характерное даргинцам, и оно базируется на обычаях, привычках и традициях даргинцев.

«Образ мира в сознании человека состоит из большого количества понятий, или концептов, и связанных с ними ассоциаций» [3, с. 24].

Кроме того, мы обратили внимание, что числительное «семь» является частым компонентом в устойчивых выражениях и других народов. К примеру, в бесписьменном арчинском языке часто используются такие выражения как: ВилІубу муллин ахши «на семь» гор далеко»; ВилІитІу малмірчи и «семь лиц есть (у кого-либо) (о двуличии и непостоянстве); ВилІитІу рахъ дузаллут «все семь сторон совершенный» (хорошее место); ВилІитІу рахъ аснана «семь сторон измерив» (хорошо изучив).

К примеру, в священном для мусульман Коране написано, что посланец Всевышнего Аллаха добыл Коран из «семи небес».

И христианская религия утверждает: «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал...».

Число верхІел «семь» широко используется и в религиях даргинского народа, исламе, а также данное число широко используется и в фольклорных произведениях даргинцев.

В «Фразеологическом словаре даргинского языка» находим множество ФЕ с числом «7»: ВерхІдехІ вацІурбала гІела «очень далеко» (букв. «за семью лесами»). ВерхІдехІ дабри делкахъес «долго добиваться своего» (букв. «износить семь пар обуви»). ВерхІдехІ дубуртала гІела «очень далеко, за тридевять земель» (букв. «за семью горами»). ВерхІдехІ зубрала гІела «очень далеко»

(букв. «за семью небесами»). ВерхІдехІ зубрала уди «очень глубоко» (букв. «в глубине семи небес»). ВерхІдехІ мез дала «все знающий хитрец» (букв. «семь языков знает»). ВерхІдехІ муснала уди «очень далеко» (букв. «за семью мирами»). ВерхІдехІ урхънала гІела «очень далеко» (букв. «за семью морями»). ВерхІдехІ урхънала уди «очень глубоко» (букв. «в глубине семи морей»). ВерхІдехІ хІуркІби ахъили «очень далеко» (букв. «перейдя семь рек»). ВерхІдехІ хъулрала вегІ «об очень жадном человеке» (букв. «хозяин семи домов»). ВерхІел бархІи «седьмой день после похорон / семь дней от рождения» (букв. «семь дней») [2, с. 62].

Как показывают примеры, в устойчивых выражениях даргинского языка наиболее широко используется компонент-числительное верхІел «семь». Данный компонент чаще всего употребляется для обозначения различных религиозных и национальных стереотипов культуры.

Проведенный анализ фразеологического фонда даргинского языка с компонентом-числительным, показал особенности образного мышления, национальной специфики и менталитета даргинцев.

Фразеологические интерпретации с разными числами служат даргинцам для составления того или иного образа и для представления собственной картины мира.

Литература

1. Бородянский И.А., Степанова И.С. О символическом значении компонентов фразеологических единиц // Романо-германская филология. Киев: Высшая школа, 1985. Вып. 19. С. 17 – 19.
2. Гасанова У.У. Фразеологический словарь даргинского языка. Махачкала. 2018. 288 с.
3. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
4. Корнилов О.А. 2003: Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2009. 341 с.
5. Топорков А.Л. Чур меня! // Русская речь. 1991. № 1. С. 151 – 155.

References

1. Borodyanskij I.A., Stepanova I.S. O simbolicheskom znachenii komponentov frazeologicheskikh edinic. Romano-germanskaya filologiya. Kiev: Vysshaya shkola, 1985. Vyp. 19. S. 17 – 19.
2. Gasanova U.U. Frazeologicheskij slovar' darginskogo yazyka. Mahachkala. 2018. 288 s.
3. Zhukov V.P. Semantika frazeologicheskikh obrotov. M.: Prosveshchenie, 1978. 160 s.
4. Kornilov O.A. 2003: YAzykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. M., 2009. 341 s.
5. Toporkov A.L. CHur menya! Russkaya rech'. 1991. № 1. S. 151 – 155.

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A NUMERAL COMPONENT
IN THE DARGIN LANGUAGE**

*Gasanova U.U., Doctor of Philological Sciences
(Advanced Doctor), Professor,
Dagestan State University,
North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University
of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Magomedgabibova I.M.,
Dagestan State University*

Abstract: the article analyzes phraseological units with numerals of the Dargin language. It is noted that the most interesting for the study is the iconic, symbolic character of the systemic qualities of objects, accessible only to the bearer of the corresponding national culture. For the analysis, several of the most active concepts of numerals are involved-the components of ca "one", k1el "two", x1abal "three", top1el "seven" in the Dargin language. The purpose of the study is to analyze the semantic and functional features of phraseological units with a component-a numeral in the Dargin language. Achieving this goal required solving the following tasks:

- to analyze phraseological units with numerals of the Dargin language;
- to determine the features and meaning of the functioning of the PU with the numerals of the Dargin language.

Keywords: Dargin language, phraseological units, stable combinations, numerals, semantic analysis, national-cultural specificity, phraseological system, numerical symbolism

РОЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

*Коростелева В.И., старший преподаватель,
Дальневосточный федеральный университет*

Аннотация: в статье рассматривается роль английского языка в современной Индии. Определена актуальность исследования.

Целью исследования является рассмотреть роль английского языка в современной Индии. Материалами исследования послужили научные источники по теме исследования, статистические данные.

Описан феномен взаимодействия языков и культур, смешение разных типов языковых ситуаций, происхождение и распространение языка – гибрида (индийского английского языка). Выявлено, что роль английского языка в современной Индии определяется длительным периодом колонизации (Индия долгое время была колонией Англии), большой популярностью среди молодежи, стремлением страны занимать прочное положение на международной арене, сильными позициями науки, образований и технологий на международном рынке, открытостью для иностранных туристов, студенческого обмена.

Ключевые слова: Индия, английский язык, хинглиш, смешение, взаимодействие, язык-гибрид

Введение

В настоящее время английский язык в Индии выполняет важные национальные и международные задачи и используется в сфере образования, государственного управления, торговли и предпринимательства, науки и технологий, а также туризма.

В Индии представлены 447 различных языка, 2000 диалектов. При этом порядка 40% населения используют хинди, более 3% жителей Индии говорят на английском языке. В Конституции Индии закреплено, что хинди и английский являются двумя государственными языками, предназначенными для работы национального правительства [7].

Согласно исследованию, опубликованному Cambridge University Press, более 100 млн. чел. в Индии используют английский язык как основной [7].

Процессы взаимодействия восточной и европейской культур приводят к взаимовлиянию языков. Продуктом взаимного влияния становится язык-гибрид – смешанный язык межэтнического общения местных языков и английского языка как глобального языка общения [1]. В связи с этим актуальным является рассмотреть роль английского языка в современной Индии и особенности его функционирования в обществе.

Цель и материалы исследования

Целью исследования является рассмотреть роль английского языка в современной Индии.

Материалами исследования послужили научные источники по теме исследования, статистические данные.

Результаты исследования и их обсуждение

Первое появление английского языка связано с возникновением Ост-Индской компании в XVII в. на территории полуострова Индостан [3, с. 388-391]. Именно с этого времени начинается взаимодействие английского языка и индийского в боль-

шинстве сфер общения. В настоящее время смешение языков преобладает в речи молодежи благодаря процессам глобализации и развитию Интернет-технологий.

Повсеместное распространение английского языка в Индии связано с приходом в страну кабельного телевидения и музыкальных каналов типа MTV. Среди местных каналов конкурентом являлся развлекательный музыкальный канал, представляющий только английскую музыку или только английские видеоклипы зарубежных уроженцев Индии либо родившихся за ее пределами. С целью повышения конкурентоспособности в 1996 г. канал стал широко использовать индийский английский. Речь ведущих стала более «индианизирована» и понятна большей части населения, что привело к резкому росту рейтинга канала [2].

D. Christall отмечал, что на индийском английском как на втором языке разговаривают более 350 млн. чел. [6].

Индийский вариант английского языка прочно завоевал свое место на рынке производителей товаров и услуг. К примеру, компания Microsoft выпустила свою продукцию на 14 языках Индии. Макдональдс использует рекламный слоган «Namaari treat. McDonald's aaye aur enjoy kare» («Наше угощение. Приходите в Макдоналдс и наслаждайтесь») [2].

В учебных пособиях хинди можно встретить большое количество английских заимствований, претерпевших фонетическую интерференцию или фонетическую вариативность. Словарь английского языка Collin's в 2005 г. включал около 26 неологизмов индийского происхождения, тогда как в 2015 г. их было более 200 (например, masala, filmi и др.). при этом большинство слов касается сфер кулинарии, индустрии кино и культуры [2].

Анализ функционирования английского языка в Индии позволил выделить следующие его отличительные черты:

- большое количество архаичных слов, заимствованных и языков хинди слов;
- употребление гибридов типа *box-wallah* – a businessman (предприниматель);
- слияние местного наречия и языка преподавания (например «demise» вместо «death»);
- буквальный перевод идиом, фразеологизмов;
- перестановка и сокращение английских фраз;
- сочетание разговорных слов хинди разговорного английского (например, в болливудских фильмах) [8].

Как видно, процесс проникновения элементов культуры происходит не только посредством контактирования языков, но и этносов, при этом и те, и другие подвергаются взаимовлиянию. Влияние языков влечет за собой заполнения лексических лакун, возникающих в процессе лексической интерференции, обусловленным переходом элементов материальной и духовной культуры из одного этноса или социума в другой.

В исследовании В.И. Карасика описывается феномен взаимодействия языков и культур, в процессе которого происходит смешение разных типов языковых ситуаций [1]. По мнению автора в Индии наблюдаются разные тенденции функционирования данного феномена. Анализируя языковую ситуацию в Индии, можно выделить следующие тенденции:

- используется язык только одной культуры (пожилые люди чаще всего используют хинди для общения);
- используются языки взаимодействующих культур в равной степени (родной язык или хинди и английский используются в равной степени в деловой среде, Хинглиш (Hindi + English) в ситуациях неформального общения, например, с коллегами по работе);
- используются языки взаимодействующих культур с дифференцированными сферами общения (родной язык или хинди используется в быту, знания английского языка необходимы для более высокого уровня социального взаимодействия, сферы употребления английского языка – право, наука, СМИ, образование, литература);
- используется облегченный по форме вариант языка одной из культур (ка правило, его используют эмигранты) [1].

Исходя из интерпретации языковых тенденции по классификации В.И. Карасика, можно предположить, что в Индии сложился особый вид английского языка – Indian English [1].

J. Baldrige в своем исследовании функционирования английского языка в Индии отметил, что хинглиш является самостоятельным вариантом английского языка. Автор отмечает, что не все языковые элементы используются, поскольку в

большей степени применяются региональные варианты. Более того для индийского английского характерны изменения на всех уровнях языка (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом) [4].

Согласно S. Hantington, в восточных языковых обществах наблюдаются две противоположные тенденции. Первая тенденция заключается в преимущественном использовании на уровне преподавания, бизнеса и науки. Вторая тенденция охватывает процессы вытеснения английского языка из повседневного общения. Наиболее ярко это проявляется в сфере СМИ, когда англоязычные издания заменяются местными, использующими местные языки [3]. Тем не менее индийский вариант английского языка все больше приобретает индивидуализированность, которая проявляется в локализации английского языка в зависимости от местного языка или диалекта. В результате различия настолько существенны, что для общения в другом регионе используется хинди, а не английский язык.

По мнению В. В. Качгу, что английский язык в настоящее время актуален для многих сфер деятельности в Индии: право, образование, СМИ, туризм, бизнес, вооруженные силы. В Южной Индии английский язык является универсальным языком, тогда как хинди – на Севере. Автор считает, что именно английский язык позволил Индии сохранить ведущее место среди развивающихся стран мира. Тем не менее в некоторых частях страны предпочтительным является местные языки [5].

Согласно А. G. Rao, от 1 до 5% жителей Индии являются англоговорящими. При этом английский язык считается привилегией и необходимым условием для образованных людей, а также желающих получить высокооплачиваемую работу [7]. Более того, английский язык является ключевым фактором социально-экономической мобильности жителей. В связи с этим в ВУЗах Индии обучение ведется полностью на английском языке. Тем не менее в стране достаточно критическая ситуация в сфере образования, обусловленная, с одной стороны, недостаточным уровнем знания английского языка при поступлении в ВУЗ и колледжи, с другой стороны, недостаточным финансово-экономическим состоянием большинства населения страны, поскольку наличие необходимого уровня знания английского требует обучения в частных английских среднеобразовательных школах (с 7 по 10 классы). Школы такого типа имеют научную направленность, соответственно, основным языком преподавания является английский язык, хотя внутри школы коммуникация осуществляется на хинди. Следующим фактором яв-

ляется недостаточное владение английским литературным языком выпускников ВУЗов ввиду преобладания регионального варианта (хинглиша), который имеет значительные отличия. В связи с этим выпускники сталкиваются с большим количеством отказов при поступлении на работу: по статистике 2015-2018 гг. компании отказывали более 90% кандидатов на должность вследствие низкого уровня знаний английского языка.

Другой проблемой является низкий уровень качества среднего образования. По данным 2018 г. более 1/3 учащихся из коренных народов не заканчивают 5 класс.

Таким образом, наблюдаются две закономерности: низкое качество среднего образования не позволяет поступать в ВУЗы и колледжи с изучением английского языка, низкий уровень знаний английского литературного языка ввиду распространенности регионального варианта английского языка не позволяет находить высокооплачиваемую работу. Более того, смешение местных диалектов и английского языка в раннем детстве, широкое их употребление среди молодежи в разговорной речи и преподавание в учебных заведениях на литературном английском языке акцентирует внимание на несогласованности фактически повсеместного регионального варианта английского языка и языковой политики страны в отношении хинди и английского языков как языков преподавания.

Заключение

Таким образом, роль английского языка в современной Индии определяется следующими факторами:

- длительным периодом колонизации (Индия долгое время была колонией Англии);
- большой популярностью среди молодежи;
- стремлением страны занимать прочное положение на международной арене;
- сильными позициями науки, образований и технологий на международном рынке;
- открытостью для иностранных туристов, студенческого обмена.

Литература

1. Дементьев В.В. Языковые и коммуникативные круг, ключ, матрица: о значении идей В.И. Карасика для коммуникативной лингвистики // Жанры речи. 2014. № 1-2. С. 9 – 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-i-kommunikativnye-krug-klyuch-matritsa-o-znachenii-idey-v-i-karasika-dlya-kommunikativnoy-lingvistiki-1> (дата обращения: 15.03.2021)

2. Трушкина К.А., Горбунова В.С. Особенности коммуникации на английском языке в Индии //

Perspectives of Science and Education. 2014. № 5. С. 137 – 139.

3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

4. Baldridge J. Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. Linguistic and Social Characteristics of Indian English // Language in India. 2002. Vol. 2 (4). URL: <http://www.languageinindia.com/index.html> (дата обращения: 12.03.2021)

5. Bolton K., Botha W., Kirkpatrick A. Braj B. Kachru and Asian Englishes Today // The Handbook of Asian Englishes. 2020. Vol. 1 (11). P. 14 – 19.

6. Christal D. English as a Global Language / Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 162 p.

7. Rao A.G. The (Illusory) Promise of English in India // 11th Language and Development Conference (New Delhi, 18-20 November 2015). 2015. P. 19 – 27.

8. Shneider E.W. The Dynamics of New Englishes: from Identity Construction to Dialect Birth [Электронный ресурс] // Language. Journal of the Linguistic Society of America. 2003. Vol. 79. № 2. URL: <http://www.lsadc.org/info/language/792.pdf> (дата обращения: 12.03.2021)

References

1. Dement'ev V.V. Yazykovye i kommunikativnye krug, klyuch, matrica: o znachenii idey V.I. Karasika dlya kommunikativnoj lingvistiki. Zhanry rechi. 2014. № 1-2. S. 9 – 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-i-kommunikativnye-krug-klyuch-matritsa-o-znachenii-idey-v-i-karasika-dlya-kommunikativnoy-lingvistiki-1> (дата обращения: 15.03.2021)

2. Trushkina K.A., Gorbunova V.S. Osobnosti kommunikacii na anglijskom yazyke v Indii. Perspectives of Science and Education. 2014. № 5. S. 137 – 139.

3. Hantington S. Stolknovenie civilizacij: per. s angl. T. Velimeeva. YU. Novikova. M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. 603 s.

4. Baldridge J. Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. Linguistic and Social Characteristics of Indian English. Language in India. 2002. Vol. 2 (4). URL: <http://www.languageinindia.com/index.html> (дата обращения: 12.03.2021)

5. Bolton K., Botha W., Kirkpatrick A. Braj B. Kachru and Asian Englishes Today. The Handbook of Asian Englishes. 2020. Vol. 1 (11). R. 14 – 19.

6. Christal D. English as a Global Language. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 162 r.

7. Rao A.G. The (Illusory) Promise of English in India. 11th Language and Development Conference (New Delhi, 18-20 November 2015). 2015. P. 19 – 27.

8. Shneider E.W. The Dynamics of New Englishes: from Identity Construction to Dialect Birth [El-

ektronnyj resurs]. Language. Journal of the Linguistic Society of America. 2003. Vol. 79. № 2. URL: <http://www.lsadc.org/info/language/792.pdf> (data obrashcheniya: 12.03.2021)

THE ROLE OF ENGLISH IN MODERN INDIA

*Korosteleva V.I., Senior Lecturer,
Far Eastern Federal University*

Abstract: the article examines the role of the English language in modern India. The relevance of the research has been determined.

The aim of the study is to examine the role of the English language in modern India. The research materials were scientific sources on the research topic, statistical data.

The phenomenon of interaction of languages and cultures, mixing of different types of linguistic situations, the origin and spread of the language - a hybrid (Indian English) are described. It was revealed that the role of the English language in modern India is determined by a long period of colonization (India was a colony of England for a long time), great popularity among young people, the country's desire to occupy a strong position in the international arena, strong positions of science, education and technology in the international market, openness to foreign tourists, student exchange.

Keywords: India, English, Hinglish, mixing, interaction, hybrid language

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА СЧАСТЬЕ В СТИХАХ С.А. ЕСЕНИНА И ХАЙ ЦЗЫ

*Ли Синьюй, аспирант,
Восточный Институт – Школа региональных
международных исследований,
Дальневосточный федеральный университет*

Аннотация: в своей статье мы попробовали показать, как понимание концепта счастье можно отразить в другом языке при переводе художественного текста. Для перевода мы взяли стих китайского поэта Хай Цзы, которого считают китайским Есениным и стих самого С.А. Есенина. Целью нашего исследования было рассмотрение концепта счастье в творчестве перечисленных поэтов, нахождение общих черт и различий. Если сравнивать понятие счастья как языковой концепт в русской и китайской языковых картинах мира, то мы можем увидеть, что словари дают разную категоризацию этого понятия, что и положено в основу нашего поиска. В результате, найденные общие черты говорят о том, что авторы имели схожие ощущения к природе, к деревне. Различия заключались в том, что у Хай Цзы было больше всего уникальных реализаций концепта счастье, а у Есенина счастье было связано с нежными, мелодичными, тихими звуками. Для передачи этих особенностей во время перевода стихов с русского на китайский и с китайского на русский, нами были найдены точные эквиваленты, если такое понятие имелось в обеих культурах. Таким образом в переводах сохранялась и структура, и красота исходного поэтического текста.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, поэтическая картина мира, коммуникативная стилистика текста, концепт, художественный концепт

Представленная работа, «Сравнительный анализ концепта счастье в стихах С.А. Есенина и Хай Цзы», посвящена сравнительному анализу творчества русского поэта С.А. Есенина и китайского поэта Хай Цзы. Актуальность работы определяется тем, что ранее не было работ, посвященных сравнительному анализу концепта счастье в стихах русского и китайского поэтов. Материалами исследования был стих С.А. Есенина «Вот оно глупое счастье» и стих Хай Цзы «Лицом к морю, пора цветения природы».

Следует отметить, что Есенин и Хай Цзы схожи. И если из российских источников уже мы знаем немного о жизни Есенина, то о китайском поэте мы не знаем ничего. И для того чтобы лучше понять сходство гениальных поэтов, необходимо немного углубиться в биографию Хай Цзы.

Хай Цзы родился в 1964 г. и жил обыкновенным крестьянином. К сожалению, при жизни он не получил широкого признания, однако после смерти его стихи приобрели в Китае культовый статус. Стихи, как и многие поэты, он начал писать во время учебы. Он поступил на юридический факультет в 15 лет. В это же время он начал писать стихи, а после выпуска был направлен на кафедру философии. Несмотря на то что поэт мог увидеть счастье в простых вещах, об этом мы можем судить по его стихам, жизнь он покончил самоубийством, бросившись под колеса поезда. Об этом можно сказать одно: поэт впитывал в себя мир не только с оптимистичной стороны, но также и принимал мир со всеми тягестями, горем, трудностями и невзгодами [13].

Можно отметить то, что Хай Цзы считается китайским Есениным. Приведем пример из цикла стихов, посвященных Есенину [15]:

*Я живу в городишке, где пахнет гречихой,
Утром вижу восход, вечерами – закат.
Здесь расстанемся мы безвозвратно и тихо,
Как Есенин, в осенний уйдём в листопад.*

Есенин и Хай Цзы прожили достаточно короткую жизнь, и ушли из жизни посредством самоубийства. Это говорит о том, что их характеры были очень похожи, их души воспринимали и впитывали этот мир со всеми его тягестями. Поэтому мы хотим сравнить мироощущение Хай Цзы с Есениным на примере стихов о счастье.

Для этого рассмотрим, как определяется счастье в русском языке. Счастье в русской культуре по словарю Евгеньевой понимается как: 1. Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л. || Внешнее проявление этого чувства. 2. Успех, удача. 3. в знач. сказ. Хорошо, удачно. || (в сочетании с мест.: „мое“, „твое“, „его“, „ваше“). Повезло кому-л., удачно вышло для кого-л. 4. Прост. Участь, доля, судьба. Всякому свое счастье. Поговорка. К счастью; на счастье; по счастью (в знач. вводн. сл.) – выражает удовлетворение по поводу чего-л. На счастье (дать, сделать, сказать и т. п.) – чтобы было счастье, удача у кого-л. Иметь счастье с неопр. Ц формула вежливости, употребляемая в значении: удостоиться чего-л. Попытать счастья (счастье) [5].

В работе Ю.С. Стернина и З.Д. Поповой приводится анализ понятийной составляющей концепта «счастье», в результате которого было выведено главное значение счастья – «состояние абсолют-

ной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия». Они выделяли следующие значения:

1. Счастье – это то, что дарует Бог;
2. Счастье и несчастье могут выступать в качестве каких-то божеств, которые проявляют свою волю и могут воздействовать на человека;
3. Счастье приманивает богатство, умножая достаток, а несчастье выпадает на долю бедных, которые становятся еще беднее;
4. Субъект оценивает свое собственное счастье как нереальное, а несчастье как постоянное состояние;
5. Счастье и несчастье взаимно обуславливают друг друга;
6. Счастье человека может состоять в любви, в радостях, в наслаждении и т.д.;
7. Связь счастья и материальных благ: иногда материальные блага – необходимы для счастья, иногда нет;
8. Существуют также индивидуальные концептуальные признаки счастья: Счастье – это честь, умиротворение, природа, смерть, воспоминание. [1]

В китайском языке «счастье» представлено не очень широко. По материалам китайских толковых словарей нами выделены 2 основных значения [11]:

- 幸福 xìngfú – счастье; благополучие; благосклонность судьбы, счастливый;
- 幸福感 xìngfúgǎn- счастье, ощущение благополучия; ощущение счастья;

В китайской культуре счастье имеет следующие репрезентации:

- 1) Представление о счастье связано с понятием о «пяти земных благах»: долголетие, богатство, здоровье, добродетель и естественная смерть;
- 2) Счастье – это умение довольствоваться и наслаждаться той жизнью, которой судьба наделила человека;
- 3) Радость, счастье неизменно сменяется печалью, а за счастливыми следуют горестные дни;
- 4) Для того чтобы быть счастливым материальные блага и духовные должны быть в гармонии [2].

Теперь мы посмотрим насколько разнятся представления о счастье у поэтов или они одинаковы, но переданы разными словами. Прежде всего мой перевод – это перевод с попыткой сохранить понимание концепта счастье, попытка расширить и передать его.

Есть разные виды перевода. Мы хотим остановиться на переводе концептов, который понимает-

ся нами как создание информационного концептуального поля текста. Концептуальный анализ не всегда попадает в точную передачу лексических единиц, т.к. понимание концептов в разных языках может различаться. В данном концептном переводе главным было перевести идею счастья, а не структуру стиха. Проанализируем стихи с этой точки зрения.

Сергей Есенин

Вот оно, глупое счастье – эту строчку мы перевели на китайский как <瞧, 普通人的幸福 > (на русский: Наивное счастье). Слово глупый в китайском языке имеет значение: человек, который имеет мало ума:

- 傻, глупый, тупой;
- 笨: 愚人。愚笨。愚蠢。愚鲁。愚氓 (愚蠢的人)。глупый; тупой; дурной;
- 愚昧 (缺乏知识, 文化落后)。 невежественный, невежество, тёмный, молодой и наивный;
- 愚顽。 невежественный (глупый) и упрямый;
- 愚妄。 глупец;
- 愚不可及。 исключительно тупой;
- 大智若愚 (有大智慧的人, 不卖弄聪明, 表面上好像很愚笨, 亦作“大智如。 большая мудрость, подобная глупость; [11]

Поскольку это значение не соответствует тому значению, которое выводится из контекста, мы попытались подобрать синоним. Для этого в синонимическом словаре было найдено слово наивный, поэтому при переводе мы выбрали его китайский аналог.

С белыми окнами в сад! <从窗户能看到花园> – перевод с точными эквивалентами (счастье – это как дом, у которого есть окна, а из этих окон ты видишь сад).

По пруду лебедем красным плывет тихий закат <天空中的红色夕阳飘过天空, 仿佛一只美丽而温柔的天鹅漂浮在池塘上> (на русский: красный закат и облака на небе плывут медленно и спокойно, как будто красивый и нежный лебедь плывет по пруду и отражается в пруду) – данную метафору мы перевели с использованием сравнения «как лебедь».

Здравствуй, златое (золотое 黄金的) затишье <你好, 金黄色的水, 没有波浪> (на русский: Здравствуй золотая или дорогая, долгожданная тишина) – златое в данном случае перевели как золотое, а обращение (здравствуй) оставили.

С тенью березы в воде! <你可以看到桦树的阴影> - перевод с точными эквивалентами.

Галочья стая на крыше служит вечерню звезде, <每天晚上 一群寒鸦在房子的屋顶上对太阳进行祈祷> (на русский: Птицы поют как будто молятся на закате солнца, также, как и служители церкви молятся каждый вечер): Галки – редкие птицы в китайской культуре, поэтому их просто заменили птицами. Метафору (служить вечерню) перевели с использованием сравнения.

Где-то за садом несмело, <我们想象在花园后面的某个地方是胆小的> (на русский: где-то за садом смущаясь): несмело перевели как смущаясь, так как «несмелый» имеет другое значение в китайском языке.

Там, где калина цветет, <在那里有红莓花> (на русский: Там, где красные ягоды цветут): калины нет в китайской культуре, поэтому их заменили красивыми ягодами.

Нежная девушка в белом, <美丽的女孩穿着优雅的白色的衣服> (на русский: «Хрупкая», «красивая» девушка в белом платье): для точности было добавлено опущенное слово: в белом платье.

Нежную песню поет. <一个美丽的女孩唱着一首美丽的歌曲> перевод с точными эквивалентами (не смело, тихо, красивая девушка поёт красивую песню).

Стелется синюю рясой с поля ночной холодок <夜晚的寒冷像教堂的长袍一样, 缓慢不知不觉的在田地上蔓延> (на русский: ночной холод как синяя церковная одежда распространяется по полю медленно и незаметно). Метафора «холод-синяя ряса» объясняется тем, что синий цвет ассоциируется с холодом, то есть когда наступает ночь постепенно холодает. Смысл здесь в том, что небольшой холод постепенно проникает в сад, когда наступает вечер. Метафора переведена с помощью сравнения.

Глупое, милое счастье, <幸福在最简单、最平凡的事中> На русский это было переведено как «Наивное, простодушное счастье», то есть счастье в очень обычных вещах, таких как «счастье проснуться», «счастье жить в мире и согласии», «счастье в хорошей погоде» или «счастье в солнечных лучах». Был использован такой перевод, так как точных эквивалентов нет.

Свежая розовость щек! <因为年轻初次的幸福感, 脸颊会变成粉色> переведено с точными эквивалентами. Человек, который это пишет ещё молод и считает, что счастье – это когда щеки розовеют, а щеки розовеют, когда человек испытывает хорошие чувства, любовь или спокойствие.

Таким образом, в стихе С.А. Есенина понимание счастья заключается в картине мирного вечера в доме.

Рассмотрим, как создает картину счастья Хай

Цзы:

从明天起, 做一个幸福的人 <С завтрашнего дня станьте счастливым человеком> – эквивалентный перевод.

喂马, 劈柴, 周游世界 <Кормите лошадей, рубите дрова, путешествуйте по миру> – эквивалентный перевод.

从明天起, 关心粮食和蔬菜 <С завтрашнего дня заботьтесь о зерне и овощах> – эквивалентный перевод.

我有一所房子, 面朝大海, 春暖花开 <У меня есть дом с видом на море, с весенними цветами> – эквивалентный перевод.

从明天起, 和每一个亲人通信 <С завтрашнего дня пишите письма каждому из моих близких> Ц эквивалентный перевод.

告诉他们我的幸福 <Расскажи им о моем счастье> - эквивалентный перевод.

那幸福的闪电告诉我的 <Что эта искра блаженства сказала мне> – Автор “счастье” уподобляет “молнии”, так указывает на силу и мимолетность этого счастья. Оно наступает внезапно как вспышка молнии и обладает огромной силой, способной поразить человека. Такого рода счастье будет мимолетным и внезапным, его можно считать иллюзорным, но не еле ощутимым, а «прошибающим насквозь».

我将告诉每一个人 <Я буду пересказывать это всем до единого> – эквивалентный перевод.

给每一条河每一座山取一个温暖的名字 <Дайте каждой извиливой реке и каждой горе ласковое имя> - эквивалентный перевод.

陌生人, 我也为你祝福 <Незнакомец, я тоже желаю тебе счастья>

- эквивалентный перевод.

愿你有一个灿烂的前程 <Я желаю тебе сверкающего пути впереди> - эквивалентный перевод.

愿你有情人终成眷属 <Я хочу, чтобы ты встретил своего возлюбленного, чтобы у тебя был свой дом> - эквивалентный перевод.

愿你在尘世获的幸福 <Я желаю тебе обрести счастье в этом мире> – Здесь «в этом мире» надо понимать как земной обычный мир из религии буддизма.

我只愿面朝大海, 春暖花开 <Я хочу только смотреть на море, на весенние цветы> – эквивалентный перевод.

Таким образом, мы видим общие черты: счастье у Есенина и у Хай Цзы статичное, состоит из статичных объектов: пруд, солнце, закат, море, дерево, цветы, дом. Сравнивая стихи Есенина и Хай Цзы можно увидеть одинаковую тематику – описание счастливой сельской жизни. Также совпадает реализация концепта счастье – природа.

Мы видим, что писатели с восхищением отражают природную красоту.

Различия: в стихе Есенина были найдены уникальные реализации концепта, как например счастье – молодость, счастье – невинность, счастье – красивая музыка, счастье – это что-то простое. В стихе Хай Цзы также были найдены уникальные реализации концепта, например: счастье – близкие люди, счастье – путешествия.

Таким образом, концептный перевод позволяет нам отходя от некоей структуры оригинала передать мироощущение поэта. Концептный перевод может быть хорош в таких ситуациях, т.к. мы понимаем, что разноструктурные языки не могут в полной мере позволить нам передать поэтический текст. На наш взгляд концептный перевод для поэтических текстов является одним из возможных вариантов постижения духовного достояния творчества иноязычного поэта.

Сергей Есенин
 Вот оно, глупое счастье
 С белыми окнами в сад!
 По пруду лебедем красным
 Плавает тихий закат.
 Здравствуй, золотое затишье,
 С тенью березы в воде!
 Галочья стая на крыше
 Служит вечерню звезде.
 Где-то за садом несмело,
 Там, где калина цветет,
 Нежная девушка в белом
 Нежную песню поет.
 Стелется синевя рясой
 С поля ночной холодок...
 Глупое, милое счастье,
 Свежая розовость щек!
 1918 г.

瞧，普通人的幸福
 从窗户能看到花园！

天空中的红色夕阳飘过天空，仿佛一只美丽而温柔的天鹅漂浮在池塘上。

你好，金黄色的水，没有波浪，
 你可以看到桦树的阴影！

每天晚上一群寒鸦在房子的屋顶上对太阳进行祈祷。

我们想象在花园后面的某个地方是胆小的，
 在那里有红莓花，

美丽的姑娘穿着优雅的白色的衣服

一个美丽的姑娘唱着一首美丽的歌曲。

夜晚的寒冷像教堂的长袍一样，缓慢且不知不觉的在田地上蔓延...

普通人的幸福，

因为年轻初次的幸福感，脸颊会变成粉色。

1918 (перевод Ли Синьюй)

面朝大海，春暖花开

从明天起，做一个幸福的人

喂马、劈柴，周游世界

从明天起，关心粮食和蔬菜

我有一所房子，面朝大海，春暖花开

从明天起，和每一个亲人通信

告诉他们我的幸福

那幸福的闪电告诉我的

我将告诉每一个人

给每一条河每一座山取一个温暖的名字

陌生人，我也为你祝福

愿你有一个灿烂的前程

愿你有情人终成眷属

愿你在尘世获得幸福

我只愿面朝大海，春暖花开

Лицом к морю, пора цветения природы Хай Цзы

С завтрашнего дня станьте счастливым человеком

Кормите лошадей, рубите дрова, путешествуйте по миру

С завтрашнего дня заботьтесь о зерне и овощах

У меня есть дом с видом на море, с весенними цветами.

С завтрашнего дня пишите письма каждому из моих близких

Расскажи им о моем счастье;

Что эта искра блаженства сказала мне

Я буду пересказывать это всем до единого

Дайте каждой извилистой реке и каждой горе ласковое имя

Незнакомец, я тоже желаю тебе счастья

Я желаю тебе сверкающего пути впереди

Я хочу, чтобы ты встретил своего возлюбленного, чтобы у тебя был свой дом

Я желаю тебе обрести счастье в этом мире

Я хочу только смотреть на море, на весенние цветы.

Хай Цзы

(Чжа Хайшэн, 1964-1989) (перевод Ли Синьюй)

Литература

1. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 8. 328 с.
2. Смирнов И.Б., Ли Цианьхуа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. 11 с.
3. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Москва: Русские словари, 1994. 524 с.
4. Бабенко Л.Г. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с.
5. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; 4-е изд., стер. Москва: Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. 907 с.
7. 米中原, 孟令霞, 刘玉霞 «俄汉双向生成翻译理论与译法研究» / 米中原, 孟令, 刘玉霞著. -- 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2017. 364 с.
8. 毛志文: «结构诗学视角下的俄汉诗歌翻译研究» (Russian and Chinese Poetry Translation Studies From the Perspective of Structural Poetics) / 毛志文著. – 北京: 中国社会科学院出版社, 2016. 259 с.
9. 海子经典诗全集: 从明天起, 做一个幸福的人. 2019-03-01 (套装全两册)
10. 童丹: «意向转换视域下的中国古典诗词俄译研究» 童丹著, 人民出版社, 2011. 233 с.
11. 汉俄词典
12. 黑龙江大学俄语系, 词典编辑室编, 大俄汉词典. 2737 с.
13. 海子 - 百度百科 (当代青年诗人) https://vhsagj.smartapps.baidu.com/pages/lemma/lemma?_swebfr=1&lemmaTitle=EBBEAD&lemmaId=205722&from=bottomBarShare&_swebFromHost=baiduapp, data obrashcheniya 12.12.2021
14. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) (дата обращения: 12.12.2021)
15. <http://moloko.ruspole.info/node/9532> (дата обращения: 20.12.2021)

References

1. Karasik V.I., Sternin I.A. Antologiya konceptov. Volgograd: Paradigma, 2005. T. 8. 328 s.
2. Smirnov I.B., Li Cian'hua. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2013. 11 s.
3. Abramov N. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij. Moskva: Russkie slovari, 1994. 524 s.
4. Babenko L.G. Konceptosfera russkogo yazyka: klyuchevye koncepty i ih reprezentacii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovarya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2010. 340 s.
5. Evgen'eva A.P. Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. RAN, In-t lingvistich. issledovanij; 4-e izd., ster. Moskva: Poligrafresursy, 1999. 702 s.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Moskva: Azbukovnik, 1999. 907 s.
7. 米中原, 孟令霞, 刘玉霞 «俄汉双向生成翻译理论与译法研究» / 米中原, 孟令, 刘玉霞著. -- 哈尔滨: 黑龙江大学出版社 · 2017. 364 s.
8. 毛志文: «结构诗学视角下的俄汉诗歌翻译研究» (Russian and Chinese Poetry Translation Studies From the Perspective of Structural Poetics) / 毛志文著. – 北京: 中国社会科学院出版社, 2016. 259 s.
9. 海子经典诗全集: 从明天起, 做一个幸福的人. 2019-03-01 (套装全两册)
10. 童丹: «意向转换视域下的中国古典诗词俄译研究» 童丹著, 人民出版社, 2011. 233 s.
11. 汉俄词典
12. 黑龙江大学俄语系 · 词典编辑室编 · 大俄汉词典. 2737 s.
13. 海子 - 百度百科 (当代青年诗人) https://vhsagj.smartapps.baidu.com/pages/lemma/lemma?_swebfr=1&lemmaTitle=EBBEAD&lemmaId=205722&from=bottomBarShare&_swebFromHost=baiduapp, data obrashcheniya 12.12.2021
14. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka (ruscorpora.ru) (data obrashcheniya: 12.12.2021)
15. <http://moloko.ruspole.info/node/9532> (data obrashcheniya: 20.12.2021)

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT HAPPINESS
IN POETRY OF S.A. YESENIN AND HAI TZI**

*Li Xinyu, Postgraduate,
Oriental Institute – School of Regional International Studies,
Far Eastern Federal University*

Abstract: in our article, we tried to show how the understanding of the concept of happiness can be reflected in another language when translating a literary text. For translation, we took a verse by the Chinese poet Hai Tzi, who is considered the Chinese Yesenin, and a verse by S.A. Yesenin. The purpose of our study was to consider the concept of happiness in the works of the listed poets, to find common features and differences. If we compare the concept of happiness as a linguistic concept in the Russian and Chinese linguistic pictures of the world, we can see that dictionaries give different categorization of this concept, which is the basis of our search. As a result, the common features we found indicate that the authors had similar feelings towards nature, towards the village. The differences were that Hai Tzi had the most unique realizations of the concept of happiness and happiness in Yesenin's verse was associated with gentle, melodic, quiet sounds. To convey these features during the translation of poems from Russian into Chinese and from Chinese into Russian, we found exact equivalents, if such a concept existed in both cultures. Thus, both the structure and the beauty of the original poetic text were preserved in the translations.

Keywords: picture of the world, linguistic picture of the world, poetic picture of the world, communicative style of the text, concept, artistic concept

КОНЦЕПТ «ОБЩЕСТВО» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

*Пазле Н.В., аспирант,
Армавирский государственный педагогический университет*

Аннотация: статья посвящена изучению концепта «общество» в пространстве медиадискурса. Концепт рассматривается как единица общественного сознания, которая несет на себе отпечаток культуры, относится к духовным ценностям. Цель исследования заключается в изучении основных культурных смыслов, входящих в концепт «общество». Исследуемый концепт рассматривается на материале текстов российских СМИ, выступающих в системе медиадискурса как важное средство воздействия на мировоззрение личности и общества.

Концепт «общество» может рассматриваться как в широком, так и узком смысле слова. Широкий подход, представленный имплицитно, включает информацию об общественных процессах в целом. В узком смысле данный концепт получает презентацию в рамках одноименной рубрики «общество». Анализ СМИ позволяет выявить наиболее репрезентативные смыслы, формирующие концепт «общество» в российском медиадискурсе.

В работе использовались следующие методы: анализ; синтез; дефиниционный анализ; контекстуальный анализ; интерпретативный анализ. Материал может быть использован в процессе изучения концептосферы массмедийного дискурса. Результаты исследования могут найти применение в учебных курсах по теории дискурса, теории и практике межкультурной коммуникации, стилистике, интерпретации текста, теории и практике перевода.

Ключевые слова: дискурс, текст, концепт, масс-медиа, общество

Медиадискурс представляет собой динамичное сложное явление, нацеленное на оптимизацию монокультурной/межкультурной коммуникации. Медиасистема лингвокультуры не только демонстрирует уровень развития общества, но и воздействует на него, способствует трансформации. В современном мире данный тип дискурса выступает как явление массовой культуры, одна из культурно-социальных практик, которая формирует картину мира человека, в этой связи его изучение является актуальным и привлекает внимание исследователей (А.В. Авидзба, Н.Ф. Алефиренко, Е.А. Андрущенко, В.А. Буряковская, Н.С. Болотнова, А.В. Володина, А.В. Вырковский, Т.Г. Добросклонская, М.Р. Желтухина, Ю.В. Копылова, А.А. Календер, Н.И.Клушина, Н.В. Погребняк, А.В. Олянич, С.С. Смирнов, О.И. Таюпова, И.В. Топчий, С.С. Шувалов, И.А. Якоба и др.). В.А. Буряковская подчеркивает, что современная массовая культура носит наднациональный глобальный характер, транслируя ценности и установки, не соответствующие культурным доминантам говорящего коллектива. Также автор отмечает многомерность и многогранность данного явления, анализ которого должен быть мультидисциплинарным [1, с. 6-10]. Е.Н. Кожемякин называет медиадискурсом тематически сфокусированную и обусловленную социокультурно речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве. Принципиальным отличием этого типа дискурса, согласно мнению автора, является тот факт, что кроме производства определенных знаний, оценка объектов и их образов как результата речемыслительной деятельности он формирует определенное представление о способах трансляции знания [3, с. 16]. Мы придерживаемся определения медиадискурса, которое дает М.Р. Желтухи-

на: «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [2, с. 293]. Необходимо обратить внимание на важное замечание Е.В. Федосеевой, которая характеризует репрезентацию действительности в медиадискурсе, осуществляемую в одном из двух возможных вариантов: по типу «отражение» или по типу «конструирование», которые различаются по своим когнитивным механизмам. При «конструировании» происходит замена реально имевших место фактов действительности медиафактами – дискурсивными конструктами, созданными с помощью определенных когнитивных механизмов и особого набора языковых средств. В качестве когнитивных механизмов автор называет механизм конструирования референтной ситуации, механизм включения пишущего в референтную ситуацию, механизмы стереотипизации и мифологизации, механизм риторической модификации медиадискурса [5, с. 9].

Одну из центральных позиций в медиадискурсе занимает концепт «общество», который, с одной стороны, отражает понимание происходящих процессов, а с другой стороны – формирует новую реальность, таким образом, одновременно существуют два процесса: анализ и конструирование. Т.Ю. Передриенко и Е.С. Баландина изучили концепты «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе. Как отмечают исследователи, данные концепты являются ключевыми, определяющими существование человечества, при этом в них

заключается сложная понятийная составляющая, обращенная к разным сферам бытия [4, с. 51-73] ... Этимология имени концепта, по мнению Т.Ю. Передриенко и Е.С. Баландиной, в достаточной мере согласуется с пониманием общества в истории философии, а философская трактовка позволяет рассматривать общество как развитую форму общины [4, с. 51-73]. И.П. Черкасова отмечает специфику функционирования концепта в медиадискурсе, к которой относит национально обусловленную аксиологию и глобальность массовой коммуникации [6, с. 72].

Учитывая разнообразие современных средств массовой информации в качестве материала исследования нами были выбраны наиболее популярные современные СМИ. Мы опирались на результаты данных сайта «Медialogия» (разработчик автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа в режиме реального времени), который является лидером в мониторинге и анализе СМИ и соцмедиа. В результате были выбраны наиболее популярные издания России: Российская газета, Известия, Московский комсомолец, Комсомольская правда, Аргументы и факты.

В работе применены общенаучные методы наблюдения, описания, классификации. С целью формирования исследовательской картотеки использовались метод сплошной выборки и прием количественного подсчета. В процессе анализа эмпирического материала были применены дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, интерпретационный анализ, техника декодирования.

Принимая во внимание специфические характеристики анализируемого концепта и структурную организацию современных средств СМИ мы пришли к заключению, что первым уровнем, нацеленным, с одной стороны, на спецификацию новостей, но, с другой стороны, структурирующим их в области определенной темы, является рубрикация газет. Анализ показывает, что рубрики в целом не только раскрывают ключевые концепты медиадискурса, но, по сути, на них базируются, демонстрируя инвариантные и вариативные составляющие. В зависимости от издания, целевой установки на определенную аудиторию, концепты раскрываются в пространстве рубрикации более или менее детально.

В СМИ можно с очевидностью выделить широкий и узкий подходы к пониманию концепта «общество». Широкий подход, представленный имплицитно, включает информацию об общественных процессах в целом. В узком смысле данный концепт получает презентацию в рамках

одноименной рубрики «общество». Рассмотрим содержание данного концепта, представленное в рубрике «общество» в российском медиадискурсе, основными смысловыми составляющими которого на базе репрезентативности и частотности можно назвать следующие:

- На первый план в 2020-2021 гг. вышли проблемы, связанные с пандемией. Все газеты регулярно информируют жителей о ситуации с коронавирусом на территории страны в целом, регионов или областей, затрагивающих отдельные социальные группы: ... *за прошедшие сутки от COVID-19 вылечили 39 военнослужащих. Общее количество представителей Вооруженных сил, которые с марта прошлого года избавились от новой коронавирусной инфекции, достигло в армии и на флоте более 42,6 тысячи человек* [Российская газета, 2.11.2021].

- Отмечается роль руководящих органов, работа которых нацелена на сохранение здоровья населения, преодоление пандемии в более короткие сроки: *Первый муниципалитет в Краснодарском крае ввел обязательное наличие QR-кода о вакцинации от COVID-19 для посещения школ и детских садов. На такие меры пошли власти в Армавире из-за ухудшения эпидемиологической ситуации по коронавирусу в городе* [Российская газета, 28.10.2021].

- В СМИ демонстрируется в целом забота о благосостоянии населения: *ГУ УПФР №11 по г. Москве и Московской области информирует пенсионеров Серпухова, что с 1 января 2021 года страховые пенсии неработающих пенсионеров индексируются на 6,3%, что выше показателя прогнозируемой инфляции по итогам 2020 года* [Московский комсомолец, 21.12.2020].

- Сообщается о динамике, происходящей в рамках определенных сфер и областей. Так, например, журналистика играет в обществе роль четвертой власти, но сейчас эта сфера находится в переходном состоянии, как заявил пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков: *Общее (для журналистики. – Ред) – это информировать людей, играть роль той самой четвертой власти. Общество не может быть здоровым без здоровой журналистики», – цитирует Пескова «РИА Новости»* [Известия, 6.02.2019].

- Важное значение имеет медиадискурс для процессов контроля соблюдения прав человека: *Об опасных отходах производства и брошенных объектах, наносящих вред природе и угрожающих безопасности людей, «АиФ» писал не раз. И, хотя в последнее время сделаны важные шаги для улучшения экологии, тема эта не теряет остроты* [Аргументы и факты, 23.12.2020].

• Многие сообщения, определяющие политическую, экономическую ситуацию или положение в области образования, выполняют только информативную функцию, характеризуются нейтральной тональностью, отсутствием эмоционально-экспрессивных единиц: *Во Всероссийской переписи населения приняли участие более 63% россиян, около 90 млн человек. Об этом во вторник, 2 ноября, сообщил заместитель руководителя Росстата Павел Смелов [Известия, 2.11.2021].* или *Рособрнадзор сообщает, что в этом году 98% выпускников школ получили «зачет» по итоговому сочинению [Аргументы и факты, 25.12.2019].*

• Предоставляется информация о трудовой деятельности, трудовых буднях, связанных с героизмом в той или иной степени: *Южный авиационно-спасательный центр МЧС стал лучшим в стране по итогам ежегодного профессионального конкурса «Созвездие мужества». Руководитель Александр Кулик рассказал «КП – Ростов-на-Дону» о себе, о том, как строится работа и какие задачи решают летчики-спасатели [Комсомольская правда, 2.11.2021].*

• Особый интерес вызывают научные открытия и достижения: *Впервые в истории искусства художественное произведение создал искусственный интеллект. Николай Иронов – так "звуют" нейросеть студии Артемия Лебедева – создал дизайн для новой продукции Императорского фарфорового завода [Российская газета, 21.10.2021].*

• В разделе уделяется внимание правовой грамотности населения: *Телефонные мошенники в России все чаще представляются потенциальным жертвам сотрудниками правоохранительных органов. Однако есть простой способ вывести таких жуликов на чистую воду. О нем рассказал председатель Московского межрегионального профсоюза полиции и Росгвардии Михаил Пашкин [Московский комсомолец, 2.11.2021].*

• Это может быть информация общепросветительного характера, связанная с историей и культурой. Внимание уделяется и историческим событиям, способствующим формированию патриотизма, с одной стороны, и демонстрирующим специфические особенности национальной идентичности, с другой стороны: *22 июля 1941 г. с аэродромов оккупированных Украины и Белоруссии взлетели 195 немецких бомбардировщиков. Их целью была столица большевистской России. Командование люфтваффе полагало, что с Москвой получится*

не хуже, чем с Лондоном. Но не тут-то было [Аргументы и факты, 22.07.2021].

• Освещаются вопросы, связанные с ролью населения в политических процессах: *От политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Хабаровском крае в список вошел 41 кандидат, однако в итоге в состав общекраевого списка включено 34 кандидата [Московский комсомолец, 11.07.2019].*

• Информация, связанная с временными бытовыми неудобствами имеет целью объяснение ее причин: *Известно, что все они плановые. Цель – не допустить возникновения аварийных ситуаций на электросетях в будущем [Комсомольская правда, 16.08.2019].*

• В рубрике имплицитно проводится идея о безбрежности пространства страны, заботы государства обо всех жителях, повышению уровня образования: *В школе №1 села Борское Самарской области, как в крутом технопарке с суперначинкой-оборудованием: современные ноутбуки, анатомические кресла для работы за компьютером, интерактивная доска, на которой можно писать специальным маркером, а исправить ошибку нажатием одной кнопки на экране. И такая сельская школа теперь уже не единственная [Российская газета, 4.10.2020].*

• Характерным для данного раздела и российских СМИ в целом, также отражающих национальную специфику, является эмоционально-экспрессивное описание повседневности и погодных явлений: *Да, по сравнению с эпидемиологическими и политическими новостями климат как-то отошел на второй план. Между тем осень 2020 в Москве – рекордная, такого тепла не бывало ни разу за все 140 лет метеонаблюдений. [Комсомольская правда, 31.10.2020].*

• Осуществляются прогнозы и предсказания, воздействующие на население, корректирующие общественные планы и ожидания: *Виртуальное общение в будущем станет более ценным. Эксперты спрогнозировали, как самоизоляция изменит общество. Общение в Сети перестанут считать незначительным. Психологи считают, что многие пересмотрят свои дружественные связи. Экономисты уверены, что бизнес найдет новые форматы работы [Известия, 20.04.2020].*

Таким образом, мы можем констатировать, что в СМИ концепт «общество» приобретает специфическую презентацию, определяемую на нескольких уровнях, прежде всего, через рубрикации, а также благодаря содержательно-смысловой организации статей, способствующих его формированию. Многогранность структурных характе-

ристик в полной мере отражает сложность функционирования ключевого концепта культуры в медиадискурсе.

Литература

1. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): монография. Волгоград: Перемена, 2014. 228 с.
2. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
3. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № (83). С. 13 – 21.
4. Передриенко Т.Ю., Баландина Е.С. Репрезентация концептов «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 51 – 73
5. Федосеева Е.В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе: на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации: автореферат дис. ... канд. филолог. наук. Красноярск, 2016. 23 с.
6. Черкасова И.П. Специфика вербализации концепта «talant» в современном медиадискурсе

// Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 3 (41). С. 71 – 76.

References

1. Buryakovskaya V.A. Kommunikativnye harakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): monografiya. Volgograd: Peremena, 2014. 228 s.
2. Zheltuhina M.R. Troptologicheskaya suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstviya tropov v yazyke SMI: monografiya. M.: In-t yazykoznanija RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK, 2003. 656 s.
3. Kozhemyakin E.A. Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010. № (83). S. 13 – 21.
4. Peredrienko T.Yu., Balandina E.S. Rezentaciya konceptov «obshchestvo» i «society» v leksikograficheskom diskurse. Voprosy leksikografii. 2020. № 17. S. 51 – 73
5. Fedoseeva E.V. Kognitivnye mekhanizmy diskursivnogo konstruirovaniya dejstvitel'nosti v mediadiskurse: na materiale statej o Rossii v sovremennyh angloyazychnyh sredstvah massovoj informacii: avtoreferat dis. ... kand. filolog. nauk. Krasnoyarsk, 2016. 23 s.
6. Cherkasova I.P. Specifika verbalizacii koncepta «talant» v sovremennom mediadiskurse. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2021. № 3 (41). S. 71 – 76.

THE CONCEPT "SOCIETY" IN MODERN MEDIA DISCOURSE

*Paegle N.V., Postgraduate,
Armavir State Pedagogical University*

Abstract: the article is devoted to the study of the concept "society" in the space of media discourse. The concept is considered as a unit of social consciousness, that contains the imprint of culture, refers to spiritual values. The purpose of the article is to study the main cultural meanings included in the concept "society". The investigated concept is considered on the basis of the texts of the Russian media, acting in the system of media discourse as an important means of influencing the worldview of the individual and society.

The concept "society" can be considered in both the broad and narrow meaning of the word. The broad approach, presented implicitly, includes information about social processes in general. In a narrow meaning, this concept receives a presentation under the heading of the same name "society". Analysis of the media allows us to identify the most representative meanings that form the concept "society" in Russian media discourse.

The following methods were used in the work: analysis; synthesis; definitional analysis; contextual analysis; interpretive analysis. The material can be used in the study the concept sphere of mass media discourse. The results of the study can be used in training courses on the theory of discourse, the theory and practice of intercultural communication, stylistics, text interpretation, theory and practice of translation.

Keywords: discourse, text, concept, mass media, society

ВОСПРИЯТИЕ ПОЭЗИИ А. ФОН ШАМИССО РУССКИМИ И АНГЛОГОВОРЯЩИМИ ПЕРЕВОДЧИКАМИ

*Суслова Л.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

Аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать оригинал стихотворения Адельберта фон Шамиссо “Was soll ich sagen?”, а также пять вариантов его перевода на русский и английский языки таких авторов, как Е. Эткинд, А. Ефременкова, И. Хавкин, Р. Батищева и Р. Стоукс, в каждом из которых переводчик находил свои эквиваленты для передачи формальных, языковых, логических и содержательных особенностей лирического текста оригинала. Цель исследования – проведение сравнительно-сопоставительного анализа аутентичного стихотворения немецкого поэта А. фон Шамиссо под названием “Was soll ich sagen?” с несколькими вариантами текста перевода, существующими в рамках разных этнокультур и переводящих языков. Основным методом исследования при написании работы является метод сопоставительного анализа текста оригинала и нескольких вариантов перевода. Гипотеза исследования заключается в том, что сличение разноязычных текстов даст нам возможность выявить степень эквивалентности и адекватности вариантов перевода оригинальному тексту источника. По результатам исследования можно сделать обобщающий вывод о том, что каждый из переводчиков представил свою интерпретацию текста оригинала, используя индивидуальные способы перевода для передачи идейного и эмоционального содержания исходного текста. При этом, если считать главной задачей поэтического перевода достижение на переводящем языке такого же эмоционального и эстетического воздействия на читателя, которое присутствует в тексте подлинника, то каждый из изученных вариантов перевода можно считать удачным.

Ключевые слова: Адельберт фон Шамиссо, поэзия, поэтический перевод, мастерство переводчика, переводческие трансформации, анализ перевода

Художественный перевод представляет собой особую область деятельности, которая требует глубоких знаний родного языка, свободного владения иностранным языком, наличия творческого воображения и ассоциативного мышления, обширных фоновых знаний в различных сферах, умения оптимально выбирать средства перевода. «А применительно к переводу стихов, это еще и умение с помощью поэтических образов и метафор передать волнение души» [2, с. 54].

Занимая одно из первых мест в немецкой литературе, произведения лирика А. фон Шамиссо принадлежат к эпохе романтизма. Глубину личных переживаний и мыслей пожилого мужчины по отношению к юной девушке, которая стала для него наваждением, самой большой радостью на свете и одновременно мукой – вот что передает автор в своем стихотворении “Was soll ich sagen?” (Что мне сказать?), используя при этом художественный образ, умело созданный при помощи композиции, акцентов и удачного выбора слов. Чем больше в сознании лирического героя стихотворения вырастает осознание того, что он старик с потухшим взглядом, тем более напряженным становится его отчаяние:

*Mein Aug' ist trüb,
Mein Mund ist stumm,
Du heißest mich reden,
Es sei darum!
Dein Aug' ist klar,
Dein Mund ist rot,
Und was du nur wünschest,*

*Das ist ein Gebot.
Mein Haar ist grau,
Mein Herz ist wund,
Du bist so jung
Und bist so gesund!
Du heißest mich reden
Und machst mir's so schwer.
Ich seh' Dich so an
Und zittre so sehr [6].*

Лирический герой стихотворения – сложная и страстная личность с бесконечно глубоким внутренним миром, личностными страхами, тайны души которого наполнены любовным порывом. Однако он пребывает в состоянии безнадежности, отчаяния и пессимизма.

Такая тема стихотворения, возможно, продиктована А. фон Шамиссо особенностями эпохи романтизма, которая совпадает с историческим периодом, когда небывалый рост количества городов и развивающаяся индустриализация, заставляли людей сомневаться буквально во всем, а разочарование в последствиях Великой французской революции сформировали у романтиков осознание недостижимости искомой свободы, некоторую хаотичность мыслей, пульсирующую глубину эмоций, но вместе с тем и разочарование в действительности и отсутствие попыток изменить свою жизнь. Помимо того, что А. фон Шамиссо творил на переломе эпох, его судьба также была предопределена тем, что ему пришлось много вынужденно странствовать. Французу по происхождению, покинув революционную Францию и попав

подростком в Германию, пришлось пережить множество лишений. Эти события могли также повлиять на выбор тематики произведений автора.

Язык стихотворения не отличается возвышенностью и благородством, наоборот, он естественен и прост, стихотворение написано так, чтобы быть понятным каждому читателю. Оно состоит из четырех четверостиший с перекрестной рифмой, тематически разделенных на четыре части. В первой части перед нами описание лирического героя; во второй – описание его «музы»; третья часть – это контрастное сопоставление их образов, дающее читателю возможность судить о невозможности счастливого совместного будущего; а в четвертой части мы видим обращение лирического героя к своей молодой «подруге», где он искренне признается в своих чувствах и переживаниях.

В переводе британца Р. Стоукса стихотворение выглядит так:

*My eyes are dim,
My lips are silent,
You tell me to speak –
So be it, then!
Your eyes are bright,
Your lips are red,
And all that you wish
Is one command.
My hair is grey,
My heart is sore,
You are so young
And so healthy!
You tell me to speak,
And make it so hard.
I look at you so
And tremble so [7].*

Анализируя перевод Р. Стоукса, мы видим, что содержательная основа переводимого стихотворения передана очень детально. Лексико-семантические средства переводящего языка в полной мере соответствуют лексическим и семантическим средствам языка источника. Стремясь сохранить максимальную близость перевода к подлиннику в смысловом плане, переводчик зачастую использует пословный перевод, лишь изредка прибегая к использованию переводческих трансформаций. Так, Р. Стоукс применяет морфологическую трансформацию, связанную с заменой грамматических форм существительных единственного числа их эквивалентами во множественном числе: “eyes” (глаза), вместо “Aug’ “ (глаз), и “lips” (губы), вместо “Mund” (рот), в последнем случае автор также использовал гипонимический перевод. Переводя фразу “Du heißest mich reden” (Ты приказываешь мне говорить), переводчик обратился к стилистической трансформации по изменению стилистической окраски “You tell me to speak” (Ты

говоришь мне говорить), заменив стилистически окрашенное слово «приказывать» на нейтральное «говорить». Формальные признаки переводимого Р. Стоуксом стихотворения мы считаем неучтенными, так как автор не соблюдает перекрестную рифму, вторая и четвертая строки нигде не рифмуются.

Обратимся к русским вариантам перевода указанного стихотворения. У Р. Батищевой читаем:

*Погас мой взгляд,
Молчат уста,
Велишь говорить –
Пусть будет так!
Твой рот так ал,
И ясен глаз.
Твоё желанье –
Мне приказ.
Мой волос сед,
Болит душа,
Ты молода
И так хороша.
Велишь говорить,
Так тяжело мне – жуть.
Смотрю на тебя –
И весь дрожу [4].*

Анализируя перевод стихотворного произведения, мы видим, что содержание оригинала передано детально, сохранены эмоции, а также архитекtonика и ритм стиха, его мелодика. У переводчика так же, как и у автора, не рифмуются первая и третья строки. Смысловые оттенки несколько не меняются на протяжении всего стихотворения. При этом автор перевода часто использует транспозицию, заменяя прилагательные глаголами, а глаголы – существительными: “trüb” (тусклый) – «погас», “stumm” (молчаливый) – «молчат», “wund” (раненый, больной) – «болит»; “wünschest” (желаешь) – «желанье». Нейтральным словам Р. Батищевой противопоставляет книжные и эмоционально-окрашенные: “Herz” (сердце) – «душа», “Mund” (рот) – «уста», “rot” (красный) – «ал», “schwer” (тяжелый) – «жуть», иногда пользуясь принципом компенсации стилистических потерь, переводя один лексический компонент с утратой стилистических оттенков, но возмещая утраченную окраску за счет экспрессивизации другого компонента: “Gebot” (повеление), возвышенное поэтическое слово – «приказ», нейтральное; “heißest” (повелеваешь), возвышенное поэтическое – «велишь», нейтральное.

Самый распространенный вариант перевода стихотворения А. фон Шамиссо “Was soll ich sagen?”, вошедший в большинство опубликованных печатных стихотворных сборников, выполнен Е. Эткингом:

Мой взор угрюм,

*И сжат мой рот.
Ты хочешь признаний,
Но дрожь меня бьет.
Твой светел взор,
И рот твой ал.
Ты хочешь,
Чтоб я тебе все сказал.
Мой дух уныл,
Голова седа.
Ты так красива,
Так молода!
Ты хочешь признаний,
Но слаб мой дух.
Я слова не в силах
Вымолвить вслух [3].*

Здесь переводчику удалось тонко передать чувство лирического героя, но Е. Эткинд усиливает образ, созданный А. фон Шамиссо. Переводчик использует модуляцию при передаче третьей и четвертой строк в первой, второй и четвертой строфах, выбирая лексически и словарно неадекватные обороты, однако имеющие близкий смысл. При этом автор перевода усиливает стилистическую окраску, применяя цепь преобразований, вызванных лексическими, морфологическими и синтаксическими факторами. При переводе третьей строфы не сохраняется авторский порядок слов.

Проанализируем перевод И. Хавкина:

*Мой мрачен взор,
Немы уста,
А ты так желаешь,
Чтоб бодрым я стал!
Твой ясен взор,
Уста алы,
Ты хочешь,
Чтоб были мы все веселы.
Мой волос сед,
Душа больна,
А ты так прекрасна,
И ты так юна!
Ты слов моих жаждешь,
Но время ушло –
Гляжу на тебя я,
И мне тяжело [5].*

Разбирая данный вариант перевода, мы видим, что переводчик часто отступает от текста оригинала, причем эти отступления являются достаточно вольными (вторая и третья строки в первом и втором четверостишиях, а также первая, вторая и четвертая строки в последнем четверостишии). При этом русскому переводчику удалось подобрать контекстуальные эквиваленты, которые по своей выразительности не уступают тексту источника. При переводе других отрезков текста И. Хавкин старается быть более точным. Ему также удалось сохранить ритмическую структуру стиха,

передать яркие эпитеты и метафоры. Звукопись «льется» достаточно плавно.

Переводчик А. Ефременкова в своем варианте перевода очень красочно передает индивидуальное впечатление от немецкого стихотворения, как будто бы пересказывая его:

*Мой взор угрюм,
Язык мой нем,
Но ждешь ты признаний,
Скажи, зачем?
Твой взор так чист,
Так полн огня,
И так беззаветно
Тебе предан я.
Я стар и сед,
Разбит душой,
А ты, как день,
Как луч золотой.
Но ждешь ты признаний
И сердце мне жжешь,
А в сердце моем
И трепет и дрожь [1].*

Следуя за лаконичностью оригинала, А. Ефременкова воспроизводит тревогу и душевные переживания лирического героя, часто прибегая к использованию стилистических переводческих трансформаций. Переводчик меняет стилистические коннотации: переводит нейтральное слово “das Auge” эмоционально-окрашенным и возвышенным существительным «взор»; использует фразеологизацию, заменяя оборот с прямой номинацией “mein Herz ist wund” (мое сердце больное) метафорически-образным речевым оборотом «разбит душой»; осуществляет экспрессивную конкретизацию при переводе, передавая фразу “dein Aug’ ist klar” (твой глаз чист), как «Твой взор так чист, так полн огня»; применяет метонимию и метафоризацию, передавая прямые значения переносными: “Du bist so jung und bist so gesund” (Ты так молода и так здорова) – «А ты, как день, как луч золотой». А. Ефременкова переводит третью и четвертую строки в первом, втором и четвертом четверостишиях целостным переосмыслением, в связи с чем структура переводящего отрезка текста становится непохожей на структуру исходного отрезка текста, в них нет элементов соответствия. Указанные переводческие приемы придают яркости и образности лирическому герою, душе которого нет покоя в тоске о несбыточном.

Таким образом, каждый автор перевода интерпретирует стихотворение по-разному. При этом интересно, как одно и то же стихотворное произведение получает множество отражений в чужом языке. Всем переводчикам удалось передать смысловую и образный замысел текста оригинала, подобрав близкие по значению и экспрессивности

эквиваленты. Благодаря деятельности переводчиков стихотворение “Was soll ich sagen?” немецкого лирика Адельберта фон Шамиссо стало доступно русско- и англоговорящим читателям и познакомило их с авторским стилем немецкого поэта, отличающимся простой и понятностью речи, логической законченностью, глубиной эмоциональных переживаний лирического героя. Переводчики же смогли углубить свое мастерство и усовершенствовать индивидуальную творческую манеру перевода.

Литература

1. Григ Э. Романсы и песни для голоса в сопровождении фортепиано: в 3-х т. / сост. Н. Мохова. М.: Музыка, 1979 г. (Что мне сказать? Слова А. Шамиссо, перевод А. Ефременкова). Т. 1. С. 18 – 20.
2. Примак Т.П. Французский язык: поэтический текст и особенности его перевода: учеб. пособие. Минск: Высшая школа, 2012. 83 с.
3. Шамиссо А. Что мне сказать?: пер. Е. Эткинда // Шамиссо А. Избранное. М.: Художественная литература, 1974. С. 84.
4. Шамиссо А. Что мне сказать?: пер. Р. Батищевой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stihi.ru/2021/07/27/4628> (дата обращения: 10.01.2022)
5. Шамиссо А. Что мне сказать?: пер. И. Хавкина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lyricstranslate.com/ru/was-soll-ich-sagen-что-мне-сказать.html> (дата обращения: 10.01.2022)
6. Chamisso A. Was soll ich sagen? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://deutsche-poesie.com/chamisso/was-soll-ich-sagen/>

[poesie.com/chamisso/was-soll-ich-sagen/](https://deutsche-poesie.com/chamisso/was-soll-ich-sagen/) (дата обращения: 10.01.2022)

7. Chamisso A. Was soll ich sagen? / English translation by R. Stokes [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfordlieder.co.uk/song/407> (дата обращения: 10.01.2022)

References

1. Grig E. Romansy i pesni dlya golosa v soprovozhdenii fortepiano: v 3-kh t. sost. N. Mohova. M.: Muzyka, 1979 g. (CHto mne skazat'? Slova A. SHamisso, perevod A. Efremenkova). T. 1. S. 18 – 20.
2. Primak T.P. Francuzskij yazyk: poeticheskij tekst i osobennosti ego perevoda: ucheb. posobie. Minsk: Vysshaya shkola, 2012. 83 s.
3. SHamisso A. CHto mne skazat'?: per. E. Etkinda. SHamisso A. Izbrannoe. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1974. S. 84.
4. SHamisso A. CHto mne skazat'?: per. R. Batishchevoj [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://stihi.ru/2021/07/27/4628> (data obrashcheniya: 10.01.2022)
5. SHamisso A. CHto mne skazat'?: per. I. Havkina [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://lyricstranslate.com/ru/was-soll-ich-sagen-что-мне-сказать.html> (data obrashcheniya: 10.01.2022)
6. Chamisso A. Was soll ich sagen? [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://deutsche-poesie.com/chamisso/was-soll-ich-sagen/> (data obrashcheniya: 10.01.2022)
7. Chamisso A. Was soll ich sagen? English translation by R. Stokes [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.oxfordlieder.co.uk/song/407> (data obrashcheniya: 10.01.2022)

PERCEPTION OF A. VON CHAMISSO'S POETRY BY RUSSIAN AND ENGLISH-SPEAKING TRANSLATORS

Suslova L.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Abstract: in the article the attempt is made to analyze the original poem by Adelbert von Chamisso “What should I say?”, as well as five versions of its translation into Russian and English by such authors as E. Etkind, A. Efremenkova, I. Havkin, R. Batishcheva and R. Stokes, in each of which the translator tries to find his own equivalents for transmission of formal, lingual, logical and sense bearing peculiarities of the original poetic text. The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the authentic poem of the German poet A. von Chamisso called “What should I say?” with several versions of its translation, existing in different ethno cultures and translating languages. The main method of the research work is the method of comparative analysis of the original text with several versions of its translation. The hypothesis of the study is: comparing multilingual texts will give us the opportunity to identify the degree of equivalence and adequacy of some versions of translation to the original text. Based on the results of the study, it can be concluded that each of the translators presented their own interpretation of the original text, using individual translation methods to convey the ideological and emotional content of the original text. Moreover, if we consider the main task of the poetic translation as achieving in the translating language the same emotional and aesthetic effect on the reader, that is present in the text of the original, then each of the studied versions of the translation can be considered as being successful.

Keywords: Adelbert von Chamisso, poetry, poetic translation, translation skills, translation transformations, translation analysis

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ДИЗАЙН ИНТЕРЬЕРА» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

*Схаляхо Е.Н., старший преподаватель,
Адыгейский государственный университет*

Аннотация: в статье анализируется заимствованная лексика в составе терминологии сферы дизайна интерьера на материале английского языка, что представляется актуальным, так как данная сфера является стремительно развивающейся и требующей комплексного лингвистического исследования. Установлено, что заимствование, как один из способов пополнения терминологии дизайна интерьера, обусловлено экстралингвистическими и лингвистическими факторами. Выявлены основные языки-источники пополнения терминологии исследуемой предметной области, проанализирована степень ассимиляции заимствованной терминологической лексики в английском языке. Автором установлены языки-источники, сформировавшие ядро терминологии дизайна интерьера. Основными методами исследования являются методы обобщения, сравнения, а также этимологического и дефиниционного анализа. Материалом исследования послужили английские термины сферы дизайна интерьера, отобранные из различных терминологических словарей, справочников, учебных пособий и монографий. Теоретическая значимость заключается в определении степени однородности терминологии исследуемой области и установлении роли заимствованных терминов в формировании терминологии сферы дизайна интерьера в английском языке и обусловлена определенным вкладом в развитие отраслевой терминологии. Практическая ценность исследования состоит в возможности использования полученных результатов в лекционных курсах по лексикологии, лексикографии, терминоведению и общему языкознанию, а также спецкурсах по теории и практике перевода.

Ключевые слова: заимствование, термин, терминология, дизайн интерьера

Заимствованная лексика представляет собой неотъемлемую часть лексического состава современных языков. В виду исторических событий, культурных взаимоотношений, научных открытий и других экстралингвистических и лингвистических факторов происходит проникновение лексики, в том числе и терминологической, из одних языков в другие. В данной статье мы рассмотрим иноязычные заимствования специальной лексики.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой можно найти следующее определение термина «заимствование» «1) обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов; 2) слова и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования» [2].

По данным ученых количество заимствованной лексики в английском языке варьируется от одной четвертой до трех четвертых от всего словарного состава. Некоторые лингвисты сходятся во мнении, что заимствования в современном английском языке составляют примерно 60-70%. Так, Арнольд полагает, что «исконных слов в английском словаре составляет всего около 30%» [1, с. 221].

А.В. Суперанская отмечает, что исторически германские языки в различной мере пополнялись латинскими заимствованиями. В частности английский язык, по мнению ученого, пропитан романской лексикой не менее чем на 60%, которая попала в язык посредством французского либо напрямую из латыни книжным способом. Ученый

полагает, что «большинство латинских (и греческих) элементов образуют в языке научный суперстрат, не имеющий при этом четкого ограничения от общей лексики». [5, с. 125]. Также ученый считает, что «латинский и греческий основы терминов уже в эпоху средневековья составили единый греко-латинский фонд, легко заимствованный во многие языки, на которых осуществлялась научная деятельность» [5, с. 129]. Подчеркивается, что строй греческого языка хорошо подходит для изложения научных мыслей и формирования специальной лексики.

Нельзя не отметить, что значительное количество лексических единиц латинского, греческого, французского, испанского, итальянского происхождения пополнило английский язык в эпоху Возрождения. Также известно, что большое количество новых терминологических единиц в профессиональных областях появилось и проникло в виде заимствований в другие языки в ходе научно-технической революции.

Известно, что выбор языка, из которого заимствуется термин, зависит от признания национальных достижений в профессиональной области, а также модель организации экономики и культуры языка реципиента. Также отмечается, что в процессе коммуникации в рамках данных профессиональных областей такие термины могут стать конвенциональными. Некоторые терминологические единицы становятся интернационалистами [3, с. 180].

При описании заимствованной лексики определяется ряд признаков, которые выделяют данные

лексические единицы на фоне остальных. Так, это могут быть фонетические, графические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, семантические признаки. Стоит отметить, что переход иноязычного слова может происходить с разной степенью ассимиляции (сближение с нормами принимающего языка). По степени ассимиляции выделяют варваризмы, экзотизмы и собственно заимствования. Наименее ассимилированными считаются варваризмы, которые обычно формально не ассимилированы, далее следуют экзотизмы – единицы, четко закрепленные за страной или культурой-источником. Ассимиляция, в свою очередь может быть фонетическая, графическая, грамматическая, лексическая. Лексическая, по мнению С.В. Гринева-Гринева, завершается тогда, когда оно становится полноправным членом терминосистемы принимающего языка, не требует пояснения значения и ничего не выдает его иностранного происхождения [4, с. 157].

В ходе исследования установлено, что большое количество заимствований содержит общеархитектурная терминология, часть которой используется в предметной области «дизайн интерьера». Многие термины и концепции великих архитекторов классической античности и итальянского Возрождения применимы и сегодня. Классические каноны по-прежнему служат фундаментом для большей части западной строительной мысли.

Опишем основные источники заимствованных терминов в сфере дизайна интерьера.

1. Греко-латинские заимствования. Большинство из этих заимствований относятся к общеархитектурной терминологии – к внутренним архитектурным элементам помещения. Данное явление обусловлено тем, что архитектура Древней Греции значительно повлияла на мировую, в частности европейскую архитектуру. Латинские заимствования, появились в английском языке уже в период распространения христианства в Англии, а в значительном количестве проникли в архитектурную сферу в эпоху Возрождения – третий слой латинских заимствований.

Например: *abacus* – абакус, *oculus* – круглый проем или окно, *zoophorus* – декорированный фриз между архитравом и карнизом, *torus mold* – вид лепнины, *acrolith* – акролит, *acoustic (tile)* – акустическая плитка, *amphiprostyle* – амфипростиль, *amphitheater* – амфитеатр, *amphora* – амфора, *antefix* – антефикс, *flokati rug* – коврик флокати, *architectonic* – архитектурный, архитектурно-архитектонический и др.

Некоторые греко-латинские термины полностью сохраняют свою форму, не подвергаясь грамматической ассимиляции и образуя грамматические формы по правилам исконного

языка. Например, латинские термины: *horror vacui* – стремление к излишнему декорированию или заставлению пространства; *сума recta* (син. *S-shaped curve*) – гусек, вид архитектурного облома; *сума reversa* – каблучок, вид архитектурного облома, *lignum vitae* – бакаут (твердая древесина, используемая для изготовления эксклюзивной дорогостоящей мебели).

2. Итальянские заимствования. Наибольшее количество итальянских терминов связано с декором и отделкой интерьера, что говорит о культурных связях с Италией. Преимущественно итальянские термины вошли именно в сферу искусства: *altorilievo* – альто-рельево (вид скульптурного рельефа), *arte povera* – арте повера (течение в искусстве), *baldachino* – балдахин, *cancelli* – канцелли (решетчатая конструкция), *chiaroscuro* – светотень; *кьяроскуро* (вид граф искусства), *gesso* – гипс; *intaglio* – инталио (резное глубокое изображение на камне; глубокая печать), *intarsia* – интарсия (декор), *majolica or maiolica* – майолика (керамика), *paper stucco* – бумажная лепнина, отделка и др.

Как видно из приведенных примеров, термины итальянского происхождения слабо ассимилировались: в основном их можно легко распознать по морфологическим и фонетическим признакам.

3. Французские заимствования составляют самую многочисленную группу в данной сфере. Трудно переоценить роль французских заимствований в английском языке, которые стали входить в состав английского языка, начиная с времен норманнского завоевания (старые французские заимствования 12-15 в.в.) и продолжая периодом новых французских заимствований (после 16 в.). Условно французские заимствования можно разделить на три тематические группы: мебель; текстиль; декор. Большая часть французских терминов сферы дизайна интерьера относится к первой группе: к мебели и предметному наполнению интерьера. Это связано с развитием мебельного искусства во Франции.

Например: *bouillotte table* (стол – бульотка), *bergère* – бержер, *bureau – plat* – бюро – плат (письменный стол), *trumeau* – трюмо, *ambry* – икафчик, буфетная ниша, *torchère* – торшер, *canapé* – канapé, *causeuse* – козетка (меб.), *chaise longue* – шезлонг, *cheval glass* – большое зеркало в подвижной раме, *псише*, *epergne* – многоярусный центральный элемент стола, *escritoire* – секретер, *fauteuil* – вид открытого кресла и др.

Второй по количеству является группа французских терминов, относящихся к текстилю (тканям, шторам и т.п.). Например: *bouclé* – букле, *frieze* – фриз (грубая шерстяная ткань полотняного переплетения с ворсом с одной

стороны), *indiennes* – индийский хлопок (ткань), *lambrequin* – ламбрекен, *laté* – парча (ткань), *marquise* – маркизет (ткань), *festoon shades* – фестонные шторы, *jalousie* – жалюзи и др.

Третью группу составили термины искусства и декора: *appliqué* аппликация; декорировать аппликацией, *Art Nouveau* – Арт – нуво, *Baroque* – барокко, *bas-relief* – барельеф, *cloisonné* – Клуазоне (вид искусства), *Chinoiserie* – Шинуазри (декор), *flambeau* – фламбо (декоративные мотивы пламени) и др.

Отличительной чертой многих французских терминов сферы дизайна интерьера является слабая степень ассимиляции в языке – реципиенте либо ее отсутствие. Так, могут присутствовать графические символы, характерные для французского и не характерные для английского языка. Как видно из примеров, таковыми являются надстрочные знаки *accent aigu* и *accent grave*.

Займствуются целые терминологические словосочетания, грамматически оформленные согласно французскому строю языка: *sang de boeuf* – досл. «бычья кровь» (глянцевая красная глазурь, декоративное покрытие), *toile de Jouy* – туалет де жуи (вид декоративного оформления ткани), *piéd-à-terre* – домик для временного проживания в городе, *lit à la française* – французская кровать с балдахином, *point d'esprit* – вид тюли и др.

Малочисленные группы составили китайские, японские, индийские заимствования, которые появились благодаря торговым импорто-экспортным отношениям, а также влиянием культурных течений и особенностей. Индийский язык дал преимущественно термины, обозначающие ткань, Китайский и Японский – фарфор, декор и мебель с национальным колоритом.

4. Китайский: *Chinese Ch'uang couch* – китайская кушетка «чуанг»; *fahua* – декор «Фахуа», «регулируемый декор»; *Feng shui* – Фэн Шуй и др.

5. Индийский: *chintz* – ситец, *dhurrie* – дурри (инд. ткань или ковер), *veranda(h)* – веранда.

6. Японский: *futon* – футон (постельные принадлежности), *futon bed* – кровать-футон, *Kutani porcelain*, Кутани (фарфор), *Nabeshima porcelain* – фарфор Набэсима, *shoji screen* – японская перегородка и др.

7. Также обнаружены заимствования из других языков, которые составляют абсолютное меньшинство в данной терминологии. Например, гавайский: *lanai or lānai* – ланай (вид веранды); яванский: *batik* – батик (искусство декоративной росписи по ткани); малайзийский: *ikat* – икат (ткань); бирманский: *padauk* – падук (древесина); португальский: *palampore* – палампор (покрывало для кроватей, окрашенное вручную и окрашенное

протравой); испанский: *patio* – patio; малайский: *ramie* – рами (ткань); кубинский: *sabico* – сабику (древесина).

Новейшее заимствование, часто используемое в современных концепциях дизайна интерьера взято из датского языка: *hygge* – русск. хюгге – датский термин для обозначения концепции уюта, приятного времяпровождения, радости и благополучия в повседневной жизни. Этот термин прочно закрепился за дизайном интерьера.

Таким образом, ядро заимствованной лексики англоязычной терминологии дизайна интерьера составляют слова греко-латинского происхождения. Наиболее многочисленные группы составили термины французского и итальянского происхождения. Большое количество французских терминов позволило выделить внутри группы тематические подгруппы. Также были найдены термины китайского, японского, индийского, гавайского, яванского, бирманского, малайзийского, испанского, португальского, малайского, кубинского, датского происхождения, которые составили малочисленные группы заимствованной лексики. Большинство рассмотренных терминов имеет характерные грамматические, фонетические или графические признаки, указывающие на их иностранное происхождение. Стоит отметить, что заимствованная лексика в терминологиях отражает экстралингвистические и лингвистические связи, возникшие между научными сообществами различных лингвокультур.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 1-ое изд., М., 1966. 608 с.
3. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение [Электронный ресурс]: учеб. пособие. М.: НАУКА: ФЛИНТА, 2011. 225 с.
4. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
5. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. 2-е изд. Москва: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.

References

1. Arnol'd I.V. Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. M.: FLINTA: Nauka, 2012. 376 s.
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 1-oe izd., M., 1966. 608 s.

3. Golovanova E.I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie [Elektronnyj resurs]: ucheb.posobie. M.: NAUKA: FLINTA, 2011. 225 s.

4. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie: ucheb.posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M.: Iz-datel'skij centr «Akademiya», 2008. 304 s.

5. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya: voprosy teorii. 2-e izd. Moskva: Editorial URSS, 2005. 288 s.

BORROWING AS A METHOD FOR THE INTERIOR DESIGN TERMS FORMATION (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

*Skhalyakho E.N., Senior Lecturer,
Adyghe State University*

Abstract: the article analyzes borrowings as a part of the English interior design terminology which seems to be relevant, since this area is rapidly developing and requires a comprehensive linguistic study. It has been established that borrowing being a method for the interior design terms formation is affected by the certain extralinguistic and linguistic factors. The main languages as the sources of the interior design terminology enrichment are identified; the degree of assimilation of the borrowed terminological units is revealed. The main research methods are methods of generalization, comparison, as well as etymological and definitional analysis. The material of the study is the English terms of the interior design field, selected from various terminological dictionaries, reference books and monographs. The theoretical significance lies in determining the degree of homogeneity of the terminology of the subject area studied and establishing the role of borrowings in the formation of the interior design terminology, thus making a certain contribution to the development of terminological studies. The practical value lies in the possibility of using the obtained results in lecture courses on lexicology, lexicography, terminology and general linguistics, as well as special courses on the theory and practice of translation.

Key words: borrowing, term, terminology, interior design

СПЕЦИФИКА ГИБРИДИЗАЦИИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

*Беляев А.Н., доктор филологических наук, доцент,
Башкирский государственный аграрный университет*

Аннотация: статья посвящена проблеме немецко-славянских межъязыковых отношений в сфере топонимии. Цель исследования – проиллюстрировать возможности исторически ориентированной ономастики в изучении межъязыковых контактов, раскрывающиеся в анализе исторически засвидетельствованных в письменных источниках форм топонимов в условиях контакта между различными этническими группами и народами, в данном случае, между славянами и немцами. Материалом для наблюдения служат гибридные немецко-славянские топонимы, локализованные как в южных, так и северных областях распространения немецкого языка. Специфика гибридной топонимической системы выявляется с помощью этимологического анализа, реконструкции имен и их форм. Гибридные модели выявляются с применением структурного анализа. Затрагивается проблема определения понятия «гибридное имя». Выявляются основные пути появления гибридных названий в топонимической системе немецкого языка. Автор подробно останавливается на вопросе типологии гибридных топонимов восточных областей Германии. На материале южно-немецких названий описываются структурные типы генитивных гибридных образований. Результаты исследования показывают, что гибридная топонимическая система расценивается как в условии двуязычия, так и при его отсутствии как элемент языкового богатства контактирующих народов данного региона, как желаемое дополнение в системе топонимических разновидностей.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, немецкий язык, славянские языки, гибридная, языковые контакты

Проблема характера языковых отношений в топонимии на изначально славянских территориях Германии и Австрии представляет определенный научный интерес. Она является составной частью более обширной проблемы: расселение и межэтнические отношения германских и славянских народов. Эта проблема, издавна привлекающая внимание зарубежных славистов, может быть связана с одной из многочисленных гипотез об этногенезе и древнейшей прародине славян, например, с висло-одерской гипотезой, высказанной польскими учеными Ю. Косташевским, Я. Чекановским, Т. Лер-Сплавинским еще в 30-40 годах XX века. Из отечественных ученых ее разделял В.В. Мартынов. В связи с миграцией германских племен из восточной части современной Германии, начиная с VII в. на этих территориях стали селиться славяне. В X в. начинается экспансия германских племен в обратном направлении, что привело, в конечном итоге, к отвоевыванию земель и возникновению немецко-славянского двуязычия. В топонимии взаимодействие языков привело к заимствованию географических названий и образованию «гибридных» названий, или гибридонимов. Освоение заимствованных топонимов при межъязыковом контактировании, безусловно, неотделимо от психологического механизма речи вообще. Лингвопсихологический механизм речи способствует не только формальным трансформациям заимствованного названия при его вхождении в принимающий язык, но и смысловым, переосмыслением его внутренней формы. Представляется, что фонетические и морфологические трансформации топонимов обусловлены динамическим характером топонимической системы, а семантические спецификой внеязыковых условий, в со-

прикосновении с которыми новый географический термин получает иные метафорические и метонимические контаминации.

Гибридные топонимы как специфический тип в топонимической системе привлекают в последнее время все больше внимание исследователей, занимающихся как общими, так и частными вопросами в области теории языковых контактов [1-8, 12]. По-видимому, это объясняется тем, что в процессе взаимодействия в сфере самой топонимии в пределах одного-двух поколений совершаются такие изменения, которые в ходе эволюционного процесса растягиваются на многие века. Вследствие этого они нередко выпадают из поля зрения лингвиста, тогда как в процессе межъязыковых контактов и скрещении они вполне могут зарегистрированы в материалах полевых исследований. Специфика гибридной топонимической системы прошлого времени может быть выявлена вполне достоверно и по имеющимся засвидетельствованным в письменных памятниках топонимическим формам в процессе реконструкции исходных топонимических основ. Изучение механизмов и свойств гибридной топонимической системы в состоянии оказать неоценимую помощь в исследовании общих свойств человеческого языка, соотношения исконных и заимствованных топонимических структур, апеллятивных заимствований при этимологизации основ субстратных топонимов, путей усвоения субстратной топонимической системы.

Прежде чем перейти к анализу структурных типов немецко-славянских гибридных топонимов, представляется необходимым затронуть проблему определения понятия «гибридное имя». А.К. Матвеев под гибридными названиями имеет в виду топонимы, содержащие гетерогенные составные

части в особом соотношении, а именно: субстратный элемент в форманте, русский – в основе. Основными путями появления гибридных названий, по мнению ученого, являются: 1) проникновение в язык субстрата русских заимствований, 2) реализация народной этимологии субстратных названий на русской почве и 3) втягивание русских названий в ряд субстратных топонимов. Не являются гибридными названия, которые возникли при усвоении одной топонимической системы другой по схеме «древний компонент (основа или весь топоним) + новый компонент (суффикс или детерминант)». Например, на уровне взаимодействия субстратной и русской топонимии гетерогенны топонимы *Канзих*, *Канзов*, *Канзово* (ср. вепс. *kanz* ‘семья’, саам. *kānz* ‘общество’) [4, с. 84]. В немецкой научной литературе термины «гибрид», «гибридное образование» употребляются весьма редко. Так, их нет в сборнике-справочнике по ономастике, изданном А. Брендлер и С. Брендлером в 2004 году [9]. Как правило, немецкие лингвисты употребляют термин «*Mischname*» (русс. ‘смешанное имя’), который, однако, не обладает однозначностью. К. Хенгст обоснованно предлагает использовать прозрачный по внутренней форме и понятный термин «гибридоним» для обозначения топонимов, содержащих элементы двух языков. При этом он различает «гибридное образование» как процесс, обозначаемый также в интернациональной терминологии термином «гибридизация» [8, с. 117]. Подчеркнем, что для К. Хенгста в гибридном образовании принципиальным не является отношение самих языков друг к другу, как побежденного языка к языку-победителю. Видимо, поэтому по отношению к славянским топонимам восточных областей Германии не используется понятие субстрата. Разные языки формально обозначаются К. Хенгстом как L_1 и L_2 . Разноязычные элементы в гибридных названиях могут быть комбинированы различным образом. Под процессом гибридизации К. Хенгст имеет в виду соединение заимствованной лексической или онимической основы с суффиксом (детерминантом) из заимствующего языка, в результате чего создается новый оним. Таким образом, гибридные топонимы (ранее Хенгстом использовался также термин «контаминированные») относятся к заимствованным образованиям, состоящим из лексической единицы чужого языка типа *Vogumilsdorf* [7, с. 157]. Такие гибридные названия возникали также в древнелужицком языке типа *Arnoltitz*. Разработанная К. Хенгстом типология адаптации славянских названий, включающая, прежде всего, структурные типы «немецкий антропоним + славянский суффикс» (*Arnolt-ici*) и «славянский антропоним + немецкая основа» (*Bors-dorf*), недостаточно пол-

ная. Она не включает другие типы гибридных образований.

В ранних работах по немецкой ономастике, как указывает Х. Вальтер, под термином «гибридное образование» (*Hybridbildung*) понималась лишь частичная морфематическая и/или семантическая интеграция имени собственного в принимающем языке, тогда как только фонематическая адаптация иноязычных топонимов не входила в объем этого понятия и соответственно не обозначалась термином «гибридное имя» [17, с. 43]. На наш взгляд, Х. Вальтер трактует это понятие слишком широко. В его интерпретации гибридные онимы являются двучленными образованиями, состоящими из корневой морфемы и классификационной морфемы (деривационной или аффиксальной). Простые по структуре онимы могут быть заимствованы или переведены на другой язык только как целое, в то время как двучленные лексемы могут быть заимствованы или переведены частично. В немецком языке, как известно, образование новых слов происходит преимущественно за счет словосложения, а в славянских языках продуктивен аффиксальный способ. В отличие от сложных композит из апеллятивной сферы, где основной частью является последняя, в онимических композитах или производных онимах – все ровно наоборот: индивидуализирующую, главную функцию имени собственного выполняет первая часть сложного слова, являясь, по существу, основой (антропоосновой, топоосновой и т. д.) имени собственного. Это принципиальное функциональное различие между конститuentами слова или имени в апеллятивной и онимической сферах играют исключительно важную роль в адаптационных процессах. Так, типичные вторые компоненты немецких сложных топонимов *-hausen*, *-heim*, *-leben*, *-stedt*, *-bach* и т. п., именуемые также как и вторые компоненты сложных нарицательных слов основами (*Grundwörter*), не только ослабляются до *-sen*, *-em/-um*, *-št*, *-bich/-mich* по причине их безударности, но, прежде всего, потому что в значительной степени они представляют в данном случае семантически идентичные морфемы, играющие для выполнения онимической функции второстепенную роль. Становится понятным, почему в восточносреднегерманской языковой области почти каждый второй элемент сложного топонима, например, *-dorf*, *-hain*, *-au*, *-berg* заменяется продуктивным славянским суффиксом *-c-*, *-n-*, *-ov-*, *-k-* и другими, причем процесс адаптации топонимов может протекать в обоих направлениях. Обращаясь к вопросу типологии гибридных топонимов восточных областей Германии, Х. Вальтер различает: 1) первичные гибридонимы, возникшие непосредственно при интенсивном контакте немецкого населения со славянским,

2) вторичные гибридонимы, оформившиеся в скрещенные формы лишь после длительного переходного периода из заимствований в гибридонимы. Во вторую группу он также включает так называемые мнимые, или псевдогибридонимы, в которых присутствует мнимый славянский суффикс, возникший в результате изменений в морфемной структуре топонима. Также выделяется подтип криптогибридонимов, скрещенный характер которых уже нельзя установить [17]. Следствием широкой трактовки гибридных названий явилась классификация Х. Вальтера, которая отчасти носит спорный характер, поскольку она основывается как на засвидетельствованных в письменных документах формах, так и на реконструированных.

В своих работах Э. Эйхлер уже разбирал некоторые попытки внести ясность в вопрос о структурных типах гибридонимов, доказав на верхненемецком материале Баварии и Австрии о существовании дальнейших типов в родительном падеже, возникших в динамической языковой ситуации контактирующих немецкого и славянских языков [11]. В немецком языке одной из наиболее примечательных особенностей гибридного типа топонимов является генитивный тип *Brüx* (< *Brücke*, русск. 'мост'), в подтипе которого славянский антропоним сливается с немецкой флексией *-s*, выражающей функцию родительного падежа. Пожалуй, самым известным примером этого подтипа является немецкое название южночешского города *Будёвице*, нем. *Bedweis*, чеш. (*České*) *Budějovice*: 1251 *Budoywitz*, 1265 *Buduoyz*, 1265 *Budweis* [11, с. 82]. Топоним образован от старочешского полного личного имени *Budivoj* с патронимическим суффиксом *-ici* (расширенный вариант *-ovici*, совр. *-ovice*) и при заимствовании в немецкий язык получает флексию *-s* родительного падежа. Отметим, что имя *Будивой* (*Бутуй*, *Буфуй*; нем. *Budivoj*) носил князь бодричей, старший сын основателя Вендской державы Готшалка. Финаль *-s* в многочисленных славянских топонимах, образованных с помощью патронимических или посесивных суффиксов (*-ici*, *-j-*, *-ov-*, *-in*), в структурном плане позволяет отнести их к немецкому генитивному типу на *-s*, условно именуемому в исследованиях типом «*Budweis*». Генитивные топонимы этого типа подразделяются на две группы, в каждой из которых вычлняются несколько подгрупп: а) актуальная топонимическая пара *Budweis* – *Budějovice* (существующее до 1945 года немецкое / чешское параллельное словоупотребление) и б) историческая, возможно, имевшая место в прошлом, но документально незасвидетельствованная топонимическая пара. Следует сказать, что начало теоретического осмысления генитивных чешско-

немецких топонимов было положено выходом в свет работ Э. Шварца еще в 30-е годы прошлого столетия, ср. [16]. В структурном плане славянские личные имена, лежащие в основе топонимов, могут быть классифицированы в дальнейшем на полные, краткие, прозвищные и другие формы. Однако особенности письменной передачи исторических пар налагают на исследование определенные ограничения. Так, топоним *Godas* (на севере Баварии) в документальных источниках впервые упоминается в 1396/99 годах как *zum Godeis* [11, с. 83]. Для него Шварц реконструировал славянское личное имя **Goděj*, которое хорошо сопоставляется с чеш. *Hodějov* : антропоним *Hoděj* [Schwarz 1960: 206]. Следовательно, можно констатировать о имевшей место в прошлом исторической пары нем. *Godeis* (засвидетельствована) : слав. **Godějov*- 'поселение, принадлежащее человеку по имени *Goděj*'.

Г. Винклер, описавшая структурные типы генитивных ойконимов восточнореднемецкой Германии, выделила группу гибридных названий со славянским личным именем [18]. Славянские личные имена, как и немецкие личные имена, классифицируются по их второму элементу, или по суффиксам. Например, двухосновные славянские антропонимы на *-slav* в ойконимах: *Roslas / Rozslav*; *Paslas / Bohuslav*; *Praßles / Zbraslav*; *Solislaw / Sulislaw*. Генитивные ойконимы со славянскими личными именами в качестве топоосновы широко распространены в западной части Чехии. Они свидетельствуют о немецко-чешских языковых контактах. Наряду с немецко-славянскими гибридными образованиями встречаются интегрированные в немецкий язык топонимы со славянским личным именем. При этом Г. Винклер различает две группы:

1) лежащий в основе ойконима чешский антропоним включался в немецкую структурную модель: PN + *-s*. Ср.: *Solislaw / Sulislaw* (1212 *Vbizlaus de Zulizlaw*) засвидетельствован в 1352 году в генитивной форме *Sulislaws*;

2) чешский антропоним сначала адаптировался к фонетическому уровню немецкого языка и позже переоформлялся в генитивную структуру. Ср.: *Paslas*, 1233 *Boguzlawe*, 1477 *villam Bohuslawie alias Paslow*, 1530 *das Dorf pessles*; *Praßles / Zbraslaw*, 1379-1504 *Zbraslaw*, 1654 *Zbraslaw*, 1785 *Praßles* [18, с. 196].

При анализе ситуации славяно-немецкого двуязычия, сложившегося в средневековой Австрии, Г. Хольцер выделяет восемь видов гибридных образований: 1) атрибутивные композиты, 2) нункупативные композиты, 3) славянские названия с немецкими суффиксами, 4) образования с первым немецким элементом и вторым славянским, 5)

калькированные, б) «пинг-понг» – заимствования, 7) вторичные гибридные образования; 8) контаминированные именные системы [14].

В атрибутивных композитах первая часть является славянской, вторая – немецкой. Первая часть по отношению ко второй выступает в роли атрибута. Например, *Fohnsdorf* (1141 *Fahnesdorf* ‘des Bans Dorf’ – ‘деревня Бана’), композиты со славянским *županъ* типа ойкодомонимы *Supenreith* (*Rodung eines Suppans* – ‘раскорчеванный участок Жупана’), *Suppanshofstatt* (*Hofstatt eines Suppans* – ‘крестьянская усадьба Жупана’), микротопонимы *Suppenwiese* – ‘луг Жупана’ и т.д. Хотя *Suppan* и является заимствованием из славянского, но эти онемеченные формы не отражают реальное индивидуальное двуязычие на момент образования этих ойкодомонимов и микротопонимов. Действительно, для образования немецкого сложного названия из славянского личного имени и немецкой основы необязательно понимать «семантику» личного имени, достаточно знать человека с таким именем. Другие примеры: 1367 *Des tzuerens hofstat* (*Hofstatt des Zvěrenъ* – ‘крестьянская усадьба Зверя’), *Zweiersdorf* (1360 *Zwerensdorf* – ‘деревня Зверя’), *Prodersdorf* (1260/80 *Prodanstorf* – ‘деревня Продана’). К ним Г. Хольцер также относит эллиптические генитивные ойконимы типа *Kottes* (1096/11109 *ad novale Chotansruti dictum*), в котором отпало др.-в.-нем. *riuti*, совр. диалектное *Reut* ‘раскорчеванный участок’, сохранилась лишь флексия родительного падежа *-s* [14, с. 9].

Особую группу составляют так называемые «нункупативные» композиты (*Nunkupativkompositum*). Имеются в виду сложные названия типа *Retzbach*, состоящие, в конечном итоге, из славянской первой части *Retz-* и немецкой второй части *-bach* ‘ручей’. Однако, если их рассматривать в диахронии, то обнаруживается, что славянский элемент не выступает здесь в функции атрибута, а служит лишь в качестве термина-указателя географического объекта. Так, упоминаемое в источниках под 1209 годом название на латинском языке *amnis qui Retse nuncupatur* – ‘ручей, который называется Retse’ содержит в своем составе онемеченную беспредложную форму локатива славянского *řěcě* от *řeka* ‘река’. Таким образом, гидроним *Retzbach* состоит из одного и того же гидрографического термина «река» на славянском и немецком языках. Аналогичный гидроним *Syhrnbach*, основа которого происходит от славянского **čьrna* – ‘Черная (речка)’: 1134/44 *fluens Syrna* < **fluens qui Syrna nuncupatur*. Гибридный гидроним *Pielach* означает ‘река, которая называется Piel’, где нем. *die Ache* ‘река’, а *Piel-* восходит к славянскому **běla* ‘Белая (река), ср. 1150 *fluivium Pyela*’, что вполне допускает реконструкцию **fluivius qui Pyela nuncupatur*

[13, с. 35]. В отличие от них чисто немецкое по происхождению название *Schwarza* < **Schwarz-Ache* является атрибутивным композитом, поскольку значение названия не в том, как называется этот гидрографический объект, а в его характеристике. В данном случае река мотивирована черным цветом воды.

Как нам представляется, проблема размежевания гибридных атрибутивных сложений от гибридных нункупативных, т.е. назывательных сложений (от лат. *nūncupatio* ‘именование, называние’), заключается в изучении компонентов линейной структуры слова как целостной синтагмы и в определении его положения в парадигматических рядах на различных языковых уровнях: грамматическом, словообразовательном, лексическом. Очевидно, что между «своими» и «чужими» значениями компонентов не существует семантической связи: признак именуемого объекта (реки, горы и т. п.) не может быть связан с представлением о его качестве, поскольку иноязычный компонент выступает исключительно в индивидуализирующей функции и не несет информацию о наличии в именуемом объекте определенных признаков, деталей, свойственных исходному топографическому объекту.

Суффиксально-производный топоним *Loising*, 1391 *Leubsarn*, возможно, состоит из онемеченной основы **Leubsa* (< слав. **Ljubьca*), к которой позже был добавлен немецкий суффикс *-ing*.

К гибридным образованиям с первым немецким и вторым славянским элементом Г. Хольцер относит сложные топонимы и топонимы-словосочетания типа *Niederfeister*, *Kleinfeister*, 1591 *Nider Veyster*, *Klein Feistra* (< слав. **bystra* ‘быстрая река’); ср. также *Alt-Ruppin* и *Neuruppin* (в земле Бранденбург). Ко времени образования подобных названий семантика детерминанта была уже утеряна, она может быть восстановлена в результате этимологического анализа. О немецких топонимах с контрастно-дифференцирующими добавочными элементами (*Klein / Groß; Nieder / Unter / Ober; Mittel; Alt / Neu*) подробно освещается в работе К. Дрэгера [10]. Представляется, что не все аналогичные структуры следует признавать гибридными. В том случае, если на территории нахождения топонима уже не существует двуязычия и топоним усвоен на всех уровнях, например, *Старая Ладога*, *Новая Москва*, то, скорее, это полностью русские названия, второй элемент которых очень древний, восходящий к другим языкам. См. выше формулу у А. К. Матвеева. Однако при наличии на территории двуязычия, например, в национальных республиках России в системе официальных географических названий такие гибридные образования занимают значительное ме-

сто, которые образуются путем включения одного национального названия с различными русскими дифференцирующими определениями. Ср. гибридные ойконимы в Республике Марий Эл: *Большой Олыкъял* (марийск. *Олыкъял*) – *Малый Олыкъял*, *Верхний Вонжеполь* – *Нижний Вонжеполь*, *Мари-Шои* (Марий Шой) – *Русские Шои* (Руш Шой), *Большой Абанур* – *Средний Абанур* – *Малый Абанур* и т.п. [3, с. 86-87]. Приведенные примеры демонстрируют, что русская топонимическая система обогатилась в результате типологического влияния марийской топонимии новыми топонимическими структурами, инновационными моделями, ранее не свойственными ей.

При постепенной ассимиляции одного народа другим в условиях длительного совместного проживания в топонимических системах возникают калькированные топонимы. Иноязычные по происхождению названия переводятся на другой язык, адаптируясь к морфологическим формам слов этого языка. В таких топонимах отражается скрещение формы с содержанием названия. Название немецкого ручья *Guotpach* упоминается в грамоте 1073 года в другом варианте *Tobropotoch* < слав. **Dobropotokъ* [14, с. 12]. В славянских языках композитные гидронимы встречаются редко. Этот факт дает основание предположить, что этимон **Dobropotokъ* является калькированием из немецкого языка. Фиксация параллельных форм, называющих один и тот же объект, происходит, как правило, в условиях двуязычия.

О другой форме скрещения, которую Г. Хольцер называет «пинг-понг»-заимствованием, видимо, следует вести речь в таких случаях, как *Lossnitz* (1334 *Lozniz*, 1497/1498 *Lossnitz*), в основе которого лежит славянский апеллятив **losъnica*, который в свою очередь является калькой с древневерхненемецкого *lōz*, н.-в.-нем *Los* ‘участок земли, полевая делянка’. К ним близки северно-русские скрещенные названия *Габлахта*, *Лёхлуда*, возникшие в результате ретросубституции, см. [4, с. 85-86]. Факты, свидетельствующие о наличии детерминантов *лахта* и *луда* в русской диалектной лексике в качестве апеллятивов (*лахта* ‘залив’, *луда* ‘подводный камень’), позволяют предположить, что топонимы *Габлахта* и *Лёхлуда* могут оказаться частичными кальками, в которых «субстратный» формант фактически является русским географическим термином прибалтийско-финского происхождения (фин. *lahti* ‘залив’, карел. *luodo* ‘подводный камень’).

Высказанные здесь соображения приведены с целью показать, насколько сложна и ответственна задача интерпретации гибридных топонимических образований в сфере межэтнических контактов. Особенно, если речь идет о самых ранних герма-

но-славянских языковых взаимодействиях. Разумеется, было бы глубоко ошибочно говорить, что здесь нельзя достигнуть никакого прогресса. Как отечественными, так и зарубежными исследователями неустанно ведутся поиски надежных и достоверных этимологий, углубляется датировка и расширяются границы межэтнического взаимодействия. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что немецкая топонимическая система обогатилась новыми структурными топонимическими моделями, которые в известной мере отличаются способами и средствами своего выражения от топонимических моделей старых немецких земель. Примечательно, что гибридные немецко-славянские топонимы локализируются своеобразными полосами между старыми славянскими землями и немецкими крестьянскими поселениями. Однако нередко их можно встретить и на заселенных в более позднее время территориях. Очевидно, что эта проблематика нуждается в дальнейшей разработке в свете новых материалов по другим немецкоязычным областям. В особенности это касается славяно-немецкого двуязычия в Австрии в средние века, которое сохранено в собственных именах.

Литература

1. Быканова В.И. О потенциальном использовании гибридных топонимов для реконструкции модели пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2010. № 3. С. 119 – 123.
2. Доржиева Г.С. Топонимические англицизмы в географической номенклатуре Квебека (Канада) // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 6. С. 17 – 23.
3. Куклин А.Н. Взаимодействие языков и трансформация топонимов // Вестник Марийского государственного университета. 2011. № 6. С. 85 – 89.
4. Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.
5. Мурясов Р.З. Топонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 3. С. 753 – 762.
6. Уразметова А.В. Французское наследие на карте США // Казанская наука. 2017. № 5. С. 138 – 140.
7. Хенгст. К. Типология адаптации славянских имен собственных неславянским языком (на материале древнелужицкой топонимии в немецком языке // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 151 – 157.

8. Хенгст К. Германо-славянские гибридные образования в топонимии Восточной Германии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19). С. 114 – 124.

9. Brendler A., Brendler S. Namenarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Anlässlich des 70. Geburtstages von Karlheinz Hengst. Hamburg: Baar, 2004. 1024 p.

10. Dräger K. Groß-Zimmern, Groß Grönuau, Großopitz. Zur Zusammenfügung von Siedlungsnamen mit unterscheidenden Zusätzen // Namenkundliche Informationen. 2012/2013. № 101/102. P. 297 – 331.

11. Eichler E. Zur Typologie der sogenannten “Mischnamen” // Namenkundliche Informationen. Beiheft 20. Studia Onomastica X. Namen im Text und Sprachkontakt Karl Hengst gewidmet, 1999. P. 81–84.

12. Eichler E. Zur Typologie deutsch-slavischer “Mischnamen” // Namen in sprachlichen Kontaktgebieten / von F. Debus. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2004. P. 289 – 310.

13. Holzer G. Die Slaven im Erlafal: eine Namenlandschaft in Niederösterreich. Sankt Pölten: NÖ Inst. für Landeskunde, 2001. 160 p.

14. Holzer G. Mittelalterliche slavisch-deutsche Zweisprachigkeit in Österreich im Lichte onomastischer Mischbildungen // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). P. 7–16.

15. Schwarz E. Sprache und Siedlung in Nordostbayern. Nürnberg: Carl, 1960. 465 p.

16. Schwarz E. Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle. Berlin / München / Boston: De Gruyter – De Gruyter Oldenburg, 2019. 522 p.

17. Walther H. Zur Typologie der sogenannten “Mischnamen” (onymische Hybride) // Namenkundliche Informationen. 1978. № 33. P. 43 – 58.

18. Winkler G. Aspekte der Struktur genetivischer Ortsnamen in Ostmitteldeutschland und angrenzenden Gebieten // Namenkundliche Informationen. 2002. № 81/82. P. 191 – 200.

References

1. Bykanova V.I. O potencial'nom ispol'zovanii gibridnyh toponimov dlya rekonstrukcii modeli prostranstva. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2010. № 3. S. 119 – 123.

2. Dorzhieva G.S. Toponimicheskie anglicizmy v geograficheskoy nomenklature Kvebeka (Kanada). Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 6. S. 17 – 23.

3. Kuklin A.N. Vzaimodejstvie yazykov i transformaciya toponimov. Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 6. S. 85 – 89.

4. Matveev A.K. Onomatologiya. M.: Nauka, 2006. 292 s.

5. Muryasov R.Z. Toponimy v sisteme yazyka. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2013. T. 18. № 3. S. 753 – 762.

6. Urazmetova A.V. Francuzskoe nasledie na karte SSHA. Kazanskaya nauka. 2017. № 5. S. 138 – 140.

7. Hengst K. Tipologiya adaptacii slavyanskih imen sobstvennyh neslavyanskim yazykom (na materiale drevneluzhickoj toponimii v nemeckom yazyke. Perspektivy razvitiya slavyanskoj onomastiki. M.: Nauka, 1980. S. 151 – 157.

8. Hengst K. Germano-slavyanskie gibridnye obrazovaniya v toponimii Vostochnoj Germanii. Voprosy onomastiki. 2015. № 2 (19). S. 114 – 124.

9. Brendler A., Brendler S. Namenarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Anlässlich des 70. Geburtstages von Karlheinz Hengst. Hamburg: Baar, 2004. 1024 p.

10. Dräger K. Groß-Zimmern, Groß Grönuau, Großopitz. Zur Zusammenfügung von Siedlungsnamen mit unterscheidenden Zusätzen. Namenkundliche Informationen. 2012/2013. № 101/102. P. 297 – 331.

11. Eichler E. Zur Typologie der sogenannten “Mischnamen”. Namenkundliche Informationen. Beiheft 20. Studia Onomastica X. Namen im Text und Sprachkontakt Karl Hengst gewidmet, 1999. P. 81–84.

12. Eichler E. Zur Typologie deutsch-slavischer “Mischnamen”. Namen in sprachlichen Kontaktgebieten. von F. Debus. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2004. P. 289 – 310.

13. Holzer G. Die Slaven im Erlafal: eine Namenlandschaft in Niederösterreich. Sankt Pölten: NÖ Inst. für Landeskunde, 2001. 160 p.

14. Holzer G. Mittelalterliche slavisch-deutsche Zweisprachigkeit in Österreich im Lichte onomastischer Mischbildungen. Voprosy onomastiki. 2015. № 1 (18). P. 7–16.

15. Schwarz E. Sprache und Siedlung in Nordostbayern. Nürnberg: Carl, 1960. 465 p.

16. Schwarz E. Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle. Berlin. München. Boston: De Gruyter – De Gruyter Oldenburg, 2019. 522 p.

17. Walther H. Zur Typologie der sogenannten “Mischnamen” (onymische Hybride). Namenkundliche Informationen. 1978. № 33. P. 43 – 58.

18. Winkler G. Aspekte der Struktur genetivischer Ortsnamen in Ostmitteldeutschland und angrenzenden Gebieten. Namenkundliche Informationen. 2002. № 81/82. P. 191 – 200.

SPECIFICS OF HYBRIDIZATION OF TOPONYMIC SYSTEMS

*Belyaev A.N., Doctor of Philological Sciences
(Advanced Doctor), Associate Professor,
Bashkir State Agrarian University*

Abstract: the article deals with the problem of German-Slavic interlanguage relations in the field of toponymy. The purpose of the research is to illustrate the possibilities of historically oriented onomastics in the study of interlanguage contacts, revealed in the analysis of historically attested forms of toponyms in written sources in terms of contact between different ethnic groups and peoples, particularly, between Slavs and Germans. The material for observation is hybrid German-Slavic toponyms localized both in the southern and northern regions of the German language. The specifics of the hybridization of the toponymic system are revealed by etymological analysis, reconstruction of names and their forms. Hybrid models are identified using structural analysis. The subject of defining the concept of “hybrid name” is discussed. The main ways of the appearance of hybrid names in the toponymic system of the German language are revealed. The author dwells in detail on the subject of the typology of hybrid toponyms of the eastern regions of Germany. Structural types of genitive hybrid formations are described based on South German names. The research results show the hybridization of the toponymic system to be regarded both in the condition of bilingualism and in its absence as an element of the linguistic richness of the contacting peoples of this region, as a desirable addition to the system of toponymic varieties.

Keywords: onomastic, toponymy, German languages, Slavic languages, hybridization, language contacts

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

*Кузьмина Е.К., кандидат филологических наук,
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева*

Аннотация: с ростом коммуникации в мире и ускорением экономической глобализации люди ежедневно подвергаются воздействию все большего количества рекламных объявлений. Цель работы состоит в изучении прагматики метафоры в области сетевой и Интернет-рекламы.

Научная новизна исследования. Проведенное исследование позволило определить особенности использования метафор в современной сетевой и Интернет-рекламе английского и французского языков. Изучение метафор позволяет приблизиться к пониманию современной иноязычной культуры. В результате исследования отражены особенности использования метафор в английской и французской рекламе, определены сходства и различия в рекламном дискурсе двух языков.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в связи с развитием рекламного бизнеса сформирована особая рекламная сфера коммуникации со своими терминами и принципами создания текстов. В настоящее время повышается эффективность применения метафоры в рекламе. Употребление метафор в рекламном дискурсе делает текст более выразительным и наглядным.

Поскольку рекламу можно считать одним из аспектов массовой коммуникации, она входит в сферу интереса разных наук, таких как, например, журналистика, социология, психология, экономика, история, юриспруденция и т.д. В каждой из этих наук анализируется рекламная деятельность с употреблением собственных терминов и своей методологии – это сигнализирует о том, что реклама находится на стыке различных дисциплин.

Современная реклама в значительной степени опирается на метафоры. Метафоры – это мощные инструменты, которые позволяют донести сообщение до большой группы потребителей быстрее, чем любые традиционные формы коммуникации. Это позволяет рекламодателям общаться со своими потребителями, дает возможность развивать постоянные отношения между потребителем и брендом, особенно в современной действительности, когда актуальными становятся сетевая и Интернет-реклама. Сложная и абстрактная мысль в рекламе передается аудитории с помощью более знакомых и запоминающихся образов метафоры. Метафоры помогают людям материализовать и осмыслить сложные мысли, концепции и ассоциации посредством ментальных процессов.

Ключевые слова: реклама, рекламный дискурс, метафора, воздействие, стилистические приемы, язык рекламы

Введение

Изучение метафоры привлекало множество как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Данное лексическое средство выразительности имеет важность и ценность в стилистических, психолингвистических, семантических и других лингвистических исследованиях. Кроме того, метафора – это не только языковое явление, она также способствует процессам человеческого мышления. Глобальное изучение такого мощного инструмента, как метафора, позволяет грамотно и правильно её использовать, пользуясь не интуицией, а имея четкую и понятную технологию, при помощи которой создание рекламы станет точным и эффективным.

Объект исследования – прием метафоры в рекламном тексте.

Предмет исследования – исследование использования метафор во французской и английской рекламе.

Для достижения цели исследования были определены следующие задачи:

- рассмотреть особенности современной рекламы;
- проанализировать использование метафор в рекламе;
- рассмотреть метафоры во французской и ан-

глийской рекламе

Материалом исследования послужили тексты франкоязычной и англоязычной рекламы, содержащие метафоры (отбирались из журналов «Marie-Claire», «L'Express» 2010-2019 гг.).

Методы исследования включают различные формы анализа: описательно-аналитический (предполагающий наблюдение над феноменом метафоры, его описание и анализ), концептуальный, семантический, компонентный, переводческий, сравнительный анализ. В ходе исследования был проведён анализ литературы по теме, работа со словарями и анализ текстов англоязычных и франкоязычных рекламных фрагментов.

Теоретической базой исследования являются работы отечественных исследователей, лингвистов, авторов трудов по рекламе. Так, Ю.В. Андреева определяет идеологические функции рекламы в современном мире [1]. Е.А. Березкина изучает языковые и культурологические функции современной рекламы [2]. Т.В. Луговская рассматривает психологические и образовательные функции современной рекламы [7]. Г.Н. Складневская изучает метафоры в системе языка. [10].

Практическая значимость исследования определена тем, что его итоги могут послужить базой для дальнейших исследований в русле ис-

пользования метафор в социальной и коммерческой рекламе. Материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, спецкурсов по теории метафоры и пиару.

Основная часть

Реклама в настоящее время изучается как одно из средств продвижения товара, в то время как совокупность рекламных мероприятий называется «комплекс маркетинговых коммуникаций» или «интегрированные маркетинговые коммуникации» [3]. Для данных понятий смысл заключается в том, что различные средства массовой коммуникации, эффективно взаимодействующие между собой, максимально результативно достигают поставленных задач, а именно, доведения информации до потребителя и стимулирования его к покупке.

Понятие рекламы на сегодняшний день достаточно многогранно, оно не имеет однозначного, единого толкования. Кроме того, определение рекламе возможно дать с точки зрения различных научных областей и дисциплин. Широко цитируемой и хорошо знакомой многим сегодня является фраза «реклама – двигатель торговли», источник которой, однако, доподлинно не известен. В то же время, смысл ее вполне понятен каждому: реклама представляет собой ключевой инструмент в продвижении товаров / услуг, поскольку является «информатором» о достижениях в различных областях производства – способствует быстрому ознакомлению потребителя с новыми стандартами жизни, иногда навязывая их.

Сам термин «реклама» берет свое начало из латыни: от слова «*reclamare*» («извещать», «громко выкрикивать, звать») [3].

Ф. Котлер дает следующее определение рекламы: «...неличные формы коммуникации, осуществляемые через посредство платных средств распространения информации, с четко указанным источником финансирования» [6].

Н.И. Степанова, также исследовавшая данный феномен с точки зрения маркетингового подхода, считает текст рекламы «сообщением, характеристики которого достаточно жестко заданы определенной интенцией коммуникатора, которая формализуется в виде универсальных эффектов коммуникации, таких как осведомленность о торговой марке и отношение к ней, складывающееся из трех слагаемых: мнения о выгодах, убеждения в том, что они реально присущи данной марке, и эмоционального (суггестивного) компонента» [11].

Реклама не только сигнализирует или извещает, но и привлекает внимание потребителя. Реклама формирует и закрепляет в сознании потребителя устойчивые стереотипы образа жизни, мышления и морали, что является неотъемлемой частью формирования общественного сознания.

В структуре рекламного текста стандартно можно выделить несколько частей: заголовок или слоган; вступление; основная часть; окончание. Как минимум два элемента составляют основу рекламного текста: текст и изображение. С их помощью осуществляется донесение идеи сообщения до потребителя, причем, в настоящее время в рекламных кампаниях эти два элемента не полностью дублируют друг друга, а, скорее, дополняют. В большей же части случаев рекламный текст состоит из: заголовка, основного текста и слогана. Основной целью заголовка является привлечение внимания непосредственно к рекламному тексту, это наиболее мощный способ заинтересовать реципиента. В этой связи, заголовок стараются сделать ёмким и при этом максимально понятным. Основная часть содержит в себе какую-либо аргументацию в пользу покупки именно данного продукта и раскрывает содержание рекламного текста. Здесь особо выделяются эмоционально окрашенные, создающие образ продукта слова.

Для рекламного текста используются, как правило, краткие выражения и общеупотребительная лексика. Создатели рекламы также стараются избегать узко направленной терминологии.

Говоря о функционале рекламы, следует отметить, что он достаточно широк. Разноаспектные исследования рекламы позволили выделить и обобщить весьма богатый материал, относящийся к функциям рекламных сообщений. Так, например, изучая современную рекламу, Н.В. Макаровская выделяет четыре наиболее важных ее функции: экономическую; маркетинговую; коммуникационную; социальную [8]. Ю.В. Андреева указывает на наличие идеологической функции рекламы в современном мире, анализируя текстовые особенности рекламных сообщений в России и на Западе [1].

Как объект научного исследования, метафора со времён античности и до наших дней пользовалась вниманием ученых-лингвистов. За многие годы наука накопила обширные знания о метафоре и её роли в языке и речи.

Первое важное исследование сущности метафоры было проведено Аристотелем, он дал ей такое определение: «...переносное слово (*metaphora*) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на

вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [2].

Аристотель трактовал метафору как средство языка, которое оказывает положительное влияние на слушателя, а за её основу брал аналогию двух предметов. Мыслитель считал, что необходимо избегать использования метафоры в рассуждениях, однако любил ее за возможность «говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможным в силу вероятности при необходимости» [2]. Помимо Аристотеля, большой вклад в развитие учения о метафоре внесли и другие античные философы, такие как Квинтилиан, Цицерон и Филодем. Рассматривая метафору как сокращенное сравнение и средство создания образности, они сформулировали ее определение, открыли основные виды и разработали рекомендации по правильному употреблению – тем самым, по мнению Г.Н. Скляревской, заложив основу для дальнейшего разноаспектного изучения такого языкового феномена, как метафора [10].

В настоящее время метафоры очень распространены в социальной и коммерческой рекламе. В целом, большое влияние на аудиторию оказывают визуальные метафоры [12], и они широко используются в рекламе, поскольку люди получают удовольствие от понимания метафоры и ассоциируют его с рекламируемым продуктом.

Итак, метафора – один из основных приемов познания объектов действительности, создания художественных образов и порождения новых значений. Традиционно метафору рассматривают как вид риторических фигур, описанных еще в античных риториках. Область действия метафоры не ограничивается познанием и речью, она также транслирует отношение человека к существованию в обществе в целом [10].

Как правило, метафора интерпретируется как дополнение, которое делает мысль более красивой, что в итоге способствует более мощному воздействию на реципиента. Метафора не только сигнализирует или извещает, но и привлекает внимание потребителя. Метафора формирует и закрепляет в сознании потребителя устойчивые стереотипы образа жизни, мышления и морали, что является неотъемлемой частью формирования общественного сознания [9].

Вплоть до середины XX века взгляды на метафору сводились к тому, что это, прежде всего, яркий стилистический прием. В последней трети XX века взгляды на природу метафоры изменились, и она стала рассматриваться еще и как часть сознания, познания и мышления.

Механизм создания метафоры – довольно распространенный творческий познавательный процесс, который учитывает двух или более референ-

тов, обычно не связанных, для более глубокого проникновения в материю, что приводит к семантической концептуальной аномалии. Благодаря этому метафора отбирает, выделяет и передает некоторые характеристики объекта и устраняет другие. Механизм метафоры – это движение по-разному понимаемых и по-разному воспринимаемых представлений и понятий, которое приводит к формированию нового значения по аналогии с фрагментом опыта, зафиксированным в семантике языковой единицы.

В рекламном дискурсе метафора выполняет следующие функции: а) это материал для иллюстрации основной идеи. Специфика человеческой памяти заключается в том, что идея в виде метафоры запоминается быстрее, чем просто в виде рационального утверждения; б) она служит ключом к решению (сюжет может натолкнуть на правильную мысль) или мотивацией к действию; в) она генерирует новые идеи и усиливает внутреннюю мотивацию. Воздействуя косвенно, в основном, на подсознание, метафора снижает критичность потребителя по отношению к рекламе: трудно сопротивляться собственным мыслям или ассоциациям.

Когнитивная метафора проецирует набор связанных с ней импликаций от первичного субъекта на вторичный субъект. В результате читатель или слушатель поймет вторичный объект через первичный. Можно привести следующий пример: «the sky is crying» (небо плачет): поскольку слезы всегда ассоциируются с плачем, мы проецируем их на дождь и в результате строим когнитивную метафору, олицетворяя (персонализируя) небо.

Рекламный текст с использованием метафоры – это тип текста сферы массовой коммуникации, имеющий целеустановкой прагматическую ориентацию для оказания воздействия на реципиента в расчете на положительную реакцию (привлечение внимания и приобретение товара или услуги) с его стороны. Воздействие на потребителя при создании определенной коммуникативной модели во многом осуществляется за счет использования аргументов в пользу своего продукта [4]. Поскольку задачей рекламы является убеждение, то метафору можно отнести к информативно-убеждающей рекламе.

Рассмотрим примеры рекламных объявлений на материале английского и французского языков.

Smoking kills

Курение убивает [13]

Метафора: Сигарета – это пистолет. Тень пистолета является отображением сигареты. Сопоставление между этими объектами устанавливается когнитивным способом,

поскольку аудитория знает, что оружие может убивать людей – точно так же сигарета может убивать людей, потому что она токсична. Таким образом, фоновые знания аудитории позволяют понять сообщение, которое заключается в том, что курение может убить человека.

Connecting People

Соединяя людей [14].

В рекламе изображены две руки, которые тянутся друг к другу. Компания Nokia использовала эту метафору, чтобы передать образ соединения людей друг с другом. Суть в том, что человек может не только поговорить с тем, кто находится за сотни или тысячи километров, но и установить эмоциональную связь с тем человеком, что повышает ценность телефона.

Le vin est un anneau. Le vin est une œuvre d'art.

Вино – это кольцо. Вино – произведение искусства.

В рекламном фрагменте изображено деревянное кольцо с жемчужиной, похожей на виноград. Использование в рекламе кольца само по себе следует рассматривать как метафорический прием, но метафора не может быть правильно истолкована без контекста. Подпись («Пино-де-Шаранта» «Альянс природы и таланта») раскрывает смысл иллюстрации. Рекламуемый продукт – это вино «Пино де Шаранта», которое идентифицируется с кольцом. Выбор кольца символизирует единство и союз.

La voiture est une femme (Реклама автомобиля Opel Tigra TwinTop)

Автомобиль – это женщина.

Предполагаемое сообщение: Opel Tigra TwinTop – это привлекательная и уникальная модель автомобиля. Реклама подчеркивает особенности продукта. Автомобиль Opel Tigra TwinTop идентифицирован с женщиной. На первый взгляд, здесь нет ничего образного: мы видим фотографию женщины за рулем синей машины с открытой крышей. Однако более пристальный взгляд на текст («*C'est tout un art de déployer ses charmes – Это искусство использовать свои чары*») и иллюстрацию показывают, что основное внимание уделяется функции автомобиля, которая отличает его от других моделей автомобилей, – выдвинутой жесткой крыше. Отсутствие крыши означает открытость. Кроме того, переносное значение словосочетания *déployer ses charmes* – «использовать свои чары» активизирует метафору. Убедительный потенциал антропоморфной метафоры усиливается обращением к понятию счастья, которое приносит адресату вождение этой модели автомобиля. Ключевое слово «счастье» выделяется жирным шрифтом в качестве заголовка. Рекламодатель использует английское слово, а затем предо-

ставляет французский перевод («*Happiness*» – «*Bonheur*»). Использование английского языка имеет обобщающий эффект, тем самым передается идея, что женщинам понравится водить этот автомобиль.

Важно отметить, что данная реклама существенно отличается от других рекламных кампаний об автомобилях. Во-первых, в отличие от многих примеров рекламы автомобилей, в которых образ красивой женщины используется в качестве средства убеждения, в исследуемом рекламном фрагменте автомобиль отождествляется с женщиной. Еще более интересно, что реклама ориентирована на женщин; традиционно реклама автомобилей была ориентирована, в первую очередь, на мужчин – автомобиль обычно воспринимается как выражение мужского «я» и мужской сексуальности: мужчина – это его автомобиль. В этом смысле реклама в какой-то степени отражает изменившиеся социальные установки и роли мужчин и женщин в современном мире.

Реклама томатного соуса Varilla использует вариант исходной и целевой области значений: «Томатный соус и паста – это пара». Слоган гласит: «*Roméo sans Juliette n'aurait jamais été une histoire d'amour*» – «Ромео без Джульетты никогда не был бы [героем] истории любви». Здесь заметна интеграция изображения и текста, направляющая аудиторию к правильной интерпретации словесного сообщения. Равиоли и соус «Барилла» настолько тесно связаны в сознании общества, что их метафорически приравнивают к паре. В основе метафоры лежит элемент межродовой текстуальности, поскольку соответствующая пара – Ромео (паста) и Джульетта (томатный соус) – герои пьесы Шекспира. Таким образом, отношения между пастой и соусом отождествляются с любовными отношениями, и метафора основана на изображении силы притяжения. Эта метафора особенно игрива, поскольку она объединяет концептосферу любви с концептосферой еды.

Сравнивая особенности использования метафоры в английском и французском языках, можно отметить, что в обоих случаях реклама воздействует на эмоциональную сферу потребителя. Как во французском, так и в английском языках актуализируются только качественные и положительные характеристики и особенности товаров и услуг.

Использование чувственных образов в рекламе на французском языке «*Roméo sans Juliette n'aurait jamais été une histoire d'amour*» – «Ромео без Джульетты никогда не был бы [героем] истории любви», или в английском «*Sharpened more than I think*» – «Заточен сильнее, чем я думаю», способствует повышению выразительности

рекламной речи. При этом, можно сделать вывод, что во французской рекламе используются более яркие, чувственные образы.

В английской рекламе метафоры более короткие и емкие, состоят из минимума слов: «Smoking kills», «Connecting People».

Реклама становится успешной в тот момент, когда она убеждает реципиента, что рекламируемый продукт подходит именно ему. На первый план выдвигается ценность того, что может повысить статус человека или обеспечить комфорт.

Заключение

1. Реклама представляется связующим звеном между производителем и потребителем, при этом она должна быть понятна потенциальному потребителю. Рекламный материал, в первую очередь, несет в себе прагматический потенциал, он призван выполнить коммуникативную, воздействующую функцию.

2. Использование метафоры в рекламе позволяет воздействовать на интеллект, чувства и волю реципиента. Сложная и абстрактная мысль в рекламе передается аудитории с помощью знакомых и запоминающихся метафорических образов. Как выразительное языковое средство, метафора удивляет своей уникальностью, помогает преодолеть пассивность восприятия, очень компактно представляет информацию, тем самым способствует ее лучшему запоминанию и усиливает воздействие.

3. По итогам анализа рекламы во французском и английском языках, отметим, что функции метафор в проанализированных рекламных объявлениях схожи, они придают рекламному тексту выразительность, оригинальность, образность. В обоих языках метафора привлекает и удерживает внимание получателя, насыщает текст выразительными образами, способными надолго сохраниться в памяти, воздействует на ассоциативное мышление целевой аудитории.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении приема метафоры в иноязычном рекламном тексте.

Литература

1. Андреева Ю.В. Миссия и идеологические функции рекламы в современном мире // Инновации. 2006. № 3 (90). С. 75 – 78.
2. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: АСТ, 2020. Т. 4. 416 с.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2003. С. 652.
4. Зазыкин В.Г. Психология в рекламе. М.: Академия, 2002. С. 45.

5. Березкая Е.А. Языковые и культурологические функции современной рекламы // Сборник от научни статьи / Ред. А.Л. Фурсов. 2016. С. 12.

6. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильяме», 2007. С. 460.

7. Луговская Т.В. Психологические и образовательные функции современной рекламы // Фундамент исследования. 2007. № 12-2. С. 242.

8. Макаровская Н.В. Функции современной рекламы: особенности и факторы противодействия их реализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 2 (10). С. 126.

9. Синяева И.М., Романенкова О.Н., Жильцов Д.А. Реклама и связи с общественностью: учебник. М.: Юрайт, 2016. 560 с.

10. Складарская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 165 с.

11. Степанова Н.И. Социально-коммуникативные функции визуального текста рекламы // Философия образования. 2013. № 5 (50). С. 181.

12. Mulken M. van Hooft A., Nederstigt U. Finding the Tipping Point: Visual Metaphor and Conceptual Complexity in Advertising. Journal of Advertising. 2014. № 43(4). P. 333 – 343.

13. <https://www.1000ideas.ru/upload/medialibrary/764/anti-smoking-37.jpg>

14. <https://www.menosfios.com/en/o-dia-em-que-o-ceo-da-nokia-destruiu-um-iphone>

References

1. Andreeva Yu.V. Missiya i ideologicheskie funkicii reklamy v sovremennom mire. Innovacii. 2006. № 3 (90). S. 75 – 78.
2. Aristotel'. Sochineniya: v 4-h t. M.: AST, 2020. T. 4. 416 s.
3. Dvoreckij I.H. Latinsko-russkij slovar'. M.: Russkij yazyk-Media, 2003. S. 652.
4. Zazykin V.G. Psihologiya v reklame. M.: Akademiya, 2002. S. 45.
5. Bereckaya E.A. YAzykovye i kul'turologicheskie funkicii sovremennoj reklamy. Sbornik ot nauchni statii. Red. A.L. Fursov. 2016. S. 12.
6. Kotler F. Osnovy marketinga. Kratkij kurs: per. s angl. M.: Izdatel'skij dom «Vil'yame», 2007. S. 460.
7. Lugovskaya T.V. Psihologicheskie i obrazovatel'nye funkicii sovremennoj reklamy. Fundament issledovaniya. 2007. № 12-2. S. 242.
8. Makarovskaya N.V. Funkcii sovremennoj reklamy: osobennosti i faktory protivodejstviya ih realizacii. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2008. № 2 (10). S. 126.

9. Sinyaeva I.M., Romanenkova O.N., ZHil'cov D.A. Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu: ucheb-nik. M.: YUrajt, 2016. 560 c.

10. Sklyarevskaya G.N. Metafora v sisteme yazyka. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2004. 165 s.

11. Stepanova N.I. Social'no-kommunikativnye funkcii vizual'nogo teksta reklamy. Filosofiya obra-zovaniya. 2013. № 5 (50). S. 181.

12. Mulken M. van Hooft A., Nederstigt U. Find-ing the Tipping Point: Visual Metaphor and Concep-tual Complexity in Advertising. Journal of Advertis-ing. 2014. № 43(4). P. 333 – 343.

13.

<https://www.1000ideas.ru/upload/medialibrary/764/anti-smoking-37.jpg>

14. <https://www.menosfios.com/en/o-dia-em-que-o-ceo-da-nokia-destruiu-um-iphone>

THE USE OF METAPHORS IN ENGLISH AND FRENCH-LANGUAGE ADVERTISING

*Kuzmina E.K., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov*

Abstract: with the growth of communication in the world and the acceleration of economic globalization, people are exposed to an increasing number of advertisements every day. The purpose of the work is to study the pragmatics of metaphor in the field of network and Internet advertising.

Scientific novelty of the research. The conducted research made it possible to determine the features of the use of media in modern network and Internet advertising in English and French. The study of metaphors allows us to get closer to understanding modern foreign language culture. As a result of the research, the peculiarities of the use of metaphors in English and French advertising are reflected, similarities and differences in the advertising discourse of the two languages are determined.

The relevance of the research is due to the fact that in connection with the development of the advertising business, a special advertising sphere of communication has been formed with its own terms and principles of text creation. Currently, the effectiveness of the use of metaphor in advertising is increasing. The use of metaphors in advertising discourse makes the text more expressive and visual.

Since advertising can be considered one of the aspects of mass communication, it is included in the sphere of interest of various sciences, such as, for example, journalism, sociology, psychology, economics, history, law, etc. In each of these sciences, advertising activity is analyzed with the use of its own terms and its own methodology – this signals that advertising is at the junction of various disciplines.

Modern advertising relies heavily on metaphors. Metaphors are powerful tools that allow you to convey a message to a large group of consumers faster than any traditional forms of communication. This allows advertisers to communicate with their consumers, makes it possible to develop a permanent relationship between the consumer and the brand, especially in modern reality, when network and Internet advertising becomes relevant. A complex and abstract idea in advertising is conveyed to the audience with the help of more familiar and memorable metaphor images. Metaphors help people to materialize and comprehend complex thoughts, concepts and associations through mental processes.

Keywords: advertising, advertising discourse, metaphor, impact, stylistic techniques, advertising language

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО МУЛЬТИМОДАЛЬНОМУ ПОСТРОЕНИЮ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ОСНОВАНИИ ОРИЕНТАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

*Ли Вэйхуа, кандидат филологических наук,
Юньчэнский университет, Китай*

Аннотация: статья представляет собой исследование мультимодального построения дистанционного обучения русскому языку как иностранному. Автор дает краткое описание как традиционной модели дистанционного обучения, так и моделей с использованием мультимодальных инструментов, таких как аудио и видео материалы. В ходе исследования были выявлены преимущества дистанционного обучения, такие как обеспечение обратной связи, мотивация студентов к самостоятельному изучению учебных материалов с помощью интерактивных упражнений, персональная помощь студентам при выполнении любых заданий и т.д. Особое внимание было уделено системе оценивания работы студентов, изучающих русский язык как иностранный, поскольку автоматическая проверка выполненных студентами заданий предоставит учителю больше времени на разработку учебной программы и ее адаптацию к системе дистанционного обучения. Формирование модели, основанной на четырех целях изучения языкового материала (усвоение, критика, формирование профессиональных навыков и самостоятельное распространение знаний среди студентов), позволило по-новому взглянуть на дистанционное изучение русского языка как иностранного. Также установлено, что обучение русскому языку как иностранному на основе мультимодальности может расширить знания и лингвокультурную компетенцию. При этом педагогу предоставляется возможность создать условия аутентичной языковой среды с помощью фотографий, изображений, креолизованных текстов, иллюстраций, изображений, интернет-мемов, видеоматериалов и т.д.

Ключевые слова: образование, интернет, дистанционное обучение, мультимодальность, модель, русский язык, иностранный язык, педагогика

Современная методическая наука характеризуется использованием последних достижений технологий обучения. В свою очередь, дистанционное обучение является одним из эффективных способов достижения поставленных академических целей, который предусматривает передачу знаний на расстоянии посредством одного из главных технологических достижений человечества – сети Интернет. Благодаря ей многим студентам предоставляется доступ к огромному объему информации и возможность взаимодействия с другими пользователями всемирной паутины независимо от места и времени. Стоит также отметить, что пандемия COVID-19 заставила человечество по-новому взглянуть на многие вещи, такие как социализация, общение и т.д. Многие вузы были вынуждены перейти на дистанционную систему обучения, которая еще раз доказала свою эффективность ввиду ее отличительных особенностей. К ним можно отнести получение знаний из любой точки земного шара, что особенно важно, так как многим иностранным студентам в таком случае предоставляется возможность получения образования не покидая страну проживания. В этом же случае достигается и непрерывность образовательного процесса. При этом повышается уровень успеваемости студентов ввиду использования электронной системы дистанционного обучения на базе различных платформ. Важно отметить, что в таком случае формируется и цель обучения, его содержание, формы и методы.

Особое внимание следует уделить владению иностранными языками, которое является одной из важных профессиональных компетенций современных специалистов в условиях глобализации. Формирование навыков общения с иностранными контрагентами и ведения деловой переписки на иностранном языке в настоящее время постепенно становятся необходимостью. Именно поэтому одной из задач обучения должно быть воспитание самостоятельности студентов, которое предполагает постоянное и целенаправленное совершенствование знаний из любой точки земного шара.

Цель настоящего исследования – рассмотреть мультимодальный способ построения дистанционного обучения русскому языку как иностранному в сети Интернет.

На сегодняшний день русский язык является одним из самых востребованных иностранных языков. Однако необходимо понимать, что многие из желающих его знать не могут не обладать возможностью посещения учебных заведений ввиду их географического расположения. При этом изучение иностранного языка с его носителем в качестве преподавателя будет наиболее эффективным, так как студенты будут получать знания и о культурных концептах принимающей стороны. Именно в этом заключается еще одна особенность дистанционного обучения – его среда формирует так называемый «образовательный фон», в который входят различные виды деятельности, разнообразные задания, которые помогают студенту рас-

смотреть определенную проблему с разных ракурсов, что, опять же, развивает в нем самостоятельность. При этом роль преподавателя в условиях дистанционного обучения заключается не в ретрансляции знаний, а в организации эффективного образовательного процесса и среды. Такая деятельность заключается в предоставлении обратной связи, проверки выполненных заданий и их корректировки, мотивации студентов к самостоятельному изучению материала посредством интерактивных упражнений и лекций, равно как и персональной помощи студентам в процессе выполнения заданий и т.д. [3, с. 49]

Благодаря этому преподаватель может адаптировать учебный план исходя из предложений и требований студентов. Более того, система дистанционного обучения на базе сети Интернет позволяет делать это намного эффективнее, так как преподаватель может рассылать индивидуальные задания для преодоления проблем, с которым часто сталкивается тот или иной обучающийся. К ним относят недостаточную сформированность навыков использования компьютерной техники, нежелание участия в межкультурной коммуникации ввиду недостаточного уровня владения языком, недопонимание культурной составляющей изучения иностранного языка, равно как и боязнь совершения большого количества речевых ошибок или недопонимания в процессе коммуникации и т.д. [1, с. 103]

Особое внимание стоит уделить системе оценивания работы студентов, которые изучают русский язык как иностранный. Для этого преподавателю предлагается разработка тестов и лингвистических упражнений, которые в будущем помогут обучающимся эффективно использовать приобретенные навыки и компетенции в процессе межкультурной коммуникации. В данном случае привлекательность системы дистанционного обучения состоит в том, что проверочные задания могут проверяться программой автоматически, снижая нагрузку на преподавателя и предоставляя ему возможность больше времени уделить адаптации учебного процесса. Стоит также отметить, что выполнение задания к определенной дате также проверяется программой. Такой фактор является мотиватором придерживания намеченного учебного плана.

Дистанционное обучение русскому языку как иностранному должно быть эффективным ввиду того, что его целью является получение речевого, языкового, социокультурного и коммуникативного результата. Для их достижения предлагается использовать мультимодальность. Она представляет собой особую практику коммуникации на основе визуальных, аудиальных, а также лингви-

стических ресурсов. Мультимодальные объекты, в свою очередь, понимаются как семиотические образования, которые включают в себя как вербальные, так и невербальные коды. К ним можно отнести креолизованные тексты (комиксы, рекламы, плакаты, афиши), фотографии, изображения, иллюстрации, интернет-мемы, равно как и видеоматериалы.

Необходимо отметить, что именно дистанционное обучение посредством сети Интернет позволяет делиться данными объектами со всеми участниками посредством асинхронных онлайн-дискуссий, которые позволяют учащимся открыто выражать свои мысли в письменной форме и способствуют общению между сверстниками и преподавателем. Кроме того, многие исследователи согласны с тем, что такой способ обучения поддерживает совместное получение знаний, формирует критическое мышление, а также предлагает больший реализм и мотивацию к обучению. Участие в асинхронных онлайн-обсуждениях основано на желании участия в них самих студентов; таким образом, можно ожидать, что участники будут более целеустремленными личностями, которые приобретают опыт, читают и оценивают сообщения преподавателя и сверстников в связи с обсуждаемой темой и думают о ней. Однако ограниченное участие и взаимодействие в асинхронных онлайн-обсуждениях, по-видимому, является постоянной и широко распространенной проблемой. Для решения этой проблемы предлагается фасилитация со стороны сверстников в качестве средства поощрения большей степени взаимодействия, а также модели для продуктивного онлайн-обсуждения.

Другими факторами, определяющими успешное асинхронное обсуждение, являются присутствие студентов на онлайн-занятиях, проведение дискуссий и их качество, стиль обсуждения и общения, обратная связь и т.д.

Исходя из предположения, что активное участие в асинхронных онлайн-обсуждениях важно для обучения, Ф. Гао предложил основанную на них модель дистанционного обучения [5, с. 17]. Она предполагает, что участникам важно придерживаться следующих четырех целей обсуждения нового языкового материала: усвоение, критика; формирование профессиональных навыков, а также самостоятельное распространение знаний среди студентов [6, с. 475].

Вышеуказанные цели обращаются к различным, но взаимосвязанным перспективам дистанционного обучения. Склонность обсуждения материала для его усвоения побуждает студентов активно участвовать в когнитивных процессах, таких как интерпретация, разработка и установле-

ние связей с уже полученными знаниями. Вторая цель – от обсуждения нового языкового материала с последующей его критикой – побуждает студентов внимательно изучать взгляды других людей и проявлять чуткость и анализ противоречивых взглядов. Третья цель – формирование профессиональных навыков – побуждает учащихся активно обсуждать значения и быть готовыми пересмотреть, усовершенствовать, а иногда и полностью поменять собственное мышление. Наконец, склонность к самостоятельному распространению знаний среди студентов поощряет и поддерживает их мышление. Модель продуктивного онлайн-обсуждения и ее четыре цели служат для рассмотрения критических точек зрения в онлайн-дискуссиях.

Одно из основных преимуществ асинхронного онлайн-обсуждения заключается в том, что студенты могут участвовать в онлайн-обсуждениях в любое время и в любом месте. Исследователи считают, что это освобождает учащихся от ограничений во времени и пространстве, предоставляя широкие возможности для общения. Кроме того, некоторые из них также утверждают, что онлайн-обсуждение потенциально позволяет проводить более глубокие дискуссии и более вдумчивое обучение, чем это возможно в традиционных условиях, поскольку студенты могут не иметь достаточно времени для тщательного обдумывания того или иного вопроса ввиду того, что они, например, могут куда-либо спешить после занятий и т.д. Асинхронное общение позволяет студентам практически неограниченное время составлять и отправлять сообщения, а также отвечать своим сверстникам. Более того, асинхронные онлайн-дискуссии считаются продолжением учебных практик, которые способствуют диалогу, размышлениям, построению знаний и повышению собственной самооценки [7, с. 1679].

Однако необходимо отметить, что многие студенты интерпретируют участие в обсуждении как «создание сообщений», а не участие в диалоге [8, с. 159]. В связи с этим представляется трудным поддержание целенаправленного обсуждения, так как его участники с большей вероятностью ответят на недавние, чем более старые сообщения. Кроме того, на тематических форумах практически отсутствует эмоциональная составляющая и своевременная обратная связь. В связи с этим многие исследователи отмечали, что самым важным аспектом является создание новой дискуссионной среды, основой которой является использование мультимодальных интерактивных инструментов [4, с. 26].

По мере технологического роста развивается и сам образовательный процесс, основанный на ис-

пользовании асинхронных онлайн-дискуссий. При этом интеграция мультимодальных интерактивных инструментов обеспечивает разнообразие образовательного процесса, а также создание сплоченного сообщества студентов. Мультимодальные интерактивные инструменты позволяют обучающимся участвовать в асинхронных обсуждениях в различных форматах (текст, аудио и видео). Многие разработчики образовательных программ пытались привнести преимущества личного общения в сеть Интернет с помощью мультимедиа технологий. Поток видео в реальном времени – одна из аудиовизуальных технологий, область исследований которой постоянно растет. Тем не менее, есть еще несколько проблем во внедрении потокового видео в образовании. В первую очередь, идея видеоконференции устраняет одно из самых больших преимуществ онлайн-образования, а именно гибкость учебного процесса. Кроме того, многие технические проблемы могут мешать студентам получить качественный опыт. Могут быть самые разные проблемы, в том числе трудности с подключением к Интернету, проблемы с аппаратным и программным обеспечением персонального компьютера, а также проблемы с настройкой видеозвонка, что в совокупности может привести к тому, что успеваемость обучающихся снизится.

Мультимодальные интерактивные среды, которые позволяют передавать видео, аудио и текст, используют ту же интернет-инфраструктуру и доступность персональных компьютеров, что и потоковое видео в реальном времени, но не страдают от тех же проблем. Видео- и аудиосообщения могут быть составлены до их публикации. Преимущество гибкости онлайн-обучения в данном случае состоит в том, поскольку студент или преподаватель может записать видео или аудио сообщение в любое время. Точно так же получатель сообщения может просмотреть или услышать его в любое время и столько раз, сколько пожелает. Кроме того, мультимодальное интерактивное обсуждение также помогает передать многие вербальные и невербальные характеристики, связанные с личной встречей «лицом к лицу». Так, мультимодальные интерактивные дискуссии могут повысить навыки обучения и мотивацию студентов, поскольку они работают с мультимедиа для изучения предметных областей, выражения своих идей и обмена информацией в своем собственном темпе и на уровне обучения. Это особенно важно для изучения русского языка как иностранного ввиду того, что не все студенты могут обладать одинаковыми языковыми навыками. Так, например, преподаватель может записать объяснение нового материала на видео вместо проведения он-

лайн-лекции. В данном случае студент может остановить запись и усвоить материал, перемотать ее для повторного прослушивания либо же использовать записанную лекцию для подготовки к тестам или экзаменам.

Асинхронный диалог и обратная связь могут способствовать более активному участию в обсуждениях, поскольку они позволяют пользователям лучше понимать учебный материал ввиду вышеуказанных преимуществ. Кроме того, исследования полагают, что в данном случае можно установить позитивные отношения между студентом и педагогом, используя асинхронные видеосообщения для передачи информации. Кроме того, такой тип коммуникации предоставляет средства точного наблюдения за знаниями учащихся и их уровнями мотивации [10, с. 8]. Таким образом, педагоги могут эффективнее реагировать на индивидуальные потребности студентов. Исследования показали, что мультимодальные интерактивные инструменты, используемые для асинхронных онлайн-дискуссий, более эффективны при создании социальной и обучающей «среды присутствия» по сравнению с текстовыми платформами дистанционного обучения. Такие мультимодальные инструменты делают совместную работу намного проще и продуктивнее, поскольку педагог знает и понимает своих студентов. Кроме того, учащиеся могут буквально поделить своим голосом и выразить мнение о своих знаниях и способностях. Это необходимо для совершенствования речевых навыков в процессе изучения русского языка как иностранного. Педагог может послушать, как говорит тот или иной студент, указать на его ошибки или дать определенные советы, ведь речевой контакт является одной из главных составляющих изучения иностранного языка. По мере того, как обучающиеся участвуют в этой совместной среде, они учатся взаимодействовать, общаться и выражать себя. Кроме того, асинхронные онлайн-дискуссии предоставляют студентам больше шансов на размышление, чем в типичной личной обстановке, а также расширяют возможности для более индивидуальной обратной связи от преподавателей.

Современные тенденции в образовании подчеркивают важность удовлетворения потребностей всех учащихся. Мультимодальные интерактивные инструменты могут использоваться для содействия вовлечению студентов, мотивации и повышению качества изучения иностранных языков. Важные составляющие успеха обучения включают способность привлекать и поддерживать внимание, активно участвовать в дискуссиях, поддерживать высокий уровень мотивации и выполнения поставленных задач [9, с. 115]. Интер-

фейсы и функции, предлагаемые мультимодальными инструментами, хорошо подходят для содействия вовлечению и мотивации студентов, а также для помощи студентам в их развитии как личностей.

Интеграция таких инструментов может способствовать вовлечению учащихся, но в то же самое время создать определенные проблемы. Студентам может быть трудно взаимодействовать с новым инструментом, который отличается от традиционного текстового асинхронного формата онлайн-обсуждения. Возможные объяснения их сложности включают кривую обучения, связанную с пониманием характеристик инструмента, или новизну инструмента, которая выводит учащихся из их зоны комфорта. Кроме того, некоторые студенты могут не чувствовать себя комфортно, участвуя в аудио- или видео-обсуждениях. Более того, им может потребоваться слишком много времени, чтобы записать сообщение, которое будет сочтено подходящим для онлайн-обсуждения.

Дистанционные условия изучения русского языка как иностранного представляют собой обучающую среду, которая основана на цифровой информации, в частности гипермедиа – совокупности гипертекстовой технологии и других мультимедийных сред [2, с. 3]. Данная технология позволяет получить доступ к электронным справочникам, энциклопедиям и другим материалам для изучения не только русского языка, но и культуры России в целом. Так, многие преподаватели при составлении заданий могут предоставлять студентам ссылки на различные ресурсы, такие как новостные порталы, музыкальные композиции, презентации, книги, фильмы и т.д. С помощью видео и анимаций так же появляется возможность моделирования коммуникативных ситуаций, например, встреча старого друга в торговом центре. Для этого преподаватель может провести онлайн-занятие с помощью таких программ, как Zoom или Discord. Последняя из них представляет наибольший интерес ввиду принципа ее работы. Так, преподаватель создает специальный сервер, куда приглашаются студенты учебного заведения. При этом рабочая среда может быть разделена как на текстовые, так и на голосовые «аудитории», которые предоставляют возможность общения студентов и преподавателей. Другой особенностью программы является то, что в таких «аудиториях» присутствуют функции видеоконференции, а также создания «музыкального фона». На их основе преподаватель может моделировать коммуникативные ситуации различного рода. В пример можно привести случайные встречи на улице или в каком-либо другом месте. Преподаватель может

включить шум городской улицы или торгового центра для создания иммерсивности.

Разделение на комнаты также помогает составить конкретное расписание занятий, которое будет понятно как студентам, так и преподавателям. Другой немаловажной функцией программы является предоставление пользователям так называемых «ролей», например, «преподаватель по русскому языку как иностранному» или «студент группы 3-Д», что облегчит идентификацию того или иного человека. Так создается образовательная среда, которая может содержать специально разработанный комплекс упражнений для формирования навыков иноязычной деятельности, аудирования и чтения, а также анализа лингвокультурного материала. Дистанционное обучение позволяет изолировать студентов друг от друга, в результате чего они будут представлены в качестве субъектов, не связанных личным знакомством и необходимостью присутствия в одном месте. В данном случае стоит отметить, что нивелируются такие факторы, как симпатии и антипатии одних студентов к другим. Такая среда обучения позволит добиться больших академических результатов более эффективно.

Таким образом, обучение русскому языку как иностранному посредством дистанционного обучения в сети Интернет имеет большое количество преимуществ, таких как асинхронное обсуждение учебного материала, позволяющее студентам наиболее полно его освоить. Использование мультимодальности может повысить не только знание иностранного языка, но и его лингвокультурную составляющую ввиду погружения обучающихся в аутентичную языковую среду посредством изучения креолизованных текстов, фотографий, изображений и иллюстраций, интернет-мемов, видеоматериалов и т.д.

Модель, основанная на усвоении учебного материала, его критике, формировании профессиональных навыков и самостоятельном распространении знаний среди студентов является наиболее эффективной в случае, если в ней будут использоваться мультимодальные инструменты, предоставляющие удобство и гибкость образовательного процесса независимо от времени и места. Использование заранее составленных или записанных на видео лекционных материалов позволяет студентам обратиться к ним в любое время и в любом месте, что при изучении иностранных языков является большим преимуществом по сравнению с традиционными лекциями в реальном времени. Технология потокового видео позволяет проводить занятия онлайн и организовывать аутентичную языковую среду и диалог между студентами, в результате чего будет повышаться их уро-

вень знаний русского языка. Предложенные примеры занятий, такие как «случайные встречи», позволят педагогам постоянно привносить новшества в процесс обучения. Дистанционное обучение также предоставляет возможность постоянно адаптировать занятия или упражнения для конкретного студента, что является еще одним его преимуществом. В исследовании были отмечены некоторые проблемы, с которыми могут столкнуться студенты (боязнь речевой деятельности на иностранном языке, боязнь отправления сообщения с речевыми ошибками и т.д.), поэтому была предложена программа Discord для организации учебного процесса. Ее уникальные характеристики, такие как разделение сервера на «аудитории», наделение пользователей «ролями», возможность проведения как текстовых, так и видеоконференций, откроют педагогам новые пути обучения русскому языку как иностранному.

Литература

1. Бондарева О.В., Белоглазова Л.Б. Подходы в дистанционном обучении русскому языку как иностранному // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2015. № 2. С. 102 – 105.
2. Очирова И.Н. Роль мультимедийных средств в преподавании русского языка как иностранного // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2. С. 1 – 6.
3. Ускова О.А., Ипполитова Л.В. Дистанционная форма обучения русскому языку как иностранному: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 5. С. 42 – 51.
4. Fear W.J., Erikson-Brown A. Good Quality Discussion is Necessary But Not Sufficient in Asynchronous Tuition: a Brief Narrative Review of the Literature // Journal of Asynchronous Learning Networks. 2014. № 18 (2). P. 21 – 28.
5. Gao F. Exploring the Use of Discussion Strategies and Labels in Asynchronous Online Discussion // Online Learning. 2014. № 18 (3). P. 1 – 19.
6. Gao F., Zhang T., Franklin T. Designing asynchronous online discussion environments: Recent progress and possible future directions // British Journal of Educational Technology. 2013. № 44 (3). P. 469 – 483.
7. Girasoli A.J., Hannafin R.D. Using asynchronous AV communication tools to increase academic self-efficacy // Computers & Education. 2008. № 51 (4). P. 1676 – 1682.
8. Noyelles A., Mannheimer Z.J., Baiyun. C. Strategies for Creating a Community of Inquiry through Online Asynchronous Discussions // Journal of Online Learning & Teaching. 2014. № 10 (1). P. 153 – 165.

9. Pashler H., McDaniel M., Rohrer D., Bjork R. Learning Styles: Concepts and Evidence // Psychological Science in the Public Interest. 2008. № 9 (3). P. 105 – 119.

10. Picciano A.G. Blending with purpose: The multimodal model // Journal of the Research Centre for Educational Technology. 2009. № 5 (1). C. 4 – 14.

References

1. Bondareva O.V., Beloglazova L.B. Podhody v distancionnom obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu. Vestnik RUDN. Seriya: Informatizaciya obrazovaniya. 2015. № 2. S. 102 – 105.

2. Ochirova I.N. Rol' mul'timedijnyh sredstv v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2017. № 2. S. 1 – 6.

3. Uskova O.A., Ippolitova L.V. Distancionnaya forma obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: problemy i perspektivy. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2017. № 5. S. 42 – 51.

4. Fear W.J., Erikson-Brown A. Good Quality Discussion is Necessary But Not Sufficient in Asynchronous Tuition: a Brief Narrative Review of the Litera-

ture. Journal of Asynchronous Learning Networks. 2014. № 18 (2). R. 21 – 28.

5. Gao F. Exploring the Use of Discussion Strategies and Labels in Asynchronous Online Discussion. Online Learning. 2014. № 18 (3). P. 1 – 19.

6. Gao F., Zhang T., Franklin T. Designing asynchronous online discussion environments: Recent progress and possible future directions. British Journal of Educational Technology. 2013. № 44 (3). R. 469 – 483.

7. Girasoli A.J., Hannafin R.D. Using asynchronous AV communication tools to increase academic self-efficacy. Computers & Education. 2008. № 51 (4). R. 1676 – 1682.

8. Noyelles A., Mannheimer Z.J., Baiyun. C. Strategies for Creating a Community of Inquiry through Online Asynchronous Discussions. Journal of Online Learning & Teaching. 2014. № 10 (1). R. 153 – 165.

9. Pashler H., McDaniel M., Rohrer D., Bjork R. Learning Styles: Concepts and Evidence. Psychological Science in the Public Interest. 2008. № 9 (3). R. 105 – 119.

10. Picciano A.G. Blending with purpose: The multimodal model. Journal of the Research Centre for Educational Technology. 2009. № 5 (1). S. 4 – 14.

RESEARCH ON THE MULTIMODAL CONSTRUCTION OF DISTANCE LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE ON THE INTERNET BASED ON THE ORIENTATION OF USE

*Li Weihua, Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Yuncheng University, China*

Abstract: the article represents an analysis of the multimodal construction of distance learning in Russian as a foreign language. The author gives a brief description of both the traditional distance learning model and models using multimodal tools such as audio and video materials. The study revealed the advantages of distance learning, such as providing feedback, motivating students to independently study educational materials using interactive exercises, personal assistance to students in completing any tasks, etc. Particular attention was paid to the system for evaluating the work of students studying Russian language as a foreign language, since the automatic verification of student assignments will give the teacher more time to develop the curriculum and adapt it to the distance learning system. The formation of a model based on the four goals of learning language material (assimilation, criticism, the formation of professional skills and independent dissemination of knowledge among students) made it possible to take a fresh look at the distance learning of Russian as a foreign language. It has also been established that teaching Russian as a foreign language on the basis of multimodality can expand knowledge and linguocultural competence. At the same time, the teacher is given the opportunity to create conditions for an authentic language environment using photographs, images, creolized texts, illustrations, images, Internet memes, video materials, etc.

Keywords: education, Internet, distance learning, multimodality, model, Russian language, foreign language, pedagogy

ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

*Русанова М.А., аспирант,
Зиньковская А.В., доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет*

Аннотация: данная работа посвящена рассмотрению сути и структуры исторического дискурса, который согласно классификации является институциональным, но в то же время обладает самостоятельной спецификой. В статье акцентируется внимание на его прагматингвистических свойствах, которые позволяют охарактеризовать этот вид дискурса с точки зрения участников коммуникации, их стратегических намерений и целей, а так же контекста их взаимодействия.

Целью исследования в данной статье является рассмотрение исторического дискурса через призму отдельной вариации со специфическими признаками. Для достижения данной цели ставятся следующие задачи: 1)изучить особенности коммуникативной ситуации 2) рассмотреть участников коммуникации и преследуемые ими цели 3) проанализировать стратегии выбранные участниками коммуникациями 4)выделить составляющие исторического дискурса.

Предлагается рассматривать исторический дискурс как набор объединенных общей тематикой текстов, формирующих цельную концептуальную систему с довольно сложной структурой, включающей в себя несколько типов, которые делятся на подвиды, а последние, в свою очередь, включают в себя группы меньшего порядка. Значительной причиной, затрудняющей типологизацию исторического дискурса является то, что кроме научной составляющей в нем присутствует так же и искусство.

Результаты данного исследования могут быть использованы как для изучения частных случаев исторического дискурса, так и для различных типов институционального дискурса.

Ключевые слова: дискурс, исторический дискурс, институциональный дискурс, типологические характеристики исторического дискурса, коммуникативные стратегии, дискурсивные формулы

Памятники материальной культуры - далеко не единственный источник, из которого можно черпать данные о всемирной человеческой истории. Огромный клад сведений содержится в сохранившихся до наших времен текстах. Многие исторические события, особенности быта и культуры разных народов запечатлевались в письменном виде, потому не стоит недооценивать важность этого источника.

К сожалению, ранее существовавшие правила анализа текстов не давали возможности полноценно извлекать из них информацию, раскрывать ее во всем многообразии и нелинейности. Огромным скачком к решению этой проблемы стал новый подход в анализе, в основе которого лежит дискурс и его изучение. Само это понятие было известно еще со времен Древней Греции, но лишь в 20-ом веке оно приобрело значение новой парадигмы в лингвистике.

Первая практика применения дискурсионного анализа восходит к исследованию Лео Шпитцера. В своем труде "Stilstudien" [11, р. 380], написанном в 1928 году, автор обозначил данную методику как "discourseanalysis", что дословно переводится как "анализ дискурса". Впоследствии другой ученый – Зеллинг Харрис, – посвятил этому нововведению одноименный труд [8, с. 26]. Однако, широкую известность дискурсионный анализ приобрел благодаря Мишелю Полю Фуко и его книге "Археология знания". Именно тогда была полноценно раскрыта важность дискурсов и их изучения. Важнейшую роль в этом сыграло то, что к

тому времени произошел прогрессивный скачок в коммуникативной теории, а так же в различных направлениях лингвистики (психологической, социологической и когнитивной).

Текст, воспринятый с точки зрения дискурса, является неким продолжением взглядов Ф. де Соссюра и Пражского лингвистического кружка, которые улавливали глубокую связь между языком и системой человек-общество [4, с. 80]. Речь в таком случае неотрывно связана с самим носителем, особенностями социального окружения и характером коммуникации. Анализ, объединяющий все эти компоненты в единую систему, и составляет сущность дискурса.

Основой новой парадигмы в оценке текста стало изучение его связи с дискурсом. Данный аспект до сих пор полноценно не раскрыт и потому ему отведено важное место в дискурсологии. Первые отражения новой концепции проявились в текстовом анализе Т.А. ван Дейка и В. Кинча. Им удалось выделить главный принцип взаимосвязи двух понятий. Текст – лишь абстрактная грамматическая форма того, что произнесено или записано, а дискурс – тонкая и сложная система, описывающая взаимодействие особенностей речи, содержания и действия. Совокупность этих компонентов называют коммуникативным событием.

Вопросу разделения текста и дискурса посвящено множество современных научных работ. Однако, в них эти понятия практически не выступают как противоположности, а напротив, рассматриваются в контексте взаимосвязи и взаимо-

действия. За основу такой точки зрения берется позиция Ф. де Соссюра, согласно которой система дискурс/текст оценивается как баланс между определяющим и определяемым.

Текст считается знаком, который не отделим от дискурса и не выходит за пределы его рамок [9, с. 103-104]. Однако, не стоит преуменьшать значимость текста. Сам по себе, он уже является цельной смысловой последовательностью, отражающей действительность и особенности мышления. Тексту присущи связность, цельность, характерная иерархичная структура. Каждый из этих параметров отражает конкретные языковые особенности, несущие в себе немало информации.

Грамматический, синтаксический и лексический подходы к анализу текстов, применяющиеся на протяжении многих лет, позволили узнать, каким образом набор языковых единиц превращается в образование, которому присущи связность и цельность [8, с. 26].

Таким образом, мы установили, что анализ текста имеет немалое значение. Однако, в контексте дискурса он приобретает совершенно новый смысл, ведь все ранее перечисленные особенности уже выступают частью конкретной коммуникативной системы. По мнению Мишеля Фуко, именно от дискурсивной формации зависит, по каким правилам формируется совокупность речевых высказываний [12, с. 208]. Данная характеристика и легла в основу определения дискурса.

Н.Д. Арутюнова рассмотрела это понятие более детально. По ее мнению, на текст в рамках дискурса накладываются отпечаток следующие факторы:

- социокультурные;
- когнитивные;
- экстралингвистические;
- психологические;
- прагматические [1, с. 70-71].

Эти компоненты вошли в хрестоматийное определение дискурса, где текст выступает в качестве компонента коммуникации, социальных действий и мыслительных процессов. Схожее мнение выражал Г. Уиддоусон, который заключил все вышесказанное в простую дефиницию: дискурс представляет собой текст с учетом ситуации, а текст – дискурс без контекста ситуации [12, р. 200]. Таким образом автор выразил гармонию двух начал: лингвистического и социального, взаимосвязь которых имеет репрезентативный характер [10, р. 260]. Особенностью текста является четкость границ. В дискурсе же в силу динамичности они размыты. Если же попытаться увидеть динамику в тексте, – например, сделав акцент на выраженные в нем мысли и образы, – то мы сразу выйдем за пределы лингвистической составляю-

щей. То есть, смысловое содержание, которое наполняет текст, – это уже дискурс.

Таким образом, системе текст-дискурс присуща дихотомия, в рамках которой целесообразно сопоставить эти понятия с взаимодействием по типу род-вид. Понятию "дискурс" в такой иерархии присуждается родовая значимость, а тексту – видовая [3, с. 100].

Каждый текст представляет собой вербальную форму небольшой дискурсивной составляющей. Однако, при определенных условиях она способна образовать новый полноценный дискурс, который будет обладать уникальными для каждого индивидуума характеристиками.

Таким образом, текст предстает перед нами как общетематическая система речевых знаков, роль которых зависит от конкретного дискурса. Это является одним из основополагающих фактов когнитивно-дискурсивной концепции [7, с. 10].

Важно отметить, что дискурс может быть представлен не только одним текстом, но и множеством их (при условии, что они связаны общей тематикой). Благодаря такой структуре границы дискурса могут постоянно расширяться. В том и заключаются его динамические свойства, отсутствующие у текста, рассматриваемого обособленно.

В настоящее время существует огромное количество разновидностей дискурсов, в результате чего стало необходимым классифицировать их. В основе такой структуризации лежали типологические характеристики, которые позволяют отличить один дискурс от другого. В данной работе мы остановимся на разновидности, впервые выделенной и описанной М. Фуко, а в дальнейшем ставшей ключевым объектом исследований человеческого прошлого. Речь идет об историческом дискурсе, или, иначе, дискурсе историка.

Прежде чем перейти к описанию его характеристик, целесообразно остановиться на таком явлении, как *Miracle Reality*. Так было обозначено расхождение между действительным и виртуальным, проистекающим из языка. Дискурс, возникший на основе данного явления, создает иллюзию, которая может не только исказить действительность, но и манипулировать сознанием людей. В историческом дискурсе "*Miracle Reality*" занимает доминирующую позицию и ярко прослеживается при его анализе.

М. Фуко выделял следующие свойства исторического дискурса:

- неоднородность;
- многомерность;
- вариативность;
- полифункциональность;

- зависимость от текущей политической обстановки [6, с. 308].

Искажения исторической реальности являются эффективным средством воздействия на массы с целью достижения определенных политических задач. Стоит вспомнить известное выражение: история пишется победителями. Последние, как правило, интерпретируют произошедшие факты в свою пользу, не позволяя никому другому вмешаться и внести коррекционные изменения. Показательным примером такой политики являются действия короля Ричарда III.

Изучение исторического дискурса – достаточно сложная задача, которая очень долго находилась на периферии дискурсологии. Однако, когда парадигма модернизма (системы взглядов, игнорирующей прошлое и ориентированной исключительно на будущее) сменилась на постмодернизм, ситуация кардинально поменялась. Стала допускаться возможность изучения исторических событий при помощи интерпретации соответствующих источников. Полученные знания отражались в виде научных текстов. Все это способствовало появлению интереса к историческому дискурсу.

Постмодернизм характеризует преобладание важности языковой составляющей, а жизненный опыт в рамках такой концепции играет меньшую роль. Ввиду этого существовали сомнения, насколько правильно люди могут интерпретировать наблюдаемые ими реальные события. Очень долго считалось, что история хоть и играла значимую роль в формировании практичного мировосприятия, не могла считаться достоверной, ибо то, что описывалось в ней, в реальности могло происходить иначе. Согласно этой точки зрения, даже при правдивом подходе к запечатлению определенных событий (а таковому, как известно, придерживались далеко не всегда), все равно опускается целый ряд деталей, которые по мнению автора либо слишком низменны, либо не значительны. Тем не менее, без них целостная картина в значительной степени искажается.

Сторонники постмодернизма в анализе исторических данных придерживаются следующих допущений:

- неоднозначность интерпретаций и даже их конфликт;
- отсутствие унификации;
- абсолютизация текстовой информации;
- множественность толкований письменных источников [6, с. 307].

Согласно современной классификации, исторический дискурс нельзя считать целостной единицей, поскольку он включает в себя несколько типологических групп, которые отличаются особенностями составляющих их текстов. Особенно важ-

ную роль здесь играет происхождение последних. Тексты могут быть:

- первоисточниками;
- вторичными, к коим относятся не только научные труды, но так же художественные произведения литературы.

Оба типа источников тесно связаны друг с другом и формируют сложную и многофункциональную структуру исторического дискурса.

- В качестве первоисточников могут выступать:
- различные варианты правовой документации (акты, указы, постановления, реестры и т.д.);
 - документы описательного характера (летописи, мемуары);
 - публицистические источники (листовки, газеты, журналы);
 - научные труды, включая философские и политические трактаты;
 - художественная литература;
 - каталоги и списки;
 - материальные объекты культуры (произведения скульптуры и изобразительного искусства разных времен, включая результаты их практического применения в виде плакатов, карт, схем, открыток и т.д., к этому же типу источников относятся и более современные объекты, такие как фотоснимки и продукты киноиндустрии).

Ключевая характеристика любых первоисточников – статичность. Это легко осознать, если проанализировать специфику их использования. Содержание любого первоисточника по сути неизменно, и каждый, кто берет его за основу, по сути получает одно и то же. Однако, попытки интерпретировать полученную информацию неизбежно приводят к появлению динамики.

Здесь можно провести параллель с текстом и дискурсом. Первый имеет четкие границы, второй – динамичен. Исторический дискурс можно сравнить с субъективным виртуальным конструктором, основными блоками которого являются первоисточники.

Причина динамичности в первую очередь заключается в том, что историк не является свидетелем описанных в первоисточнике событий. Единственный способ увеличить достоверность восприятия информации, нужно задать себе вопрос: как мыслили люди прошлого, какие чувства испытывали, что их волновало? Только так можно воспринять происходящее без временного искажения в восприятии. Только так история может быть научной. То есть, взгляд на содержание первоисточников сквозь призму идей прошлого, – это необходимое условие, без которого история теряет свою достоверность, а следовательно, и ценность для современных людей [9, с. 102].

Согласно существующей ныне типологизации, есть два вида дискурса:

1. первичный – формируется первоисточниками;
2. вторичный – основывается на вторичных текстах.

Вторичный исторический дискурс может раскрывать информацию, содержащуюся в первоисточниках, но кроме этого содержит их оценку. Иными словами, он представляет собой субъективную авторскую интерпретацию. Особенности восприятия писателя или историка неизбежно накладывают отпечаток на то, в каком свете читателю будут представлены сведения из первоисточника.

Классификация исторического дискурса отличается сложной структурой. Так, первичный имеет несколько подвидов. Вторичный, в свою очередь, подразделяется на два типа:

- научно-исторический (может быть нарративным и аналитическим);
- художественно-исторический, в котором различают прототипичный и индивидуально-авторский варианты [7, с. 18-19].

Стоит учесть, что научно-исторический дискурс так же можно охарактеризовать как индивидуально-авторский, поскольку он отражает субъективный взгляд историка на события. Личные переживания историка играют немалую роль при интерпретации первоисточника.

В основе другой классификации исторических дискурсов лежат жанры научно-исторических работ.

К основным типам текстов, формирующих учебно-исторический дискурс, относят:

- исторические первоисточники;
- литературные произведения;
- научно-исторические работы.

В настоящее время художественным произведением отводят достаточно важную роль, поскольку они иллюстрируют условия жизни определенного исторического периода.

Как уже было отмечено выше, сформированный первоисточником исторический дискурс характеризуется динамичностью и воспринимается историком субъективно. Здесь можно выделить такое свойство, как многоплановость, которая определяется двумя факторами: самим историческим источником и спецификой его оценки. На второе в значительной степени влияет мировоззрение историка, который привносит в интерпретацию личные взгляды и позиции, его собственное видение прошлого. Таким образом формируется вторичный исторический текст [9, с. 104].

Понимание исторического дискурса в целом является однозначным. По мнению Эрика Хоб-

сбаума, история – уже есть дискурс, и ее правильная интерпретация зависит от знания и понимания языка, на котором говорили и думали люди прошлого. Тем не менее, исследователь критиковал сторонников чисто лингвистического подхода, которые ставили во главу угла изучение языковых конструкций вместо того, чтобы обращать внимание на смысловое содержание. Именно понимание идей и представлений людей прошлого дают возможность объяснить те или иные исторические события, а не детальный анализ текста как такового. Адепты лингвистического подхода изучали исторические эвфемизмы или явления, подобные оруэлловскому новоязу, что приводило к значительному искажению любой информации первоисточников и вносило двусмысленность в их трактовку. Хобсбаум считал, что акцент стоит делать на факты, а обособленный анализ цепочки сменяющих друг друга слов ничего не даст [9, с. 103].

Обобщенно можно сказать, что адепты "лингвистического поворота" пытались изучать историю, анализируя исторический текст, а не дискурс, как уже отмечалось в самом начале. Прогрессивный скачок произошел после появления теории Фердинанда де Соссюра, которая позволила применять исследование речи в правильном контексте. Язык сам по себе не является окном в мир, а лишь отражением человеческого мировосприятия. Однако, в это восприятие можно проникнуть, если воспринимать каждую лексическую единицу не с точки зрения современности, а с позиции людей прошлого.

Взгляд на вербальные исторические источники в рамках дискурса делает лингвистический анализ глубоким и действительно полезным для их интерпретации. Таким образом, правильный подход к пониманию исторического дискурса включает в себя совокупность смыслового и языкового анализа текстов, применяемого в симбиозе друг с другом, с учетом особенностей мировосприятия людей конкретной исторической эпохи. Этот подход, заменяющий поверхностный характер исследования на глубокий, получил название "деконструктивизм" [5, с. 20].

Как итог, мы можем сделать следующие выводы:

1. Типологическая структура исторического дискурса достаточно сложна и требует дополнительных исследований.

2. Изучение исторического дискурса не стоит сводить к голой лингвистике, включая выявление происхождения слов и выражений. Это может быть полезным вспомогательным инструментом в комплексной оценке, но не более.

3. Текст и дискурс следует рассматривать как единое целое и анализировать их в комплексе.

4. Исторический дискурс может служить объективным источником познания прошлого только в том случае, когда учитываются контекст и мировосприятие соответствующего временного периода.

В целом, исторический дискурс представляет собой единое "концептуальное пространство" со сложной структурой, в рамках которой можно выделить группы тематически сходных текстов. Их изучение позволяет выявить типологические характеристики, на основе которых происходит разделение дискурсов на виды и подвиды. Последние, в свою очередь, так же подвергаются классификационному дроблению. Тот факт, что исторические дискурсы содержат в себе не только научный компонент, но и искусство, значительно осложняет попытку типологизировать их разнообразие. Это направление дискурсологии в настоящий момент не завершило своего развития и до сих пор является актуальным.

Литература

- 1 Давыдова Н.А. Лингвосинергетический анализ англоязычного дискурса // Вестник МГЛУ, Вып. 553. М., 2009. С. 62 – 72. ISSN:1993-4750
- 2 Еременко Е.Г. Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе // Уральский филологический вестник. Екатеринбург, 2012. Вып. 6. С. 130 – 140.
- 3 Ивин А.А. Риторика: искусство убеждать. Москва: Фаир Пресс, 2002. 192 с. ISBN:5-8183-0390-X
- 4 Карасик В.И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2007. Вып. 5. С. 78 – 86. ISSN:2079-6021
- 5 Кахаров А.Ф. Интертекстуальность как одна из значимых категорий художественного текста // Аprobация. Махачкала, 2013. Вып. 11. С. 19 – 20. ISSN:2305-4484
- 6 Кибрик А.А. и др. Дискурс и возникновение функционализма // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М: МГУ, 1997. С. 307 – 309.
- 7 Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7 – 25.
- 8 Кузнецов А.М., Березин Ф.М. Вариативность в языке и варианты единиц на разных уровнях языковой структуры // Проблемы языковой вариативности. и др. (ред.). Москва, 1990. С. 25 – 43.
- 9 Мальцева Е.Ю. Междисциплинарный анализ определения дискурса // Успехи современной науки. Самара, 2017. Вып. 1. С. 102 – 104.
- 10 Dijk Teun A. van Critical Discourse Analysis. A Handbook of Discourse Analysis. Oxford: Blackwell, 2001. P. 352 – 371.
- 11 Enkvist N.E. From Text to Interpretability: A Contribution to the Discussion of Basic Terms in Text linguistics. Connexity and Coherence: Analysis of Text and Discourse. Berlin; New York, 1989. P. 369 – 382.
- 12 Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Chicago, IL: The University of Chicago Press. 72 p. ISBN 9780631127635

References

- 1 Davydova N.A. Lingvosinergeticheskij analiz angloyazychnogo diskursa. Vestnik MGLU, Vyp. 553. M., 2009. S. 62 – 72. ISSN:1993-4750
- 2 Eremenko E.G. Intertekstual'nost', intertekst i osnovnye intertekstual'nye formy v literature. Ural'skij filologicheskij vestnik. Ekaterinburg, 2012. Vyp. 6. S. 130 – 140.
- 3 Ivin A.A. Ritorika: iskusstvo ubezhdat'. Moskva: Fair Press, 2002. 192 s. ISBN:5-8183-0390-X
- 4 Karasik V.I. Diskursivnaya personologiya. YAzyk, kommunikaciya i social'naya sreda. Voronezh, 2007. Vyp. 5. S. 78 – 86. ISSN:2079-6021
- 5 Kaharov A.F. Intertekstual'nost' kak odna iz znachimyh kategorij hudozhestvennogo teksta. Aprobaciya. Mahachkala, 2013. Vyp. 11. S. 19 – 20. ISSN:2305-4484
- 6 Kibrik A.A. i dr. Diskurs i vzniknovenie funkcionalizma. Fundamental'nye napravleniya sovremennoj amerikanskoj lingvistiki. M: MGU, 1997. S. 307 – 309.
- 7 Kubryakova E.S. O ponyatijah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike (Obzor). Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funkcional'nye i strukturnye aspekty: Sb. obzоров. M.: INION RAN, 2000. S. 7 – 25.
- 8 Kuznecov A.M., Berezin F.M. Variativnost' v yazyke i varianty edinic na raznyh urovnnyah yazykovoj struktury. Problemy yazykovoj variativnosti. i dr. (red.). Moskva, 1990. S. 25 – 43.
- 9 Mal'ceva E.YU. Mezhdisciplinarnyj analiz opredeleniya diskursa. Uspekhi sovremennoj nauki. Samara, 2017. Vyp. 1. S. 102 – 104.
- 10 Dijk Teun A. van Critical Discourse Analysis. A Handbook of Discourse Analysis. Oxford: Blackwell, 2001. P. 352 – 371.
- 11 Enkvist N.E. From Text to Interpretability: A Contribution to the Discussion of Basic Terms in Text linguistics. Connexity and Coherence: Analysis of Text and Discourse. Berlin; New York, 1989. P. 369 – 382.
- 12 Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Chicago, IL: The University of Chicago Press. 72 p. ISBN 9780631127635

CHARACTERISTICS OF HISTORICAL DISCOURSE

*Rusanova M.A., Postgraduate,
Zinkovskaya A.V., Doctor of Philological
Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kuban State University*

Abstract: this work is devoted to the consideration of the essence and structure of historical discourse, which, according to the classification, is institutional, but at the same time has its own specifics. The article focuses on its pragmalinguistic properties, which allow characterizing this type of discourse from the point of view of communication participants, their strategic intentions and goals, as well as the context of their interaction.

The purpose of the study in this article is to consider historical discourse through the prism of a separate variation with specific features. To achieve this goal, the following tasks are set: 1) to study the features of the communicative situation 2) to consider the participants in communication and their goals 3) to analyze the strategies chosen by the participants in communications 4) to highlight the components of historical discourse.

It is proposed to consider historical discourse as a set of texts united by a common theme, forming an integral conceptual system with a rather complex structure, which includes several types, which are divided into subspecies, and the latter, in turn, include groups of a smaller order. A significant reason that makes it difficult to typologize the typology of historical discourse is that, in addition to the scientific component, it also contains art.

The results of this study can be used both for studying particular cases of historical discourse and for various types of institutional discourse.

Keywords: discourse, historical discourse, institutional discourse, typological characteristics of historical discourse, communicative strategies, discursive formulas

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ДРАМЕ Ш. ХУСАИНОВА «БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ МАТЕРИ»

Хабибуллина Л.Ф.,

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академия наук Республики Татарстан*

Аннотация: целью исследования является характеристика образа матери в драме «Белое платье матери» как национального образа. Цель предусматривает решения круга задач:

1) охарактеризовать образ матери как архетипический и национально значимый в культурах разных народов и в татарской культуре;

2) выявить культурно и национально значимые черты образа матери в драме Шарифа Хусаинова «Белое платье матери».

В статье выявляется своеобразие национального характера в драме «Приехала мама» Ш. Хусаинова и его выражение через художественные средства. Образ матери характеризуется как архетипический и национально значимый в культурах разных народов, в том числе и в татарской культуре. Особое внимание уделяется раскрытию в образе Матери черт национального характера, а также авторской трактовки поднятых проблем и способов создания образов. В работе выявляются и оцениваются основные компоненты, позволяющие определить образ Матери как национальный характер, это готовность к самопожертвованию во имя детей, сохранение традиций, обычаев, систему ценностей народа и др.

Ключевые слова: Ш. Хусаинов, татарская драматургия, национальный характер, авторская позиция, символ, художественная деталь

Введение

Писатель, как представитель определенной нации, в своем творчестве описывает модель национального бытия. В зависимости от внутренних и внешних факторов, он тесно связан с образом жизни, психологией, мышлением, ментальными чертами, религией, культурой своего народа. Авторы «схватывают» те или иные близкие или хорошо знакомые им, хранящиеся в их памяти детали быта, обычаи, обряды, нравы, взаимоотношения людей своей национальности или местности, где он родился и жил» [4, с. 30]. Важное место в изложении этих понятий в литературе занимает национальный характер, «целостность и систематичность которого с трудом поддается конкретизированному измерению» [5, с. 1010]. Невозможно выделить качества, присущие только тому или иному народу, при этом наличие у каждого народа приоритетных национальных особенностей не вызывает споров. В своем произведении писатель стремится отразить героя в национальных чертах, и с этой целью он обращает внимание на все: от домашнего уюта до одежды, особенностей общения с окружающими и т.д. Национальный характер в тесной связи с формой и содержанием произведения позволяет понять основную идею, позицию автора, моральные ценности, которые он отстаивает. Исходя из этого драма Ш. Хусаинова «Белое платье матери» интерпретируется в аспекте выражения особенностей национального характера и выявлением идейно-эстетических особенностей произведения.

Работа основана на сравнительно-сопоставительном, психологическом, описательном методах.

Результаты исследования

Татарская драматургия сформировалась в последней четверти XIX в. и претерпела количественные и качественные изменения в начале XX в., представив успешные произведения во всех трех основных жанрах. В творчестве Г. Камала, Г. Исхаки, Ф. Амирхана, С. Рамиева, М. Файзи и др. большое место занимает разнообразие тем и мотивов, богатство жанров, отражение серьезных вопросов действительности в разных плоскостях. Одним из новшеств в драматургии этих лет является появление национальных характеров. Сибирский бай («Тайны нашего города», 1911) Г. Камала, Зулехха («Зулехха», 1912) Г. Исхаки, Галиябану («Галиябану», 1916) М. Файзи и др. получили известность как произведения, отражающие национальный дух, благодаря народным воззрениям, верности национальным обычаям и традициям, национальной психологии, духовному миру и религиозным взглядам. Хотя в произведениях советского периода национальность в определенной степени сохранялась, все же система, стремящаяся к формированию советского народа, выдвигала на первый план общие черты, свойственные разным народам. Поэтому в эти годы в литературе редко появляются герои, отличающиеся своим обликом, национальными чертами. Серьезные литературно-эстетические изменения в этом вопросе начались в 1960-е годы, когда «татарская литература», выйдя за рамки советской идеологии, обеспечила

возрождение национальных традиций» [8, с. 368]. Серьезным его проявлением является создание образов, отражающих в себе ментальные качества народа – Талгата в «Первой любви» («Беренче мэхэббэт», 1960) Х. Вахита, Разию в «Тепло земли» («Жир жылысы», 1960) А. Гилязова, Зубайду в «Зубайда – дитя человеческое» («Зөбәйдә – адәм баласы», 1961) Ш. Хусаинова и др. В последующие годы были написаны пьесы «Камни для фундамента» («Нигез ташлары», 1968), «День рождения Миляуши» («Миләүшәнен туган көне», 1968) Т. Миннуллина, «Перед свадьбой» («Туй алдыннан», 1969) Х. Вахита, «Белое платье матери» («Әниемнең ак күлмәге», 1968) Ш. Хусаинова и др.

Обсуждение

Драма Ш. Хусаинова «Белое платье матери» из-за важности поднятых проблем и их высокому художественному решению получает большой общественный резонанс. Несмотря на то, что тема отношений матери и ребенка, к которой обращается автор, достаточно разработана, она привносит новизну, которая выражается в постановке проблемы, специфике конфликта и приемов его разрешения. Основное событие связано с тем, что мать, приехавшая в город из деревни к своим детям, больна неизлечимой болезнью, и никто из девяти детей не может взять ее домой, чтобы ухаживать за ней. Из больницы её забирает медицинская сестра, которая приютила в своей квартире и отца своего мужа, давно покинувшего этот мир. За те несколько дней, когда разворачивается сюжет драмы, мать по очереди встречается со своими детьми. В ходе этих встреч раскрывается не только внутренний мир и нравственный облик каждого из её детей, но и находят преломление морально-философские проблемы современности.

Образ матери является национальным культурным символом у многих народов, мать как прародительница, как хранительница и транслятор национальных ценностей, наконец, как спасительница нации от вымирания отражается в произведениях очень многих татарских писателей и поэтов, а свое начало берёт от древнейших легенд и преданий. Особенность татарской языковой картины мира заключается в том, что судьба матери и судьба нации в ней вырисовываются в теснейшей взаимосвязи. Еще в начале XX века татарский писатель Гаяз Исхаки, чье творчество пронизано национальной идеей, идеей спасения нации от вымирания, в своих произведениях большое внимание уделял образу женщины, матери, семьи. Как пишет Ф.М. Мусин: «Он считал семью – основой национальной жизни, верил, что крепость и жизнеспособность нации зависит от крепости семьи»

[9, с. 98]. Эта традиция отображения образа матери, семьи как национального образа находит продолжение и в драме Ш. Хусаинова «Белое платье матери».

Как известно, название произведения – одно из самых примечательных. Ш. Хусаинов, подчеркивая значимость образа именно матери, предлагает название «Приехала мама». Важно, что и во второй вариации названия драмы – «Белое платье матери» присутствует понятие «мать». Следовательно, именно образ матери может считаться наиболее значимым и наполненным культурно-национальным смыслом. Согласно исследованиям ученых, образ матери является архетипичным, то есть «обладает определенными свойствами: повторяемостью, даже вечностью; важностью, даже исключительностью; общностью, даже всеобщностью для разных культур и эпох; ёмкостью, наполняемостью важными идеями, ценностями, смыслами» [2, с. 153]. Как пишет М. Стерликова, «вся жизнь человеческого коллектива была сконцентрирована вокруг женщины, женщина была не только продолжательницей рода; все привычки, нормы поведения и традиции передавались через женщину. Возможно, (...) в умах тогдашних людей мужчина не играл никакой роли в делах продолжения рода» [7, с. 146]. Нам кажется, именно такая древняя подоплека стала причиной особенного, уважительно-почтительного отношения к матери, возвышения образа матери до святости, приближенности к божественному миру. В то же время образ матери в картине мира разных народов может отличаться, обогащаться особенными смысловыми, иногда – символическими, значениями. В данной работе образ Матери анализируется как национальный образ, вбирающий как общекультурные, так и национальные черты.

В драме «Приехала мама» многие поступки и черты героини отражают национальную картину мира татарского народа, создают условия для сотворения целостной концепции национального образа. В произведении образ Матери раскрывается в тесной связи с другими. Чем теснее эти отношения, тем больше и ярче чувства, состояния, порождающие отдельные признаки, помогающие видеть, ощущать именно национальные особенности. Какими же маркерами пользуется Ш. Хусаинов для раскрытия татарского образа жизни, да и в целом, национального характера? На наш взгляд, наиболее значимыми явлениями являются изображение матери как источника жизни; ее готовность к самопожертвованию; атмосфера, связанная с ее

болезнью; символ белого цвета и др. Рассмотрим их подробнее.

В татарской национальной картине мира, как и в картинах мира некоторых других наций, народов, мать в первую очередь ассоциируется с дарительницей жизни. Понятие «Мать–Земля», связанное с плодородием земли, ее способностью «рожать» урожай также восходит к данному качеству матери. Интересно, что трактовка «мать – источник жизни» в произведении особо подчеркивается автором. В первую очередь необходимо отметить, что Мать – родительница десятерых детей. «Здесь мы ещё не все, дедушка. Нас девять! Было десять, один из братьев не вернулся с войны» [11, с. 159], – сообщает деду Альмухаммеду Саяр. Национальный образ матери, дарующей жизнь, начинает пониматься еще более глубоко, когда читатель знакомится с историей болезни Ислама. Будучи маленьким ребенком, Ислам тяжело заболевает, Матери советуют готовиться к похоронам, нигде не хотят даже прикасаться к ребенку с дифтерией. Однако Мама не смиряется с тем, что в скором времени ее ребенок умрет, по гололеду, под мокрым снегом пешком идет в Тятешевскую больницу, однако и там их не принимают. На обратной дороге Мама раскрывает рот малыша и видит там огромное количество слизи. Поняв причину столь плохого самочувствия малыша-Ислама, она начинает ртом высасывать эту слизь, затем обессиленная падает на землю. Когда она приходит в себя и начинает выздоравливать от поражения легких, Ислам уже всю бегает по двору. Источником жизни становится Мама и для Саяра. Примечательно, что это один из немногих детей Матери, который испытывает благодарность к ней.

Национальный образ матери в татарской культуре часто соразмеряется с мотивами жертвы / жертвенности или самопожертвования. Отметим, что данный мотив очень древний, восходит к религиозным обычаям и мифам. И татарская, и русская, и многие другие культуры весьма тесно соприкасаются с мотивом жертвы / жертвенности. Примечательно, что ни в устном народном творчестве, ни в литературе мать никогда не приносит в жертву своего ребенка, наоборот, готова на самопожертвование ради его счастья. Самопожертвование оценивается как высший нравственный, духовный поступок, т.е. «это и есть подлинная жертва, которая противопоставляется, с одной стороны, обряду жертвоприношения, а с другой – принесению в жертву другого человека» [1, с. 12]. Показательно в этом плане предание о матери, которая согласна принести на жертвенный алтарь свою жизнь и сердце только потому, что таковым является требование возлюбленного сына, и когда сын,

убивший свою мать, споткнулся, не выдерживает сердце матери, спрашивает сына, не больно ли ему. Именно в этот момент сын понимает всю глубину материнской любви. Мотив самопожертвования встречается и (проходит красной нитью) и в драме «Белое платье матери». Сила духа Матери так велика, что, будучи тяжело больной на той стадии, когда от невыносимой боли спасают лишь таблетки с наркотическим действием, она отказывается от них и отдает Инсафу, который потерял ноги и в больнице привык к уколам морфия. Только они спасают его от болей. Инсафу уже не прописывают эти уколы, так как привыкание может принести вред организму, и он вынужден искать их за большие деньги, иначе мучается от невыносимых фантомных болей. И здесь Мать оказывается сильнее сына: она согласна терпеть свою боль, даже казаться счастливой и выздоравливающей перед детьми, лишь бы сын смог хоть сколько-нибудь облегчить свои страдания.

В классической татарской литературы XX века весьма распространенным является образ больной матери. Это рассказ А. Еники «Невысказанное завещание» («Әйтелмәгән васыять», 1965), драмы Р. Батуллы «Прости меня, мама» («Кичер мине, әнкәй», 1974), Т. Миннуллина «Если нет луны, то есть звезды» («Ай булмаса, йолдыз бар», 1978) и др. Мы считаем, что мотив болезни матери в мировой литературе – это испытанный прием для оценки нравственного облика и моральной зрелости детей, для раскрытия их отношения к матери. То есть данный мотив можно трактовать как общекультурный. В татарской литературе он имеет некоторую специфику. Болезнь Матери в татарской литературе часто является и испытанием для детей, и важным обстоятельством, в силу которого Мать старается преподнести самый важный урок для детей, самые главные и значимые советы в качестве завещания. Похожую ситуацию мы наблюдаем и в драме «Приехала мама». Сильная затяжная болезнь Матери является как бы предпосылкой необходимости объяснить будущему поколению самые важные правила жизни, зачастую эти слова относятся не только конкретно к своим детям, а носят смысл обращения к целой нации, вследствие чего Мать начинает восприниматься как Мать нации («Милләт анасы»). Таковой является Акъэби А. Еники, которую, к сожалению, в состоянии выслушать только Поэт, но не ее дети. Не менее значимы предсмертные послания Матери и в драме Ш. Хусаинова: «Завещаю вот что: будьте людьми! Опасайтесь трусливости души! Если человек труслив, он готов на любую низость для сохранения себя. Он предаст и отца, и мать, и даже Родину» [11, с. 207]. Более того, зная о её достойно прожитой жизни, на основании её

завещания, мы можем характеризовать Мать и как спасительницу. В данном случае будет уместно провести аналогии с образами Пророков в религиозных легендах и литературе.

В классических татарских произведениях Белый цвет является символом духовной чистоты Матери. Следует отметить, что белый и полярный по отношению к нему черный цвет играют в мифологии ведущую роль. Как отмечается в труде И. Габушевой «Черный и белый цвета, связанные резким контрастом, а также их имена, образующие антонимическую пару, служили человеку с древнейших времен простым и наглядным, а также всеобъемлющим выражением противостояния зла и добра, мрака и света, смерти и жизни» [3, с. 55]. Авторы в своих произведениях довольно часто обращаются к белому цвету, как к символу духовной чистоты. А.Ф. Ситдикова отмечает, что «в языковой картине татарского народа лексема “ак” (“белый”) характеризуется большой семантической плотностью, в результате метафорических переносов у априорно нейтрально белого цвета большое количество положительных и отрицательных коннотаций» [6, с. 19]. В произведении А. Еники Мать нации Акъэби своим именем уже показывает себя как «Белая (чистая) бабушка». Вся ее жизнь проходит под эгидой белизны, чистоты. В драме Ш. Хусаинова Мать представлена без имени, она именно Мать, но глубоко символично, что, не помня дня своего рождения, она в этот день случайно надевает белое платье. Короткий эпизод с белым шелковым платьем наполнен глубоким символическим смыслом, недаром первое название произведения звучит как «Белое платье матери». «Белое платье матери, как символ, указывает на нравственное совершенство. Она и в состоянии тяжелой болезни – терпеливая, духовно великая, милосердная, послушная, примерная мать» [10, с. 503].

В произведении своеобразно отражается и отношение матери к религии. На вопрос хозяина дома старика Альмухамета: «А есть ли Бог?» – она отвечает: «Кто же знает, никто оттуда не возвращался». В те годы, когда в обществе господствовали атеистические взгляды, она и не могла ответить иначе. Если бы Ш. Хусаинов заявил, что его главная героиня верит в Бога, то пьесу вообще не опубликовали бы и не поставили на сцене. Понятие веры в Аллаха она заменяет Совестью. Мать жила и работала по велению совести. Она понимает, что в основе ее религиозных воззрений лежит это понятие, и хочет, чтобы окружающие жили честно и по совести. Поэтому, уходя в мир иной, на смертном одре Мать просит старика почитать суру «Ясин» из Корана, которую обычно читают умирающим,

дабы облегчить уход и с надеждой на прощение Всевышнего.

Заключение

Изучив своеобразие национального характера в драме «Белое платье матери» Ш. Хусаинова, можно прийти к следующим *выводам*: в продолжение лучших традиций татарской драматургии, автор возвышает образ Матери до уровня выразителя главных черт национального характера; в пьесе отображаются общекультурные черты в образе Матери как архетипическом образе, но имеет и ряд сугубо национальных особенностей, которые выражены через такие маркеры, как характеристика ее как источника жизни; готовность к самопожертвованию; символ белого цвета и др.; в пьесе освещены актуальные проблемы современности через образ Матери, в том числе это взаимоотношения в семье, социальная и нравственная деградация личности, урбанизация и исчезновение деревень, вопросы национальной идентичности; с целью раскрытия своеобразия национального характера автором использовались символы, художественные детали, сравнения и т.д.

Литература

1. Аминова В.Р., Набиуллина А.Н. Жертвенность и жертвоприношение в прозе И. Абузярова: деконструкция мифологических сюжетов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8. С. 10 – 12.
2. Антонян Ю.Н. Основные признаки архетипа // Общество и право. 2007. № 7. С. 152 – 158.
3. Габушева И.И. Слово в контексте мифопоэтической картины мира. М.: РРГУ, 2003. 192 с.
4. Закирьянов А.М. Современное татарское литературоведение: традиции, закономерности и новые поиски. Казань: ИЯЛИ, 2019. 370 с.
5. Мархадаев Г.Б. Национальный характер в современной бурятской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2021. Т. 14. Вып. 4. С. 1009 – 1013.
6. Ситдикова А.Ф. Когнитивное исследование цветового пространства в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 21 с.
7. Стерликова М. Семизис женских культов в традиционных сообществах // Аналитика культурологии. 2008. № 3. С. 145 – 147.
8. Заһидуллина Д.Ф. 1960-1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр: монография. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.
9. Мусин Ф. Милләт сагында // Казан утлары. 2008. № 2. С. 95 – 104.

10. Ханзафаров Н. Шәриф Хөсәенов // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда: 6 т.: 1917-1956 еллар [фәнни мөх. Д.Ф. Заһидуллина]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. 785 б.

11. Хөсәенов Ш. Мәхәббәт сагышы: повесть һәм пьесалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 352 б.

References

1. Amineva V.R., Nabiullina A.N. Zhertvennost' i zhertvoprinoshenie v proze I. Abuzyarova: dekonstrukciya mifologicheskikh syuzhetov. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 8. S. 10 – 12.

2. Antonyan YU.N. Osnovnye priznaki arhetipa. Obshchestvo i pravo. 2007. № 7. S. 152 – 158.

3. Gabusheva I.I. Slovo v kontekste mifopoeticheskoy kartiny mira. M.: RRGU, 2003. 192 s.

4. Zakirzyanov A.M. Sovremennoe tatarskoe literaturovedenie: tradicii, zakonmernosti i novye poiski. Kazan': IYALI, 2019. 370 s.

5. Marhadaev G.B. Nacional'nyj harakter v sovremennoj buryatskoj proze. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki 2021. T. 14. Vyp. 4. S. 1009 – 1013.

6. Sitdikova A.F. Kognitivnoe issledovanie cvetovogo prostranstva v tatarskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2013. 21 s.

7. Sterlikova M. Semiozis zhenskikh kul'tov v traditsionnyh soobshchestvakh. Analitika kul'turologii. 2008. № 3. S. 145 – 147.

8. Zahidullina D.F. 1960-1980 ellar tatar әдәбияты: уаңарыш мәйданары һәм авангард эзләнүләр: монография. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.

9. Musin F. Millət sagynda. Kazan utlary. 2008. № 2. S. 95 – 104.

10. Hanzafarov N. SHәrif Hөsәenov. Tatar әдәбияты тарихы: сигез томда: 6 т.: 1917-1956 еллар [фәнни мөх. Д.Ф. Заһидуллина]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. 785 б.

11. Hөsәenov SH. Mәhәbbәt sagyshy: povest' һәм p'esalar. Kazan: Татар. кит. нәшр., 1989. 352 б.

THE NATIONAL CHARACTER IN SHARIF HUSAINOV'S DRAMA «MOTHER'S WHITE DRESS»

Khabibullina L.F.,

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
The Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,*

Abstract: the aim of the research is to characterize the image of the mother in the drama «Mother's White Dress» as a national image. The objective is to achieve a range of objectives:

1) To characterize the image of the mother as archetypal and nationally significant in the cultures of different peoples and in the Tatar culture;

2) To identify culturally and nationally significant features of the image of the mother in the drama of Sharif Husainov «Mother's White Dress».

The article reveals the peculiarity of the national character in the drama "Mama has Arrived" by Sh. Khusainov and its expression through artistic means. The image of the mother is characterized as archetypal and nationally significant both in the cultures of different peoples and in the Tatar culture. Special attention is paid to the disclosure of national character traits in the image of the Mother, as well as the author's interpretation of the raised problems and ways of creating images. The work identifies and evaluates the main components that make it possible to define the image of the Mother as a national character, this is the readiness for self-sacrifice in the name of children, the preservation of traditions, customs, the system of values of the people, etc.

Keywords: Sh. Husainov, Tatar drama, national character, symbol, artistic detail

КОЛОРАТИВЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ КРАСНОГО ТОНА КАК РЕПРЕЗЕНТАТОРЫ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А.С. ПУШКИНА

*Осинцева-Раевская Е.А., соискатель,
Башкирский государственный университет*

Аннотация: на материале колоративов красного тона в работе выявляется роль цвета как репрезентатора высших жизненных ценностей в творчестве А.С. Пушкина. Устанавливается эстетическая значимость соответствующих цветообразов и органичность их соотношений в структуре определённых смысловых зон. Анализ фактического материала обеспечивает возможность сделать вывод, что лексемы, которые образуют ряд синонимов «багровый-багряный-пурпурный», а также лексемы «алый-красный», которая традиционно используется как представление о молодости, здоровье, красоте в русских текстах, характерны для литературных текстов Александра Сергеевича Пушкина. Было выявлено, что употребления колоративов со значением красного цвета являются следствием установившихся традиций. Таким образом, в рамках данного исследования была совершена попытка анализа и оценки лексико-семантической парадигмы колоративов со значением красного тона как важной составляющей творчества великого русского писателя и лингвиста. Проведенное исследование позволило выявить, что значения красного тона являются одним из инструментов А.С. Пушкина, при этом сам язык писателя, его картина мира будет продолжать служить живым источником и образцом художественного слова для многих поколений русских писателей.

Ключевые слова: алый, багряный, румяный, колоратив, А.С. Пушкин

Введение

Формирование мировоззрения и мировосприятия человека во многом определяется культуры и литературы, которые усваиваются его сознанием на самых ранних этапах их формирования. Для русскоязычного человека главным фактором, определяющим аксиологическую, художественную и мировоззренческую позицию, является наследие А.С. Пушкина, произведения которого представляют собой неоспоримый и общепризнанный образец русской и мировой литературы. При всей, казалось бы, исчерпанности тем пушкинского наследия, многочисленных и подробных исследованиях каждого его произведения, его наследие никогда не перейдет в чисто историческую сферу, так как оно отражает сущность русского языка и культуры.

Аксиологические категории, их сущность, специфика отражения в национальных картинах мира составляют предмет изучения целого ряда гуманитарных дисциплин. Литературный текст дает неоценимый материал для соответствующих исследований [1]. И чем значительнее личность автора текста в духовной национальной культуре, тем больший интерес к этому виду исследования пробуждают его ценностные ориентации. Поэтому наше обращение к художественному миру А.С. Пушкина кажется вполне закономерным.

А.С. Пушкин признан не только талантливым, выдающимся поэтом, но и реформатором русского языка. С полной уверенностью на основании имеющихся научных исследований А.С. Пушкина можно отнести к создателям того современного русского языка, который мы сегодня называем литературным. Язык был для поэты реализацией русского народа, инструментом для демонстрации

и передачи собственного ощущения мира, реальности, своего восприятия и отношения к различным явлениям, а также выражением сложного многогранного менталитета русского народа [2].

Отражая наш многоцветный мир, оставаясь в прямом цветовом соотношении с ним, колоративы закономерно становятся потенциальными носителями колоссальной эмоциональной и образной информации: «цвет – информация – эмоция» [3,4]. В структуре художественных произведений, высокие образцы которых являют творчество А. С. Пушкина, содержатся скрытые возможности единичи языка.

Основная часть

Учитывая разнообразие пушкинской палитры, отражающей в ней все цвета солнечного спектра, в данном исследовании мы остановимся лишь на одном ее фрагменте – красном цвете (синонимическом ряде *багряный – багровый – пурпурный*) как цвете восхода солнца, огня, крови, то есть на сенсорно-зрительных образах, соотносенных с общечеловеческими категориями ценностей, объединенными понятием жизнь, значимость которого для А.С. Пушкина подтверждается всем его творчеством и ярко выражено в его известном философско-мировоззренческом кредо: «Я жить люблю, я жить хочу...» («О нет, мне жизнь не надоела...») [5].

Первые два компонента указанной лексико-семантической парадигмы восходят к славянскому корню *-багр-*, и если лексема *багряный* хорошо известна церковнославянским и древнерусским текстам, то её синонимичная лексема *багровый* появилась только в начале XVI века. Согласно словарям Шанского первые её фиксации относятся к 1508 году. Что касается лексемы *пурпурный*

(пурпуровый), непосредственно восходящей к лат. *purpura*, но этимологически родственной и греческому слову *porphyra*, калькой которого является славянская *багряница*, то как западно-европейское заимствование в русском языке она появилась в XVIII веке.

Исторически обусловленная смысловая связь лексем *багряный-багровый-пурпурный* (*пурпуровый*) широко и последовательно отражение в лексикографической традиции. Таким образом, между лексемами *багровый* и *багряный* существует тесная семантическая корреляция, которая особенно ярко проявляется в их возможных определениях. Ср.: *багряный* – «то же, что и *багровый*» [6, 7], «*багровый*» [8]. Глубокая лексикографическая традиция отождествляет слово *багровый* со словом *пурпурный* (*пурпуровый*). Ср.: *багровый* – «имеющий цвет червлёный, пурпуровый, густо-красный» [9].

Анализ конкретного фактического материала позволяет сделать вывод, что все три лексемы, составляющие синонимичный ряд *багровый-багряный-пурпурный*, характерны и для литературных текстов А. С. Пушкина. В то же время оказывается, что соответствующие употребления во многом являются результатом уже сложившейся традиции. Так, в соответствии с традицией, то есть в прямом этимологическом соотношении лат. *purpura* – «пурпур, пурпуровый цвет, пурпуровая одежда, багряница, порфира» [10], в текстах А.С. Пушкина реализуется лексема *пурпурный*. Ср., например: «В своей блистательной столице / Толпой рабов охранена, / Спокойно властвует она... / Как дань несут наряды ей, / Она беспечно их меняет, / То в блеске яхонтов сияет, / То избирает тирских жен / Покров и пурпурный хитон».

В собственно традиционном ключе в текстах Пушкина употребляется и лексема *багряный*, а именно (в шести случаях из семи) как хорошо апробированное в литературе XVIII в. средство обозначения цветовой окраски солнечных зорь или их отсветов. Ср., например: «Редеет ночь – заря багряна / Лучами солнца возжжена («Кольна»); «Зари багряной полоса / Объемлет ярко небеса («Полтава»»).

Появившись в русском языке, как упоминалось выше, в начале XVI века, лексема *багровый*, в силу своей этимологической связи с корнем *-багр-*, должна была быть абсолютным синонимом лексемы *багряный*. Действительно, об этом свидетельствуют наиболее ранние тексты. Но учитывая, что «существование слов, абсолютно идентичных во всех отношениях, неумовимо кратковременно» [9] каждая языковая система органически стремится преодолеть избыточность, можно смело предположить, что уже на старте использования и разви-

тия русского языка лексема «багровый» проложила вектор и определила дальнейшее формирование ряда семантических свойств, определивших в последующем ее дифференциацию с еще одной лексемой, использующейся для передачи и выражения оттенка красного – «багряный» [11]. Именно о такой эволюции двух этимологически родственных лексем *багряный*, *багровый* свидетельствуют и материалы, представленные в монографии Н.Б. Бахилиной «История цветообозначений в русском языке» [12].

При дальнейшем семантическом развитии слова *багровый* его органическое семантическое напряжение, обусловленное отражением атрибута «интенсивный» в его семантической структуре, стало надежной основой его семантического противопоставления не только слову *багряный*, но и другим прилагательных со значением красного цвета. В результате слово *багровый* при его последующем проникновении в жанры светской литературы имеет тенденцию функционировать в особо драматических речевых ситуациях, связанных с войной, восстаниями, кровью, высоким эмоциональным накалом, что получает четкую отраженность в произведениях писателей XVIII века: «Багровая заря кровавый вводит день» (Ломоносов «Петр Великий»); «Багрово зарево зияет, / Дым черный клубом вверх летит» (Державин «На взятие Измаила»).

Соответствующее эмоционально-образная трактовка слова *багровый* характерна и для А.С. Пушкина: «Грохочут пушки. Дым багровый / Кругами всходит к небесам» (Полтава).

В связи с указанными выше потенциальными возможностями слова *багровый*, в русской литературе XVIII века, то есть в допушкинский период, наметилась и тенденция к использованию лексемы *багровый* при обозначении цветовой окраски кожного покрова (прежде всего окраски лица), характеризующейся высокой степенью насыщенности и яркости в результате воздействия побочных факторов определенного типа, что отражается, например, в следующем контексте: «Алексей Карпович, сосед мой застольный. / Ни уса, ни бороды, а нос уже багровый...» (А.Н. Радищев – «Путешествие из Петербурга в Москву»).

В прямой связи с вышеупомянутой традицией лексема *багровый* как средство передачи высокой степени яркости и насыщенности цвета кожи встречается и в пушкинских текстах. Но, обращая внимание на этот факт, в то же время следует отметить, что новизну писатель вносит в специфику соответствующих употреблений. Так, у Пушкина прежде всего значительно расширяется «багровый нос» у писателей XVIII века и пушкинские: «на щеках багровый огонь еще родился», «играет на

лице ее багровый цвет» (как мы можем предположить, это цвет неминуемой смерти – Е. О-Р.), «бледное лицо покрылось багровым румянцем».

Значительно обогащаются эмоциональные и выразительные возможности соответствующих цветообразов. Если ранее, как правило, это цвет лица возбужденного алкоголем человека, то у Пушкина соответствующий цвет, выраженный через слово *багровый*, раскрывается и как цвет досады (ср. „багровый румянец” мисс Жаксон из повести «Барышня-крестьянка», заметившей принадлежащие ей белила и сурьму на лице своей воспитанницы Лизы Мурмской), и как цвет сильного волнения („багровый румянец” Владимира Дубровского в момент значимого для него разговора с Машей Троекуровой), и как цвет гнева („багровый огонь” на щеках головы в момент встречи со своим ненавистным врагом, братом Черномором). И это нововведение Пушкина напрямую повлияло на особенности эстетической интерпретации соответствующих цветовых образов в произведениях писателей послепушкинского периода в развитии русской литературы.

И еще один нюанс: начиная с А.С. Пушкина, согласно особенностям его художественной системы, лексема *багровый*, утвердившись как основное средство передачи вышеотмеченной (возбужденной побочными факторами) окраски кожи, совершенно вытесняет из соответствующих речевых ситуаций лексему *багряный*.

Сложившаяся традиция во многом определяет стиль контекстов, в которых используются соответствующие лексемы. В то же время, однако, в самом использовании и понимании коннотационных возможностей лексем, входящих в рассматриваемый синонимический ряд, Пушкин демонстрирует такое новаторство, которое де-факто определяет специфику наиболее совершенной семантической дифференциации этих лексем (то есть лексем *багровый*, *багряный*, *пурпурный*) как членов определенного ряда синонимов, что определяет особенности их дальнейшей эволюции в системе русского языка.

В общей структуре рассматриваемого ряда синонимов при отражении в пушкинских текстах особую смысловую соотнесенность обнаруживают лексемы *багряный* и *пурпурный (пурпуровый)*. Это проявляется прежде всего в том, что обе они реализованы только в поэтических текстах, то есть в прозе Пушкина эти лексемы не закреплены ни одним примером. Слово *багровый*, напротив, находит свое выражение как в поэтических, так и в прозаических текстах Пушкина. И соответствующее (пушкинское) понимание стилистических возможностей этих лексем наиболее активно сказалось на специфике их функционирования в

текстах русской художественной литературы как в XIX, так и в XX веках.

Более того, в языке Пушкина есть семантическое различие между наиболее близкими синонимами *багряный* и *пурпурный*. Это проявляется в том, что одна из этих лексем, а именно лексема *пурпурный* обнаруживает четко выраженное стремление к реализации не в любых поэтических текстах, а в таких, которые заключают в себе представление о истинно величественном, возвышенном, прекрасном. Чтобы понять, о чем идет речь, достаточно сравнить случаи реализации в поэтической системе Пушкина лексемы *багряный* (например, „зари багряной полоса”, „но день багряный вечерел”) со следующими реализациями в той же системе лексемы *пурпурный (пурпуровый)*: «Под сенью пурпурных завес / Блистает ложе золотое» («Египетские ночи»); «На скифских берегах переселенец новый, / Сын юга, виноград блистает пурпуровый» («К Овидию»).

Именно это эстетическое осознание лексемы Пушкина *пурпурный (пурпуровый)* в ее противопоставленности лексеме *багряный* легло в основу их дальнейшего семантического развития, в ходе которого уже сформировалась лексема *пурпурный (пурпуровый)* как средство передачи ощущения величественного, возвышенно прекрасного.

Лексема *багряный* также приобретает особое понимание в рассматриваемой языковой системе, в результате чего она также становится в своей неповторимости уникальным компонентом рассматриваемого ряда синонимов. Речь идет о новаторском движении в поэтической системе Пушкина этой лексемы (как и этимологически связанной лексемы *багрец*) к зоне «осень», которое было вызвано особым поэтическим видением, сумевшим установить единство соответствующего визуального и эстетического впечатлений. Действительно, сияющая золотом и алмазами багряница и покрытые багряно-золотой листвой деревья, лес поэтически тождественны. Но именно Пушкин впервые установил это образное тождество между богатой драгоценной царской одеждой и богатством осенних красок. Пример текста А.С. Пушкина: «Роняет лес багряный свой убор», для последующих русских писателей также стал эталоном истинно поэтического видения, образцом для многочисленных подражаний. Количественное накопление таких употреблений лексемы *багряный* не могло не отразиться на ее более поздней семантической эволюции, которая привела к преобразованию этой лексемы в специализированный способ маркировки красных осенних листьев и, таким образом, определило ее семантическую специфичность по отношению к другим рассматриваемым компо-

нентам синонимического ряда *багряный* – *багровый* – *пурпурный* (*пурпуровый*).

Отождествляя специфику функционирования цветных лексем со значением красного тона в качестве метода или средства представления аксиологических категорий в лингвистическом образе мира А.С. Пушкина, закономерно обратиться к смыслам как микросферам соответствующего языкового пространства. Среди рассматриваемых обозначений цветовой палитры по объему смыслов и числу реализаций отличаются следующие лексемы-номинаторы тонов красного: «румяный», «розовый», «алый». На основании перечисленных номинаторных лексем активно создаются и развиваются поэтические образы, характеризующиеся глубиной и особой красотой.

В рассматриваемой парадигме образов и цветов доминантной является лексема «румяный», что обусловлено ее семантической структурой. В рамках данной семантической структуры реализуются смысловые оттенки, которые порождают ассоциации и параллели с молодостью и здоровьем, физической привлекательностью. Если обратиться к древнерусскому, румяный является эквивалентом трех лексем:

- «*rhódinos*» (греч.), которая переводится как «розовый, розового цвета»;
- «*euchrhons*» (нем.) – переводится как «с красивым лицом, цветущий»;
- «*antheros*» (англ.) – переводится как «молодой, свежий» [12].

Согласно литературным традициям, представление о молодости, бодрости, хорошем здоровье, выражается с помощью лексемы «алый», которая имеет тюркское происхождение [13]. В связи с этим, в произведениях Александра Сергеевича лексемы «румяный» и «алый» используются как синонимичная пара. Данная пара используется писателем для изображения молодого, здорового персонажа, который энергичен и бодр. В качестве примера использования лексемы «алый» можно привести следующие цитаты из произведений: «*Дверь отворилась. Ольга к ней, / Авроры северной алей / И легче ласточки, влетает*» («Евгений Онегин»); «*Проказница младая, / И губки алые кусая*» («Граф Нулин»); «*Входят семь богатырей, / Семь румяных усачей*» («Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»). В качестве примера использования лексемы «румяный» в рассматриваемом контексте можно привести следующие цитаты из произведений: «*Лица румянец деревенский – / Здоровье краше всех румян*» («Граф Нулин»); «*... и запылал / В ее лице самовлюбленном / Румянец ярче*» («Евгений Онегин»).

Заключение

На примере анализа данной лексико-семантической парадигмы мы попытались проникнуть в творческую лабораторию не просто великого русского писателя, но равно и великого лингвиста, тонко чувствующего все мельчайшие нюансы русского слова, его неосознанные предшественниками потенциальные возможности, его соотнесенность с другими близкими ему по смыслу словами и текстом произведения в целом. Поэтому А.С. Пушкин навсегда активно останется в русской культуре, а его язык будет продолжать служить живым источником и образцом художественного слова для многих поколений русских писателей.

Литература

1. Крюкова Г.М. Колоратив «Красный» в диалоге эпох // Вестник ИрГТУ. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolorativ-krasnyu-v-dialoge-epoch> (дата обращения: 25.01.2022). С. 85.
2. Лю Юйцинь. Язык Пушкина и русский литературный язык // Кронос: общественные науки. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-pushkina-i-russkiy-literaturnyy-yazyk> (дата обращения: 25.01.2022). С. 23.
3. Барина О.В. К проблеме классификации колоративов в лексикографическом аспекте // Sciences of Europe. 2016. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-klassifikatsii-kolorativov-v-leksikograficheskom-aspekte> (дата обращения: 25.01.2022). С. 13.
4. Будникова О.В. Семантика и символика цвета в народной культуре // Юдинские чтения – 2003: Мир, фольклор, литература: мат-лы Всерос. науч. конф. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. С. 167 – 171.
5. Словарь русского языка, т. 1-4, Москва 1981-1984. С. 119 – 120, 156 – 157.
6. Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1-4, Москва 1935-1940. С. 211.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка, Москва 1972. С. 113 – 116, 215 – 217.
8. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, cz. 1-6, Санкт-Петербург 1806–1822. С. 75 – 77.
9. Этимологический словарь русского языка, под ред. Н. М. Шанского, т. 1, Москва 1965. С. 95.
10. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 112.
11. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. С. 89.
12. Алимпиева Р.В. Семантическая структура слова и структура лексико-семантической группы. Л., 1986. С. 75.

References

1. Kryukova G.M. Kolorativ «Krasnyj» v dialoge epoh. Vestnik IrGTU. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolorativ-krasnyy-v-dialoge-epoh> (data obrashcheniya: 25.01.2022). S. 85.
2. Lyu YUjcin'. YAzyk Pushkina i russkij literaturnyj yazyk. Kronos: obshchestvennye nauki. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-pushkina-i-russkiy-literaturnyy-yazyk> (data obrashcheniya: 25.01.2022). S. 23.
3. Barinova O.V. K probleme klassifikacii kolorativov v leksikograficheskom aspekte. Sciences of Europe. 2016. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-klassifikatsii-kolorativov-v-leksikograficheskom-aspekte> (data obrashcheniya: 25.01.2022). S. 13.
4. Budnikova O.V. Semantika i simvolika cveta v narodnoj kul'ture. YUdinskie chteniya – 2003: Mir, fol'klor, literatura: mat-ly Vseros. nauch. konf. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta, 2003. S. 167 – 171.
5. Slovar' russkogo yazyka, t. 1-4, Moskva 1981-1984. S. 119 – 120, 156 – 157.
6. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka, pod red. D. N. Ushakova, t. 1-4, Moskva 1935-1940. S. 211.
7. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka, Moskva 1972. S. 113 – 116, 215 – 217.
8. Slovar' Akademii Rossijskoj po azbuchnomu poryadku raspolozhennyj, cz. 1-6, Sankt-Peterburg 1806–1822. S. 75 – 77.
9. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka, pod red. N. M. SHanskogo, t. 1, Moskva 1965. S. 95.
10. Filin F.P. Ocherki po teorii yazykoznaniya. M., 1982. S. 112.
11. Bahilina N.B. Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke. M., 1975. S. 89.
12. Alimpieva R.V. Semanticheskaya struktura slova i struktura leksiko-semanticheskoy gruppy. L., 1986. S. 75.

**COLORATIVES WITH THE MEANING OF A RED TONE AS RESENTATIVES
OF AXIOLOGICAL CATEGORIES IN THE A.S. PUSHKIN'S LINGUISTIC
PICTURE OF THE WORLD**

*Osintseva-Raevskaya E.A., Applicant,
Bashkir State University*

Abstract: the role of color as a representative of the highest life values in the work of A. S. Pushkin is revealed on the material of red tone colors in the work. The aesthetic significance of the corresponding color images and the organic nature of their relationships in the structure of certain semantic zones are established. The analysis of the factual material makes it possible to conclude that the lexemes that form a number of synonyms "crimson-scarlet-purple", as well as the lexemes "scarlet-red", which is traditionally used as a representation of youth, health, beauty in Russian texts, are characteristic of literary texts by Alexander Sergeevich Pushkin. It was revealed that the use of colorants with the meaning of red is the result of established traditions. Thus, within the framework of this study, an attempt was made to analyze and evaluate the lexical-semantic paradigm of coloratives with the meaning of red tone as an important component of the work of the great Russian writer and linguist. The study made it possible to reveal that the meanings of the red tone are one of the tools of A.S. Pushkin, while the writer's language itself, his picture of the world will continue to serve as a living source and model of the artistic word for many generations of Russian writers.

Keywords: scarlet, crimson, ruddy, colorative, A.S. Pushkin

РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТА «ДОБРО»: НА ПОДСТУПАХ К ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

*Чжао Цзин, аспирант,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Аннотация: в статье с учетом узкого и широкого подхода к фразеологии для специального лингвоаксиологического анализа выделены устойчивые единицы русского и китайского языков с компонентом *добро/善*. Выявляются универсальные и специфические особенности фразеологизмов, характеризующихся антропоцентрической направленностью, обнаруживающих органическую связь с константами этической, персоналистской, коммуникативной аксиосфер. С опорой на понятие «аксиология», «аксиологическая маркированность» приводится сопоставительный лингвоаксиологический анализ фразеологизмов с компонентом *добро* и однокоренными образованиями. Выявляются общие и специфические особенности аксиологического содержания устойчивых единиц в русском и китайском языках. Для достижения поставленной цели исследования предполагают определенные задачи: разграничить узкий и широкий подходы фразеологии русского и китайского языков; уточнить концепт «добро», который является аксиологемой вербальных знаков базовых ценностей; интерпретировать аксиологическую составляющую семантику фразеологизмов русского и китайского языков сквозь призму концепта «добро». Практическая значимость исследования заключается в том, что проанализированные фразеологические примеры и полученные результаты могут быть внедрены на занятиях по русскому языку как иностранному и китайскому языку как иностранному, а также способствовать составлению аксиологических, в том числе русско-китайских и китайско-русских, фразеологических словарей.

Ключевые слова: фразеологизм, концепт «добро», аксиологема, аксиологическая маркированность, национальная специфика ценности

Фразеологизмы, характеризующиеся аксиологическим содержанием, отражают национальное мировидение. Особый интерес представляет изучение устойчивых единиц, функционирующих в разносистемных языках, поскольку они транслируют информацию, связанную с базовыми ценностями народа. В речи получают особые оценочно-эмоциональные приращения. «Проблема ценностей – вечная проблема, ставшая вновь современной и актуальной и связанной с вопросами о полезном и вредном, добре и зле, справедливом и несправедливом, должном и недопустимом, прекрасном и безобразном, об идеале и благе» [1, с. 4]. Поскольку ценностные предпочтения национальной культуры находят непосредственное отражение в лексике и фразеологии языка, особое развитие в настоящее время получила лингвоаксиология.

Рассматривая термин «фразеология», необходимо учитывать разные точки зрения о её границах. Традиционно в состав фразеологии включаются «устойчивые, воспроизводимые, экспрессивные сочетания лексем, обладающие, как правило, целостным значением» [2, с. 5]. На основе степени семантической слитности, или аналитичности значения, «разрабатывается классификация, в соответствии с которой выделяются фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания» [3, с. 140-161]. Исследователи, поддерживая и развивая узкий подход к выделению фразеологизмов, неизменно подчеркивают их идиоматичность, т. е. «переосмысление компо-

нентов», «узуальность, устойчивость» [4, с. 205], а также целостность или частичную целостность значения. В широком понимании к фразеологическим единицам относят не только устойчивые сочетания, но и обороты – «устойчивые по структуре, готовые для воспроизведения различные образные выражения» [5, с. 28]. Возможно отнесение к фразеологизмам пословиц и поговорок, крылатых выражений на основании их воспроизводимости и образности.

В китайском научном дискурсе фразеологизмы интерпретируются как устойчивые единицы, зафиксированные в текстах китайских классических литературных произведений, в исторических записях и народных анекдотах. В пространстве национальной лингвокультуры существуют отмеченные подходы к изучению фразеологизмов. Как и в российской лингвистике, обосновываются узкое и широкое понимания китайской фразеологии. «Узкий подход» – опорный термин «чэньюй» (成语) – основан на дефиниции устойчивых воспроизводимых сочетаний, восходящих к конкретным литературным источникам: «一般都是四个字, 约定俗成的具有完整性» – ‘целостность и комплектность комбинации, чаще всего составляющей из четырех китайских иероглифов, иногда из трех, пяти, семи и даже восьми иероглифов’ [6, с. 78]. В речи такие сочетания реализуются как готовые, воспроизводимые.

Широкое понимание фразеологии основано на понятии «шуйюй» (熟语). Термин предложил в

1959 году китайский лингвист Юнь Шэн (云生) – «某种语言所有固定词组的总和» – фразеология – ‘это совокупность устойчивых словосочетаний и выражений определенного языка’ [7, с. 125], включающая не только устойчивые сочетания из четырех иероглифов (四字固定短语), но и иносказания (歇后语), суюй (俗语) и поговорки. В настоящее время в китайской лингвистике преобладает узкий подход к фразеологии.

Концепт трактуется как «единица человеческого знания о мире, стоящая за семантикой языкового знака» [8, с. 161]. Имя концепта одновременно может выступать в функции аксиологемы. Аксиологемы – это «концепты (смыслы), которые воспринимаются носителями языка (точнее, лингвокультуры) как абсолютные ценности» [9, с. 140]. Последнее способствует как выявлению универсальных участков языковой картины мира двух наций, так и фиксации их особенностей.

В процессе анализа языкового материала, мы опираемся на аксиологию как учение о ценностях, обнаруживающее связь с учением о человеке, проявлением человеческого фактора (человеческих особенностей) в языке. Непрерывные процессы постижения и восприятия окружающего мира, формирования и усложнения связей между образами составляющих его объектов в сознании человека создают картину мира. Национальный опыт различных культур обуславливает особенности мировосприятия, а «семантика языкового знака отражает о вещи, свойстве, действии, процессе, событии» [10, с. 56]. Исследователи интерпретируют сложившуюся «национальную картину мира, дополненную ассимилированными знаниями, отражающую мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированную внутри языка, ограниченную рамками консервативной культуры этого народа» [11, с. 10-11]. Необходимо отметить, что для фразеологической картины мира характерно образное восприятие различных объектов действительности.

Нам близок подход, в соответствии с которым «аксиологема понимается как вербальная номинация ценности, являющейся базовой для индивида, определенной группы лиц» [12, с. 33] и национальной культуры. Особую аксиологическую маркированность устойчивые сочетания и обороты могут приобретать в речи. Аксиологемы, а также аксиологически маркированные единицы языка являются компонентами «аксиологического лексикона» [12, с. 33] русского и китайского языков. Лексема *добро* является вербальным знаком концепта. Концепт «добро» трактуется как первичная универсальная аксиологема, константа и русской, и китайской культур. Мы анализируем фразеоло-

гизмы, номинирующих концепт «добро/善» [13, 14, 15, 16, 17].

В русском языке слово *добро* является многозначным. Концепт «добро» находит многогранное воплощение в семантике устойчивых единиц. В словаре А. Н. Тихонова зафиксированы устойчивые единицы: *к добру не приведёт, добра не будет, слепая доброта, по доброй воле, на добровольных началах* и др. [13, с. 336-338]. Фразеологизм *к добру не приведёт* в составе высказывания воспроизводит когнитивную ситуацию – подход к добру как к реальной сущности: *ложь к добру не приведёт; увиливание от профессиональных обязанностей к добру не приведёт*. В первом случае ложь (неправда) трактуется как антиценность, приверженность к которой приводит говорящего к коммуникативным неудачам. Во втором случае обсуждается игнорирование субъектом обязанностей, которые возлагаются на всех членов трудового коллектива. Поведения, действия, поступки, не соответствующие нормам морали, не приводят к позитивному результату. Очевидна дидактическая функция фразеологизмов.

Неодобрительную маркированность, в частности, получают единицы, включающие частицу *не*. Высказывания, включающие единицы *к добру не приведёт, не доведёт до добра*, приобретают вневременный характер и передают негативную оценку. Вдумчивое, в том числе речевое, поведение одобряется. Одобрительная окраска устойчивых сочетаний и выражений соответствует собственно аксиологическим предпочтениям (*помянуть добром, от доброго сердца, к добру* и др.).

Концепт «добро» может осмысляться в контексте реального движения времени. Например, с помощью фразеологического сочетания *не к добру* осознаётся реализация определенных действий, которые не могут привести к положительному результату в ближайшем будущем; на основе фразеологического выражения *добра не будет, добру не бывать, не ждать добра* выдвигается предположение о негативных последствиях оцениваемого произошедшего события в перспективе.

Концепт «добро» получает образное воплощение: наблюдается олицетворение: *добро должно быть с кулаками*. Фразеологический оборот содержит утверждение, транслирующее модальность долженствования: правильный путь не бывает легким и требует защиты собственных воззрений и идеалов. Напротив, устойчивое сочетание *слепая доброта* обозначает бездумное отношение к чему-либо, нередко приводящее к негативным результатам.

Непроизводное слово *добро* находится в вершине разветвленного словообразовательного гнезда. Обращают на себя внимание сложные двукор-

невые образования, семантика которых позволяет выявить характерную для русской культуры связь концепта «добро» с концептами «воля», «душа», «сердце», «совесть», «порядочность», *нрав*. Например: *доброволец, добровольный, добронравный, добродушный, добросердный, добропорядочный*. [18, с. 335-336]. Фразеологизмы, включающие отмеченный компонент словообразовательного гнезда с вершиной *добро*, активно функционируют в речи [13, 14]: *на добровольных началах (быть, делать что-л.), (самым) добросовестным образом (делать что-л.), добродетель о ходячая*. В составе отдельных фразеологизмов двукорневые слова обрекают формальную самостоятельность: *по доброй воле, добрый дух*. Во всех случаях оценку получают поступки и слова человека, положительные нравственные качества – его *добродетельность*. Фразеологизм *добродетель ходячая* передает ироническую оценку человека, который самодовольно похвывается своей добропорядочностью, тем самым нарушая конвенцию скромности.

Добро, как было отмечено, ассоциируется с чистотой сердца и совести: *от чистого сердца, с чистым сердцем, по чистой совести (говорить), с чистой совестью (делать что-либо)*. Человек делает добрые дела открыто, от души, не испытывая угрызений совести. Фразеологизмы *доброта души, душевная (сердечная) доброта, от доброго сердца* передают представление о моральном совершенстве человека, его ценностных предпочтениях в добросердечном, заботливом отношении к другим людям. Очевидно, что антропоцентризм – эмоционально-нравственный центр концепта «добро».

Во время кризиса COVID-19 фразеологизмы со словом *добро* употребляются в текстах СМИ с целью призыва жителей к оказанию помощи нуждающимся и внесению своего вклада в преодоление пандемии коронавируса. Например: фразеологизмы *спешите делать добро* [19], *добрый самаритянин* [20] передают руководящие ценности, которыми в период распространения эпидемии становятся благотворительность и доброжелательство.

Исходное значение китайского иероглифа *善 (добро)* – «有吉祥美好之义» – «благоприятное и счастливое» [21, с. 1487]. Смысл иероглифа *善 (добро)* рассматривается как национально культурная константа – «引申为友好、善事、赞许之义等» – «включает представления о дружелюбии, добродетели, одобрении» [21, с. 1487]. Добро – общепризнанная национальная базовая ценность. Конфуцианство сформировало циклы традиционных духовно-нравственных ценностей и общественных этических идеалов. Конфуций первым

выдвинул концепцию о том, что «人性本善» (человеческая природа является доброй). Доброта человека воплощена в значениях фразеологизмов китайского языка, номинирующих и оценивающих добро/善, отражающих реальное существование, основанное на базовых добронравных ценностях, получивших интерпретацию в конфуцианской философии.

Фразеологизм: *人之初性本善* – «человек рождается добрым» – передает представление о добре как дарованной врожденной ценности, составляющей изначальную качественную сущность человека. Триада «истина, доброта, красота» отражает сложившееся в картине мира представление о «благородном человеке» (君子). Эта триада зафиксирована в «китайских исторических литературных трудах, составляющих конфуцианскую классику» [22, с. 58]. Фразеологизм *择善而从* – «выбирать достойный пример для подражания» [23, с. 544], а также оборот *积善成德* – «накапливая добрые дела, становится благодетельным человеком» [24, с. 402] подтверждают позитивное отношение к совершению человеком добрых поступков, способствующих самосовершенствованию. Фразеологизмы *心慈好善* – «добродушный и мягко-сердечный» [24, с. 795], *与人为善* – «помогать людям в добрых делах» [24, с. 972] передают одобрительную оценку человека, который, будучи добронравным и добросовестным, протягивает другим руку бескорыстно.

Противоборство добра и зла является универсальным. Фразеологизмы *褒善贬恶* – «превозносить добро, осуждать зло» [23, с. 28], *劝善惩恶* – «наказывать зло, поощрять добро» [24, с. 525], *改恶向善* – «отказаться (избавиться) от зла и следовать добродетели» [24, с. 368] содержат как объективную оценку, включенную в универсальную оппозицию «добро – зло», так и поучительный смысл.

Как и конфуцианская мысль, выделяется из китайских традиционных философий даосская мысль (даосизм), представляющаяся в классическом даосском философском труде «Дао дэ цзин (道德经)», автором которого является Лао-цзы (老子). Центральным образом даосского мнения является *вода*, воспринимаемая в качестве как предмета «пустого, невидимого и вечного, который предшествует различению Неба и Земли» [25, с. 119], так и пользы, полученной всем существом, которая логически похожа на *Дао* и *Де* (добродетель, нравственность). Фразеологизм *上善若水* – «высшая добродетель подобна воде» [25, с. 119], толкуется о таких добродетелях, как человеколюбии, дружелюбии, скромности и искренности. Следовая

доброделаниям, осознавший человек Дао и Де именуется совершенномудрым (圣人).

Аксиологический смысл отмеченных устойчивых единиц позволяет говорить о закреплённых в языковой картине мира нравственных принципах китайского менталитета. Отметим, что в китайской философии освещаются духовно-нравственные воспитания, декларируются отказ от зла, а также следование законам морали в делах и мыслях.

В период пандемии коронавируса креативную аксиологическую маркированность приобретает фразеологизм с концептом «善» (добро). Например: фразеологизм 善人义士 – ‘*благородный и справедливый борец*’ в текстах СМИ употребляется как разработанный вариант 善人疫士 [26], который осмысливается как в ковидовирусное время бескорыстная жертвенность и целеустремленность общенационального народа как борца бороться с непреодолимой обстановкой. Креативное аксиологическое содержание воплощает вербальные ценностные предпочтения китайцев, реализует коллективистские ценности, сохранённые константами общенациональной культуры, объединённые смыслом ‘взаимопомощи, взаимоподдержки’.

Заключение

Опираясь на срезовой анализ устойчивых единиц, выявляющих представление о добре в русском и китайском языках, нами сделаны следующие выводы. Несмотря на наличие множества различий между русской и китайской культурами, обнаруживаются определённые сходства по системе нравственных и этических ценностей, отмеченных в фразеологизмах с концептом «добро/善», который обнаруживает связь с контактными аксиологемами, номинирующими национальные базовые ценности, относящиеся к аксиосфере морали: как русские, так и китайские фразеологизмы демонстрируют одобрительное отношение к деятельности с благоприятным выводом, в которой проявляются положительные нравственные начала, основанные на культурно-историческом опыте народа, ядерных ценностях и установках национальной культуры, а также показывают дидактическую и поучительную функцию, руководящую человеком устремиться на добродетельность и добровольную взаимоподдержку, особенно в эпоху пандемии коронавируса, которые представляют собой единый и вечный духовный аксиологический выбор, отражающий мировоззрение и мировосприятие русского и китайского народов.

Очевидно, специального исследования заслуживает образное воплощение концепта, составляющее специфику русской и китайской фразеологии. Перспектива дальнейшего исследования мы

видим в более детальном изучении креативной аксиологической маркированности русских и китайских фразеологизмов сквозь призму концепта в вербальном коммуникативном контексте.

Литература

1. Багаутдинова Г.П. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. ... д.ф.н. Казань: КГУ, 2007. 35 с.
2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учебное пособие для филологической специальности университетов. М.: Высшая Школа, 1980. 207 с.
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1977а. С. 118 – 139.
4. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
5. Гудков Д.Б. Прецедентные тексты // Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004. С. 28 – 38.
6. 周祖谟. 汉语词汇讲话. 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. 88 页.
7. 徐国庆. 现代汉语词汇系统论. 北京: 北京大学出版社, 1999. 195 页.
8. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
9. Кретов А.А., Стародубцева Ю.А. Русские аксиологеми МАСа-2 // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 140 – 154.
10. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Лексическая семантика: избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
11. Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека // Этногерменевтика и этнориторика. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. 262 с.
12. Купина Н.А. Любительская датская поэзия: групповой аксиологический лексикон и креативные речевые практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 31 – 42.
13. ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2-х т. / под ред. проф. А.Н. Тихонова. М.: Наука, 2004. Т. 1, Т. 2. 1664 с.
14. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв.: в 2-х т. / под ред. А.И. Федорова. М.: Наука, 1991. Т. 1. 350 с.

15. Вадим В.С. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 676 с.
16. Жуков В.П. Словарь русский пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. 544 с.
17. 汉语成语词典. 宋永培, 端木黎明主编. 成都: 四川辞书出版社, 2021. 709 页.
18. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 856 с.
19. Татьяна Владыкина. Спешите делать. Российская газета, 13. 12. 2021.
20. Как добрый самаритянин может внести свой вклад во время кризиса COVID-19? [Электронный ресурс]. URL: Как добрый самаритянин может внести свой вклад во время кризиса COVID-19? (дата обращения: 21.12.2021)
21. 谷衍奎. 汉字源流字典. 北京: 语文出版社, 2008. 2079 页.
22. 袁行霈. 中国文学史. 北京: 高等教育出版社, 2005. 426 页.
23. Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
24. 汉俄成语词典. 西安外国语学院主编. 西安: 陕西人民出版社, 1998. 1021 页.
25. Ян Хиншун. Древнекитайский философ Лао Цзы и его учение. М.: Изд-во академии наук СССР, 1950. 158 с.
26. 徐永生. 我们在一起. 北方新报, 24. 09. 2021.
8. Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. 562 s.
9. Kretov A.A., Starodubceva YU.A. Russkie aksiologemy MASA-2. Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 140 – 154.
10. Apresyan YU.D. Leksicheskaya semantika. Leksicheskaya semantika: izbrannye trudy. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1995. 472 s.
11. Pimenova M.V. Etnogermenevtika yazykovoj naivnoj kartiny vnutrennego mira cheloveka. Etnogermenevtika i etnoritorika. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999. 262 s.
12. Kupina N.A. Lyubitel'skaya datskaya poeziya: gruppovoj aksiologicheskij leksikon i kreativnye rechevye praktiki. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, YAzykoznanie. 2020. T. 19. № 2. S. 31 – 42.
13. FSSRLYA – Frazеologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 2-h t. pod red. prof. A.N. Tihonova. M.: Nauka, 2004. T. 1, T. 2. 1664 s.
14. FSRLYA – Frazеologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII-XX vv.: v 2-h t. pod red. A.I. Fedorova. M.: Nauka, 1991. T. 1. 350 s.
15. Vadim V.S. Enciklopedicheskij slovar' krylatykh slov i vyrazhenij. M.: Lokid-Press, 2005. 676 s.
16. ZHukov V.P. Slovar' russkij poslovic i pogovorok. M.: Russkij yazyk, 2000. 544 s.
17. 汉语成语词典. 宋永培, 端木黎明主编. 成都: 四川辞书出版社, 2021. 709 页.
18. Tihonov A.N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka: v 2-h t. M.: Russkij yazyk, 1985. T. 1. 856 s.
19. Tat'yana Vladykina. Speshite delat'. Rossijskaya gazeta, 13. 12. 2021.
20. Kak dobryj samarityanin mozhet vnesti svoj vklad vo vremya krizisa COVID-19? [Elektronnyj resurs]. URL: Kak dobryj samarityanin mozhet vnesti svoj vklad vo vremya krizisa COVID-19? (data obrashcheniya: 21.12.2021)
21. 谷衍奎. 汉字源流字典. 北京: 语文出版社, 2008. 2079 页.
22. 袁行霈. 中国文学史. 北京: 高等教育出版社, 2005. 426 页.
23. Gotlib O. M., Mu Huain. Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. 596 s.
24. 汉俄成语词典. 西安外国语学院主编. 西安: 陕西人民出版社, 1998. 1021 页.
25. YAn Hinshun. Drevnekitajskij filosof Lao Czi i ego uchenie. M.: Izd-vo akademii nauk SSSR, 1950. 158 s.
26. 徐永生. 我们在一起. 北方新报, 24. 09. 2021.

References

1. Bagautdinova G.P. Chelovek vo frazeologii: antropocentricheskij i aksiologicheskij aspekty: avtoref. dis. ... d.f.n. Kazan': KGU, 2007. 35 s.
2. Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya: uchebnoe posobie dlya filologicheskij special'nosti universitetov. M.: Vysshaya SHkola, 1980. 207 s.
3. Vinogradov V.V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinic v russkom yazyke. Leksikologiya i leksikografiya: izbrannye trudy. M.: Nauka, 1977a. S. 118 – 139.
4. Gak V.G. Sopotavitel'naya leksikologiya (Na materiale francuzskogo i russkogo yazykov). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977. 264 s.
5. Gudkov D.B. Precedentnye teksty. Russkoe kul'turnoe prostranstvo. Lingvokul'turologicheskij slovar'. M.: Gnozis, 2004. S. 28 – 38.
6. 周祖谟. 汉语词汇讲话. 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. 88 页.
7. 徐国庆. 现代汉语词汇系统论. 北京: 北京大学出版社, 1999. 195 页.
8. Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. 562 s.
9. Kretov A.A., Starodubceva YU.A. Russkie aksiologemy MASA-2. Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 140 – 154.
10. Apresyan YU.D. Leksicheskaya semantika. Leksicheskaya semantika: izbrannye trudy. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1995. 472 s.
11. Pimenova M.V. Etnogermenevtika yazykovoj naivnoj kartiny vnutrennego mira cheloveka. Etnogermenevtika i etnoritorika. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999. 262 s.
12. Kupina N.A. Lyubitel'skaya datskaya poeziya: gruppovoj aksiologicheskij leksikon i kreativnye rechevye praktiki. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, YAzykoznanie. 2020. T. 19. № 2. S. 31 – 42.
13. FSSRLYA – Frazеologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 2-h t. pod red. prof. A.N. Tihonova. M.: Nauka, 2004. T. 1, T. 2. 1664 s.
14. FSRLYA – Frazеologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII-XX vv.: v 2-h t. pod red. A.I. Fedorova. M.: Nauka, 1991. T. 1. 350 s.
15. Vadim V.S. Enciklopedicheskij slovar' krylatykh slov i vyrazhenij. M.: Lokid-Press, 2005. 676 s.
16. ZHukov V.P. Slovar' russkij poslovic i pogovorok. M.: Russkij yazyk, 2000. 544 s.
17. 汉语成语词典. 宋永培, 端木黎明主编. 成都: 四川辞书出版社, 2021. 709 页.
18. Tihonov A.N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka: v 2-h t. M.: Russkij yazyk, 1985. T. 1. 856 s.
19. Tat'yana Vladykina. Speshite delat'. Rossijskaya gazeta, 13. 12. 2021.
20. Kak dobryj samarityanin mozhet vnesti svoj vklad vo vremya krizisa COVID-19? [Elektronnyj resurs]. URL: Kak dobryj samarityanin mozhet vnesti svoj vklad vo vremya krizisa COVID-19? (data obrashcheniya: 21.12.2021)
21. 谷衍奎. 汉字源流字典. 北京: 语文出版社, 2008. 2079 页.
22. 袁行霈. 中国文学史. 北京: 高等教育出版社, 2005. 426 页.
23. Gotlib O. M., Mu Huain. Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. 596 s.
24. 汉俄成语词典. 西安外国语学院主编. 西安: 陕西人民出版社, 1998. 1021 页.
25. YAn Hinshun. Drevnekitajskij filosof Lao Czi i ego uchenie. M.: Izd-vo akademii nauk SSSR, 1950. 158 s.
26. 徐永生. 我们在一起. 北方新报, 24. 09. 2021.

**RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS THROUGH
THE PRISM OF THE CONCEPT OF “DOBRO”: ON THE
APPROACHES TO LINGUOAXIOLOGICAL INTERPRETATION**

*Zhao Jing, Postgraduate,
Ural Federal University named after the First
President of Russia B.N. Yeltsin*

Abstract: in the article, taking into account the narrow and wide approaches to phraseology, stable units of the Russian and Chinese languages with the component *dobro/善* are singled out for the linguoaxiological analysis. The universal and specific features of phraseological units are characterized by anthropocentric orientation, revealing an organic connection with the constants of the ethical, personalistic, communicative axiospheres. Based on the concept of “axiology”, “axiological marking”, a comparative linguoaxiological analysis of phraseological units with the component *dobro* and formations of the cognates is carried out. General and specific features of the axiological content of stable units are revealed. To achieve goals, the study involves certain tasks: to divide the narrow and wide approaches of the phraseology of the Russian and Chinese languages; to define the concept of “dobro” as an axiologeme of verbal signs of basic values; to interpret the axiological component of the semantics of Russian and Chinese phraseological units through the prism of the concept “dobro”. The practical significance of the study lies in the fact that the analyzed phraseological examples and the obtained results can be implemented in the classroom in Russian as a foreign language and Chinese as a foreign language, as well as contribute to the compilation of axiological, including Russian-Chinese and Chinese-Russian, phraseological dictionaries.

Keywords: phraseological units, concept “dobro”, axiologem, axiological marking, national specific value

ОБРАЗНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОДЪЯЗЫКА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Шнякина К.В.,

*Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации им. князя Александра Невского*

Аннотация: общенародный язык полидискурсивен. Каждая из функциональных подсистем национального языка имеет специализированный тезаурус и предназначена для обслуживания какой-либо отрасли знания. В сферах политики, экономики, юриспруденции, медицины, военного дела циркулируют особые подъязыки для специальных целей (languages for special purposes). В специализированных лексических подсистемах реализованы коммуникативная, когнитивная, интегрирующая и дифференцирующая функции. Последняя свидетельствует о принадлежности к определенному классу, социальной группе, профессиональной страте.

Самобытность армейского сегмента порождающей культуры обусловлена не только сугубо функционально (функция вооруженной борьбы), но и знаково-символически. Внутригрупповая коммуникация членов военного социума обеспечивается за счет особой полуавтономной семиотической подсистемы или военного подъязыка. Профессиональный подъязык представлен официальным (литературным) и неофициальным (социолектным) регистрами. В условиях сниженного социального контроля профессиональный жаргон выступает речевым средством трансляции того, что не укладывается в рамки официального дискурса, подверженного институциональному цензу.

В рамках настоящей статьи формулируется тезис о том, что образность профессионального подъязыка наиболее наглядно обнаруживает себя на субстандартном уровне. Неофициальному дискурсу повседневного общения членов армейской среды свойственны экспрессивность, закодированность (криптолаличность), оценочность, метафоричность. Объектом научного исследования избран подъязык военного социума США в синхроническом ракурсе. В качестве предмета научного исследования выступают лексико-фразеологические единицы профжаргона американских ветеранов боевых действий в Ираке (2001-2011) и в Афганистане (2003-2021).

Ключевые слова: вооруженные силы США, военнослужащий, профессиональный образ мира, дискурс, военный подъязык, профжаргон, идиома, фразеологическая единица

В статье рассматривается дискурс профессионально ориентированной коммуникации военного социума США. В качестве объекта исследования выступает военный подъязык как одна из функциональных лексических подсистем американского варианта английского языка. Предметную область исследования составляют номинативные (лексико-фразеологические) единицы профжаргона американских ветеранов на ближневосточном театре военных действий начала 21 столетия. Методом сплошной выборки жаргонная лексика извлекается из специализированной литературы, тематических сайтов, глоссариев. Формулируется и подкрепляется иллюстративно тезис о том, что в реконструкции профессионального образа военного мира метафорическим отождествлениям отведена особая роль.

Национальный язык вбирает в себя функционально-семиотические подсистемы, обслуживающие сферы политики, военного дела, религии, эстетики, медицины и т. д. Общенародный язык или его вариант (диалект) распадается на множество подъязыков. Именно по этой причине языковое сознание представлено многочисленными дискурсивными формациями. В широком понимании дискурс дефинируется как некоторое текстовое пространство, данное в системе понятий и пронизанное общим замыслом, ключевой идеей. Корректная интерпретация дискурса конкретного язы-

кового коллектива в строго определенный временной отрезок возможна лишь с учетом идеологического, политического, социального и иных факторов экстралингвистического порядка.

Основу профессионального подъязыка или языка для специальных целей (language for special purposes) составляет национальный язык данного этнокультурного ареала. Языкам для специальных целей (далее также – ЯСЦ) присущи коммуникативная, познавательная, интегрирующая и дифференцирующая функции. Последняя свидетельствует о принадлежности к определенной социально-профессиональной группе. Наиболее рельефно языковые особенности ЯСЦ выражены на лексико-фразеологическом уровне.

Профессиональный подъязык включает в себя нормативный и субстандартный лексические пласты, соответствующие официальному и неофициальному регистрам. Функционально-речевая дифференциация ЯСЦ, по А.С. Романову, «зиждется на антиномии образующих субъязык регистров (вариантов) функционирования: официального и неформального» [1, с. 8]. Специальные понятия и термины тезауруса обнаруживают строгость и однозначность дефинирования, лаконичность, отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски. Для сферы неформальной коммуникации характерны экспрессивность, образность, отклонение от норм литературного стандарта. Особый интерес пред-

ставляют устойчивые словосочетания: жаргонизмы, идиомы, клише. Названные единицы могут быть отнесены к категории речевых стереотипов. Ситуативно обусловленные шаблонные речевые формулы хранятся в коллективном языковом сознании представителей определенной социальной общности [3, с. 18].

Фразеологический фонд языка имеет глубокую связь с культурой, историей и традициями этнической общности. Перевод образных фразеологизмов представляется трудоемкой переводческой задачей. Методы калькирования, описательного, контекстуального или выборочного перевода не всегда применимы. Мотивировка семантики фразеологизмов ЯСЦ отражает не только национальную, но и профессиональную специфику. Семантическое ядро идиомы составляет ее образное основание. Внутренняя форма фразеологической единицы выступает носителем культурно-исторической памяти этноса.

Одним из языков для специальных целей выступает подъязык военной сферы. Как и всякой устойчивой социальной общности, полагают А.Б. Адлер и У.Дж. Сноуден, военный социум обнаруживает специфические аксиосферу, нормы, обычаи, традиции и ритуалы, профессиональный субъязык [4, с. 44]. В подъязыке военного дела отражены реалии военной службы, характер статусных отношений служебной иерархии, отношение к противнику, ценностные ориентации, гендерный и иные аспекты военной службы. Приступая к анализу языкового материала, подчеркнем, что феномен эквивалентности составляет одну из центральных проблем переводческой практики. В ряде случаев авторская интерпретация иллюстративного материала сопровождается дословным переводом.

Идеи однообразия военной службы, отношений между начальниками и подчиненными отражены в таких устойчивых сочетаниях, как *groundhog day* – ‘рутина повседневности’ (досл. «день сурка»), *over-the-horizon force* – ‘контингент американских войск, размещаемый на ближневосточном ТВД после вывода основных сил из региона’ (досл. «силы вне зоны прямой видимости»), *stone soup* – ‘малоприятная задача, тяжелая ситуация’ (досл. «суп с камнями») [8, 9].

Семы опасности военной службы наглядно прослеживаются на примере следующих жаргонизмов: *angel* – ‘убитый в бою военнослужащий’, *beans, bullets and band-aids* – ‘походный образ жизни’ (досл. «пак, боеприпасы и бинты») [7, р. 373], *dead check* – ‘контрольный выстрел’ [9].

Отношение к мирной жизни и «гражданке» находит выражение в жаргонизмах *freedom bird* – ‘военный борт эвакуации’ (досл. «птица свобо-

ды»), *fort living room* – ‘цивильная жизнь, «гражданка»’ (досл. «Форт Гостиная») [9], *real life / lifer behind the wire* – ‘гражданская жизнь / жизнь за периметром’ [8].

Пейоративно-димиутивное восприятие не только противника, но и его культуры, традиций и истории отчетливо прослеживается в неформальном общении американских солдат. Ср., например, такие жаргонизмы, как *Misunderstandistan* – ‘коллективная номинация стран Ближнего Востока’, *Sandbox / Sandpit* – ‘Ирак’, *Goat country* – ‘Афганистан’, *Johnny Jihad / Ali Baba / Haji* – ‘боевик, приверженец джихада’ [5, 6, 9]. *Baghdad clock* – ‘иракское местное время’. Жаргонное словосочетание выражает отношение военного командования США к перспективам прогресса в Ираке. Согласно шутливому мнению, багдадские часы отстают от Вашингтонского времени на несколько месяцев [8]. *Tiny heart syndrome* – ‘малодушие, трусость’. В среде американских военных сложилось мнение о том, что солдаты иракской армии не только слабо обучены, но и трусливы [Ibid.].

Армейский юмор имеет свою специфику, связанную, например, с типичными проблемами и вызовами военной службы, негласной конкуренцией между представителями различных воинских формирований, повседневной деятельностью войск, локальными ассоциациями членов воинского коллектива и т.д. В качестве иллюстрации приведем устойчивые словосочетания *air jokey* – ‘пилот истребителя’, *Chair Force* – ‘военно-воздушные силы’, *blue canoe* – ‘биотуалет’, *bug out* – ‘отступить’, *gone elvis* – ‘пропавший без вести военнослужащий’ и др. [5, 6].

В номинативных единицах неофициальной коммуникации запечатлен мир ценностей военного социума, реалии военной службы, отличительные признаки «языкового паспорта» военнослужащих [2, с. 34]. В условиях сниженного социального контроля профжаргон выступает речевым средством трансляции того, что не укладывается в рамки официального дискурса, подверженного институциональному цензу. Неофициальный регистр разговорно-обиходного общения метафоричен, идиоматичен, экспрессивен, нередко лишен политкорректности, содержит профессионально-маркированные аллюзии. Исследование речевого поведения собирательного образа представителя военного социума вносит вклад в развитие отечественной социо- и психолингвистики, отвечает интересам профессиональной подготовки военных переводчиков, имеет военно-прикладное значение.

Литература

1. Романов А.С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): автореф. дис. ... уч. ст. доктора филол. наук. М.: ВУ, 2020. 42 с.
2. Романов А.С., Лупанова Е.В. Дихотомические диалогические единицы как средство выражения ключевых ценностей армейской субкультуры // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 1 (21) / Гл. ред. В.А. Иовенко. М.: МГИМО-Университет, 2020. С. 34 – 30.
3. Формановская Н.И. «Вы сказали «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении)». М.: Знание, 1989. 160 с.
4. Adler A.B., Sowden W.J. Resilience in the Military: The Double-Edged Sword of Military Culture // Military and Veteran Mental Health. A Comprehensive Guide / ed. by L.W. Roberts and C.H. Warner. New York: Springer Science+Business Media, 2018. 471 p.
5. Bay A. Iraq's battlefield slang Afghanistan. Jan. 28, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.latimes.com/news/la-op-bay28jan28-story.html> (дата обращения: 18.09.21)
6. Brody B. U.S. Military Lingo: The (Almost) Definitive Guide. Dec. 4, 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.npr.org/sections/parallels/2013/12/04/248816232/u-s-military-lingo-the-almost-definitive-guide> (дата обращения: 15.06.21)
7. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc, 2003. 428 p.
8. Lexicon of Iraq War Lingo: Fightin' Words [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.motherjones.com/politics/2007/10/lexicon-iraq-war-lingo-fightin-words/> (дата обращения: 18.01.2022)
9. Military Jargon From Iraq and Afghanistan [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.military.com/join-armed-forces/military-jargon-from-iraq-and-afghanistan.html> (дата обращения: 18.09.21)

References

1. Romanov A.S. Stereotipizaciya subkul'turnyh konstant v aksiologii social'no-gruppovogo dialekta (na materiale cennostej i realiz voennoj sluzhby v yazykovoj kul'ture SSHA): avtoref. dis. ... uch. st. doktora filol. nauk. M.: VU, 2020. 42 s.
2. Romanov A.S., Lupanova E.V. Dihotomicheskie diady frazeologicheskikh edinic kak sredstvo vyrazheniya klyuchevyh cennostej armejskoj subkul'tury. Filologicheskie nauki v MGIMO. 2020. № 1 (21). Gl. red. V.A. Iovenko. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 34 – 30.
3. Formanovskaya N.I. «Vy skazali «Zdravstvujte!» (Rechevoj etiket v nashem obshchenii)». M.: Znanie, 1989. 160 s.
4. Adler A.B., Sowden W.J. Resilience in the Military: The Double-Edged Sword of Military Culture. Military and Veteran Mental Health. A Comprehensive Guide. ed. by L.W. Roberts and C.H. Warner. New York: Springer Science+Business Media, 2018. 471 p.
5. Bay A. Iraq's battlefield slang Afghanistan. Jan. 28, 2007 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.latimes.com/news/la-op-bay28jan28-story.html> (data obrashcheniya: 18.09.21)
6. Brody V. U.S. Military Lingo: The (Almost) Definitive Guide. Dec. 4, 2013 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.npr.org/sections/parallels/2013/12/04/248816232/u-s-military-lingo-the-almost-definitive-guide> (data obrashcheniya: 15.06.21)
7. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc, 2003. 428 p.
8. Lexicon of Iraq War Lingo: Fightin' Words [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.motherjones.com/politics/2007/10/lexicon-iraq-war-lingo-fightin-words/> (data obrashcheniya: 18.01.2022)
9. Military Jargon From Iraq and Afghanistan [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.military.com/join-armed-forces/military-jargon-from-iraq-and-afghanistan.html> (data obrashcheniya: 18.09.21)

**THE IMAGERY OF THE MILITARY SERVICE PROFESSIONAL
SUBLANGUAGE (AS EXEMPLIFIED IN ENGLISH)**

*Shnyakina K.V.,
Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Russian Federation Defense Ministry*

Abstract: the national language is polydiscursive. Each of the functional subsystems of the national language has a specialized thesaurus and is intended to serve a certain realm of knowledge. The fields of politics, economics, law, medicine, and military affairs have sublanguages for special purposes (languages for special purposes). Specialized lexical subsystems perform communicative, cognitive, integrating and differentiating functions. The latter indicates belonging to a certain class, social group or professional stratum.

The identity of the mother culture's military segment is conditioned both at the functional (the function of armed struggle) and symbolic levels. A special semi-autonomous semiotic subsystem or military sublanguage provides for intragroup communication among military society members. The professional sublanguage has official (literary) and unofficial (sociolect) registers. Under conditions of reduced social control, professional slang is a means to convey ideas and opinions beyond official discourse, which is subject to institutional censorship.

This article suggests that the military professional sublanguage imagery clearly reveals itself at the substandard level. The military unofficial discourse of everyday communication is expressive, coded (cryptolalic), evaluative, and metaphoric. The object of scientific research is the sublanguage of the US military society studied from a synchronic perspective. The subject area focuses on professional jargon lexical-phraseological units of American veterans of combat operations in Iraq (2001-2011) and Afghanistan (2003-2021).

Keywords: U.S. Armed Forces, service member, professional world image, military lingo, discourse, idiom, phraseological unit

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

*Васенков Н.В., кандидат биологических наук, доцент,
Казанский государственный энергетический университет,
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Миннибаев Э.Ш., кандидат биологических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Семёнова М.Г., кандидат педагогических наук,
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Сунгатуллин Р.И., старший преподаватель,
Минебаев Н.К., старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация: в статье представлены данные об уровне знаний студентов о здоровом образе жизни и здоровье, а также разработаны практические предложения по совершенствованию здоровьесберегающих технологий. Выявленные в процессе опроса проблемы, в том числе со здоровьем указывают на то, что многие студенты не знают как правильно вести здоровый образ жизни, как избавиться от вредных привычек. Следовательно, студенты недооценивают влияние образа жизни и явно переоценивают вклад медицины и окружающей среды в уровне своего здоровья.

Ключевые слова: здоровье, студент, здоровьесбережение, образ жизни, спорт, физическое воспитание

Самая главная ценность в жизни любого человека – это здоровье. И от того насколько здоров человек будет зависеть благополучие, расцвет и безопасность нации. Вопрос о сохранении здоровья студентов на сегодняшний день стоит очень остро. Ведь в студенческие годы к уже имеющимся физическим отклонениям добавляется интенсивность учебы, и как следствие ослабление здоровья [1, 2, 5]. Причинами этих отклонений можно считать малоподвижный образ жизни, стресс, физические и эмоциональные перегрузки. В связи с ухудшением здоровья студентов вузам необходимо организовывать занятия физической культурой с акцентом на решение задач оздоровительного характера [3, 4].

Здоровьесберегающие технологии – это технологии, имеющие потенциал оздоровления. Актуальность работы заключается в том, в современном мире одной из значимых проблем является состояние здоровья человека (физического и психологического), особенно учащейся молодежи.

Цель исследования – выяснить уровень знаний студентов о здоровом образе жизни и разработать предложения по совершенствованию здоровьесберегающих технологий.

Методы исследования: теоретические, такие как анализ литературных источников, а также эмпирический – социологический опрос. В анкетировании принимали участие студенты 3 курса Казанского государственного энергетического университета. Выборка сплошная. Всего было опрошено 136 человек (из них 111 юношей и 25 девушек). Возраст опрошенных от 20 до 22 лет.

В ходе экспериментальной части нашего исследования, целью которого было выявить готовность студентов вести здоровый образ жизни, было проведено анкетирование.

1. Ваш возраст;
2. Имеете ли вы вредные привычки – курение (да-нет);
3. Как часто вы занимаетесь спортом (5 раз в неделю, 4 раза, 3 раза, 2 раза, 1 раз, не занимаюсь спортом);
4. Что для вас значит “здоровый образ жизни” (занятие спортом, правильное питание, отказ от вредных привычек, здоровье, полноценный отдых);
5. Готовы ли вы вести ЗОЖ (да, нет, может быть, мне это не интересно, скорее да, чем нет).
6. От чего в большей степени зависит здоровье (образ жизни, медицина, наследственность, окружающая среда).

В результате опроса было выявлено: большинство опрошенных имеют вредные привычки – курение (72,7%), только 6,2% активно занимаются спортом, а большинство (81,9%) не занимаются спортом вообще. Большая часть опрошенных (90,9%) считают занятия спортом и правильное питание основой здорового образа жизни. Ведут здоровый образ жизни – 18,3%, 45,5% хотели бы его вести. На вопрос «От чего в большей степени зависит здоровье» студенты ответили: образ жизни 32%, медицина 25%, наследственность 15%, окружающая среда 28%. Следовательно, студенты недооценивают влияние образа жизни и явно пе-

реоценивают вклад медицины и окружающей среды в уровне своего здоровья.

Сегодня в образовательной среде, будь то школа, СПО или вуз остро стоит проблема сохранения здоровья учащихся [6, 7]. А студенческий возраст – это один из самых критических возрастов в биологическом и психическом развитии человека. В этот период очень часто развивается ряд заболеваний: сердечно-сосудистые (гиподинамия, вредные привычки, стрессовые ситуации и эмоциональные перегрузки), снижение остроты зрения, плоскостопие, искривление позвоночника и другие заболевания.

Цель здоровьесберегающих образовательных технологий – обеспечить студенту возможность сохранения здоровья за период обучения в вузе, сформировать у него необходимые знания, умения, навыки по здоровому образу жизни, научить использовать полученные знания в повседневной жизни. Здоровьесберегающая технология – это система мер, которая включает в себя взаимодействие и связь всех факторов, направленных на сохранение здоровья студента и мотивацию к здоровому образу жизни. При этом необходимо выполнять следующие требования: учет индивидуальных особенностей студента, привитие знаний студента в умении самостоятельно защищать себя от стрессов, обучение его средствам психологической защиты, недопущение чрезмерной изнуряющей физической, эмоциональной, нагрузки при освоении учебного материала.

Физическое воспитание студентов реализуется через физическую подготовку, спортивные занятия, спортивные соревнования, участие в массовых спортивных мероприятиях и самоподготовка. Преподавателям на занятиях по физической подготовке необходимо ориентироваться на индивидуальные особенности организма и подготовки того или иного студента, а не загонять их в рамки нормативов.

Для того чтобы студенты были более заинтересованы в занятии спортом университету следует проводить больше интересных мероприятий, а так же делать занятия физкультурой интересными для всех студентов и добавлять поощрения ради которых студенты бросят курить и будут заниматься спортом.

Исходя из проведенного анкетирования и анализа литературных источников можно сделать вывод, что многие из опрошенных хотели бы вести здоровый образ жизни и развиваться физически и духовно. Выявленные в процессе опроса проблемы, в том числе со здоровьем указывают на то, что многие студенты не знают как правильно вести здоровый образ жизни, как избавиться от вредных привычек. Им не хватает правильно сформирован-

ной здоровьесберегающей среды в образовательном учреждении.

Литература

1. Васенков Н.В., Кузьмичева Д.Г., Софронова Е.М. Физическое здоровье современных студентов // Глобальный научный потенциал. 2019. № 4 (97). С. 59 – 61.
2. Васенков Н.В., Миннахметова Л.Т., Биколова Л.Э., Хабибуллин А.Б. Новые методы физического развития студентов – будущих юристов // Перспективы науки. 2020. № 4 (127). С. 137 – 139.
3. Ибрагимов И.Ф., Салахiev Р.Р., Власова Т.С., Закирова Н.М., Сырова И.Н. Особенности преподавания дисциплин "физическая культура и спорт" и "физическая культура и спорт" (элективные дисциплины) в современных реалиях образования в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 3. С. 53.
4. Мифтахов Р.А., Шамсияров Н.Н., Илюшин О.В. Оздоровительная физическая культура в профилактике различных заболеваний студентов // Глобальный научный потенциал. 2019. № 6 (99). С. 45 – 47.
5. Кабаргина А.А., Севодин С.В. Физическая культура и спорт в жизни студента // Вопросы педагогики. 2021. № 2-1. С. 63 – 66.
6. Носков Е.А., Абзалова С.В. Актуальные проблемы преподавания физической культуры в высшей школе // Вопросы педагогики. 2021. № 2-1. С. 113 – 115.
7. Хайруллин И.Т., Микусов Е.О. Методика составления индивидуальных программ физкультурных занятий с оздоровительной направленностью // Вопросы педагогики. 2019. № 5-2. С. 323 – 326.

References

1. Vasenkov N.V., Kuz'micheva D.G., Sofronova E.M. Fizicheskoe zdorov'e sovremennyh studentov. Global'nyj nauchnyj potencial. 2019. № 4 (97). S. 59 – 61.
2. Vasenkov N.V., Minnahmetova L.T., Bikulova L.E., Habibullin A.B. Novye metody fizicheskogo razvitiya studentov – budushchih yuristov. Perspektivy nauki. 2020. № 4 (127). S. 137 – 139.
3. Ibragimov I.F., Salahiev R.R., Vlasova T.S., Zakirova N.M., Syrova I.N. Osobennosti prepodavaniya disciplin "fizicheskaya kul'tura i sport" i "fizicheskaya kul'tura i sport" (elektivnye discipliny) v sovremennyh realiyah obrazovaniya v vuze. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2021. № 3. S. 53.
4. Miftahov R.A., Shamsiyarov N.N., Ilyushin O.V. Oздorovitel'naya fizicheskaya kul'tura v profilaktike razlichnyh zabolovanij studentov. Global'nyj nauchnyj potencial. 2019. № 6 (99). S. 45 – 47.

5. Kabargina A.A., Sevodin S.V. Fizicheskaya kul'tura i sport v zhizni studenta. Voprosy pedagogiki. 2021. № 2-1. S. 63 – 66.

6. Noskov E.A., Abzalova S.V. Aktual'nye problemy prepodavaniya fizicheskoy kul'tury v vysshej shkole. Voprosy pedagogiki. 2021. № 2-1. S. 113 –

115.

7. Hajrullin I.T., Mikusov E.O. Metodika sostavleniya individual'nyh programm fizkul'turnyh zanyatij s ozdorovitel'noj napravlenno'st'yu. Voprosy pedagogiki. 2019. № 5-2. S. 323 – 326.

HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES IN THE LIFE OF A MODERN STUDENT

*Vasenvov N.V., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan State Power Engineering University,
Kazan Branch of the Russian State University of Justice,
Minnibaev E.Sh., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Semenova M.G., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Kazan Branch of the Russian State University of Justice,
Sungatullin R.I., Senior Lecturer,
Minebaev N.K., Senior Lecturer,
Kazan (Volga Region) Federal University*

Abstract: the article presents data on the level of students' knowledge about a healthy lifestyle and health, as well as practical proposals for improving health-saving technologies. The problems identified in the survey process, including with health, indicate that many students do not know how to properly lead a healthy lifestyle, how to get rid of bad habits. Consequently, students underestimate the influence of lifestyle and clearly overestimate the contribution of medicine and the environment to the level of their health.

Keywords: health, student, health, lifestyle, sports, physical education

МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДА ТЕОРИИ РЕШЕНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

*Пашковская Н.Д., кандидат педагогических наук, доцент,
Московский международный университет,
Разумовская Е.А., кандидат социологических наук, доцент,
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,
Киреева И.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Московский международный университет*

Аннотация: одним из важных направлений в системе высшего языкового образования становится внедрение современных педагогических технологий и методов, которые соответствуют требованиям времени в плане подготовки будущих специалистов в области лингвистики, перевода и переводоведения, что актуализирует тему статьи. Целью исследования в статье является анализ сущности модификации метода теории решения изобретательских задач в обучении иностранному языку студентов – лингвистов. В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы. По итогам исследования в статье раскрыты и обоснованы педагогические возможности модификации метода теории решения изобретательских задач в обучении иностранному языку студентов – лингвистов. Практическая значимость исследования состоит в представлении опыта работы по модификации и использованию методов и приемов теории решения изобретательских задач в обучении иностранному языку студентов – лингвистов в вузе.

Ключевые слова: модификация, метод теории решения изобретательских задач, обучение иностранному языку, студенты – лингвисты, креативное мышление, коммуникативная задача

Введение

Анализ состояния проблемы модификации метода теории решения изобретательских задач в обучении иностранному языку студентов – лингвистов приводит к выводу о её недостаточной теоретической и практической разработанности, что способствовало выбору темы исследования в статье. Изучение сущности модификации метода теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) в обучении иностранному языку студентов – лингвистов и применение его в практике вузов становится все более актуальным. Эти методы и приемы позволяют учитывать индивидуальность и творческий потенциал студентов, развивать и совершенствовать их, а значит, привносят в него элемент новизны. Таким образом, цель нашей работы складывается из трех взаимосвязанных составляющих единиц – обучение иностранному языку, развитие и самореализация личности студента – лингвиста.

Подчеркнем, что при применении метода ТРИЗ формируются регулятивные, познавательные и коммуникативные умения, что также требуется по условиям ФГОС ВО.

Обзор отечественной и зарубежной литературы по теме исследования

В плане изучения и применения метода ТРИЗ в обучении иностранному языку студентов основополагающее значение для нашего исследования имеют теории и концепции развития творческого подхода в языковом образовании. В этом плане важной представляется работа М.А. Бовтенко касательно положений компьютерной лингводидактики и их практического применения в системе общего образования [1]. П.М. Горевым и В.В.

Утемовым разработаны практическое руководство по развитию креативного мышления, а также методы и приемы ТРИЗ в рамках научного творчества учащихся [2]. Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.Ю. Моисеева, А.Е. Петров описывают новые педагогические и информационные технологии в системе образования [3]. И.В. Фуфаев исследует сущность развития творческой активности обучающихся средствами ТРИЗ-технологии [4]. Г.А. Халюшова обобщает и доказывает важность развития лингвистической креативности студента университета [5]. Е.В. Чистюлина уточняет теоретические и практические положения, касающиеся развития творческого мышления студентов университета на занятиях иностранного языка [6]. В.А. Ширяевой разработаны научно-практические положения, обеспечивающие развитие системно-логического мышления учащихся в процессе изучения теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) [7]. А.Н. Щукин обобщает современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам [8].

Материалы и методы

Теоретической и практической основой исследования послужили вышеуказанные труды отечественных ученых. База исследования: АНОВО «Московский международный университет», г. Москва и Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, г. Москва. Анализ сущности модификации метода теории решения изобретательских задач в обучении иностранному языку студентов – лингвистов был проведен в ходе и по результатам научно – педагогической работы авторов статьи. Изучение отечественной литературы позволяет утверждать, что теория реше-

ния изобретательских задач (ТРИЗ) – это набор методов решения задач и усовершенствования систем, в основе которых лежит креативный подход. То есть это едва ли не единственная системная теория обучения творчеству, поэтому в решении задач по ТРИЗ нет оценок и единственного правильного ответа. Цель ТРИЗ: развитие гибкого мышления и фантазии, способности решать сложные задачи изящным и эффективным способами.

Подчеркнем, что модификация метода теории решения изобретательских задач в обучении иностранному языку студентов – лингвистов требует разработки и решения изобретательских коммуникативных задач посредством иноязычной речи. В этой связи требуется переформулировать коммуникативную задачу так, чтобы сама формулировка отсекала неэффективные пути решения. Обычная коммуникативная задача становится изобретательской, когда для её решения необходимо устранить противоречие или другими словами – прийти к идеальному конечному результату в иноязычном общении. При этом идеальный конечный результат – это коммуникативная ситуация или задача, когда нужное действие получается без каких-либо потерь в речи, использования внешних ресурсов, усложнений и нежелательных эффектов. Правильная формулировка идеального конечного результата заставляет сделать так, чтобы достижение решения коммуникативной задачи было осуществлено с использованием только тех ресурсов, которые у нас уже есть: знания, умения и навыки в области иностранного языка, творческий подход к решению коммуникативной задачи и креативное мышление. Ключевыми приемами решений коммуникативных задач по ТРИЗ могут быть: принцип дробления иноязычной информации; принцип объединения иноязычной информации; принцип посредника в общении на иностранном языке. Заметим, что использование ТРИЗ в обучении студентов – лингвистов иностранному языку может быть основано на следующих методах поиска решений коммуникативных задач:

- метод аналогий – сравнение и нахождение сходства между объектами;
- морфологический анализ – поиск решений для отдельных частей коммуникативной задачи, с целью последующего сочетания этих решений;
- метод фокальных объектов – поиск ассоциаций исследуемого объекта со случайными объектами.

Модификация метода теории решения изобретательских задач в обучении иностранному языку студентов – лингвистов требует разработки соответствующего механизма использования метода ТРИЗ: сформулируйте на иностранном языке изобретательскую задачу в коммуникативной си-

туации; определите, к какому виду противоречий она относится; сформулируйте идеальный конечный результат иноязычного общения; определите, какие ресурсы, которыми вы обладаете, могут быть использованы для ее решения; примените один из приемов решений одним из методов решения коммуникативной задачи; проанализируйте результат решения коммуникативной задачи и иноязычного общения в предложенной ситуации.

Таким образом, ТРИЗ на иностранном языке – это поиск решения нестандартных проблем иноязычной коммуникации в известном поле знаний. Анализируя представленные выше точки зрения по вопросу важности модификации метода теории решения изобретательских задач в обучении иностранному языку студентов – лингвистов можно сделать вывод, что приоритетным здесь является креативное мышление как процесс, способный порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные коммуникативные ситуации.

Результаты исследования

Анализ сущности модификации метода теории решения изобретательских задач в обучении иностранному языку студентов – лингвистов позволил получить определенные результаты.

1. Охарактеризована сущность модификации метода ТРИЗ в обучении иностранному языку студентов – лингвистов и отечественный опыт его использования в высшем языковом образовании. Было установлено, что теория решения изобретательских задач или ТРИЗ – это набор методов решения задач и усовершенствования систем, в основе которых лежит креативный подход. Изобретательская коммуникативная задача в обучении иностранному языку студентов – лингвистов будет рассматриваться нами как задача, которую не удастся решить известными или очевидными способами в рамках иноязычного ситуативного общения.

2. Педагогическая работа авторов исследования по модификации метода ТРИЗ в обучении студентов – лингвистов иностранному языку имела своей целью проверку эффективности его использования для формирования креативного мышления. В итоге отметим, что модификация метода ТРИЗ в обучении иностранному языку студентов – лингвистов способствует более качественной реализации ФГОС ВО.

Заключение

В итоге нам удалось достичь поставленной цели исследования, что позволило сформулировать основные выводы.

Теория решения изобретательских задач или ТРИЗ – это набор методов решения задач и усовершенствования систем, в основе которых лежит

креативный подход. Цель ТРИЗ: развитие гибкого мышления и фантазии, способности решать сложные задачи изящным и эффективным способами. Сущность модификации метода ТРИЗ в обучении иностранному языку студентов – лингвистов включает изобретательские коммуникативные задачи в содержании обучения, которые не удается решить известными или очевидными способами в рамках иноязычного ситуативного общения.

Организация исследования предполагала проведение практических занятий по первому и второму иностранным языкам на основе метода ТРИЗ для формирования креативного мышления студентов – лингвистов, где формированию их креативного мышления в процессе обучения иностранному языку способствовало увеличение удельного веса применения активных, творческих форм и методов обучения, таких как дискуссия, деловые и ролевые игры, написание эссе, коммуникативные проблемы и коммуникативные изобретательские задачи.

Представляется, что примерная программа формирования креативного мышления студентов – лингвистов в процессе обучения иностранному языку может помочь эффективно использовать метод ТРИЗ для развития их творческого потенциала в реальной иноязычной коммуникации. Данная программа может включать: особенности содержания и организации обучения иностранному языку студентов – лингвистов с использованием метода ТРИЗ, соответствующие методические приемы; диагностический, организационно-проектирующий, деятельностный и контрольно-корректирующий этапы обучения.

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающее решение рассматриваемой проблемы, а представляет один из вариантов подхода к ее решению.

Литература

1. Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: учебное пособие. Москва: Изд-во «Флинта: Наука», 2005. 216 с.
2. Горев П.М., Утемов В.В. Научное творчество: практическое руководство по развитию креативного мышления. Методы и приемы ТРИЗ/П.М. Горев, В.В. Утемов. Москва: Изд-во «Ленанд», 2016. 112 с.
3. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.Ю., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 272 с.
4. Фуфаев И.В. Развитие творческой активности обучающихся средствами ТРИЗ-технологии: на примере изучения естественных наук: специ-

альность 13.00.01 «Общая педагогика история педагогики и образования»: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. Ульяновск, 2012. 183 с.

5. Халюшова Г.А. Развитие лингвистической креативности студента университета: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. Оренбург, 2005. 198 с.

6. Чистюлина Е.В. Развитие творческого мышления студентов университета на занятиях иностранного языка: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. Магнитогорск, 2010. 175 с.

7. Ширяева В.А. Развитие системно-логического мышления учащихся в процессе изучения теории решения изобретательских задач: ТРИЗ: специальность 13.00.01 «Общая педагогика история педагогики и образования»: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. Саратов, 2000. 240 с.

8. Щукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. Москва: Изд-во «Филоматис», 2018. 188 с.

References

1. Bovtenko M.A. Komp'yuternaya lingvodidaktika: uchebnoe posobie. Moskva: Izd-vo «Flinta: Nauka», 2005. 216 s.
2. Gorev P.M., Utemov V.V. Nauchnoe tvorchestvo: prakticheskoe rukovodstvo po razvitiyu kreativnogo myshleniya. Metody i priemy TRIZ/P.M. Gorev, V.V. Utemov. Moskva: Izd-vo «Lenand», 2016. 112 s.
3. Polat E.S., Buharkina M.YU., Moiseeva M.YU., Petrov A.E. Novye pedagogicheskie i informacionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. 272 s.
4. Fufaev I.V. Razvitie tvorcheskoj aktivnosti obuchayushchihsya sredstvami TRIZ-tekhnologii: na primere izucheniya estestvennyh nauk: special'nost' 13.00.01 «Obshchaya pedagogika istoriya pedagogiki i obrazovaniya»: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. ped. nauk. Ul'yanovsk, 2012. 183 s.
5. Halyushova G.A. Razvitie lingvisticheskoy kreativnosti studenta universiteta: special'nost' 13.00.08 «Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya»: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. ped. nauk. Orenburg, 2005. 198 s.
6. Chistyulina E.V. Razvitie tvorcheskogo myshleniya studentov universiteta na zanyatiyah inostrannogo yazyka: special'nost' 13.00.08 «Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya»: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. ped. nauk. Magnitogorsk, 2010. 175 s.

7. SHiryayeva V.A. Razvitie sistemno-logicheskogo myshleniya uchashchihsya v processe izucheniya teorii resheniya izobretatel'skih zadach: TRIZ: special'nost' 13.00.01 «Obshchaya pedagogika istoriya

pedagogiki i obrazovaniya»: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. ped. nauk. Saratov, 2000. 240 s.

8. SHCHukin A.N. Sovremennye intensivnye metody i tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam. Moskva: Izd-vo «Filomatis», 2018. 188 s.

MODIFICATION OF THE INVENTIVE PROBLEM SOLVING METHOD IN THE TEACHING FOREIGN LANGUAGE TO LANGUAGE STUDENTS

Pashkovskaya N.D., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Moscow International University,

Razumovskaya E.A., Candidate of Sociological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,

A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics,

Kireeva I.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Moscow International University

Abstract: one of the important directions in the system of higher language education is the introduction of modern pedagogical technologies and methods that meet the requirements of the time in terms of training future specialists in linguistics, translation and translation studies, which actualizes the topic of the article. The aim of the article is to analyze the essence of modifying the method of inventive problem solving theory in teaching foreign language to linguistic students. The research uses theoretical and empirical methods. As a result of the study, the pedagogical possibilities of modifying the method of inventive problem solving theory in teaching foreign language to linguistic students are disclosed and substantiated in the article. The practical significance of the research lies in the presentation of work experience on the modification and use of methods and techniques of the theory of inventive problem solving in teaching foreign language to linguistic students at a university.

Keywords: modification, inventive problem solving theory method, foreign language teaching, linguistic students, creative thinking, communicative task

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ УНИВЕРСИТЕТА

*Мурзина Е.В., кандидат социологических наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет*

Аннотация: в статье представлены результаты анализа особенностей формирования и развития корпоративной культуры современного университета как участника высоко конкурентного рынка образовательных услуг. Уточнено сущностное содержание понятия корпоративная культура университета, обозначены функции корпоративной культуры университета как регуляторного механизма, способствующего устойчивости университетской корпорации в быстро меняющихся условиях внешней среды. Автором выявлены специфические особенности корпоративной культуры университета, детерминированные набором механизмов социокультурного регулирования образовательной деятельности, рассмотрены инструменты развития и модели формирования эффективной корпоративной культуры современного университета, дана характеристика корпоративной культуры с позиции педагогического и студенческого сообществ.

Авторы акцентируют внимание на основных направлениях и стратегиях исследования текущего состояния корпоративной культуры, реализуемых с целью внесения своевременных корректировок в процессы трансформации культуры и предлагает ряд мероприятий, направленных на повышение эффективности отдельных элементов действующей университетской культуры.

Ключевые слова: университетская культура, корпоративная культура, корпоративная идентичность, педагогическое сообщество, студенческая культура, корпоративные ценности

В условиях современных реалий на рынке образовательных услуг учреждения высшего образования сегодня действуют в высоко конкурентной среде, становится очевидной необходимостью быстрой адаптации университетов к перманентно меняющимся факторам, детерминирующим их устойчивость. Высшие учебные заведения сегодня заинтересованы в поддержании и развитии своей социокультурной специфики, которая отражается в сформированном уровне действующей корпоративной культуры, выступающей основным регуляторным механизмом.

Как показывают масштабные исследования, посвященные анализу эффективности деятельности высших учебных заведений, около 70% усилий, предпринимаемых университетами в отношении реализации нововведений и изменений не приносят ожидаемых результатов, что связано с отсутствием трансформационных процессов в действующей корпоративной культуре [7].

Исследования в области формирования, развития и поддержания корпоративной культуры университета приобретают актуальный характер в связи с пониманием ее ведущей роли в повышении эффективности деятельности и в развитии адапционных механизмов к быстроменяющимся условиям на рынке образовательных услуг и в системе высшего образования.

Неоспоримым фактом в значимости изучения корпоративной культуры современных университетов является поиск механизмов, позволяющих оптимизировать и повысить уровень комфортности социально-трудовых отношений и учебно-производственных процессов. Именно корпоративная культура выступает платформой, на кото-

рой строятся поведенческие модели, ценностные ориентиры, нормы и правила организационно-коммуникативного взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Социокультурная среда высшего учебного заведения определяет вектор отношения будущих специалистов к получаемой профессии, студенческое сообщество, как микросоциум, характеризуется определенным типом культуры, ценностями, ритуалами и традициями, любые управленческие процессы здесь возможны во взаимодействии с корпоративной культурой, детерминирующей направления их развития.

Необходимо отметить, что многие высшие учебные заведения реализуют программы обучения в рамках кросс-культурного подхода, следовательно, изучение межкультурных различий и особенностей корпоративной культуры учебных заведений других стран, позволит спроектировать образовательный процесс для обучающихся с уголков всего мира наиболее эффективно с точки зрения их погружения в культуру и развития толерантности.

Говоря о корпоративной культуре, представляется целесообразным рассмотреть фундаментальное понятие в рамках социально-гуманитарного познания, а именно понятие «культура». Первое определение культуре в научной литературе принадлежит этнографу Эдуарду Бернетту Тайлору, указавшему на то, что «она складывается из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [9].

Основатель современной культурологической теории немецкий философ И. Гердер первым ввел

понятие культурного прогресса и рассмотрел факторы его детерминирующие, утвердил понимание того, что культура раскрывает сущность человека и является главной составляющей его духовной жизни, «создается в процессе человеческой практики, преобразования природного и социального мира, создавая культуру, человек одновременно создает самого себя» [2].

Немецкий социолог М. Вебер сформулировал дефиницию культуры, согласно которой «культура обладает смыслом и значением с точки зрения человека, эти смысл и значение исходят из конкретно-исторической обстановки, в которой живет человек» [1]. Именно поэтому каждой исторической эпохе свойственны определенные категории ценностей, которые трансформируются при переходе к другой, приобретают иной культурный смысл, либо теряют его и нивелируются. Отметим, что понятие «культура» рассматриваемое через призму ретроспективного анализа, претерпевало изменения в зависимости от исторической формации, давления экономических и политических факторов, точек зрения великих умов, его можно охарактеризовать как динамичное, многообразное в своем содержании, сущностном наполнении и развитии. Однако, несомненным является то, что каждое последующее поколение обогащало данный феномен, придавая ему новые оттенки восприятия [4].

Возвращаясь к корпоративной культуре, следует отметить многоаспектность данного феномена, существование множества трактовок и точек зрения на содержание, функции, инструменты, элементы и уровни их проявления. Согласно исследователям рассматриваемой категории, корпоративная культура «содержит отдельные элементы культуры, детерминированные профилем деятельности организации, претерпевающие перманентные изменения под влиянием внутренней и внешней среды, усваиваемые индивидом и оказывающие на него влияние в процессе выбора модели корпоративного поведения» [10].

Корпоративную культуру рассматривают в качестве «приобретаемого индивидом ресурса, реализуемого в позитивном корпоративном поведении в рамках организации, действующего на основе разделяемых ценностных ориентиров, ритуалов и традиций, включающего в себя партнерское и общественное взаимодействие, способствующий раскрытию личностного потенциала» [3].

Корпоративная культура университета представляет собой комплекс ценностных ориентиров нематериального и материального характера, носящих единую идеологическую направленность, правил и моделей поведения, разделяемых участниками образовательного процесса, коммуникаци-

онных элементов, на основании которых базируется эффективное взаимодействие профессорско-педагогического состава и студенческого сообщества [5].

Корпоративная культура современного университета призвана поддерживать его адаптационные механизмы и перманентное развитие как участника высоко конкурентного рынка образовательных услуг. Реализуются обозначенные направления посредством выполнения корпоративной культуры своих функций: формирование ценностных установок и моделей поведения, способствующих актуализации интеллектуального потенциала работников (административно-управленческий персонал, профессорско-преподавательский состав) в области достижения стратегических целей университета; формирование и трансляция благоприятного, социально-ориентированного имиджа университета во внешнюю среду, укрепление и развитие партнерских взаимоотношений со стейкхолдерами и заинтересованными лицами; развитие социального партнерства между сотрудниками и руководством университета, повышение уровня лояльности персонала к университету, сплоченности на всех уровнях коммуникативного взаимодействия; трансляция педагогическим сообществом ценностных ориентиров и социокультурных норм студенческому сообществу; возвращение конкурентного преимущества на рынке образовательных услуг посредством сильной корпоративной культуры, выступающей дополнительным стимульным элементом для абитуриентов в процессе выбора высшего учебного заведения.

Процесс развития и поддержания корпоративной культуры университета – долгосрочный и трудоемкий, формирование эффективной корпоративной культуры осуществляется целенаправленно с привлечением множества инструментов, например, трансляция миссии, стратегических целей и ценностей посредством корпоративного сайта, использование корпоративных СМИ с целью распространения легенд, историй, освещения ритуалов и традиций, ознакомления с корпоративными героями, привлечение педагогического и студенческого сообществ к участию в разработке поведенческих правил и норм, поддержание идей, сформулированных в Корпоративном кодексе посредством внедрения фирменного стиля, поддержание высокого уровня осведомленности о корпоративных мероприятиях посредством радио и корпоративной газеты.

Формирование собственной уникальной корпоративной культуры базируется на анализе особенностей ее возможных типов и моделей, что позволяет определить наиболее значимые для университета принципы проектирования корпоративной

культуры. Выбор в пользу той или иной модели детерминирован специфичностью университетских услуг, многоуровневостью и иерархичностью высших учебных заведений, многонациональным контингентом обучающихся и множественностью реализуемых направлений обучения. Таким образом, можно выделить такие модели корпоративной культуры университетов, как: иерархическая, основанная на доминировании в университете обязательных к исполнению, четко регламентированных правил и норм, фундаментальных организационных структурах, закреплении решающего права голоса за высшим руководством; «клубная», основанная на взаимодействии персонала всех уровней, лояльности административно-управленческого и педагогического состава, возможности карьерного роста в зависимости от стажа работы; «консультативная», базирующаяся на взаимодействии высшего руководства, которое выявляет наиболее эффективные средства достижения стратегических целей и реализации миссии, и педагогического сообщества, формирующего эти цели и их сущностное содержание [8].

Большое значение корпоративной культуры для университетов на современном этапе неоспоримо, наличие сильной и развитой культуры позволяет всем уровням персонала, задействованного в организации, поддержании и контролинге образовательного процесса, идентифицировать себя с университетской корпорацией, новичкам дает возможность использовать механизмы адаптации к новым условиям, традициям, ценностям и корпоративным стандартам.

Корпоративная культура университета базируется на трех основных категориях:

- 1) корпоративной культуре административно-управленческого звена;
- 2) корпоративной культуре профессорско-преподавательского состава;
- 3) корпоративной культуре (субкультуре) студенческого сообщества.

Важно подчеркнуть, что основополагающей составляющей корпоративной культуры университета является культура профессорско-преподавательского состава как главного носителя и транслятора социокультурных ценностей и норм, базовых элементов культуры, ее артефактов, специфических традиций и ритуалов, господствующих в университетской среде. Характеризуется культура педагогического сообщества презентационностью, выражающейся в уважении статуса преподавателя студенческим сообществом и коллегами, мобильностью и высокой степенью динамичности, находящей свое отражение во многообразии моделей поведения в зависимости от многонационального состава обучающегося контингента

[5].

Корпоративную культуру студенческого сообщества целесообразно рассмотреть с позиции актуального стратегического инструмента, выполняющего роль ориентира для студентов, мобилизующего их инициативность, креативность, повышающего мотивационный уровень в стремлении участвовать в решении внутри университетских задач. Развитая культура консолидирует и сплачивает студентов вокруг разделяемых ценностных ориентиров, способствует обучению в благоприятной для саморазвития психологической обстановке, в конечном итоге, студенческое сообщество транслирует во внешнюю среду положительный образ университета, при этом образовательная организация приобретает дополнительное конкурентное преимущество на рынке образовательных услуг.

Таким образом, процессы становления, формирования, развития, трансформации и управления корпоративной культурой университета требует перманентного изучения, исследования и диагностики ее текущего состояния.

Стратегии исследования корпоративной культуры можно свести к трем основным направлениям: холистическое основано на участии в исследовании корпоративной культуры члена коллектива и его глубокое погружение в основные культурные слои, направления развития и способы отображения; метафорическое направление предполагает анализ документальной составляющей, сущностной составляющей легенд, господствующих ритуалов, мифов, паттернов поведения, стереотипных элементов коммуникативных процессов; количественные исследования проводятся посредством тщательно разработанного инструментария, включающего анкетирование и глубинное интервью, позволяющим количественно оценить отдельные элементы корпоративной культуры университета.

Управление корпоративной культурой университета, прежде всего, означает достижение определенного запланированного уровня развития стратегических целей, следовательно, очевидной становится необходимость использования механизмов стратегического развития высшего учебного заведения. К таким механизмам целесообразно отнести:

1. Миссию университета, которая призвана аккумулировать действия всех сотрудников по достижению указанных в ней направлений развития, в случае сильной корпоративной культуры, миссия идентифицирует все стратегические преимущества университета.

2. Цели, ориентированные на достижение стратегического (конкурентного) преимущества в

перспективе, цели разрабатываются на уровне университета, на уровне структурных подразделений (институтов), на кафедральном уровне, содержат в себе функциональную направленность (маркетинговую, финансовую, управленческую, исследовательскую, организационную и др.).

3. Корпоративный кодекс – важный инструмент для развития сильной корпоративной культуры, задающий ее фундаментальный характер.

4. Внедрение «механизма участия» базируется на вовлечении административно-управленческого персонала, педагогического и студенческого сообщества к процессам разработки, принятия и реализации решений различного характера и уровня приоритетности, данный инструмент требует высокого уровня информированности всех категорий персонала о необходимости нововведений, перспективах применения новых технологий и образовательных ресурсов.

Развитие корпоративной культуры университета должно осуществляться на основании диагностики текущего состояния культуры с учетом возможностей управлять протекающими внутри университета процессами, а также на основании преследуемых стратегических целей. С целью перспективного развития университетской культуры предпринимается ряд мероприятий, способствующих поставленной выше задаче:

1. Формирование нормативной базы, отражающей основные правила, нормативы, корпоративные стандарты и нормы поведения, поддерживающие корпоративную культуру университета.

2. Сохранение и трансляция культурных и корпоративных ценностей посредством внедрения в практику Кодекса этики, корпоративных мифов и легенд, историй с участием корпоративных героев, корпоративных памятков.

3. Регулярное проведение корпоративных мероприятий, целью которых является признание заслуг профессорско-преподавательского состава и управленческого звена, повышение корпоративной идентичности, укрепление корпоративного духа, усиление сплоченности и сопричастности всех категорий сотрудников к жизнедеятельности университета.

4. Разработка и внедрение системы социокультурной адаптации новых сотрудников и студентов, главной целью которой является создание наиболее комфортных психологических, этических, эмоциональных предпосылок для быстрого вхождения в рабочий и образовательный процесс, что в конечном итоге будет способствовать развитию у новичков чувства сопричастности и лояльности по отношению к

университету.

Поводя итоги выше сказанному, необходимо констатировать важность и неотъемлемость корпоративной культуры в качестве атрибута современного университета, позволяющего добиться конкурентных преимуществ на рынке образовательных услуг и построить эффективную систему менеджмента. Корпоративная культура значима для всех участников образовательного процесса: для административно-управленческого персонала и профессорско-преподавательского состава это возможность идентификации с университетской средой, включение в ценностно-нормативную сферу, построение эффективных межличностных и партнерских взаимоотношений; для студенческого сообщества – возможность развития своего социокультурного уровня, раскрытие личностного потенциала, развитие корпоративной идентичности, формирование нравственной и общечеловеческой позиции, позитивной мотивации, а также возможность более толерантно относиться к другим культурам и национальным особенностям обучающихся.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 373.
2. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 703 с.
3. Комаровский В.С. Управление общественными отношениями: учебник / Под общ. ред. В.С. Комаровского. М.: РАГС, 2003. 400 с.
4. Легостаева И.В. Генезис лексемы "культура": ретроспективно-педагогический аспект // Современный ученый. 2019. № 1. С. 106 – 110.
5. Легостаева И.В. Корпоративная культура университета в контексте профессорско-преподавательской оценки ее элементов и направлений развития // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 4. С. 101 – 110.
6. Легостаева И.В. Корпоративная культура современного университета: социологический анализ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-sovremennogo-universiteta-sotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 25.12.2021)
7. Макаркин Н.П., Томилин О.Б., Бритов А.В. Роль организационной культуры в эффективном менеджменте высшего учебного заведения // Университетское управление: практика и анализ. 2004. № 5. С. 152.
8. Масилова М.Г., Богдан Н.Н. Организационная культура и результативность деятельности вуза // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 2 (84). С. 34 – 41.

9. Тайлор Э.Б. Первобытная культура: пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. 573 с.

10. Яблонскене Н.Л. Корпоративная культура современного университета // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 2. С. 7 – 25.

References

1. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990. S. 373.

2. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M., 1977. 703 s.

3. Komarovskij V.S. Upravlenie obshchestvennyimi otnosheniyami: uchebnyk. Pod obshch. red. V.S. Komarovskogo. M.: RAGS, 2003. 400 s.

4. Legostaeva I.V. Genezis leksemy "kul'tura": retrospektivno-pedagogicheskij aspekt. Sovremennyy uchenyj. 2019. № 1. S. 106 – 110.

5. Legostaeva I.V. Korporativnaya kul'tura universiteta v kontekste professorsko-prepodavatel'skoj ocenki ee elementov i napravlenij razvitiya. Izvestiya

vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika. 2018. № 4. S. 101 – 110.

6. Legostaeva I.V. Korporativnaya kul'tura sovremennogo universiteta: sociologicheskij analiz. Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-sovremennogo-universiteta-sotsiologicheskij-analiz> (data obrashcheniya: 25.12.2021)

7. Makarkin N.P., Tomilin O.B., Britov A.V. Rol' organizacionnoj kul'tury v effektivnom menedzhmente vysshego uchebnogo zavedeniya. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2004. № 5. S. 152.

8. Masilova M.G., Bogdan N.N. Organizacionnaya kul'tura i rezul'tativnost' deyatelnosti vuza. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2013. № 2 (84). S. 34 – 41.

9. Tajlor E.B. Pervobytnaya kul'tura: per. s angl. M.: Politizdat, 1989. 573 s.

10. YAbloenskene N.L. Korporativnaya kul'tura sovremennogo universiteta. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2006. № 2. S. 7 – 25.

SPECIFIC FORMATION AND DEVELOPMENT OF CORPORATE CULTURE OF THE UNIVERSITY

Murzina E.V., Candidate of Sociological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Industrial University of Tyumen

Abstract: the article presents the results of the analysis of the peculiarities of the formation and development of the corporate culture of a modern university as a participant in the highly competitive market of educational services. The essential content of the concept of corporate culture of the university has been clarified, the functions of the corporate culture of the university as a regulatory mechanism that contribute to the stability of the university corporation in a rapidly changing environment are outlined. The author reveals the specific features of the corporate culture of the university, determined by a set of mechanisms for the socio-cultural regulation of educational activities, considers the development tools and models for the formation of an effective corporate culture of a modern university, gives a characteristic of corporate culture from the standpoint of the pedagogical and student communities.

The author focuses on the main directions and strategies of researching the current state of corporate culture, implemented in order to make timely adjustments to the processes of culture transformation and proposes a number of measures aimed at increasing the effectiveness of individual elements of the current university culture.

Keywords: university culture, corporate culture, corporate identity, teaching community, student culture, corporate values

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

*Лигай Д.А., аспирант,
Московский городской педагогический университет*

Аннотация: статья рассматривает педагогические методы формирования гендерной идентичности у детей дошкольного возраста с расстройством аутистического спектра. Показано влияние социальных ролей на пол. Описана взаимосвязь образа тела и гендерной идентичности. Поставлена проблема отсутствия объективной диагностики расстройств аутистического спектра и трудность диагностики гендерной идентичности таких детей. Затрагивается проблема актуальности вопроса формирования гендерной идентичности в рамках коррекционной педагогики. Описаны задачи педагога при работе с детьми с РАС и сравнительные особенности. Показана важность родительского воздействия на ребенка при формировании гендерной идентичности, комплексный подход в решении данной проблемы. В статье приведен сравнительный анализ гендерной идентичности у девочек и мальчиков в аспекте установления дружеских контактов. В статье описывается специфика восприятия у мальчиков и девочек. В статье рассматривается проявление гендерной идентичности и ее формирование в игровой деятельности, особенность игр мальчиков и девочек, а так же включение детей с расстройством аутистического спектра в гендерную игру нейротипичный сверстников. В статье указывается связь между гендерной идентичностью, телесностью и развитием высших психических функций у детей, ориентировка на индивидуальные различия, как детей, развивающихся в норме, так и с расстройством аутистического спектра. В статье обращается внимание на комплексный подход в формировании гендерной идентичности. Это связано со сложной структурой дефекта детей с расстройством аутистического спектра, который требует не только педагогической, но и психологической а так же медикаментозной помощи.

Ключевые слова: аутистический спектр, дошкольник, гендер, взаимоотношения, среда

Расстройство аутистического спектра у детей дошкольного возраста связано с нарушенными функциями развития головного мозга. Данная патология выражается трудностями в социально-коммуникативных взаимоотношениях, замкнутостью и ограниченностью интересов. Данная патология чаще встречается у мальчиков, нежели у девочек.

Дошкольный период детства тесно связан с становлением гендерной идентичности детей. Это понятия представляет собой социальные роли, которые берет на себя человек, поведенческие аспекты, которые отличают мужской пол от женского. Социальная роль связана с внешним проявлением внутреннего мироощущения, в зависимости от собственного пола. С самого рождения детей идентифицируют по гендерному признаку: мальчикам синие конверты и шапочки, девочками розовые и прочее. И данные признаки будут уславливаться на протяжении всей жизни. Становление людей в социуме также непосредственно связано с гендером. Этот процесс становится все сложнее на протяжении взросления. С раннего возраста дети знают какого они пола, могут иметь поверхностные представления об этом, но с легкостью не могут сказать главные его характеристики. Особенности детки с аутистическими расстройствами в 2 года все еще имеют нарушения в понимании собственного тела, имеют общее недоразвитие речи, связанное именно с обсуждением гендерных различий между людьми [1].

Именно понимая гендерные различия в собственном теле, человек строит предположения и представления о собственных личностных характеристиках, о своей роли в обществе и жизни. Современная психитрия недаром сменила понятие аутизм на расстройство аутистического спектра. Связано это с тем, что аутизм чаще всего не является детской болезнью и может проявиться в более зрелом возрасте. И нет объективных критериев диагностики данного заболевания. То есть под эту категорию могут попадать абсолютно разновозрастные люди, которых объединяет недостаток социальных контактов и общения. Делая акцент на понятии «гендер», как «определенный пол в обществе» очень важно на фоне изменения в социальной среде представлений о мужских и женских качествах формировать у дошкольников с РАС правильное представление о полоролевых отношениях.

Изучение гендерных различий у детей с расстройствами аутистического спектра приобретает обороты в коррекционной психологии. Было выяснено, что девочки с данным типом расстройств менее ограничены в собственных действиях, чем мальчики. То есть у мальчиков полный список симптомов расстройства проявляется достаточно явно. При высоком уровне аутистических отклонений гендерные различия становятся фенотипическим признаком развития данного отклонения.

Многие исследования показывают, что различия в гендерном плане у детей с РАС проявляются в способности налаживания дружественных кон-

тактов. У девочек, больных аутизмом при дружеских связях с таким же больными девочками не было выявлено особых отличий в социальной мотивации. Даже девочки с расстройством аутистического спектра считались менее конфликтными. У мальчиков наоборот, присутствовала замкнутость, отсутствие социальной мотивации, они были более чувствены к опасности проявления дружеских взаимоотношений. Именно поэтому данное заболевание чаще встречается и тяжелее протекает у мальчиков, нежели у девочек [2].

В любом социуме поведение лиц мужского и женского пола имеет различия. С раннего возраста дети знают какого они пола, могут иметь поверхностные представления об этом, но с легкостью не могут сказать главные его характеристики. Особенности детки с аутистическими расстройствами в 2 года все еще имеют нарушения в понимании собственного тела, имеют общее недоразвитие речи, связанное именно с обсуждением гендерных различий между людьми. Разнополюе дети привыкают к разностороннему общению с детства. Данные типы различий являются универсальными, с точки зрения биологии являются детерминированными. Существует гипотеза о том, что данные различия связаны с разностью воспитания полов. Мальчикам с детства предлагают все гендерное для них, то есть игрушки (машинки, конструкторы), одежда других тонов, категории игр и так далее. Считается, что особенности восприятия мальчиков и девочек во внешнем мире разнятся. Например, девочки часто уделяют внимание более мелким деталям, тогда как мальчики обобщенно смотрят на определенные вещи в целом. Но если для девочек переключать внимание с конкретных деталей на обобщенные легче, то для мальчиков это немного сложнее. Поэтому делаем вывод о том, что существует различия в восприятии мира у разных гендеров.

Для педагога важной задачей при совместном воспитании мальчиков и девочек является приучение их к сплоченности друг с другом и совместному времяпровождению, когда дети будут находиться в контакте друг с другом при этом не забывая о гендерных особенностях. Девочки здесь играют женскую роль, мальчики – мужскую. Для работы с детьми, в том числе с детьми с расстройствами аутистического спектра необходимо применять такие методы обучения, как словесные, наглядные, с помощью игр и практики. Метод слова – это различные рассказы, разговоры и беседы, совместное чтение книг, их пересказ, убеждение и прочее. На практике педагог старается объединить детей с РАС посредством совместной деятельности в виде инсценировок, постановок, игр, проведения досуга и времени вместе. Ведь таким

детям полезно развивать навыки общения со сверстниками [3].

Наглядным методом является подбор картинок, просмотр фильмов и видеороликов, поход на выставки, в музеи и на различные экскурсии. Игровые методы подбираются при помощи проведения ролевой модели игр, подвижных игр, дидактических практик.

Во время различных способов совместной деятельности перед воспитателем-педагогом стоит ряд определенных задач, таких как:

1. Формирование понятия у детей о собственной гендерной принадлежности.

2. Формирование чувства различий между мужским и женским полом с точки зрения внешних проявлений.

3. Учить детей различать свою половую принадлежность и четко знать свое имя.

4. Стараться развивать навыки общения и коммуникации детей с РАС друг с другом.

5. Развивать такие навыки детей, как ум, мышление, логику, интуицию, внимание и т.д.

6. Развивать терпимое и толерантное отношение детей друг к другу, их интерес к общению друг с другом.

7. Развивать навыки дружелюбия, учить приветствию и прощанию.

8. Развивать навыки свободного общения со сверстниками и не только [4].

Когда мы начинаем рассуждать об определенных особенностях гендерного воспитания детей с расстройством аутистического спектра, мы понимаем, что такой ребенок является особенным и к нему необходим особенный педагогический подход. При работе с особенными детьми каждому педагогу важно находить подход к конкретному ребенку, исследуя все стороны его чувств и ориентаций. На сегодняшний день в России имеется система специального образования детей дошкольного возраста с РАС, перед которой стоят определенные задачи по созданию всех условий для правильного коррекционно-развивающегося развития и обучения гендерным различиям. Особенному ребенку гораздо сложнее проявлять свои эмоции правильно. У многих детей имеются проблемы эмоционального развития. Такие дети зачастую не знают как правильно себя вести и проявлять свои чувства и эмоции. Это приводит к затруднению их адаптации в социуме и становлению гендерного воспитания. Задачей педагогов является построение развития ребенка в правильном направлении. Такие особенности развития имеют определенные причины, которые должен понимать воспитатель. Ему обязательно необходимо знать этиологию и характер отклонений, их природу, на основе чего

будет строиться коррекционно-развивающая работа [1].

Для того, чтобы правильно организовать коррекционно-развивающую работу, связанную с разъяснением гендерных различий полов с детьми с РАС, необходимо понимать сложную структуру имеющегося у них дефекта и что при работе с отклонениями их можно корректировать. Каждый педагог должен тщательно изучать особенности каждого ученика. Это позволит сформировать коррекционные и общие педагогические задачи воспитания и обучения ребенка. Профессиональный воспитатель должен быть мастером своего дела, который не только пользуется однажды усвоенными методами работы, но и находит подход в каждом отдельном случае. Он должен понимать индивидуальные особенности каждого ученика. Проводить работу по расширению собственных знаний по работе с детьми с аутистическими и другими расстройствами, организовывать работу с родителями путем бесед, создания анкет и родительских собраний.

Педагог должен общаться с детьми, узнавать их интересы, для того чтобы в дальнейшем построить коррекционно-развивающую работу. Очень важно, чтобы в процессе такой работы каждый ребенок поверил в свои силы и был мотивирован на успех занятий.

Для полноценной и благоприятной гендерной социализации детей, а особенно детей с расстройствами аутистического спектра необходимо взаимодействовать с родителями. Именно их пример и

Развитие ребенка в норме

§ Многократно заявляет о (настаивает на) собственной принадлежности к своему полу

В случае девочек: предпочитает одеваться в женское платье или демонстрировать женский стиль одежды; в случае мальчиков: настаивает на том, чтобы носить только стереотипно-мужскую одежду

В ролевой игре и фантазиях: сильно и устойчиво предпочитает роли, свойственные своему полу.

Желает участвовать в играх и занятиях, типичных для своего пола

Заметно чаще предпочитает играть с детьми своего пола

образец воспитания, их роли в обществе и жизни друг друга оказывают огромное воздействие на воспитание ребенка, а также становлении его гендерной грамотности. Но зачастую большинство родителей сами не понимают, как прививать ребенку гендерное воспитание, а особенно ребенку с отклонениями. Данные вопросы необходимо обсуждать в стенах дома, дошкольных учреждений, говорить об этом во время встречи с родителями, педагогам почаще уделять внимание консультациям и семинарам по данной теме, привлекать детей к постановкам, просмотру познавательных видео по этой теме, устраивать вечера и выставки, посвященные в том числе познанию гендерных различий между полами.

Очень важно для гендерного воспитания детей, и в особенности детей с РАС иметь родителей, компетентных в данных вопросах, которые познают данную проблему, освещают ее и доносят правильно ребенку. Родители должны владеть культурологическими аспектами гендерной социализации своих детей. Именно поэтому данную проблему не решить только педагогическим вмешательством, ее необходимо решать повсеместно со стороны дошкольных учреждений, домашней обстановки и взаимодействия между ними. Долгие годы американской психиатрической ассоциацией разрабатывалось руководство по диагностике психических расстройств, и данные гендерной идентификации там тоже были описаны. Рассмотрим представленные параметры подробнее (рис. 1) [5].

Развитие ребенка с аутизмом

Как правило не говорит. На вопрос о поле отвечает речевыми стереотипами

Одевается в определенную одежду, неадекватно реагирует на смену одежды, предпочитает носить одно и то же.

В ролевых играх не чувствует. Игра не носит полоролевой характер.

Предпочитает играть наедине с неодушевленными предметами.

Не играет с другими детьми в принципе.

Рис. 1. Параметры развития детей в сравнении

Отмечается, что у здоровых детей также может отмечаться нарушение гендерной идентификации. Но у ребенка без расстройства аутистического спектра данные отклонения будут более явными, нежели чем у ребенка с отклонениями. Такого ребенка очень тяжело вывести на коммуникацию и разговор.

Таким образом, наши наблюдения и изучение литературных источников показало, что ребенок с РАС чаще всего имеет мало представлений о ген-

дерных различиях полов. Они часто не осознают кто такие мальчики и девочки и в чем их отличия в целом. Именно поэтому перед воспитателями или педагогами стоит серьезная задача, состоящая в их личностной идентификации. Данное понятие позволит улучшить такие параметры личности, как самосознания и социализация, в том числе в гендерном плане. В дальнейшем плотная работа с детьми с РАС позволит улучшить качество мониторинга данной проблемы и работы над ней.

Литература

1. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм, 2021. 320 с.
2. Довбня С., Морозова Т., Залогина А., Монова И. Дети с расстройствами аутистического спектра в детском саду и школе: практики с доказанной эффективностью. СПб.: Сеанс, 2018. 202 с.
3. Евтушенко И.Н. Условия гендерной социализации детей дошкольного возраста // Начальная школа: плюс до и после. 2017. № 5. С. 13.
4. Филиппова Н.В., Барыльник Ю.Б. Эпидемиология аутизма: современный взгляд на проблему // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 24. № 3. С. 96 – 101.
5. Хаустов А.В. Практическиерекомендации по формированию коммуникативных навыков у детей с аутизмом: учебно-метод. Пособие / Под ред. Т.В. Волосовец, Е.Н. Кутеповой. М.: РУДН, 2017. 35 с.

References

1. Bern SH. Gendernaya psihologiya. SPb.: Praim, 2021. 320 s.
2. Dovbnaya S., Morozova T., Zalogina A., Monova I. Deti s rasstrojstvami autisticheskogo spektra v detskom sadu i shkole: praktiki s dokazannoj effektivnost'yu. SPb.: Seans, 2018. 202 s.
3. Evtushenko I.N. Usloviya gendernoї socializacii detei doskol'nogo vozrasta. Nachal'naya shkola: plyus do i posle. 2017. № 5. S. 13.
4. Filippova N.V., Baryl'nik YU.B. Epidemiologiya autizma: sovremennyj vzglyad na problemu. Social'naya i klinicheskaya psihiatriya. 2018. T. 24. № 3. S. 96 – 101.
5. Haustov A.V. Prakticheskierekomendacii po formirovaniyu kommunikativnyh navykov u detej s autizmom: uchebno-metod. Posobie. Pod red. T.V. Volosovec, E.N. Kutepovoj. M.: RUDN, 2017. 35 s.

**PEDAGOGICAL METHODS OF GENDER IDENTITY FORMATION
IN PRESCHOOLERS WITH AUTISM SPECTRUM DISORDER**

*Ligai D.A., Postgraduate,
Moscow City University*

Abstract: the article considers pedagogical methods of gender identity formation in preschool children with autism spectrum disorder. The influence of social roles on gender is shown. The interrelation of body image and gender identity is described. The problem of the lack of objective diagnosis of autism spectrum disorders and the difficulty of diagnosing the gender identity of such children is posed. The problem of the relevance of the issue of gender identity formation in the framework of correctional pedagogy is touched upon. The tasks of the teacher when working with children with ASD and comparative features are described. The importance of parental influence on the child in the formation of gender identity, an integrated approach to solving this problem is shown. The article presents a comparative analysis of gender identity in girls and boys in the aspect of establishing friendly contacts. The article describes the specifics of perception in boys and girls. The article examines the manifestation of gender identity and its formation in play activities, the peculiarity of boys and girls' games, as well as the inclusion of children with autism spectrum disorder in the gender game of neurotypical peers. The article indicates the relationship between gender identity, physicality and the development of higher mental functions in children, focusing on individual differences, both in children developing normally and with autism spectrum disorder. The article draws attention to the integrated approach in the formation of gender identity. This is due to the complex structure of the defect of children with autism spectrum disorder, which requires not only pedagogical, but also psychological, as well as medical assistance.

Keywords: autistic spectrum, preschooler, gender, relationships, environment

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ-БОРЦОВ 18-20 ЛЕТ

*Денисов Д.А., доцент,
Трусов В.Г., старший преподаватель,
Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) им. М.И. Платова,
Захаров Ф.Е., кандидат педагогических наук, доцент,
Национальный государственный университет физической
культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта*

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы организации интегральной подготовки спортсменов-борцов в возрастной категории 18-20 лет; дано определение понятия «интегральная подготовка»; раскрыты принципы и задачи интегральной подготовки спортсменов-борцов; представлен опыт реализации принципа интегральности в физической подготовке спортсменов – борцов (на примере комплексных единоборств, греко-римской борьбы и джиу-джицу).

Авторы выделяют предсоревновательный период в качестве фундамента спортивной подготовки спортсменов – борцов, включающий в себя эффективные формы организации тренировочного процесса, сочетание приемов ударной и борцовской техник с учетом направленности на развитие значимых физических качеств у спортсменов-борцов, а также приемы управления оптимальной нагрузкой для избегания перетренированности спортсменов.

Ключевые слова: интегральная подготовка, борцы, тренировочный процесс, предсоревновательная подготовка, физическая подготовка, греко-римская борьба, джиу-джицу, комплексные (смешанные) единоборства

На сегодняшний день перед образовательными учреждениями высшего образования стоят задачи по развитию студенческого спорта, подготовку спортсменов, повышению качества реализации учебно-тренировочного процесса спортсменов, создание и функционирование эффективной и качественной системы физической подготовки спортсменов 18-20 лет различных видов спорта, в том числе комплексных единоборств на базе спортивных комплексов вузов.

Традиционная модель спортивной подготовки спортсменов-борцов ориентирована на формирование морально-волевых, базовых физических качеств (скорость, координация, равновесие и сила) на основе приемов ведения борьбы, а в тренировочном процессе тренер использует комплекс педагогических средств (приемов) и психологических методик в области подготовки профессиональных спортсменов. Практика свидетельствует, что в соревновательный период спортсмены-борцы зачастую демонстрируют слабость в технической стороне ударов, что сказывается на спортивных результатах.

На наш взгляд, в спортивной подготовке борцов необходимо сформировать достаточную базу ударных и борцовских техник, развить тактическое мышление ведения поединка на основе использования принципа интегральности.

В теории и методике физического воспитания рядом авторов рассматриваются содержательные, методические и организационные аспекты интегральной подготовки спортсменов-борцов; вводится понятие «интегральная подготовка». Так, Кривенцов А., Нестеровский Д.И., Смирнов Ю. в

своих работах отмечают управление интегральной подготовкой в качестве ключевой в системе спортивной подготовки борцов [2, 3].

«Интегральная подготовка» является комплексным, сложным по объему содержания понятием, состоящим из двух понятий «интегральное» и «подготовка». Интегральная подготовка трактуется как педагогический процесс, направленный на то, чтобы спортсмен умел всесторонне реализовать все разделы тренировки в своей соревновательной деятельности [1].

Более емкое определение понятия «интегральная подготовка» встречается в работах Д.И. Нестеровского и, по его мнению, означает многоуровневую систему тренировочных заданий возрастающих по степени сложности и направленности для реализации потенциала подготовленности спортсменов в процессе соревновательной деятельности [3].

Среди основных задач интегральной подготовки спортсменов-борцов ученые – педагоги и исследователи – практики выделяют, во-первых, совершенствование технико-тактической подготовленности спортсмена-борца по джиу-джицу, греко-римской борьбе на основе сочетания ударной и борцовской техник, используемых в комплексных единоборствах; во-вторых, развитие необходимых личностных качеств и психической устойчивости спортсменов в период нагрузок предсоревновательного и соревновательного периодов; в-третьих, изучение слабых и сильных специфических сторон подготовленности спортсменов, проявляющихся в поединке в период соревнований и их комплексное усовершенствование.

Представим свой тренерский опыт в реализации интегральной подготовки спортсменов – борцов в возрасте 18-20 лет среди студенческой молодежи технического вуза. Отметим, что подготовка спортсменов-борцов в возрастном периоде от 18 до 20 лет строится с учетом уже сформировавшегося нервно-мышечного аппарата, технической базы ведения борьбы. В этот период необходимо на базе спортивного комплекса вуза в системе учебно-тренировочных занятий в учебное и во внеучебное время создать педагогические условия для максимального раскрытия и спортивного совершенствования «базы» спортсмена. Ключевая задача педагога-тренера в системе интегральной подготовке спортсменов-борцов в вузе сформировать спортивную форму участника к началу соревновательного периода, где она достигнет наивысших показателей в период главного состязания (поединка) с целью получения наивысших спортивных наград.

В зависимости от длительности сезона соревнований, спортсмен должен непрерывно развивать не только физические качества необходимые для конкретного вида борьбы, но и владеть навыками смежных комплексных единоборств. Для решения этой задачи тренер реализует в своем тренировочном процессе интегральную подготовку, включающую в себя специфические приемы, техники и средства физической подготовки спортсмена в предсоревновательный и соревновательный периоды.

Построение программы интегральной подготовки спортсменов-борцов учитывает следующие методические принципы, а именно: небольшой количественный состав тренирующей группы до восьми человек, что позволяет выявить индивидуальный стиль ведения поединка, обнаружить «коронные» технико-тактические действия спортсмена и получить опыт ведения состязания с борцами комплексных единоборств; соответствие структуры выбранных физических упражнений (приемов) физиологическим процессам, опорно-двигательному аппарату спортсмена; организация годичного цикла учебно-тренировочного процесса борцов направлена на развитие тех мышечных групп, которые преимущественно задействованы в выполнении основных технических приемов спортивных единоборств, но не достаточно сформированных для правильного выполнения ударной и бойцовской техник; использование упражнений общей физической подготовки в тренировочном процессе как превентивных мер физического и психического истощения организма.

Анализируя научные работы по интегральной подготовке спортсменов-борцов в начальный предсоревновательный период можно отметить,

что на данном этапе тренер должен уделить больше внимание поддержанию общей физической подготовки спортсмена, выявлению несформированных специфических навыков, необходимых для ведения поединка (боя). Макроцикл подготовки спортсмена-борца к главным соревнованиям обычно длится от двух до четырех недель и включает в себя технико-тактическую подготовку, ориентированную на потенциального противника, набор имитационных упражнений, определенные тренировочные схватки на разные дистанции, в высоком темпе и с партнерами, атакующие и ударные действия. Правильно подобранные нагрузки по характеру, объему и интенсивности целесообразно проводить за восемь дней до первого дня соревнований, что позволяет спортсменам выйти на качественно новый уровень физической подготовленности [4].

На подводящем этапе предсоревновательного периода задачи тренера направлены на организацию тренировочной процесса спортсменов – борцов, где расчет объема нагрузки общей физической подготовки спортсмена заметно уменьшается в два раза, и делается упор на специальные упражнения, способствующие подготовке спортсмена к поединку [5]. На практике, доля частичного объема общей физической подготовки спортсменов-борцов в возрасте 18-20 лет составляет до 5% от общего объема физической нагрузки.

Одной из эффективных форм организации части учебно-тренировочного занятия борцов предсоревновательного периода выступает круговая форма, позволяющая одновременно использовать серию упражнений, чередующиеся с отдыхом, длительность которой составляет от пяти до восьми минут, что придает тренировочному процессу интегральный характер процессу совершенствования специальную функциональную подготовку борцов.

В заключении отметим, что интегральная подготовка спортсменов - борцов комплексных единоборств сочетает в себе поэтапное применение психологических, педагогических и тренировочных средств, в результате которых спортсмены способны продемонстрировать максимальную спортивную подготовленность в процессе соревновательной деятельности.

Интегральная подготовка спортсменов – борцов в возрасте 18-20 лет в техническом вузе включает в себя макроциклы тренировочного процесса предсоревновательного и соревновательного периодов, направленные на выявление и коррекцию «слабых» специфических физических качеств борцов приемами ударной и борцовской техник.

Литература

1. Акопян А.О., Панков В.А., Ким А.Ю. Формирование методики подготовки борцов греко-римского стиля в новых условиях соревновательной деятельности // Теория и практика физ. культуры. 2006. № 2. С. 21 – 23.

2. Кривенцов А., Смирнов Ю. Интегральная подготовленность спортсмена как предмет системного исследования // Человек в мире спорта: Новые идеи, технологии, перспективы: Тез. докл. Междунар. конгр. М., 1998. Т. 1. С. 230 – 231.

3. Нестеровский Д.И. Интегральная подготовка баскетболисток в учебно-тренировочных группах 1-2-го года обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992. 24 с.

4. Никуличев В.А. Взаимосвязь тренировочных нагрузок с основными показателями соревновательной деятельности борцов высших разрядов: автореф. дис. ... канд. пед. наук; ВНИИФК. М., 1987. 25 с.

5. Фоменко А.А. Интегральная подготовка борцов-тяжеловесов греко-римского стиля // Физическая культура и спорт в XXI веке: актуальные проблемы и их решения: Сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (онлайн-формат, 21-22 октября 2020 года) / Под общей ред. В.В. Горбачевой, Е.Г. Борисенко Волгоград: ФГБОУ ВО «ВГАФК», 2020. Т. 2. С. 30 – 35.

References

1. Akopyan A.O., Pankov V.A., Kim A.YU. Formirovanie metodiki podgotovki borcov greko-rimskogo stilya v novykh usloviyakh sorevnovatel'noj deyatel'nosti. Teoriya i praktika fiz. kul'tury. 2006. № 2. S. 21 – 23.

2. Krivencov A., Smirnov YU. Integral'naya podgotovlennost' sportsmena kak predmet sistemnogo issledovaniya. SChelovek v mire sporta: Novye idei, tekhnologii, perspektivy: Tez. dokl. Mezhdunar. kongr. M., 1998. T. 1. S. 230 – 231.

3. Nesterovskij D.I. Integral'naya podgotovka basketbolistok v uchebno-trenirovochnykh gruppah 1-2-go goda obucheniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1992. 24 s.

4. Nikulichev V.A. Vzaimosvyaz' trenirovochnykh nagruzok s osnovnymi pokazatelyami sorevnovatel'noj deyatel'nosti borcov vysshih razryadov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk; VNIIFK. M., 1987. 25 s.

5. Fomenko A.A. Integral'naya podgotovka borcov-tyazhelovesov greko-rimskogo stilya. Fizi-cheskaya kul'tura i sport v XXI veke: aktual'nye problemy i ih resheniya: Sbornik materialov Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferencii (onlajn-format, 21-22 oktyabrya 2020 goda). Pod obshchej red. V.V. Gorbachevoj, E.G. Borisenko Volgograd: FGBOU VO «VGAFK», 2020. T. 2. S. 30 – 35.

**SUBSTANTIVE ASPECTS OF INTEGRAL TRAINING
OF 18-20 YEAR OLD ATHLETES-WRESTLERS**

Denisov D.A., Associate Professor,

Trusov V.G., Senior Lecturer,

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),

Zakharov F.E., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,

Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health

Abstract: the article deals with the actual problems of the organization of integral training of athletes-wrestlers in the age category of 18-20 years; the definition of the concept of «integral training» is given; the principles and tasks of integral training of athletes-wrestlers are revealed; the experience of implementing the principle of integrality in the physical training of athletes – wrestlers is presented (on the example of complex martial arts, Greco-Roman wrestling and jiu-jitsu).

The authors identify the pre-competition period as the foundation of sports training of athletes – wrestlers, which includes effective forms of organizing the training process, a combination of shock and wrestling techniques, taking into account the focus on the development of significant physical qualities in athletes-wrestlers, as well as optimal load management techniques to avoid overtraining athletes.

Keywords: integral training, wrestlers, training process, pre-competitive training, physical training, Greco-Roman wrestling, jiu-jitsu, complex (mixed) martial arts

РЕЗУЛЬТАТЫ PISA И ПОДГОТОВКА БУДУЩЕГО ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ ФИЗИКИ

*Лукьянова А.В., кандидат физико-математических наук, доцент,
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского*

Аннотация: PISA задаёт международный стандарт качества образования, оценивая читательскую, математическую и естественнонаучную грамотность подростков 15 лет. Наша страна показывает средние результаты по данным этого исследования (третий и четвёртый десяток из 70-80 стран), а президентом страны поставлена цель войти в первую десятку в мире по результатам общего образования к 2024 году. В настоящей работе рассматривается соотношение требований к результатам образования согласно федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования и критериев читательской, математической и естественнонаучной грамотности, используемых в исследовании PISA. Кроме того, учитываются требования к основному государственному экзамену по физике. На основании этого сравнения предлагаются изменения, которые следует внести в подготовку будущего учителя физики для достижения цели, обозначенной руководством страны. Школьная физика – предмет, позволяющий формировать все виды грамотности, проверяемые PISA. Дисциплина «методика обучения и воспитания в области физики» должна пополниться новыми темами, касающимися как постановки целей при обучении физики, так и методов и приёмов решения разнообразных задач. Особое внимание следует уделить использованию богатейшего арсенала «старых» учебников и задачников по физике в ракурсе формирования читательской, математической и естественнонаучной грамотности.

Ключевые слова: основное образование, физика, учитель, PISA, читательская, математическая, естественнонаучная грамотность

Теория и методика обучения физике зародилась в 19 веке, пережила бурный этап подъёма в 20 веке и в настоящее время продолжает своё развитие. Основными вопросами, на которые данная наука ищет ответы, остаются вопросы триады: Зачем учить физике? Чему учить на уроках физики? Как учить физике? Системообразующим фактором является вопрос «Зачем?», это вопрос о целях обучения физике и ответ на него определяется, в частности, социальным заказом общества. Если в 19 веке необходимость обучения физике двигалась промышленной революцией в России, в начале 20 века – процессом индустриализации, призванным сократить отставание экономики СССР от экономик развитых капиталистических стран, во второй половине 20 века, в период «развитого социализма», – идеологическими потребностями формирования «гармонично развитой личности» и задачами НТП, то в конце 20 и начале 21 века социальный заказ общества претерпел существенные изменения. Свяzano это не только с политическими и экономическими процессами в нашей стране, но и изменениями, происходящими с человеческой цивилизацией в целом. Одним из ярких явлений рубежа столетий является процесс глобализации [1]. Он затрагивает не только экономику, но и гуманитарную сферу (политику, культуру, религию и т.д.), модернизируя и унифицируя социальные заказы национальным системам образования.

Одним из ярких проявлений глобализации в сфере образования являются международные системы оценивания качества. Можно упомянуть такие исследования, как TIMMS (исследуется ма-

тематическое и естественнонаучное образование, сравниваются ученики 4-х и 8-х классов) [2], PIRLS (исследуется качество чтения и понимания текстов, тестируются ученики 4-х классов) [3], PISA (исследование читательской, математической и естественнонаучной грамотности школьников 15 лет) [4].

В настоящее время ряд аналитиков полагают, что PISA является «золотым стандартом» качества образования. Отличием исследования PISA от других международных систем оценки качества образования является то, что при этом изучается не то, что дети знают, а то, что они могут сделать, используя то, что они знают, как могут решать разнообразные задачи, в том числе жизненные, прикладные и практические.

Эта идея лежит в основе определения разных видов грамотности: читательской, математической, естественнонаучной, финансовой, функциональной и др.

Читательская грамотность – это понимание, использование, критическое оценивание и взаимодействие с текстами для достижения своих целей, развития своих знаний и потенциала, а также для участия в жизни общества.

Математическая грамотность подразумевает не только наличие знаний по математике и владение математическими концепциями и инструментами, но и способностью применять их в разнообразных жизненных ситуациях, как знакомых, так и незнакомых. PISA предлагает задачи, связанные не только, скажем, с приготовлением пищи и покупками, но и с оценкой финансирования проектов,

интерпретацией национальных статистических данных, моделированием природных явлений. Математические средства применяются для описания, объяснения и предсказания явлений.

Естественнонаучная грамотность напрямую связана со способностью заниматься научными проблемами и идеями, что требует значительных объёмов знаний и умений в этой области. Очевидно, что это необходимо тем, кто свяжет свою дальнейшую судьбу и профессию с естественными и техническими науками и их приложениями, но не менее очевидно, что это нужно и для решения других проблем: как жизненных, связанных, например, с поведением во время пандемии или выбором здорового питания, так и социальных, например, с утилизацией мусора в мегаполисах, и глобальных, таких, например, как глобальное потепление или освоение космоса и океанских глубин.

Исследование PISA устанавливает некоторые глобальные стандарты качества образования. Оно разработано Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), но участие в нём принимают не только государства, входящие в ОЭСР и финансирующие PISA, но и другие страны. Оно проводится каждые три года, начиная с 2003 г.; в 2018 году проходил уже седьмой цикл этого тестирования. В нём приняло участие 78 стран мира и около 600 тысяч детей, в том числе около 7000 российских школьников. Главная задача этого исследования – дать стандартизированные ориентиры для государственной политики в области образования. Результаты PISA предназначены в значительной степени для людей, которые принимают решения в этой области и определяют развитие национальных образовательных систем.

Наша страна показывает из года в год стабильно средние результаты (третий и четвёртый десяток). В 2018 году Россия заняла 31 место по читательской грамотности, 30 – по математической и 33 по естественнонаучной из 78 стран-участников. В предыдущем цикле, в 2015 году – 26, 23 и 32 места (из 70 стран), а в 2021 году – 40, 32 и 35 места (из 64 стран) соответственно.

Первые места занимают с 2009 года молодые «азиатские тигры» – Китай, Сингапур, Гонконг, Тайвань и т.п.

Вопрос о том, насколько ОЭСР и результаты PISA должны влиять на национальные политики в области образования, является дискуссионным [5]. Однако продвижение в международных рейтингах PISA стало приоритетной задачей национальной образовательной политики во многих странах. В частности, президентом РФ в 2018 г. подписан указ, где ставится задача к 2024 году обеспечить вхождение Российской Федерации в число десяти

ведущих стран мира по качеству общего образования [6]. Решение этой задачи напрямую требует пересмотра подготовки школьных учителей в педагогических вузах. Особенно это касается подготовки учителя физики.

С нашей точки зрения, именно урок физики позволяет, не теряя качества изучения самого предмета, не только достигать целей, обозначенных в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) основного общего образования (ООО) [7], а также примерной основной программе основного общего образования, но и формировать те виды грамотности, которые оцениваются в исследовании PISA.

Уже сравнение результатов образования, обозначенных в этих документах с понятиями читательской, математической и естественнонаучной грамотности по версии PISA показывает, что государственная образовательная политика в нашей стране учитывает международные стандарты качества.

Среди метапредметных результатов ООО, описанных во ФГОС, есть «смысловое чтение», которое как раз и является семантически равным «читательской грамотности». Ведь смысловое чтение требует умения находить в тексте требуемую информацию в зависимости от целей деятельности, критически оценивать содержание этого текста и т.д.

Элементы математической и естественнонаучной грамотности мы находим как среди метапредметных результатов (например, «умение определять понятия, создавать обобщения, устанавливать аналогии, классифицировать, самостоятельно выбирать основания и критерии для классификации, устанавливать причинно-следственные связи, строить логическое рассуждение, умозаключение (индуктивное, дедуктивное и по аналогии) и делать выводы»), так и предметных (например, «развитие умения планировать в повседневной жизни свои действия с применением полученных знаний законов механики, электродинамики, термодинамики и тепловых явлений с целью сбережения здоровья»).

Таким образом, можно сделать вывод, что нормативно-правовая база для достижения целей, обозначенных в указе президента РФ, уже создана и продолжает совершенствоваться. Задача педагогического вуза – подготовить будущих учителей к работе в школе с учётом как национальных, так и международных требований к качеству образования.

Нам хотелось бы подчеркнуть роль физики в подъёме нашей страны в рейтинге PISA. Связано это с особым местом физики и как науки, и как учебного предмета. Дело в том, что физика изуча-

ет фундаментальные законы природы, поэтому лежит в основе научного мировоззрения и является базой развития техники. Это – фундамент естественнонаучной грамотности в понимании PISA.

Кроме того, ещё Галилео Галилей заметил и передал следующим поколениям учёных, что «книга природы написана языком математики». При изучении физики ученикам требуется не математика как таковая, не математические знания и процедуры; на уроках физики успешность приходит к тем, кто овладел математической грамотностью, то есть умением применять то, что усвоено на уроках алгебры и геометрии, для решения физических задач. Наш опыт показывает, что часто для учеников бывает затруднительно переносить математические знания и умения в новый контекст, а это есть математическая грамотность. На необходимость специальной работы в этом направлении указывают некоторые авторы, например [8].

Смысловое чтение (читательская грамотность) формируется на уроках физики именно как метапредметный результат, который даже выносится на основной государственный экзамен (ОГЭ) по физике [9]. Решение любой задачи (и количественной, и качественной) начинается с анализа текста условия задачи. А в ОГЭ включают задания, которые можно выполнить только на основе критического анализа приведённого текста (задания 19 и 20). Этот текст включает в себя описание какого-либо явления природы или открытия, или технического изобретения. Ученику после прочтения текста предлагается ответить на вопросы закрытого и открытого типа.

Кроме того, ФГОС основного общего образования [7], принятый в 2010 году, в основе своей имеет системно-деятельностный подход. Он подразумевает активную учебно-познавательную деятельность обучающихся, то есть отражает именно международные подходы к качеству образования: не набор знаний и умений, а их применение и использование в разнообразных контекстах для достижения практической цели выходят на первый план.

Что же следует изменить в подготовке учителя физики в педагогическом вузе? С нашей точки зрения, базовая подготовка учителя должна остаться неизменной: владение предметом – физикой, знание педагогики и психологии являются обязательными для качественной работы будущего учителя. Изменения должны коснуться теории и методики обучения и воспитания в области физики. Необходимо немного поменять те разделы методики, которые связаны с постановкой целей обучения. Следует несколько сместить акценты в том, на что будущий педагог обращает особое

внимание в целях обучения, воспитания, развития: как микроцелях – при решении конкретной учебной задачи, на данном этапе урока, на данном уроке, – так и целях более крупных: при изучении той или иной темы, раздела, содержательной линии, всего курса физики в школе. Нужно, чтобы ситуационные предметные цели не заслоняли и не подменяли собой цели глобальные, которые по своей сути являются целями метапредметными и личностными и выходят на уровень формирования функциональной грамотности выпускника школы.

Богатейший арсенал, накопленный учителями и методистами в области задач по физике – теоретических и экспериментальных – следует осваивать под слегка другим углом зрения. К счастью, большое количество бесценных по содержанию учебников и задачников, изданных в Советском Союзе, оцифровано и доступно к использованию. Материал этих источников можно получить, например, в [10]. Эти учебные задачи должны служить не только для освоения курса физики в основной школе, но и для формирования элементов читательской, математической и естественнонаучной грамотности. Для этого студент – будущий учитель физики – должен уметь «препарировать» условие задачи и вычленять в нём те компоненты, которые помогут ему в достижении этих целей. Например: как ученики будут анализировать условие задачи, чтобы формировались компоненты читательской грамотности; как проводить математические преобразования и вычисления, обращаясь к математической грамотности школьников; как проверять физическую осмысленность полученного ответа, как анализировать его размерность и поведение в предельных случаях, чтобы способствовать развитию естественнонаучной грамотности и так далее. Безусловно, при подобной манипуляции с условием задачи студентам придётся самим совершенствоваться как читательскую, математическую и естественнонаучную грамотность, так и свои методические компетенции.

Цивилизация 21 века требует от человека синтетических знаний и умений и так называемых «софт скиллс» («soft skills»); в международном исследовании PISA они обозначаются как разные виды грамотности. С нашей точки зрения, не следует делать из результатов PISA фетиш, но процессы глобализации требуют и от нашей системы образования учитывать международные тенденции и стандарты в подготовке будущих школьных учителей. Это можно сделать в рамках действующих нормативно-правовых документов, описывающих требования к содержанию, структуре и результатам образования, и существующих учебных курсов и модулей в педагогическом вузе.

Литература

1. Глебов Г.И., Милаева О.В. Современные международные отношения: учебное пособие. Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с.
2. PIRLS (Международное исследование качества чтения и понимания текста) // Федеральный институт оценки качества образования: официальный сайт. 2018-2022. URL: <https://fioco.ru/pirls> (дата обращения: 14.01.2022)
3. TIMSS (Международное исследование качества математического и естественно-научного образования) // Федеральный институт оценки качества образования: официальный сайт. 2018-2022. URL: <https://fioco.ru/timss> (дата обращения: 14.01.2022)
4. Schleider A. PISA 2018: Insights and Interpretations // Organisation for Economic Co-operation and Development: официальный сайт. 2022. URL: <https://www.oecd.org/pisa/PISAInsightsandInterpretationsFINALPDF.pdf> (дата обращения 14.01.2022)
5. Sjøberg S. The power and paradoxes of PISA: Should Inquiry-Based Science Education be sacrificed to climb on the rankings? // Nordic Studies in Science Education, 2018. 14 (2). P.186–202.
6. Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России: официальный сайт. 7 мая 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения 17.01.2022)
7. ФГОС Основное общее образование. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 N 1897 (ред. от 11.12.2020) // ФГОС: официальный сайт. 2021. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 18.01.2022)
8. Одинцова Н.И., Яковец Е.Е. Математические затруднения школьников при изучении физики и пути их преодоления // Физика в школе. 2007, № 3. С. 22–29.
9. Демоверсии, спецификации, кодификаторы. Основной государственный экзамен по физике // ФИПИ: официальный сайт. 2021. URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!tab/173801626-3> (дата обращения: 18.01.2022)
10. Библиотека старых советских учебников по Физике // Советское время: сайт. 2021. URL: <https://sovietime.ru/fizika> (дата обращения: 19.01.2022)

References

1. Glebov G.I., Milaeva O.V. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya: uchebnoe posobie. Penza: Izd. Penz. gos. un-ta, 2010. 98 s.
2. PIRLS (Mezhdunarodnoe issledovanie kachestva chteniya i ponimaniya teksta). Federal'nyj institut ocenki kachestva obrazovaniya: oficial'nyj sajt. 2018-2022. URL: <https://fioco.ru/pirls> (data obrashcheniya: 14.01.2022)
3. TIMSS (Mezhdunarodnoe issledovanie kachestva matematicheskogo i estestvenno-nauchnogo obrazovaniya). Federal'nyj institut ocenki kachestva obrazovaniya: oficial'nyj sajt. 2018-2022. URL: <https://fioco.ru/timss> (data obrashcheniya: 14.01.2022)
4. Schleider A. PISA 2018: Insights and Interpretations. Organisation for Economic Cooperation and Development: oficial'nyj sajt. 2022. URL: <https://www.oecd.org/pisa/PISAInsightsandInterpretationsFINALPDF.pdf> (data obrashcheniya 14.01.2022)
5. Sjøberg S. The power and paradoxes of PISA: Should Inquiry-Based Science Education be sacrificed to climb on the rankings? Nordic Studies in Science Education, 2018. 14 (2). P.186–202.
6. Prezident podpisal Ukaz «O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda». Prezident Rossii: oficial'nyj sajt. 7 maya 2018 goda. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (data obrashcheniya 17.01.2022)
7. FGOS Osnovnoe obshchee obrazovanie. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.12.2010 N 1897 (red. ot 11.12.2020). FGOS: oficial'nyj sajt. 2021. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (data obrashcheniya: 18.01.2022)
8. Odincova N.I., YAkovec E.E. Matematicheskie zatrudneniya shkol'nikov pri izuchenii fiziki i puti ih preodoleniya. Fizika v shkole. 2007, № 3. S. 22–29.
9. Demoversii, specifikacii, kodifikatory. Osnovnoj gosudarstvennyj ekzamen po fizike. FIPI: oficial'nyj sajt. 2021. URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!tab/173801626-3> (data obrashcheniya: 18.01.2022)
10. Biblioteka staryh sovetskih uchebnikov po Fizike. Sovetskoe vremya: sajt. 2021. URL: <https://sovietime.ru/fizika> (data obrashcheniya: 19.01.2022)

PISA RESULTS AND TRAINING OF A FUTURE SCHOOL PHYSICS TEACHER

*Lukyanova A.V., Candidate of Physical
and Mathematical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky*

Abstract: PISA sets an international standard for the quality of education, assessing the reading, mathematical and natural science literacy of 15-year-olds. Our country shows average results according to this study (the third and fourth dozen out of 70-80 countries), and the president of the country has set a goal to enter the top ten in the world according to the results of general education by 2024. This paper examines the relationship between the requirements for educational outcomes according to the federal state educational standard of the basic general education and the criteria of reading, mathematical and natural science literacy used in the PISA study. In addition, the requirements for the basic state examination in physics are taken into account. Based on this comparison, changes are proposed that should be made to the training of a future physics teacher in order to achieve the goal set by the country's leadership. School physics is a subject that allows you to form all types of literacy tested by PISA. The discipline "methods of teaching and upbringing in the field of physics" should be supplemented with new topics related to both setting goals in teaching physics and methods and techniques for solving various problems. Special attention should be paid to the use of the richest arsenal of "old" textbooks and problem books in physics in the perspective of the formation of reading, mathematical and natural science literacy.

Keywords: basic education, physics, teacher, PISA, reading, maths, natural science literacy

И.Я. ГЕРД: КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕДАГОГА

*Перекрестова С.В., библиотекарь,
Библиотека Российской академии наук*

Аннотация: статья посвящена трудам российского педагога И.Я. Герда, выходявшим преимущественно в 1860-х – 1910-х гг. И.Я. Герд настаивал на необходимости разностороннего, комплексного развития детей, то есть на дополнении учебных занятий спортивными, а также, с другой стороны, занятиями ручным преобразовательным трудом. Перу И.Я. Герда принадлежит немало теоретических работ по вопросам организации занятий гимнастикой, спортивных и других подвижных игр, занятий ручным трудом, а также критическому осмыслению зарубежного опыта и возможности его применения на российской почве. Эти статьи использованы для того, чтобы составить представление о воззрениях И.Я. Герда на эти вопросы. Однако в центре внимания находятся его более крупные практические работы, а именно, сборники детских игр и других занятий, «работ и ремесел», для проведения детского досуга, пособия по спортивным занятиям. Анализируется как теоретическая составляющая каждого такого сборника, так основной их материал: перечень конкретных игр, занятий и пр., причины их выбора, манера изложения и логика выстраивания и подачи материала, эволюция каждого сборника по мере его переизданий.

Ключевые слова: И.Я. Герд, детская книга, российская педагогика, детские игры, сборники детских игр, уроки физкультуры, уроки трудов, спортивные игры, хобби

И.Я. Герд (1839-1914) был потомственным педагогом или, лучше сказать, практически стоял у истоков своей педагогической «династии». Его отец британский поданный Дж. Херд (в России – Я.И. Герд) прибыл в Россию для открытия там училищ по Белл-Ланкастерской системе в 1817 г. в пору, когда положенные в основу этой системы идеи набирали в нашей стране популярность, во всяком случае, привлекали специальный интерес властей. Он открыл несколько таких училищ и стал директором одного из них. Я.И. Герд оставался в России даже после того, как школы Белл-Ланкастерской системы перестали пользоваться активной государственной поддержкой, женился. В семье родилось 5 детей, 3 из них стали педагогами. Методы идеи перестали пользоваться активной государственной поддержкой, но И.Я. Герд так и остался в России, там же и женился. В семье родилось пятеро детей, из них трое – В.Я. Герд, И.Я. Герд и А.Я. Герд – стали педагогами. В.Я. Герд вернулся в Англию и занимался педагогической деятельностью там. А.Я. Герд в разное время преподавал в мужских и женских гимназиях, на Высших женских (Бестужевских) курсах, вел занятия в императорской семье и даже руководил колонией для малолетних преступников.

И.Я. Герд большую часть своей карьеры провел в военных учебных заведениях. Начав было службу в сфере межевания земель, он быстро перешел, уже в качестве педагога, в организованную братом, А.Я. Гердом, бесплатную Василеостровскую школу. После этого он служил воспитателем и преподавателем математики и географии в Нижегородской военной гимназии, по возвращении в Санкт-Петербург преподавал в Первой и Второй военной гимназиях. В 1878 г. он занял посты воспитателя и помощника директора Учительской семинарии Военного министерства в Москве, по-

сле преподавал в Первом московском кадетском корпусе. Дважды, в 1876 и 1893 гг. по направлению от Педагогического музея военно-учебных заведений он отправлялся в продолжительные командировки в США для представления на Всемирных выставках российской экспозиции в отделе народного образования. В 1899 г., уже после выхода в отставку 1896 г., он возглавил тамбовский Земский сиротский приют. В 1906 г. вернулся в Санкт-Петербург, но и там не оставлял активной педагогической деятельности, руководил местным отделением общества физического воспитания «Богатырь», вел при нем курсы гимнастики для народных учителей [1, с. 13-33; 2, с. 7-11].

И.Я. Герд оставил ряд теоретических и практических работ, посвященных детскому досугу и физическому развитию, особенностям воспитания в России и за рубежом. Обращаясь и к его помещенным в периодических и прочих изданиях (прежде всего – в издававшемся Главном управлении военно-учебных заведений «Педагогическом сборнике»), мы сосредоточимся на опубликованных им полноценных сборниках. Мы разделили их на те, что посвящались детским играм, занятиям ручным трудом в свободное время и в рамках школьных занятий (на «уроках технологии», как мы бы назвали это сейчас), организации занятий спортом и гимнастикой («уроки физкультуры»). Представленный спектр тем в полной мере отразил основные интересы И.Я. Герда, определявшие особенности его педагогической деятельности. Уже во время преподавания в первой своей военной гимназии, Нижегородской, он принимал активное участие в играх воспитанников и проявлял изобретательность в их организации. Интерес к организации детского досуга он демонстрировал и далее, увлекая подопечных играми, тематическими вечерами и пр. Параллельно он старался заин-

тересовать их ручным трудом. Очевидно было и его желание увлечь детей спортом [2, с. 8-11].

Само собой, И.Я. Герд не был противником обучения детей в школе и целенаправленного прохождения ими школьной программы. Однако он настаивал на том, что в России детей «заучивали». В Европе, впрочем, тоже за исключением разве что Великобритании, где дети активно привлекались к участию в командных спортивных играх. Импонировал же И.Я. Герду опыт США. По его наблюдениям, там мало того, что тоже уделяли особое внимание спортивным играм и правильно организованной гимнастике, но и рационально и при этом гуманно подходили к организации учебного процесса. Последний заставлял детей не столько усваивать как можно большее количество фактов, а развивать в себе полезные в жизни качества: самостоятельность, умение мыслить логически, кратко и точно выражать свои мысли и т. д. Что же до России, то совершенствование учебного процесса, по мысли И.Я. Герда, должно было состоять не в постоянном усложнении школьной программы и повышении требований к детям, а в разумной его организации, чередовании работы, то есть учебы, с отдыхом, причем таким, который бы способствовал физическому развитию детей и укреплению их здоровья. Речь шла о гимнастике и играх, в особенности командных спортивных играх и публичных состязаниях в них [3, с. 525-528; 4, с. 317-322, 328-330; 5, с. 21-22, 33-35]. Отсутствие внимания к этой проблеме и чрезмерная длительность учебных занятий в российских школах вели, по суровому замечанию И.Я. Герда, к тому, что из школ этих выходили люди не подготовленные к реальной жизни, вялые, безынициативные, слабохарактерные и не особо смелые, не умеющие бороться с жизненными трудностями «апатичные молодые старики, не умеющие шага ступить без опеки» [6, с. 353-355], болезненные (это уже – везде в Европе кроме Великобритании)[4, с. 317]. Что же до самого процесса обучения, то И.Я. Герд призывал к установлению индивидуального подхода, то есть к варьированию сложности и общего объема курса для конкретных учеников, а также реальным усилиям по развитию в детях инициативности, самостоятельности и других полезных в жизни качеств [7, с. 448-455; 8, с. 27-30]. Постоянно приписывая эти полезные «находки» в сфере школьного обучения американской системе образования, И.Я. Герд противопоставлял ее даже не столько российской, просто неудовлетворительной, сколько немецкой. В противовес американской открытости, манере обращения с детьми и в школах, и в семьях как с равными, отказу как от излишней снисходительности, так и от запугивания, искренности и пр., в немец-

ких школах демонстрировалась холодность и отчужденность между учителями и учениками, «чиновничий» взгляд первых на детей и обезличивание и «заученность» последних, в конечном итоге – излишний формализм всей системы немецкого образования [5, с. 6-8, 38-39; 6, с. 347-348; 9, с. 1-2]. Каждая из нарисованных И.Я. Гердом картин была, конечно, утрирована, но они дают нам представление о том, какие конкретно идеалы стояли перед педагогом и исправлению какой ситуации в российской манере воспитания и обучения он хотел способствовать своими книгами.

Игры

«Сборник игр и полезных занятий для детей всех возрастов» вышел в 1873 г. После этого он переиздавался 6 раз. Вплоть до 5 издания книга выходила при жизни и по инициативе самого И.Я. Герда, 6 издание появилось уже в советское время усилиями его дочери Ю.И. Герд и содержало следы ее правки, 7 издание вышло без изменений и новых предисловий.

И.Я. Герд адресовал свою книгу и детям, и взрослым. В принципе, практически каждый сборник детских игр мог использоваться и самими детьми для самостоятельных занятий, и взрослыми – родителями, воспитателями, учителями – желавшими взять организацию детского досуга в свои руки. Однако И.Я. Герд сознательно выделял в своем сборнике взрослую и детскую части. Первая представляла собой переходившую из издания в издание без изменений обширную вводную статью, вторая – описание и объяснение правил самих игр и занятий. В самом же начале книги, конечно, помещалось предисловие. В переизданиях такие предисловия посвящались изменениям, внесенным в «Сборник...». В предисловии к первому изданию перечислялись задачи, которые ставил перед собой и своим сборником автор, и принципы организации и изложения собранного им материала. Он преподносил материал по определенной системе, ранжировав и объяснив его так, чтобы игры служили действенным инструментом укрепления детских организмов и развития у детей определенных физических и моральных качеств. Автор, уверенный в большом педагогическом значении игр, критически относился к ситуации, в которой пребывало «поле» отечественных пособий в этой области. Он намеревался привить родителям и воспитателям (как и детям, конечно) интерес к играм и сделать их более доступными путем издания собственного достаточно объемного сборника, составленного по материалам не только немногочисленных отечественных «предшественников», но и его зарубежных аналогов и наработок и наблюдений за российскими и зарубежными реалиями самого И.Я. Герда.

В первой части книги И.Я. Герд раскрывал важность своевременного и грамотного привлечения детей к играм и использования тех возможностей, которые при этом открывались. Во-первых, родители должны усвоить идею о необходимости заниматься воспитанием и развитием ребенка с самых первых лет его жизни. Во-вторых, им нужно понять, что игры должны использоваться в этом самым активным образом. На них нужно смотреть не как на бесполезный пустяк, а как на «науку и забаву, дело и развлечение, работу и отдых», как на «посильный труд», к которому дети относятся серьезно, как на первую сферу, в которой дети проявляют свои «телесные и духовные силы». Короче говоря, родители должны не подавлять или игнорировать, а использовать и направлять, с помощью игр, детскую жажду деятельности так, чтобы дети развивали в себе полезные способности и качества. Одновременно с тем участие в играх приносит пользу и родителям, поскольку позволяет им сблизиться с собственными детьми.

Объяснив таким образом пользу своего предмета, И.Я. Герд переходил к принципам выбора или изготовления игрушек и подбора игр. Игрушка должна быть такой, чтобы ребенок мог с ней взаимодействовать, что-то с ее помощью познавать и развивать, а не просто любоваться на нее, игра должна быть ребенку по силам, и т.д. После этих пояснений следовали пространные наблюдения над развитием детей с самого их рождения и рекомендации по выбору для них тех предметов и занятий, которые помогали бы малышам развивать их природные способности. Малыш начинает познавать мир путем наблюдения, он подмечает ощущения, различные при воздействии разных факторов, видит подобие и различия и т. д. Родители должны начать, соответственно, с помощи своим малышам в развитии их органов чувств, без правильного «использования» которых они не смогут разобраться со своими впечатлениями, а также внимательности. Разбираясь с тем, с передачи детям каких игрушек, в этой ситуации, нужно начать, И.Я. Герд шел вслед за Ф. Фребелем и его концепцией «даров». Соответственно, начинать он предлагал с маленького мягкого мячика, подвешиваемого над кроватью на веревочке. Его можно трогать и он поместится в детской ручонке, его можно качать и так подмечать изменения расстояний, хватать его и тем укреплять и развивать мышцы и т.д., не говоря уже о том, что этот полезный предмет прост по своей форме и по взаимодействию с ним. И.Я. Герд одобрял и идеи Ф. Фребеля о последующих «дарах», но он вовсе не сводил свои рекомендации к пересказу фребелевских работ. Напротив, он осуждал в принципе его

не устраивавший во всей немецкой системе воспитания и образования излишний, как он считал, формализм – в то время как сам И.Я. Герд и здесь, и в других работах выступал за предоставление детям большей самостоятельности и за отказ от излишнего формализма в их обучении, воспитании и тем более организации их досуга. Сам он далее излагал свое отношение к распространенным в России и не только популярным игрушкам, Ф. Фребелем не охваченным, таким как погремушки, кольца (чтобы грызть), тележка или игрушка на веревочке (чтобы ребенок учился ходить и забывал при этом о естественном страхе упасть и удариться), и т.д. И.Я. Герд призывал разграничивать соображения о пользе игрушек и игр для детей и взрослые опасения за порядок в доме, опрятность детей и т.п. (К примеру: неприятно менять ребенку одежду по несколько раз на дню и постоянно бегать с тряпкой, и потому многие родители не показывают детям игр с водой и песком (когда дети с помощью формочек и мокрого песка делают «пирожки» и прочие полезные вещи) или не разрешают их – но они полезны как раз в виду необходимости помнить об осторожности и опрятности с одной стороны, и, с другой стороны, действительно нравятся маленьким детям. Нужно спокойно относиться к тому, что дети ломают игрушки. Не поощрять это, конечно, но понимать, что они так проявляют любознательность – и т.д.) Дальнейшие рекомендации и рассуждения И.Я. Герда, помещенные во взрослой части сборника, мы здесь рассматривать не будем. Отметим только, что он затронул еще немало вопросов, остающихся актуальными и сейчас [10, с. 5-57].

Посмотрим наконец на то, какие игры и занятия предлагал И.Я. Герд. По большей части группы, в которые он сводил игры по принципу использовавшихся снарядов или других ключевых особенностей, были для сборников детских игр традиционны. Это игры с мячом, камешками и шариками, палками и деревяшками, жгутами и т. д., несколько разделов подвижных игр (включая уникальную все-таки группу спортивных игр (атлетических, по И.Я. Герду), игры в помещении («домашние»), фокусы и краткое описание занятий. Несмотря на наличие обращенной к взрослым теоретической первой части книги – а может, отчасти как раз поэтому, игровая ее часть была написана так, чтобы ей могли пользоваться сами дети, материал подавался подробно и доходчиво, рекомендации давались на все возможные случаи и стадии игр, включая их подготовку, в том числе изготовление необходимых предметов (тех же мячей). Интересно, что принцип постепенного нарастания сложности проводился даже во введениях к разделам. Все подготовительные шаги и простей-

шие способы взаимодействия с тем или иным предметом (вроде подбрасывания мяча, которое в сборнике 1844 г., на который И.Я. Герд, помимо прочего, опирался, предлагалось в качестве полноценной игры [11, с. IV; 10, с. 1]) И.Я. Герд сводил в единую систему развития в ребенке умений, которые могли ему понадобиться для достижения успеха в играх того или иного раздела. Надо сказать, игр предлагалось не так много. К примеру, в разделе про мяч было перечислено только 10 вариантов (в сборнике 1844 г. – более 15 [11, с. IV]). В некоторых случаях причиной тому была не избирательность автора, а другой подход к группировке материала (к примеру, лапта у него оказалась в разделе атлетических игр, который в других книгах не выделялся). Автор старался описывать те игры, начать которые без знания правил было бы проблематично, и не выделял в специальные параграфы занятия типа бега наперегонки. Кроме того, в некоторых случаях И.Я. Гердом предлагалось то, чего не было в книгах его коллег (как, впрочем, и наоборот). Стоит отметить большое количество не требующих большого движения комнатных занятий, которые И.Я. Герд выделял в самостоятельный раздел «домашних игр». Сюда он свел как шахматы, шашки и другие подобные игры, так и игры словесные, а также, конечно, фанты. Не все из представленного в этом разделе на самом деле является играми в прямом смысле этого слова: есть там рекомендации по изготовлению масок и костюмов, постановке на «домашней сцене» басен и сказок и демонстрации живых картин, демонстрации на стенах сложных теней и использования их во всех тех же театральные постановках и т.д. [10, с. VII, 204-253].

От излишней конкретики «домашнего» раздела И.Я. Герд со временем ушел, исключив слишком слабые, на его взгляд, тексты «пьески» и другие примеры театральные занятия, но оставив все рекомендации общего характера [12, с. I 1-й паг.]. Однако перечень собственно игр пополнялся с каждым переизданием сборника. В основном это касалось подвижных игр, особенно спортивных, к которым И.Я. Герд проявлял особенный интерес. Важно, что сборник пополнялся в результате не только отыскания автором каких-то пропущенных им при изучении аналогичных чужих изданий игр, но и его стремления реагировать на происходившие вокруг перемены и объяснять правила игр, набиравших популярность на глазах (отсюда появление в переизданиях начала XX в. сложных командных спортивных игр типа большого тенниса, футбола и баскетбола). Способствовала этому и перемена обстановки, в которой переиздавался «Сборник игр...». Сам И.Я. Герд с удовлетворением отмечал, что к началу XX в. большое педагоги-

ческое и оздоровительное значение игр перестало выглядеть в глазах публики и властей неким сомнительным откровением. Учебные заведения проявляли устойчивый интерес к планомерному физическому развитию подопечных (кстати говоря, в 5 издании сборника появилась пометка о том, что все издания «Сборники игр...» были одобрены «для всех учебных заведений»). В стране постепенно открывались специальные игровые площадки и пространства, на которых можно было организовать командные спортивные, «настоящие» игры [12, с. II 3-й паг.; 13, с. II 1-й паг., III-IV 2-1 паг.; 14, с. II 3-й паг.]. В конце концов, и сам И.Я. Герд вносил вклад в эти похвальные перемены, руководя отделением спортивного общества «Богатырь», как раз и занимавшегося открытием спортивных залов и площадок и другими мерами по популяризации спорта, включая командные игры, среди детей и молодежи. Что же до самого игрового сборника И.Я. Герда, то мобильность и старание идти в ногу со временем стали его отличительными чертами, наряду с научным подходом, специальным вниманием к спортивным играм и включением в книгу неигровых занятий.

Занятия нечасто включались в игровые сборники. В тех случаях, когда это происходило, подход автора к их выбору становился одной из особенностей каждой такой книги. И.Я. Герд предлагал детям всех возрастов занятия в полном соответствии со своими интересами и педагогическими воззрениями. Первоначально неигровые занятия, выделенные в самостоятельные разделы, включали в себя фокусы, занятия по естественной истории (сбориание растений и насекомых, устройство аквариумов и пр., уход за домашними животными) и собственно занятия. Последние представляли собой некое «ассорти» из всего, что И.Я. Герд предложил в других своих книгах, предшествовавших первому изданию «Сборника игр...» (с другой стороны, некоторые «наметки» впервые появились именно в нем, а подробно были расписаны уже в других, поздних неигровых книгах). Вот какие занятия имеются в виду: гимнастика, плавание, изготовление поделок из бумаги посредством склеивания (клейке из бумаги посвящался первый томик первой книжки И.Я. Герда о полезных детских занятиях), формовка из гипса и пара более сложных поделок, мало связанных между собой (в поздней серии книг о занятиях для детей разных возрастов они будут вписаны в разделы о научных опытах). Все это оставалось и в последующих изданиях, но занятия естественной историей утратили, так сказать, свой самостоятельный статус и были объединены с фокусами, перечень работ пополнился другими «находками» из посвященных им специальных книг И.Я. Герда

(появился даже уникальный, не отраженный в последних параграф о росписи по фарфору), перечень занятий для активного отдыха пополнился катанием на коньках и играх на льду (тоже первоначально раскрытых в отдельной книжке). Интересно, что занятия, знакомившие детей с природой, быстро перестали сводиться к созерцательным увлечениям вроде коллекционирования, но тоже развились в сторону «полезных» занятий ручным трудом – в книге появились параграфы о садоводстве и огородничестве [10, с. VII-VIII; 12, с. III 3-й паг.].

Ручной труд

Хронологически первой «работой и забавой», «посильным трудом» детей, к которому они, при всем его развлекательном характере – как И.Я. Герд характеризовал игры – предложенной им детям, были все-таки не игры, а занятия. В 1866–1870 гг. вышло три таких книжки, ориентированных на детей школьного возраста. Они посвящались клейке из бумаги, поделкам из листьев и строительству из кирпичиков. (Речь шла не столько о серии, сколько о разделении пособий по не связанным друг с другом увлечениям, чтобы удешевить и дать покупателям возможность приобрести книжку по интересующей их конкретной теме). В этих книжках И.Я. Герд тоже настаивал на высоком педагогическом значении своего предмета, причем проводил эту мысль более настойчиво, чем в сборнике игр, и выводил ее на первый план. Так, в предисловии к книжке по клейке моделей из бумаги очень много говорилось о том, что такое увлечение должно внушить детям интерес к геометрии, а также развить в них необходимые в этой области знания пространственное мышление, навыки черчения, аккуратность и пр [15, с. 1-9]. Строительство из кирпичиков должно было углубить эти навыки и умения, к тому же приучив детей работать с чертежами и планами и вынудив их, для успеха задуманного дела, научиться вычислять различные геометрические параметры [16, с. 3-14]. Надо сказать, что строившиеся И.Я. Гердом планы по занятию детского досуга такими полезными вещами простирались куда дальше демонстрации им элементарных навыков сгибания и склеивания или выстраивания игрушечных нереалистичных башенок из детских кубиков. Склеивать предлагалось модели достаточно полезных в детском хозяйстве предметов: игральные кости, чернильниц, голубятен и пр. В конце книги помещалось несколько вклеек с силуэтами нужных моделей, пригодных для копирования и вырезания. Однако текстовая часть книги не сводилась к предложению их вырезать, там подробно разъяснялся порядок самоличного создания ребенком того или иного нужного чертежа (с помощью це-

лого ряд, причем и рекомендации эти, и сами модели давались в книге по мере возрастания их сложности (тот же подход И.Я. Герд использовал и в других своих досуговых книгах) [15]. В книжке про строительство из кирпичиков и вовсе предлагалось детально продумать план будущей комнаты, обзавестись приборами для замера строительных материалов и, так сказать, масштабов поля для деятельности и т.д., а далее возводить архитектурные элементы и предметы интерьера в порядке возрастания сложности их выполнения: стены, более сложные элементы, вроде арок и сводов, печей и каминов различных типов и пр.; чертежи в конце этой книжки также предлагались [16]. По отдельности или вместе, но эти книжицы не были сборником детских увлекательных занятий на любой вкус вроде гердовского же чуть более позднего сборника игр. Здесь описывались вполне конкретные отдельно взятые занятия, причем подчеркнута «полезные», призванные, согласно предисловию, избавить детей от губительной праздности чем-то таким, что одновременно составляло бы для них забаву, то есть не превращалось бы в и без того многочисленные занудные уроки, и одновременно принесло им несомненную пользу. В конце концов, эти книжки писались не для детей (в отличие от все того же игрового сборника, «взрослый» раздел которого был отделен от основного материала). Автор прямо обращался к учителям и воспитателям и описывал им заманчивые, с точки зрения обучения и развития их воспитанников, перспективы [15, с. 1-9; 16, с. 3-14].

С упором на геометрию или нет, но фактически ранний сборник «полезных занятий» И.Я. Герда представлял собой объяснение правил пары игр и изготовления поделок, одновременно подробное и, как нам кажется, усложненное. Вторая серия – или сборник таких книг – начала выходить в 1875 г., уже после первого издания «Сборника игр и полезных занятий» и имела куда больше связи как с этой работой и с научным подходом к ее составлению, так и с присущей автору установкой на привлечение детей к ручному, преобразовательному труду. Название уже предупреждает о раскрытии не отдельных «полезных занятий», а «работ и ремесел», вполне серьезных и устоявшихся, составлявших основу тех или иных профессий и вместе с тем действительно служивших хобби взрослым людям (детям, надо думать, в меньшей мере). Вышедшее в 1875 г. издание представляло собой все-таки не серию книг, а единый сборник с более или менее развернутыми описаниями следующих занятий: декалькомания, гальванопластика, выпиливание из дерева, создание изделий из перьев, искусственных цветов и пр., гипсовая формовка, переплетное дело, изготовление футля-

ров, столярное и токарное ремесла, организация физических опытов и изготовление необходимых приборов, фотография.

Предисловие, как всегда, предназначалось взрослым. В нем, в очередной раз апеллируя к зарубежному опыту и настаивая на том, что посильные работы были совершенно заслуженно включены в ряде европейских стран в учебный процесс, И.Я. Герд в системе возможных способов заполнения досуга воспитанников помещал их между чтением и играми. Навязывание детям чтения в свободные от и без того им заполненной учебы часы И.Я. Герд считал не только неразумным, но и вредным для их здоровья. Играм, их воздействию на развитие в детях коммуникативных и других навыков и на их общее физическое развитие он, как мы знаем, придавал большое значение. Однако поскольку игры не всегда были возможны по недостатку ли места или компании, свободное время воспитанников грозило остаться незаполненным, а этого, по словам И.Я. Герда, допустить было нельзя, поскольку в «праздном шатании» для детей не было решительно никакой пользы. Увлекая же их в этой ситуации грамотно подобранными и организованными работами и ремеслами, учителя и воспитатели, предупредив угрозу непродуктивного баловства или бессмысленных шатаний со скуки, могли способствовать развитию в воспитанниках целого ряда полезных физических (ловкость рук, глазомер и др.), психических и личностных (находчивость, аккуратность и настойчивость в труде и т.д.) качеств [17, с. 1-2; 18, с. 417-419]. Таким образом, работы и ремесла становились еще одним педагогическим инструментом, может быть даже более действенным в этом самом педагогическом смысле, чем игры. И.Я. Герд надеялся на то, что ручной труд, до сих пор бывший лишь факультативным, станет полноценной частью учебного процесса.

И.Я. Герд ссылаясь на заграничные примеры, но он и сам имел опыт организации работ и ремесел для своих воспитанников и потому мог выработать собственную систему занятий посильных, полезных и вместе с тем интересных детям. В книгу были включены только те занятия, которые он апробировал в работе со своими учениками, и описаны так, чтобы компенсировать обнаруженные им в ходе этой работы недостатки в разъяснении тех или занятий, подробно разобрать те вопросы, которые вызывали у детей затруднения [17, с. 3]. (Не стоит поэтому удивляться, что в своих теоретических работах он перечислял большее количество занятий, чем вошло в его сборники: там он также упоминает склеивание моделей из бумаги, изготовление украшений из кожи, рельефных карт (из глины) на картоне или досках и

другие более или менее сложные занятия вплоть до пиротехники [19, с. 633-643].) Кстати говоря, по этой причине именно в «Сборнике полезных работ и ремесел...» И.Я. Герд четко очертил свою целевую аудиторию (мальчиков), точнее говоря, признался, что в сборнике мало работ, подходящих девочкам. Причиной было не то, что он не верил в необходимость грамотного подхода и к их досугу, а особенности его педагогического опыта (работая в военных учебных заведениях, он не мог апробировать работы в женской аудитории, описывать же не проверенные им самим на практике занятия он не хотел).

Несмотря на обращенное к взрослым предисловие, сам сборник, составленный так, чтобы его можно было использовать в учебном процессе и в рамках домашнего воспитания, был предназначен детям, то есть писался так, чтобы дети могли осваивать ремесло посредством этой книги, а составленных по ней же объяснений учителя. Конечно, последний и сам должен был еще прежде своих воспитанников освоить материал книги и направлять процесс, следить за тем, чтобы ученики тщательно и последовательно выполняли все описанные автором стадии в овладении тем или иным ремеслом, чтобы доделывали свои изделия, не боялись трудностей и находили в себе силы переделывать неудавшиеся вещи, чтобы весь этот процесс, задумывавшийся в качестве варианта проведения досуга воспитанников, а не «трудовой повинности», приносил им удовольствие. И.Я. Герд не исключал того, что учитель захочет добавить что-то от себя, предложить изготовление не описанной в сборнике «вещицы», или дети сами захотят создать что-то свое. Такие инициативы должны были поощряться, но с тем, чтобы заранее продумывался план работы, оценивалась ее сложность и т. д., чтобы у детей получилось задуманное и их не оттолкнули бы сложности. Учитель должен помнить о том, что основной функцией организованных по методу И.Я. Герда занятий была воспитательная, а не практическая в смысле освоения учениками дополнительных профессий и их превращения в мастеров своего дела [17, с. 3-5, 9]. Утилитарный подход к школьным урокам ручного труда, практиковавшийся в некоторых странах, И.Я. Герд осуждал. Он выступал против намеренного усложнения ставившихся перед мальчиками задач (такого, например, как настояния на использовании ножа там, где можно спокойно обратиться к рубанку, выбору твердых пород дерева, сложных и не интересных детям предметов для изготовления и т.д.), очевидно не могшего привить им любви к ручному труду и отдельным занятиям и желания превратить их в свои хобби. Результатом искусственного усложнения

работы в мастерской, поэтому затянутой и не особо увлекательной, могло стать лишь ее превращение в продолжение сидения в классе, как раз от которого эти занятия должны детей отвлекать. В конце концов, искусственная замена приемов, выработанных практикой мастеров, дает ученикам ложное представление об особенностях изучаемых занятий [18, с. 419-421].

Вот как И.Я. Герд объяснял свой выбор занятий и порядка их изложения. Первое из занятий, декалькомания, а – самое простое, а потому увлечь ей как посильной работой можно только маленьких детей, в то время как для детей постарше умение переводить рисунки на различные поверхности может играть только вспомогательную функцию, позволяя украшать созданные ими изделия. Сложность следующих затем работ и количество развиваемых ими в детях навыков возрастает. Изготовление искусственных цветов, еще не очень сложное, уже требует и одновременно развивает аккуратность и, так сказать, чувство прекрасного. Вкуса – как и осторожности – требует и изготовление украшений из перьев. О предваряющем это занятие выпиливании из дерева такое сказать нельзя. Это скорее механические действия, хотя и позволяющие детям быстро получить симпатичный результат и не требующие от учителя поиска специальных больших помещений и оборудования. По этой причине как раз выпиливание из дерева было самым распространенным видом работ, преподававшихся в российских учебных. Проблема состояла в том, что эта работа, не развивая в детях каких-то особых навыков, могла принести вред их здоровью (нахождение человека в облаке мелкой пыли не может пойти на пользу его глазам и легким), так что И.Я. Герд, не имея возможности совершенно обойти вопрос выпиливания, призывал не увлекаться им и использовать такие занятия только для привития детям базовых умений в этой области, чтобы они могли с их помощью дополнять свои изделия, сделанные в ходе иных работ. Далее, как мы уже говорили, шли изделия из перьев. За ними следовали другие творческие занятия, тоже требовавшие и развивавшие аккуратность, фантазию и хороший вкус, в частности создание изделий из даров природы – веточек, камышей и пр. Эти работы также хороши, что практически не требуют затрат на материалы и пр. Остальные занятия из сборника сложнее и трудо- и материалозатратнее. Гипсовая формовка при этом довольно проста и полезна, поскольку приучает ко всей той же аккуратности и осторожности, а также терпению. Того же требует гальванопластика. Футлярное ремесло, требующее, помимо прочего, изготовления выкроек, требует уже вполне конкретных навыков, в частности черчения. Переплетное

дело требует достаточно серьезных затрат на приобретение материалов и оборудования, но обещает стать чрезвычайно продуктивным занятием, позволяющим ученикам создавать предметы, нужные для учебы (тетради) и чинить и переплетать книги. Что же до пользы для самих детей, то наибольшие симпатии И.Я. Герда лежали на стороне столярного дела, требующего умения чертить, аккуратно, тщательно, а также четких, твердых и сильных движений, безусловно благотворных и даже необходимых для проводивших все учебные часы в одной пользе школьников. Токарное дело производит аналогичный эффект, но должно предлагаться именно после столярного, чтобы дети смогли создавать «настоящие» достаточно сложные и разнообразные предметы. Полученные в ходе токарных работ знания позволяют переходить к следующим занятиям – к изготовлению физических приборов и моделей. В принципе, этот вид работ служит как бы квинтэссенцией всех остальных, по крайней мере 3 последних, а в плане воздействия на учеников отличается своим, так сказать, академическим потенциалом: создание и использование приборов и моделей должно развивает интерес к естественным наукам, учитель может это использовать для ознакомления детей с физическими законами в игровой форме. Наконец, фотография (включая обработку изображений) стоит несколько в стороне и не может стать универсальным предметом занятий для детей всех возрастов. Ее, как увлечение достаточно сложное, нужно предлагать только старшим ученикам [17, с. 5-9]. Не для всех занятий в сборнике И.Я. Герд прописывал рекомендуемый возраст учеников, но в более поздней теоретической работе разобрал и этот вопрос он уделил этому внимание в своей более поздней теоретической работе [18, с. 421-423].

Книга, таким образом, задумывалась как цельный, обладающий внутренней логикой сборник, предлагавший выработанную автором систему и несший определенную педагогическую нагрузку. Эта особенность была присуща и другим его досуговым книгам. Однако в первом опыте описания полезных работ середины 1860-х гг. еще было заметно чрезмерное увлечение не воспитательной, развивающей, а чисто обучающей, прикладной стороной дела, грозившее превратить детский досуг в дополнительные академично построенные, а не развлекательные уроки – как раз то, против чего сам И.Я. Герд предостерегал в предисловиях к более поздним сборникам. Во второй же развлекательно-педагогической работе, сборнике игр, большая часть педагогической нагрузки оказалась сосредоточенной в отделенной от детской первой, взрослой части книги, все-таки предназначенной и адресованной самим детям. «Сборник полезных

работ и ремесел» автор тоже хотел видеть в руках самих ребят и объяснения порядка овладения тем или иным мастерством писал для них. Однако поскольку речь шла не столько о хобби детей и подростков, сколько об организации их учителями внеклассных занятий, книга представляла собой любопытное сочетание методического руководства (учитель должен усвоить представление о логике предложенной И.Я. Гердом системы) и досугового, развлекательного сборника (учитель должен направлять процесс, но вообще-то отдельные части книги можно использовать как пособия для овладения каким-нибудь хобби). Неслучайно второе издание вышло в 1884 г. уже в форме не цельного сборника, 5 отдельных частей.

С одной стороны, сборник не только продавался частным лицам, но и был Ученым комитетом Министерства народного просвещения для библиотек учебных заведений и вообще встретил одобрение профессиональной публики. С другой стороны, его приобретение частными лицами оказалось удовольствием не таким уж и дешевым. Разделение книги на 5 частей И.Я. Герд объяснял именно желанием повесить его доступность. Интересующиеся конкретным занятием люди, не могшие себе позволить приобрести сборник образца 1875 г., могли теперь купить хотя бы нужную книжку [см. к примеру: 20, с. V-VII]. Конечно, тема «ремесленного» сборника и манера подачи материала – блоками, не дробящимися на более мелкие параграфы, как в «игровом» сборнике – позволяли делить его с меньшим ущербом для содержания, хотя авторская концепция при этом страдала. Каждую из книг второго издания «Сборника работ...» открывало одно и то же короткое предисловие, в котором описывалась реакция на первое издание книги и объяснялись причины произошедших с ней метаморфоз. От предисловия к первому изданию там осталось лишь вводный абзац, раскрывающий пользу заполнения досуга детей ручным трудом как таковым, и абзац завершающий, сообщавший, что с книгой должны работать сами дети. Практически для каждого из изданий «Сборника игр...» тоже писалось новое короткое предисловие, но за ним обязательно следовали все предыдущие, не говоря уже об обширной вводной статье. «Сборник работ и ремесел...» же во втором своем издании, разделенный на несколько частей, лишенный «программного» первого предисловия, стал больше походить пособия разных авторов по отдельным хобби, не вписанным в какие-либо педагогические построения. Неслучайно третье и последнее издание книги 1888 г. вернуло ей прежний вид цельного сборника, к тому же снабженного уже как новым кратким введением, так и первым, «программным». Кроме того,

там появились новое занятие – расписывание фарфора [21, с. V-XVI]. Тогда же оно появилось в очередном издании «Сборника игр...», содержащем, кроме того, параграфы о гальванопластике, гипсовой формовке и изготовлении нескольких предметов из «естественнонаучной» части «Сборника работ и ремесел...», а также простые вещи типа вырезания из картона и занятия, не связанные с ручным преобразовательным трудом [12, с. III]. Именно на «игровую» книгу И.Я. Герд ссылался в предисловии к третьему изданию «ремесленной», отвечая на замечания тех критиков, которых не устроило отсутствие в ней занятий для маленьких детей [21, с. VII].

Спорт

Первое руководство по спортивным занятиям И.Я. Герд опубликовал в 1884 г., между вторым и третьим изданиями «Сборника игр...» и одновременно со вторым изданием «Сборника работ и ремесел...». Это были «Атлетические игры для войск, военных и юнкерских училищ и старших классов корпусов». Тогда же вышло пособие по играм на льду и катанию на коньках, вскоре полностью включенное в очередное переиздание игрового сборника. В предисловии к «Атлетическим играм...» И.Я. Герд в очередной раз апеллировал к зарубежному, в частности к английскому и американскому опыту. Книга была ориентирована на солдат (она могла использоваться и в военных учебных заведениях (причем И.Я. Герд надеялся, что их воспитанники, выросшие на таких играх, будут настойчивее вводить их среди своих солдат, когда станут офицерами – почему мы и включили этот сборник в наш обзор посвященных работе с детьми книг И.Я. Герда). По структуре книга напоминала «Сборник игр...», хотя и сильно упрощенный: после предисловия, никому конкретно не адресованного, но призывавшего повысить внимание офицеров к организации состязательных игр для солдат, шло краткое изложение правил небольшого количества подвижных игр. Предисловие было краткое и почти не содержало педагогических построений (речь, в конце концов, шла скорее о взрослых). Среди игр было мало оригинального по отношению к гердовской же детской игровой книге. 14 из 22 игр было им уже описано там, как и изготовление мяча в домашних условиях; одна из впервые появившихся в «солдатском» сборнике игра, правда, была уже после того включена в очередное издание сборника детских игр. Несмотря на название новой книги, далеко не все из перенесенных в нее из ее детского сборника были в нем отнесены самим И.Я. Гердом к играм собственно атлетическим – были там и игры с палками и деревяшками, и игры со жгутами. Тексты соответствующих параграфов были

перенесены в «Атлетические игры...» либо полностью, либо с небольшими сокращениями, но не перефразировались и не содержали иллюстраций. Ни в какие группы по используемым снарядам или другим особенностям игры не сводились. Сборник, таким образом, получился довольно простым. Впрочем, даже в таком виде он мог представлять собой ценность уже хотя бы тем, что привлекал внимание к организации досуга социальной и возрастной группы, пользовавшейся в этом смысле куда меньшим вниманием, чем дети как целевая аудитория педагогов и других специалистов, издававших детские игровые сборники. В конце концов, вряд ли, озабоченные досугом солдаты офицеры стали бы целенаправленно искать материал в таких не подходящих их подопечным по возрасту изданиях.

К названию второго издания сборника, вышедшего гораздо позже, в 1910 г., добавилось специальное указание на неигровую его часть. Книга теперь называлась «Легкая атлетика и атлетические игры в войсках...». Таким образом И.Я. Герд старался, как и в детском своем сборнике, идти в ногу со временем, демонстрировавшим усиление внимания к специальной спортивной подготовке в войсках, в том числе в спортивно-игровой форме, а также обновлять свои сведения и рекомендации новой информацией, подчерпнутой им из современной зарубежной литературы и собственной практики. Объем книги практически не изменился. Изменилось ее качество. Предисловие первого издания, объясняющее пользу организации игр для войск, осталось прежним. Далее следовал раздел, посвященный легкой атлетике. После краткого объяснения пользы легкой атлетике И.Я. Герд излагал особенности тех или иных упражнений в порядке возрастания их сложности, давал рекомендации по подготовке к ним, использованию снарядов и т.д. Прикладывались чертежи с объяснениями правильных поз. Упражнений достаточно много, автор начинал с вольных упражнений, переходил к бегу, прыжкам в длину, в высоту, с шестом, описывал метание диска и копья, стрельбу из лука и т.д., фактически предлагая привлекать солдат к занятиям различными видами спорта. В какой-то момент описание упражнений сменялось объяснением правил игр. Игры из первого издания вошли во второе. Их порядок был изменен, в некоторых случаях и здесь к тесту стали прилагаться чертежи. Добавилась пара игр, в том числе футбол. В определенной степени этот «взрослый» сборник эволюционировал в том же направлении, что и «детский»: И.Я. Герд старался расширять его материал в том числе за счет тех игр, что набирали популярность у него на глазах.

В том же 1910 г. вышло специальное руководство по организации в школах занятий гимнастики. Основной целью, которую И.Я. Герд перед ним ставил, было не механическое перечисление как можно большего количества упражнений. Во всех своих сборниках он старался привлечь внимание родителей и педагогов к разбираемому предмету – занятиям, играм и пр. – внушить серьезное отношение к нему и мысль о том, что при сознательном отношении к его организации оно принесет вполне конкретную пользу детям. Руководство по гимнастике не стало исключением, уже в заголовке звучало указание на «рациональную» «педагогическую гимнастику». Книга должна была помочь любому, даже молодому и неопытному учителю провести урок гимнастики «сознательно, с пониманием дела». В этом должны были дополняющие детальные объяснения иллюстрации, описание не только полезных в целом, но и корректирующих упражнений с указанием конкретных «ненормальностей», в исправлении которых они должны помочь, примерные планы уроков и пр. Прежде чем перейти к описанию конкретных упражнений, И.Я. Герд, по своему обыкновению, разобрал теоретическую составляющую своего предмета, посвятив отдельные главы значению физических упражнений и игр, необходимым при рациональной организации занятий физкультурой сведениям по анатомии и физиологии, распространенным системам физических упражнений, антропометрии, теоретической подготовке учителей гимнастики и их подготовке к организации самих уроков. Что до упражнений, то они были собраны в определенные группы. Здесь это были порядковые (синхронные, единым строем: распределение по двум шеренгам, в том числе на ходу, образование фигур – с объяснением таких важных моментов, как расчет, реакция на команды, повороты и др.), вольные (движения головой, сгибание и разгибание рук, повороты туловища и пр.), ходьба, бег и прыжки, упражнения с палками, гантелями, булавами, лазанье (по лестнице, канату, вертикальному брусу), балансировка (ходьба по брусу, в том числе с препятствиями), отлаженная система шведской гимнастики (качание прессы, подъем и вращение ног и пр.). Далее помещались рекомендации по подбору упражнений для исправления проблем с пищеварением, сутулостью и т.д. В вышедшем через 5 лет, в 1915 г. переиздании книги практически не было изменений, но описание шведской системы упражнений, для выполнения которых И.Я. Гердом ранее рекомендовались скамейка и шведская стенка, дополнились бумом и рекомендациями по его изготовлению. Объяснялось это тем, что И.Я. Герд, по его словам, получил много отзывов и вопросов от пользо-

вавшихся его книгой педагогов и хотел облегчить работу учителей деревенских школ, просивших совета в изготовлении простого, дешевого, но полезного гимнастического снаряда.

И.Я. Герд в своих работах поднимал широкий круг вопросов полноценного, комплексного развития детей в семьях и в школе, их физического развития, психического здоровья, воспитания и т.д. Безусловно, эти вопросы поднимали и другие педагоги и до, и после него. Сборники детских и не только игр и занятий, конечно, тоже выходили не только из-под его пера. Важно то, что И.Я. Герд, заботясь о том, чтобы его книги были интересны детям, использовал сборники для донесения своих идей до широкой публики, не только профессиональной, но и обывательской, которой и предстояло на самом деле воплощать их в жизнь. С другой стороны, этими же сборниками И.Я. Герд предлагал реальные пути воплощения этих идей на практике. Вместе с тем, эти книги содержали в себе разнообразные и постоянно обновлявшиеся материалы, открывавшие перед детьми способы развлечь себя (с пользой) на любой вкус. Таким образом, исследовательская и публикаторская деятельность И.Я. Герда (как, впрочем, и преподавательская) стала одним из немногих примеров комплексной работы специалиста, в данном случае педагога, на разработку и проведение в жизнь идей по целенаправленному и многоплановому детскому развитию в такой форме, которая, вместе с тем, должна была интересовать и самих детей.

Литература

1. Гирфанова А.Х. Служение слову и культуре (О русской ветви Гердов) // *Verba magistro*. Сборник научных статей памяти профессора Александра Сергеевича Герда / отв. ред. А.Х. Гирфанова, С.А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 11 – 44.
2. Герд И.Я. Игры для детей всех возрастов. 6-е изд. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1924.
3. Герд И.Я. Игры в английских школах и у нас // Педагогический сборник. 1886. Июнь. С. 525 – 531.
4. Герд И.Я. Физическое воспитание // Ковалевский Е.П., Адеркас О.К., Герд И.Я. и др. Народное образование в Соединенных штатах Северной Америки (Высшее, среднее и низшее). СПб.; В.С. Балашев и Ко, 1895. С. 317 – 330.
5. Герд И.Я. Родителям и педагогам. СПб.: Мансфельд Ю.А., 1906.
6. Герд И.Я. Общий взгляд на английские учебные заведения и чем нам следует от них воспользоваться // Педагогический сборник. 1884, Октябрь. С. 346 – 355.
7. Герд И.Я. О воспитании и обучении в Соединенных штатах Северной Америки // Педагогический сборник. 1894, Май. С. 447 – 459.
8. Герд И.Я. О народном образовании в Соединенных штатах Северной Америки // Сборник педагогических статей в честь редактора журнала «Педагогический сборник» А.Н. Острогорского по случаю двадцатипятилетия его редакторской деятельности / под ред. П.В. Петрова. СПб.: М.М. Стасюлевич, 1907. С. 27 – 38.
9. Герд И.Я. Предисловие // Гольден Е. Что необходимо знать каждому. Мир фактов (Краткое знакомство с природой): пер. И.Я. Герд. СПб.: В. Березовский, 1910. С. 1 – 4.
10. Герд И.Я. Сборник игр и полезных занятий для детей всех возрастов с предисловием для родителей и воспитателей. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1873.
11. Игры для всех возрастов. Ч. I. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1844.
12. Герд И.Я. Сборник игр и полезных занятий для детей всех возрастов с предисловием для родителей и воспитателей. 3-е изд. М.: А.А. Карцев, 1888.
13. Герд И.Я. Сборник игр и полезных занятий для детей всех возрастов с предисловием для родителей и воспитателей. 4-е изд. М.: А.А. Карцев, 1903.
14. Герд И.Я. Сборник игр и полезных занятий для детей всех возрастов с предисловием для родителей и воспитателей. 5-е изд. СПб.: Шиповник, 1912.
15. Герд И.Я. Полезные занятия для детей (Для детей от 8 до 15 лет). Кн. 1: Клейка предметов из бумаги. СПб.: Н. Сорокин, 1866.
16. Герд И.Я. Полезные занятия для детей (Для детей от 8 до 15 лет). Кн. 3: Возведение построек из кирпичиков. СПб.: Н. Сорокин, 1870.
17. Герд И.Я. Сборник работ и ремесел, полезных для детей различных возрастов. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1875.
18. Герд И.Я. Заметка о ручном труде // Педагогический сборник. 1890. Ноябрь. С. 416 – 423.
19. Герд И.Я. Ремесла и внеклассные работы воспитанников среднеучебных заведений // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1872. Кн. VII (Июль). С. 632 – 643.
20. Герд И.Я. Работы и ремесла для детей различных возрастов. [Кн. 1]. 2-е изд. М.: А.А. Карцев, 1884.
21. Герд И.Я. Сборник работ и ремесел, полезных для детей различных возрастов. 3-е изд. М.: А.А. Карцев, 1888.

References

1. Girfanova A.H. Sluzhenie slovu i kul'ture (O russkoj vetvi Gerdov). Verba magistro. Sbornik nauchnyh statej pamyati professora Aleksandra Sergeevicha Gerda.otv. red. A.H. Girfanova, S.A. Myznikov. SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. S. 11 – 44.
2. Gerd I.YA. Igrы dlya detej vsekh vozrastov. 6-e izd. L.: Brokgauz-Efron, 1924.
3. Gerd I.YA. Igrы v anglijskih shkolah i u nas. Pedagogicheskij sbornik. 1886. Iyun'. S. 525 – 531.
4. Gerd I.YA. Fizicheskoe vospitanie. Kovalevskij E.P., Aderkas O.K., Gerd I.YA. i dr. Narodnoe obrazovanie v Soedinennyh shtatah Severnoj Ameriki (Vysshee, srednee i nizshee). SPb.; V.S. Balashev i Ko, 1895. S. 317 – 330.
5. Gerd I.YA. Roditelyam i pedagogam. SPb.: Mansfel'd YU.A., 1906.
6. Gerd I.YA. Obshchij vzglyad na anglijskie uchebnye zavedeniya i chem nam sleduet ot nih vospol'zovat'sya. Pedagogicheskij sbornik. 1884, Oktyabr'. S. 346 – 355.
7. Gerd I.YA. O vospitanii i obuchenii v Soedinennyh shtatah Severnoj Ameriki. Pedagogicheskij sbornik. 1894, Maj. S. 447 – 459.
8. Gerd I.YA. O narodnom obrazovanii v Soedinennyh shtatah Severnoj Ameriki. Sbornik pedagogicheskikh statej v chest' redaktora zhurnala «Pedagogicheskij sbornik» A.N. Ostrogorskogo po sluchayu dvadcatipyatiletiya ego redaktorskoj deyatel'nosti. pod red. P.V. Petrova. SPb.: M.M. Stasyule-vich, 1907. S. 27 – 38.
9. Gerd I.YA. Predislovie. Gol'den E. CHto neobhodimo znat' kazhdomu. Mir faktov (Kratkoe znakomstvo s prirodoy): per. I.YA. Gerd. SPb.: V. Be-rezovskij, 1910. S. 1 – 4.
10. Gerd I.YA. Sbornik igr i poleznyh zanyatij dlya detej vsekh vozrastov s predisloviem dlya roditelej i vospitatelej. SPb.: D.E. Kozhanchikov, 1873.
11. Igrы dlya vsekh vozrastov. CH. I. SPb.: Tip. voenno-uchebnyh zavedenij, 1844.
12. Gerd I.YA. Sbornik igr i poleznyh zanyatij dlya detej vsekh vozrastov s predisloviem dlya roditelej i vospitatelej. 3-e izd. M.: A.A. Karcev, 1888.
13. Gerd I.YA. Sbornik igr i poleznyh zanyatij dlya detej vsekh vozrastov s predisloviem dlya roditelej i vospitatelej. 4-e izd. M.: A.A. Karcev, 1903.
14. Gerd I.YA. Sbornik igr i poleznyh zanyatij dlya detej vsekh vozrastov s predisloviem dlya roditelej i vospitatelej. 5-e izd. SPb.: SHipovnik, 1912.
15. Gerd I.YA. Poleznye zanyatiya dlya detej (Dlya detej ot 8 do 15 let). Kn. 1: Klejka predmetov iz bumagi. SPb.: N. Sorokin, 1866.
16. Gerd I.YA. Poleznye zanyatiya dlya detej (Dlya detej ot 8 do 15 let). Kn. 3: Vozvedenie postroek iz kirpichikov. SPb.: N. Sorokin, 1870.
17. Gerd I.YA. Sbornik rabot i remesel, poleznyh dlya detej razlichnyh vozrastov. SPb.: D.E. Kozhanchikov, 1875.
18. Gerd I.YA. Zametka o ruchnom trude. Pedagogicheskij sbornik. 1890. Noyabr'. S. 416 – 423.
19. Gerd I.YA. Remesla i vneklassnye raboty vospitannikov sredneuchebnyh zavedenij. Pedagogicheskij sbornik, izdavaemyj pri Glavnom upravlenii voenno-uchebnyh zavedenij. 1872. Kn. VII (Iyul'). S. 632 – 643.
20. Gerd I.YA. Raboty i remesla dlya detej razlichnyh vozrastov. [Kn. 1]. 2-e izd. M.: A.A. Karcev, 1884.
21. Gerd I.YA. Sbornik rabot i remesel, poleznyh dlya detej razlichnyh vozrastov. 3-e izd. M.: A.A. Karcev, 1888.

I.YA. GERD: PEDAGOGUE'S BOOK HERITAGE

*Perekrestova S.V., Librarian,
Library of Russian Academy of Sciences*

Abstract: the paper is devoted the Russian pedagogue I.Ya. Gerd's studies published mainly from 1860th up to the 1910th. I.Ya. Gerd claimed that it was necessary to diversity children's development, i.e. to complement their training classes with sports and shop classes. He published a lot of paper on organizing gymnastics, sport and other games, shop classes, as well as on the critical analysis of the foreign experience and the ways of applying it in Russia. These papers are used for giving the idea of I.Ya. Gerd's view about all these issues. However our paper is focused on his major practical works, namely the collections of children games and other activities, "works and handicrafts", for spending children's leisure time, and sports handbooks. We analyze both theoretical element of every collection and its main materials, such as lists of concrete games and activities, the reasons for choosing them, the ways of structuring and presenting the materials, and the ways of evolution of the collections in the process of their republications.

Keywords: I.Ya. Gerd, children book, Russian pedagogics, children games, collections of children games, PE classes, shop classes, sport games, hobby

ФОНОВАЯ ХОДЬБА НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ

*Ярошенко Е.В., кандидат педагогических наук,
старший преподаватель,
Пятигорский медико-фармацевтический институт,
филиал Волгоградского государственного медицинского университета,
Гзирьян Р.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Пятигорский институт, филиал Северо-Кавказского
федерального университета*

Аннотация: в статье представлены результаты исследования, целью которого стало изучение влияния занятий фоновой ходьбой на изменение показателей физической подготовленности студентов. В качестве основного метода экспериментальной части исследования выступил педагогический эксперимент, дополненный совокупностью теоретических и эмпирических методов, ревалентных поставленной цели исследования: теоретический анализ, педагогический мониторинг, педагогическое тестирование, анализ планирующих документов. В педагогическом эксперименте приняли участие студенты Пятигорского медико-фармацевтического института – филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ 1, 3 и 5 курса по специальности: 33.05.01 Фармация общим количеством 165 человек, разделенных на контрольную и экспериментальные группы. Реализация педагогического эксперимента осуществлялась на протяжении одного учебного года с фиксацией значений контрольных тестов в начале и в конце экспериментальной части исследования. В ходе анализа данных были получены результаты, характеризующие высокий уровень физической подготовленности студентов экспериментальной группы, свидетельствующий о высокой эффективности экспериментальной методики применения фоновой ходьбы, внедренной в программу занятий по физическому воспитанию вуза.

Ключевые слова: здоровье, фоновая ходьба, студенты, физическая подготовленность, физическая культура

Введение

Среди множества вариантов существующих и широко используемых в практике физкультурно-оздоровительной, рекреационной и спортивной деятельности эффективным и практически не имеющим ограничений в применении, является ходьба [2, 5, 7, 9]. Широкие возможности использования ходьбы достигаются посредством ее *геймификации*, позволяющей формировать *мотивационную базу для оптимизации двигательной активности* различных категорий граждан [3, 5].

Теоретическое осмысление проблемы исследования

Простота включения ходьбы в повседневную жизнь людей создает благоприятные условия для замены поездки на общественном транспорте, использования лифта или эскалатора, на пешую прогулку, положительно влияющую на психофизическом состоянии человека. Такие виды физических упражнений, которые основаны на циклическом перемещении человека в пространстве во взаимодействии с опорой (на безусловном «шагательном рефлекс»), следует рассматривать в качестве производных от ходьбы [7, с. 107]. Особенно актуальным является ходьба, как физическое упражнение, становится в условиях *карантина* (например, COVID-19), когда действующие ограничения самоизоляции буквально обездвиживают людей, снижая двигательную активность до критических значений [7, с. 109].

Обращение к статистическим источникам информации, в которых отражены результаты анализа здоровья и физической подготовленности студенческой молодежи, позволили констатировать продолжающееся снижение показателей физической подготовленности студентов при одновременном росте заболеваемости [6, с. 77]. В связи с чем, актуализируется необходимость в разработке новых не стандартных для физической культуры *технологий*, характеризующихся *оздоровительной и восстановительной направленностью*.

В образовательных программах, согласно которым осуществляется планирование и организация учебного процесса по физическому воспитанию студентов, включают в себя простые и доступные виды двигательной активности, включая ходьбу, применяемые с целью достижения оздоровительного и восстановительного эффекта, развития аэробных способностей, улучшения функций опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой и дыхательной систем [4, с. 110]. Однако исследуемое упражнение вводится в учебные занятия в качестве вспомогательного вида двигательной деятельности, учет параметров которой (времени, скорости) практически не осуществляется.

Кроме перечисленных объективных трансформаций в организме человека, обусловленных кислородно-терапевтическим воздействием на его органы, ткани и клетки организма человека, ходьба влияет на психику занимающегося, что отража-

ется в улучшении настроения и самочувствия, особенно в сочетании с естественными оздоровительными факторами природы.

Среди особенностей данного упражнения можно выделить ритмичность дыхания, включение в деятельность всех мышечных групп и сохранение естественной осанки, при соблюдении наиболее оптимальных для сохранения здоровья параметров нагрузочного фактора [1, с. 19].

В ходе теоретического анализа научной литературы, мы не обнаружили исследований, посвященных технологии организации занятий по физической культуре с применением ходьбы в качестве основного физического упражнения, лежащего в основе метода обучения и физического воспитания. Большинство авторов исследований предлагают различные виды (скандинавская, нордическая ходьба) и способы (твист-ходьба) ходьбы, акцентируя внимание на технику и скорость (зона тренирующего режима 120-130 уд/мин) передвижения [4, с. 112].

Однако изменение привычной походки обуславливает необходимость дополнительных затрат, которые выражаются в прилагаемых усилиях или времени для освоения техники передвижения в ходьбе [8, с. 9]. В рамках образовательного процесса, реализуемого на занятиях по физическому воспитанию студентов, в условиях временных ограничений и насыщенности программного материала, уделить внимание контролю таких характеристик ходьбы, как способ передвижения, интенсивность нагрузки и т.д.

Гипотезой исследования выступило предположение, что ходьба на системной основе в течение длительного периода времени с использованием мобильного приложения по подсчёту шагов, способствует не только формированию оптимального двигательного режима, но и положительно отразится на уровне физической подготовленности студентов.

Целью настоящего исследования стало изучение влияния занятий фоновой ходьбой на изменение показателей физической подготовленности студентов.

Методы исследования

В качестве основного метода экспериментальной части исследования выступил педагогический эксперимент, дополненный совокупностью теоретических и эмпирических методов, ревалентных поставленной цели исследования: теоретический анализ, педагогический мониторинг, педагогическое тестирование, анализ планирующих документов.

Организация исследования

В исследовании приняли участие студенты Пятигорского медико-фармацевтического института

– филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ 1, 3 и 5 курса по специальности 33.05.01 Фармация общим количеством 165 человек, добровольно (письменно) выразившие свое желание. Характеристика сформированных из общего количества участников контрольной (далее – КГ) и экспериментальной (далее – ЭГ) групп представлена следующими значениями: КГ составили: 1 курс – 15 чел., 3 курс – 17 чел., 5 курс – 15 чел., всего – 47 студента. ЭГ составили: 1 курс – 15 чел., 3 курс – 18 чел., 5 курс – 14 чел., всего – 47 студента.

Основным отличием занятий ЭГ студентов являлось практика фоновой ходьбы с использованием мобильного приложения по подсчёту шагов. Временные рамки педагогического эксперимента составили один учебный год с сентября 2020 г. (констатирующий этап) по июнь 2021 г. (формирующий и контрольный этапы).

Результаты исследования

Диагностический инструментарий был использован для выявления текущего уровня физической подготовленности студентов на констатирующем (сентябрь 2020 г.) и контрольном (июнь 2021 г.) этапах педагогического эксперимента, включая в себя стандартизированные тесты, предусмотренные учебной программой по дисциплине «Элективные курсы по физической культуре и спорту».

В ходе анализа и интерпретации данных, были получены результаты, характеризующие уровень физической подготовленности студентов, свидетельствующие о высокой эффективности экспериментальной методики применения фоновой ходьбы, внедренной в программу учебных занятий.

Согласно результатам анализа и интерпретации данных, отражающих динамику интегральных и суммарных показателей, можно сделать следующие частные выводы:

1) значительные преимущества студентов ЭГ групп по сравнению с исследованными показателями студентов КГ групп по ряду характеристик, в частности: у студентов 1 курса ЭГ значительно выше показатели, характеризующие динамическую выносливость ($P < 0,001$), статическую выносливость ($P < 0,01$), скоростно-силовые способности ($P < 0,01$), что в совокупности позволило существенно возрасти суммарному показателю ($P < 0,01$); у студентов 3 курса ЭГ значительно выше показатели, характеризующие динамическую выносливость ($P < 0,05$), статическую выносливость ($P < 0,05$), скоростно-силовые способности ($P < 0,001$), гибкость ($P < 0,05$), что в совокупности позволило существенно возрасти суммарному показателю ($P < 0,05$); у студентов 5 курса ЭГ значительно выше

показатели, характеризующие скоростно-силовые способности ($P < 0,001$), гибкость ($P < 0,001$), что в совокупности позволило существенно возрасти суммарному показателю ($P < 0,01$);

2) достоверные изменения, зафиксированные между показателями внутри каждой группы: у студентов 3 курса КГ групп достоверных изменений в исследуемых показателях не выявлено; у студентов 5 курса КГ групп достоверных изменений в исследуемых показателях не выявлено, однако зафиксировано снижение значения гибкости.

Представленные на рис. 1 процентные соотношения достоверно изменившихся параметров фи-

зической подготовленности студентов КГ и ЭГ групп, позволяют нам сделать вывод о наличии некоторых преимуществ у студентов ЭГ групп перед студентами КГ групп, в частности: у студентов 1 курса ЭГ на уровне $P < 0,001$ отмечены изменения в 87,5% исследуемых характеристик, в то время как в КГ изменения на уровне $P < 0,001$ зафиксированы только 12,5%; у студентов 3 курса ЭГ на уровне $P > 0,05$ изменения произошли в 12,5% характеристик, а в КГ 100%; у студентов 5 курса на уровне $P > 0,05$ зафиксированы изменения в 50% характеристик, в КГ 75,0%, более того, в 25,0% – $P < 0,05$.

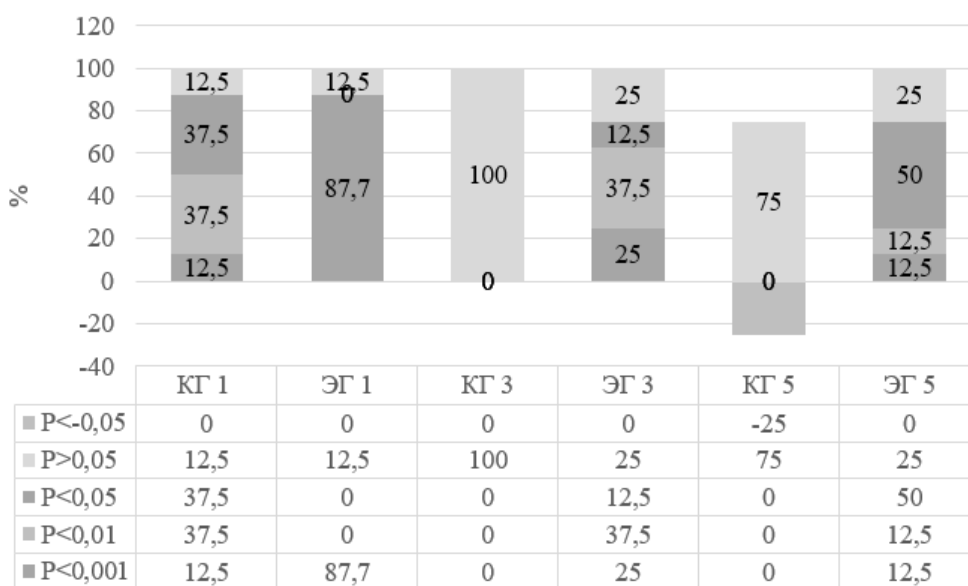

Рис. 1. Процентное соотношение достоверно изменившихся показателей физической подготовленности студентов КГ и ЭГ групп в ходе педагогического эксперимента, %

Все зафиксированные в ходе педагогического эксперимента изменения, обуславливающие темп прироста значений в показателях физической под-

готовленности студентов КГ и ЭГ групп, отражены на рис. 2.

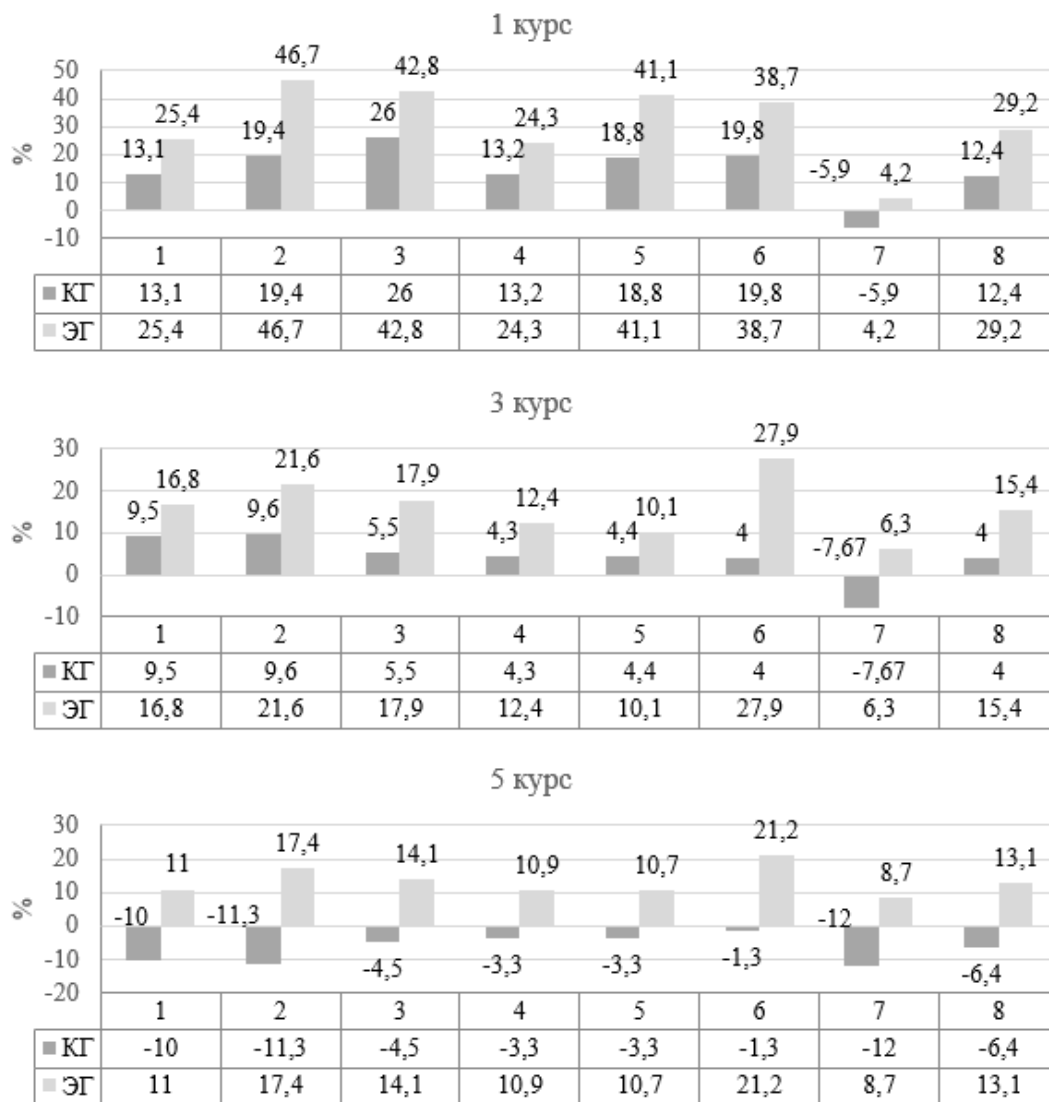

Рис. 2. Темпы прироста показателей физической подготовленности студентов КГ и ЭГ групп в ходе педагогического эксперимента, %

Условные обозначения: 1 – максимальная мышечная сила; 2 – динамическая выносливость; 3 – статическая выносливость; 4 – динамическое равновесие; 5 – статическое равновесие; 6 – скоростно-силовые качества; 7 – гибкость; 8 – СПФП

Выводы

Значения показателей, полученных в ходе реализации основного педагогического эксперимента, позволяют сделать следующие выводы:

1) во всех ЭГ группах зафиксированы ряд преимуществ в показателях, характеризующих уровень физической подготовленности студентов, что, естественно, положительно отразилось на динамике темпа прироста исследуемых характеристик по сравнению с тем же параметрами студентов КГ;

2) у студентов КГ групп были выявлены отрицательные значения темпов прироста по таким показателям, как гибкость, динамическая выносливость, что обусловило снижение значения суммарного показателя;

3) отмечен высокий темп прироста суммарных значений показателей физической подготовленности у студентов ЭГ групп по сравнению со студентами КГ: 1 курс: ЭГ – 252,4%, КГ – 116,8%; 3 курс: ЭГ – 128,4%, КГ – 33,4%; 5 курс: ЭГ – 107,1%, КГ – (-52,1%);

Представленные значения и их анализ в целом позволяют сделать вывод о низкой эффективности традиционно организованного процесса физической подготовки студентов и преимуществе использования фоновой ходьбы в рамках образовательного процесса по физическому воспитанию в вузе.

Литература

1. Зорина С.Д., Линева Д.А. Использование студентами с низким уровнем здоровья оздоровительной ходьбы на самостоятельных занятиях и на элективных дисциплинах по физической культуре и спорту // Вестник ВИЭПП. 2019. № 1. С. 17 – 20.
2. Корбут А.М. Социальный порядок и практическая мудрость ходьбы в толпе // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4. С. 8 – 29.
3. Логинов С.И., Кинтюхин А.С., Снигирев А.С., Солодилов Р.О. Гендер-зависимые ассоциации биомеханики и вариабельности ходьбы людей среднего возраста // Теория и практика физической культуры. 2020. № 5. С. 92 – 94.
4. Мухиддинов Е.М., Ажибаева С.Д., Надыров А.Л., Иралина М.М., Мендигалиева Ш.А. Использование скандинавской ходьбы на практических занятиях по физической культуре для студентов специального медицинского отделения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 1.4 (57). С. 109 – 113.
5. Овчинников Ю.Д., Стародубец А.И. Изучение биомеханики движений у лиц пожилого возраста // Адаптивная физическая культура. 2017. № 3 (71). С. 23 – 24.
6. Осик В.И., Белозерова Н.П. Характеристика состояния здоровья студентов физкультурных и не физкультурных Вузов Кубани // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2018. № 5. С. 75 – 80.
7. Павлович Р., Михайлович И. Спортивная ходьба: морфологическая и моторно-функциональная параметры как факторы успеха // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. Т. 5. № 1. С. 103 – 111.
8. Руссу О.Н. Скандинавская ходьба на занятиях элективного курса по физической культуре и спорту со студентами специального медицинского отделения // Адаптивная физическая культура. 2020. Т. 81. № 1. С. 8 – 12.
9. Шпет В.В., Овчинников Ю.Д., Якунина В.А. Челлендж «Тренируйся дома, спорт – норма жизни» // Волонтер. 2020. № 2 (34). С. 63 – 70.

References

1. Zorina S.D., Lineva D.A. Ispol'zovanie studentami s nizkim urovnem zdorov'ya ozdorovitel'noj hod'by na samostoyatel'nyh zanyatiyah i na elektivnyh disciplinah po fizicheskoj kul'ture i sportu. Vestnik VIEPP. 2019. № 1. S. 17 – 20.
2. Korbut A.M. Social'nyj poryadok i prakticheskaya mudrost' hod'by v tolpe. Sociologicheskij zhurnal. 2018. T. 24. № 4. S. 8 – 29.
3. Loginov S.I., Kintyuhin A.S., Snigirev A.S., Solodilov R.O. Gender-zavisimye associacii biomekhaniki i variabel'nosti hod'by lyudej srednego vozrasta. Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury. 2020. № 5. S. 92 – 94.
4. Muhiddinov E.M., Azhibaeva S.D., Nadyrov A.L., Iralina M.M., Mendigalieva SH.A. Ispol'zovanie skandinavskoj hod'by na prakticheskix zanyatiyah po fizicheskoj kul'ture dlya studentov special'nogo medicinskogo otdeleniya. Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2020. № 1.4 (57). S. 109 – 113.
5. Ovchinnikov Yu.D., Starodubec A.I. Izuchenie biomekhaniki dvizhenij u lic pozhilogo vozrasta. Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura. 2017. № 3 (71). S. 23 – 24.
6. Osik V.I., Belozerova N.P. Harakteristika sostoyaniya zdorov'ya studentov fizkul'turnyh i ne fizkul'turnyh Vuzov Kubani. Municipal'noe obrazovanie: innovacii i eksperiment. 2018. № 5. S. 75 – 80.
7. Pavlovich R., Mihajlovich I. Sportivnaya hod'ba: morfologicheskaya i motorno-funkcional'naya parametry kak faktory uspekha. Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreaciya. 2020. T. 5. № 1. S. 103 – 111.
8. Russu O.N. Skandinavskaya hod'ba na zanyatiyah elektivnogo kursa po fizicheskoj kul'ture i sportu so studentami special'nogo medicinskogo otdeleniya. Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura. 2020. T. 81. № 1. S. 8 – 12.
9. SHpet V.V., Ovchinnikov Yu.D., YAkunina V.A. CHellendzh «Treniruj'sya doma, sport – norma zhizni». Volontyor. 2020. № 2 (34). S. 63 – 70.

**BACKGROUND WALKING IN PHYSICAL EDUCATION CLASSES,
TAKING INTO ACCOUNT REGIONAL COMPONENTS**

*Yaroshenko E.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute,
branch of Volgograd State Medical University,
Gziryay R.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pyatigorsk Institute, branch
of the North Caucasus Federal University*

Abstract: the article presents the results of a study, the purpose of which was to study the influence of background walking on the change in the indicators of physical fitness of students. As the main method of the experimental part of the study, a pedagogical experiment was performed, supplemented by a set of theoretical and empirical methods that are relevant to the set purpose of the study: theoretical analysis, pedagogical monitoring, pedagogical testing, and analysis of planning documents. The pedagogical experiment was attended by students of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation of the 1st, 3rd and 5th courses in the specialty 33.05.01 Pharmacy with a total of 165 people divided into control and experimental groups. The implementation of the pedagogical experiment was carried out during one academic year with the fixation of the values of control tests at the beginning and at the end of the experimental part of the study. During the data analysis, the results were obtained characterizing the high level of physical fitness of the students of the experimental group, indicating the high efficiency of the experimental methodology of background walking, introduced into the physical education program of the university.

Keywords: health, background walking, students, physical fitness, physical education

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ СПОРТИВНОГО КРИЗИСА У ДЕВУШЕК ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА С РАЗНЫМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ

Высок П.С.,

*Рерке В.И., кандидат психологических наук, доцент,
Иркутский государственный университет*

Аннотация: цель статьи – изучить проявления спортивного кризиса у девушек подросткового возраста с разными достижениями и на основании полученных данных определить направления преодоления кризиса в спорте. В статье проанализирована типология кризисов в спортивной карьере. Доказано, что спортивный кризис представляет собой переход с одной стадии карьеры на другую, каждой стадии свойственны закономерные противоречия, преодоление которых играет знаковую роль для дальнейших спортивных успехов. Представлены результаты диагностики психологических проявлений спортивного кризиса у девушек – подростков с разным уровнем достижений. Обоснован тезис, что показателями спортивного кризиса являются стаж и достижения (статус соревнований и занятое место) девушек-подростков, мотивация на успех, волевая регуляция личности и уровень упорства. У спортсменов, находящихся в ситуации кризиса, выявлен средний уровень мотивации на успех, доминирует стремление избегать неудачи, также средние уровни самооценки силы воли и упорства. Эмпирические результаты исследования позволяют наметить направления преодоления кризиса в спорте, задействовав триаду взаимоотношений тренерского состава с воспитанниками и их родителями. Полученные данные помогут осуществлять эффективную социально-психологическую профилактику кризиса с учетом спортивных достижений девушек.

Ключевые слова: спортивный кризис, подростковый возраст, спортивные достижения, мотивация, сила воли, упорство, преодоление кризиса

Спортивная деятельность является многогранным полем для научно-практических исследований. Научный интерес данной статьи направлен на изучение проблемы проявления спортивного кризиса у девушек подросткового возраста с разными достижениями и на основании полученных данных, определить направления социально-психологической поддержки спортсменов.

Эволюция спортивных достижений в современных условиях происходит в ситуациях жестких требований приспособления к различным социокультурным группам, а также с преодолением возрастных и жизненно-ситуационных кризисов личности. В это же время наблюдается острое переживание спортсменом перехода спортивной карьеры на новый уровень [12, 13]. Юноши и девушки, занимающиеся спортом, сталкиваются с огромным количеством трудностей, препятствиями, требованиями, которые нужно преодолевать и осознавать их значимость для реализации себя в данной сфере. Меняются ценности, формируются установки, поведенческие паттерны, отношение к жизни и т.п. Спортсменам сложно держать баланс между достигнутыми результатами, поддерживать хорошие и доверительные отношения со своими родителями, тренерами, сверстниками, а также развиваться не только с позиции спортивных достижений, но и позиции личности в целом [17]. Проблема спортивного кризиса является наиболее актуальной в период перехода спортсмена из одной возрастной категории на уровень выше. К тому же тренеры подростковых и юношеских спортивных коллективов испытывают сложности в определении

индивидуальных психофизиологических особенностей юных спортсменов. Успешное преодоление спортивных кризисов позволяет спортсмену добиться определенных результатов, достичь высокого статуса в жизни, а также чувствовать себя реализованным в данной сфере деятельности.

Спортивный путь юношей и девушек начинается с раннего старта, далее достигается высшая точка и в заключении спортсмен сталкивается с окончанием карьеры. Все эти спортивные этапы совпадают с возрастными периодами и кризисами развития. Рост достижений спортсмена проходит в ситуациях длительных тренировок, постоянных соревнований и выездах на учебно-тренировочные сборы. На смену поддержки со стороны семьи приходит команда, а тренерский состав заменяет роли родителей и осуществляет психотерапевтическую функцию. Олпорт Г. отмечал, что кризис является ситуацией умственного и эмоционального стресса и требует за малый промежуток времени значительных изменений и представлений не только о себе, но и о мире [14].

Интересные данные получены посредством опроса, поведившегося среди спортсменов молодежной и взрослой сборной России, на предмет изучения типологии кризисов в спортивной карьере [16]. Исследователями установлено, что в возрастной период 4-9 лет ребенок приходит в спорт и впервые сталкивается с кризисом первых соревнований и кризисом учебно-тренировочных сборов. В возрастном диапазоне 9-12 лет происходит погружение в спорт и в этот же период наблюдается переживание кризиса осознания своих инди-

видуальных особенностей как спортсмена. В дальнейшем протекание кризиса связано с новыми свойствами организма, гормональным ростом, переживанием переломных моментов на соревнованиях высокого уровня – 12-15 лет. 15-18 лет – возрастной этап, который связан с самоопределением юношей и девушек. Этот возраст характеризуется глубинным анализом альтернатив дальнейшего выбора в жизни, профессии и в спорте. Старшие подростки и представители раннего юношеского возраста обдумывают необходимость связи своей дальнейшей жизни с профессиональным спортом. На этот период онтогенеза приходится кризис зачисления в молодежную сборную страны или завершение спортивной карьеры и ощущение опустошения. Диапазон 18-24 года знаменуется периодом перехода во взрослую сборную команду. Если же данная трансформация не произошла, и спортсмен не зачислен в команду более высокого уровня, то он сталкивается с необходимостью психологической поддержки и переходом на стадию очередного кризиса – жизни вне спорта, пониманием и принятием такой ситуации, что, несомненно, вызывает внутренние и внешние противоречия. И приблизительно в 24 года спортсмен сталкивается с кризисом поддержания спортивной формы, техники и физического баланса. Он наблюдает смену поколений в своем виде спорта, осознает необходимость финансового обеспечения и создания собственной семьи [9].

Выдвинутая типология кризисов Погодиной, Г.Д. Алексанянц для спортсменов, занимающихся художественной гимнастикой, коррелируется, исходя из личного опыта (спортсмена и тренера). Адаптационный кризис приходится на возраст 3-8 лет, он опосредован началом занятий спортом, первыми соревнованиями и учебно-тренировочными сборами. В 8-12 лет происходит осознание индивидуальных физических способностей и применение их на практике. В 12-15 лет наблюдается переломный момент, связанный с отбором в юниорскую (14-16 лет) команду спортсменов. Спортсмен переживает кризис результатов на соревнованиях Всероссийского уровня (Юность России), происходит зачисление в Сборную команду России. Диапазон 15-18 лет – это период, характеризующийся гормональными перестройками организма, он протекает под эгидой поиска смыслов и самоопределения в жизни. На этом этапе спортсмен осознанно принимает решение связывать ли свою жизнь со спортом или же заканчивать спортивную карьеру и развиваться в другом направлении. В 16 лет встает вопрос о целесообразности попадания в сеньорскую команду спортсменов и выступление на соревнованиях высокого уровня (Сибирский Федеральный округ,

чемпионат России и т.п.). И, наконец, самые сложные и тяжелые эмоциональные состояния приходится на возраст 18-24 года, когда происходит завершение спортивной карьеры.

Загайнов Р.М. [Цит. 9] систематизировал предпосылки кризисных состояний. Так, изучая сложные переходы спортсменов с одной стадии становления на другую, автор установил ряд закономерных проявлений на психосоциальном и на физиологическом уровне: снижается уверенность спортсмена, наблюдается замкнутость, потребность в одиночестве, уход или избегание в разговорах спортивных тем; отсутствие реакции на шутки; снижается концентрация внимания. В межличностных отношениях увеличивается уровень критичности по отношению к окружающим людям, условиям жизни. Изменяется режим питания, меняются место проживания и условия тренировок. С физиологической точки зрения можно наблюдать нарушение аппетита, сна и нервозность.

Борисова Н.Ю. в своих исследованиях подчеркивает, что на сегодняшний день перед спортивными психологами стоит особая задача – это разработка и апробация специальных психологических программ, направленных на закрепление стабильных результатов спортсмена и команды; контроль за психологической устойчивостью спортсмена на протяжении всего соревновательного и тренировочного сезона; выход спортсмена и команды на вершину спортивной формы; формирование психического постоянства в сложных ситуациях на соревнованиях; управление психическими состояниями спортсмена на уровне подготовки и участия в соревнованиях [6]. На основе рекомендаций спортивного психолога тренерский состав разрабатывает тренировочный план, учитывая рекомендации специалиста (возрастные, индивидуальные особенности; уровень физической подготовки; состояние здоровья; эмоциональную устойчивость; психологическое здоровье семьи). Именно эти факторы ведут спортсмена к увеличению роста в его профессиональной деятельности.

Преодоление спортивного кризиса, как отмечает Андреев В.В и Станиславская И.Г. проявляется в виде эмоциональных, мотивационных, соматических, когнитивных и поведенческих процессов [1].

Составляющая мотивационного преодоления спортивного кризиса заключается в процессах усиления и ослабления мотивов, их борьбы, выход мотивов за границы уже существующих целей, что играет трансгрессивную роль в сознании и поведении спортсмена. Как отмечают Андреев В.В и Станиславская И.Г. значение позитивной мотивации над мотивацией избегания неудач заключает-

ся в результате борьбы между этими группами противоположно направленных мотивов. При этом доминирование потребности преодолеть выступает как самостоятельная мотивация, которая может идентифицироваться с желанием преодолеть барьеры и сложности [1]. Авторы полагают, что психологические аспекты спортивных проблем и задач заключаются в обнаружении и последующем их преодолении уже сформировавшихся противоречий между разными системами знаний, а именно, между смыслом и его отсутствием, неясностью и реальностью. Такие столкновения выборов на этапе принятия решений между собой не сопоставляются и выступают в роли определенной преграды, которая мешает объединить эти разные представления в единую систему [1]. Также, по мнению Андреевой В.В. и Станиславской И.Г. в разных стратегиях, техниках и методах их преодоления затруднений в спорте представлена поведенческая составляющая кризисов [1], которая проявляется в следующих блоках спортивных переживаний. Первый блок - негативных переживаний. Он представлен испытаниями и тревогами спортсмена, который испытывает боль и раздражение, неуверенность в себе, чувства страха и стыда, тревогу, сопряженную с усталостью. Возникает чувство несправедливости и одиночества, замешательства и чувство неполноценности. Второй блок – положительные переживания. Спортсмен испытывает гордость, чувство совершенства и безопасности, тем самым мы получаем область трансгрессивных переживаний. В этом случае можно услышать фразы: «Чувствовала себя увереннее...», «Чувствовала в себе новые силы и новые возможности, прилив сил, воодушевление». В этой связи чувства являются результатом преодоления столкновения двух блоков противоречивых между собой переживаний [1]. Все вышеперечисленное, а также актуальность предмета обсуждения и ее недостаточная разработанность обусловили выбор проблемы научного исследования.

Обратимся к результатам эмпирического исследования, направленного на изучение проявления спортивного кризиса у девушек подросткового возраста с разными достижениями. Базой проведения исследования стала Спортивная школа (комплексная) ЦСКА г. Иркутска (отделение художественной гимнастики). В исследовании приняло участие 17 девушек-спортсменок. В качестве диагностического аппарата использованы следующие методы исследования: анализ документов с целью изучения спортивных достижений спортсменок; методика «Мотивация к успеху» (Элерса Т.); диагностика мотивации достижения (А. Мехрабиан); методика «Самооценка силы воли»

(Обозов Н.Н.); опросник оценки своего упорства (Ильин Е.П. и Фещенко Е.К.).

Изучив личные дела девушек – спортсменок, установлено, что 10 человек имеют звание КМС и переходят на более высокий уровень, начинают выступать по программе МС; 6 человек выступают по программе 1 спортивного разряда; 1 человек подтвердил 2 спортивный разряд, переходит на 1 спортивный.

Чтобы достичь какого-либо результата в спорте когнитивных качеств личности спортсмену недостаточно. Важная составляющая – это физические качества (гибкость, растяжка, прыгучесть, ловкость, быстрота, координация и т.п.). Наиболее ярко проявляется переломный момент в спорте у девушек перед выполнением и подтверждением спортивных разрядов. Спортсмен, обладающий хорошими физическими и когнитивными качествами, легче преодолевает спортивный кризис.

Анализ результатов по методике «Мотивация к успеху» (Элерса Т.) позволил установить уровни побуждения к действию. Так, высокий уровень мотивации свойственен 18% респондентов. Предполагаем, что надежда на успех у данных испытуемых проявляется ярко, девушки стремятся к достижениям высокого порядка. Умеренно высокий уровень мотивации к успеху диагностирован у 29% девушек. Предполагаем, что данных спортсменок отличает активное стремление к успеху, упорство и настойчивость. Эта группа испытуемых может стать профессионалами и компетентными специалистами в выбранной области деятельности. Также данной группе свойственно доминирование мотива достижения, активность и инициативность. Такие спортсмены мобилизованы и сосредоточены на достижении поставленной цели. Средний уровень мотивации к успеху установлен у 41% испытуемых. Данная группа девушек нуждается в мотивировании со стороны тренерского состава. Таким спортсменам сложно активизировать себя, работать над собой, вырабатывать в себе уверенность и целеустремленность. Низкий уровень мотивации выявлен у 12%. Низкий уровень мотивации к успеху ярко демонстрируют неуверенные в себе личности, они испытывают чувство недовольства к выполняемой работе. На фоне этих психологических особенностей выполнение трудных заданий вызывает дискомфорт.

Дальнейшее изучение проводилось при помощи диагностики мотивации достижения (А. Мехрабиан). По шкале «Доминирование стремления избегать неудачи» установлено, что все 100% респондентов стремятся избегать неудачи, такие спортсмены выбирают чаще всего легкие задачи, т.к. боятся оказаться неудовлетворенными в своих действиях и принятии решений. Данные по шкале

«Мотивация доминирования стремления к успеху» не установлены (0%). Таким людям свойственна высокая активность и самооценка, уверенность в себе. Они стремятся достичь высоких результатов в своей деятельности. По шкале «Низкий уровень мотивации» также не получены результаты (0%). Данная шкала позволяет выявить испытуемых, которым свойственна слабая нацеленность на успех, низкая самомотивация и активность. Такие личности мало инициативны в деятельности, а возможные ситуации фрустрации останавливают их. Все вышеперечисленные характеристики личности не сопоставимы со спортивной деятельностью и достижением результатов.

Обратимся к описанию данных по методике «Самооценка силы воли» (Обозов Н.Н.). Так, у 6% респондентов выявлен слабый уровень силы воли. Это проявляется в отсутствии терпеливости, желании прекратить какие-либо действия, отсутствие упорства, упрямства, самообладания, выдержки. У 82% респондентов наблюдается средний уровень силы воли. Данному уровню соответствует нестабильность поведения, которая проявляется в полярных действиях: в одном случае спортсмен проявляет уступчивость и податливость, а в другом случае – настойчивость и упорство. 12% девушек обладают высоким уровнем силы воли. Личность с развитой волевой активностью проявляет приспособление к нестандартным условиям спортивной деятельности. Данный показатель выполняет системообразующую и компенсаторную функции в интегральной индивидуальности спортсменов.

Далее проведен и проинтерпретирован опросник оценки своего упорства (Ильин Е.П. и Фещенко Е.К.). 6% респондентов проявляют низкий уровень упорства – это означает отсутствие желания преодолевать трудности, отсутствие стремления, отсутствие цели. У 41% респондента наблюдается средний уровень упорства. Недостаточный уровень развития упорства проявляется в том, что подростки ставят перед собой конкретную цель, но не осознанно подходят к ее реализации. Неудачи, через которые проходит спортсмен сводят его с пути, выводят из равновесия. 53% респондентов транслируют высокий уровень упорства. Данная группа спортсменов наделены такими качествами, как помехоустойчивость, умение противостоять неудачам, достижение поставленной цели несмотря на все трудности.

По результатам констатирующего эксперимента составлена программа, которую необходимо внедрять в тренировочный процесс на постоянной основе.

Цель программы: создать социально-психологические условия для успешного преодо-

ления спортивного кризиса у девушек подросткового возраста с разными достижениями. Разделы программы: Работа над развитием волевых качеств личности, закрепление навыков саморегуляции [10, 17, 18, 19]; формирование навыков уверенного поведения, самообладания, стабильного психоэмоционального состояния в период соревновательного и тренировочного процесса. Применение аутогенной тренировки в спортивной деятельности. Использование тренировки психологических умений (ТПУ). Анализ результативности соревновательной деятельности [5, 12, 2, 3]; формирование взаимоотношений «тренер-спортсмен-родители» [11]; укрепление межличностных отношений в команде спортсменов; мотивация спортсмена на успех и дальнейшие результаты. Использование социально-психологических тренингов, интерактивных форм взаимодействия в период предсоревновательной подготовки позволит преодолеть и профилактировать сложные периоды достижения результатов. Актуализация ресурсных возможностей спортсмена возможна посредством применения образной терапии. Данная техника позволит отработать тревожное состояние, снять предсоревновательное волнение. Использование метафоры выведет спортсмена на новые цели и осознание возможности их достижения [4, 7, 8]. В силу специфики спортивной деятельности главному тренеру отводится ведущая роль в процессе воспитания и становления спортсмена как личности. Задача тренера состоит не только в том, чтобы повысить технику спортсмена и улучшить его физические качества, но и в том, чтобы помочь справиться и преодолеть психологические барьеры. Сформированная мотивация успеха у тренера и спортсмена представляют их как активных, инициативных и перспективных личностей. В случае психологического барьера или препятствия такой тандем будет отличаться своей настойчивостью, активной позицией и поиском способов его преодоления.

Таким образом, спортивный кризис представляет собой переход с одной стадии карьеры на другую, каждой стадии свойственны закономерные противоречия, преодоление которых играет знаковую роль для успешного продолжения спортивной карьеры.

Особенность данных кризисов заключается в том, что их можно прогнозировать, следовательно – подготовиться к ним и в дальнейшем, помочь спортсмену преодолеть их. Стоит отметить важность внедрения в тренировочный процесс различных психологических методик и техник, которые положительно скажутся на развитии физических и индивидуальных способностей. А также необходимо учитывать компетентность тренеров,

родителей, психологов в данной сфере, которые ежедневно оказывают влияние на спортсменов. Поскольку успешное преодоление спортивных кризисов позволит спортсмену добиться определённых результатов, достичь высокого статуса в жизни, а также чувствовать себя реализованным в данной сфере деятельности.

На сегодняшний день программа проходит апробацию, результаты эмпирического исследования будут представлены в следующей статье.

Литература

1. Андреев В.В. Станиславская И.Г. Психологические особенности преодоления критических ситуаций в спортивной деятельности // Спортивный психолог. 2016. №3 (42). С. 8 – 11.
2. Бабушкин Г.Д. Психолого-педагогическое обеспечение подготовки спортсменов к соревнованиям. Омск: СибГУФК, 2007. 92 с.
3. Бабушкин Г.Д., Рыбин Р.Е. Психологические тренинги в структуре предсоревновательной подготовки пловцов высокой квалификации // Спортивный психолог. 2016. №3 (42). С. 29 – 33.
4. Бабушкин Г.Д., Яковлев Б.П. Психолого-педагогические методики в структуре подготовки спортсменов. Омск: СибГУФК, 2015. 228 с.
5. Бирюкова Г.А., Борисевич Д.В. Феномен внушаемости в аспекте оптимизации процесса подготовки спортсменов // Спортивный психолог. 2016. № 3 (42). С. 25 – 28.
6. Борисова Н.Ю. Кризисы спорта высших достижений. попытки предотвратить неминуемое // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5-2. С. 166 – 170.
7. Волков Д.Н., Ивченко Е.А., Тихвинская Е.О., Медников С.В. Метафора в оптимизации психического состояния // Спортивный психолог. 2016. № 3 (42). С. 43 – 47.
8. Горбунов Г.Д. Психопедагогика спорта. М: Юрайт, 2019. 269 с.
9. Зинова У.А. Кризисы и кризисные состояния в спортивной карьере // Человеческий фактор: Социальный психолог. № 1 (39). 2020. С. 26-37.
10. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: МГУ, 1991. 141 с.
11. Климачева Ю.В., Сурченко Н.П. Проекция модальности взаимоотношений на мотивацию успеха в триаде «тренер-спортсмен-родители». Москва, 2020. 381 с.
12. Лупекина Е.А., Мельникова О.Н. Спортивная психология. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. 2009. 126 с.
13. Обухова Л. Возрастная психология. М.: Юрайт, 2019. 460 с.
14. Оллпорт Г.В. Личность в психологии. М.: КСП+; СПб: Ювента, 1998. 345 с.

15. Погодина С.В., Алексанянц Г.Д. Адаптационные изменения глюкокортикоидной активности в организме высококвалифицированных спортсменов различных половозрастных групп // Теория и практика физической культуры. 2016. № 9. С. 49 – 52.

16. Погодина С.В., Алексанянц Г.Д. Адаптация и функциональное состояние высококвалифицированных спортсменов в возрастном и половом аспектах // Теория и практика физической культуры. 2017. № 10. С. 72 – 74.

17. Портная Я.А., Демаков В.И., Рерке В.И., Ларионова Е.Ю., Голодков Ю.Э. Моделирование уровня работоспособности и сопоставимости спортивных результатов в зависимости от возраста спортсменов // Advances in Gerontology / Успехи геронтологии. 2021. Т. 3. Vol. 34. С. 419 – 425.

18. Пуни А.Ц. Психологические основы волевой подготовки в спорте. Л.: ГДОИФК, 1977. 89 с.

19. Рудик П.А. Психологические основы морально-волевой подготовки. Проблемы психологии спорта. М.: ФиС, 1962. 209 с.

References

1. Andreev V.V. Stanislavskaya I.G. Psihologicheskie osobennosti preodoleniya kriticheskikh situacij v sportivnoj deyatel'nosti. Sportivnyj psiholog. 2016. №3 (42). S. 8 – 11.
2. Babushkin G.D. Psihologo-pedagogicheskoe obespechenie podgotovki sportsmenov k sorevnovaniyam. Omsk: SibGUFK, 2007. 92 s.
3. Babushkin G.D., Rybin R.E. Psihologicheskie treningi v strukture predsorevovatel'noj podgotovki plovcov vysokoj kvalifikacii. Sportivnyj psiholog. 2016. №3 (42). S. 29 – 33.
4. Babushkin G.D., YAKovlev B.P. Psihologo-pedagogicheskie metodiki v strukture podgotovki sportsmenov. Omsk: SibGUFK, 2015. 228 s.
5. Biryukova G.A., Borisevich D.V. Fenomen vnushaemosti v aspekte optimizacii processa podgotovki sportsmenov. Sportivnyj psiholog. 2016. № 3 (42). S. 25 – 28.
6. Borisova N.YU. Krizisy sporta vysshih dostizhenij. popytki predotvarit' neminuemoe. Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik. 2015. № 5-2. S. 166 – 170.
7. Volkov D.N., Ivchenko E.A., Tihvinskaya E.O., Mednikov S.V. Metafora v optimizacii psihicheskogo sostoyaniya. Sportivnyj psiholog. 2016. № 3 (42). S. 43 – 47.
8. Gorbunov G.D. Psihopedagogika sporta. M: YUrajt, 2019. 269 s.
9. Zinova U.A. Krizisy i krizisnye sostoyaniya v sportivnoj kar'ere. SChelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. № 1 (39). 2020. S. 26-37.

10. Ivannikov V. A. Psihologicheskie mekhanizmy volevoj reguljacii. M.: MGU, 1991. 141 s.
11. Klimacheva YU.V., Surchenko N.P. Proekcija modal'nosti vzaimootnoshenij na motivaciju uspeha v triade «trener-sportsmen-roditeli». Moskva, 2020. 381 s.
12. Lupekina E.A., Mel'nikova O.N. Sportivnaya psihologiya. Gornel': GGU im. F. Skoriny. 2009. 126 s.
13. Obuhova L. Vozrastnaya psihologiya. M.: YUrajt, 2019. 460 s.
14. Ollport G.V. Lichnost' v psihologii. M.: KSP+; SPb: YUventa, 1998. 345 s.
15. Pogodina S.V., Aleksanyanc G.D. Adaptacionnye izmeneniya glyukokortikoidnoj aktivnosti v organizme vysokokvalificirovannyh sportsmenov razlichnyh polovozrastnyh grupp. Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury. 2016. № 9. S. 49 – 52.
16. Pogodina S.V., Aleksanyanc G.D. Adaptacija i funkcional'noe sostoyanie vysokokvalificiro-vannyh sportsmenov v vozrastnom i polovom aspektah. Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury. 2017. № 10. S. 72 – 74.
17. Portnaya YA.A., Demakov V.I., Rerke V.I., Larionova E.YU., Golodkov YU.E. Modelirovanie urovnya rabotosposobnosti i sopostavimosti sportivnyh rezul'tatov v zavisimosti ot vozrasta sportsmenov. Advances in Gerontology. Uspekhi gerontologii. 2021. T. 3. Vol. 34. S. 419 – 425.
18. Puni A.C. Psihologicheskie osnovy volevoj podgotovki v sporte. L.: GDOIFK, 1977. 89 s.
19. Rudik P.A. Psihologicheskie osnovy moral'no-volevoj podgotovki. Problemy psihologii sporta. M.: FiS, 1962. 209 s.

TO OVERCOME THE SPORTS CRISIS OF ADOLESCENT GIRLS WITH DIFFERENT ACHIEVEMENTS

*Vyskok P.S.,
Rerke V.I., Candidate of Psychological Sciences
(Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk State University*

Abstract: the article analyzes the typology of crises and crisis states in sports career; results of diagnostics of psychological manifestations of sports crisis in adolescent girls with different level of achievement are presented. The purpose of the article is to study the manifestations of sports crisis in adolescent girls with different achievements, on the basis of the data received, to determine the directions of socio-psychological support for female athletes. It has been proved that the sports crisis is a transition from one stage of a career to another, and that each stage is characterized by legitimate contradictions, the overcoming of which is a hallmark for the successful continuation of a sports career. The indicators of the sports crisis are the seniority and achievement (competition status and employment) of adolescent girls, their motivational component of personality and the peculiarities of the voluntary regulation. Female athletes have a moderate level of motivation and a desire to avoid failure, as well as average levels of self-assessment of willpower and persistence. The empirical results make it possible to identify ways of overcoming the crisis in sports by involving the triad of relations between coaches and pupils and their parents. The data obtained will help to carry out effective socio-psychological prevention of the crisis, taking into account the sports achievements of girls.

Keywords: sports crisis, adolescence, sporting achievement, motivation, strength of will, perseverance, overcoming crisis

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ РОССИИ

Сучков М.Г.,

Министерство обороны Российской Федерации

Аннотация: развитие физического воспитания и физической активности в современных ВУЗах России – это достаточно актуальная проблема, изучению которой в настоящее время уделяется достаточно внимания на различных исследовательских уровнях. Самой важной на этапе физического воспитания студентов – это возможность сформировать у студентов потребность в физкультурно-спортивной деятельности. Как известно – это социальная потребность, но в основе ее находятся биологические потребности – движения и отдыха. Для того чтобы студенты достигли определенного уровня физической подготовленности, также необходимо формировать у них активное поведение. Естественно, для того, чтобы сложилась функциональная система достижения студентами определенного уровня физической подготовленности, необходимо, прежде всего, сформировать у них потребность в таких достижениях. В связи с вышеизложенным, автором была предпринята попытка научного анализа и критического осмысления педагогической технологии физического воспитания студентов в ВУЗах России.

Ключевые слова: физическое воспитание студентов, педагогическая технология, развитие физической подготовки, потребность в физической культуре

Как мы хорошо знаем, правильно организованная физическая подготовка детей и молодых людей, как педагогический процесс, очень быстро дает ожидаемые результаты: увеличивается сила мышц, повышается выносливость и работоспособность, выполнение установленных нормативов по физической подготовленности становится более простым и легким делом и т.д.

Педагогическая система, в отличие от функциональной, представляет собой взаимодействие различных взаимосвязанных структурных компонентов, которые объединены одной образовательной целью развития индивидуальности и личности.

В каждой педагогической системе всегда есть девять основных компонентов: цель деятельности, субъект педагогической деятельности (тот, кто управляет системой), субъекто-объект деятельности (тот, кем управляют: ребенок, ученик, студент), педагогическое взаимодействие «субъект-субъекто-объект», содержание деятельности, педагогические средства, способы (методы) деятельности, организационные формы и результат деятельности [8, с. 70].

Цели педагогической приобщения студентов к физической культуре – включить всех обучающихся в ВУЗе в активную физкультурно-спортивную деятельность.

Здесь необходимо отметить, что под физкультурно-спортивной деятельностью понимается форма социальной активности человека, обеспечивающая его потребности в двигательной деятельности. Реализуется физкультурно-спортивная деятельность студентов как в рамках учебных занятий по дисциплине «Физическая культура», так и во внеучебное время.

В ходе исторического формирования и развития отечественной физической культуры в высших

учебных заведениях нашей страны сложилось три основных направления включения студентов в физкультурно-спортивную деятельность в рамках учебных занятий по дисциплине «Физическая культура» [3, с. 93]:

1. Физическая подготовка – ориентировано на общефизическую подготовку и профессионально-прикладную физическую подготовку к профессиональной деятельности, а также защите Отечества.

2. Спортивно-ориентированное – акцентировано на спортивное совершенствование студенческой молодежи, развитие массового спорта и спорта высших достижений.

3. Оздоровительно-кондиционное – ориентирует студентов на укрепление и сохранение их здоровья.

Внеучебные физкультурно-спортивные мероприятия студентов включают: учебно-тренировочные занятия в различных спортивных секциях; спортивные соревнования разного уровня; физкультурно-оздоровительные и спортивно-массовые праздники, конкурсы, викторины, олимпиады и т.д.

Субъектами педагогической системы выступают преподаватели кафедры «Физическая культура», тренеры спортивных секций, специалисты по организации и проведению массовых физкультурно-спортивных мероприятий.

Субъекто-объектами проектируемой педагогической системы выступают студенты очной, заочной и вечерней формы обучения всех курсов, не имеющих противопоказаний по состоянию здоровья к занятиям физической культурой.

Педагогическое взаимодействие как специально организованный процесс, направленный на достижение цели педагогической системы, характеризуется взаимоотношением, взаимопониманием и взаимовлиянием.

В теоретическом разделе на учебных занятиях излагаются научные основы трех основных направлений приобщения студентов к физической культуре. Методические занятия предполагают освоение студентами умений и навыков использования теоретических знаний в практической деятельности, то есть в учебном труде, в будущей профессиональной деятельности, в личной и общественной жизни. На практических занятиях у студентов формируют необходимые двигательные умения и навыки, а также развивают физические способности.

Во внеучебное время студентов привлекают: к учебно-тренировочным занятиям по различным видам спорта, но, как правило, наиболее популярными в ВУЗе или регионе; к участию в соревнованиях, начиная от внутри ВУЗовских, городских и заканчивая международными; к участию в различных физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятиях не только в качестве непосредственных участников, но и организаторов, судей, групп поддержки, болельщиков, информационных центров и т.д. [1, с. 25].

В качестве основных средств в системе приобщения студентов к физической культуре можно выделить: спортивные сооружения; спортивное оборудование и инвентарь; учебно-наглядные пособия; технические и автоматизированные средства обучения; организационно-педагогические средства (учебные планы, учебные программы, карточки-задания и т.д.).

Однако наиболее эффективными средствами приобщения студентов к физической культуре в педагогической системе выступают так называемые «дидактические средства».

Дидактическими средствами служат предметы, являющиеся сенсомоторными стимулами, воздействующими на органы чувств студентов и облегчающими им косвенное непосредственное познание физической культуры. Они выступают средством побуждения к учебно-познавательной деятельности студентов, а также управления и контроля за педагогическим процессом.

В качестве основания для классификации дидактических средств чаще всего используется чувственная модальность. В этой связи дидактические средства подразделяются на: визуальные (зрительные), к которым относятся оригинальные предметы или их разнообразные эквиваленты; аудиальные (слуховые), включающие радио, магнитофоны, музыкальные инструменты и т.п.; аудиовизуальные (зрительно-слуховые), представляющие звуковое кино, телевидение, компьютеры и т.д.

Дидактические средства, в частности аудиовизуальные, выполняют такие функции, как мотива-

ционная (мотивируют к физкультурно-спортивной деятельности), информационная (передают информацию), управленческая (оптимизируют процесс приобщения к физической культуре) [6, с. 37].

В педагогическую систему приобщения студентов к физической культуре включены не только традиционные методы достижения цели, но и инновационные.

Традиционные методы основываются на определенных подходах. Так, если за основание принимается источник передачи информации и характер ее восприятия, то выделяют методы: словесные, наглядные и практические (рассказ, беседа, лекция, демонстрация, выполнение физических упражнений).

При гностическом подходе основание для формулировки методов является характер познавательной деятельности студентов. В этом случае методы называются: информационно-рецептивные, репродуктивные, проблемного изложения, эвристические, исследовательские.

Одним из наиболее эффективных методов включения в деятельность, в том числе и физкультурно-спортивную, является метод проектов.

Формы организации деятельности студентов в проектируемой педагогической системе приобщения студентов к физической культуре подразделяются на: урочные и внеурочные.

К урочным формам организации деятельности студентов традиционно относят: лекционные, семинарские, методические, практические и учебно-тренировочные занятия.

К внеурочным формам принято относить различные физкультурно-оздоровительные и спортивно-массовые мероприятия: соревнования, спартакиады, туристические походы, праздники, конкурсы, викторины, фестивали и т.д.).

Целью рассматриваемой педагогической системы является достижение каждым студентом своего определенного уровня физической подготовленности.

В данной педагогической системе субъектами выступают преподаватели кафедры «Физическая культура» и тренеры спортивных секций. То есть их круг несколько уже, чем в системе приобщения студентов к физической культуре.

А вот субъекто-объектами проектируемой педагогической системы также выступают студенты очной, заочной и вечерней формы обучения всех курсов, не имеющих противопоказаний по состоянию здоровья к занятиям физической культурой [10, с. 88].

Педагогическое взаимодействие в системе достижения студентами определенного уровня их физической подготовленности в большей мере,

чем в предыдущей системе, акцентировано на взаимопонимание.

Содержание деятельности педагогической системы достижения студентами определенного уровня физической в рамках учебных занятий по дисциплине «Физическая культура» включает теоретический, методический и практический разделы.

В теоретическом разделе на учебных занятиях излагаются научные основы формирования двигательных навыков и развития базовых физических способностей (быстроты, силы, выносливости, ловкости, гибкости и координационных способностей). Методические занятия предполагают освоение студентами практических умений и навыков по использованию теоретических знаний в учебно-тренировочном процессе, организованном как при участии преподавателей и тренеров, так и самостоятельно. На практических занятиях у студентов формируются необходимые двигательные умения и навыки, а также развивают физические способности.

Содержание деятельности педагогической системы достижения студентами определенного уровня физической подготовленности в рамках учебно-тренировочных занятий включает, в основном, практический раздел, в котором акцентируется внимание на совершенствовании техники двигательных действий в определенном виде спорта, развитии не только базовых физических способностей, но и специализированных, например, развитие специальной выносливости.

Основными средствами, направленными на достижение студентами определенного уровня физической подготовленности, в отличие от средств приобщения студентов к физической культуре, являются физические упражнения, а также факторы, способствующие усилению их воздействия на организм занимающихся (средства закаливания и гигиенические средства). Физические упражнения в данной системе подбираются в соответствии с задачами физической подготовки [2, с. 68].

По такому же принципу выбираются и методы выполнения физических упражнений. Однако специалисты отмечают, что для развития физических способностей и формирования двигательных навыков эффективнее всего оказывают воздействие методы строго регламентированного упражнения, где заранее точно задается величина, интенсивность и характер выполнения физической нагрузки.

Формы организации деятельности студентов в проектируемой педагогической системе достижения определенного уровня физической подготовленности также как и в предыдущей системе подразделяются на: урочные и внеурочные.

Урочными формами организации деятельности студентов традиционно считаются: лекционные, семинарские, методические, практические и учебно-тренировочные занятия. Эти занятия проводятся в рамках учебного расписания.

Во внеурочное время также приемлемы урочные формы организации занятий, направленные на достижение студентами определенного уровня физической подготовленности. Это, прежде всего, – учебно-тренировочные занятия [7, с. 14].

А вот внеурочные формы в системе достижения студентами определенного уровня физической подготовленности несколько отличаются от форм системы приобщения их к физической культуре. Так, наиболее эффективными формами организации в этом случае являются: самостоятельные занятия (утренняя гигиеническая гимнастика, самостоятельное выполнение заданий тренера-преподавателя; различные соревнования).

Физкультурно-спортивную деятельность по форме организации и управления можно разделить на четыре основные группы.

Первая группа – учебные занятия (лекционные, практические, методические) по дисциплине «Физическая культура» под руководством преподавателей кафедры.

Характерным организационно-управленческим признаком данных видов физкультурно-спортивной деятельности является обязательность посещения учебных занятий в соответствии с расписанием, строгий контроль и учет посещения со стороны преподавателей кафедры, регулярность аттестации студентов, итоговая аттестация в форме «зачет». Это достаточно жесткая система управления, но управляющее звено замыкается в основном на деятельности кафедры, то есть не имеет широкого и разнообразного воздействия на поведение студентов. Наиболее распространенным мотивом на учебных занятиях для студентов является итоговая аттестация и оценка, которая может быть представлена в различных рейтинговых системах. [9, с. 57]

Вторая группа – учебно-тренировочные занятия и соревнования под руководством тренеров-преподавателей по различным видам спорта. Как правило, общее руководство спортивной работой в ВУЗе осуществляет спортивный клуб. Ключевой характеристикой этого вида физкультурно-спортивной деятельности выступает желание и интерес студентов к занятиям спортом. Здесь, как правило, у студентов доминирует мотив достижения.

Третья группа – спортивно-массовые и физкультурно-оздоровительные мероприятия, туристические походы, фестивали, конкурсы и викторины под руководством ответственных за воспи-

тательную работу (заместителей деканов по воспитательной работе, проректора по воспитательной работе, кафедры «Физическая культура»). То есть спектр управляющих воздействий со стороны ВУЗа самый широкий из всех вышперечисленных видов физкультурно-спортивной деятельности. Доминирующим мотивом у студентов является общественное признание, важность и значимость их социальной деятельности.

Четвертая группа – самостоятельные занятия физической культурой (утренняя гигиеническая зарядка, самостоятельное выполнение индивидуальной программы физической подготовки, пешие прогулки, различные спортивно-массовые и физкультурно-спортивные мероприятия, проводимые вне учебного заведения представителями районных, городских, республиканских и всероссийских органов власти или общественных организаций (легкоатлетические и велопробеги, «Кросс нации», «Лыжня России» и т.д.). Прямые управляющие воздействия из внешней среды не поступают, студенты сами определяют свое поведение и свою деятельность [5, с. 49].

Для этого вида физкультурно-спортивной деятельности свойственен самый высокий уровень мотивации студентов.

И так, идеализированному студенту, включенному в физкультурно-спортивную деятельность, то есть приобщенному к физической культуре, впервые очередь характерно то, что он активно участвует во всех видах этой деятельности без исключения.

То есть, такой студент регулярно посещает все учебные учебно-тренировочные занятия (лекции, семинары, практические, тренировка в спортивной секции), участвует во всех видах соревнований (внутриВУзовские, районные, городские, областные и т.д.), участвует во всех проводимых физкультурно-спортивных мероприятиях в ВУЗе, районе, городе. Такой студент еще и самостоятельно занимается физическими упражнениями: ежедневно выполняет утреннюю гимнастику, выполняет домашние задания преподавателей и тренера, в каникулярное время, когда нет учебных и учебно-тренировочных занятий, самостоятельно поддерживает уровень своей физической подготовленности, совершенствует спортивное мастерство.

Во-вторых, объем времени, затрачиваемый на физкультурно-спортивную деятельность, должен быть оптимальным, так как существуют и другие, не менее важные виды деятельности, например учеба или работа. Специалисты указывают, что в возрасте 18-29 лет двигательная активность в одну неделю должна составлять не менее 9 часов (Требования комплекса ГТО 6 ступень). Из которых 90

минут отводится на обязательные занятия в ВУЗе, 120 минут – на занятия в спортивных секциях; 140 минут – на утреннюю гимнастику, 120 минут – на самостоятельные занятия физической культурой, и еще 75 минут на другие виды двигательной деятельности (спортивно-массовые и физкультурно-оздоровительные мероприятия, соревнования и т.д.). В каникулярное время объем двигательной активности должен быть не менее 4 часов [4, с. 118].

В-третьих, занятия физической культурой и спортом должны быть систематические, без длительных перерывов. Так, утренняя гимнастика идеальным студентом выполняется ежедневно, включая выходные и праздничные дни. Остальные виды физкультурно-спортивной деятельности в идеальном варианте должны распределяться таким образом, чтобы физическая нагрузка в течение недели была равномерной, без значительных ее изменений.

Например, если в один из дней студент посещает учебные занятия по физической культуре и активно выполняет все задания преподавателя, то в этот день занятия в спортивной секции не желательны.

В-четвертых, студенты, включенные в активную физкультурно-спортивную деятельность, будут иметь хорошие показатели физического развития, функциональной и физической подготовленности. Показателями физической подготовленности студентов является выполнение ими требований и нормативов комплекса ГТО соответствующих ступеней (в основном 6 ступень). Естественно, что в идеализированной модели уровень физической подготовленности должен соответствовать золотому значку.

Исходя из сформулированной цели педагогической системы, главным показателем ее результативности должен быть показатель, характеризующий количественное изменение студентов, приобщенных к физической культуре, то есть включенных во все виды физкультурно-спортивной деятельности, и достигших физической подготовленности уровня золотого значка ГТО 6 ступени для возрастной группы 18-24 года. За основу такого показателя принимается идеализированный студент.

Абсолютное значение такого показателя не приемлемо, так как количество студент в различных российских ВУЗах существенно отличается. В таком случае более объективным показателем будет относительное его значение, то есть доля студентов, достигшая полностью всех целевых ориентиров педагогической системы, от всех студентов, обучающихся в каждом конкретном ВУЗе.

Литература

1. Абрамов Д.Н. Психолого-педагогические аспекты личности в педагогической системе воспитания физической культуры студентов в процессе внеаудиторной спортивно-массовой работы ВУЗа // *Kant*. 2020. № 4 (37). С. 25.

2. Белухин О.А., Петьков В.А. Проектирование и реализация технологии формирования рекреативно-оздоровительной культуры студента // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3, Педагогика и психология*. 2021. № 1 (273). С. 68.

3. Бондин В.И., Степанова Т.А., Белавкина М.В. Мотивация к занятиям физической культурой и спортом как основа формирования культуры здоровья в студенческой среде // *ТиПФК*. 2020. № 1. С. 93.

4. Гружевский В.А. Формирование личностно-ориентированной мотивации у студентов к физической культуре // *Современное педагогическое образование*. 2020. № 2. С. 118.

5. Колокольцев М.М., Ермаков С.С. Физическая активность как фактор повышения качества жизни студентов // *Образование и наука*. 2020. № 5. С. 49.

6. Кубиева С.С., Ботагариев Т.А. Жетимеков Е.Т., Физическая подготовленность и физическое развитие студентов вузов различного профиля // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*. 2018. № 2 (9). С. 37.

7. Миронова С.П., Ольховская Е.Б. Инновационные образовательные технологии в сфере физической культуры и спорта: технология педагогического мониторинга // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 58-2. С. 14.

8. Пушкарская Ю.А., Алексанянц Г.Д., Медведева О.А., Логинов В.В. Эффективность модели дифференцированного развития физических качеств студентов вузов // *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2018. № 3. С. 70.

9. Савко Э.И., Хожемпо С.В. Студенческая молодежь и ее отношение к физической культуре, и здоровому образу жизни // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*. 2018. № 4 (11). С. 57.

10. Якимова Л.А., Емтыль Т.Х., Пешков Н.Н., Махинова М.В., Прокопчук Ю.А. Использование фитнес-технологий в учебном процессе вузов для формирования положительной мотивации к двигательной активности у обучающихся // *Физическая*

культура, спорт – наука и практика. 2019. № 4. С. 88.

References

1. Abramov D.N. Psihologo-pedagogicheskie aspekty lichnosti v pedagogicheskoy sisteme vospitaniya fizicheskoy kul'tury studentov v processe vneauditornoj sportivno-massovoj raboty VUZa. *Kant*. 2020. № 4 (37). S. 25.

2. Beluhin O.A., Pet'kov V.A. Proektirovanie i realizaciya tekhnologii formirovaniya rekreativno-ozdorovitel'noj kul'tury studenta. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Pedagogika i psihologiya*. 2021. № 1 (273). S. 68.

3. Bondin V.I., Stepanova T.A., Belavkina M.V. Motivaciya k zanyatijam fizicheskoy kul'turoj i sportom kak osnova formirovaniya kul'tury zdorov'ya v studencheskoj srede. *TiPFK*. 2020. № 1. S. 93.

4. Gruzhevskij V.A. Formirovanie lichnostno-orientirovannoj motivacii u studentov k fizicheskoy kul'ture. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2020. № 2. S. 118.

5. Kolokol'cev M.M., Ermakov S.S. Fizicheskaya aktivnost' kak faktor povysheniya kachestva zhizni studentov. *Obrazovanie i nauka*. 2020. № 5. S. 49.

6. Kubieva S.S., Botagariev T.A. ZHetimekov E.T., Fizicheskaya podgotovlennost' i fizicheskoe razvitie studentov vuzov razlichnogo profilya. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta*. 2018. № 2 (9). S. 37.

7. Mironova S.P., Ol'hovskaya E.B. Innovacionnye obrazovatel'nye tekhnologii v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta: tekhnologiya pedagogicheskogo monitoringa. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2018. № 58-2. S. 14.

8. Pushkarskaya Yu.A., Aleksanyanc G.D., Medvedeva O.A., Loginov V.V. Effektivnost' modeli differencirovannogo razvitiya fizicheskikh kachestv studentov vuzov. *Pedagogiko-psihologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta*. 2018. № 3. S. 70.

9. Savko E.I., Hozhempo S.V. Studencheskaya molodezh' i ee otnoshenie k fizicheskoy kul'ture, i zdorovomu obrazu zhizni. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta*. 2018. № 4 (11). S. 57.

10. YAkimova L.A., Emtyl' T.H., Peshkov N.N., Mahinova M.V., Prokopchuk YU.A. Ispol'zovanie fitnes-tekhnologij v uchebnom processe vuzov dlya formirovaniya polozhitel'noj motivacii k dvigatel'noj aktivnosti u obuchayushchihsya. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika*. 2019. № 4. S. 88.

**PEDAGOGICAL TECHNOLOGY OF PHYSICAL EDUCATION
OF STUDENTS IN RUSSIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS**

*Suchkov M.G.,
Ministry of Defense of the Russian Federation*

Abstract: the development of physical education and physical activity in modern Russian universities is a rather urgent problem, the study of which is currently given enough attention at various research levels. The most important thing at the stage of physical education of students is the opportunity to form students' need for physical culture and sports activities. As you know, this is a social need, but it is based on biological needs – movement and rest. In order for students to reach a certain level of physical fitness, it is also necessary to form their active behavior. Naturally, in order to form a functional system for students to achieve a certain level of physical fitness, it is necessary, first of all, to form their need for such achievements. In connection with the above, the author made an attempt of scientific analysis and critical understanding of the pedagogical technology of physical education of students in Russian universities.

Keywords: physical education of students, pedagogical technology, development of physical training, need for physical culture

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВОК ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Бесов Е.В.,

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны

Аннотация: проведен анализ особенностей профессиональной деятельности и специфики организации физической подготовки офицеров-выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза, а также существующих нормативно-правовых документов по физической подготовке при прохождении плановой стажировке курсантов, предусмотренных тематическим планом.

Отмечается, навыки в распределении, переключении внимания, анализе поступающей информации, оценка соответствия заданным параметрам в короткие сроки является неотъемлемой и важной частью военно-профессиональной подготовки выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза, а каждый из элементов военно-профессиональной деятельности данной категории военнослужащих весьма специфичен, и для успешной работы необходимы сенсорные, умственные, двигательные и другие навыки.

Делается заключение, что в ходе проведенного анализа особенностей профессиональной деятельности и специфики организации физической подготовки офицеров-выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО, а также существующих нормативно-правовых документов по физической подготовке существует необходимость проведения разработки экспериментальной модели физической подготовки офицеров-выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО при подготовке к выполнению своих военно-профессиональных обязанностей к боевым действиям и проверить ее эффективность.

Ключевые слова: выпускник, физическая подготовка, навык, военно-профессиональная деятельность, военный вуз

Введение

Исследование и определение путей, направленных на оптимизацию и совершенствование путей, повышения эффективности военно-профессиональной подготовки выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО-ПРО) всегда представлял и останется актуальным и в будущем. Важнейшей задачей в системе профессионального обучения специалистов по стартовому, технологическому и энергетическому оборудованию продолжает оставаться задача качественной организации физической подготовки, в особенности в условиях учебно-боевой деятельности, а также при подготовке к боевым действиям.

Однако, в настоящее время, недостаточно работ, посвященных рассмотрению вопросов организации физической подготовки выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО при подготовке к выполнению задач военно-профессиональной деятельности [2, с. 27].

Изучение особенностей профессиональной деятельности и специфики организации физической подготовки выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО проводилось нами на при прохождении плановой стажировки курсантов, предусмотренных тематическим планом военного вуза.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенности выполнения задач военно-профессиональной деятельности по предназначению выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО по время стажировки создают условия для занятий по физической подготовке как в форме утренней физической зарядки, самостоятельной физической тренировки, так и в форме спортивной работы [3, с. 145]. Например, выпускники факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО выполняют поставленные задачи военно-профессиональной направленности, используя один и тот же набор двигательных актов. Кроме этого, выполнение задач по несению караульной службы, по составу выполняемых двигательных актов так же не отличается от службы в пунктах постоянной дислокации.

При этом, в местах постоянной дислокации создаются условия для занятий физической подготовкой и спортивной работой. Состав, количество и форма проведения физкультурно-спортивных мероприятий зависит от компетентности и кругозора специалиста по физической подготовке воинской части, где проходит стажировку выпускник факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военных вуза ПВО-ПРО.

По сути, стажировка выпускника факультета стартового, технологического и энергетического

оборудования военного вуза ПВО-ПРО – это боевая учеба, поэтапное формирование специальных навыков и умений, необходимых военнослужащему при выполнении военно-профессиональных задач, доведение их до автоматизма, обеспечивающего целенаправленную деятельность в условиях боевой обстановки [6, с. 23].

Для каждой военной специальности есть сборники нормативов, упражнений, операций, в ходе многократного выполнения которых формируются и совершенствуются необходимые навыки. Логично, что для каждой военной специальности (или групп военных специальностей) будут формироваться специфичные двигательные навыки. Выполнение одних упражнений и нормативов связано с пространственно-временными рамками, физическим напряжением, других – с максимальной концентрацией внимания и координацией движений.

Таким образом, содержание подготовки военнослужащих различных групп военных специальностей выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО должно иметь кардинальные отличия.

Рассматривая учебно-боевую деятельность через призму двигательных навыков, по мнению ряда специалистов, целесообразно разобраться с психофизиологической характеристикой военно-профессиональной деятельности офицеров-выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО [8, с. 105].

Каждый из элементов военно-профессиональной деятельности данной категории военнослужащих весьма специфичен, и для успешной работы необходимы сенсорные, умственные, двигательные и другие навыки [4, с. 37].

Сенсорный компонент навыка – это доведенные до совершенства действия, позволяющие быстро и точно воспринимать окружающую действительность (процесс от восприятия до формирования двигательного ответа).

Интеллектуальный компонент – процесс преобразования информации как результат построения программы (образ действия). Умственные навыки – это мыслительные действия, позволяющие человеку отражать в своем сознании сущность явлений окружающей действительности. Примером может служить оценка воздушной обстановки, обобщение показаний многочисленных приборов, оценка соответствия полученных результатов, заданному режиму работы.

Двигательный компонент – это управляющие движения, характеризующиеся своевременностью, точностью, скоростью, координацией. Двигатель-

ный динамический стереотип является физиологической основой навыка.

Для обеспечения выполнения поставленных задач военно-профессиональной деятельности выпускник факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО при прохождении стажировки и несении боевого дежурства должен постоянно осуществлять контроль за приборным оборудованием, оценивать точностно-пространственные характеристики, воздушную обстановку, принимать решения и осуществлять управляющие действия.

Деятельность выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза противовоздушной и противоракетной обороны включает непрерывное наблюдение за приборами для получения необходимой для принятия управленческого решения информации, воздушной обстановке, анализ этой информации.

В зависимости от сложности решаемых военно-профессиональных задач требуется определенная сбалансированность рабочей информации [9, с. 55]. Наиболее высокое качество принятия правильных решений наблюдается, если контроль за получаемыми информационными параметрами осуществляется с дискретностью не более 2 с. Отвлечение параметров более чем на 2 с. сопровождается изменением заданных режимов для принятия правильного решения.

Таким образом, навыки в распределении, переключении внимания, анализе поступающей информации, оценка соответствия заданным параметрам в короткие сроки является неотъемлемой и важной частью военно-профессиональной подготовки выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО.

Выполнение задач, стоящих перед выпускником факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО предъявляет к нему высокие требования к двигательной координации.

В ходе выполнения задач военно-профессиональной деятельности, даже в простых условиях, на различных этапах выпускники факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО испытывают нервно-эмоциональное напряжение, которое проявляется в физиологических реакциях организма.

Чем лучше будущий специалист ПВО-ПРО подготовлен к выполнению задач военно-профессиональной деятельности, тем меньше напряжение физиологических систем отмечается у него при несении боевого дежурства.

Сопоставление структуры управляющих движений и уровня нервно-эмоционального напряжения выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО на различных этапах выполнения учебно-боевых и боевых задач свидетельствует, что наиболее сложным являются контроль и принятие управленческих решений [1, с. 29].

Высокое нервно-эмоциональное напряжение при выполнении учебно-боевых и боевых задач проявляется в характере изменения темпа рабочих операций, а также в изменении частоты пульса, дыхания и других физиологических показателей. Данные проявления чаще наблюдаются у малоопытных офицеров или офицеров, имеющих низкий уровень физической подготовленности и нервно-психологической устойчивости.

Уровень подготовки выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО характеризуется следующими психофизиологическими показателями:

- правильность оценки воздушной и навигационной обстановки;
- характер распределения и переключения внимания;
- время реакции на оперативно поступающую информацию;
- количественная и качественная характеристика выполняемых рабочих операций по данным объективного контроля.

У выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО со слабой тренировкой вестибулярного аппарата, недостаточно физически подготовленных или с пониженным функциональным состоянием организма под влиянием часто повторяющегося воздействия перегрузок может появляться головокружение, вялость, тошнота и другие негативные симптомы. Целенаправленная тренировка координационных способностей во время физической подготовки, допуск для несения боевого дежурства только при оптимальном функциональном состоянии организма являются основным направлением в профилактике отмеченных нарушений.

Следовательно, физическая подготовка выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО должна быть направлена на:

- использование циклических упражнений (преимущественно плавания, гребли, езды на велосипеде, ходьбы на лыжах), а также потягивающих и растягивающих упражнений в основном на позвоночник;
- развитие и расширение зрительного кругозора

путем применения в практике подвижных и спортивных игр;

По мнению большинства специалистов по физической подготовке, а также офицеров-выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО для проверки уровня физической подготовленности целесообразно разработать единый тест, в который включить упражнения, характеризующие развитие мышечных групп тела (подтягивание на перекладине, поднос ног к перекладине, тройной прыжок с места), вестибулярного аппарата (акробатические упражнения, в зависимости от условий и наличия инвентаря и оборудования), координации (баскетбольный тест, передвижение по узкой опоре (бревну), скоростной выносливости (бег на 400 м или 4x100). Проверку надлежит проводить по возрастным группам [7, с. 193].

В боевых условиях физическую подготовку необходимо направить на реабилитацию военнослужащих войск ПВО-ПРО средствами физической подготовки (потягивающими упражнениями на позвоночник, спортивными и подвижными играми, упражнениями с собственным весом).

Вместе с этим, большинство специалистов считает, что в настоящее время вопросам построения физической подготовки офицеров-выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО при выполнении военно-профессиональных обязанностей в условиях прохождения стажировки, при подготовке к выполнению учебно-боевых и боевых задач не уделяется должного внимания [5, с. 17].

Заключение

Таким образом, в ходе анализа особенностей профессиональной деятельности и специфики организации физической подготовки офицеров-выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО, а также существующих нормативно-правовых документов по физической подготовке существует необходимость проведения разработки экспериментальной модели физической подготовки офицеров-выпускников факультета стартового, технологического и энергетического оборудования военного вуза ПВО-ПРО при подготовке к выполнению своих военно-профессиональных обязанностей к боевым действиям и проверить ее эффективность.

Литература

1. Богатырев Р.В., Борисов А.В. Модель физической подготовки офицеров Воздушно-космических сил после возвращения из зоны боевых действий // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 7 (149). С. 28 – 32.
2. Борисов А.В., Антрофиков С.А., Себихов И.Ф. Факторы, противоречия и условия, необходимые для оптимизации системы физической подготовки войск противовоздушной и противоракетной обороны Воздушно-космических сил ВС РФ // Теория и практика служебно-прикладной физической подготовки. 2019. № 1 (5). С. 26 – 35.
3. Борисов А.В., Буриков А.В., Елькин Ю.Г. Особенности занятий по физической подготовке с военнослужащими противовоздушной обороны и противоракетной обороны в режиме служебного времени // Современные наукоемкие технологии, 2019. № 12-1. С. 144 – 148.
4. Борисов А.В., Воронов Н.А., Васин В.Н. Физическая подготовка в военно-профессиональной деятельности военнослужащих Воздушно-космических сил // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. С. 37.
5. Буриков А.В., Васин В.Н., Бугаев А.В. Исследование показателей физической подготовленности курсантов высшего военного учебного заведения // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 3. № 6. С. 16 – 19.
6. Буриков А.В., Скрипачев С.А., Бесов Е.В. Особенности организации физической подготовки военнослужащих войск противовоздушной обороны // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 9. С. 21 – 24.
7. Васин В.Н., Буриков А.В., Горохов А.В. Результаты педагогического эксперимента по совершенствованию уровня физической подготовки военнослужащих // Современный ученый. 2020. № 2. С. 191 – 195.
8. Елькин Ю.Г., Буриков А.В. Проблемные вопросы физической подготовки в высших военных учебных заведениях // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны, Ярославль, 2021. № 1 (12). С. 100 – 107.
9. Коритчук В.В., Доценко С.А. Реализация компетентностного подхода в подготовке

офицеров ракетных войск и артиллерии // Военная мысль. 2012. № 12. С. 50 – 57.

References

1. Bogatyrev R.V., Borisov A.V. Model' fizicheskoy podgotovki oficerov Vozdushno-kosmicheskikh sil posle vozvrashcheniya iz zony boevykh dejstvij. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2017. № 7 (149). S. 28 – 32.
2. Borisov A.V., Antrofikov S.A., Sebihov I.F. Faktory, protivorechiya i usloviya, neobhodimye dlya optimizacii sistemy fizicheskoy podgotovki vojsk protivovozdushnoj i protivoraketnoj oborony Vozdushno-kosmicheskikh sil VS RF. Teoriya i praktika sluzhebno-prikladnoj fizicheskoy podgotovki. 2019. № 1 (5). S. 26 – 35.
3. Borisov A.V., Burikov A.V., El'kin YU.G. Oso-bennosti zanyatij po fizicheskoy podgotovke s voennosluzhashchimi protivovozdushnoj oborony i protivoraketnoj oborony v rezhime sluzhebno-govremeni. Sovremennye naukoemkie tekhnologii, 2019. № 12-1. S. 144 – 148.
4. Borisov A.V., Voronov N.A., Vasin V.N. Fizi-cheskaya podgotovka v voenno-professional'noj deyatel'nosti voennosluzhashchih Vozdushno-kosmicheskikh sil. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2019. № 5. S. 37.
5. Burikov A.V., Vasin V.N., Bugaev A.V. Issle-dovanie pokazatelej fizicheskoy podgotovlennosti kursantov vysshego voennogo uchebnogo zavedeniya. Obzor pedagogicheskikh issledovanij. 2021. T. 3. № 6. S. 16 – 19.
6. Burikov A.V., Skripachev S.A., Besov E.V. Oso-bennosti organizacii fizicheskoy podgotovki voennosluzhashchih vojsk protivovozdushnoj oborony. Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2021. № 9. S. 21 – 24.
7. Vasin V.N., Burikov A.V., Gorohov A.V. Rezu-l'taty pedagogicheskogo eksperimenta po sovershenstvovaniyu urovnya fizicheskoy podgotovki voennosluzhashchih. Sovremennyy uchenyj. 2020. № 2. S. 191 – 195.
8. El'kin YU.G., Burikov A.V. Problemnye vo-prosy fizicheskoy podgotovki v vysshih voennykh uchebnykh zavedeniyah. Vestnik YAroslavskogo vysshego voennogo uchilishcha protivovozdushnoj oborony, YAroslav', 2021. № 1 (12). S. 100 – 107.
9. Koritchuk V.V., Docenko S.A. Realizaciya kompetentnostnogo podhoda v podgotovke oficerov raketnykh vojsk i artillerii. Voennaya mysl'. 2012. № 12. S. 50 – 57.

**INTERRELATION OF PROFESSIONAL AND PHYSICAL TRAINING
IN THE PERFORMANCE OF MILITARY PROFESSIONAL
ACTIVITIES OF MILITARY PERSONNEL**

*Besov E. V.,
Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense*

Abstract: the analysis of the features of professional activity and the specifics of the organization of physical training of graduate officers of the faculty of starting, technological and power equipment of a military university, as well as existing legal documents on physical training during the planned internship of cadets, provided for by the thematic plan.

It is noted that the skills in distributing, switching attention, analyzing incoming information, assessing compliance with the specified parameters in a short time are an integral and important part of the military professional training of graduates of the faculty of starting, technological and power equipment of a military university, and each of the elements of the military professional activity of this category military personnel is very specific, and sensory, mental, motor and other skills are necessary for successful work.

It is concluded that in the course of the analysis of the features of professional activity and the specifics of the organization of physical training of officers-graduates of the faculty of starting, technological and power equipment of a military university of air defense and missile defense, as well as existing legal documents on physical training, there is a need to develop an experimental model of physical training officers-graduates of the faculty of starting, technological and power equipment of the military university of air defense-missile defense in preparation for the performance of their military professional duties for combat operations and check its effectiveness.

Keywords: graduate, physical training, skill, military professional activity, military university

ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД

*Гаврюшкин А.Н.,
Кутимский А.М.,
Восточно-Сибирский институт
Министерства Внутренних Дел России*

Аннотация: актуальность темы обуславливается динамическими изменениями во всех сферах общественной жизни, которые неизбежно, в полной мере касаются различных аспектов выполнения сотрудниками органов внутренних дел своих служебных обязанностей, а в частности условия несения службы, социальная обстановка, складывающаяся вокруг сотрудников по причине их социального и правового статуса, специфика задач конкретных подразделений системы МВД, а также психологической нагрузки, возникающей из нештатных и экстремальных ситуаций. Формирование морально-нравственных ценностей в процессе физической подготовки сотрудников органов внутренних дел напрямую влияет на качество и эффективность выполнения оперативно-служебных задач. В статье рассматриваются цели, задачи и актуальные проблемы формирования морально-нравственных ориентиров в процессе физической подготовки сотрудников органов внутренних дел. Оценивается роль физической культуры в развитии системы моральных ценностей как элемента профессиональной пригодности сотрудников к несению службы. Освещаются перспективные концепции формирования морально-ценностной ориентации сотрудников в процессе организации и проведения физической подготовки.

Ключевые слова: нравственность, физическая подготовка, ценностная ориентация, сотрудник ОВД, профессиональная подготовка, физическая культура

Формирование морально-нравственных ориентиров в процессе профессиональной подготовки сотрудников ОВД играет фундаментальную роль. Степень профессиональной пригодности сотрудника, уровень его стрессоустойчивости, а также выполнение оперативно-служебных задач в строгом соответствии с действующим законодательством напрямую зависит от развитой системы ценностных ориентиров. Условия несения службы, как и специфика задач, возлагаемых на сотрудника, вкупе с перманентной стрессовой обстановкой, вызванной множеством негативных аспектов работы накладывают серьезный отпечаток на психологическое состояние сотрудника, и несет риск развития тяжелой профессиональной деформации.

В свою очередь, профессиональная деформация, как правило, сказывается на несвязанных со службой сферах жизни сотрудника органов внутренних дел. На почве стресса могут возникать проблемы в семейных отношениях, отношениях внутри коллектива [1].

Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел несет цель не только необходимого физического развития, но и повышения стрессоустойчивости, хладнокровия и формирования правильного с точки зрения права и морали взгляда на разрешение различных негативных ситуаций, возникающих в процессе несения службы. Выполнение физических упражнений в соответствии с применяемыми и перспективными методиками психофизической подготовки в полной мере способствуют формированию системы морально-нравственных ориентиров, необходимых

для добросовестного выполнения сотрудниками служебных задач, а также для соблюдения принципов законности и справедливости в области работы полицейского аппарата государства в целом.

Исследователи придерживаются различных взглядов на определение понятия морально-нравственных ориентиров [2]. Изначально, мораль и нравственность изучались философскими науками и понимались как системы духовных принципов и установок, направленных на соблюдение человеком фундаментальных начал добра, чести, долга и любви. В аспекте осуществления профессиональной деятельности, а в частности, правоохранительной, морально-нравственные ориентиры регулируют межличностные отношения, направляя их в сторону гуманизации и законопослушности.

Целью формирования системы морально-нравственных ценностей в органах внутренних дел является стремление к обеспечению законности, справедливости и человечности при осуществлении правоохранительной деятельности [3].

В процессе физической подготовки сотрудников органов внутренних дел, развития ценностной ориентации играет одну из ключевых ролей, так как строится на основных принципах физической культуры, таких как принцип гармоничного развития личности.

Данный принцип предполагает организацию физического воспитания таким образом, чтобы физическое совершенствование в полной мере распространялось на духовную сущность человека. Существуют две основополагающие концепции

ции соблюдения и практической реализации данного принципа:

1. Комплексный социально-психологический подход к физическому воспитанию;

2. Соблюдение всестороннего развития физических возможностей и специальных знаний.

Комплексный социально-психологический подход предполагает организацию физического воспитания, построенную с учетом интеллектуальных, моральных, нравственных и эстетических аспектов физической культуры.

Различные виды спорта, помимо правил и ограничений имеют такие культурные черты как атрибутика, этикет, а также негласные принципы, на которых строится философия конкретной спортивной дисциплины. Любой вид спорта, как и практически любой вид профессиональной деятельности, в том числе, правоохранительной, всегда предполагает наличие гласного и негласного принципа соперничества. В командных играх, соперничество и состязательность выражаются в соблюдении правил, принципа честной игры. Единоборства, в свою очередь, имеют ряд ограничений, на основании которых осуществляется судейство, начисление очков в поединках. Немаловажным фактором в формировании морально-нравственных ориентиров, а также соблюдении принципов соперничества и состязательности является уважение к сопернику. Данный аспект применим в различных сферах общественной жизни. В спортивных дисциплинах он выражается в таких элементах, как рукопожатия между соперниками, взаимный поклон в восточных единоборствах, а также в проведении товарищеских встреч. В правоохранительной деятельности, указанные принципы выражаются в соблюдении законности, справедливости и охране конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Соблюдение порядков всестороннего развития физических и профессиональных качеств выражается во взаимосвязи степени физического развития и наличия практической возможности применения и реализации специальных навыков, необходимых для выполнения оперативно-служебных задач. Любой специальный навык может быть освоен сотрудником только при достаточной степени физической и психологической подготовленности к реализации элементов такого навыка. Например, применение приемов спортивных и боевых единоборств предполагает выполнение комплекса подготовительных упражнений.

Психологический и соматический опыт, набираемый сотрудником в процессе физической подготовки, напрямую влияет на качество выполнения им должностных обязанностей. Стрессоустойчивость, формируемая в результате выполнения

функциональных комплексов физических упражнений, принцип уважения к сопернику, культивируемый посредством применения методик спортивных и боевых единоборств благотворно влияют на избежание возникновения профессиональной деформации и развитие коррупциогенного фактора несения службы.

Профессиональная деформация сотрудников является одной из основных проблем социальной адаптации. Ее развитие обуславливается высоким уровнем стресса в процессе несения службы, а также различными социально-культурными факторами, влияющими на психологическое состояние сотрудников органов внутренних дел. Выполнение функциональных комплексов физических упражнений в процессе подготовки, а также обильная двигательная активность в период несения службы способствует как формированию стрессоустойчивости, так и развитию морально-нравственных качеств, которые положительно влияют на состояние самосознания сотрудника.

Коррупциогенный фактор, на сегодняшний день, является одним из основных факторов, негативно влияющих на эффективность работы сотрудников полиции, а также на восприятие социумом полицейского аппарата государства. Соблюдение принципов физической культуры и спорта в процессе физической подготовки способно сформировать в сотрудниках степень осознания социальной и юридической ответственности, необходимую для законного и эффективного выполнения должностных обязанностей.

В процессе физической подготовки сотрудников, соблюдение указанных спортивных и физкультурных принципов напрямую влияют на степень социальной ответственности, совершенствование нравственности, формирование правосознания, гуманизма и справедливости.

Выполнение физических упражнений в рамках спортивных игр, единоборств и различных систем психофизической подготовки подразумевает соблюдение их индивидуальных принципов и правил. В результате использования указанных методик физической подготовки, в сознании сотрудника формируется система фундаментальных морально-нравственных ориентиров, в соответствии с которыми сотрудник строит и реализовывает тактику и методику выполнения оперативно-служебных задач.

Также стоит отметить, что от степени морально-нравственного развития косвенно зависит поведение сотрудника в нестандартных и экстремальных ситуациях. Сохранение хладнокровия, решимости, понимание сущности справедливости и развитая система ценностных ориентиров при несении службы прямо влияют на степень законности дей-

ствий сотрудника при разрешении таких ситуаций [4]. Более того, от уровня психофизической подготовки вкпе с развитым комплексом морально-нравственных ценностей может зависеть и выживаемость сотрудника.

Соблюдение фундаментальных принципов физической культуры и спорта способно сформировать в сознании сотрудника комплекс моральных и нравственных ценностей, в соответствии которыми, профессиональная деятельность сотрудника будет отвечать основополагающим началам законности и гуманизма.

Спортивные дисциплины, а также методики психофизической подготовки располагают широким спектром моральных ориентиров, культивирование которых в сознании сотрудника благотворно влияют на качественное выполнение им должностных обязанностей [5].

Проведение и организация физической подготовки сотрудников органов внутренних дел с учетом нравственных принципов физической культуры и спорта также положительно влияют на предупреждение формирования профессиональной деформации и возникновение коррупциогенного фактора в ходе несение службы, а совершенствование используемых методик физического воспитания, как и внедрение новых должно производиться с учетом необходимости повышения степени социальной ответственности и морально-нравственного развития сотрудников.

Литература

1. Пуни А.Ц. Некоторые вопросы теории воли и волевой подготовки в спорте: психология и современный спорт / сост. П.А. Рудик и др. М.: ФиС, 1973. С. 144 – 162.
2. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. М., 1957. 463 с.
3. Гоноблин Ф.Н. Психология. М., 1996. С. 356 – 367.
4. Селиванов В.И. Воля и ее воспитание. Рязань, 1992. 78 с.
5. Корниенко Н.А. Психологические основы эмоционально-нравственного развития личности. М., 1997. 580 с.

References

1. Puni A.C. Nekotorye voprosy teorii voli i volevoj podgotovki v sporte: psihologiya i sovremennyj sport. sost. P.A. Rudik i dr. M.: FiS, 1973. S. 144 – 162.
2. Makarenko A.S. Pedagogicheskie sochineniya. M., 1957. 463 s.
3. Gonoblin F.N. Psihologiya. M., 1996. S. 356 – 367.
4. Selivanov V.I. Volya i ee vospitanie. Ryazan', 1992. 78 s.
5. Kornienko N.A. Psihologicheskie osnovy emotional'no-nravstvennogo razvitiya lichnosti. M., 1997. 580 s.

FORMATION OF MORAL AND ETHICAL GUIDELINES IN THE PROCESS OF PHYSICAL TRAINING OF ATS STAFF

Gavryushkin A.N.,

Kutimsky A.M.,

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the relevance of the topic is determined by dynamic changes in all spheres of public life, which inevitably, fully relate to various aspects of the performance of their official duties by employees of the internal affairs bodies, and in particular the conditions of service, the social situation that develops around employees due to their social and legal status. the specifics of the tasks of specific units of the MIA system, as well as the psychological burden arising from emergency and extreme situations.

The formation of moral values in the process of physical training of employees of internal affairs bodies directly affects the quality and efficiency of the performance of operational tasks. The article discusses the goals, objectives and actual problems of the formation of moral guidelines in the process of physical training of employees of internal affairs bodies. The role of physical culture in the development of a system of moral values as an element of the professional suitability of employees for service is assessed. Perspective concepts of the formation of the moral and value orientation of employees in the process of organizing and conducting physical training are highlighted.

Keywords: morality, physical training, value orientation, police officer, vocational training, physical education

ПРИМЕНЕНИЕ ТРЕНАЖЕРНОГО КОМПЛЕКСА PULLEY TOWER КАК СРЕДСТВО ФИЗИЧЕСКОЙ РЕКРЕАЦИИ СПОРТСМЕНОВ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ, ЗАВЕРШИВШИХ СПОРТИВНУЮ КАРЬЕРУ

*Савельева В.В., аспирант,
Российский государственный педагогический
университет им. Герцена,
Международный центр консультации и тренинга, Москва*

Аннотация: в данной статье анализируется функциональное и физическое состояние профессиональных спортсменов высокой квалификации, когда они планируют завершить свою спортивную карьеру, а также для спортсменов уже завершивших ее и находящихся в условиях дезадаптации. Описан разработанный комплекс упражнений на тренажерном аппарате Pulley Tower для поддержания функционального и физического состояний высококвалифицированного спортсмена. Представлены полученные данные, которые свидетельствуют об эффективном положительном воздействии разработанного комплекса упражнений на оборудовании Pulley Tower для восстановления функциональных возможностей различных систем организма, укрепления суставов, всех основных мышечных групп, развитие гибкости, что в целом позволяет оптимально поддерживать физические возможности и состояние спортсменов на высоком уровне. В результате проведенного исследования получены результативные данные, которые подтверждают, что разработанный комплекс упражнений на тренажере Pulley Tower может быть использован, как средство физической рекреации спортсмена высокой квалификации, который завершил спортивную карьеру. Он будет способствовать поддержанию активного двигательного стереотипа, что по своим элементам будет сопоставимо с основными спортивными движениями, а также позволит спортсмену сохранить свои навыки, физическое развитие всех систем организма на уровне физической подготовки, адаптированной к активной жизни после занятий профессиональным спортом. Практическая значимость и новизна работы заключаются в установлении важного переходного элемента, который позволит сохранить функциональную способность организма спортсмена без длительных и интенсивных тренировок. Разработанные занятия на тренажере Pulley Tower создают адаптационную систему для спортсменов.

Ключевые слова: дезадаптация, комплекс упражнений, Pulley Tower, физическое состояние, спортсмен, завершение спортивной карьеры

Введение

Прекращение спортивной карьеры является неизбежным периодом для любого спортсмена. Причина данного может быть связана: с потерей личного тренера, окончанием сезона, уходом из команды, получением травмы, снижением мотивации, конфликтом с родителями и многим другим. Как показывают социологические исследования одним из ведущих мотивов прекращения спортивной деятельности является состояние здоровья спортсмена, как износ функциональных систем или фактор травмы [3, с. 2]. Значительное число спортсменов уже на ранних этапах спортивной карьеры приобретают хронические заболевания, которые отягощаются полученными травмами [2, с. 112]. Период завершения спортивной карьеры в некоторых видах спорта приходится на момент пика раскрытия двигательного потенциала и физических способностей спортсмена, а сам период окончания спортивной карьеры усугубляет неблагоприятные условия для многих органов и систем. Резкое снижение объема тренировки, вплоть до полного прекращения или использование низких нагрузок, не позволяющих обеспечить поддержание достигнутого уровня приспособительных изменений и приводит к дезадаптации – процессу, обратному адаптации [1, с. 42]. Процесс

дезадаптации демонстрирует исключительно быструю утрату компонентов подготовленности, относящихся к возможностям энергетических систем [1, с. 44].

Очевидно, что спортсмену предстоит решать задачи не только социальной адаптации и психологического кризиса, но искать подход к своему физическому состоянию [4, с. 291]. Кризис завершения спортивной карьеры, который усложняется, как выделяют исследователи, внезапностью ухода из спорта, отсутствием предварительной подготовки к нему, смене образа жизни, пассивной позицией спортсмена по отношению к своей судьбе и карьере, отсутствием материальной и психологической поддержки, разницей в социальном статусе в спорте и вне его, что может только усугубиться при наличии проблем со здоровьем, которые есть у всех спортсменов [8, с. 214].

Актуальной в связи с этим является проблема своевременной физической рекреации, которая в свою очередь создает условия для уменьшения острых моментов, рационального и методичного подхода, как к самому спортсмену высокой квалификации, но кто уже завершил свою спортивную карьеру, так и личности спортсмена к своему здоровью [2, с. 123]. Отношение к тем проблемам, трудностям и противоречиям, которые возникают

в ходе физической рекреации, что существенным образом зависят от пола, возраста, спортивного мастерства, вида спорта, психологических особенностей спортсмена и других факторов, которые являются предметом социологического анализа [10, с. 1315].

Цель исследования

Научно обосновать применение комплекса физических упражнений с использованием тренажера Pulley Tower для поддержания функциональных систем и физического состояния спортсмена высокой квалификации, завершившего спортивную карьеру в условиях его дезадаптации.

Методы организации исследования

Исследование было проведено на спортивных базах, которые располагались в городе Москве, городах Московской области и в Санкт-Петербурге. Педагогический эксперимент проходил в течение 2018-2021 годов. Основными базами исследования были СДЮШ и олимпийский техникум в городе Звенигород, который специализируется по спортивной гимнастике и акробатике. Другой основной базой была школа спортивных танцев «ПроТело». Исследования проводились в спортивных залах. Испытуемыми были 36 профессиональных спортсменов высокой квалификации, среди которых 23 индивида находились в период завершения своей спортивной карьеры (2019-2021) и 13 человек завершившие спортивную карьеру (2018-2021). Возраст респондентов был от 17 до 25 лет. Все спортсмены ранее выступали за сборную РФ, они занимались сложно координированными видами спорта, как спортивная гимнастика, спортивная акробатика и спортивные танцы. Из них было заслуженных мастеров спорта – 3, мастеров спорта международного класса – 15, мастеров спорта – 18 человек.

Был проведен опрос, как специалистов тренажера Pulley Tower, так и спортсменов. Тренера отвечали на вопросы специально разработанной анкеты для определения направления тренажера. Всего в опросе участвовало 67 специалистов. Следует отметить, что специалисты могли дать положительный или отрицательный ответ по нескольким направлениям сразу. Также анкетирование было проведено среди 36 спортсменов, которые при завершении своей спортивной карьеры использовали стандартные методики и программы для поддержания двигательного режима, как оздоровительные

двигательные системы, спортивные игры, плавание, медленный бег, ходьба, отдельные спортсмены выступают в серии соревнований для ветеранов. Анкета направлена на оценку физического состояния спортсмена, его здоровья, на определение приоритетов в жизнедеятельности, мотивации к восстановлению здоровья и дальнейшей физической рекреации, на изучение сознательного отношения к своему здоровью в будущем.

Обсуждение и результаты исследования

На первом этапе работы при анализе данных опроса было выявлено, что большинство исследуемых считает, что общее состояние их здоровья удовлетворительное (69%). Только 1,8% характеризуют его, как хорошее и почти треть респондентов (29,9%) имеет плохое здоровье. Также большинство опрошенных (77,5%) главными целями на ближайший год считают физическое восстановление, они готовы целенаправленно заниматься физической рекреацией. Среди них 2% при использовании стандартных методов или средства ОФП и СФП своих видов спорта, а 20,7% готовы рассматривать физическую рекреацию в будущем, уже по факту возникновения проблем со здоровьем. В целом большая часть опрошенных, которая состоит из 29 (80,5%) человек, считают для себя возможным полное физическое восстановление. Средняя степень неуверенности в данном была выявлена у 5 человек (13,8%). Сильная степень неуверенности в возможности своего физического восстановления проявилась у 2 человек (5,5%). Также педагогическое уточнение позволило выявить, что частой причиной завершения спортивной карьеры стали полученные травмы, которые были у 58% опрошенных.

Анализ полученных данных определяет необходимость разработать комплекс упражнений для своевременной адаптации спортсменов после завершения их спортивной карьеры. Данное позволит стабилизировать состояние спортсменов и создаст условия для их психоэмоциональной и функциональной поддержки.

Pulley Tower (рис. 1) является многофункциональным тренажером, основными элементами которого создается «искусственно управляющая среда», сущность которой заключается в создании определенного силового окружения при выполнении движений с целью направленного изменения интенсивности взаимодействия человека с внешней средой [6, с. 72].

Рис. 1. Многофункциональным тренажер Pulley Tower

Вызванные этим следовые изменения, как силовые, координационные и прочее в деятельности систем организма создают предпосылки для дальнейшего, как спортивного совершенствования, так и для поддержания, восстановления организма в целом [8, с. 91]. Сущность разработанной концепции «искусственно управляющей средой» заключается в создании определенного силового окружения при выполнении движений с целью направленного изменения интенсивности взаимодействия человека с внешней средой. Реализация концепции «искусственной управляющей среды» осуществляется по 6 направлениям. Данное было подвержено при опросе специалистов тренажера Pulley Tower. Результаты которого показали, что тренажер Pulley Tower соответствует 6 направлениям одновременно. А именно тренажер моделирует деятельность, в которой искусственно ограничиваются отрицательные влияния внешних сил, где в частности силы тяжести или силы сопротивления среды работают по принципу облегчающего лидирования, что позволяет комплексно формировать пространственную, временную, динамическую и ритмическую структуры движений спортсмена [6, с. 78]. Это способствует и снижению влияния негативных факторов предметной среды в процессе выполнения двигательных действий, где за счет уменьшения и перераспределения, действующих на тело спортсмена сил, повышается степень избирательности воздействия упражнений на различные системы организма спортсменов, увеличивается или уменьшается их воздействие на те или иные функциональные системы [7, с. 134]. Также создается возможность изменять сопротивление и траекторию движения, которые позволяют создать условия для одновременного совершенствования силовых качеств и развития подвижности в суставах. При занятиях на тренажере создается режим, как концентрической, так и эксцентрической рабо-

ты, что позволяет совместить процесс развития различных двигательных качеств с технической корректировкой или совершенствованием [5, с. 42]. Это оказывает программированное воздействие на различные параметры при формировании или восстановлении двигательных действий в упражнениях, так создается предметная среда на основе заданных свойств, чтобы спортсмен в процессе взаимодействия с ней непроизвольно осуществлял подстройку своего движения под созданное окружение [9, с. 55]. Описанное будет способствовать повышению эффективности различных систем, которые снижают при необходимости нагрузку на отдельные системы и звенья, что позволяет разрабатывать или укреплять отдельные суставы, снимать отдельное напряжение и растягивать определенные мышечные группы [2, с. 136]. Таким образом использование тренажера создает широкие возможности для более точного дозирования тренирующих воздействий и оптимизации эффекта от его применения. Комплекс упражнений с использованием тренажера Pulley Tower направлен на широкое воздействие, плавную перестройку, поддержание и оптимизацию эффекта на функциональные системы и физическое состояние спортсмена.

Учитывая многие эффективные свойства, характеристики и возможности занятий на тренажере, был разработан метод физических упражнений для адаптации спортсменов, которые уже завершили или только собираются закончить свой профессиональную спортивную карьеру. Комплекс упражнений был разделен на отдельные элементы, упражнения, которые решают ряд задач, направленных на общее воздействие на функциональные системы, укрепление суставов плечевого пояса, тазового пояса, гибкость позвоночника, растяжку или укрепление различных мышечных групп.

Комплекс упражнений на гибкость позвоночника:

- Исходное положение (и.п.) сидя на скамейке, лицом к подвижным опорам, ноги врозь, согнуты в коленях не менее 90° , стопы стоят чуть впереди, руки стоят на разных подвижных опорах. Движение руками по кругу в одну и другую стороны. Выполняется постепенный прогиб позвоночника при выполнении наклона вперед и возврата в и.п.

- И.п. обе руки стоят на одной подвижной опоре. Выполняется постепенный прогиб позвоночника при выполнении наклона в диагональ и возврата в и.п.

- И.п. руки стоят перекрестно на разных опорах. Выполняется постепенный прогиб позвоночника при выполнении наклона вперед и возврата в и.п.

- Упражнение той же направленности, но при выполнении наклона вперед происходит скручивание позвоночника, затем возврат в и.п. Чередовать скручивание в правую и левую стороны.

- И.п. обе руки стоят на одной подвижной опоре, одна рука лежит сверху на опоре, другая рука держится снизу за опору. Выполняется постепенный прогиб позвоночника при выполнении наклона в диагональ, одновременно происходит скручивание позвоночника, и затем возврат обратно. После выполнения упражнения, меняется опора.

- И.п. сидя на скамейке, боком к опорам, одна рука стоит на опоре, другая рука за головой. Движение рукой по кругу в одну и другую стороны, с одновременным наклоном в сторону позвоночника и постепенным переходом в наклон корпуса вперед.

2. Комплекс упражнений для сердечно-сосудистой системы:

- И.п. сидя на скамейке, лицом к «башне», ноги врозь, но не более 90° . Верхние петли одеты на кисти рук. Вес 5 кг. Руки подняты вверх, корпус наклонен вперед, но не более 45° . Выполняется движение корпусом вперед и назад с одновременным поворотом корпуса и перемещением одной руки вниз с постановкой ее на скамью. Затем возврат в и.п.

- Упражнение той же направленности, но выполняется движение руками имитируя плавание в стиле «брасом».

- Повторить предыдущее упражнение, но имитировать движение «гребца».

- И.п. сидя прямо, поочередно выполнять круговые движения руками вдоль корпуса, в одну и другую стороны.

- И.п. корпус наклонен назад 45° , с поворотом, одна рука на скамье, другая рука вытянута вперед в диагональ. Менять руки с одновременным поворотом корпуса.

3. Комплекс упражнений на нижние конечности. Они направлены на укрепление и активизацию тазобедренных суставов, коленных суставов, растяжение и укрепление мышцы нижних конечностей

- И.п. лежа на скамейке тренажера Pulley Tower, головой к «башне» тренажера, верхние петли одеты на стопы, вес от 15 кг на каждую ногу, руки на опорах скамейки, ноги прямые, стопы вместе, ноги подняты под 45° над скамьей. Движение осуществляется ногами, поочередно, сгибая и разгибая тазобедренный, коленный и голеностопный суставы, что будет имитировать движения «велосипед». Стараться при выполнении упражнения избежать типичных ошибок: не полное разгибание в суставах, траектория движения меняет постоянно свое направление, прогиб в пояснице.

- Упражнение выполняется, как предыдущее, но движение осуществляется одновременно ногами вместе, имитируя движение «дельфин». Необходимо полностью разгибать конечности в суставах, не поднимать таз от скамейки, не прогибать поясницу.

- Повторить предыдущее упражнение, но движение осуществляется поочередно прямыми ногами имитируя движение «вертикальные ножницы». Типичные ошибки: не полное разгибание или сгибание в суставах, разведение и сведение ног происходит не одновременно.

- И.п. повторяется, но ноги выполняют круговое движение, через разведение ног в стороны и соединяя их внизу.

- И.п. ноги развернуты стопой наружу, выполняют сгибание колен в стороны, стопы вместе, затем выпрямление ног в стороны и возврат в и.п.. Имитация движения «лягушка».

- Упражнение «Лобстер». И.п. ноги развернуты стопами внутрь, ноги выполняют сгибание колен внутрь, голень разведена наружу, затем выпрямление ног вверх, стопой внутрь и опускание в и.п.

Каждое упражнения выполняется по 2-3 минуты. В одно тренировочное занятие включаются все упражнения разработанного комплекса. Упражнения могут менять свою последовательность. Вес рекомендуется менять, как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, но не более 25% от указанного. Исходное положение сидя в процессе занятий может меняться на положение стоя, что будет увеличивать подвижность в суставах, нагрузку на мышцы, баланс.

Всем отобранными спортсменами, участником педагогического эксперимента было предложено выполнять разработанный комплекс упражнений под контролем тренера, ежедневные занятия составляли 60 минут. Специалист по тренажеру Pulley Tower оценивал визуально их качество тех-

ники выполнения разработанных физических упражнений и параметры формирования у них нового двигательного навыка.

На протяжении семи месяцев велось наблюдение за динамикой функциональных систем

спортсменов экспериментальной и контрольной групп. В табл. 1 показаны полученные результаты педагогического эксперимента.

Таблица 1

Динамика изменений функционального состояния и психофизиологических качеств до и после исследования

№	Показатели	ЭГ1		КГ	
		до	после	до	после
1	ЧСС уд. в мин.	70,1	68,1	70,3	70,1
2	Систолическое АД	115,3	114,9	117,8	114,5
3	Диастолическое АД	73,3	71,4	74,1	71,2
4	Проба Штанге	103,4	101,1	104,1	100,9
5	Проба Генче	32,1	31,2	31,8	27,6
7	Концентрация и устойчивость внимания	6,1	5,8	6,34	6,01
8	Переключение и распределение внимания	7,1	6,6	7,21	6,5

Анализ данных проведенного исследования показал, что использование разработанного специального комплекса упражнений с использованием тренажера Pulley Tower в тренировочном процессе, оказал положительное влияние на улучшение деятельности сердечно-сосудистой и дыхательной систем, замедлили падение показателей в пробе Штанге, пробе Генче. Также исследование подвижности суставов показало сохранение его объема движения на высоком уровне. У спортсменов, которые отмечали жалобы на болевой синдром, он исчез или значительно уменьшился.

Вывод

Применение комплекса физических упражнений с использованием тренажера Pulley Tower является эффективным. Следовательно, для поддержания функциональных систем и физического состояния каждый спортсмен должен быть ознакомлен с возможностями применения тренажер и уметь применять разработанный комплекс при возникающим условии их дезадаптации физического и функционального состояния после завершения своей спортивной карьеры.

Литература

1. Довжик Л.М., Бочавер К.А. Психология спортивной травмы. Москва: Спорт, 2020. 264 с.
2. Перфильева И. В., Беликова Е.В, Чернявская Е.Ю. Управление деятельностью спортивной организации: теоретико-методические аспекты: учеб. пособие. Волгоград : ВГАФК, 2019. 264 с.
3. Платонов В.Н. Теории адаптации и функциональных систем в развитии в системе знаний в области подготовки спортсменов // Наука в олимпий-

ском спорте. 2017. № 1. С. 29 – 47.

4. Высоцкая Т.П., Шутова Т.Н., Столяр К.Э., Кузьмин М.А. Предложения по социально-психологической адаптации спортсменов высокой квалификации после завершения спортивной карьеры // Наука и спорт: современные тенденции. 2018. № 3. С. 53 – 59.

5. Проблемы и перспективы развития спортивного образования, науки и практики: материалы конференции / Под ред. О.Н. Степанова. Москва: МПГУ, 2020. 268 с.

6. Ратов И.П. Двигательные возможности человека (нетрадиционные методы их развития и восстановления). Минск: Минтиппроект, 1994, 116 с.

7. Фискалов В.Д. Спорт и система подготовки спортсменов: учебник. Москва: Советский спорт, 2010, 392 с.

8. Хурамшина А.З., Хурамшин И.Г. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие. Казань: Поволжская ГАФКСИТ, 2020, 141 с.

9. Шилько В.Г. Социология физической культуры: учебное пособие. Томск: ТГУ, 2018. 416 с.

10. Sanders G., Stevinson C. Associations between retirement reasons, chronic pain, athletic identity, and depressive symptoms among former professional footballers // European journal of sport science. 2017. № 17 (10). P. 1311 – 1318.

References

1. Dovzhik L.M., Bochaver K.A. Psihologiya sportivnoj travmy. Moskva: Sport, 2020. 264 s.
2. Perfil'eva I. V., Belikova E.V, Chernyavskaya E.YU. Upravlenie deyatel'nost'yu sportivnoj organizacii: teoretiko-metodicheskie aspekty: ucheb. posobie. Volgograd : VGAFK, 2019. 264 s.

3. Platonov V.N. Teorii adaptacii i funkcional'nyh sistem v razvitii v sisteme znanij v oblasti podgotovki sportsmenov. Nauka v olimpijskom sporte. 2017. № 1. S. 29 – 47.

4. Vysockaya T.P., SHutova T.N., Stolyar K.E., Kuz'min M.A. Predlozheniya po social'no-psihologicheskoj adaptacii sportsmenov vysokoj kvalifikacii posle zaversheniya sportivnoj kar'ery. Nauka i sport: sovremennye tendencii. 2018. № 3. S. 53 – 59.

5. Problemy i perspektivy razvitiya sportivnogo obrazovaniya, nauki i praktiki: materialy konferencii. Pod red. O.N. Stepanova. Moskva: MPGU, 2020. 268 s.

6. Ratov I.P. Dvigatel'nye vozmozhnosti cheloveka

(netradicionnye metody ih razvitiya i vosstanovleniya). Minsk: Mintiproekt, 1994, 116 s.

7. Fiskalov V.D. Sport i sistema podgotovki sportsmenov: uchebnik. Moskva: Sovetskij sport, 2010, 392 s.

8. Huramshina A.Z., Huramshin I.G. Sociologiya fizicheskoj kul'tury i sporta: uchebnoe posobie. Kazan': Povolzhskaya GAFKSiT, 2020, 141 s.

9. SHil'ko V.G. Sociologiya fizicheskoj kul'tury: uchebnoe posobie. Tomsk: TGU, 2018. 416 s.

10. Sanders G., Stevinson C. Associations between retirement reasons, chronic pain, athletic identity, and depressive symptoms among former professional footballers. European journal of sport science. 2017. № 17 (10). P. 1311 – 1318.

THE USE OF THE PULLEY TOWER TRAINING COMPLEX AS A MEANS OF PHYSICAL RECREATION FOR HIGHLY QUALIFIED ATHLETES WHO HAVE COMPLETED THEIR SPORTS CAREER

*Savelyeva V.V., Postgraduate,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
International Consulting and Training Center, Moscow*

Abstract: this article analyzes the functional and physical condition of a highly qualified professional athlete, when they plan to end their sports career, as well as for athletes who have already completed it and are in conditions of disadaptation. The developed set of exercises at the Pulley Tower training complex for maintaining the functional and physical conditions of a highly qualified athlete is described. The obtained data are presented, which indicate the effective positive effect of the developed set of exercises on the equipment of the Pulley Tower to restore the functionality of various body systems, strengthen joints, all major muscle groups, develop flexibility, which in general makes it possible to optimally maintain the physical capabilities and condition of athletes at a high level. As a result of the conducted research, effective data were obtained, which confirm that the developed set of exercises using the Pulley Tower simulator can be used as a means of physical recreation for a highly qualified athlete who has completed a sports career. It will contribute to the maintenance of an active motor stereotype, which in its elements will be comparable to the main sports movements, which will allow the athlete to maintain his skills and physical development of all body systems at the level of physical fitness adapted to an active life after professional sports. The practical significance and novelty of the work lies in the establishment of an important transitional element that will preserve the functional ability of the athlete's body without long and intensive training. The developed classes at the Pulley Tower training complex will allow you to create this adaptation system for athletes.

Keywords: disadaptation, set of exercises, Pulley Tower, physical condition, athlete, completion of sports career

ТРЕНИРОВОЧНЫЕ НАГРУЗКИ В СОРЕВНОВАТЕЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ПО ПОДГОТОВКЕ ЮНЫХ БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ И ДЛИННЫЕ ДИСТАНЦИИ

*Юсупов И.Ю., кандидат педагогических наук,
доцент, тренер, отличник народного просвещения,
Детско-юношеская спортивная школа «Юность», г. Новый Уренгой*

Аннотация: целью данной статьи являются вопросы поставленные на рассмотрение возможностей выполнения оптимальных и максимальных объемов тренировочных нагрузок в условиях повышенной температурной среды в соревновательном периоде в плане многолетней спортивной подготовки спортсменов в возрасте 13-16 лет в беге на средние и длинные дистанции в условиях аномальной жары в южных регионах Украины и России. Автор статьи выдвигает гипотезу о целесообразности применения в соревновательном периоде тренировки тенденция с увеличением объемов нормирования дозированных физических нагрузок по возрастным этапам из года в год, чтобы больше повышался уровень двигательной активности, а также развития двигательного качества (скорости и выносливости) психологических способностей путем укрепления состояния оздоровления, повышения общей, скоростной и специальной выносливости ей, которые необходимы в процессе подготовки и показа высоких спортивных результатов в различных соревнованиях по бегу на средние и длинные дистанции. Автор упоминает, что количество дозировки и длины пробегаемых дистанций должно соответствовать по уровню подготовленности подростковые в возрасте 13-16 лет и благоприятных климатических факторов, соответствующих завершению запланированным объемам физической нагрузки, например, при подготовке к спортивным соревнованиям, когда необходимо выполнять объем физической нагрузки, направленной на развитие скоростных способностей при беге по сериям (3 серии 5 x 100 м) с интенсивностью 70% от максимальной скорости в беге на 30м с хода.

По терминам норма нагрузки является запланированной и выполняемой объем в день тренировочного занятия общих, максимальных или минимальных физических нагрузок и средств, которые позволяют укреплять здоровье, обучение и совершенствование по двигательным навыкам путем способствующих развитию общей и специальной физической подготовки, повышению двигательной активности, работоспособности, улучшению спортивных результатов в беге на средние и длинные дистанции

Новизной в статье является представленный примерный недельный цикл тренировки и повышение соотношения выполняемых общего объема физической нагрузки с их интенсивностью по двигательным качествам в соревновательном периоде при многолетней системе тренировки для подготовки организма по возрастным группам с целью показа высоких спортивных результатов в беге на средние и длинные дистанции в условиях южных регионов Украины и России.

Ключевые слова: возрастные этапы, методы подготовки бегунов на средние и длинные дистанции, метеорологические условия, недельный цикл тренировки, объем и содержание спортивной тренировки в соревновательном периоде

Введение

Установлено, что воспитание всестороннего развития подрастающего поколения важнейший долг каждого педагога-тренера. Поэтому главной задачей юношеского спорта предусматривается, определить сначала условия и места проведения занятия, осуществить спортивную ориентацию и уровень физической подготовленности. Целенаправленная многолетняя система подготовки и спортивной тренировки по возрастным группам в условиях жаркого климата является более сложным этапом и процессом [1, 6, 7]. Поэтому в начальном этапе тренировки в течение 2-3 лет, планируется и выполняется общий объем физической нагрузки и осуществляется их интенсивность по нормам и дозировкам, с целью чтобы у детей эффективно улучшались физические показатели, сохранялся, повышался интерес и активность на тренировках. В процессе тренировки целесообразно в начале выполнить оптимальный объем и интенсивность физической нагрузки, направленных

на укрепление состояния здоровья, оказывая положительное влияние и повышение сопротивляемости организма различным неблагоприятным условиям внешней среды и на этой основе совершенствуя спортивное мастерство. Это обусловлено тем, что спортивная специализация начинается с более раннего детского возраста и в ходе ее уделяется большое внимание на развитие основных физических качеств: силы, быстроты, ловкости, выносливости и гибкости. Среди этих качеств выносливость имеет важное значение для обеспечения фундамента в беге на средние и длинные дистанции и повышения спортивного мастерства. В теории и на практике спортивной тренировки специалистами установлено, что бегу предъявляются более высокие требования в работоспособности всего организма: вовлекаются все мышечные группы, усиливаются деятельность сердечно-сосудистой и дыхательной системы и повышается обмен веществ организма. Однако, современные достижения и высокие спортивные успехи в беге

на средние и длинные дистанции обусловленные повышением объема беговой нагрузки, направленной, на выполнение общей, разносторонней и специальной физической подготовки, с целью развития специальной выносливости и повышения специальной, технической и тактической подготовки по возрастным категориям спортсменов [3, 5]. Как видим, эти авторы отдают больше предпочтения в каждом возрастном аспекте с 13 до 16-летнего возраста для освоения общей, разносторонней и специальной физической подготовки по периодам тренировки.

Многолетний опыт и педагогические исследования показали, что годичный объем тренировки для каждой возрастной группы по периодам тренировки не одинаков, однако, существуют некоторые рекомендации, которые отводят нормативы в годовом цикле тренировки с 250 до 900 часов или пробегаемой дистанции от 350 до 4000 км для специализирующихся и занимающихся 2-3 года в беге на средние и длинные дистанции. В связи с этим, количество тренировок увеличивалось 2-3 раза в день, а по продолжительности времени от 60 до 180 сек как в подготовительном, так и в соревновательном периоде.

Современные основы методики тренировки для бегунов на средние и длинные дистанции являются основными принципами и используемые средства, применение методических видов тренировки, формы и содержание тренировок способствуют улучшению эффективности применяемых дозированных и оптимальных объемов и интенсивности физической нагрузки по ОФП, РФП и СФП в соревновательных периодах тренировки позволяет повышать необходимые двигательные качества у юных бегунов на средние и длинные дистанции.

Исследования показали, что для развития специальной выносливости существенное значение имеет использование различных вариантов методов тренировки (повторный, переменный, интервальный, равномерный и др.). Однако каждый метод тренировки по разному влияет на развитие общей и специальной выносливости бегунов на средние и длинные дистанции. В процессе занятий спортом дети должны учесть ряд факторов: интерес к занятиям, стремления, трудолюбие, одаренность, целеустремленность, укрепление состояния здоровья, систематическое выполнение определенных величин физической нагрузки и интенсивности, чтобы эффективность системы тренировки, влияние физической нагрузки на развитие двигательного качества, спортивная подготовка и другие параметры улучшают и позволяют эффективно повышать спортивное мастерство спортсмена. В процессе тренировки целесообразно изменить длину дистанции, скорости бега, количество

дозировки и объем нагрузки, связанных, при неблагоприятных климатических условиях и плохого психологического состояния человека.

Опыт исследования автора показал, что часто проводимые тренировочные занятия по обучению и совершенствованию техники и методики повторения средств с небольшой нагрузкой и разделение количества часов на несколько дозировок по структуре повторения более эффективны для улучшения специальной физической подготовки в соревновательном периоде при высоких температурных условиях. Подобная структура повторения, форма выполнения физической нагрузки и дозировки связаны с волнообразностью изменения тренировочных нагрузок в процессе соревновательного периода. Исходя из этого распределения годового объема физической нагрузки, немаловажное значение имела структура построения недельного цикла занятий и его выполнение для совершенствования и развития физических качеств спортсменов по периодам тренировки. Учитывая, все перечисленные условия, мы построили применимый недельный цикл тренировок в соревновательном периоде для бегунов на средние и длинные дистанции по возрастным группам на апрель и май месяцы следующим образом:

Организация и методы исследования. Целью и задачей исследования заключались обосновать оптимальный объем физической нагрузки и дозировки применения в процессе тренировки по возрастным группам в подростковом возрасте (с 13-16 лет) в соревновательном периоде на каждом, месячном и годовом циклах тренировочных занятий, с целью развития двигательного качества, повышения эффективности тренировочного процесса и подготовки спортивного мастерства в беге на средние и длинные дистанции у бегунов проживающих в условиях повышенной температурной среды южных регионов России и Украины.

Исследования проводились и были организованы при Криворожском пед. университете, спортивном клубе «ДЮСШОФисП (Детско-юношеской спортивной школы, оздоровительной, общефизической и спортивной подготовки) на базе школы №33 и 112. В исследовании участвовали юноши в количестве 260 человек в возрасте от 13 до 16 лет при отделении легкой атлетики по желанию, в особенности специализировавшихся в беге на средние и длинные дистанции. Каждый учебный год проводились уроки физической культуры по расписанию в поточной форме 2 раза в неделю по 45 минут и на дополнительных занятиях (тренировках) с 16 до 18 часов 3 раза в неделю по 120 минут. Уроки физической культуры и тренировки проводились под руководством одних и тех же 5 педагогов-тренеров. В соревнователь-

ном периоде с апреля по октябрь месяцы у детей 6-9 классов учебно-тренировочные нагрузки составляли по 210 часов. Кроме того, у детей преобладал опыт тренировки, который у них формировался по мере развития организма двигательной и психологической способностей которые были запланированы в утренних тренировках (по 60 минут) – 84 часа в вечерней – (по 120 минут) в 168 часах тренировочных занятий. Итого, общий объем физической нагрузки для каждой возрастной группы в соревновательном периоде составлял по 294 часа.

Результаты исследования и их обсуждение. Все исследуемые группы в соревновательном периоде с апреля по октябрь месяцы при температуре воздуха плюс от 26° до 42°С в процессе уроков физической культуры проводились в процессе обучения и совершенствования физических упражнений, а во внеурочной форме занятия (тренировки) систематически выполнялись в оптимальном объеме физической нагрузки в плане многолетней системе тренировок детей, а подростков с 13 до 16-летнего возраста, которые преследовали некоторые корректировки. Задачи уроков физической культуры в каждом классе составлялись методами обучения и совершенствования как в отдельности, так и в комплексном виде упражнений, которые были направлены на развитие двигательного качества, соответствующего приемлемому в беге на средние и длинные дистанции.

Исследования показали, что с ростом квалификации у спортсменов улучшаются и результаты в беге на средние и длинные дистанции [4, 8]. Если у бегунов III разряда в беге на 800-1500 метров, он достигает уменьшения времен в году от 5,60 – до 20,45 секунд. Изучение динамики результатов в беге на быстроту (на дистанции 100 метров) у бегунов имеют тесную взаимосвязь качества быстроты с результатами в беге на средние и длинные дистанции, об этом так же подтверждает уровень различной подготовленности юных спортсменов прове денное ранее исследования Г.Н. Максименко, С.В. Домерков [2, с. 10].

Недельный цикл тренировки в соревновательном периоде для подросткового возрасте 13-14 лет в беге на средние и длинные дистанции.

Вторник. Задача: Развитие общей выносливости и спортигры (баскетбол 30 минут). Бег – «кросс» в равномерном темпе для учащихся (13-14 лет) 7 классе 6 км. скорость бега в обеих классах (3 м/сек). Гимнастические упражнения – 15 мин. Игры в баскетбол, по 30 мин.

Четверг. Задача: Развитие специальной выносливости и скоростно-силовых качеств. ОРУ: медленный бег – 1000 м, гимнастические упражнения – 20 минут. Специальные беговые

упражнения для детей (13-14 лет) 6 классе повторный бег 3 серии по 5 x 400 м. Отдых пассивный между пробежками и сериями 120 сек. Переменный бег 3 серии по 600 м для обеих групп. Бег выполняется сначала 100м медленно (17 сек), затем 100м быстрее (16 сек), снова медленный бег 100м и быстро бег 100м и так повторяется до окончания дистанции 600м. Пассивный отдых между пробежками и сериями по 3 минут. Разнообразные прыжки: прыжки с места 2 серии по 15 раз, Прыжки со скакалкой вверх на двух ногах, на месте 4 – серии по 50 раз.

Суббота. Задача для обеих групп учащихся. Развитие быстроты и специальной выносливости. ОРУ: медленный бег на 1000 м., гимнастические упражнения – 15 мин. Для 13-14 лет специальные беговые упражнения – 4 x 80 м. Ускорения на отрезке 3 раза по 100 м.1). Повторный бег для развития быстроты схода 2 серии по 5 x 100 м. со скоростью 15,5 сек (отдых – ходьба 100 м);

2) Бег 2 серии по 5x100 м со скоростью 14,5 сек; 3). Бег для развития специальной выносливости: Переменный бег 3 серии по 3 x 400 м. (отдых – ходьба 200 м.). Для группе 14-15 лет для развития быстроты бег 4 серии по 5 x 100 м. со скоростью 15,0 сек (отдых – ходьба 100 м; 2) Бег 2 серии по 5 x 100 м со скоростью 14,0 сек и повторный бег – 5 x 400 м. (70 сек., отдых между отрезками, бег трусцой, 200 м.).

В соревновательном периоде: структуры и системы тренировки для детей 13-14 летнего возраста вели ряд корректировок в связи с тем, что дети обладали определенным опытом тренировки и улучшили уровень физической подготовленности и фармировали двигательные качества выше. Поэтому для каждого возраста запланировали выполненные отдельного объема и дозировки по физической нагрузке, с целью развития физической подготовки. Особенно детям в возрасте 13-14 лет для ОФП отводили 100 часов, а на СФП – 68 часов. Так же у детей 13-14 лет для развития двигательного качества связано по ОФП отвели 80 часов, а на СФП 88 часов. Следует отметить, что эти дети обладали определенным опытом тренировки и состояние здоровья у них преобладало более высоким уровне и флормировались морально-психологической устойчивостью [3, 8, 9]. Поэтому в систему тренировки мы вели ряд корректировок, чтобы повысить эффективность и разнообразить содержания нагрузки. Объем нагрузки по ОФП для каждого возраста минимально сократили, а объем по СФП увеличивали. Все исследуемые группы развивали общей выносливости в соревновательном периоде путем выполнения длинный бег 10-15 км всего выполняли повторно 28 раз и кроме этого многократно проводили спортигры

(футбол, ручной мяч и баскетбол от 30 до 45 минут). Для развития быстроты многократно использовали бег от 60 до 100 м с низкогого с высокого старта. Для развития специальной выносливости выполняли беговые отрезки от 200 до 800 м с интенсивностью 70-75% от максимальной скорости в беге на 30м с хода. Каждый отрезки повторялись от 6 до 8 раз повторном, переменном и интервальном методах тренировки. Всё это представлено в схеме недельных циклов тренировки.

Недельные циклы тренировки для подростковой группы углубленной тренировки в возрасте 14-15 лет в беге на средние и длинные дистанции.

Вторник. Задача: Вечером. Развитие быстроты и специальной выносливости. ОРУ – медленный бег 1000 м, общеразвивающие упражнения – 15 мин. Гимнастические упражнения 15 мин. Специальные беговые упражнения – 4 x 80 м. 1). Повторный бег для двух возрастов: 4 серии по 6 x 100м с высокого старта. Отдых между отрезками 100м бега трусцой, а между сериями – пассивный отдых 180 сек. 2). Переменный бег 3 серии по 5 x 400 м со скоростью 74 сек. (отдых – 200 м бег трусцой). 3). Переменный бег 3 серии по 5x 400м со скоростью 68 сек (отдых между отрезками 200 м ходьба, а между сериями 400м бег трусцой). Скорость бега по отрезкам устанавливались в начале выполнения бега, а дальнейшая скорость устанавливались по изменения функциональной показателями.

Четверг. Задача: Утром. Развитие общей выносливости. Кроссовый бег в равномерном темпе 6 км. Общеразвивающие упражнения 20 мин.

Вечером. Задача: Развитие специальной выносливости и скоростно-силовых качеств. ОРУ – медленный бег – 1000 м. Гимнастические упражнения – 15 мин. Специальные беговые упражнения 3 x 60м. Ускорения на отрезках 4 x 100 м.

Для детей 13-14 лет переменный бег – 5 x 600 м. (отдых – 300м, бег трусцой). Прыжки пяти, десятикратные отталкиванием с ноги на ногу 2 сериям по 50 м. Прыжки со скакалкой на месте вверх на двух ногах 2 серии по 100 раз. Заключительный бег – 1000 м.

Для подростков 14-15 летнего возраста переменный бег 2 серии по 7 x 600 м. Заключительный бег – 1500 м.

Воскресенье. Задача: Утром. Участие в соревнованиях или на прикидках.

Если нет соревнований, тогда тренировка по плаванию 2 часа.

В соревновательном периоде больше внимания уделяли системе тренировки. В возрасте 13-14 лет уменьшили объем по ОФП до 50 часов, а увеличивали на СФП до 118 часов. В возрасте 14-15 лет так же сократили время ОФП до 40 часов, а увеличи-

вали объем СФП до 126 часов.

Недельный цикл тренировки для юноше в возрасте 15-16 лет в беге на средние и длинные дистанции.

Вторник. Задача: Утром. Развитие общей выносливости для обе группы-Бег «фартлек» 8 км. Общеразвивающие упражнения – 15 мин.

Вечером. Задача: Развитие специальной выносливости. ОРУ – медленном бегом на 1000 м., гимнастические упражнения 15 мин. Специальные беговые упражнения для группе в возрасте 14-15 лет: 1). Повторный бег с высокого старта: 4 серии по 5 x 400м. со скоростью 72 сек. (Отдых между отрезками 200м шагом, а между сериями пассивной 180 сек.). Общей объем бега 4800 м. Заключительный бег трусцой 800 м.

В возрасте 15-16 лет выполняли – повторный бег с высокого старта 4 серии по 4 x 400 м со скоростью 65 сек. Выполняли отдых между беговыми отрезками 400 м шагом. Общий объем бега выполняли 4800 м. Заключительный бег трусцой 800 м.

Четверг. Утром. Задача: Развитие общей выносливости. Обе группы пробегали «кросс» в равномерном темпе 10 км, затем выполняли ОРУ 15 минут. Вечером. Задача: Развитие специальной выносливости. ОРУ – медленный бег 1000 м., гимнастические упражнения 15 мин. Специальные беговые упражнения 3x100 м. Для обеих возрасте. Повторный бег 5 серии по 4 x 400м со скоростью 65-67 сек. Отдых между отрезками 200м ходьба, а между сериями пассивнойсид отдых по 3 минут. Общий объем бега составляет по 8000 м. Заключительный бег трусцой 800 м.

Суббота. Задача для обеих группы учащихся с 16 до 18 часов развитие общий выносливости путем плавания в бассейне 120 минут.

Результаты исследования в соревновательном периоде по возрастным категориям свидетельствуют следующие выводы.

1. Содержание и объем физической нагрузки во время тренировки необходимо направить на развитие двигательного качества по возрастным категориям, чтобы совершенствовать физическую подготовку организма к углубленному повышению отдельных видов качества для участия в различных спортивных соревнованиях.

2. Результаты исследования показали, что в соревновательном периоде при многолетней системе спортивной подготовки в начальном этапе в возрасте 13-14 лет снизить время по ОФП до 30 часов, а затем повысить время на СФП до 38 часов. В возрасте 14-15 и 15-16 лет уменьшит объем ОФП до 35%, (до 80 часов), а затем увеличить выполняемое время на СФП соответственно до 35-40% время (126-140 часов), чтобы больше развивать качество быстроты, специальной выносливости и

показать высокий спортивный результат.

3. Для создания прочного фундамента в многолетней системе подготовки по возрастным категориям, необходимо больше развивать двигательные качества и физическую подготовленность не только в подготовительном, но и в соревновательном периоде. Особенно общую и специальную выносливости систематически используемых повторного, переменного и интервального методов тренировки по отрезкам от 100 до 1200 м и сохраняя интенсивность бега на 70-75%, а затем постепенно повышая его до 80-85% от максимальной скорости в беге на 30 м с хода.

Литература

1 Абдишева З.В. Влияние уровня двигательной активности на формирование энергетического обмена в различные возрастные периоды: автореф. дис. ... канд. биолог. наук. М., 1991. 17 с.

2. Жмарев Н. Тренируется подросток // Легкая атлетика. 1979. № 6. С. 18.

3. Лубышева Л.И. Спортивная культура в школе // Теория и практика физической культуры и спорта. М., 2006. 174 с.

4. Максименко Г.Н., Домерков С.В. Микроцикл для юных спритеров // Легкая атлетика. 1981. № 10. С. 10.

5. Фискалов В.Д. Спорт и система подготовки спортсменов. М., 2011. 392 с.

6. Юсупов И.Ю. Многолетняя система тренировки и работоспособность организма бегунов на средние и длинные дистанции в условиях жаркого климата / Воронежский гос. пед. университет. Воронеж, 2008. С. 263 – 274.

7. Юсупов И.Ю., Корчинский Н.Н. Нормирование физических нагрузок тренировки в беге на средние и длинные дистанции по периодам и в возрастном плане // Научно-теоретический и практический журнал «Оралдын Ғылым жаршысы». 2007. № 3 (4). С. 19 – 22.

References

1 Abdisheva Z.V. Vliyaniye urovnya dvigatel'noj aktivnosti na formirovaniye energeticheskogo obmena v razlichnye vozrastnye periody: avtoref. dis. ... kand. biolog. nauk. M., 1991. 17 s.

2. Zhmarev N. Treniruetsya podrostok. Legkaya atletika. 1979. № 6. S. 18.

3. Lubysheva L.I. Sportivnaya kul'tura v shkole. Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury i sporta. M., 2006. 174 s.

4. Maksimenko G.N., Domerkov C.V. Mikroцикл dlya yunyh spriterov. Legkaya atletika. 1981. № 10. S. 10.

5. Fiskalov V.D. Sport i sistema podgotovki sportsmenov. M., 2011. 392 s.

6. Yusupov I.YU. Mnogoletnyaya sistema trenirovki i rabotosposobnost' organizma begunov na srednie i dlinnye distancii v usloviyah zharkogo klimata. Voronezhskij gos. ped.universitet. Voronezh, 2008. С. 263 – 274.

7. Yusupov I.YU., Korchinskij N.N. Normirovaniye fizicheskikh nagruzok trenirovki v bege na srednie i dlinnye distancii po periodam i v vozrastnom plane. Nauchno-teoreticheskij i prakticheskij zhurnal «Oraldyn Fylym zharshysy». 2007. № 3 (4). S. 19 – 22.

**TRAINING LOAD IN COMPETITIVE PERIOD FOR THE TRAINING
OF YOUNG RUNNERS ON MEDIUM AND LONG DISTANCES**

*Yusupov I.Yu., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Associate Professor, Coach, Excellent Teacher of Public Education,
Youth Sports School "Yunost", Novy Urengoy*

Abstract: this article describes how to run the volume of training loads in the competitive period by age categories in terms of long-term sports training of young competitive period by age categories in terms of long-term sports training of young runners for medium and long distances in abnormal climatic conditions the southern regions of Ukraine and Russia. The author of the article hypothesizes about the application on the periods of training for rationing and dosing of physical activity and age stages and stages of training from year to year to increase the volume of physical activity in the competitive period, so as to contribute more to the level of increase in motor activity, which is aimed at the development of motor and psychological abilities, strengthened the healing state, improved the overall, with speed and special endurance, which is necessary in the process of preparation and participation in various running competitions. The author mentions that the number of dosages and loads, the performance of a certain amount of physical work in series (running 3 series of 100m) to prepare the body for sports and competitions. On the terms the load norm is on the day of training sessions performed the value of the total minimum or optimal amount of physical activity and funds, which is necessary to strengthen health, training in motor skills and abilities, through generally accepted methods of training, are aimed at developing general and special physical training, increasing motor activity, performance, in order to increase sports results in running for medium and long distances.

The article presents data in the conditions of the southern regions of Ukraine and Russia to serve some adjustments corresponding to the ratio of the total amount of physical activity of their intensity in the competitive period with a long-term plan of the training system, which will allow preparing the body of runners to overcome difficult situations and show high results in running sports.

Keywords: age stages, methods of training runners for medium and long distances, meteorological conditions, weekly training cycle, volume and content of sports trainings in the competitive period

ЛЕЧЕБНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ УПРАЖНЕНИЙ С ТЕННИСНЫМ МЯЧОМ, КАК СРЕДСТВО КОРРЕКЦИИ ОСАНКИ И СКОЛИОЗА

*Попенова А.А.,
Седов И.А., старший преподаватель,
Красильникова Ю.С., старший преподаватель,
Антонова В.В.,
Нижегородский государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина*

Аннотация: в статье авторами рассматриваются лечебные упражнения, которые помогают студентам при нарушении осанки и сколиозе. По данным статистики, значительное число студентов, которые в большинстве случаев находятся в сидячем положении перед компьютерами или за учебниками, имеют различные нарушения осанки, которые являются основной причиной развития целого ряда заболеваний. Такие нарушения помимо значительного косметического дефекта часто сопровождается расстройствами деятельности внутренних органов: уменьшением экскурсии грудной клетки и диафрагмы, снижением жизненной емкости легких по сравнению с физиологической нормой, уменьшением колебаний внутригрудного давления. Все эти изменения неблагоприятно отражаются на функции сердечно-сосудистой и дыхательной систем, приводя к снижению их физиологических резервов, нарушая адаптационные возможности организма. Также данные нарушения являются наиболее распространенными заболеваниями опорно-двигательного аппарата студентов, и относятся к числу сложных и актуальных проблем медицины и, в частности, лечебной физической культуры, поэтому целью статьи является помощь студентам в данном заболевании и разработка комплекса упражнений для эффективной коррекции осанки с использованием теннисного мяча и разминки. Основной задачей, поставленной авторами является анализ научно-методической литературы по применению лечебной физкультуры при сколиозе с рассмотрением эффективности данных упражнений у студентов. Исходя из поставленных задач, были использованы такие методы исследования, как: анализ, систематизация полученной научной информации в виде рекомендаций, индивидуальный деятельный подход, а также основные теоретические методы (индукция, дедукция, синтез). Результатом научной статьи является разработанный комплекс упражнений, состоящий из пяти занятий для ежедневных тренировок в домашних условиях студентов с использованием теннисных мячей, растяжки и упражнений на дыхание.

Ключевые слова: спорт, лечебная физическая культура, студенты различных ВУЗов, коррекция осанки, комплекс упражнений с использованием теннисных мячей, крупные мышцы организма, сколиоз

Проблемы с позвоночником у человека появились давно, поэтому требовали изучения ученых и врачей. Впервые понятие «сколиоз» ввел врач Кл. Гален в античной Греции. Под этим понятие он подразумевал стойкое боковое отклонение позвоночного столба от нормального, выпрямленного положения. На сегодняшний момент сколиозом принято считать заболевание костно-мышечной системы, при которой деформируется позвоночник. Болезнь со временем может прогрессировать и стремительно развиваться, если не оказывать должного лечения. Этим нарушением сложнейшего опорно-двигательного аппарата просвещенно множество различных методик и исследований, которые объясняют взаимосвязь между позвоночником и сердечнососудистой и дыхательной системой, желудочно-кишечным трактом и другими [1, 2].

Исследованием такой проблемы как сколиоз занимались такие научные деятели, как Михаил Михайловский, Николай Бидлоо, И.Н. Пирогов, И.А. Мовшович и многие другие [3].

Несмотря на множество исследований, и научных статей у ученых нет единственной точки зрения на истинную причину, а также патогенез и

механизм развития этой патологии. Однако практически все ученые предлагали свои методики для работы с этим заболеванием. Исходя из этого, на сегодняшний момент существует огромное количество комплексов упражнений, которые активно применяются в лечебно физической культуре [4].

Также существует и механическая коррекция деформация позвоночного столба, первая задокументированная идея принадлежит Гиппократу, данный метод развивался и в средневековье. Элементы механического лечения сколиоза сохраняются и в современном хирургическом лечении, особенно с применением металлоконструкций и имплантов. Однако такой метод лечения сколиоза достаточно дорогой и подходит не всем категориям заболевания, поэтому в современном мире распространены методы, которые включают в себя различные упражнения для занятий в домашних условиях [5, 6].

Для укрепления спины имеется множество упражнений, среди которых: ЛФК, обще-развивающие упражнения с предметами: гимнастическая палка, мяч, ленты, обруч, небольшие грузики на ноги и руки, а также амортизаторы и многое другое. Однако комплекс упражнений с

использованием теннисного мяча мало популярен среди большинства людей, которые страдают от этого недуга. Данный метод стал известен благодаря йогам, которые проживают на Востоке. Они используют теннисные мячи для глубокого массажа вдоль позвоночника. Поэтому мы хотим показать и распространить комплекс упражнений, который помогает точно воздействовать на определенные зоны.

Цель исследовательской работы – разработать комплекс упражнений для эффективной коррекции осанки у студентов, с использованием теннисного мяча и разминки.

Задачи:

1. Проанализировать научно-методическую литературу на тему эффективности применения лечебной физической культуре при сколиозе.

2. Рассмотреть эффективность внедрения разминочной части в ежедневную зарядку студентов ВУЗа.

3. Разработать программу для эффективной работы со сколиозом с истолкованием теннисных мячей.

Исходя из теоретической части и задач научной статьи, нами был разработан комплекс упражнений для спины с мячом для студентов.

1. Комплекс упражнений для спины с теннисным мячом для студентов, как средство коррекции осанки и сколиоза.

Примечание: Каждое упражнение из вводной части следует выполнять в течение 2-х минут, из основной части – 3-4 минуты, из заключительной – 2 минуты.

Занятие 1.

Вводная часть – Разминка

1) Наклон головы назад-вперед, вправо-влево на 8 счетов;

2) Упражнение «Ножницы» (горизонтальные махи ногами крест-накрест).

Основная часть

1) И.с. – лежа на полу, теннисный мячик находится под шеей. Необходимо оттолкнуться руками от пола, и покачать тело вперед-назад, а затем вернуться в исходное положение;

2) И.с. – лежа на боку, ноги согнуты в коленях, мяч находится между лопаткой и позвоночником. Необходимо аккуратно прокатывать мяч круговыми движениями.

Заключительная часть Упражнения на восстановление дыхания

1) Упражнение на глубокое дыхание «4-8-8» (вдох воздуха через нос на 4 счета, задержка дыхания на 8 счетов, затем выдох через нос на 8 счетов).

Занятие 2.

Вводная часть Упражнения на растягивание мышц:

1) Упражнение «Наклон к ногам» (в сидячем положении производится наклон корпуса к ногам, при этом руки находятся по обе стороны от стоп);

2) Упражнение «Прогиб назад стоя» (прогиб в грудном отделе и отклонение корпуса назад, при этом соединенные ладони находятся над головой).

Основная часть

1) И.с. – лежа на полу, ноги согнуты таким образом, чтобы пятки были ближе к телу, теннисный мяч находится под поясицей. Приподнимаем корпус и опираемся на локти, затем прокатываем тело вперед-назад и возвращаемся в исходное положение;

2) И.с. – сидя на краю стула с ровной спиной. Для верного выполнения упражнения, необходимо повернуть голову вправо, осторожно надавить мячом на левую часть шеи, а затем медленно поворачивать голову влево. Данное задание следует выполнить как с правой стороны шеи, так и с левой.

Заключительная часть Упражнения на дыхание:

1) Дыхание «Тормоз/Газ» (в течение 10 секунд быстрые вдох через нос, а выдох через рот, и наоборот плавные и медленные вдохи и выдохи).

Занятие 3.

Вводная часть

1) Прыжки на скакалке;

2) Упражнение «Велосипед» (движение имитирующие езду на велосипеде).

Основная часть

1) И.с. – лежа на боку, мяч располагается над бедром, движения – круговые тазом;

2) И.с. – стоя у стены с теннисным мячиком, который располагается между лопатками, отодвигайте ноги от стены на расстояние примерно 40 см, при сгибании колен приседайте и одновременно поднимайте обе руки вверх, затем прокатывайте мяч спиной об стену и возвращайтесь в исходное положение.

Заключительная часть

1) Упражнение «Анлома/Вилома» (поочередное дыхание: выдох/вдох левой и правой ноздрей).

Занятие 4.

Вводная часть Растяжка:

1) Скручивание позвоночника лежа (левая нога сгибается в колени, и заводится за правую ногу, при этом руки раскинуты в стороны ладонями вниз);

2) Широкие выпады.

Основная часть

1) И.с. – одна нога стоит на мяче, другая на полу. Для правильного выполнения упражнения, необходимо слегка надавить ногой на мяч, пока-

тать круговыми движениями мяч по полу и вернуться в исходное положение, сменив ногу;

2) И.с. – обе ладони находятся на мяче. Для правильного выполнения упражнения, необходимо слегка надавить ладонями на мяч и покатать круговыми движениями его по полу.

Заключительная часть

1) Глубокое дыхание с задерживанием воздуха в легких (после глубокого медленного вдоха через нос, задержка дыхания на 5 секунд и плавный выдох через рот).

Занятие 5.

Вводная часть

1) Разведение рук вправо-влево на 8 счетов;

2) Наклоны туловища влево-вправо.

Основная часть

1) И.с. – обе ладони находятся на мяче. Для правильного выполнения упражнения, необходимо слегка надавить ладонями на мяч и покатать круговыми движениями его по полу;

2) И.с. – лежа на полу, теннисный мячик находится под шеей. Необходимо оттолкнуться руками от пола, и покачать тело вперед-назад, а затем вернуться в исходное положение.

Заключительная часть Упражнения на дыхание:

1) Дыхание «Тормоз/Газ» (в течение 10 секунд быстрые вдох через нос, а выдох через рот, и наоборот плавные и медленные вдохи и выдохи).

Вывод: В заключение статьи хочется отметить что, одним из ведущих методов лечения нарушения осанки является комплекс ЛФК (Лечебная физическая культура), однако метод с использованием теннисного мяча в упражнениях мало распространен. Наши рекомендации заключаются в том, чтобы к обычной лечебной физкультуре добавлять новый метод. Так как упражнения с теннисным мячом точно воздействуют на самые глубокие мышцы плеча, спины, шеи, тем самым оказывают стабилизирующее влияние на позвоночник, укрепляют крупные мышцы туловища, улучшают осанку, функцию внешнего дыхания и дают общеукрепляющий эффект. Такие занятия необходимы в ежедневной жизни студентов, чтобы предотвратить прогрессивное развитие и ослабить болезнь.

Возможное практическое применение: Разработанный комплекс упражнений может быть использован не только студентами различных ВУЗов для домашнего применения и коррекции сколиоза, но также преподавателями средних и высших учебных заведений, при разработке программ физического воспитания, тренерами различных видов

спорта (йога, волейбол, баскетбол и др.), для коррекции и расслабления мышц после тренировок.

Литература

1. Антипова В.Г., Шамсутдинов Ш.А. Лечебная физкультура как средство коррекции сколиоза // NovaInfo. 2017. № 61. С. 374 – 377. URL: <https://novainfo.ru/article/11790>

2. Ванда А.С. Особенности методики формирования и коррекции осанки у студенток, имеющих сколиоз: вопросы реабилитации // Мир спорта. 2005. № 1. С. 68 – 71. С. 71.

3. Гитт В. Избавляемся от сутулости // Физкультура и спорт. 2008. № 5. С. 20.

4. Козупица Л.С. Методические рекомендации. Директора «Центра медицины и валеологии «ЛИТТЛ» Центр здорового позвоночника. Самара, 2011. С. 19 – 21.

5. Коррекция нарушений опорно-двигательного аппарата при самостоятельных занятиях физической культуры: метод. рекомендации по дисциплине «Физ. культура» для студентов всех специальностей / Белорус. гос. техн. ун-т, каф. физ. воспитания и спорта; сост. Н.И. Волков, И.В. Якимец. Минск, 2010. 60 с.

6. Ледовская Т.В. Представления о ценностях и смыслах профессии "учитель" на разных уровнях педагогического образования // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 1 (38).

References

1. Antipova V.G., Shamsutdinov Sh.A. Lechebnaja fizkul'tura kak sredstvo korrekcii skolioza. NovaInfo. 2017. № 61. S. 374 – 377. URL: <https://novainfo.ru/article/11790>

2. Vanda A.S. Osobennosti metodiki formirovanija i korrekcii osanki u studentok, imejushih skolioz: voprosy reabilitacii. Mir sporta. 2005. № 1. S. 68 – 71. S. 71.

3. Gitt V. Izbavljajemsja ot sutulosti. Fizkul'tura i sport. 2008. № 5. S. 20.

4. Kozupica L.S. Metodicheskie rekomendacii. Direktora «Centra mediciny i valeologii «LITTL» Centr zdorovogo pozvonochnika. Samara, 2011. S. 19 – 21.

5. Korrekcija narushenij oporno-dvigatel'nogo aparata pri samostojatel'nyh zanjatijah fizicheskoj kul'tury: metod. rekomendacii po discipline «Fiz. kul'tura» dlja studentov vseh special'nostej. Belorus. gos. tehn. un-t, kaf. fiz. vospitanija i sporta; sost. N.I. Volkov, I.V. Jakimec. Minsk, 2010. 60 s.

6. Ledovskaja T.V. Predstavlenija o cennostjah i smyslah professii "uchitel'" na raznyh urovnjah pedagogicheskogo obrazovanija. Vestnik Mininskogo universiteta. 2022. T. 10. № 1 (38).

**THERAPEUTIC PHYSICAL EDUCATION WITH THE USE OF
EXERCISES WITH TENNIS BALL AS A MEANS OF
CORRECTION OF POSTURE AND SCOLIOSIS**

*Popenova A.A.,
Sedov I.A., Senior Lecturer,
Krasilnikova Yu.S., Senior Lecturer,
Antonova V.V.,*

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin

Abstract: in the article, the authors consider therapeutic exercises that help students with postural disorders and scoliosis. According to statistics, a significant number of students, who in most cases are in a sitting position in front of computers or textbooks, have various posture disorders, which are the main cause of a number of diseases. Such disorders, in addition to a significant cosmetic defect, are often accompanied by disorders in the activity of internal organs: a decrease in the excursion of the chest and diaphragm, a decrease in lung capacity compared to the physiological norm, and a decrease in intrathoracic pressure fluctuations. All these changes adversely affect the function of the cardiovascular and respiratory systems, leading to a decrease in their physiological reserves, disrupting the adaptive capabilities of the body. Also, these disorders are the most common diseases of the musculoskeletal system of students, and are among the complex and urgent problems of medicine and, in particular, physical therapy, so the purpose of the article is to help students with this disease and develop a set of exercises for effective posture correction using tennis ball and warm-up. The main task set by the authors is to analyze the scientific and methodological literature on the use of physiotherapy exercises for scoliosis with consideration of the effectiveness of these exercises in students. Based on the tasks set, such research methods were used as: analysis, systematization of the received scientific information in the form of recommendations, an individual active approach, as well as basic theoretical methods (induction, deduction, synthesis). The result of the scientific article is a developed set of exercises, consisting of five sessions for daily training at home for students using tennis balls, stretching and breathing exercises.

Keywords: sports, therapeutic physical education, students of various universities, posture correction, a set of exercises using tennis balls, large muscles of the body, scoliosis

АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ ОЗДОРОВЛЕНИЯ

*Медведев Д.В., кандидат биологических наук,
Бочаров А.В., кандидат медицинских наук, доцент,
Скляр В.М., кандидат педагогических наук,
Волгоградская государственная академия физической культуры*

Аннотация: основополагающим концептом интеграции адаптивной физической культуры в жизнь лиц с ограниченными возможностями здоровья является оздоровительный потенциал. При этом система оздоровления должна не просто стимулировать позитивные морфофункциональные сдвиги в организме, но и действовать положительно на психоэмоциональное состояние человека. В настоящее время актуальность изучения корреляции физической культуры, а также её терапевтического и психоэмоционального аспектов, повышается. А именно, в то время как патологии здоровья, часто провоцирующие малоподвижный образ жизни, не только действуют негативно на двигательную координацию и физические качества, но и угнетают иммунитет и психоэмоциональное состояние, физические нагрузки являются эффективным способом повышения стрессоустойчивости, борьбы с тревожностью и укрепления иммунной системы.

Физическая культура также способствует адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья в обществе, являясь методом повышения социальной активности. Данный феномен помогает сделать жизнь полноценной и преодолеть многие психологические барьеры. Как следствие, оздоровление психики и гармонизация эмоционального состояния, происходящие благодаря регулярной физической активности, эффективно содействуют улучшению работоспособности мозга и, как следствие, здоровья человека, имеющего патологии физического или психического плана.

Ключевые слова: физическая культура, адаптивная физическая культура, оздоровление, психология, ограниченные возможности здоровья

Адаптивная физическая культура (АФК) направлена на реабилитацию, восстановление и поддержание здоровья лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), их социальную адаптацию и преодоление психологических барьеров, препятствующих ведению нормального образа жизни в обществе [15, р. 78-79]. В противном случае, такие состояния, как мышечная дистрофия и детский церебральный паралич, часто снижают способность человека с ОВЗ принимать участие в необходимых упражнениях, выполнять определённые движения или принимать участие в спортивных мероприятиях, которые характерны для лиц без патологий [9]. Вместо того чтобы исключать возможность лиц с особыми потребностями заниматься спортом, государство предлагает программы адаптивной физической культуры,

что закреплено в России в Федеральном законе от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», статье 31 [7].

Адаптивная физическая культура, как базовый концепт оздоровления, включает в себя такие основные традиционные средства физической культуры, как физические упражнения, принципы движений, природные факторы, массаж, трудотерапия, механотерапия (реабилитация с использованием различных технических устройств и специальных тренажёров) [13]. На рис. 1 – процентное соотношение лиц с ОВЗ, занимающихся адаптивным видом спорта:

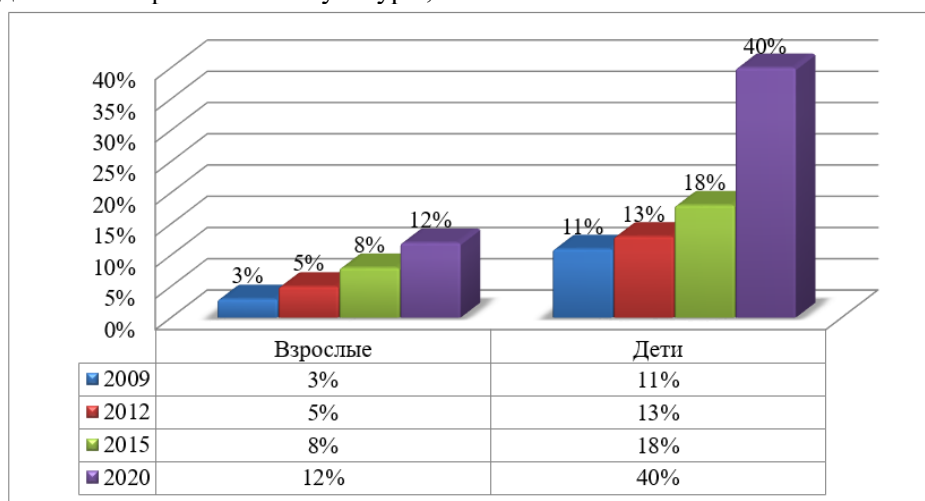

Рис. 1. Число инвалидов, занимающихся физкультурой и спортом [6]

Таким образом, в развитии адаптивной физической культуры наблюдается положительная динамика (см. рис. 2).

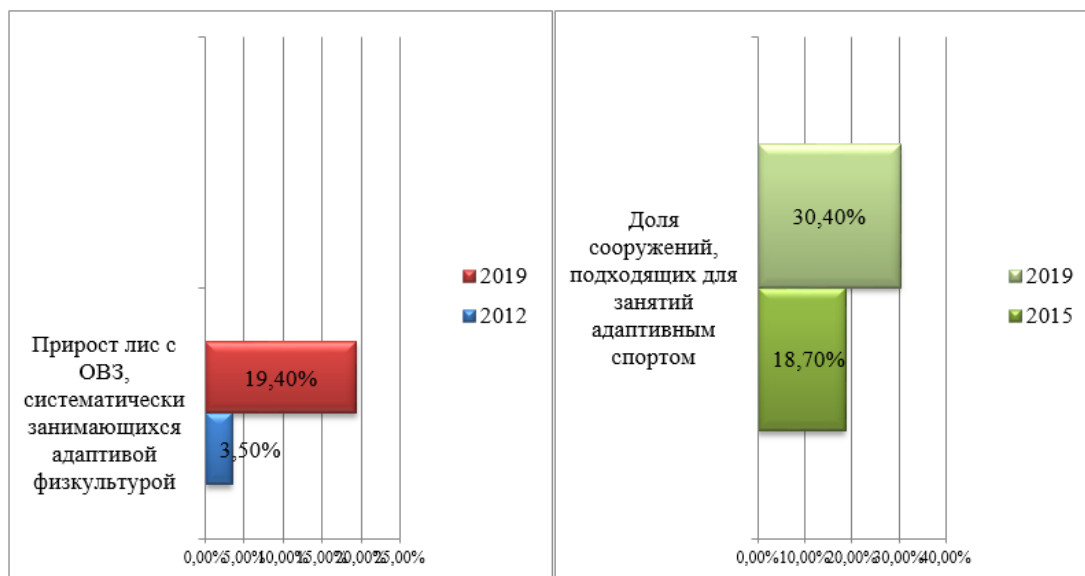

Рис. 2. Среднегодовой темп роста числа лиц с ОВЗ, занимающихся спортом, и соответствующих спортивных сооружений [1]

Физическая активность во многом опосредована стремлением к физическому самосовершенствованию, вследствие чего, помимо тренировки силы, скорости, выносливости, ловкости и гибкости, ключевой целью любой физической культуры является позитивная самоидентификация [12]. При этом процесс самоидентификации не должен идти в разрез с мотивационным потенциалом, который является ключом к успеху в физической культуре. Соответственно, данных два фактора взаимосвязаны: мотивация к оздоровлению способствует занятиям физической культурой, физическая культура, в свою очередь, способствует само-

совершенствованию, благодаря чему человек позитивно самоидентифицируется. Положительный настрой, детерминированный физической активностью, оздоравливает человека с ограниченными возможностями здоровья психологически, а спорт – физически.

Автором проведено анкетирование, согласно которому определено процентное соотношение лиц с ОВЗ, которые занимаются адаптивной физической культурой, и которые не занимаются каким-либо видом спорта. Анкетирование проводилось среди лиц с 18-ти до 35-ти лет.

Таблица 1

Число лиц с ОВЗ, занимающихся адаптивной физической культурой, отметивших положительную эмоциональную динамику (n=88)

	Лица с ОВЗ, занимающиеся спортом	Лица с ОВЗ, НЕ занимающиеся спортом
Самочувствие	85,2%	61,3%
Активность	78,4%	69,3%
Настроение	100%	80,6%

Ключевым симптомом плохой активности серотонина является отсутствие энтузиазма в отношении вещей, которыми человек когда-то наслаждался (например, любимая еда, хобби и/или отношения). Более высокие, чем необходимо, уровни серотонина коррелируют с социальной тревогой и расстройством аутистического спектра. Основными симптомами низкого уровня дофамина являются: отсутствие мотивации, безнадежность и общая апатия [11]. Соответственно, чтобы поднять уровень дофамина и серотонина, необходимо вклю-

читься в занятия адаптивной физической культурой.

Согласно результатам исследования о биоэлектрической активности головного мозга, проведённые А.Д.О. Лопсан и Л.К.С. Будукоол (2017), физическая культура повышает стрессоустойчивость и снижает уровень тревожности. Лица «с высокой двигательной активностью менее тревожны, что связано со спецификой их спортивной деятельности, сопровождающейся высокоэмоциональным напряжением, приводящей к лучшей адаптации к стрессорным воздействиям» [4, с. 85]. В процессе

повышения уровня физической активности, – отмечают А.А. Простяков, А.М. Спиринов, Е.Ю. Козенко (2020), – в головном мозге вырабатываются такие биологически активные химические вещества, как: норэпинефрин (гормон концентрации внимания), а также нейротрансмиттеры дофамин (гормон удовольствия) и серотонин (гормон радости). Помимо этого, происходит усиление нейронных связей [5, с. 19]. Как следствие, человек, получая удовлетворение от спорта, готов вновь и вновь приступать к занятиям, что свидетельствует о высоком мотивационном потенциале физической культуры.

Итак, исправление дефицита или дисфункции нейротрансмиттеров серотонина и дофамина является ключом к лечению депрессии. Серотонин помогает регулировать настроение, сон, память, аппетит и социальное поведение. Взаимокорреляция психоэмоционального удовлетворения и серотонина, норадреналина, дофамина в организме стимулирует оздоровление организма в целом. А именно, позитивное эмоциональное состояние способствует понижению кортизола (гормона стресса: «кортизол, выделяющийся при стрессе, непосредственно снижает активность иммунной системы» [8, с. 145]), избыток которого провоцирует проблемы с сердцем, ожирение, повышение

кровенного давления и снижение иммунитета, тогда как выработка данных биологически активных веществ укрепляет здоровье.

Деструктуризация психоэмоционального состояния может быть спровоцирована рядом факторов, основным из которых является постоянная изоляция от общества. Полученные результаты многолетних наблюдений С. Адырхаиева и Л. Адырхаиевой (*S. Adyrkhaiev & L. Adyrkhaieva*, 2018) свидетельствуют о том, что многообразие медицинских состояний, сопутствующие нарушения и отсутствие мотивации к двигательной активности требуют персонализированного подхода к человеку с ограниченными возможностями здоровья и выбора индивидуального пути его физического развития. Результаты исследований учёных свидетельствуют также об успешной интеграции студентов с ограниченными возможностями здоровья, которые занимались адаптивной физической культурой, в студенческую среду, где они стали чувствовать себя комфортнее и увереннее, чем в одиночестве [10, р. 96]. Благодаря благополучной адаптации, студенты с ограниченными возможностями здоровья в последующем стремились продолжать заниматься спортом, что в целом стало отражаться положительно на их здоровье.

Таблица 2

Мониторинг социальной адаптации лиц с ОВЗ (n=88)

	Лица с ОВЗ, занимающиеся спортом	Лица с ОВЗ, НЕ занимающиеся спортом
Высокий	81,8%	57,9%
Средний	11,3%	32,9%
Низкий	6,9%	9%

Согласно анкетным данным, лица с ОВЗ, регулярно занимающиеся спортом, гораздо более социально адаптированы, в отличие от лиц с ОВЗ, кто свою жизнь еще не связал с тем или иным спортом.

Исходя из исследований Л.К. Бусловской, В.К. Климовой, А.Ю. Ковтуненко, Ю.П. Рыжковой (2021), стимуляция двигательной активности способствует повышению соматического здоровья лиц с ограниченными возможностями здоровья, увеличению адаптационных возможностей здоровья и снижению утомляемости, а также гармонизации психоэмоционального состояния [5, с. 20].

Как подчёркивают в своём научном труде В.А. Нижельский, Т.Н. Зайцева и М.Ю. Герасименко (2021), включение в курс медицинской реабилитации больных с различной патологией направления эрготерапии, основанного на анализе и оценке выраженности движения, способствовало комплексному восстановлению связи сознания и движения, коррекции психосоматических отклонений, рас-

ширению двигательных паттернов, улучшению самочувствия и контроля движений [14].

Данный вывод детерминирован тем фактом, что экспрессивные движения влияют на глубокие психологические функции: воображение, творческое мышление, эмоциональный контроль и др. Соответственно, экспрессивные движения, являясь локусом физической культуры, способствуют «высокой функциональной активности головного мозга и высокой интенсивности энергетического метаболизма» [4, с. 90]. Как следствие, это ведёт к позитивным высокоэмоциональным напряжениям, что благоприятствует лучшей адаптации к стрессогенным воздействиям, и, соответственно, оздоровлению организма человека.

При описании принципов оздоровления лиц с ОВЗ следует подчеркнуть важность адаптивной физической рекреации. Согласно концепции В.П. Зайцева, физическую рекреацию следует интерпретировать как «альтернативу» активного и пассивного отдыха. При этом данный феномен ис-

ключает спортивную, научную или учебную деятельности, а сосредоточен, прежде всего, на действиях, сконцентрированных на развитии, восстановлении, укреплении и сохранении здоровья лиц с ОВЗ, а также гедонизме – принципе, базовым концептом которого является удовольствие и удовлетворение от физической рекреации, «но с использованием средств физической культуры, а также ее форм и методов обучения» [13, р. 13; 3, с. 13]. Дофамин, как химическое вещество вознаграждения, побуждает человека искать гедонистический вид счастья или удовольствия [11].

Выводы

Адаптивная физическая культура способствует укреплению здоровья как физического, так и психологического. При этом все три фактора (физическая культура, психологическое и физическое здоровье) взаимокоррелятивны. Данный аспект обусловлен тем, в процессе занятий спортом вырабатываются серотонин, дофамин и норепинефрин – гормоны, способствующие позитивному настроению и становлению хорошего психического здоровья. В свою очередь, хорошее настроение и психическое благополучие способствуют тому, что человек вновь и вновь хочет возвращаться к занятиям спортом с целью получить от данных занятий еще удовольствие. При этом в адаптивной физической культуре на начальных и последующих этапах могут возникать проблемы с мотивацией к занятиям спортом. Между тем, когда человек преодолевает этот барьер, физическая активность вновь действует на него благотворно, вследствие чего он уже не хочет умалять значение спорта в своей жизни и стремится к физической активности, что в целом влечёт за собой физическое и психическое оздоровление – данные факторы действуют положительно на иммунную систему.

Литература

1. Адаптивный спорт. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р.
2. Бусловская Л.К., Климова В.К., Ковтуненко А.Ю., Рыжкова Ю.П. Влияние двигательных режимов программы «Игра на здоровье» на физическое развитие, соматическое здоровье, работоспособность и психоэмоциональный статус дошкольников с нарушениями зрения // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. С. 67.
3. Зайцев В.П., Манучарян С.В., Прусик К.Я., Прусик Е.К., Цеслицкая М.З., Шарк-Ецкардт М.К. Методология физической рекреации: взгляд на проблемы, опыт, рекомендации // Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports. 2013. № 4. С. 13 – 20.

4. Лопсан А.Д.О., Будукоол Л.К.С. Особенности биоэлектрической активности головного мозга юношей с различной двигательной активностью в зависимости от уровня тревожности // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 3. С. 85 – 92.

5. Простяков А.А., Спиринов А.М., Козенко Е.Ю. Влияние регулярных занятий спортом на работу мозга // Интерактивная наука. 2020. № 1 (47). С. 19 – 21.

6. Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016-2020 годы». Посл. ред. 10.02.2020 г.

7. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

8. Юнусова С.Г., Розенталь А.Н., Балтина Т.В. Стресс. Биологический и психологический аспекты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2008. № 3. С. 139 – 150.

9. Adaptive Physical Education: Modifications for Children with Physical Disabilities. 09.19.2009. URL: <https://www.brighthubeducation.com/special-ed-physical-disabilities/49396-adaptive-physical-education-modifications-for-children/#references> (Date: 27.03.2022)

10. Adyrkhaiev S., Adyrkhaieva L. The Influence of Adaptive Physical Education on Physical Health and Fitness of Students with Disabilities // Social Welfare Interdisciplinary Approach. 2018. № 2 (7). P. 96. DOI:10.21277/sw.v2i7.322

11. Alban P., DC. Alban D. (2021) Serotonin VS Dopamine and Their Roles in Depression. Be Brain Fit. November 22, 2021. URL: <https://bebrainfit.com/serotonin-dopamine> (Date: 27.03.2022)

12. Konova L.A. (3000) Physical improvement and its impact on the health of students. Pedagogics Psychology Medical-biological Problems of Physical Training and Sports 5. DOI:10.6084/m9.figshare.707096

13. Mirosława C., Szark-Eckardt M. (2013) Methodology of physical recreation: problems, experience, recommendations. Pedagogics Psychology Medical-biological Problems of Physical Training and Sports 4. DOI:10.6084/m9.figshare.693024

14. Nizhelskoy V.A. Zaytseva T.N., M.Yu., Gerasimenko (2021) Psychoemotional motivation of motor act development (pilot study). DOI:10.17816/1681-3456-2021-20-2-1

15. Shumikhina I.I., Dyuzheva E.V., Burt A.A., Sandalov I.Yu. The influence of adaptive physical culture on vegetative regulation among disabled students // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2020. № 4 (eng). P. 78 – 82.

References

1. Adaptivnyj sport. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 24.11.2020 № 3081-r.
2. Buslovskaja L.K., Klimova V.K., Kovtunenکو A.Ju., Ryzhkova Ju.P. Vlijanie dvigatel'nyh rezhimov programmy «Igra na zdorov'e» na fizicheskoe razvitie, somaticheskoe zdorov'e, rabotosposobnost' i psihohemotional'nyj status doskol'nikov s narushenijami zrenija. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2021. № 6. S. 67.
3. Zajcev V.P., Manucharjan S.V., Prusik K.Ja., Prusik E.K., Ceslickaja M.Z., Shark-Eckardt M.K. Metodologija fizicheskoj rekreacii: vzgljad na problemy, opyt, rekomendacii. *Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports*. 2013. № 4. S. 13 – 20.
4. Lopsan A.D.O., Budukool L.K.S. Osobennosti bioelektricheskoy aktivnosti golovnoego mozga junoshej s razlichnoj dvigatel'noj aktivnost'ju v zavisimosti ot urovnja trevozhnosti. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*. 2017. № 3. S. 85 – 92.
5. Prostjakov A.A., Spirin A.M., Kozenko E.Ju. Vlijanie reguljarnyh zanjatij sportom na rabotu mozga. *Interaktivnaja nauka*. 2020. № 1 (47). S. 19 – 21.
6. Federal'naja celevaja programma «Razvitie fizicheskoj kul'tury i sporta v Rossijskoj Federacii na 2016-2020 gody». Posl. red. 10.02.2020 g.
7. Federal'nyj zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ (red. ot 06.03.2022) «O fizicheskoj kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii».
8. Junusova S.G., Rozental' A.N., Baltina T.V. Stress. *Biologicheskij i psihologicheskij aspekty*. Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2008. № 3. S. 139 – 150.
9. Adaptive Physical Education: Modifications for Children with Physical Disabilities. 09.19.2009. URL: <https://www.brighthubeducation.com/special-ed-physical-disabilities/49396-adaptive-physical-education-modifications-for-children/#references> (Date: 27.03.2022)
10. Adyrkhaiev S., Adyrkhaieva L. The Influence of Adaptive Physical Education on Physical Health and Fitness of Students with Disabilities. *Social Welfare Interdisciplinary Approach*. 2018. № 2 (7). P. 96. DOI:10.21277/sw.v2i7.322
11. Alban P., DC. Alban D. (2021) Serotonin VS Dopamine and Their Roles in Depression. *Be Brain Fit*. November 22, 2021. URL: <https://bebrainfit.com/serotonin-dopamine> (Date: 27.03.2022)
12. Konova L.A. (3000) Physical improvement and its impact on the health of students. *Pedagogics Psychology Medical-biological Problems of Physical Training and Sports* 5. DOI:10.6084/m9.figshare.707096
13. Mirosława S., Szark-Eckardt M. (2013) Methodology of physical recreation: problems, experience, recommendations. *Pedagogics Psychology Medical-biological Problems of Physical Training and Sports* 4. DOI:10.6084/m9.figshare.693024
14. Nizhelskoy V.A. Zaytseva T.N., M.Yu., Gerasimenko (2021) Psychoemotional motivation of motor act development (pilot study). DOI:10.17816/1681-3456-2021-20-2-1
15. Shumikhina I.I., Dyuzheva E.V., Burt A.A., Sandalov I.Yu. The influence of adaptive physical culture on vegetative regulation among disabled students. *Pedagogiko-psihologicheskie i medikobologicheskie problemy fizicheskoj kul'tury i sporta*. 2020. № 4 (eng). R. 78 – 82.

ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION AS A BASIC CONCEPT OF HEALTH IMPROVEMENT

*Medvedev D.V., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.),
Bocharov A.V., Candidate of Medical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sklyarov V.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Volgograd State Physical Education Academy*

Abstract: the fundamental concept of integrating adaptive physical education into the lives of people with disabilities is the wellness potential. At the same time, the health improvement system should not only stimulate positive morphofunctional shifts in the body, but also act positively on the psycho-emotional state of a person. Currently, the relevance of studying the correlation of physical education, as well as its therapeutic and psycho-emotional aspects, is increasing. Namely, while health pathologies, which often provoke a sedentary lifestyle, not only have a negative effect on motor coordination and physical qualities, but also depress the immune system and psycho-emotional state, physical activity is an effective way to increase stress resistance, combat anxiety and strengthen the immune system.

Physical education also contributes to the adaptation of persons with disabilities in society, being a method of increasing social activity. This phenomenon helps to make life fulfilling and overcome many psychological barriers. As a consequence, mental health improvement and harmonization of the emotional state, which occur due to regular physical activity, effectively contribute to improving brain performance and, as a consequence, the health of a person with physical or mental pathologies.

Keywords: physical education, adaptive physical education, health improvement, psychology, limited health opportunities